ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА
СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ

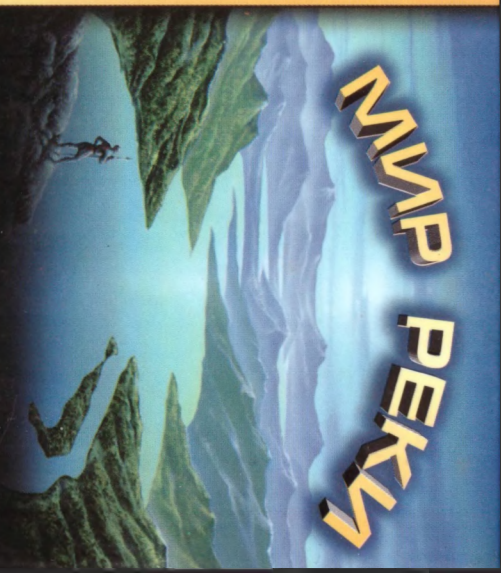
ФИЛИП ФАРМЕР

ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА
СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ФИЛИП ФАРМЕР

МИР РЕКИ



ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

PHILIP JOSE

FARMER

TO YOUR SCATTERED BODIES GO

THE FABULOUS RIVERBOAT

ФИЛИП

ФАРМЕР

ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА

СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ

АСТ
Издательство Северо-Запад Пресс
Москва Санкт-Петербург
2001

ББК 84 (7США)
Ф24

Серия основана в 1999 году

Philip Jose Farmer
TO YOUR SCATTERED BODIES GO
1971
THE FABULOUS RIVERBOAT
1971

Перевод с английского М. Нахмансона

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинкин

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Ralph M.Vicinanza Ltd.
c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 02.07.01. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 15 000 экз. Заказ № 3935.

Фармер Ф.

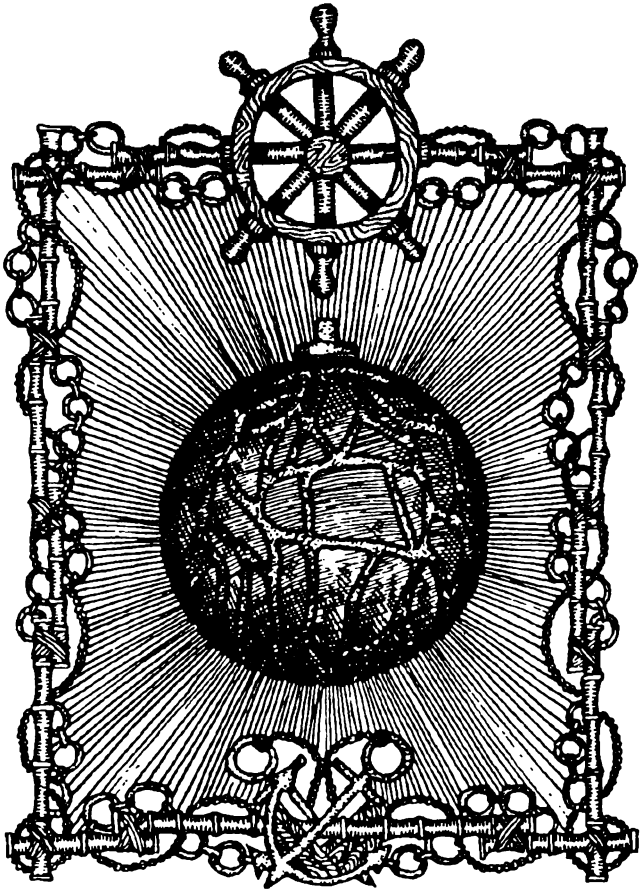
Ф24 Восстаньте из праха. Сказочный корабль: Романы / Ф. Фармер; Пер. с англ. М. Нахмансона; Худож. М. Калинкин. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2001. — 614, [10] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-008650-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-060-3 («Северо-Запад Пресс»)

Добро пожаловать в Мир Реки!
В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю приключенческой научной фантастики!
Добро пожаловать в Мир Реки!
В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера! В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором возрождаются ВСЕ люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки...

ББК 84 (7 США)

© Ph.J. Farmer, 1971
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2001
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2001



ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Супруга обхватила руками немощное тело Бартона, как будто ее объятия могли спасти его от смерти. Хриплый возглас слетел с его пересохших губ.

— Бог мой,— простонал он,— я умираю!

Дверь комнаты внезапно отворилась. Там, снаружи он увидел гигантского черного верблюда; колокольчики на его сбруе бренчали под порывами пыльного, жаркого ветра пустыни. В проеме двери появилась фигура чернокожего евнуха, голову которого венчал огромный черный тюрбан. Евнух шагнул в комнату; он надвигался как темная мрачная туча, сжимая в руке сверкающий ятаган. Смерть. Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний пришла за ним.

Бартон проваливался в пустоту, во тьму. Его сердце остановилось, но он не ощутил этого. Великое небытие распростерло над ним свои крылья.

Неожиданно глаза его раскрылись. Сердце робко сжалось — раз, другой — и забилось ровно и мощно. Сила, могучая сила, вливалась в его тело; исчезли мучительные боли в суставах ног, в печени, в груди. Его окружала вселенская тишина, и он слышал, как кровь пульсирует в висках. Неужели он одинок в мире безмолвия, наполненном ярким светом? Нет. Что-то плыло невдалеке, но он никак не мог идентифицировать непонятные предметы.

Где он находится? Что с ним? Он пошевелил ногами, попытался сесть, но тут же замер от страха; под ним не было ничего, он висел в пустоте. Попытка сесть привела к тому, что положение его тела несколько из-

менилось — как будто он шевелился в бассейне, наполненном густой жидкостью. Он заметил в полутора футах от пальцев своей вытянутой руки металлический блестящий стержень с красноватым отливом. Стержень шел сверху вниз: он свисал из бесконечности и опускался в бездну. Бартон попытался ухватиться за ближайший материальный предмет, но рука натолкнулась на преграду — стержень окружало невидимое силовое поле.

Судорожно дернув ногами и изогнувшись, он сумел приблизиться к стержню на расстояние четверти фута. Еще раз согнув и резко распрямив ноги, он отвоевал еще один дюйм, но сопротивление загадочного поля остановило его. Хуже того — внезапно тело начало поворачиваться вокруг продольной оси. В растерянности он замахал, заколотил руками по воздуху, хватаясь за пустоту, но остановить вращения не смог.

Его развернуло вниз лицом. Но откуда ему знать, что это направление следовало считать низом; с равным успехом оно могло оказаться именно верхом. Но, как бы то ни было, теперь ему открылась часть пространства, противоположная той, которую он обозревал сразу после пробуждения. Впрочем, он не заметил существенной разницы; верх и низ выглядели абсолютно одинаково.

А он висел в пространстве, окруженный невидимой силовой оболочкой, неощутимо поддерживающей тело. В шести футах под ним висело обнаженное женское тело, полностью лишенное волос, и с очень бледной кожей. Казалось, женщина спит. Глаза ее были закрыты, грудь вздымалась от неторопливого дыхания; ноги вытянуты и сведены вместе, а руки прижаты к туловищу. Она медленно вращалась, как ощипанный цыпленок на вертеле. Очевидно, она находилась во власти той же силы, которая вращала и тело Бартона.

Он медленно повернул голову и увидел множество других тел — мужских, женских, детских. Безмолвные ряды вращающихся тел, нагих и полностью лишенных

волос, окружали его со всех сторон. Прямо над ним висело тело негра.

Приподняв голову, он осмотрел собственное тело, как оказалось, такое же нагое и лишенное волос. Гладкая молодая кожа обтягивала упругие мышцы живота и рельефные, сильные икры ног; дряхлые синие вены и многочисленные шрамы исчезли. Это тело принадлежало юноше, а не больной развалине, мгновение назад испустившей последний вздох.

Внезапно он понял, что вокруг не видно тел стариков и старух. Люди, окружавшие Бартона безмолвными шеренгами, были молоды. Он затруднился бы определить их возраст точнее, так как непривычная нагота безволосых тел придавала им одновременно и взрослости, и молодости. И все же он готов был поклясться, что любому из них не более двадцати пяти.

Некогда он похвалялся, что ему неведомо чувство страха. Но сейчас панический ужас тисками сжал ему горло, темной пеленой застлал сознание, по капле выдавливая из тела вновь обретенную жизнь.

Мысль, что он все еще существует, ошеломила его. Потом необычность ситуации несколько затормозила его чувства; казалось, что толстое полупрозрачное стекло отделило его от фантастического окружения. Через несколько мгновений в голове у него что-то щелкнуло и экранирующее стекло исчезло. Мир обрел четкие контуры и формы; он легко мог наблюдать и осознавать их, но не объяснить. Над ним, под ним, со всех сторон — везде, насколько хватало глаз, висели нагие тела. Они располагались вертикальными слоями, которые разделялись решетками из красных стержней, тонких, как прутики. Один стержень шел на расстоянии фута от ног спящих, другой — на таком же расстоянии от их голов. Между телами расстояние составляло шесть футов в любом из направлений — вверх, вниз, вправо, влево.

Стержни тянулись из простиравшейся внизу пропасти и уходили наверх, в бесконечность. Серый ту-

ман, в котором растворялись стержни, как и ряды тел, не имел ничего общего с небом или с землей. Тусклое, унылое пространство тянулось вдаль, заполненное телами, помещенными в узлы гигантской кристаллической решетки.

Бартон огляделся. Невдалеке от него плавало тело смуглого мужчины, напоминавшего итальянца. С другой стороны — женщина, по-видимому — индианка; за ней — молодой человек с нордическими чертами лица. Что-то показалось Бартону странным. После третьего оборота ему удалось рассмотреть правую руку юноши, ярко-красную от локтя и до кончика пальцев, по-видимому, лишенную кожи. Затем он обратил внимание на мужчину, на лице которого отсутствовала не только кожа, но и мышцы. Присмотревшись, он заметил и другие тела с недостающими органами, а вдали неторопливо вращался скелет — Бартон не разглядел мышц, только свернутые в клубки внутренности.

Он продолжал озираться, пока тело его медленно вращалось. Страх волнами захлестывал его сознание. Внезапно он понял, что находится внутри таинственного колоссального сооружения и что металлические стержни излучают невидимое поле, поддерживающее в пространстве миллионы — если не миллиарды — человеческих существ. В огромной усыпальнице бодрствовал только он.

Где находится это место?

Разумеется, не в Триесте 1890 года, входившем в состав Австро-Венгерской империи. Но, с другой стороны, то, что его окружает, совершенно непохоже на любую известную ему версию загробной жизни — хотя в этом вопросе он всегда считал себя знатоком.

Итак, он умер, но ожил снова. Доктрины всех религий, которые он изучал, допускали загробное существование, но подобная идея вызывала у него только усмешку. Теперь же, очнувшись, он не мог отрицать, что эта идея наполнена смыслом. На его счастье рядом нет

никого, кто мог бы сказать ему с усмешкой: «Ну что, проклятый нечестивец, убедился?»

Он прикинул, что один оборот совершает секунд за десять, это давало возможность подробно рассмотреть близвисящих соседей. И тут в поле его зрения попало нечто, от чего он едва не задохнулся. В пятом ряду находилось тело, которое лишь на первый взгляд казалось человеческим, потому что ни один представитель расы хомо сапиенс не имеет четырех пальцев на руках и ногах! Как не имеют люди кожистых носов, похожих на собачьи, тонких черных губ и ушных раковин странной формы!

И все же страх постепенно отступал. Хотя он еще не обрел привычного состояния спокойной уверенности, удушье прошло, сердце забилось ровнее, сознание прояснилось. Бартон должен найти кого-нибудь, кто сможет объяснить, куда он попал. И зачем. Но сначала он должен решить, каким образом выбраться из данного состояния — ведь сейчас он беспомощен, как кабан, насаженный на вертел. Одновременно с решимостью к нему вернулось желание действовать.

Он согнул колени и затем резко выпрямил ноги; движение продвинуло его вперед на дюйм-полтора. Он снова с силой оттолкнулся ногами, заметив, что преодолевает сопротивление невидимой силы. Но стоило остановиться, как что-то медленно, но уверенно, отодвинуло его обратно в первоначальное положение.

Он начал с яростью работать руками и ногами — подобно пловцу, борющемуся с сильным встречным течением. Ему вновь удалось немного продвинуться, но, чем ближе к стержню он оказывался, тем сильнее становилось противодействие выталкивающего поля, в котором он застревал и барахтался как муха в паутине. Но он не собирался сдаваться. Если уступить, то снова окажешься в исходной точке, уставший и обессиленный. Он не привык отступать, он будет бороться, пока его тело сохраняет хоть каплю энергии.

Бартон тяжело дышал, его конечности с трудом преодолевали сопротивление вязкой среды, на теле выступил пот. Но он все же продвигался вперед! И, наконец, пальцами левой руки он дотянулся до стержня, теплого и твердого на ощупь.

Внезапно вернулось ощущение веса; Бартон понял, где действительно находится низ, и в то же мгновение начал падать. Прикосновение к стержню подействовало, как волшебное заклятие. Удерживавший силовой кокон исчез, и его тело полетело вниз. Инстинктивно пытаясь задержать падение, он ухватился левой рукой за стержень. Его движение замедлилось; теперь он скользил вдоль стержня, ощущая ладонью усиливающийся жар от трения. Когда боль стала нестерпимой, он ухватился за стержень другой рукой, пытаясь замедлить падение.

Перед ним, по другую сторону стержня, начали падать тела. Они плавно двигались вниз, продолжая вращаться, сохраняя свое положение и интервалы между соседями. Один из слоев гигантской кристаллической решетки заскользил куда-то вниз, в бездну.

Затылок Бартона, лишенный волос, ощутил слабое дуновение. Он оглянулся — слой позади него тоже пришел в движение. Одно за другим, вытянувшись, но не прекращая вращаться, тела проносились мимо в нескольких дюймах от него. Он плотнее прижался к стержню, испугавшись, что падающие тела собьют его с ненадежной опоры и увлекут следом — вниз, в пропасть.

Сначала он просто разглядывал бесконечную череду проносящихся мимо людей, затем начал считать их. Он всегда любил точные цифры. Однако его терпение иссякло, когда он досчитал до трех тысяч. Он висел на шесте и тупо взирал на водопад плоти. Куда, в какую невообразимую глубину несутся тела? Сколько их? Что с ними станет? Прикоснувшись к стержню, он невольно послужил виновником их бесконечного падения, каким-то образом выключив генерируемое силовое поле.

Он не мог ползти вверх по гладкому стержню, но мог запросто скользить вниз. Он начал осторожно двигаться вдоль стержня, разглядывая пространство под собой, тонувшее в серой мгле. Когда он поднял голову и посмотрел вверх, то мгновенно позабыл о водопаде тел, со свистом проносящихся мимо.

Узкий предмет, отливающий яркой зеленью, опускался между слоем падающих тел и тех, что оставались неподвижными. Предмет напомнил Бартону вытянутое индейское каноэ, и его движение сопровождалось слабым гулом; Бартон не заметил никаких устройств, способных удерживать предмет в воздухе. Абсолютно никаких, отметил Бартон, вспомнив волшебный ковер-самолет из сказок 1001 ночи.

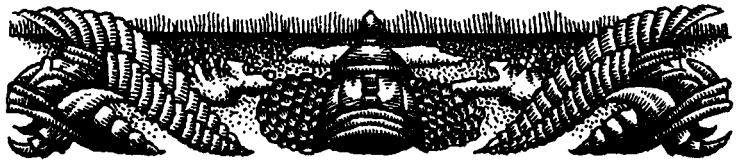
Из-за края воздушного аппарата высунулось лицо. Зеленое каноэ замерло, и гудение прекратилось. Рядом с первым лицом возникло еще одно. Бартон заметил, что у людей длинные темные волосы и смуглая кожа. Когда лица исчезли, снова раздался гул невидимого двигателя, и предмет медленно двинулся к нему. Их разделяло всего футов пять, когда каноэ остановилось: на его носу имелось небольшое изображение раскручивающейся белой спирали. Один из людей в странном экипаже произнес загадочную фразу. Незнакомые гортанные слова со множеством гласных звуков напоминали полинезийские наречия.

Внезапно невидимый силовой кокон сомкнулся вокруг Бартона. Падающие тела стали двигаться все медленнее и вскоре застыли в полной неподвижности. Бартон почувствовал, как неодолимая сила потянула его наверх. Он с отчаянием цеплялся за стержень руками; его ноги поплыли вверх, за ними последовало тело, затем разжались пальцы. Бартон почувствовал, что контакт с окружающим миром слабеет — полупрозрачное стекло накрывало и затягивало его сознание. Он проплыл мимо каноэ и замер над ним. Лежа на животе, он смотрел вниз на сидящих в воздушном экипаже людей. Они были едва одеты, с темной кожей, как у йеменских

арабов, но с европейскими чертами красивых смуглых лиц.

Один из них поднял руку, в которой блеснул небольшой металлический стержень размером с карандаш. Бартон решил, что это — какое-то оружие; внезапно нахлынувшая ненависть к смуглому незнакомцу заставила его взреветь от ярости. Ощущая свое бессилие, он судорожно замахал руками, пытаясь приблизиться к каноэ. Его перекошенный рот захлебывался от крика.

— Убью! — ревел он.— Убью! Убью! Убью!..— вновь окунаясь в забвение.



ГЛАВА ВТОРАЯ

Он лежал на траве у воды под сенью плакучих ив, а над ним возвышался Бог. В широко раскрытых глазах человека застыло беспомощное недоумение новорожденного младенца. Бог тыкал ему под ребра концом металлического прута. Бог казался человеком среднего возраста, высоким, с длинной черной раздвоенной бородой, одетым как джентльмен времен правления королевы Виктории.

— Ты опоздал,— произнес Бог...— Опоздал с оплатой своего долга. Ты понял?

— Какого долга? — с удивлением спросил человек, проверяя пальцами ребра, дабы удостовериться, что они целы.

— Что? Ты не знаешь о своем долге? — рассмеялся Бог.— Ты обязан мне плотью, Ричард Френсис Бартон.— Он опять ткнул прутом в грудь человека.— Не говоря уже о душе. Ты задолжал мне за тело и за душу, что одно и то же!

Бартон попробовал подняться на ноги. Никто, даже Бог, не смеет безнаказанно уйти, потыкав ему в ребра.

Бог, не обращая внимания на тщетные попытки, вытащил массивные золотые часы из кармана жилета, отщелкнул резную крышку, взглянул на циферблат и произнес:

— Давно пора.

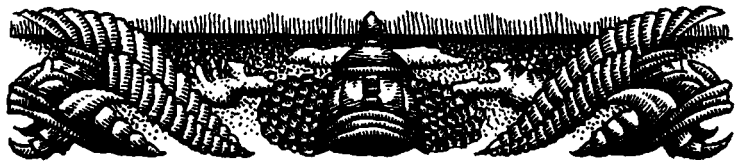
Затем он протянул Бартону руку, повернув ее ладонью вверх.

— Платите, сэр. В противном случае, я вынужден буду лишить вас права дальнейшего пользования.

— Пользования чем?

Наступила тьма. Бог начал растворяться во мраке. Именно тогда Бартон заметил, что Бог похож на него самого: такие же темные прямые волосы, такое же смуглое лицо и такие же черные колючие глаза, высокие скулы, полные губы и выдвинутый вперед слегка раздвоенный подбородок. Такие же глубокие длинные шрамы — следы сомалийского дротика, пронзившего его челюсть во время памятной схватки близ Берберы — виднелись и на щеках Бога. Небольшие руки и ноги резко контрастировали с широкими плечами и мощной грудью. И он носил усы — длинные густые усы, из-за которых бедуины прозвали Бартона «отцом усачей».

— Ты больше похож на дьявола,— крикнул Бартон исчезающему Создателю, но тот уже превратился в одну из теней, скользящих во тьме.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ричард Бартон спал, но был уже на той грани пробуждения, когда человек сознает, что еще спит. Утренний свет сменил уходящую ночь.

Глаза его открылись, наполненные недоумением. Он не понимал, где находится.

Вверху раскинулось голубое небо. Обнаженное тело ласкал легкий ветерок. Его лишенная волос голова, спина, ноги и ладони рук касались травы. Он повернулся направо и увидел равнину, покрытую короткой ярко-зеленой травой. Равнина тянулась примерно на милю, затем начинался плавный подъем, переходящий в гряду холмов, сначала пологих, затем все более и более крутых. Дальше их беспорядочные очертания постепенно сливались с подножием гор. Все возвышенности заросли деревьями; некоторые из них сверкали алой, лазурной, ярко-зеленой листвой, испещренной желтыми и темно-красными пятнами. Горы вздымались крутой, почти перпендикулярной стеной и казались невообразимо высокими. Черный и темно-зеленый цвета скалистых массивов напоминали стекловидные породы вулканического происхождения; не менее четверти их поверхности скрывали пятна лишайника.

Равнина до самых холмов была усеяна множеством человеческих тел. Ближе всех, лишь в нескольких футах от Бартона, лежала женщина, которая прежде находилась в нижнем от него ряду.

Бартон попытался подняться, но тело его, застывшее и вялое, еще отказывалось повиноваться. С большим усилием он повернул голову налево. Взгляду его

открылся еще один участок равнины, покрытый нагими телами. Равнина плавно опускалась к реке, струившейся в сотне ярдов от него. Как показалось Бартону, ширина реки составляла около мили; на другом ее берегу простиралась такая же равнина, плавно поднимавшаяся к подножию холмов, сплошь покрытых деревьями. Еще дальше громоздились отвесные горные кручи, над которыми только что показалось солнце. Там был восток.

Почти у самой воды располагалось непонятное сооружение. Казалось, оно сложено из серого с красными прожилками гранита; форма его напоминала гриб. Основание этой структуры имело не меньше пяти футов в высоту, а шляпка гриба была в диаметре футов пятнадцать.

Наконец, ему удалось приподняться, опираясь на локоть.

Вдоль обоих берегов реки виднелось множество таких же гранитных грибов. Повсюду на равнине лежали обнаженные безволосые человеческие тела с интервалом примерно в шесть футов. Большинство лежало на спине, устремив взор в небо. Некоторые уже начинали шевелиться; они озирались по сторонам и пытались привстать.

Бартон сел и провел руками по лицу и голове, ощутив упругость молодой кожи. Тело его больше не принадлежало высохшему, сморщенному, скрюченному от подагры старику, возлежавшему на смертном ложе. Сейчас у него была гладкая кожа и могучее мускулистое тело двадцатипятилетнего мужчины — такое же, как и тогда, во сне, когда он плавал между двумя красными стержнями. Во сне ли? Видение казалось слишком отчетливым и ярким для сна. Нет, то был не сон.

Его запястье охватывала лента из прозрачного материала. От нее тянулся ремешок из того же материала, длиной около шести дюймов. Второй конец ремешка был зажат в металлической дужке — рукоятке цилиндра из сероватого материала. Сверху цилиндр плотно закрывала крышка.

Лениво, почти бессознательно, поскольку мозг его работал еще слишком вяло, он поднял цилиндр. Сосуд весил меньше фунта и казался пустым; вряд ли он был изготовлен из железа, хотя на вид казался металлическим. Диаметр цилиндра равнялся полутора футам, высота — фута два с половиной.

Точно такой же предмет был прикреплен к запястью каждого находившегося на равнине человека.

Все еще пошатываясь, он поднялся на ноги. Сердце постепенно стало биться чаще, силы возвращались к нему.

Остальные тоже стали подниматься. Почти у всех были недоумевающие, озабоченные лица; некоторые выглядели испуганными. Одни озирались по сторонам широко раскрытыми глазами, дыхание с хрипом вырывалось из их пересохших глоток, на висках выступал пот; другие тряслись так, словно стояли на ледяном ветру, хотя воздух был достаточно теплым.

Вокруг царила абсолютная тишина — странная, непостижимая, пугающая. Никто не произносил ни слова. Он слышал только учащенное дыхание людей, находившихся поблизости; их рты были открыты, как будто они хотели что-то сказать.

Постепенно они начали двигаться, робко прикасаясь друг к другу, заглядывая в лица. Покачиваясь, двигая по траве босыми ногами, они поворачивались то в одну, то в другую сторону, смотрели на холмы, на деревья, усыпанные огромными, ярко окрашенными цветами, на покрытые лишайником, устремившиеся ввысь горные вершины, на искрящуюся зеленью реку, на грибовидные камни, на прикрепленные к их запястьям металлические контейнеры. Некоторые ошеломленно ощупывали лица и безволосые головы, снова и снова повторяя свои бессмысленные движения. И все это происходило в полной тишине.

Внезапно одна из женщин застонала. Она опустилась на колени, запрокинула назад голову и испустила

вопль, похожий на волчий вой. В тот же момент у реки ей ответил мужской голос.

Эти два вопля стали сигналом — или, скорее, ключом, который начал отпирать человеческие уста.

Мужчины, женщины, дети принялись кричать, плакать, царапать лица ногтями, бить себя в грудь, падать на колени и воздевать ввысь руки в молитве, бросаться навзничь, пряча лица в траве, кататься по земле, скулить как собаки и выть подобно волкам.

Ужас охватил Бартона. Ему захотелось упасть на колени и молиться о спасении в этот день Страшного Суда. Он жаждал милосердия. Он страшился увидеть ослепительное лицо Бога, которое могло появиться над вершинами гор — грозное и более яркое, чем солнце. Он не был столь невинным — или столь храбрым — как казалось ему раньше. Страшный Суд представлялся ему настолько ужасным и всецело окончательным, что он не мог вынести даже мысли о нем. Когда-то во сне ему привиделось, как после смерти он предстал перед Богом. Нагой и ничтожный, он в полном одиночестве стоял посреди огромной равнины, напоминающей эту, И вот Бог, огромный, как гора, двинулся к нему. И он, Бартон, не сошел с места. Он бросил вызов самому Богу!

Он не видел здесь следов божества, но все же бросился бежать, словно стремился спастись от занесенной над ним карающей десницы. Он мчался по равнине, натыкаясь на одних, сбивая с ног других, перепрыгивая через третьих; его руки вертелись как крылья ветряной мельницы и прикрепленный к запястью цилиндр описывал круги в воздухе. Дикий вопль загнанного зверя сорвался с его пересохших губ:

— Нет! Нет, о боже!

Вскоре он настолько запыхался, что не мог больше кричать; руки и ноги налились свинцом, воздух обжигал легкие, а сердце стучало как барабан. Бежать дальше не было сил, и он свалился наземь под первым же деревом.

Через несколько минут он сел и взглянул на равнину. Крики и вопли толпы слились в один ужасный гул. Большинство людей пытались что-то сказать, хотя их никто не слушал. Бартон не мог различить ни одного отдельного слова. Некоторые мужчины и женщины обнимались и целовались, словно были знакомы всю предшествующую жизнь; казалось, что, прикасаясь друг к другу, они стремятся удостовериться в подлинности и реальности произошедшего.

Среди огромной толпы можно было различить множество детей, лет пяти и старше. Одни рыдали, уткнувшись лицом в траву; другие, тоже плачущие, сновали среди взрослых, стараясь заглянуть им в глаза — очевидно, искали родителей.

Дыхание Бартона стало ровнее. Он встал на ноги и оглянулся. Над ним простирала ветви красная сосна (иногда ошибочно называется норвежской), достигавшая в высоту двухсот футов. За ней находилось дерево, которое он никогда раньше не видел; он сомневался, что нечто подобное когда-либо существовало на Земле. У этого дерева был толстый, покрытый наростами, черный ствол, возносившийся на три сотни футов вверх, и множество массивных веток с треугольными огромными листьями, зелеными, с красными прожилками. Остальные деревья, теснившиеся на склоне холма, напоминали белые и черные дубы, ели, тисы и кедры.

Подлесок состоял из высоких, тонких, похожих на бамбук растений; все пространство, свободное от деревьев, покрывала трава трехфутовой высоты. Ни птиц, ни животных, ни насекомых не было видно.

Бартон огляделся в поисках подходящей палки или дубины. Он не имел ни малейшего понятия, что будет следующим в повестке дня, но всегда считал, что если человечество оставить без присмотра, оно быстро вернется к своему нормальному состоянию. Как только пройдет первое потрясение, люди вновь займутся своими проблемами. А это, как всегда, означало, что силь-

ные начнут вколачивать в слабых уважение к установленным ими правилам игры.

Он не нашел ничего, что могло бы послужить оружием. Затем ему пришло в голову, что в этом качестве с успехом можно использовать серый цилиндр. Он стукнул им по стволу дерева, и хотя сосуд был очень легким, его корпус выдержал сильный удар.

Бартон поднял крышку, закрепленную с одной стороны на петле. Примерно посередине цилиндр пересекала пластина с шестью отверстиями, расположенными по кругу. В эти прорези были вставлены миски, глубокая чаша, похожая на шейкер, и прямоугольный контейнер. Сейчас вся эта посуда была пустой. Он закрыл крышку. Несомненно, в свое время он узнает, для чего предназначен этот цилиндр.

Он провел ладонью по упругой коже груди, потом ощутил под пальцами твердую выпуклость ребра. Что бы ни случилось в дальнейшем, воскрешение из небытия, очевидно, не повлияло на хрупкое равновесие человеческого тела. Все было на своем месте — и кости, и кровь, и плоть. И хотя он еще в какой-то степени ощущал себя отрешенным от реальности — как будто его отключили от нормального хода мировых событий — он уже вполне оправился от потрясения.

Он почувствовал жажду.

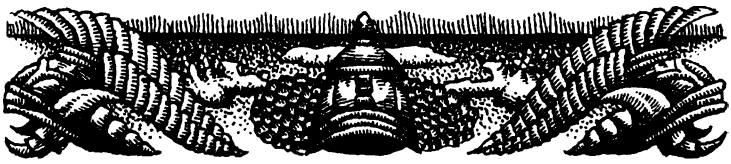
Он должен спуститься к реке и напиться; по-видимому, вода в ней не ядовитая. При этой мысли он криво усмехнулся и привычным жестом провел пальцем по верхней губе. Наткнувшись на гладкую кожу, он с разочарованием вспомнил, что его пышные усы исчезли. О да, конечно, вода в реке не отравлена. Что за нелепая мысль! К чему возвращать мертвецу жизнь только затем, чтобы снова убить его? И все же он еще долго стоял под деревом. Ему совсем не хотелось идти назад, к реке, сквозь эту бессмысленно гомонящую, истерически рыдающую толпу. Здесь, вдали от людей, он освободился от ужаса и паники, затопивших их подобно мор-

ским волнам. Но если он отважится нырнуть туда, его снова могут захлестнуть эмоции толпы.

Он заметил, как какая-то фигура отделилась от скопища обнаженных тел и медленно побрела к нему. Он увидел, что то был не человек!

И только теперь Бартон полностью осознал, что такой День Воскрешения не могла бы предсказать ни одна из сотен земных религий.

Бартон не верил в бога, изображаемого христианами, мусульманами, индусами или приверженцами любой другой известной ему религиозной доктрины. По сути дела, он сильно сомневался в существовании какого-либо Верховного Создателя. Он верил только в Ричарда Френсиса Бартона и еще в нескольких своих друзей. И он был твердо убежден в том, что когда умрет, мир для него прекратит свое существование.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда он пробудился от смерти в этой долине у реки, ему трудно было опровергнуть сомнения, существующие у каждого человека, который, по крайней мере, в детстве ощутил влияние религии и провел всю жизнь в обществе, где наличие религиозных воззрений считалось нормой.

Сейчас, глядя на приближающееся существо, он понял, что должно быть какое-то иное толкование событий, совершенно не связанное со сверхъестественными причинами. Для объяснения этого мира следует привлечь научные, физические теории, а не иудейско-христианско-мусульманские легенды.

Это создание — оно, нет, скорее всего, он (в мужском естестве сомнений не было) — передвигалось на двух ногах. Хотя его рост значительно превосходил шесть футов, тело с бледно-розовой кожей казалось очень хрупким на вид. Его узкая длинная четырехпалая ладонь строением напоминала человеческую — большой палец был отделен от остальных. Ниже сосков на груди располагались два темно-красные пятна. Лицо — почти человеческое с густыми черными бровями, свисающими над резко очерченными скулами. Ноздри окружала колышущаяся губчатая ткань. Утолщенный хрящ на конце носа прорезала глубокая впадина. Губы были тонкие, кожистые и черные. Уши не имели мочек и очертания ушной раковины очень сильно отличались от человеческих. Мошонка его выглядела так, будто она содержала множество маленьких яичек.

Он уже видел это существо, плавающее в одном из рядов в том кошмарном месте.

Существо остановилось в нескольких шагах от него, улыбнулось, обнажив совершенно человеческие зубы, и произнесло:

— Я надеюсь, вы говорите по-английски. Если же нет, то я могу столь же бегло изъясняться на русском, китайском или хинди.

Бартон был несколько ошеломлен — словно с ним заговорила собака или обезьяна.

— У вас среднезападный американский акцент,— наконец, произнес он.— Весьма недурно. Хотя вы стараетесь слишком точно его воспроизводить.

— Благодарю вас,— ответило существо.— Я последовал за вами, поскольку мне показалось, что вы — единственный, у кого нашлось достаточно здравого смысла, чтобы выбраться из этого хаоса. Вероятно, вы можете как-то объяснить это... как вы его называете? Воскрешение?

— Не в большей степени, чем вы,— пожал плечами Бартон.— У меня даже нет никаких объяснений вашего присутствия среди воскресшего человечества.

Густые брови незнакомца дрогнули. Как решил Бартон, этот жест мог означать удивление или негодование.

— Нет? Очень странно. А я мог бы поклясться, что каждый из шести миллиардов жителей Земли слышал обо мне или видел по ТВ.

— По ТВ?

Брови существа снова дрогнули.

— Вы не знаете, что такое ТВ? — растягивая слова, произнес он, но тут же снова улыбнулся.— Ну, конечно же, как глупо с моей стороны! Вы, должно быть, умерли прежде, чем я прибыл на Землю!

— Когда же это случилось?

Его брови поднялись (Бартону показалось, что сейчас это было эквивалентно задумчивости), и он медленно произнес:

— Давайте разберемся по порядку. Я уверен, что по вашему летосчислению это произошло в две тысячи втором году новой эры. А когда вы умерли?

— В тысяча восемьсот девяностом.

Слова этого создания снова пробудили в Бартоне ощущение нереальности происходящего. Он провел языком по внутренней стороне зубов. Коренные зубы, что он потерял после памятного удара сомалийского дротика, теперь были на своем месте.

— По крайней мере,— добавил он,— я ничего уже не помню после 20 октября тысяча восемьсот девяностого года.

— О! — протянул незнакомец.— Значит, я покинул свою родную планету примерно за двести лет до вашей смерти. Моя планета? Это спутник той звезды, которую вы, земляне, называете Тау Кита. Мы находились в анабиозе, и, когда наш корабль приблизился к Солнцу, автоматы нас разбудили... но вы, кажется, не понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем. Все произошло так быстро... О подробностях мы могли бы побеседовать несколько позднее. Как я должен вас называть?

— Монат Граутат.

— Ричард Френсис Бартон, к вашим услугам.

Он слегка поклонился, улыбнувшись. Несмотря на необычную внешность этого существа и некоторые отталкивающие детали его физиологии, Бартон почувствовал к нему расположение.

— Впоследствии — капитан сэр Ричард Френсис Бартон,— добавил он через мгновение.— На склоне своих дней — консул ее Величества в австро-венгерском порту Триест.

— Елизаветы?

— Я жил в девятнадцатом веке, а не в шестнадцатом.

— Королева Елизавета правила в Великобритании в двадцатом столетии,— сказал Монат и обернулся, поглядев на берег реки.— Почему они так напуганы? Все люди, с которыми мне приходилось встречаться, были убеждены, что загробной жизни не существует — либо

они считали, что на том свете будут, несомненно, отнесены к праведникам.

Бартон ухмыльнулся и пожал плечами.

— Те, кто отрицал загробную жизнь, теперь считают, что они попали в ад из-за своих убеждений. Те же, кто надеялся шагнуть прямо на небеса, испытали страшное потрясение, пробудившись совершенно нагими. На большинстве наших картин религиозного содержания те, кто терпит муки в аду,— обнажены, тогда как праведники в раю — одеты. Так что если вы воскресли с голой задницей,— значит, скорее всего, оказались в преисподней.

— Похоже, что это вас развеселило.

— Несколько минут назад мне было совсем не до смеха,— признался Бартон.— Я тоже испытал потрясение — и очень сильное. Но факт вашего появления здесь подействовал на меня отрезвляюще. Я полагаю, что всему этому существует разумное объяснение, но пока что оно не укладывается ни в одну из существующих на Земле теорий.

— Я сомневаюсь в том, что мы находимся на Земле,— сказал Монат, подняв вверх длинные тонкие пальцы, на которых вместо ногтей были толстые хрящевые подушечки.— Если прищуриться и достаточно внимательно посмотреть вон в том направлении, то можно заметить неподалеку от светила еще одно небесное тело. И это не Луна.

Бартон прикрыл глаза ладонями от света, пристроив металлический цилиндр на плече, и бросил взгляд на небо. Он увидел слабо мерцающий диск размером в одну восьмую часть полной Луны. Опустив руки, он спросил:

— Звезда?

— Полагаю, что да,— совсем по-человечески кивнул Монат.— Кажется, в других областях неба тоже виднеются светящиеся тела, но полной уверенности у меня пока нет. Когда наступит ночь, все станет ясно.

— Но где же, в таком случае, мы находимся?

— Откуда мне знать,— Монат сделал жест в сторону солнца.— Сейчас оно поднимается, затем закатится, и наступит ночь. Я думаю, нам не мешало бы подготовиться к ее приходу. И... к другим событиям. Сейчас тепло, но ночью может похолодать; не исключено, что пойдет дождь. Поэтому неплохо было бы соорудить какое-нибудь убежище. Следует также подумать о еде. Хотя почему-то мне кажется, что это устройство,— он указал на цилиндр,— накормит нас.

— Почему вы так думаете?

— Я заглянул внутрь. Там лежат тарелки и чашки — сейчас, правда, пустые. Но, очевидно, их создали для того, чтобы наполнять пищей.

Ощущение нереальности, преследовавшее Бартона, несколько ослабло. Это существо — этот таукитянин! — рассуждал так прагматично, так осмысленно, что стал тем якорем, который сумел закрепить мятущийся корабль его разума. И, несмотря на откровенную чужеродность этого создания, оно казалось дружелюбным и искренним; это согревало душу Бартона. Кроме того, любое существо, представляющее цивилизацию, способную преодолеть миллионы миль межзвездного пространства, должно обладать очень ценными знаниями и способностями.

• • •

От толпы стали понемногу отделяться другие люди. Группа примерно из десяти мужчин и женщин медленно брела к ним. Некоторые разговаривали, другие шли молча, широко раскрыв глаза. Было непохоже, что у них имелась какая-то определенная цель. Их просто несло куда-то, как облако, гонимое ветром. Подойдя ближе, они остановились.

Внимательный взгляд Бартона упал на мужчину, который плелся в конце группы. Монат, совершенно очевидно, не являлся человеком, но и этого парня трудно было отнести к роду «хомо сапиенс». Вид его напом-

нил Бартону иллюстрации в книгах по естественной истории, изображавшие предполагаемый облик неандертальцев. Ростом около пяти футов, приземистый и очень мускулистый, он низко склонил голову на могучей шее. Его лоб был низким и скошенным назад, череп — узким и продолговатым. За огромными мясистыми веками прятались темно-коричневые глаза. Нос представлял собой комок плоти, окружавшей ноздри. Выпирающие кости челюсти словно выворачивали наружу тонкие губы. Когда-то его тело покрывала шерсть — наверное, столько же густая, как у любой обезьяны, но сейчас, подобно всем остальным, он был лишен волосяного покрова. Его огромные руки казались способными выжать воду из камня. Он непрерывно оглядывался, как будто опасался, что кто-то может наброситься на него сзади. Люди сторонились его.

Вскоре, однако, к неандертальцу подошел высокий мужчина и заговорил с ним по-английски. По-видимому, он не надеялся, что слова его будут понятны — тут, подумал Бартон, скорее имеет значение дружеская интонация голоса. Подошедший был мускулистым юношей шести футов роста. Лицо его, с зелеными глазами, освещенное улыбкой, показалось Бартону очень привлекательным.

Юноша снова что-то сказал и усмехнулся. Сообразив, что к нему обращаются, древний человек отпрянул чуть в сторону и настороженно посмотрел на говорившего из-под низких, выдающихся вперед надбровий. Затем он тоже улыбнулся, обнажив огромные желтые зубы, ударил себя в грудь и произнес фразу на незнакомом Бартону языке; она прозвучала приблизительно как «Каззинтуйт-руаабамз». Позднее Бартон узнал, что это было его имя и что оно означало «Человек-Который-Убил-Длиннозубого».

В группу входили еще пять крепких парней и четыре женщины. Двое мужчин знали друг друга еще при жизни на Земле, и один из них являлся супругом невысокой смуглой женщины. Все они были итальянцами

или словенцами, жителями Триеста, умершими около 1890 года. Раньше Бартон никого из них не знал.

— Эй, приятель,— обратился Бартон к мужчине, говорившему по-английски.— Подойдите сюда. Как вас зовут?

Мужчина нерешительно приблизился к нему и произнес с ярко выраженным акцентом, характерным для жителей средне-западных штатов:

— Вы англичанин, не так ли?

Бартон протянул руку.

— Да. Я — Бартон.

Парень поднял лишенные волос надбровья, наморщив лоб.

— Бартон? — он наклонился вперед, всматриваясь в лицо своего собеседника. Затем произнес словно про себя.— Трудно сказать... Быть этого не может...— Он выпрямился и слегка склонил голову.— Меня зовут Питер Фригейт.

Оглянувшись на Моната, он натянуто продолжал:

— Не могу сказать определенно... Все так возбуждены, обескуражены. У меня самого такое ощущение, будто я распался на отдельные части. Но... мы здесь... снова живы... снова молоды... и не в аду... во всяком случае, пока. Я родился в тысяча девятьсот восемнадцатом, а умер в две тысячи восьмом — из-за того, что сотворил этот пришелец... Хотя я не виню лично его... ведь он только защищался...

Голос Фригейта перешел в шепот. Он нервно улыбнулся Монату.

— Вы знакомы с ним? — спросил Бартон, указывая на Моната.

— Не совсем,— немного помявшись, ответил Фригейт.— Я, конечно, видел его по ТВ... много слышал и читал о нем.

Он протянул руку так, словно ожидал, что она будет отвергнута. Монат улыбнулся, и они обменялись рукопожатием. Потом американец повернулся к Бартону:

— Мне кажется, нам стоило бы держаться вместе. Так безопаснее.

— Почему? — спросил Бартон, хотя причина ему была достаточно ясна.

— Вы же знаете, какими низкими могут быть люди,— ответил Фригейт.— Как только они привыкнут к новому положению дел, тут же начнется борьба за женщин, еду и вообще за что угодно, представляющее ценность в глазах алчных мерзавцев. И я полагаю, что нам следовало бы подружиться с этим неандертальцем... или кто он там еще. Такие парни будут незаменимы в драке.

Кazз — так его назвали впоследствии — казалось, жаждал, чтобы его приняли в компанию. Но, в то же время, он подозрительно озирался, когда кто-нибудь оказывался слишком близко к нему.

Мимо них прошла женщина, снова и снова монотонно бормоча по-немецки:

— Боже мой, что я такого сделала, чем я обидела тебя?

Какой-то мужчина, размахивая кулаками, кричал по-еврейски:

— Борода! Моя борода!

Другой вопил на словенском, показывая на свои половые органы:

— Из меня сделали еврея! Еврея! Только представьте себе! Нет, этого мне не вынести!

Бартон скривил губы в презрительной усмешке и проворчал:

— Этому болвану даже не пришло в голову, что его, может быть, сделали магометанином или австралийским аборигеном, а то и древним египтянином! Ведь все эти народы тоже практиковали обрезание.

— А что он кричал? — поинтересовался Фригейт. Бартон перевел, и молодой человек рассмеялся.

Какая-то женщина пронеслась вверх по склону холма. Она трогательно пыталась прикрыть руками грудь и лобок.

— Что они могут подумать? О боже! Что они подумают? — повторяла она, скрываясь за деревьями.

Мимо прошли мужчина и женщина. Они говорили по-итальянски настолько громко, словно их разделяла широкая автострада.

— Не может быть, чтобы мы находились на небесах... Я знаю, о боже мой, я знаю! Я видела его здесь, этого Джузеппе, а ты знаешь, какой он порочный человек... Он должен был бы гореть в адском пламени! Я знаю... знаю... Он обкрадывал казну, был завсегдатаем всех борделей, часто напивался до смерти... а теперь он здесь... здесь!.. Я знаю... я знаю...

Прибежала еще одна женщина, выкрикивая по-немецки:

— Папа! Папа! Где ты? Это же твоя дорогая Хильда!

Высокий мужчина сердито посмотрел на них, не переставая повторять по-венгерски:

— Я ничуть не хуже других и даже получше многих. За что же, о господи, ты поместил меня вместе с грешниками в ад?

Какая-то женщина причитала:

— Я потратила целую жизнь, целую жизнь... Я делала ради них все, все и вот теперь...

Рядом мужчина, размахивая перед собой серым цилиндром как кадилом, призывал:

— Следуйте за мной в горы! За мной! Мне открылась истина, люди добрые! За мной! Мы спасемся на груди господней! Не верьте этому обману вокруг нас! За мной! Я открою вам глаза!

Остальные несли разную чушь или молчали, плотно сжав губы, как будто опасались выпустить наружу то, что кипело у них внутри.

— Пройдет некоторое время, прежде чем они успокоятся, — заметил Бартон. Он чувствовал, что и ему надо немало времени, чтобы поверить в реальность этого мира.

— Возможно; но они так никогда и не познают истины, — сказал Фригейт.

— Что вы имеете в виду?

— Они не знали Истины — Истины с большой буквы — там, на Земле! Почему же она должна открыться здесь?

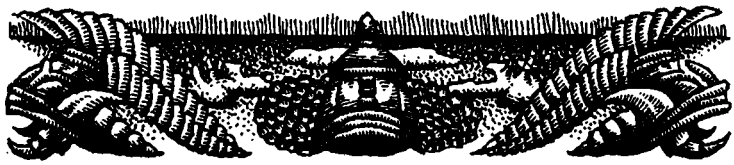
Бартон пожал плечами и сказал:

— Не знаю. Но я думаю, что нам обязательно нужно определить, куда мы попали и каким образом можно выжить в этом новом окружении. Когда человек сидит на месте, удача его дремлет!

Он сделал жест в сторону реки.

— Видите эти каменные грибы? Они, похоже, размещены через каждую милю вдоль побережья. Хотел бы я знать, с какой целью!

— Если к ним хорошо присмотреться, — заметил Монат, — то видно, что на поверхности каждого расположено около семисот круглых углублений. Они точно такого же размера, как и основание цилиндра — так что его можно вставить в любое углубление. В центре каждого камня сейчас находится один цилиндр. Если мы обследуем его, то, возможно, выясним назначение всех остальных. Я полагаю, эти цилиндры помещены на камнях только для того, чтобы подсказать нам, как надо им пользоваться.



ГЛАВА ПЯТАЯ

Ким подошла женщина среднего роста, стройная, с великолепной фигурой; в обрамлении волос ее лицо выглядело бы прекрасным. Она вскинула на Бартона взгляд больших темных глаз, не делая никаких попыток прикрыть руками свою наготу. Впрочем, вид обнаженного женского тела сейчас не возбуждал Бартона; все его чувства были словно заморожены.

В хорошо поставленном, четком голосе женщины слышался оксфордский акцент:

— Прошу извинить меня, джентльмены, но я не могла не прислушаться к вашей беседе... Впервые — с тех пор, как я очнулась... в этом месте — я услышала английскую речь. Примите меня под ваше покровительство.

— К счастью для вас, мадам,— склонил голову Бартон, вы обратились к нужным людям. По крайней мере, могу вас заверить от своего имени, что готов предоставить вам любую защиту, которая окажется в моих силах. Хотя, будь я похож на нескольких знакомых мне английских джентльменов, вы бы, возможно, раскаялись в своем опрометчивом поступке. Кстати, этот джентльмен — не англичанин. Он янки.

Теперь он ощущал какое-то странное спокойствие — среди всех этих стонущих и вопящих людей, чьи обнаженные, безволосые тела заполняли речную долину от побережья до подножия холмов.

Женщина протянула Бартону руку.

— Меня зовут миссис Харгривс.

Бартон поцеловал ее тонкие пальцы. Он чувствовал себя очень неловко, однако привычный жест словно укрепил его уверенность в том, что он находится в здравом уме. Если можно будет сохранить правила хорошего тона, то, возможно, удастся восстановить и нормальный уклад жизни.

— Бывший капитан сэр Ричард Френсис Бартон,— отрекомендовался он, слегка улыбнувшись на слове «бывший».— Возможно, вы слышали обо мне?

Она отдернула руку, затем снова протянула ее.

— Да, я слышала о вас, сэр Ричард.

— Не может быть! — воскликнул кто-то сдавленным от волнения голосом.

Бартон обернулся и увидел изумленное лицо Фригейта.

— Что это значит? — с вызовом спросил он.

— Ричард Бартон? — повторил Фригейт.— Несомненно. Правда, совершенно без волос...

— Да-а? — протянул Бартон.

— Да! — кивнул Фригейт.— Точно, как говорится в книгах!

— О чем это вы?

Фригейт глубоко вздохнул:

— Не имеет значения, мистер Бартон. Позже я все объясню. Сейчас достаточно сказать, что я потрясен. Простите меня.

Он внимательно посмотрел на миссис Харгривс, покачал головой и произнес:

— Ваше имя — Алиса?

— Конечно же! — воскликнула женщина и улыбнулась, отчего стала еще прелестней.— Но откуда вам это известно? Разве мы встречались раньше? Нет... я вас не знаю.

— Вы — Алиса Лиддел Харгривс?

— Да!

— Я должен присесть,— сказал американец. Он отошел к дереву и сел, опираясь спиной о ствол. Глаза его затуманились.

«Результат потрясения», — отметил про себя Бартон. И от многих можно в любое время ожидать такого же. Даже его собственное поведение иногда может быть лишено логики... Но время для занятий психоанализом еще не наступило. Сейчас самым важным было найти кров, пищу и разработать какой-то план совместной защиты.

Бартон заговорил с остальными на итальянском и словенском. Никто не возражал, когда он предложил спуститься к реке.

— Я уверен, что все хотят пить, — сказал он. — Кроме того, мы попробуем обследовать этот каменный гриб.

Люди побрели вслед за ним к прибрежной низине. Повсюду мужчины и женщины сидели и лежали прямо на траве или безостановочно кружили на одном месте. Они прошли мимо громко спорящей пары с раскрасневшимися от гнева лицами. По-видимому, они были когда-то мужем и женой; теперь им представилась возможность возобновить продолжавшийся всю жизнь спор. Внезапно мужчина повернулся и зашагал прочь. Жена с изумлением уставилась на него, затем с криком бросилась вдогонку. Он отшвырнул ее с такой яростью, что женщина покатилась по траве. Мужчина быстро затерялся в толпе; женщина еще долго бродила вокруг, выкрикивая его имя и угрожая устроить скандал, если он не выйдет из своего укрытия.

На мгновение Бартон подумал о своей собственной жене, Изабелле. Он не заметил ее в толпе, хотя это вовсе не означало, что ее здесь нет. Она будет искать его и не успокоится, пока не найдет.

Он протиснулся сквозь толпу к самому берегу, опустился на колени и зачерпнул воду ладонями. Вода была холодной, чистой и свежей. Он утолил жажду и вдруг почувствовал, что его желудок совершенно пуст. Он был голоден.

— Воды Реки Жизни, — сказал Бартон, задумчиво озирая водную гладь и стараясь не вспоминать о еде. —

Стикса? Леты? Нет, не Леты. Я еще сохранил память о своей земной жизни.

— А я бы не прочь кое-что позабыть,— заметил Фригейт, отряхивая с пальцев капли влаги.

Алиса Харгривс опустилась на колени у самой воды и, опершись на руку, зачерпнула воду ладонью. У Бартона мелькнула мысль, что выгладит она в этой позе очаровательно. Ему было любопытно, не станет ли она блондинкой, когда ее волосы отрастут — если они отрастут вообще. Вероятно, тот, кто поместил сюда людей, преднамеренно лишил их волос по какой-то причине, ведомой только ему одному.

Они взобрались на верхушку ближайшего к ним грибообразного сооружения; казалось, оно состоит из цельной глыбы серого гранита, пронизанного красноватыми прожилками. На его плоской поверхности располагалось около семисот выемок, распределенных примерно по пятидесяти концентрическим окружностям. В центральном углублении стоял одинокий серый цилиндр. Его внимательно рассматривал какой-то смуглый человек с большим носом и слегка скошенным подбородком. Когда они приблизились к нему, он поднял голову и улыбнулся.

— Не открывается,— сказал он по-немецки.— Наверное, это можно будет сделать позже. Я уверен, что его специально поместили сюда. Нам подсказывают, как нужно поступить с нашими собственными контейнерами.

Он представился как Лев Руах и, когда Бартон, Фригейт и Харгривс назвали свои имена, перешел на сильно акцентированный английский.

— Я был атеистом,— признался он, обращаясь скорее к самому себе, чем к остальным.— Теперь же — не знаю! Это место — такое страшное потрясение для атеиста, как и для искренне верующих, которые представляли свою загробную жизнь совершенно иначе. Что ж, значит, я ошибался! Со мной это случается не впервые! — он рассмеялся и тут же обратился к Монату.—

Я узнал вас. Должен заметить, что вам очень повезло с местом воскрешения — здесь, в основном, люди девятнадцатого века. Иначе вас бы давно линчевали.

— За что же? — удивленно спросил Бартон.

— Он уничтожил все человечество,— сказал Фригейт.— Точнее говоря, я полагаю, что дело ограничилось только людьми.

— Сканирующий деструктор,— печально кивнул таукитянин,— был настроен только на вид «хомо сапиенс». Весь остальной животный мир Земли остался в неприкосновенности. Кроме того, деструктор не мог истребить все человечество — он прекращает свое действие при достижении определенного числа жертв. К сожалению, это число достаточно велико... Поверьте, друзья мои, я не хотел всего этого. Вы не представляете, что я испытал, прежде чем решился нажать кнопку. Но я был вынужден защищать свой народ. Вы, люди, вынудили меня пойти на это преступление.

— Все началось с того злополучного телевизионного интервью,— пояснил Фригейт, заметив недоумение на лице Бартона.— Монат, к своему несчастью, упомянул, что их ученые нашли способ, позволяющий предотвратить старение организма. Фактически это открывало дорогу к бессмертию. Однако мудрые соотечественники Моната наложили запрет на подобное знание — из высших моральных соображений. Но когда ведущий передачи спросил, можно ли использовать открытие таукитян в условиях Земли, Монат чистосердечно признался, что не видит технических или биологических причин, по которым этого нельзя было бы сделать. Однако, добавил он, его народ отверг искус вечной молодости из самых благих побуждений,— и, безусловно, аналогичный запрет должен распространяться на земное человечество. Только в этот момент чиновник правительства, следивший за ходом интервью, сообразил, какая взорвалась бомба. Он прервал передачу, но было уже слишком поздно.

— Затем,— подхватил Лев Руах,— американское правительство сообщило, что пришелец неправильно понял вопрос. Его плохое знание английского языка якобы привело к ошибке. Но никто этому не поверил. Население Штатов — да, впрочем, и всего остального мира — потребовало, чтобы Монат открыл секрет вечной молодости.

— Но я не был посвящен в эту тайну,— печально кивнул головой Монат.— И ни у кого из членов нашей экспедиции не было таких знаний. Фактически, даже на нашей планете запретным знанием владеют считанные люди. Однако, когда я попытался это объяснить, ничего хорошего не получилось. Все считали, что я лгу. Поднялся бунт, толпа смяла охрану нашего корабля и ворвалась в звездолет. У меня на глазах мои друзья были разорваны на куски, когда попытались образумить толпу. Какой там разум!

— Но мои дальнейшие действия не были продиктованы чувством мести. Я руководствовался совсем другими побуждениями. Я был уверен, что правительство Соединенных Штатов восстановит порядок, и тогда наш корабль окажется в полном его распоряжении. Вашим ученым потребовалось бы не слишком много времени, чтобы разобраться в принципе его действия и построить флот, способный ударить по моей планете. Поэтому, для спасения своей родины, я вынужден был принять меры, отбросившие земную цивилизацию на сотни, а может быть и на тысячи лет назад. Я успел настроить деструктор и вывести его на околоземную орбиту. Мне не пришлось бы этого делать, если бы удалось добраться до кнопки уничтожения корабля, но я не мог проникнуть в штурманскую. Итак, я активировал деструктор. А через несколько минут толпа взломала дверь помещения, где я укрылся. Больше ничего не помню...

— Я лежал в больнице на Западном Самоа,— сказал Фригейт,— и умирал от рака. Меня утешала лишь мысль, что, возможно, моя могила окажется рядом с прахом Роберта Льюиса Стивенсона. Ведь я все же пе-

ревел на самоанский язык «Илиаду» и «Одиссею» и мог рассчитывать на некоторую благодарность со стороны местных властей... Затем начали поступать сообщения о массовой гибели людей... везде, по всему миру. Неизбежность рокового конца стала очевидной. Этот чужой спутник излучал какой-то вид радиации, валивший людей с ног. Последнее, что я слышал — Штаты, Россия, Англия, Франция, Китай и Израиль запустили ракеты для уничтожения спутника. По расчетам местных специалистов, таукитянский аппарат должен был пройти над Самоа через несколько часов. От волнения я потерял сознание. Вот все, что я помню.

— Перехватчики не сработали,— угрюмо добавил Руах.— Деструктор уничтожал их, как только они приближались к спутнику.

Бартон подумал, что ему необходимо многое узнать о том, что произошло в мире после 1890 года, но сейчас для расспросов не совсем подходящее время.

— Я предлагаю отправиться к холмам,— сказал он.— Нам нужно выяснить, какие растения там имеются и как их можно использовать. Пожалуй, стоит поискать камень и изготовить оружие. Этот парень из неолита, должно быть, хорошо знаком с техникой обработки камня и смог бы нас обучить.

Они пересекли равнинную часть долины. По дороге еще несколько человек присоединились к их группе. Среди них была небольшая девочка, лет семи, с темно-голубыми глазами и прелестным личиком. Она с трогательным недоумением смотрела на Бартона, когда тот спрашивал у нее на двенадцати языках, кто она такая и где ее родители. Речь ее была совершенно непонятной Бартону. Фригейт, немного знавший валлийский и кельтский языки, тоже заговорил с ней. Глазенки девочки расширились, но затем она помрачнела. Казалось, слова Фригейта ей что-то напоминают, но смысл сказанного она не могла понять.

— Судя по всему,— произнес, наконец, Фригейт,— она относится к какому-то из племен древних кельтов.

Вы заметили, как часто она повторяет слово, похожее на «гвиневра»? Может быть, это ее имя?

— Мы обучим ее английскому! — твердо заявил Бартон. — И с этого мгновения будем звать Гвиневрой.

Он взял ребенка на руки и зашагал вперед. Девочка заплакала, но освободиться не пыталась. Эти слезы, очевидно, были просто реакцией, снимавшей охватившее ее почти невыносимое напряжение. Она плакала от радости, что нашла защиту. Бартон наклонил голову, уткнувшись лицом в ее маленькое теплое тельце. Ему не хотелось, чтобы спутники видели слезы на его глазах.

Они достигли холмов. Граница между равниной и холмистой местностью была резкой; тут исчезала низкая трава и начинались заросли густого жесткого кустарника, почти по пояс высотой. Им стали попадаться развесистые дубы и корабельные сосны, буки и тисовые деревья, покрытые наростами; различные виды бамбука образовывали подлесок. Многие деревья обвивали лианы, с которых свисали большие зеленые, красные, оранжевые и синие цветы.

— Из бамбука можно сделать древки для копий, — сказал Бартон, — трубы для воды, корзины. Это — основной материал для постройки домов, для изготовления мебели, лодок и древесного угля, который входит в состав пороха. Молодые стебли некоторых видов вполне годны для употребления в пищу. Но прежде всего нам надо сделать каменные топоры; тогда мы сможем рубить и обрабатывать древесину.

По мере приближения к горам, холмы, по которым они карабкались, становились все выше и круче. Преодолев довольно быстро две первые мили, они затем тащились как черепахи еще пару часов, пока не уперлись в подошву скалистой стены. Крутые, отвесные склоны гор слагались из какой-то черно-синей вулканической породы, покрытой огромными темно-зелеными пятнами лишайника. Оценить их высоту было трудно, но Бартон решил, что она составляет не менее двадцати тысяч

футов. Насколько он мог уяснить, обозревая гладкую поверхность, горы являлись совершенно непреодолимым препятствием.

— Вы обратили внимание на полное отсутствие животных? — спросил Фригейт. — Нет даже насекомых.

Бартон пожал плечами и двинулся к покрытой лишайником скале.

— Сланец! — воскликнул он, склонившись над грудой камней и вытаскивая зеленоватый булыжник величиной с кулак. — Если его здесь достаточно, мы сможем изготовить ножи, скребки, наконечники копий, топоры. А с их помощью мы построим дома, лодки и многое другое.

— Каменные лезвия нужно прикрепить к деревянным рукояткам, — заметил Фригейт. — Что же нам использовать вместо веревок?

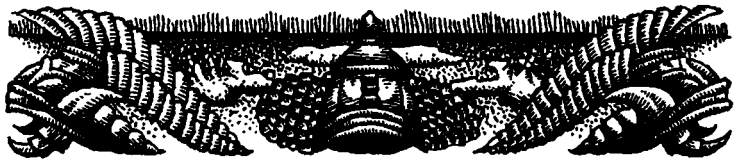
— Вероятно, человеческую кожу, — ответил Бартон. Присутствующие, казалось, были ошеломлены. Бартон издал странный клекочущий смешок, столь неуместный для мужчины его могучей комплекции, и сказал:

— Если нам придется убивать в порядке самозащиты или, если, к нашему счастью, мы наткнемся на труп, который какой-нибудь убийца любезно для нас подготовит, то надо быть глупцами, чтобы не воспользоваться столь необходимым нам сырьем. Тем не менее, если кто-нибудь из вас чувствует себя настолько готовым к самопожертвованию, что отдаст свою кожу на благо группы, то — шаг вперед! Мы не забудем его никогда!

— Вы, конечно, шутите, — усмехнулась Алиса Харгривс. — Но мне, должна заметить, не очень нравится подобный юмор.

— Когда вы поближе познакомитесь с ним, миссис Харгривс, — сказал Фригейт, — вы наслушаетесь коечего похуже, уверяю вас.

Он, однако, не объяснил, на чем базировалась его уверенность.



ГЛАВА ШЕСТАЯ

Наконец Бартон обследовал скалистое основание горы. Черно-синий зернистый камень, на долю которого приходилась большая часть поверхности горного склона, оказался одной из разновидностей базальта. Но вокруг — на почве и у подножия скал — валялись куски сланца. Очевидно, его источником был какой-то выход породы или горный разлом, расположенный наверху. Следовательно, горный массив не является единой массой базальта — или, по крайней мере, в основной породе содержались включения других минералов.

Пользуясь пластиной сланца с тонким острым краем, Бартон соскреб со скалы немного лишайника. Порода под ним напоминала зеленоватый доломит. Жила сланца могла проходить под доломитом — но тут, внизу, нельзя было заметить никаких следов разрушения этого прочного минерала. Бартон пожал плечами и обратил свое внимание на лишайник. Он походил на один земной вид, обычно растущий на богатых кремнием почвах, на старых костях и черепах. Насколько Бартон мог припомнить, этот вид, согласно рекомендациям восточной медицины, мог служить лекарством от эпилепсии и целительным средством для ран.

Постучав камнем по скале, Бартон возвратился к группе. Все столпились вокруг неандертальца и американца, которые, присев на корточки спиной друг к другу, обрабатывали куски сланца. Оба старались высечь грубые лезвия для топоров. Пока Бартон изучал горный склон, они успели изготовить штук десять этих

примитивных орудий. Затем они взялись за новые сланцевые глыбы и разбили их булыжниками на две части. Каждый крепко обхватил пальцами левой руки один из отбитых кусков, после чего начал откалывать длинные тонкие пластины с внешней стороны камней. Они крутили эти обломки и били по ним, пока у каждого не набралось почти по дюжине лезвий. Так они продолжали работать, один — из тех, кто жил на Земле за сто тысяч лет до рождества Христова; другой — рафинированный продукт человеческой эволюции, творение высочайшей (в технологическом отношении) цивилизации Земли и один из последних ее представителей — если верить его собственным словам.

Вдруг Фригейт взвыл, подскочил и стал дико прыгать, держась за большой палец на левой руке. Один из его ударов пришелся мимо. Казз ухмыльнулся, обнажив огромные зубы, плоские, как могильные плиты. Он тоже поднялся и пошел в заросли своей удивительной походкой вразвалку. Вернулся он через несколько минут с шестью довольно толстыми бамбуковыми палками. Неандерталец уселся на землю и вновь принялся за работу. Расщепив конец одной палки, он вставил туда треугольный заостренный обух топора, а затем обвязал всю конструкцию какими-то длинными травянистыми стеблями.

Через полчаса группа уже была вооружена ножами, топорами с бамбуковыми рукоятками, а также копьями с деревянными и каменными наконечниками.

К тому времени рука Фригейта прошла и кровотечение остановилось. Бартон спросил у него, где он научился так искусно обрабатывать камень.

— Я был антропологом-любителем,— пожал плечами янки.— Многие в мое время увлекались изготовлением орудий или оружия из камня. Это рассматривалось как хобби. Некоторые достигли изрядного мастерства, хотя я не думаю, что кто-нибудь из моих современников превзошел в искусстве и скорости нашего

специалиста из неолита. Вы же знаете, эти парни занимались подобной работой всю свою жизнь.

Они снова двинулись к реке. На вершине одного из самых высоких холмов люди на мгновение замерли. Солнце уже стояло прямо над головой. По обе стороны от них на много миль простиралась река. Ее противоположный берег был слишком далек, чтобы разглядеть отдельные фигурки людей, но они отчетливо видели цепочку грибов у кромки воды. Характер рельефа и растительности там ничем не отличался от их берега. Низменность шириной в милю заканчивалась у подножий холмов, покрытых лесом; затем, еще через две-три мили, вставала непреодолимая скалистая стена, покрытая черно-синими и зелеными пятнами.

На юг и на север долина простиралась миль на десять. Затем река поворачивала и пропадала из виду.

— Восход солнца здесь должен быть поздним, а заход — ранним,— заметил Бартон.— Что ж, нам следует с толком использовать светлые часы.

Внезапно люди вздрогнули; многие закричали от испуга. Над вершиной каждого из каменных грибов на шесть-семь ярдов взметнулись всполохи голубого пламени. Еще через несколько секунд до них дошел громоподобный звук. Отразившись от горного кряжа, он раскатился гулким эхом.

Бартон подхватил на руки дрожащую Гвиневру и стал быстро спускаться с холма. Хотя время от времени ему приходилось замедлять шаг, чтобы перевести дыхание, чувствовал он себя превосходно. Прошло уже много лет с тех пор, когда он мог с такой расточительностью использовать свое тело. Сейчас ему не хотелось даже останавливаться; он упивался ощущением вновь обретенной силы. Бартону уже почти не верилось, что совсем недавно его правую ногу покрывали опухшие вены, испещренные сизыми тромбами, а сердце начинало бешено колотиться, если он поднимался на несколько ступенек.

Они спустились на равнину, но Бартон продолжал бежать трусцой, заметив, что вокруг одного из грибов скопилась большая толпа. Ругаясь и расталкивая людей, он начал прокладывать себе путь. На него бросали преисполненные злобой взгляды, но никто не пытался в свою очередь оттолкнуть его. Внезапно он вырвался на свободное пространство возле самого основания каменного гриба и увидел то, что так взволновало толпу. И не только увидел, но и ощутил запах.

— О, боже мой! — воскликнул бежавший за ним Фригейт и схватился за живот.

Бартон слишком много повидал на своем веку, чтобы ужасаться при виде такого зрелища. Более того, он умел абстрагироваться от реальных обстоятельств, когда они становились мучительными или невыносимыми. Иногда для этого требовалось определенное усилие воли, но чаще подобная адаптация происходила автоматически. В данном случае его сознание переключилось почти машинально.

Труп лежал на боку, наполовину свесившись с плоской верхушки каменного гриба. Кожа мертвеца была полностью сожжена, обнажая обуглившиеся мышцы. Нос, уши, пальцы, половые органы или полностью сгорели, или превратились в бесформенные головешки.

Около него стояла на коленях какая-то женщина и бормотала по-итальянски молитву. Ее прекрасные черные глаза покраснели и отекли от слез. У нее была великолепная фигура, которая, при других обстоятельствах, полностью завладела бы вниманием Бартона.

— Что произошло? — спросил он.

Женщина прекратила причитания и взглянула на него, затем поднялась на ноги и прошептала:

— Отец Джузеппе наклонился над этим камнем — он сказал, что страшно голоден. И еще он добавил, что не видит смысла в том, чтобы воскреснуть, а потом снова скончаться без пищи. Я возразила, что мы не умрем, как это можно? Нас подняли из мертвых и о нас должны позаботиться! Тогда отец Джузеппе сказал, что если

мы в аду, то беспокоиться о нас некому. Мы останемся обнаженными и голодными во веки веков! Я попросила его не богохульствовать, потому что из всех людей священнику пристало бы заниматься этим в последнюю очередь. Но он ответил, что все произошло совсем не так, как он втолковывал каждому на протяжении сорока лет, а затем... Затем...

Бартон выждал несколько секунд и спросил:

— Что же... затем?

— Отец Джузеппе сказал, что, во всяком случае, адского огня здесь нет. И что было бы лучше погибнуть в геенне огненной, чем от голода. И сразу же после этих слов вспыхнуло пламя и полностью поглотило его. Раздался ужасный звук, будто взорвалась бомба... а потом он был уже мертв... Сгорел почти дотла... Это так ужасно... ужасно!

Бартон подошел к трупу с наветренной стороны, но даже здесь зловоние вызывало тошноту. Однако не столько запах, как сам факт смерти расстроил его. Прошло всего полдня после Воскрешения, а человек уже лежит мертвым! Означает ли это, что воскресшие были столь же уязвимы перед лицом смерти, как и в земной жизни? Если так, то какой же смысл во всем этом?

Фригейт прекратил свои попытки облегчить и без того пустой желудок. Бледный и дрожащий, он поднялся и подошел к Бартону, стараясь держаться к мертвецу спиной.

— Не лучше ли нам избавиться от этого? — спросил он, ткнув пальцем через плечо.

— Полагаю, что да,— спокойно ответил Бартон.— Хотя очень жаль, что кожа его испорчена.

И он ухмыльнулся американцу. Фригейт еще больше побледнел.

— Возьмитесь здесь,— сказал Бартон.— Обхватите его за ноги, а я подниму тело с другого конца. А затем швырнем в реку.

— В реку? — переспросил Фригейт.

— Да. Если только вам не захочется отнести его в холмы и выкопать там могилу для захоронения.

— Я не могу,— выдавил Фригейт и, покачиваясь на дрожащих ногах, отошел в сторону.

Бартон презрительно посмотрел ему вслед и махнул рукой Каззу. Неандерталец хмыкнул и заковылял к трупу своей развалистой походкой. Он наклонился и, прежде чем Бартон успел ухватиться за обугленные головешки ног, поднял тело над головой, сделал несколько шагов к воде и бросил труп в волны. Течение тут же подхватило тело и потащило его вдоль берега. Казз, однако, решил, что этого мало. Он вошел в воду по пояс и наклонился, стараясь оттолкнуть труп как можно дальше от берега.

Алиса Харгривс в ужасе наблюдала за происходящим. С дрожью в голосе она сказала:

— Но ведь эту воду нам придется пить!

— Река кажется достаточно большой, чтобы процесс ее самоочищения происходил быстро,— заметил Бартон.— Во всяком случае, у нас имеется гораздо больше других поводов для беспокойства, чем поддержание надлежащих санитарных условий. Он повернулся от прикосновения Моната, который указывал на поверхность реки.

В том месте, где должен был находиться труп, вода бурлила как в котле. Внезапно серебристая, покрытая белыми плавниками спина вспорола водную гладь.

— Похоже, что вам не придется беспокоиться насчет чистоты воды,— сказал Бартон Алисе, указывая на незримое пиршество.— В реке есть пожиратели падали. Хотел бы я знать... да, нужно выяснить, можно ли тут безопасно плавать.

Алиса пожала плечами. Неандерталец поспешил выбраться из воды. Он подошел к Бартону, стряхивая влагу со своего безволосого тела и скаля огромные зубы. Он был сейчас ужасающе уродлив. Но он владел навыками и знаниями первобытного человека, уже испытанными в мире с примитивными условиями. И было

бы чертовски здорово стоять с ним бок о бок в сражении. Несмотря на свой небольшой рост, он обладал фантастически могучей мускулатурой. Ясно, что по какой-то причине это создание испытывало симпатию к Бартону — и тому было приятно это сознавать. Очевидно, дикарь — со всей силой своих первобытных инстинктов — почувствовал, что он, Бартон, именно тот человек, за которого нужно держаться, если хочешь здесь выжить. Более того, этот прачеловек наверняка лучше ощущал движения души — как существо, стоящее ближе к животному, чем современная разновидность «хомо сапиенс». Вот почему, думал Бартон, на этого дикаря оказали такое сильное влияние его, Бартона, развитые психические способности, и поэтому впредь неандертальца будут объединять с ним узы дружбы и родства — хотя они оба принадлежат к совершенно различным расам.

Но затем Бартон напомнил себе, что его репутация человека, наделенного сверхъестественными психическими способностями, создана им самим же и что на самом деле он наполовину шарлатан. Он так много говорил о своих особых способностях и так много слышал о них — особенно от жены,— что сам уже стал верить в это. Но все же бывали мгновения, когда он чувствовал, что его пресловутые способности не являлись чистым шарлатанством.

Он был талантливым гипнотизером и на самом деле верил в то, что его глаза излучают особую экстрасенсорную силу, когда он хотел добиться чего-либо от других. Может быть, именно это и привлекло к нему внимание неандертальца.

— Камень выделил чудовищное количество энергии,— сказал Лев Руах.— Должно быть, электрической. Но для чего? Я не допускаю мысли, что этот разряд энергии был бесцельным.

Бартон осмотрел поверхность грибообразной скалы. Разряд, по-видимому, не повредил серый цилиндр в центральной выемке. Он осторожно коснулся края кам-

ня — тот казался не теплее, чем можно было ожидать в результате обычного нагревания солнечными лучами.

— Не трогайте! — крикнул Лев Руах.— Возможен еще один...— но он осекся, увидев, что предупреждение запоздало.

— Еще один разряд? — переспросил Бартон.— Не думаю. Во всяком случае не сразу. Может быть, через некоторое время. Этот цилиндр оставили здесь, чтобы мы могли с его помощью кое-что узнать.

Он оперся ладонями о шляпку каменного гриба и прыгнул. Он проделал это движение с легкостью, которая невообразимо обрадовала его. Сколько лет прошло с тех пор, когда он ощущал себя таким же молодым и сильным! И таким же голодным!

Несколько человек из толпы закричали ему, чтобы он спрыгнул со скалы, прежде чем вспыхнет голубое пламя. Другие молча смотрели, ожидая, когда следующий разряд сметет его.

Ничего не произошло, хотя он не был слишком уверен в своей безнаказанности. Ощущая приятную теплоту камня под босыми ступнями, он подошел к центральному цилиндру и засунул пальцы под обод крышки. Та легко открылась. Сердце Бартона возбужденно забилось, когда он увидел, что находится внутри. Он ждал чуда — и чудо произошло. В крепежных отверстиях стояло шесть сосудов — и каждый из них был полон.

Он помахал своей группе, призывая подняться к нему. Казз легко вспрыгнул на шляпку гриба. Фригейт, почти оправившийся от приступа тошноты, также с гимнастической легкостью взлетел вверх. Если бы желудок у парня был покрепче, цены бы ему не было, отметил Бартон. Фригейт повернулся и, подав руку, помог Алисе Харгривс вскарабкаться наверх.

Они собрались вокруг Бартона, пожирая взглядами содержимое цилиндра.

— Это истинный Грааль! Священная чаша! Смотрите! Кусок жареного мяса, сочный, толстый бифштекс! Хлеб с маслом! Повидло! Салат! А это что? Пачка сига-

рет! Да-а-а! И сахар! И бокал виски, судя по запаху — отличный бурбон! Что-то еще... что это?

— Похоже на жевательную резинку,— сказал Фригейт.— А это, должно быть, зажигалка.

— Еда! — закричал внизу какой-то мужчина. Это был крупный человек, не принадлежащий к тем, кого Бартон считал «своей группой». Он полез на верхушку гриба, за ним последовали другие. Бартон запустил руку в цилиндр и, не трогая сосуда, схватил маленький серебристый прямоугольный предмет, лежавший на дне. Фригейт сказал, что это, наверное, зажигалка. Бартон не знал, что такое «зажигалка», но предположил, что она дает пламя для прикуривания сигарет. Зажав предмет в одной руке, другой он прикрыл крышку. Рот его наполнился слюной, в желудке урчало. Другие были такими же голодными, судя по выражению их лиц, они не понимали, почему Бартон не извлекает пищу.

Дюжий мужчина закричал, неистовствуя, по-итальянски, с акцентом, присущим жителям Триеста:

— Я голоден и убью любого, кто попробует помешать мне! Открой эту штуку!

Остальные молчали, но было ясно — они ждут от Бартона, чтобы он возглавил оборону. Вместо этого он произнес:

— Открывай сам,— и отвернулся. Его спутники заколебались. Они уже видели пищу и ощутили ее сладостный аромат. Но Бартон предупреждающе поднял руку.

— Посмотрите на толпу,— произнес он.— Через минуту здесь начнется драка. Пусть бьются за эти крохи. Не то, чтобы, я избегал сражения, поймите,— добавил он, свирепо глядя на своих приверженцев.— Просто я уверен, что все наши цилиндры будут полны пищей уже к ужину. Эти штуки, назовем их чашами, если вам угодно, нужно только оставить на скале — и они наполнятся. Все совершенно ясно,— именно затем сюда и поместили для примера эту центральную чашу.

Он подошел к краю шляпки гриба, нависшей почти над самой водой, и спрыгнул вниз. К этому моменту вся верхушка скалы была заполнена людьми, и еще большее их количество пыталось взобраться наверх. Здоровяк схватил бифштекс и впился в него зубами, но кто-то попытался вырвать кусок мяса прямо у него изо рта. Мужчина завопил от ярости и, наклонив голову, внезапно протаранил тех, кто стоял между ним и рекой. Он спрыгнул с камня и бросился в воду. Тем временем все остальные продолжали борьбу за остатки пищи, находившейся в цилиндре.

Здоровяк, прыгнувший в воду, дожевывал мясо, лежа на спине в реке. Бартон внимательно наблюдал за ним, ожидая, что речные хищники не упустят такого мгновения. Но все было спокойно, течение медленно сносило человека вниз.

Скалы к северу и к югу по обоим берегам реки были заполнены дерущимися людьми.

Бартон выбрался из толпы и сел. Члены его группы собрались вокруг, наблюдая за шумной, колышущейся массой дерущихся. Камень для чаш походил сейчас на гриб-поганку, облепленную большими личинками навозных мух, бледными, шумными личинками. Но вот некоторые из них покраснели — пролилась первая кровь!

Наиболее удручающим в этой сцене была реакция детей. Те, что поменьше, держались вдали от камня, но понимали, что в чаше была еда. Они плакали от голода и страха. У девчушки, спутницы Бартона, глаза были сухими, но ее трясло от ужаса. Она прижалась к нему всем тельцем, обвив ручонками шею. Бартон похлопал ее по спине и пробормотал слова утешения, которые она не могла понять, но его ласковый голос немного ее успокоил.

Солнце уже клонилось к закату. Часа через два оно наверняка спрячется за похожую на башню гору на западе, хотя настоящая темнота наступит гораздо позже. Более точных заключений о продолжительности дня

пока нельзя было сделать. Стало жарче, однако не настолько, чтобы опасаться перегрева; к тому же, с реки постоянно дул легкий, прохладный ветерок.

Казз начал делать знаки руками, показывая, что ему хотелось бы развести костер. Потом он положил ладонь на кончик бамбукового копья — очевидно, он собирался обжечь острие, чтобы оно стало тверже.

Бартон внимательно осмотрел металлический предмет, взятый им из чаши. Это был прямоугольный кусок твердого серебристого металла, длиной в два и шириной в три четверти дюйма. На одном его конце находилось небольшое отверстие, на другом — что-то похожее на слегка выступающий переключатель. Бартон надавил на выступ. Переключатель немного сместился вперед и из отверстия выскользнул стерженек диаметром в одну десятую и длиной приблизительно в полдюйма. Даже при ярком солнечном свете он ослепительно сверкал. Бартон прикоснулся кончиком стержня к стеблю травы и тот сразу же сморщился. Потом он ткнул стерженьком древко бамбукового копья, и в дереве образовалось тончайшее крохотное отверстие. Бартон вернул переключатель в прежнее положение, и стержень спрятался, подобно раскаленной голове медной черепахи, в своем серебристом панцире.

И Фригейт, и Руах не смогли скрыть удивления при мысли об энергии, таившейся в таком крохотном устройстве. Для того, чтобы стержень раскалился добела, требовалось очень большое напряжение. Сколько раз сможет сработать батарея или питающий радиоактивный элемент, который, по-видимому, находится внутри? Как перезаряжать эту зажигалку?

Существовало много вопросов, на которые нельзя было дать ответ немедленно; возможно, на них никогда не удастся ответить. Сейчас главным оставался один — кто и как вернул их к жизни в молодых телах? Но кто бы это ни сделал, в его распоряжении воистину были средства, подобные божественным! Однако рассужде-

ния на эту тему, хотя и представляли возможность для занимательной беседы, ничего не проясняли.

Вскоре толпа рассеялась. Пустой цилиндр валялся на верхушке камня. Там же осталось лежать несколько тел. Бартон заметил, что многие из участников схватки получили раны. У одной женщины было расцарапано все лицо, правый глаз заплыл кровью. Она всхлипывала, но никто не обращал на нее внимание. Еще один пострадавший, мужчина, сидел на земле, держась за поясницу, на которой отчетливо выступали следы острых ногтей.

Из четверых, оставшихся лежать на шляпке гриба, трое были без сознания. Они пришли в себя, когда им в лицо плеснули воды из чаши. Четвертый, невысокий щуплый мужчина, был мертв. Кто-то свернул ему шею.

Бартон посмотрел на солнце и сказал:

— Я не знаю точно, когда наступит время ужина. Думаю, нам нужно вернуться сюда сразу же, как только солнце скроется за горами. Мы установим чаши в эти углубления и будем ждать.

А пока что...

Тело мертвеца следовало бы бросить в реку, но Бартон решил, что найдет ему лучшее применение. Он сообщил остальным о своих планах и, спустив труп с камня вниз, они подхватили тело на руки и потащили через равнину. Фригейт и Галеацци, купец из Триеста, несли труп первыми. Американец не напрашивался сам на эту работу, но когда Бартон попросил его, он утвердительно кивнул, подхватил мертвеца за ноги и пошел вперед. Галеацци еле успевал за ним, держа труп под мышками. Алиса шагала рядом с Бартоном, за руку она вела Гвиневру. Кое-кто из толпы бросал любопытные взгляды на их процессию, но Бартон не обращал на это внимания. Через полмили труп перешел в руки Казза и Моната. Девочку, казалось, совсем не смущал мертвец. Она проявляла любопытство еще к первому трупу и не испытывала никакого страха при виде его обгоревшей кожи.

— Если она действительно происходит из какого-то кельтского племени,— заметил Фригейт,— то для нее привычен вид обугленных тел. Насколько мне не изменяет память, кельты сжигали пленников живьем в больших плетеных корзинах во время отправления своих религиозных ритуалов. Я только не помню, в честь какого бога или богини проводились подобные церемонии. Жаль, что здесь нет библиотеки, где можно было бы уточнить этот вопрос. Как вы думаете, когда-нибудь тут появится хоть одна библиотека? Мне кажется, что без книг я сойду с ума!

— Оставим это на будущее,— сказал Бартон.— Если нас не обеспечат библиотекой, мы создадим свою собственную. Конечно, если это окажется возможным.

Он подумал, что Фригейт задает глупые вопросы, но сейчас почти все были слегка не в своем уме.

Возле самых холмов двое мужчин, Рокко и Бронтич, сменили Казза и Моната. Бартон вел свою группу мимо деревьев сквозь высокую, по пояс, траву; ее заостренные пилообразные края царапали голые ноги. Он срезал ножом один из стеблей и потянул, проверяя на прочность. Фригейт старался держаться поближе к Бартону и, казалось, не мог прекратить болтовню. Бартон подумал, что американец, по-видимому, хочет избавиться от мыслей о двух несчастных, гибель которых отметила первый день воскресшего человечества.

— Если все люди, когда-либо жившие на Земле, восстали из мертвых в этой долине, то подумайте, какие можно провести исторические исследования! Сколько тайн и секретов удастся раскрыть! Можно будет поговорить с Джоном Уилксом Бутом и установить, был ли на самом деле военный министр Стэнтон причастен к убийству Линкольна. Можно будет раскрыть тайну личности Джека-Потрошителя. Узнать, действительно ли Жанна д»Арк была связана с ведьмами. Поговорить с наполеоновским маршалом Неем и проверить, действительно ли ему удалось избежать расстрела и стать школьным учителем в Америке. Ознакомиться с истин-

ной историей Пирл-Харбора. Увидеть лицо человека в Железной Маске, если таковой вообще когда-либо существовал. Взять интервью у Лукреции Борджиа и тех, кто был с ней знаком, чтобы выяснить, была ли она на самом деле шлюхой и отравительницей, как считает большинство людей до сих пор. Узнать, кто убил двух малюток-принцев в Башне Смерти. Может быть, это сделал сам Ричард III?

Фригейт на мгновение замолчал, казалось, он колебался. Потом, искоса взглянув на Бартона, он продолжал:

— И вам, сэр Ричард Френсис Бартон, тоже можно было бы задать немало вопросов о вашей собственной жизни, в которой многое осталось неясным для ваших биографов. Например — была ли у вас на самом деле возлюбленная-персиянка, на которой вы хотели жениться? Правда ли, что ради нее вы собирались расстаться с Англией, пожертвовать положением в обществе и навсегда поселиться в Иране? Ходили слухи, что она погибла и что ее смерть вы оплакивали до конца своих дней.

Бартон вспыхнул и свирепо уставился на Фригейта. Они едва познакомились, а этот бесцеремонный янки уже задает такие глубоко личные вопросы... будит бередящие душу воспоминания... Этого нельзя простить!

Фригейт изменился в лице и поспешно отступил назад.

— Ну... ну... пусть, все это может подождать... я же понимаю... Но я тоже мог бы рассказать кое-что... Ваша жена, знаете ли, похоронила вас на католическом кладбище, с соблюдением всех обрядов... На католическом кладбище, представляете! Вас! Неверующего!

Глаза Руаха, прислушивавшегося к болтовне Фригейта, все больше и больше расширялись от изумления. Наконец, он прервал американца и вмешался в разговор:

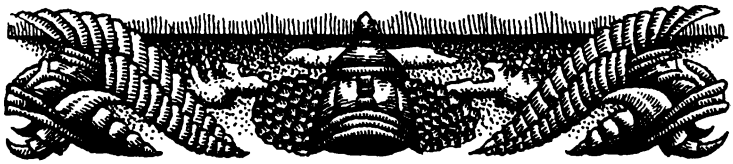
— Так вы — Бартон, исследователь Востока и лингвист? Первооткрыватель озера Танганьика? Человек,

который совершил паломничество в Мекку, переодевшись мусульманином? Переводчик «Тысячи и одной ночи»?

— У меня нет ни желания, ни нужды лгать вам. Да, это — я.

Еврей плюнул в Бартона, но ветер отнес плевок в сторону.

— Ты — сукин сын! — закричал Лев Руах. — Ты — вонючий нацистский выродок! Я читал о тебе! Да, во многих отношениях ты был выдающимся человеком, готов это допустить. Но ты же — антисемит!



ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ричард Бартон смутился.

— Мои враги,— сказал он, покачав головой,— распространили эти безосновательные и грязные слухи. Но любой, кому известны факты, кто знаком со мной, знает правду. А сейчас, я думаю, вам следовало бы...

— Так что же — это не вы написали «Еврей, Цыган и Эль-Ислам»? — спросил Руах, насмешливо улыбаясь.

— Я,— ответил Бартон. Его лицо раскраснелось, и когда он опустил глаза, то заметил, что кровь прилила даже к предплечьям и груди.

— А теперь — я хотел сказать это, но вы меня грубо перебили — теперь, мне кажется, вам лучше покинуть нас. Я не привык прощать оскорбления. Человек, осмелившийся говорить со мной подобным тоном, должен подкреплять свои слова действием. Но сейчас мы все находимся в необычной ситуации и, наверное, вы слишком возбуждены. И тем не менее — если вы немедленно не извинитесь или не уберетесь прочь, то здесь появится еще один труп.

Руах сжал кулаки и пристально посмотрел на Бартона, потом развернулся и пошел прочь.

— Кто такой нацист? — спросил Бартон у Фригейта. Американец, как мог, объяснил.

— Мне нужно многое узнать о том, что случилось после моей смерти,— задумчиво произнес Бартон.— Этот человек ошибается, я — не нацист... Вы говорите, Англия стала второразрядной державой? Всего лишь

через пятьдесят лет после моей смерти? Трудно в это поверить...

— Какой смысл мне лгать вам? — удивился янки. — К тому же, вы не должны огорчаться. В конце двадцатого столетия ваша родина возвысилась опять, причем весьма любопытным образом. Правда, было уже слишком поздно...

Слушая американца, Бартон испытывал гордость за свою страну. Хотя его заслуги не были оценены в Англии по достоинству, он без колебаний отдал бы за нее свою жизнь. И он всегда был предан королеве.

Неожиданно он произнес:

— Если вы догадались, кто я такой, почему вы ничего не сказали мне об этом?

— Я хотел иметь полную уверенность. Кроме того, у нас не было времени для общения, — ответил Фригейт. — Как и для всего прочего, — добавил он, покосившись на великолепную фигуру Алисы Харгривс.

— О ней я тоже слышал, — сказал он. — Если она именно та женщина, о которой я думаю...

— Мне ничего о ней неизвестно, — прервал его Бартон и остановился; они уже поднялись на вершину первого холма. Здесь посильщики опустили тело на землю рядом с огромной красной сосной.

Тотчас же Кавз, зажав в ладони кремневый нож, присел на корточки перед трупом. Он поднял голову и произнес нараспев несколько фраз — должно быть, молитву. Затем, прежде чем кто-нибудь успел его остановить, неандерталец вспорол живот мертвеца и вытащил печень.

Почти все вскрикнули от ужаса, и даже с губ Бартона слетел хриплый возглас. Глаза Моната округлились от изумления.

Кавз впился огромными зубами в еще теплую, кровавую плоть и оторвал большой кусок. Полузакрыв глаза от наслаждения, он принялся пережевывать мясо своими мощными челюстями. Бартон непроизвольно шагнул вперед, протянув руку, словно хотел защитить-

ся от ужасного зрелища. Но Казз понял его совершенно иначе. Расплывшись в широкой улыбке, он оторвал кусок печени и протянул Бартону. Казалось, он был очень удивлен отказом.

— Каннибал! — вскричала Алиса Харгривс.— О, боже мой, кровожадный грязный каннибал! Вот она — загробная жизнь, которую нам даровали!

— Этот малый ничем не хуже наших собственных предков,— возразил Бартон. Он уже оправился от потрясения и теперь слегка забавлялся, наблюдая за реакцией остальных. В местности, где мало пищи, его действия в высшей степени практичны. Что ж, проблему погребения трупа можно считать решенной. В недалеком будущем — если, конечно, мы ошиблись в предназначении чаш — нам придется последовать примеру Казза.

— Никогда! — крикнула Алиса.— Раньше я умру!

— Вот это как раз и может случиться,— спокойно заметил Бартон.— А сейчас я предлагаю отойти подальше и оставить Казза наедине с его обедом. Хотя это зрелище не влияет на мой аппетит, я все же нахожу его застольные манеры столь же вульгарными, как и у пионеров дикого Запада. Или сельских священников,— добавил он, покосившись на Алису.

Они отошли подальше — так, чтобы Казза не было видно — и собрались позади одного из огромных, покрытых наростами деревьев.

— Я не хочу находиться с ним рядом! — дрожащим голосом произнесла Алиса.— Он — животное! Чудовищная, отвратительная тварь! Я не могу чувствовать себя в безопасности ни единой секунды, пока он находится тут!

— Вы просили у меня защиты,— сказал Бартон.— И я готов ее обеспечить, пока вы остаетесь членом нашей группы. Но вы должны подчиняться моим решениям. А я решил, что этот обезьяночеловек останется с нами. Мы нуждаемся в его силе и навыках, они могут оказаться спасительными для нас в этом примитивном

мире. Мы должны стать первобытными людьми — следовательно, надо учиться у первобытного. Он останется — я сказал!

Алиса умоляюще посмотрела на остальных. Монат высоко поднял густые брови, Фригейт пожал плечами и мягко произнес:

— Миссис Харгривс, постарайтесь забыть привычные для вас условности. Мы находимся сейчас отнюдь не в высшем обществе викторианской эпохи. Вы не можете рассуждать и вести себя здесь так, как прежде на Земле. Возьмите, хотя бы только одну вещь — одежду, которую носили женщины в ваше время в Англии. Она скрывала их тела от шеи до щиколоток — так что зрелище обнаженного женского колена казалось волнующе сексуальным откровением. Однако сейчас вы, похоже, не испытываете смущения от своей наготы. Вы держитесь так достойно и уверенно, словно на вас одеяние монахини.

— Мне совсем не нравится отсутствие одежды,— сказала Алиса Харгривс.— Но почему я должна ощущать стыд? Там, где все нагие, никто не наг. Только так нужно воспринимать ситуацию, в которой мы оказались. И если бы какой-нибудь ангел одарил меня самым роскошным нарядом, я бы его не надела. Иначе я нарушила бы стиль, присущий нашему окружению. К тому же у меня неплохая фигура. Если не это, я, возможно, страдала бы больше.

Мужчины рассмеялись; потом Фригейт произнес:

— Вы — фантастическая женщина, Алиса. Несомненно так. Кстати, могу ли я называть вас Алисой? Миссис Харгривс звучит слишком официально в нашем положении.

Алиса не ответила ничего; склонив голову, она отошла от мужчин и скрылась за огромным деревом.

Бартон проводил ее взглядом и повернулся к Фригейту.

— Нам нужно что-то предпринять, чтобы справиться с санитарной проблемой — причем в самое ближай-

шее время. Значит, кому-то придется принимать решения в области охраны здоровья людей и обладать властью, чтобы проводить их в жизнь. Как вы думаете, сколько потребуется времени для формирования законодательных, судебных и исполнительных органов, способных вывести общество из нынешнего состояния анархии?

Фригейт пожал плечами:

— У нас есть более неотложные проблемы. Например — что нам делать с этим мертвецом?

Бартон с сомнением посмотрел на него. Лицо американца еще сохраняло бледность и выглядел он немногим бодрее, чем в тот момент, когда Казз вонзил нож в мертвое тело.

— Я уверен, что дубленая человеческая кожа или кишки — после надлежащей обработки, конечно — подойдут для изготовления веревок и ремней гораздо лучше травы. Я собираюсь вырезать несколько полос. Не хотите ли мне помочь?

Только шелест листьев нарушил тишину. Легкий ветерок приятно холодил кожу, нагретую палящими лучами солнца. Не было слышно ни птичьих трелей, ни жужжания насекомых. Внезапно раздался детский крик, потом послышался голос Алисы; бегущая фигурка Гвиневры мелькнула среди деревьев.

— Я попытаюсь,— ответил, наконец, Фригейт.— Но не уверен, что окажусь вам полезным. Пожалуй, для одного дня впечатлений будет многовато...

— Поступайте, как знаете,— сказал Бартон.— Но тот, кто мне сейчас поможет, первым получит кожу. Вам, пожалуй, пригодится кожаный ремешок, чтобы привязать топор к рукояти?

Фригейт тяжко вздохнул и произнес:

— Я иду.

Казз все еще сидел на корточках возле трупа, держа в одной руке кусок мяса, а в другой — окровавленный каменный нож. Увидев Бартона, он ухмыльнулся, растянув покрытые запекшейся кровью губы, и протянул

ему остаток печени. Бартон покачал головой и показал на нож. Остальные — Галеацци, Бронтич, Мария Туцци, Филиппо Рокко, Роза Налини, Катарина Капоне, Фьеренца Фиорри, Бабич и Джунта — удалились, чтобы не видеть этой омерзительной сцены. Они укрылись за толстым стволом огромной сосны и тихо переговаривались о чем-то по-итальянски.

Бартон опустился на колени рядом с телом, вонзил кончик ножа в правую голень и провел разрез до ключицы. Фригейт стоял рядом с ним. Он еще больше побледнел, тело его сотрясала дрожь, но американец держал себя в руках. Наконец, Бартону удалось отделить две длинные полосы кожи.

— Ну что? Теперь попробуете вы? — спросил он и перевернул тело на бок, так, чтобы можно было снять кожу со спины. Фригейт взял нож, с кончика которого капала кровь, и, стуча зубами, принялся за работу.

— Не так глубоко,— сказал ему Бартон. И через мгновение добавил: — А теперь у вас получился слишком неглубокий разрез. Ну-ка, дайте мне нож. Смотрите!

— У меня был сосед, который частенько подвешивал кроликов за своим гаражом, а потом выпускал им кишки. Как-то я наблюдал за ним. И одного раза оказалось достаточно.

— Нельзя быть таким привередливым,— сказал Бартон.— Мы очутились в первобытном, примитивном мире. Придется приспосабливаться к новому окружению, нравится нам это или нет.

Бронтич, высокий, жилистый словенец, который был раньше управляющим гостиницей, подбежал к ним.

— Мы нашли еще один камень, похожий на гриб! Ярдах в сорока отсюда. Он находится там, за деревьями, в ложбине.

Наслаждение, с которым Бартон поучал Фригейта, внезапно исчезло. Ему стало жаль парня.

— Послушайте, Питер,— сказал он.— Может, вам лучше пойти взглянуть на этот камень? Если это то, что нам нужно, мы избавимся от вечернего похода к реке.

Он передал Фригейту свою чашу.

— Поставьте ее в одну из лунок на камне, но запомните точно, в какую. Пусть другие сделают так же. Проверьте, что все твердо помнят, куда поместили свои чаши. Нам, знаете ли, следует избегать ненужных ссор.

Казалось, Фригейт не решался уйти, словно стыдился проявить слабость. Он постоял еще мгновение, переминаясь с ноги на ногу и судорожно вздыхая. Бартон сосредоточенно соскребал остатки плоти с внутренней стороны кожаного ремня, не обращая на американца внимания. Фригейт побрел прочь, держа в одной руке две чаши, а в другой — каменный топор.

Бартон бросил работу, как только американец скрылся из виду. Ему хотелось опробовать каменный нож; теперь он убедился, что сумел бы с его помощью рассечь тело и вынуть внутренности. Однако Бартон понимал, что сейчас ему не удастся сохранить кожу. Возможно, кора этих деревьев, похожих на дубы, содержит танин, необходимый для дубления,— но пока он приготовит все необходимое, ремни, конечно, сгниют.

Но все же он не потратил время зря. Нож годится в дело; кроме того, он немного освежил в памяти свои познания о человеческой анатомии. Когда-то в юности, в Пизе, Ричард Бартон и его брат Эдвард дружили с итальянцами, студентами-медиками местного университета. Оба молодых Бартона многое почерпнули из этой дружбы, и, в дальнейшем, их интерес к анатомии не ослабевал. Эдвард стал хирургом, а Ричард, находясь в Лондоне, никогда не упускал случая посетить лекцию или публичное вскрытие. Теперь, конечно, он многое позабыл.

Стемнело. Солнце спряталось за выступом скалы. Бледная тень упала на лицо Бартона, и в течение нескольких минут вся долина погрузилась в сумерки. Но

небо еще долго сохраняло яркую голубизну. Продолжал дуть слабый ветерок; пропитанный влагой воздух стал немного прохладнее. Бартон и неандерталец оставили тело и направились к деревьям, за которыми раздавались голоса их спутников. Все собрались возле камня, который нашел Бронтич. На нем не было чаши в центральном углублении и Бартон подумал, что этот камень, возможно, еще не подготовлен к работе. Но потом он отбросил эту мысль. Скорее всего существа, соорудившие каменные грибы, поместили чаши только на тех устройствах, что находились у реки. Они знали, что воскрешенные сначала обнаружат прибрежные камни. К тому времени, когда люди разыщут камни у подножия гор, они уже будут знать, как ими пользоваться.

Спутники Бартона расставили серые цилиндры в углублениях, которые образовывали внешнюю окружность. Люди стояли и сидели вокруг, переговариваясь друг с другом, но помыслы их были устремлены к чашам. Все ждали, когда же — если это вообще произойдет — над камнем взметнутся языки пламени. Почти все разговоры касались еды. Некоторые предавались размышлениям о том, каким образом люди попали сюда, кто воскресил их в этой долине и какие намерения неведомый благодетель питает в отношении человечества. Только совсем немногие вспоминали свою жизнь на Земле.

Бартон уселся под развесистыми ветвями «железного» дерева, толстый черный ствол которого покрывали наросты. Он чувствовал усталость, как и все остальные, кроме, может быть, Казза. Пустой желудок и натянутые как струна нервы не давали возможности вздремнуть, хотя тихие голоса и шелест листьев клонили ко сну... Ложбину, в которой собралась группа, ограждали склоны четырех холмов, поросших деревьями. Хотя здесь было темнее, чем на возвышенностях, ложбина лучше сохраняла дневное тепло. Через некоторое время, когда сумерки еще более сгустились и усилился холод, Бартон послал команду на поиски дров для ко-

стра. Пользуясь ножами и топорами, они нарезали большое количество сухого бамбука и собрали несколько охапок травы. С помощью зажигалки Бартон запалил костер. Трава и зеленые листья сильно дымили, пока в огонь не подбросили хворост и обломки бамбуковых стволов.

Раздавшийся внезапно грохот заставил всех подскочить от испуга. Женщины вскрикнули. Занятые костром, они перестали наблюдать за камнем и своими чашами. Бартон обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как голубые языки пламени взметнулись ввысь почти на двадцать футов. Даже на расстоянии добрых десяти ярдов от камня он ощутил тепло разряда.

Затем грохот стих и все, как завороженные, уставились на серые цилиндры. Бартон первым вспрыгнул на камень; остальные не отважились коснуться чаш сразу после исчезновения разряда. Он поднял крышку, заглянул внутрь и завопил от восторга. Остальные тоже бросились к камню и принялись открывать свои чаши. Через минуту все сидели вокруг костра и жадно ели, время от времени вскрикивая от удивления и демонстрируя друг другу свои находки. Дела были не так уж плохи — похоже, тот, кто вершил их, принял на себя заботы о хлебе насущном.

Содержимого чаш хватило всем — несмотря на вынужденный дневной пост, или, как заявил Фригейт, «пост длиною в добрую половину вечности». Как он пояснил Монату, его утверждение означало, что невозможно определить промежуток времени между 2008 годом и сегодняшним днем. Окружающий мир нельзя было создать за один день, а подготовка к воскрешению человечества определенно заняла больше недели. Конечно, если все это проделано с помощью научных знаний, а не каким-нибудь сверхъестественным образом.

Бартон обнаружил в своей чаше кусок мяса величиной с кулак, небольшой черный хлебец, масло, картошку с соусом и салат с непривычной, но очень вкусной приправой. Вдобавок, там была еще вместительная

кружка отличного бурбона и маленькая чашечка с четырьмя кубиками льда.

В сером цилиндре нашлось еще много неожиданного. Небольшая трубка, вырезанная из шиповника. Кисет с табаком. Три отличные сигары. Коробочка из пластика с десятью сигаретами. — Без фильтра! — разочарованно сообщил Фригейт. Отдельно лежала маленькая коричневая сигарета, понюхав которую, Бартон и Фригейт одновременно воскликнули:

— Марихуана!

Алиса достала из чаши маленькие металлические ножницы и черную расческу.

— Наверное, наши волосы отрастут снова, — с улыбкой сказала она. — Иначе к чему все это нужно? Я рада... так рада! — она сунула руку в контейнер и вытащила тюбик ярко-красной губной помады. На лице ее появилось недоуменное выражение. — Что это? Неужели Они на самом деле думают, что я стану пользоваться тут косметикой?

Фригейт рассмеялся и показал ей такой же тюбик, который он обнаружил в своей чаше.

— Они в высшей степени практичны, — заметил Монат, вертя в руках пачку бумажных салфеток. Затем он вытащил круглое зеленое мыло.

Бифштекс Бартона оказался очень сочным, хотя он предпочитал менее прожаренное мясо. С другой стороны, Фригейт жаловался, что его кусок оказался недожаренным.

— Очевидно, чаши не настроены на индивидуальное меню, с учетом привычек и вкусов владельца, — предположил Фригейт. — Поэтому и мужчинам, и женщинам достались помада и трубки. Это — массовое производство.

— Два чуда в один день, — произнес Бартон. — Но можно ли их считать чудесами? Я предпочитаю рациональное объяснение и хотел бы его получить. Не думаю, что кто-то может в данный момент сказать мне, каким образом нас воскресили. Но, наверное, вы, люди

двадцатого века, имеете какую-нибудь гипотезу относительно волшебного появления всех этих предметов в прежде пустом контейнере?

— Если сравнить внешние и внутренние размеры чаши,— сказал Монат,— то можно заметить разницу по высоте примерно в пять сантиметров. Внутреннее днище, по-видимому, скрывает некое устройство — конвертер, способный превращать энергию в материю. Энергия попадает туда во время разряда. В дополнение к конвертеру в чаше должны быть также молекулярные шаблоны — нечто вроде справочного каталога, определяющего способы синтеза различных веществ. Мои рассуждения, скорее всего, верны, так как на моей родной планете были созданы подобные преобразователи. Но не таких миниатюрных размеров — в этом я абсолютно уверен!

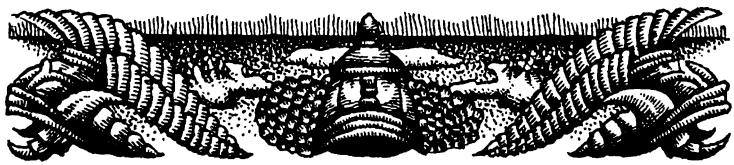
— Могу сказать то же самое и о Земле,— кивнул Фригейт.— Еще до 2002 года человечество научилось производить железо из чистой энергии, но это был очень трудоемкий и дорогой процесс с почти микроскопическим выходом готовой продукции.

— Ладно,— сказал Бартон.— Нам это изобилие пока ничего не стоит. Пока...— он осекся, вспомнив о сне, который видел перед пробуждением.

«Плати! — требовал тогда Бог.— Ты задолжал мне за плоть!»

Что все это могло означать? На Земле, в Триесте, в 1890 году он умирал на руках у жены и просил... Что? Хлороформ? Что-то, чего он не мог вспомнить... Он погружался в тишину, во мрак забвения...

А затем очнулся — и оказался в том странном месте, заполненном мириадами нагих тел. Ничего подобного не могло существовать на Земле — да и на этой планете тоже, насколько он мог понять. Но Бартон был твердо уверен в одном — то, что он тогда увидел и испытал, не являлось ни сном, ни бредом.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Они быстро покончили с едой и установили опустевшие контейнеры обратно в чаши. Воды поблизости не было, и им пришлось бы ждать до утра, чтобы сполоснуть посуду. Однако Фригейт и Казз соорудили несколько ведер из секций гигантского бамбука. Американец вызвался пойти к реке, если кто-нибудь составит ему компанию, и принести воду.

Это предложение удивило Бартона — двухмильное путешествие с полными ведрами не было легкой прогулкой. Затем, бросив взгляд на Алису, он понял, в чем дело. Фригейт, вероятно, рассчитывал найти себе на берегу подружку, полагая, что Алиса Харгривс в эту ночь предпочтет Бартона. Другие женщины, примкнувшие к их группе — Мария, Фьеренца, Роза и Катарина — уже сделали свой выбор. По-видимому, из пяти мужчин, жителей Триеста, обойденным оказался Бабич; он исчез сразу после ужина.

Монат и Казз вызвались сопровождать американца. Наступила ночь. Мягко светящиеся газовые облака и огромные, неправдоподобно яркие звезды озарили небеса. Некоторые из звезд были так велики, что могли сойти за осколки земной луны; они теснились в вышине подобно гроздьям спелых вишен, и их яростный, безжалостный блеск вселял в людей ужас и ощущение собственной ничтожности.

Бартон лежал на спине, попыхивая сигарой. Он счел ее отличной; в Лондоне его дней такая сигара стоила бы по крайней мере шиллинг. Первый шок прошел, и сейчас он уже не чувствовал себя жалкой кро-

хотной козявкой. В конце концов, звезды, сиявшие над ним, являлись всего лишь бездушной материей — а он был разумным существом, переполненным ощущением жизни. Здесь, рядом с ним, находится нежная, очаровательная женщина, одно ее присутствие дарило ему счастье, недоступное любому из этих величественных и мертвых небесных огней.

По другую сторону костра, скрытые травой и сумраком, расположились жители Триеста. Пьянящее ощущение молодости и силы, подогретое спиртным, оживило их; до Бартона долетали звуки громких поцелуев и веселый смех. Затем, пара за парой, они исчезли в темноте.

Девчушка устроилась рядом с Алисой и быстро уснула. Свет костра золотил великолепное тело и длинные стройные ноги молодой женщины, отблески пламени играли на ее красивом лице с тонкими аристократическими чертами.

Ее не портило даже отсутствие волос. Внезапно Бартон ощутил себя мужчиной; сила и радость бытия переполняли его. Определенно, он больше не был стариком, который последние шестнадцать лет своей жизни жестоко расплачивался за раны, лихорадки и болезни, которые он подцепил во время своих странствий в тропиках. Все это осталось на Земле; теперь же он был снова молод, здоров и одержим прежним неугомонным бесом.

Да, но он обещал этой женщине защиту... она находилась под порукой его чести. Он не должен ничего предпринимать, что можно было бы истолковать как покушение на ее добрую волю... и тело.

Ну что ж, она — не единственная женщина в этом новорожденном мире. В его распоряжении все женщины — или, по крайней мере, те, которые готовы откликнуться на его просьбу. Если все разумные существа, когда-либо жившие и умершие на Земле, находятся сейчас на берегах реки, то, по оценке Фригейта, их не менее тридцати шести миллиардов. И Алиса — всего

лишь одна женщина из неисчислимого множества юных красавиц, ожидающих его где-то там, во тьме.

Однако похоже, что дьявол сыграл с ним злую шутку. Возможно, завтра он заведет целый гарем, но в это мгновение Алиса была единственной желанной для него женщиной. И потом, он не может просто так подняться и уйти в темноту на поиски другой подружки, потому что и она, и ребенок останутся без защиты. Алиса, конечно, не будет чувствовать себя в безопасности в компании Моната и Каззa, и он не должен порицать ее — эти двое были так ужасающе безобразны! Он не может доверить ее попечению Фригейта — даже если янки вернется этой ночью, в чем Бартон сомневался. Многое в поведении американца оставалось для него непонятным — и, следовательно, подозрительным.

Оценив создавшееся положение, Бартон неожиданно рассмеялся. Он подумал, что грешные мысли можно было бы прекрасно отложить на потом. Это вновь вызвало у него смех, он не мог остановиться, пока Алиса не поинтересовалась, все ли с ним в порядке.

— Даже в большей степени, чем вы можете себе представить,— ответил он и повернулся к ней спиной. Он запустил руку в свою чашу и извлек последний дар этого вечера — маленькую пластинку из похожей на резину субстанции. Фригейт перед уходом заметил, что их неведомые благодетели, должно быть, американцы. В противном случае им бы в голову не пришло снабжать воскресших жевательной резинкой.

Потушив сигару о землю, Бартон сунул пластинку в рот.

— Странный вкус, но довольно приятный,— отметил он, опять поворачиваясь к Алисе.— Вы уже пробовали ее?

— Я хотела... но потом представила себе, что буду похожа на корову, жующую свою жвачку.

— Забудьте о земных правилах хорошего тона,— рассмеялся Бартон.— Или вы полагаете, что существа,

способные вас воскресить, могут обладать вульгарными вкусами?

Слабая улыбка скользнула по губам Алисы потом она нерешительно произнесла:

— Я и в самом деле не знаю, что думать... — и положила в рот кусочек жвачки. Некоторое время они неторопливо жевали сладкую упругую массу, посматривая через костер друг на друга, когда их взгляды встречались, Алиса поспешно отводила глаза в сторону.

— Фригейт упомянул, что знает вас,— начал Бартон.— Вернее — знает о вас. Могу я спросить, кто вы? И надеяться при этом, что вы простите мое любопытство?

— Ах, какие секреты могут быть среди покойников? — легкомысленно ответила она.— Как, впрочем, и среди бывших покойников...

Она была урожденной Алисией Лиддел и появилась на свет 25 апреля 1852 года... Бартон отметил, что ему тогда уже было тридцать лет. ...Ее семья происходила по прямой линии от короля Эдуарда и его сына Иоанна. Отец ее являлся деканом колледжа Церкви Христовой в Оксфорде и соавтором знаменитого греко-английского словаря (Лиддел и Скотт, вспомнил Бартон). У нее было счастливое детство, она получила отличное образование. Она встречалась со многими знаменитостями того времени — Гладстоном, Мэтью Арнольдом, принцем Уэльским (который был препоручен заботам ее отца во время обучения в Оксфорде). Ее мужем стал Реджинальд Джарвис Харгривс, и она очень его любила. Он был «сельским джентльменом», обожал охоту, рыбную ловлю, игру в крикет, садоводство и чтение французских романов. Она родила ему трех сыновей, выбравших военную карьеру; двое из них погибли в мировой войне 1914 — 1918 годов. (Второй раз за этот день Бартон слышал о мировой войне).

Она все говорила и говорила, будто глоток выпитого за ужином виски развязал ей язык. Или словно хотела возвести стену из слов между ней и Бартоном.

Она рассказывала о забавном котенке, которого очень любила в детстве, о могучих деревьях в лесном питомнике своего мужа, о том, как ее отец, работая над словарем, всегда чихал ровно в двенадцать часов дня и никто не знал почему... В возрасте восьмидесяти лет ей присудили почетную степень доктора литературы в одном из американских университетов, кажется, Колумбийском, за ту исключительно важную роль, которую она сыграла в создании знаменитой книги мистера Доджсона (Алиса забыла упомянуть название, а Бартон, хотя и был ненасытным читателем, не помнил ни одной книги этого автора).

— Это был самый светлый день в моей жизни,— рассказывала она.— Несмотря на... впрочем, был еще один,— Алиса мечтательно прикрыла глаза.— Четвертое июля 1862 года. Мне исполнилось десять лет... На мне и на моих сестрах были черные туфельки, белые ажурные носочки, белые ситцевые платьица и шляпки с широкими полями...

Внезапно женщина замолчала; ее руки и губы дрожали, словно она пыталась удержать что-то, рвущееся наружу... Потом она заговорила еще быстрее.

— Мистер Доджсон и мистер Дакворт несли корзинки с провизией для пикника... мы уселись в нашу лодку возле Фолли Бридж... Мистер Дакворт взялся за весла. Капли воды падали с их лопастей подобно стеклянным слезинкам на гладкое зеркало реки...

Последние слова прозвучали для Бартона раскатами грома. Он удивленно взглянул на Алису, но, казалось, в движениях ее губ не было ничего необычного. Теперь и она не отрывала глаз от Бартона, словно пыталась высверлить взглядом в его теле туннель, ведущий куда-то в глубины времени и пространства. Ее руки были чуть-чуть приподняты, как будто она хотела сделать жест изумления — и не смогла его закончить.

Бартон ощутил, что ночь вокруг него полна звуками. Он слышал дыхание спящей девочки, биение ее сердца и сердца Алисы, шелест слабого ветра в ветвях

деревьев. Издалека донесся какой-то звук — не то крик, не то плач.

Он вскочил и прислушался. Что случилось? В чем причина такого поразительного обострения чувств? Почему он слышит стук сердца Алисы, но не своего? Почва под его босыми ступнями вдруг словно ожила; он ощущал ее рельеф, каждую крохотную впадинку и каждый микроскопический холмик, форму и шероховатость травинок, бархатистую фактуру цветочного лепестка... Еще мгновение — и ему показалось, что молекулы воздуха с грохотом ударили его в грудь... потом в живот, в плечи, голову, руки...

Алиса тоже встала.

— Что происходит? — спросила она, и ее голос обрушился на него, словно ураганный порыв ветра.

Он не ответил, продолжая пристально смотреть на нее. Только теперь он понял, какой прекрасной и желанной была эта женщина.

Алиса шагнула к нему, протянув руки. Ее влажные губы раскрылись, дрожа всем телом, она произносила нараспев как заклинание:

— Ричард! О, Ричард!

Внезапно она замерла; глаза ее расширились. Бартон придвинулся к ней, коснулся ладонью обнаженного плеча... но женщина отпрянула прочь и с криком «Нет! Нет!» бросилась в темноту и скрылась среди деревьев.

Долю секунды он стоял неподвижно. Ему казалось непостижимым, что женщина, которую он так сильно любит, может не откликнуться на его призыв. Она, должно быть, дразнит его. Вот в чем дело.

Потом он ринулся в темноту ночи, не переставая выкрикивать ее имя.

• • •

Прошло, должно быть, несколько часов — дождь хлынул на них. Возможно, действие наркотика прекратилось или же холодная вода отрезвила их — но, каза-

лось, они в одно мгновение очнулись от наваждения, подобного сну. Она заглянула в его глаза, закричала и яростно оттолкнула его.

Скатившись в траву, он успел выбросить вперед руку и поймать ее за лодыжку, когда она попыталась отползти на четвереньках в сторону.

— Что с тобой? — крикнул он.

Алиса как будто пришла в себя. Она села на траву, уткнувшись лицом в колени, тело ее сотрясали рыдания. Бартон встал, нежно коснулся ее подбородка и заглянул в глаза. Молния, сверкнувшая неподалеку, озарила искаженное мукой лицо женщины.

— Вы же обещали защищать меня! — простонала она.

— Мне кажется,— сказал Бартон,— вам вовсе не хотелось, чтобы вас защищали. И я не обещал защищать вас от естественных человеческих порывов.

— Порывов! — вскрикнул она.— Порывов! Боже мой, я никогда в жизни не вела себя подобным образом! Всегда, слышите, всегда я была добропорядочной женщиной! Я была девственницей, когда вышла замуж! И всю свою жизнь я была верна моему мужу! А теперь... с абсолютно незнакомым!.. Только подумать! Я не знаю, что случилось со мной!

— Значит, я потерпел фиаско,— спокойно сказал Бартон и рассмеялся. Но горечь и раскаяние зашевелились в его душе. Если бы все действительно произошло по ее собственному желанию, у него не возникло бы ни малейших угрызений совести. Но эта жвачка содержала какой-то сильнодействующий наркотик, и именно он заставил их стать любовниками, страсть которых не имела границ.

— Вам не нужно в чем-либо раскаиваться, не нужно упрекать себя,— нежно сказал он.— Вы были одержимы. Одурманены наркотиком.

— Но я сделала это! — простонала она.— Я... я хотела этого! О, какой низкой, продажной девкой я стала!

— Что-то не припомню, чтобы я предлагал вам деньги!

Ему совсем не хотелось быть таким бессердечным. Он просто пытался разозлить ее, заставить прекратить это самоуничижение. И он вполне преуспел. Женщина вскочила на ноги и вцепилась ногтями в его грудь и лицо. Она отпускала ему такие эпитеты, которые высокородной и благовоспитанной леди викторианской эпохи совсем не полагалось знать.

Бартон обхватил ее запястья, стараясь предохранить лицо. Женщина, яростно извиваясь в его руках, продолжала выкрикивать оскорбления. Наконец, когда она замолчала и снова заплакала, он повел ее к лагерю. От костра остались только мокрые головешки. Он разгреб угли и подбросил новую охапку сухой травы из лежавшей под деревом кучи. При свете янтарных угольков он увидел, что девочка спит, свернувшись калачиком, между Каззом и Монатом, укрытая сверху большой копной травы. Он вернулся к Алисе. Опустив голову, она сидела под деревом.

— Убирайтесь прочь,— глухо сказала она.— Я не хочу вас больше видеть! Испачкали в грязи! После того, как дали слово меня защищать!

— Если вам нравится мерзнуть, можете остаться тут,— пожал плечами Бартон.— Я подошел просто для того, чтобы предложить вам прилечь рядом с остальными, ночью нам будет теплее. Но, если вы не желаете, сидите здесь. Я повторяю еще раз, что мы были одурманены наркотиком.— Он задумался на мгновение, потом покачал головой.— Нет, не одурманены — я выразился неверно. Наркотики не могут порождать желания, они только позволяют им вырваться наружу из-под контроля разума. Внутренние запреты спадают; и никто из нас не может порицать за это ни себя, ни другого.— Он склонился над ней, пытаясь заглянуть в лицо; его голос внезапно стал мягким: — Алиса... я был бы лжецом, сказав, что это не доставило мне удовольствия... И вы тоже получили наслаждение... при-

знайтесь в этом хотя бы самой себе... Зачем же вы терзаете свою душу?

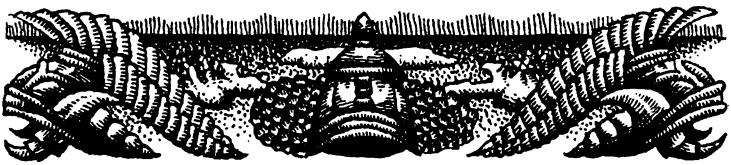
— Я не такое животное, как вы! Я — добрая христианка и богобоязненная женщина!

— В этом нет сомнений,— со вздохом сожаления согласился Бартон.— Но позвольте заметить следующее: я сомневаюсь, что вы сделали бы все это, если бы в вашей душе не таилось такого сокровенного желания. Наркотик только снял ограничения — но он, безусловно, не вложил в ваш разум саму идею; она уже была там. Под влиянием снадобья вы совершили то, что вам хотелось совершить.

— Я понимаю это! — вскричала она с отчаянием.— Неужели вы думаете, что я глупее простой служанки? У меня есть разум! Я отлично знаю, что я сделала и почему! Но мне никогда не снилось, что я могу стать такой... такой... тварью! Должно быть, я такая и есть на самом деле! — она снова зарыдала.

Бартон пытался утешить ее, доказывая, что природа людская противоречива и в душе любого человека таятся плотские желания. Он говорил, что именно от этого проистекает понятие первородного греха; и так как она — всего лишь человек, ее душа не может быть исключением.

Но чем больше он старался поднять ее настроение, тем хуже ей становилось. В конце концов, дрожа от холода, утомленный бесполезными уговорами, Бартон сдался. Растолкав Моната и Казза, он залез между ними, обнял девчушку и попытался уснуть. Тепло человеческих тел под толстым слоем сухой травы согрело и успокоило его. Он заснул под безутешные всхлипывания Алисы.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Он пробудился в тот час, когда небо уже наполнял серый свет ложной зари, которую арабы называют «волчьим хвостом». Монат, Казз и девочка еще спали. Некоторое время он ворочался, почесывая зудящую от колючих стеблей кожу, затем выполз наружу. Костер погас. Капли росы висели на стеблях деревьев, падали с высоких зеленых стрелок травы и с цветочных лепестков. Он вздрогнул от холода, отметив, что не чувствует головной боли или каких-нибудь других последствий наркотического дурмана.

Под кучей травы, наваленной у корней железного дерева, Бартон разыскал охапку сравнительно сухих веток. Через несколько минут он наслаждался теплом костра, потом заметил рядом бамбуковые сосуды с водой и поднес один из них ко рту. Напротив, в копне травы, сидела Алиса и угрюмо наблюдала за ним. По всему ее телу от холода выступила гусиная кожа.

— Подходите погреться,— предложил он.

Она выползла из своего гнезда, встала, пошла к ведру из бамбука, наклонилась, зачерпнула воды и брызнула себе в лицо. Затем села на корточки у огня, грея руки над небольшим пламенем. «Когда все нагие, даже самые скромные быстро теряют скромность»,— подумал Бартон.

Чуть позже он услышал какой-то шелест сзади и, повернув голову, узрел Питера Фригейта. Тот выбрался из травы, за ним показалась лишенная волос женская голова. Поднявшись на ноги, подружка янки явила взору Бартона мокрое, но стройное и красивое тело.

У нее были большие темно-зеленые глаза, но слишком полные губы не позволяли считать ее красоту совершенной, зато все остальное выглядело очаровательно.

Фригейт широко улыбнулся и, взяв женщину за руку, потянул к костру.

— Вы похожи на кота, полакомившегося канарейкой,— засмеялся Бартон.— Что с вашей рукой?

Питер Фригейт бросил взгляд на костяшки правой руки, покрытые засохшей кровью. Тыльная сторона его кисти была исцарапана.

— Я полез в драку,— сказал он и указал на женщину, присевшую у костра рядом с Алисой.— Прошлым вечером у реки был настоящий сумасшедший дом. Видимо, в этой жвачке содержится какой-то наркотик. Вы даже не представляете, что вытворяли там люди... Во всяком случае, все женщины, включая и самых уродливых, так или иначе были разобраны. Сначала меня испугало происходящее, потом... потом я сам словно обезумел. Я избил двух мужчин... может быть, даже убил их... Эти скоты напали на десятилетнюю девочку. Я предложил девчушке свою защиту, но она убежала... заплакала и убежала, несчастный напуганный ребенок.

Фригейт покачал головой, задумчиво глядя на языки пламени.

— Я решил вернуться; мне было как-то не по себе от одной мысли, что я убил этих двоих... даже, если они и заслуживали того. Во всем виноват наркотик... он, видимо, высвобождает ярость и неудовлетворенные желания, накопившиеся за целую жизнь. Итак, я отправился обратно и по дороге натолкнулся еще на двух мужчин... они куда-то тащили женщину, вот эту. Я думаю, она была совсем не прочь уединиться с кем-нибудь в кустах. Но двое одновременно... вы понимаете, что я имею в виду. Во всяком случае, увидев меня, она закричала и начала сопротивляться. Я набросился на этих парней с кулаками, отшвырнул их, а затем еще и вышиб дух из каждого своей чашей. Затем я взял с собой эту женщину; ее имя Логу, и это все, что я о ней

знаю — я не смог понять ни единого слова из ее языка. И она пошла за мной,— он снова широко улыбнулся.— Но мы так и не успели заняться чем-нибудь интересным...

Он перестал улыбаться и вздрогнул.

— Дождь, молнии, гром обрушились на нас как гнев господний... Я подумал, что наступил час Страшного Суда... что бог отпустил вожжи на один день и теперь, убедившись, чего мы стоим... Одним словом, я решил, что сейчас мы все окажемся в преисподней,— Фригейт слегка усмехнулся и продолжал задумчиво: — Понимаете, в четырнадцать лет я стал атеистом... и умер атеистом в девяносто — хотя в тот момент у меня было искушение позвать священника. Но, оказывается, тот ребенок, который страшился грозного бородатого бога, адского огня и вечных мук... тот ребенок все еще жив в душе старика... Или в этом юноше, воскресшем из мертвых,— он коснулся ладонью своей груди.

— Ну так что же? — сказал Бартон.— Мир не рухнул с ударами молнии. Вы живы — и, как я понимаю, вовсе не отреклись от прелестей греха,— он кивнул в сторону зеленоглазой женщины.— Что было дальше?

— Мы нашли камень для чаш вблизи гор, в миле к западу отсюда. Мы заблудились и, замерзшие, мокрые, напуганные, бродили по окрестностям. Тогда мы и наткнулись на эту скалу. Вокруг нее собралось много народу, но, к счастью, все были настроены довольно миролюбиво. В этом человеческом муравейнике мы почти согрелись, хотя дождь создавал некоторые неудобства. В конце концов, там мы и уснули. Пробудившись, я кинулся на поиски Логу, она затерялась в этой толпе. Когда я нашел ее, она мне улыбнулась — она обрадовалась, что снова видит меня. Мне не хотелось с ней расставаться. Вам не кажется, Бартон, что между нами есть какое-то родство душ, а? В чем оно заключается, я, может быть, узнаю, когда она научится говорить по-английски. Я пробовал французский и немецкий, пытался объясниться с ней на русском, латинском,

кельтском, на всех скандинавских языках, включая финский, на арабском, еврейском, итальянском, испанском, на наречиях онондага, оджибуэев, на современном и античном греческом и еще на дюжине других. И чего же я добился, можете вы спросить? Да ничего! Один пустой взгляд!

— Вы, очевидно, лингвист? — с уважением спросил Бартон.

— Я не слишком бегло владею каждым из этих языков,— покачал головой Фригейт.— На большинстве могу читать, но устно способен составить лишь пару обыденных фраз. В отличие от вас. Дик, я не знаток тридцати девяти языков — включая сюда и язык любви... в ее эротическом аспекте.

«Этот парень, кажется, знает обо мне слишком много»,— подумал Бартон.— «В свое время нужно выяснить, что же ему известно на самом деле».

— Я буду с вами откровенен, Питер,— произнес он вслух.— Ваша агрессивность удивляет меня. Никогда бы не подумал, что вы способны избить человека. Ваша чувствительность...

— Это все жвачка! Она распахнула дверь клетки, в которой всю свою земную жизнь обитал каждый из нас...

Фригейт присел на корточки рядом с Логу и потерся щекой о ее нежное плечо. Женщина взглянула на него своими слегка раскосыми глазами и рассмеялась.

«Она определенно будет красавицей — как только отрастут волосы»,— машинально отметил Бартон.

— Я выгляжу уступчивым и робким только потому, что боюсь дать волю своей ярости,— задумчиво сказал Фригейт.— Я боюсь пробудить в своей душе страсть к насилию... а как показала прошлая ночь, это чувство скрыто во мне не так уж глубоко. И я боюсь насилия, потому что по натуре я сам насильник. Я боюсь даже подумать о том, что случилось бы, не будь у меня этого страха. Черт, я знаю об этом сорок лет. Много же добра принесло мне это знание!

Он взглянул на Алису и сказал:

— Доброе утро.

Алиса ответила достаточно бодро и даже улыбнулась Логу, когда Фригейт представил ей свою подружку.

Зевая и потягиваясь, к костру подошли Монат и Казз, за ними семенила девчушка. Бартон обошел весь лагерь и обнаружил, что жители Триеста ушли. Некоторые оставили здесь свои чаши. Он мысленно выругал их за беспечность и решил, что было бы неплохо спрятать чаши в траве, чтобы дать им хороший урок. Но потом передумал и поставил все цилиндры в углубления на камне.

Если владельцы чаш не вернутся, они останутся голодными; вряд ли кто-нибудь поделится с ними пищей. И в то же время еда в их чашах останется нетронутой. Никто не сможет открыть чужой цилиндр. Еще вчера Бартон обнаружил, что только хозяин чаши способен снять с нее крышку. Эксперименты с длинной палкой убедили его, что владелец, перед тем как открыть чашу, должен прикоснуться к ней пальцами или любой частью тела. Согласно гипотезе Фригейта, механизм чаши был настроен на специфический поверхностный электропотенциал кожи владельца. Возможно, в цилиндр был встроен чувствительный детектор, регистрирующий излучение мозга.

Небо стало проясняться. Солнце все еще находилось по другую сторону восточного хребта. Примерно через полчаса над каменным грибом взметнулись сполохи голубого огня и над лощиной раскатился гром.

Прикрыв глаза от яркого света, Бартон подумал, что генерируемая камнем энергия подобна чудесному содержимому святого Грааля; и то, и другое обладало способностью претворяться в пищу человеческую. И если священный Грааль действительно существует где-то на Земле, скрытый в таинственной, никому не ведомой пещере или в покоях сказочного замка, то, наверное, он стоит там на таком же каменном столе из серого, с красными прожилками, гранита как этот... этот грейлстоун.

Бартон усмехнулся; название показалось ему подходящим.

На этот раз в чашах оказались ломтики поджаренного хлеба, яичница с беконом, ветчина, масло, джем, молоко, четвертушка дыни, сигареты и пакетик, наполненный коричневым порошком; Фригейт сказал, что это — растворимый кофе. Американец выпил молоко, прополоскал металлическую чашку, налил в нее холодной воды и пристроил около костра. Когда над водой показался пар, он отсыпал немного порошка в кипяток и размешал его. Кофе, по его словам, получился восхитительный — и порошка в пакете могло хватить чашек на шесть.

Вскоре они выяснили, что нагревать воду над огнем совершенно не требовалось. Алиса положила кофе в холодную жидкость перед тем, как поставить чашку. Порошок быстро растворился и вода закипела.

Закончив завтрак, они вымыли посуду и установили ее в держателях цилиндров. Бартон привязал свою чашу к запястью. Он собирался идти на разведку и не хотел оставлять единственное свое богатство в углублении грейлстоуна. Хотя воспользоваться содержимым чаши никто не мог, какие-нибудь мерзавцы могли забрать ее только затем, чтобы полюбоваться, как он будет мучиться от голода.

Это утро Бартон начал с урока языка для девочки и Казза. Фригейт поспешил присоединить Логу к числу его учеников.

Американец заметил, что неплохо бы начать пропаганду эсперанто — ведь за сотни тысяч лет своего существования человечество использовало великое множество языков, и теперь все они будут в ходу на берегах реки. Конечно, добавил он, если неведомые благодетели воскресили все человечество; ведь их группа до сих пор смогла осмотреть только несколько миль, населенных, в основном, бывшими жителями Триеста.

— Эсперанто? — переспросил Бартон.— Я слышал о нем перед самой смертью, но никогда не сталкивался

с этим языком практически. Что ж, возможно, в будущем он нам пригодится. Но эту троицу я буду пока что обучать английскому.

— Но ведь большая часть людей тут говорит по-итальянски или на словенском,— возразил Фригейт.

— Возможно, хотя мы не знаем этого точно,— покачал головой Бартон.— Однако, будьте уверены, мы надолго здесь не задержимся.

— Я мог бы об этом догадаться,— пробормотал Фригейт.— Вам всегда не сиделось на месте.

Бартон бросил сердитый взгляд на американца и начал урок. В течение пятнадцати минут он вдалбливал в своих учеников смысл и произношение девятнадцати существительных и нескольких глаголов — огонь, бамбук, чаша, мужчина, женщина, девочка, рука, нога, глаз, зубы, есть, ходить, бежать, говорить, опасность, я, вы, они, мы. Кроме того, он хотел и сам научиться их языкам, чтобы со временем свободно разговаривать с ними.

Солнце озарило вершины восточного хребта. Потеплело. Костер погас, оставленный без присмотра. Настал второй день их новой жизни. И пока они почти ничего не знали об этом мире, о его владыках, о своей дальнейшей судьбе.

Из травы показалось носатое лицо Льва Руаха.

— Можно к вам присоединиться?

Бартон сухо кивнул, а Фригейт сказал:

— Конечно, почему же нет?

Руах вышел из травы, оставив этот риторический вопрос без ответа. За ним следовала невысокая бледнокожая женщина с большими карими глазами и прелестными тонкими чертами лица. Руах представил ее как Таню Каувиц. Они встретились прошлым вечером и остались вместе, обнаружив, что между ними было много общего. Девушка происходила из русско-еврейской семьи. Она родилась в Бронксе в 1958 году, стала учительницей английского языка, вышла замуж за бизнес-

мена, который сколотил миллионы и скончался, предоставив ей возможность в возрасте сорока пяти лет выйти замуж вторично за замечательного человека, любовницей которого она была уже лет пятнадцать. Она прожила всего шесть месяцев; смерть наступила от рака. Выложив все эти сведения на едином дыхании и в пулеметном темпе, Таня замолчала.

— На равнине вчера вечером был сущий ад,— сказал Лев.— Нам пришлось бежать в лес. Потому я и решил разыскать вас и попроситься обратно в группу. Я беру назад свое вчерашнее опрометчивое заявление, мистер Бартон. Думаю, что я имел основание для таких выводов, однако теперь я понимаю, что ту книгу следует рассматривать в контексте с другими вашими высказываниями.

— Мы еще когда-нибудь разберемся с этим,— кивнул Бар-тон.— В те времена, когда я писал ту... ту книгу, о которой вы так нелестно высказались, я страдал от низкой и злобной клеветы ростовщиков из Дамаска и они...

— Разумеется, разумеется, мистер Бартон,— поспешно проговорил Руах.— Я только хотел подчеркнуть, что считаю вас очень способным и сильным человеком, и поэтому хочу присоединиться к вашей группе, именно к вашей, а не какой-нибудь другой. Мы сейчас находимся в состоянии анархии, если только анархию можно назвать состоянием. И многие из нас нуждаются в защите.

Бартон терпеть не мог, когда его перебивали. Он нахмурился и сказал:

— Разрешите мне самому все объяснить. Я...

В этот момент Фригейт поднялся и произнес:

— Похоже, что возвращаются наши итальянцы. Интересно, где они провели все это время?

Однако из девяти вернулись назад только четверо. Мария Туцци объяснила, что вчера они ушли все вместе, нажевавшись резинки. Однако их прогулка вскоре закончилась у одного из огромных костров, пылавших

на равнине. Затем произошло много разных событий. Драки и нападения мужчин на женщин, мужчин на мужчин, женщин на женщин и даже нападение тех и других на детей. Группа растворилась в наступившем хаосе. Утром она, Мария, встретила троих друзей, когда искала среди холмов камень для чаш.

Лев Руах добавил несколько подробностей к рассказу Марии. По его наблюдениям, использование наркотической жвачки могло приводить к трагическим последствиям — или просто к забавным эпизодам. По-видимому, это зависело от индивидуальных особенностей организма. Одним жвачка дарила наслаждение, на других действовала возбуждающе. Иногда результаты ее употребления были ужасны. Руах рассказывал о супругах, умерших в 1899 году в одном из пригородов Триеста. Когда они воскресли, то лежали в шести футах друг от друга. Они плакали от счастья воссоединения, когда столь многие пары были разлучены. Они благодарили бога за ниспосланную удачу. Они провели пятьдесят лет в счастливом браке и теперь собирались не разлучаться во веки вечные.

Всего лишь через несколько минут после употребления жвачки мужчина задушил жену, швырнул ее тело в воду, подхватил на руки другую женщину и убежал с ней в темноту леса.

Некий мужчина взобрался на камень для чаш и произнес речь, которая, несмотря на дождь, длилась всю ночь.

Он изложил своим немногочисленным слушателям принципы организации совершенного общества. К утру он настолько охрип, что был способен прокаркать лишь несколько слов. Его знакомые говорили, что на Земле он не принимал участия даже в голосовании.

Часть мужчин и женщин, оскорбленных публичной демонстрацией чувственных удовольствий, пытались протестовать и даже растащить любовные пары. Результаты: синяки, разбитые губы и носы, вышибленные зубы и два сотрясения мозга. Другие провели всю ночь

на коленях, молясь и исповедуясь господу в своих грехах.

Несколько детей были жестоко изувечены, изнасилованы или убиты. Но не все взрослые поддались безумию: кое-кто защищал детей — или, по крайней мере, пытался это сделать.

Руах видел отчаяние и отвращение мусульманина-хорвата и австрийского еврея, обнаруживших в своих чашах свинину. Индус в отчаянии ломал руки — в его чаше была говядина. Еще один человек кричал, что все они попались в тенета дьявола, и выбрасывал в реку сигареты. Глядя на него, некоторые мужчины говорили:

— Лучше бы ты отдал нам эти сигареты, если не хочешь пользоваться сам!

— Табак — выдумка дьявола! Это растение было взращено Сатаной в саду Эдема!

— Но ты мог бы поделиться с нами,— заметил кто-то из компании собравшихся вокруг мужчин.— Ведь тебе-то не было бы никакого вреда!

— Я лучше выброшу это сатанинское зелье в реку! — вопил святоша.

— Ты фанатик и безумец! — крикнул один из парней и нанес ему удар в челюсть. И прежде, чем несчастный противник табака успел встать на ноги, он получил несколько крепких пинков от остальных мужчин.

Руах рассказывал, как неудачливый проповедник поднялся и, рыдая от ярости, закричал:

— Что я сделал, о господи, за что заслужил такое? О, боже, боже! Ведь я всегда почитал тебя! Я жертвовал тысячи фунтов на благотворительность! Всю жизнь я боролся против греха... Трижды в неделю я поклонялся тебе, о боже, в твоем храме... я...

— Я тебя узнала! — закричала какая-то женщина с голубыми глазами, красивым лицом и точеной фигурой.— Я узнала тебя! — Ты Роберт Смитсон!

Мужчина замолчал и, мигая, уставился на нее.

— Но я вас не знаю, миссис!

— Конечно, не знаешь! А не мешало бы! Я — одна из тысяч девушек, что гнули спину по шестнадцать часов в день на твоих фабриках! Для того, чтобы ты мог жить в своем шикарном доме! Чтобы ты мог одеваться в дорогое платье, чтоб твои собаки и лошади ели лучше нас! Я была одной из твоих работниц! Мой отец гнул на тебя спину, и моя мать тоже, и все мои братья и сестры, которые не погибли от болезней и голода, все они были твоими рабами! Одна из твоих проклятых машин отрезала руку моему отцу, и ты вышвырнул его на улицу без единого гроша. Моя мать умерла от чахотки. И я тоже кашляла кровью, мой милый баронет, пока ты обжирался изысканной пищей и нежился на пуховиках... а может, просто дремал на своей роскошной церковной скамье и швырял тысячи, чтобы помочь бедным азиатам или снарядить миссионеров для обращения в истинную веру язычников-африканцев... Мои легкие сгорали, но я пошла на панель, чтобы прокормить своих младших братишек и сестренок... И я подхватила сифилис, слышишь ты, гнусный набожный ублюдок — и все потому, что ты выжимал последние капли пота и крови из меня и подобных мне несчастных! Я умерла в тюрьме, потому что ты считал, что проститутки недостойны жалости! Ты... ты!..

Смитсон сначала покраснел, затем побледнел. Взяв себя в руки, он хмуро взглянул на женщину и произнес:

— Вы, распутницы, всегда найдете, на кого можно взвалить вину за то, что вы стали предаваться похоти и потворствовать своим гнусным вожделениям! Бог знает, что я стойко следовал его заповедям!

Он повернулся и пошел прочь, но женщина побежала за ним и замахнулась на него своей чашей. Все произошло очень быстро. Кто-то вскрикнул, мужчина повернулся и присел, так что чаша едва задела его макушку.

Смитсон быстро юркнул мимо женщины и затерялся в толпе. Однако, заметил Руах, мало кто понял, что

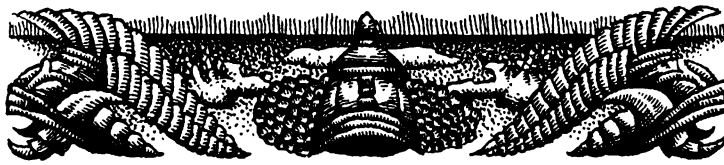
происходит, потому что там больше никто не говорил по-английски.

— Смитсон? Сэр Роберт Смитсон? — задумчиво произнес Бартон.— Насколько мне помнится, он владел хлопкопрядильными фабриками и металлургическими заводами в Манчестере. Он был известен как филантроп, жертвующий крупные суммы на обращение язычников. Умер он, если не ошибаюсь, в 1870 году в возрасте восьмидесяти лет.

— И, вероятно, в твердом убеждении, что за свои дела будет вознагражден на небесах,— сказал Лев Руах.— Разумеется, ему не приходило в голову, что он сгубил множество рабочих.

— Если бы он не эксплуатировал бедняков, это делал бы кто-нибудь другой,— философски заметил Бартон.

— Вот, вот! Именно такими доводами пользовались очень многие на протяжении почти всей истории человечества! — сказал Руах.— Но ведь в вашей собственной стране были промышленники, следившие, чтобы зарплата и условия труда рабочих улучшались. Одним из них, насколько я припоминаю, был Роберт Оуэн.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Не вижу особого смысла спорить о том, что происходило в прошлом,— примиряюще произнес Питер Фригейт.— Меня больше беспокоит настоящее.

Бартон поднялся.

— Вот речь, достойная потомка практичных янки! Вы правы — нам нужна крыша над головой, орудия и еще бог знает что! Но прежде всего, я думаю, нам стоит взглянуть, что делают люди на равнине.

В это мгновение из-за деревьев показалась Алиса. Фригейт первым заметил ее и разразился хохотом:

— Вы только посмотрите! Благородная леди выписала новый туалет из Парижа!

Бартон повернулся и глаза его изумленно округлились. Алиса нарезала длинные травянистые стебли и сплела из них какое-то подобие одежды. Сверху ее грудь и плечи прикрывало пончо, снизу — юбка, ниспадающая до икр.

Это неуклюжее одеяние производило странное впечатление. Раньше лишенная волос голова не портила женственной красоты Алисы; теперь зеленый бесформенный балахон, скрывший ее стройную фигуру, сделал молодую женщину жалкой и нелепой. Однако итальянки столпились вокруг нее, с интересом рассматривая травяную накидку.

— К сожалению, трава сильно раздирает кожу,— заметила Алиса.— Но зато так приличнее. Вот все, что я могу сказать по этому поводу.

— По-видимому, ваше мнение изменилось,— язвительно произнес Бартон.— Совсем недавно вы утвер-

ждали, что собственная нагота не шокирует вас, если остальное цивилизованное общество тоже бегает голышом.

Алиса холодно посмотрела на него и поджала губы.

— А теперь, я надеюсь, все будут одеты так же, как и я. Все! Каждый порядочный человек!

— Да... Теперь я вижу, что для некоторых условности превыше всего! — покачал головой Бартон.

— Я сам был ошарашен, очутившись среди множества голых людей,— сказал Фригейт.— Хотя в Америке и в Европе нагота на пляжах стала обычным делом в конце восьмидесятых годов. Но, как мне кажется, тут все довольно быстро привыкли к нынешнему положению вещей, не так ли? Все — кроме безнадежных психопатов.

Бартон повернулся к остальным женщинам:

— Ну, а как вы, дорогие дамы? Вы тоже готовы надеть эту безобразную колючую копну сена только потому, что одна из представительниц вашего пола вдруг решила, что у нее вновь появились интимные части тела? Но может ли то, что уже было доступно публичному обозрению, опять стать интимным?

Логу, Таня и Алиса ничего не поняли, так как он говорил по-итальянски. Но затем Бартон повторил то же самое по-английски.

Алиса вспыхнула, резко ответила:

— Моя одежда — мое личное дело! Если кому-то нравится ходить голым, в то время как я пристойно прикрыта, что ж!..

Логу опять не поняла ни слова, но, очевидно, сообразила, что происходит. Она рассмеялась, пожала плечами и отвернулась. Что касается остальных женщин, то каждая из них старалась угадать, что собираются делать другие. В этот момент их не волновало ни уродство наряда Алисы, ни явное неудобство, которое он причинял.

— Пока женщины думают, как им поступить, неплохо бы пройтись к реке,— предложил Бартон.— Мы

могли бы выкупаться, набрать воды и посмотреть, что творится на равнине. Затем мы снова вернемся сюда. До наступления ночи нужно соорудить несколько хижин или хотя бы временных шалашей.

Они двинулись вниз, продираясь сквозь густую траву и захватив с собой чаши, оружие и ведра. Вскоре им стали встречаться люди. По-видимому, многие решили покинуть равнину. Наиболее расторопные уже успели обнаружить сланец и изготовить из него примитивные копья и ножи. Возможно, они научились технике обработки камня у других первобытных людей, оказавшихся в этой местности. Пока что Бартону встретились только два создания, не принадлежащие к виду «хомо сапиенс»,— и они оба находились в его группе.

Спустившись с холма, они прошли мимо двух уже почти завершенных бамбуковых хижин. Это были круглые строения с коническими крышами из огромных треугольных листьев железного дерева. Рядом какой-то мужчина мастерил бамбуковое ложе на невысоких ножках, используя сланцевый топор и нож.

На прибрежной равнине не было заметно следов человеческой деятельности. Останки погибших во время вчерашнего безумия исчезли. До сих пор никто не носил одежду, и многие, кто встречался им по пути, удивленно смотрели на Алису, некоторые смеялись, бросая грубые реплики. Алиса краснела, но явно не собиралась освободиться от своих одеяний. Солнце начало припекать, и потная кожа так зудела под грубой рогожей, что она непрерывно почесывалась, запуская руку то под юбку, то под накидку; подобное поведение в публичном месте было совершенно недопустимым для дамы с точки зрения строгих канонов викторианской эпохи.

Наконец, путники добрались до реки. Множество мужчин и женщин плескались в теплой воде. На берегу лежало больше дюжины сплетенных из травы накидок; очевидно, не одна Алиса имела строгие понятия о благопристойности.

Однако, в остальном зрелище, представшее глазам Бартона, резко контрастировало с тем, к чему он привык. Здесь были те самые люди, которые, согласно строгим нормам морали их времени, обычно купались только в специально отведенных местах, в костюмах, закрывавших их тела от шеи до лодыжек. И после одного-единственного дня, проведенного в новом мире, они плавали в реке нагими. И радовались этому.

По-видимому, шок воскрешения ускорил их адаптацию к состоянию полной обнаженности. К тому же в первый день они ничего не могли с этим поделать. Возможно, свою роль сыграло также присутствие среди воскрешенных представителей южных народов и диких племен, для которых нагота являлась вполне естественной.

Бартон взмахнул рукой и окликнул стройную девушку с миловидным лицом и блестящими голубыми глазами, стоявшую по пояс в воде.

— Это та самая девица, что пыталась прикончить Смитсона, — шепнул Бартону Лев Руах. — Ее, кажется, зовут Вильфреда Олпорт.

Бартон с любопытством посмотрел на нее, по достоинству оценив роскошный бюст девушки; потом снова окликнул ее:

— Ну, как вода?

— Отличная! — ответила она, улыбаясь.

Он отвязал чашу и поставил ее на землю вместе с корзинкой, в которой лежали каменный нож, топор и разные мелочи. Достав мыло, Бартон вошел в воду; она была очень теплой и, пожалуй, только градусов на десять отличалась от температуры человеческого тела. Он намылил грудь и плечи, с наслаждением вдыхая аромат белоснежной пены, потом возобновил беседу с Вильфредой. В ее речи ощущался акцент, характерный для жителей северных графств; скорее всего, она была уроженкой Камберленда.

— Я слышал, вчера вы хорошо отделали этого старого лицемера, — усмехнувшись, начал Бартон. — Я по-

нимаю, вам тяжело вспоминать о прошлом, но сейчас вы, наверно, счастливы. К вам вернулось здоровье, вы снова молоды и красивы, забота о куске хлеба больше не тяготит вас. И то, чем вы прежде занимались из-за денег, в этом мире может подарить вам радость искреннего чувства.

Однако было бесполезно ходить кругами около этой разбитной фабричной девчонки. Вильфреда окатила его ледяным взглядом — таким же, какие ему теперь дарила благородная Алиса Харгривс.

— У вас все в порядке с головой? Похожи на англичанина, но что-то я не могу понять по вашей речи, откуда вы... Из Лондона, что ли? И еще... что-то не наше...

— Почти отгадали! — воскликнул он, смеясь.— Я — Ричард Бартон; и должен признаться, что в свое время мне пришлось пострансствовать по свету. Вы бы не хотели присоединиться к нашей группе? Мы объединились вместе для защиты и взаимопомощи. Там, среди холмов, есть уютное местечко рядом с камнем для чаш, в котором мы собираемся построить несколько хижин.

Вильфреда внимательно посмотрела на Моната и неандертальца.

— А эти — они тоже входят в вашу компанию? Я уже слышала о них. Говорят, что одно из этих чудовищ — человек, прибывший со звезд в двухтысячном году.

— Он не причинит вам вреда, дорогая. Так же, как и тот парень, наш предок. Так что же вы ответите мне?

— Я всего лишь простая женщина,— пожала великолепными плечами Вильфреда.— Что же я могу предложить в качестве вступительного взноса?

— Все, что может предложить женщина,— ухмыльнулся Бартон.

К его удивлению, она расхохоталась. Потом подошла к Бартону, коснулась пальцами его груди и сказала:

— Ну разве вы не душка? В чем же дело? Вы не можете раздобыть себе девушку по вкусу?

— Я почти уже уговорил одну, но мы, похоже, не сошлись характерами,— ответил Бартон.

Однако это не было правдой — во всяком случае, надежда еще не покинула его. Он гадал, что собирается делать дальше Алиса. Если она чувствует к нему такой ужас и отвращение, зачем же она осталась в их группе? Может быть, только потому, что предпочитает знакомое зло незнакомому? Ее пуританские манеры раздражали Бартона — но, в то же время, он не хотел ее потерять. Страсть, которую он ощутил ночью, была вызвана наркотиком — и все же что-то осталось в его сердце. Тогда почему же он уговаривает эту женщину присоединиться к их группе? Возможно, чтобы вызвать ревность у Алисы. Возможно, чтобы иметь в запасе женщину, если сегодня вечером Алиса ему откажет. Возможно... он, впрочем, и сам не знал, почему...

Он оглянулся.

Алиса стояла на берегу, почти касаясь воды пальцами ног. Берег здесь всего лишь на дюйм возвышался над речной гладью. Невысокая трава, такая же, как на равнине, покрывала дно реки на мелководье. Бартон все время ощущал ее под ногами, как далеко бы он ни заходил в воду. Он бросил мыло на берег и, отплыв футов на сорок, нырнул. Течение на глубине было сильнее. Он погружался с открытыми глазами, пока не стало совсем темно и не заломило в ушах. Наконец, пальцы его коснулись дна. Здесь тоже была трава.

Бартон поплыл назад, туда, где вода достигала его пояса, и увидел, что Алиса сбросила с себя одежду. Она медленно вошла в реку и начала плескать воду на голову и лицо.

Бартон окликнул Фригейта:

— Почему вы не идете купаться?

— Лучше я постерегу чаши,— сказал американец.

— Хорошо!

Бартон выругался про себя. Он сам должен был подумать об этом и назначить сторожа. Он знал, что ему далеко до идеального руководителя. Он любил, чтобы

дела шли своим естественным ходом, чтобы все образовывалось само собой. На Земле он осуществил множество экспедиций, ни одна из которых не отличалась хорошей подготовкой или умелым руководством. Правда, когда во время Крымской войны он командовал отрядом этих башибузуков, диких турок-кавалеристов, у него получалось совсем неплохо. Во всяком случае, гораздо лучше, чем у большинства. Может быть, ему не стоит особенно упрекать себя...

Лев Руах вылез из воды и, растирая ладонями тощее тело, стал стряхивать на землю капли воды. Бартон тоже выбрался на берег и присел на траву. Алиса, плескавшаяся на мелководье, повернулась к нему спиной — то ли нарочно, то ли случайно; он решил, что по этому поводу не стоит строить никаких догадок.

— Меня не только радует обретенная снова молодость, — сказал Руах по-английски с сильным акцентом, — но и то, что вот эта нога снова при мне.

Он похлопал себя по правому колену.

— Я потерял ее во время аварии на одной из магистралей в Ньо-Джерси в пятьдесят лет, — он засмеялся и продолжил: — Тот случай можно было бы назвать иронией судьбы... За два года до него меня схватили арабы во время геологической экспедиции в пустыне, как вы понимаете, в государстве Израиль...

— Вы имеете в виду Палестину? — спросил Бартон.

— В 1948 году евреи основали независимое государство, — сказал Руах. — Вам об этом, конечно, ничего не известно. Когда-нибудь я расскажу вам о тех событиях подробнее. Итак, меня схватили и пытали арабские гверильос. Мне не хотелось бы вдаваться в детали; при воспоминании об этом мне до сих пор становится дурно. Но в ту же ночь я сбежал, стукнув двоих камнем по голове и застрелив еще парочку. Мне фантастически повезло — через несколько часов меня подобрал армейский патруль. Спустя два года, когда я уже был в Штатах и ехал по автостраде, мою машину смял в лепешку огромный трейлер. Я получил тяжелые травмы; правую

ногу ниже колена пришлось ампутировать. Но вся соль этой истории в том, что водитель грузовика был родом из Сирии. Так что, как видите, арабы все же добрались до меня, хотя им и не удалось со мной окончательно разделаться. Это за них выполнил наш друг с Тау Кита. Хотя я не могу сказать, что он погубил человечество. Он просто ускорил его конец.

— Что вы имеете в виду!

— Миллионы умирали от голода и даже в Штатах были введены карточки; загрязнение воды, почвы, воздуха убивало еще миллионы. Ученые рассчитали, что половина атмосферного кислорода на Земле исчезнет за следующие десять лет, потому что фитопланктон погибал из-за отравления воды в океанах.

— В океанах?

— Вы что, не верите? Ну да, конечно. Вы же умерли в 1890 году, поэтому вам трудно все это представить. Некоторые ученые еще в 1968 году предсказывали, что катастрофа произойдет в начале двадцать первого века. Я был биохимиком, я знал, что это возможно. Но подавляющее большинство населения — в том числе и политики — отказывались верить подобным прогнозам. А когда грянула катастрофа, было уже слишком поздно. Правительства ряда стран пытались принять какие-то меры, но ситуация уже вышла из-под их контроля. К тому же, им противостояли многочисленные группировки промышленников, которые боялись потерять свои прибыли... Впрочем, это длинная и печальная история; и если мы собираемся строить сегодня хижины, то лучше ее не начинать.

Алиса вышла из воды, стряхивая с тела капли воды. Солнце и легкий бриз, веявший с реки, быстро высушили ее кожу. Когда Бартон дал команду собираться, Алиса подобрала свой зеленый наряд, но надевать его не стала. Вильфреде, обратившей на это внимание, она сказала, что жесткие стебли натирают ей кожу. Но она, конечно, сохранит свою одежду и снова облачится в нее вечером, когда станет холодно.

Бартон заметил, что Алиса вежлива с Вильфредой, но откровенно сторонится ее. Алиса знала, что Вильфреда была фабричной работницей, знала, что она стала проституткой и умерла от сифилиса. Во всяком случае, так думала сама Вильфреда; она не помнила момента своей смерти.

— Наверно, я сначала сошла с ума, а потом умерла,— сказала девушка с небрежной улыбкой.

Услышав это, Алиса постаралась отодвинуться подальше. Бартон ухмыльнулся, подумал, что бы она сказала, узнав, что он сам страдал от этой болезни. Он подхватил сифилис от какой-то девушки-рабыни в Каире в 1853 году, когда, под видом мусульманина, пробирался в Мекку.

Его успели излечить, и организм его не был разрушен болезнью, однако он пережил страшные душевные муки. Но здесь каждый при воскрешении получил чистое, молодое и здоровое тело; казалось, земная судьба человека не должна влиять на отношение к нему со стороны окружающих. Здесь все можно было начать заново.

Прошлое надо забыть... Однако, это не означало, что оно действительно будет забыто.

По сути дела, он не мог ни в чем упрекнуть Алису Харгривс. Она была продуктом своей эпохи. Подобно всем женщинам, она была тем, чем сделали ее мужчины — хотя обладала сильным характером и достаточно гибким умом, чтобы подняться над некоторыми предрассудками своего времени и своего класса. Она смирилась с наготой, и она не проявляла открытой враждебности или высокомерия по отношению к этой несчастной девушке. Ночью, с Бартоном, она вела себя так, словно сбросила груз предубеждений, накопленных в течение всей прожитой на Земле жизни. И это случилось в самую первую ночь после воскрешения, когда женщина с ее воспитанием и образом мыслей должна была бы стоять на коленях, петь осанну, бить себя в грудь и каяться в грехах!

Он думал об Алисе все время, пока они шли по равнине, иногда бросая взгляды в ее сторону. Без ореола прически ее лицо казалось несколько старше, но отсутствие волос на лобке делало ее похожей на ребенка. Сердце его сжалось. В них во всех заложено это противоречие: старики и старухи выше плеч, дети — ниже пояса!

Он немного отстал, пока не очутился рядом с Алисой. Теперь он шел позади Фригейта и Логу. Сзади эта женщина выглядела обворожительно и лицезрение ее округлых ягодиц и бедер частично скомпенсировало хмурый взгляд, которым встретила его Алиса. Однако он решился еще на одну попытку.

— Если прошлая ночь причинила вам такие сильные страдания, то почему вы остались со мной? — тихо спросил он. Красивое лицо Алисы исказилось от гнева.

— Я не осталась с вами! Я осталась с группой! И я все продумала... все, что касается прошлой ночи, хотя это так мучительно для меня! Но я должна быть честной. Это наркотик заставил нас сделать то... ну, то что мы тогда сделали. И я не сомневаюсь, что вы думаете точно также.

— Значит, на повторение нет никакой надежды? Совсем никакой?

— Как вы можете еще говорить об этом! Конечно же — нет! Да как вы осмелились?..

— Я вас не принуждал,— пожал плечами Бартон.— Я уже говорил, что вы вели себя так, как и должны были вести, когда наркотик снял внутренние барьеры в вашем сознании. Хотя эти барьеры не такая уж плохая штука — при определенных обстоятельствах, разумеется... ну, допустим, когда вы являетесь законной женой человека, которого вы любите... человека, живущего на Земле, в Англии. Однако Земли больше не существует и Англии тоже нет. Так же как и английского общества. Если повелители этого мира действительно воскресили всё человечество, разбросав его вдоль реки, то вы, скорее всего, никогда больше не увидите своего мужа. Так

что считайте себя свободной. Помните? «...пока смерть нас не разлучит». Но смерть вас разлучила — вы оба умерли.

— Вы богохульник, мистер Бартон! Я читала о вас в газетах, и я просматривала некоторые ваши книги об Африке и Индии и о мормонах в Америке... Я также слышала рассказы, большинству из которых не смела верить... настолько порочным человеком представляли вас эти истории. Реджинальд буквально кипел от негодования, когда прочел вашу «Касиду». Он сказал, что не потерпит такой мерзкой, безбожной литературы в своем доме. И мы сожгли в печке всю вашу писанину.

— Если я настолько порочен, что, общаясь со мной, вы чувствуете себя падшей женщиной, почему же вы не уходите?

— Неужели я должна все повторять снова? В другой группе могут оказаться мужчины еще хуже. И, как вы уже любезно подчеркнули, никто меня не принуждал. Кроме того... я уверена, что у вас есть что-то похожее на сердце... под этой оболочкой циника и насмешника. Я видела, как вы плакали, когда несли Гвиневру на руках...

— Вы разгадали меня,— улыбнулся Бартон.— Ну, что ж, очень хорошо. Пусть будет так. Я стану рыцарем и оставлю все попытки соблазнить вас. Но если вы увидите, что я жую эту резинку — прячьтесь. Во всех остальных случаях, даю честное слово, вам нечего меня опасаться.

Ее глаза округлились, и она остановилась.

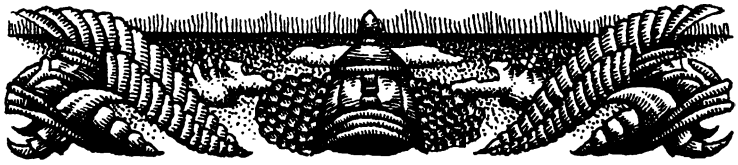
— И вы намерены снова попробовать эту гадость?

— А почему бы и нет? Возможно, жвачка превращает некоторых в диких зверей, но на меня такого воздействия она не оказывает. Я не чувствую тяги к ней и сомневаюсь, что этот наркотик может войти в привычку. Мне приходилось не раз курить опиум, но его употребление не вызывало никаких отрицательных эффектов. Я полагаю, что лишен болезненной тяги к наркотикам.

Откровения Бартона ошеломили Алису. Она отвернулась и произнесла сквозь зубы:

— Я знала, что вы не могли оторваться от рюмки, мистер Бартон. Но представить себе такое... Вы и это отвратительное создание, мистер Суинберн...

Тут ее прервал какой-то тип, и, хотя она не понимала по-итальянски, сопровождавший слова непристойный жест сделал его намерения вполне ясными. Алиса вспыхнула, но продолжала идти, не останавливаясь. Бартон посмотрел на итальянца. Это был хорошо сложенный смуглый юноша с орлиным носом, маленьким подбородком и близко расположенными глазами. Его речь пересыпали слова из воровского жаргона Болоньи, где Бартон провел много времени, изучая культуру этрусков. За парнем стояло около десятка мужчин, большинство из которых имели такую же зловещую внешность. Еще дальше, немного в стороне, столпились женщины. Очевидно, эти молодцы хотели пополнить свой гарем — а заодно прихватить и каменные орудия группы Бартона. Сами они были вооружены только бамбуковыми палками и своими чашами.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда Бартон подал команду, люди сомкнулись вокруг него. Казз не понял слов, но сразу сообразил, что происходит. Он чуть отстал и занял позицию с тыла. Его звероподобный вид и увесистый каменный топор несколько охладили болонцев. Они последовали за группой, отпуская ругательства и угрозы, но приближаться пока не рисковали. Когда холмы скрыли прибрежную равнину, главарь бандитов взмахнул рукой и они пошли в атаку.

С диким воплем вожак бросился на Бартона, замахиваясь чашей. Бартон прикинул амплитуду размаха и метнул свое копье как раз в тот момент, когда чаша описывала дугу назад. Каменный наконечник оружия вошел в солнечное сплетение нападавшего и тот упал на бок. Неандерталец ударил одного из болонцев и выбил цилиндр из его рук, затем, отпрыгнув назад, он опустил топор на макушку другого бандита. Тот осел вниз с окровавленным черепом.

Маленький Лев Руах швырнул чашу в грудь здоровенного детины и свалил его на землю. Затем он прыгнул на парня, ударив его ногой в лицо в тот момент, когда бандит пытался встать. Тот снова упал на спину, и Руах, изловчившись, проткнул ему плечо кремневым ножом. Завопив от боли, раненый вскочил на ноги и бросился прочь.

Фригейт, побледневший, когда банда бросила им вызов, действовал намного лучше, чем можно было ожидать. Его чаша висела на запястье левой руки, привязанная травяной веревкой, в правой руке он держал

топор. В начале схватки он получил сильный удар в грудь, сбивший его на землю. Противник Фригейта поднял бамбуковое копье обеими руками, нацелившись прямо в висок американца, но тот откатился в сторону, отбив удар чашей. Затем он вскочил и, наклонив голову, ринулся на болонца, ударив его в живот. Оба упали, но Фригейт через мгновение оказался сверху. Его топор дважды опустился, раздробив череп бандита.

Алиса, подобно Руаху, бросила чашу прямо в лицо еще одному нападающему, а затем всадила ему в бок острие обожженного на огне копья. Логу подскочила сзади и ударила мужчину палкой по голове с такой силой, что тот упал на колени.

Сражение закончилось за шестьдесят секунд. Бандиты, быстро оценив ситуацию, мигом убрались восвояси вместе с табуном женщин. Бартон перевернул стонущего вожака на спину и выдернул копье из раны. Оказалось, что наконечник вошел в живот не больше, чем на полдюйма.

Парень поднялся на ноги и, держась за кровоточащую рану, побрел прочь. Двое бандитов лежали без сознания, но, несомненно, живые. Напавший же на Фригейта был мертв.

Американец из бледного стал красным, затем снова побледнел. Однако было непохоже, чтобы он сокрушался или испытывал угрызения совести. Лицо его выражало торжество. И облегчение!

— Это был первый человек, которого я убил! — сказал он.— Первый!

— Думаю, что не последний,— ответил Бартон.— Если только раньше не разделаются с вами.

Руах, глядя на труп, медленно произнес:

— Мертвец здесь выглядит точно так же, как на Земле. Интересно, что происходит с теми, кого уже успели прикончить в сей юдоли загробной жизни?

— Если мы проживем здесь достаточно долго, то все со временем узнаем. Кстати, наши женщины держались отлично, молодцы!

— Я делала то, что нужно было делать, — ответила Алиса и отошла в сторону. Она была бледна и дрожала. Логу же, наоборот, казалась оживленной, словно стычка доставила ей удовольствие.

• • •

Примерно за полчаса до полудня они вышли к своему грейлстоуну. Здесь все изменилось. В их тихой маленькой ложбинке теперь собралось человек шестьдесят; многие мужчины возились с пластинами сланца, вырубая лезвия для ножей и наконечники копий. Один из них держался за налитый кровью глаз, куда, очевидно, попал осколок от камня. У некоторых кровь капала с лица или сочилась из разбитых пальцев.

Бартон расстроился, однако он понимал, что бессилен сейчас что-либо предпринять. Единственная надежда заключалась в том, что пришельцев прогонит отсутствие здесь воды. Но и она быстро растаяла. Какая-то женщина сказала, что в полутора милях к западу находится небольшой водопад. Чистейшая влага струилась с вершины скалы вниз по узкому разлому стреловидной формы и скапливалась в небольшом каменном бассейне. Вода наполняла его примерно наполовину; если она перельется через край, то к равнине устремится целый ручей. Если собрать камни, валявшиеся у основания горного хребта, и построить небольшую запруду, удастся отвести поток прямо к ложбине.

— Или же попробуем проложить трубы для воды, сделанные из больших стволов бамбука, — сказал Фригейт.

Они поставили чаши на камень, и каждый хорошо запомнил положение своей, затем стали ждать. Бартон объявил всем, что намерен покинуть ложбину, как только чаши наполнятся пищей. Возвышенная местность на полпути между водопадом и камнем имела множество преимуществ для обитания; к тому же она, возможно, еще не заселена людьми.

Голубые языки пламени взметнулись над камнем в тот миг, когда солнце достигло зенита. На сей раз чаши выдали салат, итальянский черный хлеб с мелкими вкраплениями чеснока, масло, спагетти вперемешку с мясным фаршем, чашку сухого красного вина, виноград, кристаллы растворимого кофе, десять сигарет, палочку марихуаны, сигару, туалетную бумагу, кусок мыла и четыре шоколадных пирожных. Среди присутствующих раздались жалобы, не всех устраивала итальянская кухня, но никто не стал отказываться от еды.

Мужчины выкурили по сигарете, и группа отправилась к водопаду, расположенному у основания скалы. Он находился в самом конце стреловидного каньона, и тут уже обосновалось довольно много народа. Вода в бассейне была ледяной. После того, как люди Бартона вымыли посуду, высушили ее и наполнили ведра водой, группа двинулась в обратный путь к грейлстоуну. Через полмили они обнаружили подходящий холм, склоны которого поросли соснами. На голой его вершине возвышалась зеленая громада железного дерева. Вокруг тянулись бамбуковые стволы разнообразных размеров и видов.

Под руководством Казза и Фригейта, прожившего несколько лет в Малайзии, они нарезали стебли бамбука и лианы и соорудили из них хижины. Это были круглые строения с дверью и единственным окном напротив нее, с конической крышей, покрытой травой. Они работали быстро, так что ко времени очередного приема пищи все, кроме крыш, было закончено. Фригейт и Монат остались охранять лагерь, остальные взяли чаши и отправились к камню.

У грейлстоуна уже собралось не менее трехсот человек, торопливо сооружавших навесы, хижины и шалаши. Бартон предвидел такой поворот событий. Немногие были готовы шагать за едой полмили три раза в день ради уединения; люди предпочитали тесниться около грейлстоуна. Правда, оставалась еще проблема

снабжения водой, и Бартона удивило, что поселенцы как будто этим не обеспокоены. Но тут одна хорошенькая словенка сообщила ему, что днем совсем рядом был найден источник отличной питьевой воды. Бартон тут же отправился осмотреть его. Из пещеры у подножия горной гряды вытекал ручей, который разливался в небольшое озерцо шириной футов пятнадцать и глубиной в восемь. Оно выглядело так, словно создатели этого мира решили пополнить его еще одним, завершающим штрихом.

Бартон возвратился как раз в тот момент, когда над камнем взметнулось голубое пламя. Кязз неожиданно остановился и стал на виду у всех мочиться; ему и в голову не пришло отойти в сторону. Логу хихикнула. Таня покраснела. Итальянки привыкли к тому, что мужчины жмутся к стенкам и заборам в любом месте, где только им приспичит, поэтому, казалось, не заметили происходящего. Что касается Вильфреды, то ей доводилось лицезреть гораздо худшие вещи.

Алиса, к удивлению Бартона, обратила на Кязза не больше внимания, чем на собаку. Возможно, именно это объясняло ее отношение к происходящему. Для нее Кязз не был человеком, и поэтому от него не стоило ожидать достойного поведения.

Сейчас, пожалуй, не стоило укорять Кязза, особенно пока он не понимал их языка. «Но ему надо будет кое-что объяснить языком знаков в следующий раз, когда он надумает облегчиться,— подумал Бартон,— особенно, если это случится во время еды. Каждый должен подчиняться определенным правилам и все, что портит аппетит другим, нужно запретить».

Проходя мимо Кязза, он похлопал его по макушке буханко-образного черепа. Кязз вопросительно посмотрел на Бартона, но тот покачал головой, показывая, что Кязз поймет причину неодобрения тогда, когда научится говорить по-английски.

Внезапно Бартон остановился, позабыв о Кязе, и коснулся пальцами кожи на собственной голове. Да, он

не ошибся — на макушке начал пробиваться еле заметный пушок!

Он провел тыльной стороной ладони по лицу — оно оставалось таким же гладким, как и прежде. Но под мышками тоже оказался пух. В области паха, как и на лице, пока еще не было следов растительности. Возможно, там волосы растут не так быстро, как на голове. Он рассказал о своем открытии остальным, и люди стали ощупывать себя и друг друга. Все было правильно. Волосяной покров восстанавливался — по крайней мере, на голове и под мышками. Кazз являлся исключением. У него волосы полезли отовсюду, исключая лицо.

Это событие вызвало всеобщее ликование. Смеясь и перебрасываясь шутками, они двигались в тени основания горного хребта, затем повернули на восток и, миновав четыре холма, подошли к возвышенности, о которой уже начинали думать как о своем доме. Поднявшись до середины склона, они молча остановились. Фригейт и Монат не отзывались на их оклики.

Бартон приказал рассредоточиться и замедлить темп подъема. В хижинах никого не было; некоторые из них — те, что поменьше,— были перевернуты или раздавлены. У Бартона мороз прошел по коже, словно над равниной пронесся ледяной ветер. Тишина, поврежденные хижины, отсутствие Фригейта и Моната — все это предвещало что-то недоброе.

Минутой позже они услышали улюлюканье и обратили свои взгляды к подножию холма. В траве показались безволосые головы обоих сторожей, и вскоре они уже быстро поднимались по склону. Монат казался мрачным, зато американец улыбался вовсю. У него было исцарапано лицо, разбитые костяшки пальцев кровоточили.

— Мы только что отогнали четырех мужчин и трех женщин, вторые хотели завладеть нашими хижинами,— объяснил Фригейт.— Я сказал им, что они тоже могут построить себе дома, а потом повторил несколько раз, что вы вот-вот вернетесь. И если они не уберутся

восвояси, то им крепко намылят шеи. Они прекрасно все поняли — они говорили по-английски. Как я выяснил, они воскресли у грейлстоуна, расположенного на милю севернее нашего. Большинство воскресших там же из Триеста, кроме этой компании. Они — жители Чикаго, умершие около 1985 года. Распределение покойников, несомненно, довольно забавное, не правда ли? Я бы сказал, что тут действует просто случайность.

— Одним словом, я процитировал им Марка Твена: «Вы, жители Чикаго, думаете, что вы лучшие люди среди всех. Истина же заключается в том, что вы просто более многочисленны». Это пришлось им не по вкусу. Они, похоже, думали, что я должен быть с ними заодно уже только потому, что я — американец. Одна из женщин намекнула на возможность награды — если я, конечно, переметнусь к ним и помогу отстоять хижины. Я отказался. И тогда эти янки заявили, что они все равно отберут наши жилища — если надо, переступив через мой труп.

— Но на словах они были храбрее, чем на деле. Монат напугал их своим видом. К тому же каменные топоры и бамбуковые копья давали нам большое преимущество. И все же их вожак подстрекал свою шайку к нападению. Вот тогда-то я внимательно присмотрелся к одному из них.

— Его голова была голой, а когда-то ее покрывали густые черные волосы. К тому же во время нашей встречи ему стукнуло уже лет тридцать пять и он носил толстые роговые очки. Я не видел его пятьдесят четыре года и поэтому не узнал сразу. Я подошел поближе и постарался внимательнее рассмотреть его ухмыляющуюся рожу, словно у вонючего скунса, оскалившего зубы. И я вспомнил его, вспомнил! «Лем? Лем Шарко? Ведь ты Лем Шарко, не правда ли?» — вырвалось у меня.— Тут его рот разъехался чуть ли не до ушей и он схватил меня за руку — вы понимаете, схватил меня за руку! — и закричал так, словно нашел своего любимого

потерянного брата: «Ну и ну! Это же Пит, Пит Фригейт! Бог мой, Пит Фригейт! Здорово, дружище!»

— Сначала я чуть ли не обрадовался, встретив его — по-видимому, по тем же причинам, что и он сам. Но потом я сказал себе: «Это он — тот самый жулик-издатель, который надул тебя на четыре тысячи долларов, когда ты был начинающим писателем, и надолго испортил твою карьеру. Это тот самый лицемерный и скользкий мерзавец, который обобрал по крайней мере еще четырех начинающих писателей, объявил себя банкротом и улизнул с круглой суммой в кармане. Об этом человеке тебе не следует забывать никогда — не только из-за того, что он сделал тебе, но также ради всех жуликов-издателей, с которыми ты имел дело потом».

Бартон ухмыльнулся и сказал:

— Я когда-то сказал, что священники, политиканы и издатели никогда не пройдут через небесные врата. Но видно я ошибся — если, конечно, считать, что мы действительно попали на небеса.

— Да, я знаю,— кивнул Фригейт.— Я всегда помнил эти ваши слова. И вот тогда подавив радость от встречи с давним знакомым, я сказал: «Послушай, Шарко...»

— И вы доверились человеку с таким именем? — сказала Алиса.

— Он говорил, что у него чешское имя, означающее «заслуживающий доверие». Это было ложью — впрочем, как и все остальное, что он мне наболтал. Так вот, я почти убедил себя, что нам с Монатом надо им уступить. Мы бы ушли, а потом вместе с вами прогнали бы их. Самое разумное решение в подобной ситуации. Но когда я узнал Шарко, я совершенно обезумел! Я сказал ему: «Приятель, я просто счастлив увидеть твою гнусную физиономию после стольких лет забвения. Особенно здесь, где нет ни суда, ни фараонов!»

— И я заехал ему прямо в нос! Он повалился на спину, захлебываясь кровью. Потом мы с Монатом бросились на остальных; одного я ударил ногой, зато дру-

гой врезал мне чашей по скуле. У меня все поплыло перед глазами, но Монат уже вышиб дух из одного негодяя древком копья и сломал ребра другому; он хоть и тощий, но очень быстрый. Шарко к тому времени встал на ноги и я еще раз приложился к нему кулаком. Удар пришелся в челюсть, но кажется моя рука пострадала больше, чем его физиономия. Он повернулся и побежал прочь, а я погнался за ним. Остальные тоже испугались и дали деру, но Монат все же успел хорошенько пройтись древком копья по их спинам. Я гнался за Шарко до соседнего холма, поймал его на спуске и тут отвел душу! Он ползал по земле, умоляя о пощаде, и я смилостивился, дав ему на прощание такой пинок под зад, что он с воплем катился до самого подножия.

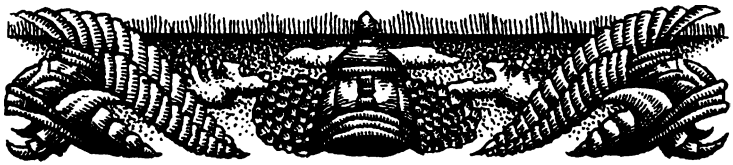
Фригейт все еще дрожал от возбуждения; было заметно, что он очень доволен собой.

— Я думал, что время смягчит обиду и гнев,— сказал он.— Ведь все это случилось так давно, в другом мире, на другой планете. Может быть, нас поместили сюда, чтобы мы научились прощать своих врагов... и некоторых друзей тоже... чтобы мы сами заслужили прощение. Но, пожалуй, тут мы можем доделать кое-что из того, что упустили на Земле... Что вы скажете, Лев? Хотели бы вы получить возможность поджарить Гитлера? На очень медленном огне, а?

— Я не думаю, что можно сравнивать вашего плута-издателя и Гитлера,— ответил Руах.— Нет, я бы не стал жарить его на огне. Я скорее бы уморил его голодом до смерти...Нет, я бы и этого не стал делать. Что хорошего в пытках? Разве они заставят мерзавца хоть немного измениться? Я бы просто убил его, чтобы он не смог больше причинять зло другим... Но у меня нет уверенности, что и тогда он окончательно сгинет... Особенно здесь...

— Вы — настоящий христианин,— ухмыльнулся Фригейт.

— Я думал, что вы — мой друг! — с обидой сказал Руах.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Во второй раз Бартон слышал упоминание о Гитлере. Он хотел бы узнать подробнее об этом человеке, но сейчас не стоило тратить время на экскурсы в историю. Необходимо было закончить сооружение хижин.

Они дружно взялись за работу. Одни нарезали траву маленькими ножницами, которые обнаружились в их чашах; другие залезли на железное дерево и начали обрывать огромные треугольные узорчато-алые листья. Крыши, конечно, оставляли желать лучшего. Бартон решил подыскать профессионального кровельщика и подучиться у него этому ремеслу. Кроватями, как решили все, будут просто охапки травы, покрытые сверху самыми мелкими листьями железного дерева. Листья покрупнее вполне могли заменить одеяла.

— Слава богу — или неведомому творцу этого мира — что здесь нет насекомых,— заметил Бартон.

Он поднял свою металлическую кружку, в которой плескалась еще пара унций лучшего скотча, какой ему когда-либо доводилось пробовать.

— За Неведомого Творца,— провозгласил он тост.— Если бы ему пришло в голову создать точную копию Земли, то мы разделили бы это ложе с десятком тысяч кусающих, жалящих и кровососущих паразитов.

Они выпили, закурили сигары и, уютно устроившись у костра, начали неторопливую беседу. Постепенно сгущались тени, небо теряло прозрачность и голубизну; наконец, в вышине расцвели огромные звезды и

повисли сияющие прозрачные туманности. Пылающий, великолепный полог ночи раскинулся над ними.

Бартон встал, перешел на другую сторону костра и присел на корточки рядом с Алисой. Она только что вернулась, уложив Гвиневру в одной из хижин.

Он протянул женщине пластинку жвачки и сказал:

— Я взял себе половину. Не угодно ли вам принять другую?

Она равнодушно посмотрела на Бартона и покачала головой:

— Нет, благодарю вас, сэр.

— Здесь восемь хижин, — усмехнулся Бартон, хотя голос его звучал без тени иронии. — И нет никаких сомнений в том, кто с кем будет этой ночью делить постель — кроме вас, меня и Вильфреды.

— Я не думаю, что здесь могут быть какие-то сомнения!

— Значит, вы спите с Гвиневрой?

Она даже не посмотрела в его сторону. С минуту он сидел рядом с ней, словно ждал чего-то, затем встал и вернулся на свое прежнее место рядом с Вильфредой.

— Вы можете убираться отсюда, сэр Ричард, — проинформировала та, скривив губы. — Черт меня побери, я не люблю быть второй в очереди. По крайней мере, вы могли поинтересоваться ее мнением, когда вас никто не видит. У меня тоже есть гордость, и поэтому советую вам, сэр, держаться от меня подальше.

Бартон промолчал, хотя в первый момент был готов выложить весь запас грязных ругательств, накопленный им за годы странствий. Потом он понял, что не может ни в чем упрекнуть Вильфреду. Он вел себя слишком бесцеремонно с этой женщиной. Пусть там, на Земле, она считалась продажной девкой — здесь это не лишало ее права на человеческое отношение. Особенно, если на панель ее толкнул голод, как она говорила. Правда, Бартон относился к этому утверждению с некоторым скепсисом, но предпочитал не высказывать свои сомнения вслух. Он знал, что почти все проститутки

искали в тяжелых жизненных обстоятельствах оправдание своей профессии. И часто это были просто фантазии относительно причин, заставивших их вступить на тернистый путь торговли своим телом... Однако ярость, с котором Вильфреда набросилась на святошу Смитсона, заставляла предположить, что ее история не являлась выдумкой... Бартон не мог отрицать, что и с ним она вела себя достойно.

Он поднялся и тихо произнес:

— Я вовсе не хотел вас обидеть, поверьте мне.

— Вы в нее влюблены? — спросила Вильфреда, взглянув на него.

— Только одной женщине я говорил, что люблю ее! — гордо заявил Бартон.

— Вашей жене?

— Нет. Девушке, которая умерла прежде... прежде, чем я смог бы назвать ее своей...

— А сколько лет вы были женаты?

— Я прожил с женой тридцать девять лет, если вам так интересно это знать.

— Черт меня побери! Столько времени вместе — и вы ни разу так и не сказали ей о любви?

— В этом не было необходимости! — резко произнес он и пошел прочь.

Он выбрал для ночлега хижину, которую занимали Монат и Казз. Неандерталец уже похрапывал, а пришелец со звезд покуривал марихуану. Монат предпочитал ее табаку, поскольку вкус этой травки напоминал ему похожее растение далекой родины. Марихуана почти не действовала на него, тогда как табак вызывал мимолетные, но яркие видения.

Бартон решил сохранить остаток своей резинки — или, как он ее называл, Жвачки Сновидений. Он закурил сигарету, хотя знал, что марихуана может усилить охватившее его чувство опустошенности. Чтобы убить время, он начал расспрашивать Моната о его родной планете, Гууррке. Чужая жизнь, обычаи, новый взгляд на мир всегда интересовали Бартона, но вскоре ма-

рихуана дала о себе знать. Его голова свесилась на грудь, и под затихающий голос инопланетянина он поплыл далеко-далеко...

• • •

«...прикройте сейчас же глаза, мальчики! — приказал Джалкрист своим раскатистым басом.

Ричард взглянул на Эдварда. Тот ухмыльнулся и поднес руки к лицу. Он определенно подсматривал в промежутки между пальцами. И, чтобы не отставать от брата, Ричард тоже прикрыл глаза ладонями, стараясь незаметно приподняться на цыпочки. Хотя они с братом стояли на ящиках, им все равно нужно было вытягиваться, чтобы смотреть поверх голов взрослых, толпившихся впереди.

Теперь голова женщины лежала на поперечном брусе, служившем основанием гильотины, ее длинные каштановые волосы свисали на лицо. Он хотел увидеть выражение ее глаз, устремленных вниз, на корзину, которая поджидала ее — или вернее, ее голову.

— Мальчики, не подглядывайте! — снова приказал Джалкрист.

Грохот барабанов почти заглушил один-единственный вскрик, лезвие устремилось вниз, затем послышался гул толпы, смешанный с чьими-то воплями и стенаниями. Голова женщины медленно падала вниз. Из шеи лилась кровь, и казалось, что она никогда не остановится. Кровь хлестала и хлестала из ее тела, заливая толпу, и, хотя он находился на расстоянии пятидесяти ярдов от жертвы, горячие красные капли окропили его руки и просочились сквозь растопыренные пальцы на лицо, заливая глаза. Губы его слиплись, он почувствовал соленый привкус. И тогда он закричал...»

— Проснитесь, Дик! Да проснитесь же наконец! — тормошил его Монат.— Проснитесь! У вас, должно быть, кошмар!

Бартон, всхлипывая и дрожа, встал. Он вытер руки и осторожно ощупал лицо. И руки, и лицо были влажными. Но от пота, не от крови.

— Я видел сон,— наконец вымолвил Бартон.— Мне было всего шесть лет, и я находился в городе Тур, во Франции, где мы тогда жили. Мой наставник, Джон Джалкрист, взял нас, меня и моего брата Эдварда, на казнь женщины, отравившей свою семью. Джалкрист говорил, что это считалось развлечением.

— Я был страшно взволнован и подглядывал сквозь пальцы, хотя он велел нам не смотреть на те последние секунды ее жизни, когда нож гильотины падает вниз. Но я смотрел! Я должен был видеть! Я помню, что меня немного мутило — вот и все воздействие, которое оказало на меня это отвратительное зрелище. Оно казалось мне нереальным — словно я наблюдал за ним через толстое стекло. Или же я сам находился в каком-то нереальном мире. Наверное, поэтому я не пришел в ужас.

Монат закурил еще одну сигарету с марихуаной. Ее огонька было достаточно, чтобы Бартон увидел, как он качает головой.

— Как дико! Вы хотите сказать, что не только убивали своих преступников, но еще и отрезали им головы? На виду у всех? И вы позволяли детям смотреть на этот ужас?

— Ну... в Англии поступали несколько человечнее. Там преступников вешали.

— По крайней мере, французы давали людям понять, что именно они отвечают за пролитую кровь,— сказал Монат.— Кровь преступников была на их руках. Но, по-видимому, это соображение никому не приходило в голову. Во всяком случае, не осознавалось достаточно ясно. И вот теперь, когда прошло столько лет — шестьдесят три года, если не ошибаюсь — под действием марихуаны перед вашим мысленным взором ожила сцена, которая, как вы полагали, не оставила никакого следа в вашей душе. Но сейчас вы корчились от ужаса, наблюдая казнь. Вы кричали, как испуганное

дитя. Это была нормальная реакция ребенка на такое ужасное зрелище. Очевидно, марихуана вскрыла какие-то глубинные слои памяти и воскресила страхи, таившиеся там на протяжении всей вашей жизни.

— Вполне вероятно,— согласился Бартон.

Где-то вдали раздался раскат грома, сверкнула молния, и через минуту стремительно нахлынул звук падающих на крышу капель. Прошлой ночью дождь пошел примерно в это же время; теперь он снова начался около трех часов пополуночи, как показалось Бартону. Ливень усилился, но крыша держалась, и ни одна капля не проникла внутрь хижины. Лишь немного влаги просочилось со стороны задней стенки, обращенной к вершине холма. Вода растеклась по полу, но не достигла людей, расположившихся на матрасах из травы и листьев в добрых десять дюймов толщиной.

Бартон беседовал с Монатом примерно с полчаса, пока дождь не прекратился. Потом Монат закрыл глаза; через минуту послышалось его ровное дыхание. Казз давно храпел под кучей листьев, безразличный к разгулу стихий. Бартон тоже попытался уснуть, но не смог. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким. И он боялся, что сон снова принесет ему кошмарные видения. Через некоторое время, решив, что уснуть ему не удастся, он вылез из хижины и побрел к домику Вильфреды. Когда он приблизился к зияющему провалу входа, его ноздри уловили запах табака. Свет звезд и тускло мерцающий огонек сигареты позволяли различить контуры женской фигуры. Вильфреда сидела на копне травы и листьев.

— Привет! — сказала она.— Я надеялась, что вы придете.

• • •

— Обладание собственностью — это инстинкт,— заявил Бартон.

— Очень сомневаюсь в этом,— возразил Фригейт.— Некоторые интеллектуалы в шестидесятых го-

дах, я имею в виду шестидесятые годы двадцатого века, пытались доказать, что человеку присущ инстинкт, который они называли «зовом земли». Но...

— Мне нравится такое сочетание слов. В нем ощущается нечто величественное... — отметил Бартон.

— Я догадывался, что вам это придется по душе, — согласился Фригейт. — Но Ордри и другие философы утверждали, что человек обладает не только врожденным стремлением к захвату земли, но и другим инстинктом, унаследованным от древнего предка — обезьяны-убийцы. И с развитием цивилизации инстинкт убийства усиливается. Этим они объясняли тягу к расширению границ своего владения, национализм, капитализм, войны, убийства, преступления и так далее. Но другая философская школа утверждала, что все эти явления — результат преемственности современной культуры, впитавшей в себя такие анахронизмы прошлого, как война и убийство, возникшие на ранних стадиях развития общества. Измените культуру, и обезьяна-убийца исчезнет. Исчезнет, потому что ее существование — просто миф, выдумка, оправдывающая пороки социальной структуры. Убийцей является общество, которое растит из детей новых убийц, передавая это проклятье из поколения в поколение. Однако...

— Это очень интересно, — прервал его Бартон. — И, когда позволит время, мы с вами рассмотрим все эти теории. Пока же должен вам заметить, что почти каждый представитель воскрешенного человечества связан с культурой, поощрявшей войны, убийства, насилие и разбой. Такова реальность, в которой мы оказались. Когда-нибудь появится новое поколение и ситуация, возможно, изменится. Не знаю. Слишком рано об этом говорить, когда мы провели здесь всего семь дней. Таким образом, нравится нам это или нет, мы находимся в мире, населенном существами, которые часто поступают так, словно они на самом деле являются обезьянами-убийцами. А теперь давайте вернемся к нашему проекту.

Они сидели на бамбуковых стульях около хижины Бартона. На небольшом бамбуковом столе перед ними стояла модель судна, сделанная из соснового бруска и того же бамбука. Двойной корпус катамарана сверху соединяла платформа с невысокими перилами.

Мачта, очень высокая, была рассчитана на переднее и заднее парусное вооружение, которое можно было легко ставить и убирать. На платформе располагался невысокий мостик с рулевым колесом. Бартон и Фригейт изготовили эту модель с помощью кремневых ножей и лезвий ножниц, вставленных в деревянные рукоятки. Бартон решил назвать судно «Хаджи». Оно отправится в долгое странствие, но не Мекка будет его целью. Вверх по реке — по великой, бесконечной Реке, как ее теперь называли, двинется судно. И они постараются пройти так далеко, как смогут.

Их разговор о так называемом «зове земли» был связан с некоторыми трудностями, возникшими при постройке судна. Люди постепенно начали налаживать жизнь. Они разметили границы своих владений и начали строить жилища, используя любой материал, который оказывался под руками. Одних удовлетворяли скромные хижины, другие возводили из бамбука и камней грандиозные строения в два этажа с четырьмя комнатами. Большинство домов теснились около грейлстоунов на речном побережье или у основания горной гряды. Исследования Бартона, предпринятые двумя днями раньше, позволили установить, что на одной квадратной миле обитало около 260 человек. На каждую квадратную милю равнины приходилось примерно 2,4 мили холмистой местности; однако она была так изрезана, что только половина ее годилась для поселения. Бартон изучил три района и выяснил, что одна треть населения возводила дома поблизости от береговых грейлстоунов, а одна треть предпочитала холмы.

По земным меркам двести шестьдесят человек на квадратную милю считалось высокой плотностью населения. Однако прихотливая топография холмов и по-

крывающий их густой лес позволяли небольшой группе жить в относительной изоляции. Равнина тоже редко была заполнена народом — кроме периодов получения пищи. Поселившиеся на равнине люди основное время проводили в лесу или занимались рыбной ловлей на побережье. Многие долбили челноки или строили лодки из бамбука, чтобы ловить рыбу в отдалении от берега. Кое-кто, подобно Бартону, жаждал отправиться в путешествие по Реке.

Заросли бамбука были вырублены, хотя никто не сомневался, что они вскоре восстановятся. Бамбук обладал феноменальной скоростью роста. По оценке Бартона, он достигал высоты в пятьдесят футов за десять дней.

Их группа усердно трудилась и заготавливала все, что только можно было использовать для постройки судна. Однако им приходилось тратить так много времени на защиту от воровства, что пришлось соорудить высокий забор. Он был закончен одновременно с окончанием постройки модели. Теперь основная проблема заключалась в выборе места вблизи Реки для строительства судна. Эту работу нельзя было выполнить здесь; у них не хватило бы сил протащить большой катамаран к воде по заросшим лесом холмам.

— Но если мы уйдем отсюда и заложим новое поселение, столкновение будет неизбежным,— сказал как-то Фригейт.— Сейчас уже нет ни одного дюйма на равнине, на который бы никто не претендовал. Нам придется пойти на нарушение границ. Пока еще никто не пытается утверждать свои права на владение, но положение может измениться в любой момент. Остается одно — строить корабль на границе равнины и холмов. Оттуда, я думаю, мы сможем дотащить судно к Реке. Но и в этом случае нам придется караулить днем и ночью, иначе его украдут. Или уничтожат. Вы же знаете этих варваров!

Он имел в виду, что хижины иногда оказывались разрушенными, когда их хозяева возвращались из леса

или с рыбной ловли. Кто-то забрасывал нечистотами маленькие озера, образованные струившимися с гор ручьями. И, кроме того, многие местные жители имели весьма смутное понятие о простейших правилах гигиены.

— Я думаю, нужно построить новый поселок и верфь как можно ближе к Реке,— решил Бартон.— Потом мы срубим все деревья, которые помешают нам транспортировать судно, и проложим путь силой там, где нас откажутся пропустить добровольно.

К людям, поселившимся на границе между равниной и холмами, направили на переговоры Алису. Она знала три пары, которые жили в подходящем месте и были очень недовольны своими соседями; она смогла убедить их перебраться в хижины, где обитала группа Бартона. Это произошло на двенадцатый день после Воскрешения, в четверг. Первый день жизни в новом мире по общему решению считался воскресеньем. Правда Руах заметил, что он предпочел бы назвать этот день субботой или просто Первым Днем. Но вокруг, в основном, жили христиане — или бывшие христиане — и его предложение не получило поддержки. Ведь любой, ставший однажды христианином, остается им навсегда — во всяком случае, в том, что касается счета дней недели. В порядке компенсации Руах решил заняться календарем. Последний представлял из себя деревянный шест, вкопанный в землю перед хижиной Руаха; на нем он каждое утро делал зарубку.

Заготовка и перетаскивание леса для постройки судна отняли у них четыре дня, наполненных тяжелой работой. К этому времени итальянские пары решили, что с них хватит; по их словам, они сбили руки до самых костей на строительстве этого никому не нужного корабля. Затем плыть куда-то в другое место, которое, скорее всего, окажется похожим на это? Ведь их, несомненно, воскресили из мертвых для того, чтобы они могли снова наслаждаться жизнью. Иначе зачем их снабжают спиртным, сигаретами, марихуаной, Жвач-

кой Сновидений... наконец, зачем же их воскресили нагими?

Итак, итальянцы покинули группу, не затаив, впрочем, камня за пазухой. Они даже устроили на прощанье пирушку.

На следующий день — двадцатый день 1 года — произошли два события; первое разрешило одну из загадок, второе — добавило новую...

На рассвете группа Бартона отправилась, как обычно, к ближайшему грейлстоуну. Тут, около камня, они обнаружили двух мужчин, спавших прямо на земле. Незнакомцев разбудили; они выглядели удивленными и испуганными. Один из них, стройный смуглолицый парень, говорил на никому не известном языке. Речь другого, мускулистого черноволосого великана с красивым лицом и серыми глазами, тоже казалась непонятной. Но внезапно, Бартон сообразил, что этот человек говорит на английском! Это был камберлендский диалект, на котором изъяснялись в этой части Британии во времена Эдуарда I. Когда Бартону и Фригейту удалось разобраться с необычным произношением незнакомца, они смогли вступить с ним в переговоры.

Джон де Грейсток родился в наследственном владении Грейстоков в графстве Камберленд. Он сопровождал Эдуарда во Францию и участвовал в том походе, когда королю удалось захватить Гасконь. Если верить Грейстоку, там он отличился в многочисленных рукопашных схватках. Позднее, став бароном, Грейсток заседал в парламенте, а затем снова отправился воевать в Гасконь. Он состоял в свите епископа Антонина Бека, патриарха Иерусалимского. Двадцать восьмой и двадцать девятый года правления Эдуарда он провел на севере, сражаясь с шотландцами. В 1305 году он умер, не оставив потомства. Его владения и титул барона перешли к его кузену Ральфу, сыну лорда Гримпторпа из Йоркшира.

Он восстал из мертвых где-то на берегах Реки, в местности, населенной англичанами и шотландцами 14 ве-

ка с десятипроцентной примесью жителей древнегреческого полиса Сибариса. Напротив, за Рекой, обитали монголы эпохи Кубла-хана и какие-то смуглокожие люди неизвестного Грейстоку племени. Судя по его описанию, это были североамериканские индейцы.

На девятнадцатый день после Воскрешения дикари перебрались через Реку и атаковали англичан. По-видимому, причина нападения заключалась только в их врожденной воинственности. Оружием служили, в основном, палки и чаши, так как в той области было очень мало камня. Джон де Грейсток уложил десяток монголов своей чашей, но его ударили обломком булыжника по голове и проткнули бамбуковым копьем с обожженным на огне наконечником. Он снова пробудился к жизни, нагой, целый и невредимый, около этого грейлстоуна; рядом стояла его чаша.

Второй воскрешенный изложил свою историю, разыграв целую пантомиму. Он ловил рыбу, и его крючок заглотила какая-то тварь, настолько сильная, что она смогла утащить его в воду. Когда он попытался вынырнуть, то ударился головой о днище лодки и потерял сознание.

Итак, был получен ответ на вопрос, что происходит с теми, кого в этом мире настигает смерть. Оставалось, однако, неясным, почему они восстают из мертвых совсем в другой местности.

Вторым событием было отсутствие пищи в чашах после их зарядки в полдень. Вместо еды внутри каждого цилиндра находилось шесть кусков материи. Они были различного размера, разных цветов и толщины. Четыре предназначались, очевидно, для того, чтобы их носили на манер шотландских юбок-кильтов. Их можно было обернуть вокруг талии и застегнуть с помощью какого-то устройства, напоминающего магнитную кнопку. Оставшиеся два куска из более тонкого, почти прозрачного материала, скорее всего предназначались для нижнего белья, хотя их можно было использовать и для других целей. Ткань на ощупь казалась мягкой, но

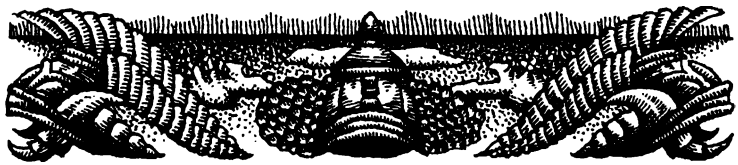
она выдерживала любые нагрузки, и ее не мог разрезать ни нож из бамбуковой пластины, ни острейшее лезвие из сланца.

Человечество издало громкий вопль восторга, обнаружив эти «покрывала». Хотя к этому времени и мужчины, и женщины привыкли — или, как минимум, смирились с наготой, натуры более утонченные или менее адаптабельные находили неэстетичным или даже отталкивающим вид человеческих гениталий, выставленных напоказ. Теперь у них имелись кильты, нагрудные повязки и тюрбаны. Последние должны были покрывать их головы, пока волосы не отрастут вновь.

Волосы росли всюду, где предназначено природой — кроме лица. Это очень огорчало Бартона. Он всегда гордился своими длинными усами и густой, раздвоенной бородой; как-то он заявил, что потеря этих знаков мужского достоинства делает его более нагим, чем отсутствие брюк.

Вильфреда рассмеялась и сказала:

— А я довольна, что они исчезли. Терпеть не могу эти колючие волосы на мужских подбородках. Целовать такого типа — все равно, что сунуть лицо в клочья рваного матраса.



ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Миновало шестьдесят дней. Судно перетащили по равнине к Реке на больших катках из стволов бамбука. Наступил день спуска «Хаджи» на воду. Катамаран состоял из двух бамбуковых корпусов с сильно заостренными носами, которые соединялись платформой.

Между бушпритом и единственной мачтой корабля ставился дополнительный парус, выпуклый, как половинка воздушного шара. Высокая мачта несла переднее и заднее парусное вооружение; паруса были сотканы из бамбуковых волокон. Управление судном производилось с помощью большого соснового весла, так как установка настоящего руля и штурвала оказалась практически неосуществимой. В настоящий момент они располагали только сплетенными из травы канатами, значительно уступавшими леерам, которые можно было сделать из дубленой кожи и внутренностей некоторых крупных речных животных. На передней палубе, крепко привязанный к перилам, находился челнок, выдолбленный Каззом из соснового бревна.

Торжественную церемонию спуска судна на воду несколько подпортил Казз. Теперь он уже мог как-то изъясняться на ломаном английском с добавлением крепких словечек на арабском, итальянском и суахили, которые он подцепил у Бартона.

— Нужно... как назвать это?.. ва аллах!.. что за слово?.. когда убить кого-нибудь, раньше класть лодку в воду... ты знаешь... мерд... нужное слово, Бартон-нак... дай нужное слово, Бартон-нак... слово... сло-

во... когда убить человека для духа, для Каббурканакрубимсе... водяного духа... чтобы не утопил лодку... иначе рассердится... утопит и съест нас...

— Ты говоришь о жертве? — догадался Бартон.

— Благодарю кровью своей, Бартон-нак. Да! Жертва! Перерезать ему... ей... горло... положить в лодку... тереть его о дерево... чтобы дух воды не гневался на нас...

— Мы этого не сделаем, Казз,— покачал головой Бартон. Казз долго спорил, но, наконец, согласился подняться на палубу. Его лицо вытянулось, он заметно нервничал. Чтобы успокоить неандертальца, Бартон напомнил ему, что они не на Земле. Это совсем другой мир, в чем он легко может убедиться, бросив взгляд вокруг — особенно, посмотрев на звездное небо. Духи старой Земли не обитали в этой долине. Казз слушал и улыбался; однако он все еще выглядел так, словно ожидал появления из речных глубин чудовищной головы Каббурканакрубимсе, с зеленой бородой и выпученными рыбьими глазами.

Утром около корабля собралась большая толпа. Сюда пришли люди, жившие за многие мили вокруг — спуск судна на воду сулил необычное развлечение. Они кричали, смеялись, отпускали шутки; у всех было отличное настроение. Корабль еще стоял на берегу, когда Бартон, поднялся на его невысокий мостик и поднял руку, требуя тишины. Шум толпы замер, и он заговорил на итальянском.

— Беспечные мои собратья, друзья, поселившиеся в этой долине Земли Обетованной! Через несколько минут мы покинем вас...

— Если только эта лохань не перевернется! — пробормотал Фригейт.

— ...чтобы пуститься в путь вверх по Реке, против ветра и течения. Мы предпринимаем это тяжелое путешествие потому, что испытанные трудности всегда вознаграждаются сторицей, если верить поучениям наших

земных моралистов — ну, а вы сами знаете, насколько им можно доверять.

Раздался смех. Кое-где послышались протестующие выкрики особо твердолобых верующих.

— На Земле, как известно некоторым из вас, я когда-то осуществил экспедицию в глубины Африки, чтобы отыскать истоки Нила. Я не добрался до них, хотя и подошел очень близко. Меня обманул и лишил заслуженной славы человек, который был обязан мне всем! Его имя — Джон Ханнинг Спик, и если мне доведется встретить его во время нашего путешествия, я знаю, что сделать с ним!

— Боже праведный! — произнес Фригейт. — Вы что же, заставите его еще раз покончить с собой от стыда и угрызений совести?

— Но не в этом суть. Дело в другом. Эта Река может оказаться больше Нила, который, как вы, возможно, знаете — или не знаете — является самой длинной рекой на Земле, несмотря на то, что американцы настаивают на приоритете Амазонки или Миссисипи и Миссури. Некоторые из вас могут спросить, зачем нам задаваться целью, которая находится неизвестно где и, может быть, вообще не существует? Я отвечу вам так: мы отправляемся в путь потому, что впереди лежит Неизведанное и наша цель — сделать его Познанным! Это — все! И здесь, в отличие от нашего печального земного опыта, не нужны деньги для организации такого похода. Король Толстый Бумажник отдал концы — и скатертью ему дорога! Не нужно писать сотни прошений и заполнять кучи бланков и форм, выпрашивать аудиенции у влиятельных особ и мелких чинуш, чтобы получить дозволение пройти по этой Реке! Здесь нет национальных границ...

— Пока что, — шепнул Фригейт.

— ...нет паспортов и чиновников, вымогающих взятки. Мы построили этот корабль, ни у кого не спрашивая разрешения. И мы отправимся в путь без высочайшего соизволения от какого-нибудь дерьма — высо-

кого, среднего или мелкого ранга. Мы свободны — свободны впервые за всю историю рода человеческого! Свободны! И я не могу сказать вам — прощайте; нет, я говорю вам — до свидания...

— Вы и раньше никогда не прощались... — пробормотал Фригейт.

— ...потому, что мы можем вернуться через тысячу лет. До свидания, говорю я вам; до свидания, говорит вся наша команда. Мы благодарим вас за помощь при постройке этого судна и его спуске на воду. При сем я препоручаю свою должность консула Ее Величества в городе Триесте любому, кто пожелает занять это место, и объявляю себя свободным гражданином мира Реки! Я никому не буду платить дань, никому не стану присягать на верность! Отныне я буду верен только самому себе!

Фригейт гнусаво затянул:

> — Твори то, что диктует тебе мужская доблесть,
> И не ищи одобрения своих подвигов.
> Тому, кто следует своим законам,
> Суждена благородная жизнь и благородная смерть.

Бартон бросил взгляд на американца, но не прервал его. Фригейт декламировал строки из собственной поэмы Бартона «Деяния Хаджи Абд-аль-Язди». Уже не первый раз он цитировал прозу и стихи Бартона. Иногда поведение американца раздражало Бартона, но он не мог слишком сердиться на человека, который испытывал к нему такое уважение, что сохранил в памяти написанные им строки.

Через минуту, когда под аплодисменты толпы несколько человек принялись толкать катамаран к Реке, Фригейт процитировал его снова. Американец посмотрел на тысячи молодых людей, заполнивших берег, на их стройные бронзовые тела, их пестрые кильты и тюрбаны, на разноцветные накидки, развевающиеся по ветру, и произнес:

Ах, в этот день беспечный,
Весь в солнечном сиянье и порывах ветра,
Толпу друзей я встретил на брегах Реки
И веселился с ними, когда был молод я,
Когда был молод.

Судно скользнуло в воду, и течение развернуло его нос в сторону Низовья. Но Бартон отдал команду и на мачте распустились паруса. Он взялся за рукоять рулевого весла и направил катамаран поперек течения; паруса захлопали, ловя ветер. «Хаджи» покачивался на волнах, шипела вода, разрезаемая двумя форштевнями судна, ярко светило теплое солнце, свежий бриз касался разгоряченных тел. Они были молоды и счастливы, и только легкое сожаление коснулось их сердец, когда знакомые берега и лица растаяли вдали. У них не было карт и лоции, облегчающих путь; мир, неожиданный и неведомый, открывался перед ними с каждой милей пройденного пути.

В тот вечер, когда они впервые пристали к берегу, случилось нечто, озадачившее Бартона. Кязз, сошедший на твердую землю и мгновенно оказавшийся в толпе глазеющих на него людей, вдруг пришел в сильное возбуждение. Он стал что-то тараторить на своем родном языке, затем попытался схватить стоявшего рядом с ним человека. Тот увернулся и быстро затерялся в толпе.

Когда Бартон начал расспрашивать его, Кязз невнятно пробормотал:

— У него не было... ух... как это назвать?.. этого... этого... — тут он указал на свой лоб, а потом начертил в воздухе несколько непонятных символов.

Бартон собирался разобраться с этим делом, но его отвлекла Алиса. С внезапным криком она подбежала к какому-то мужчине и вцепилась в него. Выяснилось, что она приняла его за своего сына, который погиб во время Первой мировой войны. Недоразумение разъяснилось, как только Алиса поняла свою ошибку. Но затем другие дела отвлекли Бартона, и так как Кязз не

делал попыток напомнить ему об этом инциденте, он позабыл о нем.

Но придет время, когда он снова о нем вспомнит.

Через 415 дней они миновали двадцать четыре тысячи девятисотый грейлстоун по правому берегу Реки. Лавируя против ветра и течения, они проходили в среднем шестьдесят миль в сутки, останавливаясь днем для зарядки чаш и ночью располагаясь на ночлег у берега. Иногда они задерживались на суше на целый день, чтобы размять ноги и поговорить с местными жителями. И, тем не менее, они прошли уже около тридцати тысяч миль. На Земле это расстояние равнялось бы длине экватора. Если вытянуть в одну линию Миссисипи и Миссури, Нил, Конго, Амазонку, Янцзы, Волгу, Амур, Ганг, Лену и Замбези, то все эти земные реки не могли бы покрыть пройденного ими пути по великой, нескончаемой Реке нового мира. И она тянулась все дальше и дальше, текла то на юг, то на север, извиваясь гигантскими петлями. Повсюду вдоль речных берегов тянулись равнины, за ними простирались покрытые лесом холмы, упиравшиеся в невообразимой вышины горный хребет.

Случалось, низменности сужались и холмы подступали к самой Реке. Иногда водный поток раздавался, разливаясь в озера шириной три, пять, шесть миль. То здесь, то там горы сближались, и судно стремительно неслось по каньонам, где вода кипела, как в котле, и небо превращалось в узкую голубую полоску, повисшую между гигантских черных стен.

И повсюду жили люди. Днем и ночью мужчины, женщины, дети толпились на берегах Реки.

К этому времени путешественники установили некоторую закономерность. Люди были расселены вдоль Реки в определенной национальной и хронологической последовательности. Они проплыли между областей, где жили славяне, итальянцы и австрийцы, умершие в последнее десятилетие девятнадцатого века, затем миновали районы, населенные венграми, норвежцами,

финнами, греками, албанцами, ирландцами. Иногда они попадали в местности, населенные людьми из других времен и регионов Земли. В одной на двадцатимильном участке обитали австралийские аборигены, никогда не видевшие белого человека. В другой, протянувшейся на сотню миль, жили тохары, соплеменники Логу. На Земле они обитали в китайском Туркестане во времена зарождения христианства; они являлись самой восточной ветвью индоевропейской расы. Их культура процветала столетия — и затем угасла под натиском пустынь и диких кочевников.

С помощью торопливых и не очень точных наблюдений Бартон определил, что каждую область населяло около 60% представителей одной национальности и 30% другой; эти народы, как правило, обитали на Земле в разные эпохи. Остальные 10% относились к различным временам, расам и племенам.

Все мужчины пробуждались от смерти подвергнутыми обрезанию. Все женщины воскрешались девственницами. Большинство из них, как однажды отметил Бартон, сохранили это состояние не дольше первой ночи в новом мире. До сих пор они не видели и не слышали ни об одной беременной женщине. Существа, воскресившие род людской, должно быть, подвергли всех стерилизации, причем — из самых благих намерений. Если бы человечество получило возможность размножаться, то всего за одно столетие речная долина была бы закупорена телами людей.

Вначале казалось, что здесь нет других живых существ, кроме людей. Теперь стало известно, что в почве обитает несколько видов червей. И Реку населяла, как минимум, сотня пород рыб — начиная от крошечных, шести дюймов в длину, и кончая огромными «речными драконами» размером с кашалота, обитавшими у самого дна. Фригейт говорил, что все животные выполняют здесь определенные задачи. Речные обитатели поддерживали чистоту водного потока, черви уничтожали отходы и трупы.

Гвиневра немного подросла. Все дети росли тут нормально. Через двенадцать лет в долине не будет ни одного ребенка или подростка — если условия жизни везде адекватны тем, что наблюдали путешественники.

Размышляя об этом, Бартон как-то сказал Алисе:

— Этот ваш друг, преподобный Доджсон, который любил только маленьких девочек, скоро окажется, пожалуй, в безвыходном положении.

— Доджсон вовсе не был каким-нибудь извращением,— возразил ему Фригейт.— Но что ждет тех, для кого дети являются единственным объектом сексуального влечения? Что они будут делать, когда тут не останется детей? И что сейчас происходит с теми, кто получал наслаждение используя или мучая животных? Вы знаете, сначала меня ужасно огорчало это отсутствие птиц и зверей... Я люблю собак и кошек... и медведей, слонов — словом, большинство животных. Кроме обезьян, они до отвращения, похожи на людей. Но теперь я рад, что их тут нет. По крайней мере, их не будут мучить... Всех этих несчастных беспомощных созданий, которым причиняют боль, морят голодом или заставляют погибать от жажды... как часто на Земле они оказывались во власти легкомысленных или жестоких людей... на Земле, но не здесь.

Он нежно коснулся золотистых волос Гвиневры, которые уже отросли почти на шесть дюймов.

— И те же чувства я испытываю ко всем беспомощным существам, познавшим жестокость старого и нового миров...

— Но даже если в этом новом мире воцарится справедливость и доброта,— подхватила Алиса,— он не станет для меня привлекательным, раз в нем нет места детям! И животным! Да, здесь не будет возможности мучить и унижать их — но нельзя также их ласкать и любить!

— Здесь все разумно сбалансировано,— сказал Бартон.— Ведь не существует любовь без ненависти, добро без зла, мир без войны. В любом случае, у нас нет вы-

бора. Неведомые Властители этого мира решили, что здесь не будет животных и женщины не смогут иметь детей. И быть посему!

Утро 416 дня путешествия было похоже на все остальные. Солнце поднималось над вершиной горного хребта, расположенного слева по ходу движения катамарана. С Верхоречья, как обычно, тянуло свежим ветром. Температура поднималась вместе с солнцем и к двум часам пополудни достигла 85 градусов по Фаренгейту. «Хаджи» покачивался на тихой волне. Бартон стоял на мостике, ухватившись обеими руками за длинную рукоять румпеля. Солнце ласкало его загорелую до черноты спину, легкий бриз играл складками кильта в черную и красную клетку, доходившего почти до колен. На его шее висело ожерелье, сделанное из черных блестящих позвонков саргана. Эта шестифутовая рыбина с бивнем в шесть дюймов длиной обитала на глубине сотни футов и поймать ее было непросто. Из ее позвонков получались прекрасные ожерелья; ее кожа, хорошо продубленная, годилась для панцирей и сандалий, из нее получались также прочные гибкие канаты. Мясо саргана было превосходным. Но главную ценность представлял бивень. Из него мастерили отличные наконечники для копий или кинжалы.

Большой лук в чехле из прозрачного рыбьего пузыря был привязан к перилам рядом с Бартоном. Изготовленный из эластичных, слегка изогнутых челюстных костей речного дракона, он являлся грозным оружием; натянуть его тетиву мог только очень сильный человек. Бартон увидел его месяц назад и предложил владельцу сорок сигарет, десять сигар и почти тридцать унций виски в обмен — но сделка не состоялась. Тогда Бартон и Кязз, дождавшись ночи, попросту украли лук. Или, скорее, обменяли, так как Бартон оставил его бывшему хозяину свой собственный лук, сделанный из тиса.

Впоследствии он попытался найти оправдание этому поступку. Хозяин чудесного лука бахвалился, что при-

кончил человека ради него. Так что, забрав лук, Бартон мог считать, что отнял его у вора и убийцы. Тем не менее угрызения совести мучили его, и он старался не вспоминать слишком часто об этом эпизоде.

Русло Реки постепенно суживалось, и теперь Бартон вел катамаран по сравнительно неширокому каналу. Пятью милями ниже по течению водный поток образовывал озеро около трех с половиной миль шириной, но теперь расстояние от берега до берега не превышало восьмисот ярдов. Впереди высились утесы; Река изгибалась, исчезая за высокой стеной каньона.

Судно теперь медленнее продвигалось вперед — ему приходилось преодолевать сильное течение, а пространство для маневрирования было ограниченным. Но Бартон уже не раз преодолевал такие стремнины и не испытывал большого беспокойства. Однако всякий раз, когда он попадал в подобное место, ему казалось, что «Хаджи» словно рождается заново. Судно покачивалось в озере, как младенец в утробе матери, затем, через узкий проход, проскакивало в другое озеро, бурлящее водами, словно в широкий и светлый мир, обещающий сказочные приключения и чудесные открытия.

Катамаран лег на другой галс на расстоянии двенадцати ярдов от прибрежного грейлстоуна. В полумиле, на правом берегу Реки, толпились местные, наблюдая за эволюциями судна. Они что-то вопили, размахивая кулаками и, очевидно, выкрикивали непристойности — неслышимые за дальностью дистанции, но вполне понятные Бартону; ему уже не раз приходилось наблюдать подобную реакцию. Ее нельзя было считать откровенно враждебной; у населяющих долину народов и племен существовали различные способы, чтобы приветствовать чужих или предостеречь их от высадки на сушу.

Здесь по правому берегу на протяжении шестидесяти грейлстоунов (или же шестидесяти миль) жили невысокие щуплые, темнокожие и темноволосые люди. Они говорили на языке, который, по мнению Руаха, от-

носился к хамитосемитской группе. На Земле эти люди обитали где-то в Северной Африке или Месопотамии, когда эти районы еще не были покрыты пустынями. Они носили кильты, но их женщины ходили с обнаженной грудью, используя тонкую ткань только для накидок и тюрбанов. На другом берегу Реки около восьмидесяти миль занимали бывшие жители Цейлона десятого века; к ним были добавлены индейцы майя доколумбовой эпохи.

— Котел, в котором смешиваются и сплавляются народы и времена, — заметил как-то Фригейт по поводу принципов расселения возрожденного человечества в долине. — Очевидно, мы присутствуем при величайшем социальном и антропологическом эксперименте.

Его утверждение не было слишком смелым. Казалось, людей различных племен и рас специально перемешали так, чтобы они могли научить чему-нибудь друг друга.

Иногда чуждым группам населения удавалось достигнуть взаимопонимания и жить относительно спокойно. В других случаях дело кончалось кровавой резней, во время которой слабейшие или полностью уничтожались, или обращались в рабство.

После Воскрешения некоторое время всюду царила анархия. Шел процесс адаптации; люди образовывали маленькие группы с целью самозащиты и утверждения своих прав на небольшие клочки земли. Затем на первый план вышли прирожденные лидеры и политики; к ним пристраивались эпигоны, выбирая вождя по своему вкусу... или, чаще, вожди сами рекрутировали подходящих сторонников.

В результате возникали различные политические системы, одной из которых было порабощение части чашевладельцев. Группа, доминирующая в некоторой области, держала остальное население в положении заключенных. Хозяева давали своим рабам достаточно еды, чтобы те не умерли с голода, — ведь чаша мертвого раба становилась бесполезной. Но лучшая часть пи-

щи, а также сигары, сигареты, марихуана, спиртное и Жвачка Сновидений отбирались.

Раз тридцать во время долгого пути экипаж «Хаджи» подвергался риску попасть в руки рабовладельцев. Это могло случиться при любой высадке на берег для зарядки чаш. Но Бартон и его люди были всегда начеку, когда попадали в такие районы. Часто их предупреждали об опасности жители соседних государств. И, тем не менее можно было насчитать два десятка эпизодов, когда посланные с берега лодки пытались нагнать «Хаджи» и катамаран с трудом спасался от абордажа. Пять раз Бартону приходилось поворачивать обратно и уходить от преследования вниз по течению. Его катамаран обычно превосходил в скорости вражеские суда, которые к тому же не стремились пересекать границу своей области. Затем, дождавшись ночи, «Хаджи» возвращался, чтобы миновать опасный участок под покровом темноты.

Случалось так, что они не могли высадиться на сушу, так как рабовладельческие государства занимали берега Реки на большом протяжении. Тогда путешественники довольствовались урезанным рационом; если им улыбалась удача, они могли наполнить желудки выловленной в Реке рыбой.

Населявшие эту область древние семиты были достаточно терпимы к пришельцам — после того, как убедились, что команда «Хаджи» не причинит им зла. Но один русский, житель Московии восемнадцатого века, предупредил их, что на другом конце узкого потока, в который превращалась Река в скалистом ущелье, очевидно, расположены рабовладельческие государства. Он не имел о них подробной информации, так как путь по берегу преграждали обрывистые скалы. Немногие суда, которые сумели миновать канал, почти никогда не возвращались обратно. Те, которым это удавалось, приносили вести о злых людях, обитавших за горами.

Поэтому «Хаджи» был нагружен молодыми побегами бамбука, сушеной рыбой и прочими запасами, кото-

рые позволяли его экипажу недели две обходиться без своих чаш.

До входа в самое узкое место ущелья оставалось еще около получаса. Внимание Бартона наполовину было сосредоточено на управлении судном, наполовину — на его экипаже. Люди, загорая, развалились на фордеке или сидели, прислонившись к ограждению люка, которое образовывало переднюю надстройку.

Джон де Грейсток прикреплял к древку стрелы тонкие изогнутые рыбьи кости. Они прекрасно заменяли перья птиц, которые отсутствовали в этом мире. Грейсток — или лорд Грейсток, как предпочитал называть его Фригейт по каким-то своим частным соображениям — был незаменим и в бою, и в работе. Кроме того, он оказался отличным рассказчиком, хотя его истории о кампаниях в Гаскони и на шотландской границе, об одержанных им победах над прекрасным полом, анекдоты о короле Эдуарде и прочие байки о доброй веселой Англии того времени часто оказывались фантастически непристойными. Он был очень упрям, не слишком чистоплотен и обладал некоторой узостью мышления, так как судил о многих вещах с точки зрения своей непросвещенной эпохи. По его словам, раньше он был очень набожным человеком — и, очевидно, он говорил правду, иначе ему не поручили бы сопровождать патриарха Иерусалимского, что являлось по тем временам большой честью. Но теперь, когда вера его рухнула под напором реальной действительности, он возненавидел священников. Он мог довести насмешками любого из них до бешенства — в надежде, что тот попытается пустить в ход кулаки. Подобные попытки обычно плохо кончались для бывших служителей культа.

Однажды Бартон мягко пожурил его за это (сделать ему более строгий выговор было невозможно — только поединок не на жизнь, а на смерть мог смыть такое оскорбление), заметив, что на чужой территории, хозяева которой обладают бесспорным численным превосходством, им надлежит вести себя как подобает воспитанным

гостям. Грейсток согласился с доводами Бартона, но и в дальнейшем продолжал издеваться над каждым встреченным им священником. К счастью, в районах, которые они посетили, христианские священники попадались нечасто. К тому же обычно они не афишировали свое прежнее занятие.

Рядом с Грейстоком сидела благородная дама, урожденная Мэри Резерфорд, которая появилась на свет в 1637 и покинула эту грешную юдоль в 1674 с титулом леди Уорвикшир; по правде говоря, она просто являлась очередной подружкой камберлендского рыцаря. Хотя она тоже была англичанкой, трехвековый разрыв сильно осложнял их отношения; Бартон полагал, что они недолго останутся вместе.

Казз растянулся на палубе, положив лохматую голову на колени Фатимы, которую он повстречал дней сорок назад во время очередной стоянки. Как утверждал насмешник Фригейт, Фатиму покорила волосатая шкура Казза. Таким образом он объяснял те страстные чувства, которые жена пекаря из Анкары семнадцатого века испытывала к неандертальцу. Для команды «Хаджи» это служило, в определенной мере, развлечением — но самое большое удовольствие получал Казз. За время долгого путешествия он не встретил ни одной представительницы своей расы, а женщин рода человеческого отталкивала его звероподобная внешность и волосатое тело. У него не было постоянной подруги до встречи с Фатимой.

Щуплый Лев Руах сидел на палубе, прислонившись к невысокому комингсу; он мастерил пращу из кожи саргана. В стоявшем рядом мешке было около трех десятков гладких камней, собранных им за последние двадцать дней. Эстерн Родригес что-то говорила ему, быстро, захлебываясь словами и непрерывно показывая крупные белые зубы. Она заняла место Тани, у которой Лев находился под башмаком до отплытия «Хаджи». Таня была очень привлекательной миниатюрной женщиной, одержимой стремлением перевоспитывать

близких ей мужчин; Лев узнал, что, в свое время, она перевоспитала своего отца, дядюшку, двух братьев и двух мужей. То же самое она попыталась проделать с Руахом, стремясь к максимальной гласности, чтобы и другие мужчины могли извлечь пользу из ее наставлений. В тот день, когда «Хаджи» тронулся в путь, Лев прыгнул на палубу, обернулся и сказал: «Прощай, Таня! Жить рядом с Самым Большим Ртом Бронкса — слишком сильное испытание для моих нервов. Подыщи себе нечто более совершенное, чем бедный глупый Лев Руах».

Таня задрожала от ярости, побледнела, и начала кричать на Льва, громко перечисляя оказанные ему благодеяния. Ее рот продолжал работать даже тогда, когда «Хаджи» удалился от берега на порядочное расстояние. Все смеялись и поздравляли Руаха с обретенной свободой, но он печально улыбался. Через две недели, в местности, населенной преимущественно древними ливийцами, он встретился с Эстер, испанской еврейкой пятнадцатого столетия.

— Почему бы вам не попытать удачи с женщиной другой национальности? — спросил его Фригейт. Руах пожал узкими плечами.

— Я уже пробовал. Но рано или поздно случается ссора, они теряют терпение и называют вас грязным жидом. Собственно, с женщинами-еврейками происходит то же самое, но в этом случае я готов снести оскорбление.

— Послушайте, дружище,— сказал американец,— вдоль Реки живут миллионы женщин, которые понятия не имеют о евреях. У них нет никаких предрассудков на этот счет. Почему бы вам не выбрать одну из них?

— Я предпочитаю знакомое зло.

Бартон иногда размышлял над тем, почему Руах поплыл с ними. Он больше не упоминал о злосчастном произведении Бартона, хотя часто расспрашивал о его прошлом. Он был дружелюбным, но никогда не раскрывался до конца. Несмотря на небольшой рост, он

отлично зарекомендовал себя в бою, а его уроки дзюдо и каратэ оказались бесценными для Бартона. Отпечаток грусти, витавший над ним подобно туманному полупрозрачному облаку даже когда он смеялся или занимался любовью (как утверждала Таня), был следствием жестоких душевных травм. Его терзали воспоминания об ужасных немецких концентрационных лагерях и русских тюрьмах. Таня как-то сказала, что Лев уже родился с неизбывной печалью в душе; казалось, он унаследовал всю тоску и печаль своего народа со времен вавилонского пленения.

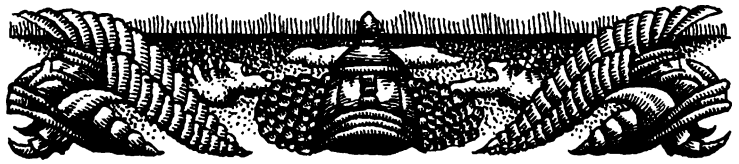
Монат являл собой еще одну разновидность печального образа, хотя иногда ему случалось выходить из этого состояния. Пришелец с Тау Кита все еще надеялся увидеть своих соплеменников, кого-нибудь из тех тридцати мужчин и женщин, что были растерзаны обезумевшей толпой. Он понимал, что шансов на такую встречу немного. Вероятность того, что ему удастся разыскать одного из тридцати человек среди тридцати пяти или тридцати шести миллиардов землян, расселенных вдоль Реки, которая протянулась, возможно, на десять миллионов миль, была ничтожно мала. Но он не терял надежды.

Алиса Харгривс расположилась на носу судна — так, что над крышей комингса виднелась только ее голова. Она внимательно разглядывала людей на берегу, когда «Хаджи» подходил настолько близко к суше, что можно было рассмотреть лица. Она все еще искала своего мужа, Реджинальда, трех своих сыновей, мать, отца, сестер и братьев. Любое дорогое ей знакомое лицо. Молчаливо предполагалось, что она покинет корабль, как только состоится подобная встреча. Бартон ничего не говорил по этому поводу; но он ощущал боль в груди, когда думал о том, что может навсегда потерять Алису. Мысли его мешались; он одновременно желал, чтобы она ушла, и страшился этого. С глаз долой — из сердца вон. Неизбежность подобной взаимосвязи была заложена в основе этого мира. Но он сопротивлялся не-

избежности. Он испытывал к Алисе такое же чувство, как к той девушке-персиянке, которую он любил когда-то и потерял. Новая потеря могла превратить его жизнь в бесконечно длящуюся пытку.

Но он не сказал ей ни слова о своем чувстве. Он часто говорил с ней, стараясь показать, что считает неприязнь, которую она к нему испытывает, забавным чудачеством. В конце концов, их отношения стали более ровными. Но только тогда, когда их окружали другие люди. Стоило им остаться наедине, ее лицо каменело.

После той первой ночи она никогда больше не употребляла жвачку. Он пробовал наркотик раза три, а потом стал обменивать его на более нужные вещи. В последний раз он употреблял жвачку, чтобы увеличить наслаждение во время очередной встречи с Вильфредой; на самом деле он был ввергнут в тот ужасный период своей жизни, когда какая-то тропическая болезнь едва не прикончила его на пути к озеру Танганьика. В этом кошмаре присутствовал также Спек — и он убивал Спека. В земной реальности Спек погиб из-за несчастного случая на охоте, хотя все полагали, что это было самоубийство. Спек застрелился; он предал Бартона, и его терзали угрызения совести. Но в своем кошмарном видении Бартон душил Спека, когда тот, склонившись к его ложу, спрашивал, как он себя чувствует. Он душил Спека — и потом, когда видение уже начало блекнуть, целовал его в мертвые губы.



ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ну да, он знал, что любил Спека — и, в то же время, ненавидел его, ненавидел совершенно справедливо. Но раньше ощущение этой любви казалось таким слабым и мимолетным, что он почти не осознавал его. Кошмар, вызванный жвачкой, заставил Бартона понять, что любовь была глубже и сильнее ненависти; и это так ужаснуло его, что он закричал.

Когда он очнулся, Вильфреда трясла его изо всех сил. Губы ее дрожали; она пыталась спросить его, что случилось. На Земле Вильфреда пристрастилась к опиуму, но здесь, впервые попробовав Жвачку Сновидений, она никогда больше ее не употребляла. Ее мучили свои ужасы — она опять видела, как умирает от туберкулеза младшая сестра, она вновь дрожала от страха и омерзения, впервые продавая свое тело.

— Странный галлюциноген,— сказал Бартону Руах, объяснив, что означает этот термин. Они часто обсуждали назначение жвачки.— Похоже, что он воскрешает в памяти ситуации, в которых индивидуум получил сильную душевную травму. Но в видениях, возникающих в мозгу человека, реальные факты смешиваются с фантазиями, олицетворяющими нечто символическое... Но так происходит не всегда. Случается, что наркотик стимулирует сладострастие... или, как говорят, отправляет вас в чудесное путешествие в сказочную страну. Я предполагаю, что нас снабжают Жвачкой Сновидений для каких-то терапевтических целей... Я имею в виду терапию души, а не тела... ее очищение че-

рез страдание и ужас... Мы только должны определить правильный способ применения жвачки.

— Если вы убеждены в этом, почему же вы не употребляете ее почаще? — с вызовом сказал Фригейт.

— Причина та же, по которой многие отказываются пройти курс лечения: я боюсь.

— Я тоже,— задумчиво произнес Фригейт.— Но однажды, когда мы задержимся в каком-нибудь месте подольше, я начну регулярно жевать ее — и надеюсь, что она мне поможет... Даже, если подо мной разверзнется адская бездна, я попробую... Но, конечно, об этом легче сказать, чем сделать.

Хотя Питер Джарвис Фригейт родился спустя всего лишь двадцать восемь лет после смерти Бартона, их миры разделяла глубокая пропасть. Они так по-разному смотрели на многие вещи, что могли бы яростно спорить по любому поводу — если бы Фригейт был способен к яростным спорам. Конечно, это не затрагивало вопросов дисциплины на судне или определения его дальнейшего пути; речь шла о взгляде на мир. И все же, во многом Фригейт был очень похож на Бартона; возможно, по этой причине личность Бартона так очаровала его еще на Земле. Как-то в 1938 году Фригейту попалась в руки книжка некого Фэйрфакса Дауни, озаглавленная: «Бартон: искатель приключений 1001 ночи». На обложке было изображение Бартона в возрасте пятидесяти лет. Свирепое лицо с выступающими надбровьями, массивный прямой нос, большой шрам на щеке, полные чувственные губы, густые черные брови, усы, свисающие вниз и пышная раздвоенная борода, присущая облику этого человека какая-то печальная задумчивость, смешанная с агрессивной готовностью к действию, настолько поразили Фригейта, что он купил книгу.

— Я ничего не слышал о вас раньше, Дик,— рассказывал Фригейт.— Но я проглотил эту книгу — и был очарован. В ней жили вы сами — помимо общеизвестных фактов биографии — искусный фехтовальщик,

знаток множества языков, способный перевоплощаться то в местного купца, то — в знахаря или бредущего в Мекку пилигрима. Вы сумели первым из европейцев выбраться живым из священного города Харара, открыли озеро Танганьика и почти добрались до истоков Нила, вы были одним из основателей Королевского Антропологического общества, ввели в практику термин «Экстрасенсорное восприятие», перевели сказки 1001 ночи, изучали эротическое искусство Востока и так далее... Факты, которые сами по себе не могли не вызвать восхищение; но в вашей личности таилось что-то еще, особо притягательное для меня. Я помчался в публичную библиотеку,— хотя Пеория была маленьким городком, в библиотеке хранилось много ваших сочинений и книг о вашей жизни, пожертвованных городу одним из ваших почитателей; и я прочитал их все. Затем я начал собирать первоиздания ваших книг. Я стал писателем-беллетристом, но меня не покидала мечта написать огромную, самую полную историю вашей жизни, объехать все места, где побывали вы, собрать их описания, фотографии... основать общество для сохранения склепа, в котором покоилось ваше тело...

Первый раз Фригейт упомянул о его могиле. Бартон, потрясенный услышанным, воскликнул:

— Где? Где она? — потом припомнил: — Да, конечно! У Мертвого озера — как я распорядился... Но был ли там воздвигнут памятник в форме шатра бедуина, как планировали мы с Изабеллой?

— Да, был. Но кладбище поглотили трущобы, и какие-то вандалы обезобразили памятник; вокруг все заросло сорной травой. Шли разговоры о том, что ваши останки нужно перевезти куда-нибудь в отдаленный, спокойный район Англии... хотя в мое время было трудновато найти по-настоящему спокойное местечко...

— И вам удалось основать свое общество и сохранить мою могилу? — спросил заинтригованный Бартон.

Он уже свыкся с мыслью, что когда-то был мертв; но беседовать с человеком, который видел твою могилу... от такой мысли мороз прошел по его коже.

Фригейт сделал глубокий вдох.

— Нет,— произнес он виновато.— В то время, когда я оказался в состоянии сделать это, я... я чувствовал бы себя виноватым, растрачивая деньги и усилия на давно умершего человека... В мире началась такая кутерьма... Все внимание надо было отдавать живым. Загрязнение среды, нищета, голод и так далее... Это было важнее всего.

— А как же моя огромная, полная биография?

Фригейт снова виновато опустил голову:

— Когда я впервые прочел о вас, я думал, что никого больше не интересует ваша личность... что никто даже не знает вашего имени. Но я ошибался. В шестидесятые годы вышло несколько превосходных книг... одна из них была написана о вашей жене.

— Об Изабелле? Кто-то написал о ней книгу? Но почему?

Фригейт усмехнулся.

— Она была весьма интересной женщиной. Довольно назойливой, должен признать, и самолюбивой; к тому же, кажется, она страдала шизофренией. Немногие из ваших близких смогли простить ей то, что она сожгла ваши рукописи и путевые дневники...

— Что? — взревел Бартон.— Сожгла?..

Фригейт кивнул головой и добавил:

— Что, по замечанию вашего врача, Гренфелла Бейкера, было самой чудовищной катастрофой, последовавшей за вашей смертью. Она сожгла ваш перевод «Благоухающего сада», заявив, что вы не хотели его публиковать, и только настоятельная потребность в деньгах могла бы заставить вас отнести рукопись в издательство. Но теперь вы мертвы — и вам больше не нужны деньги.

Бартон потерял дар речи, что случалось с ним нечасто. Фригейт искоса посмотрел на него и улыбнулся. Казалось, он наслаждался растерянностью Бартона.

— Потеря «Благоухающего сада», конечно, неприятна, но и она еще не самое плохое. Сжечь оба комплекта ваших дневников, в которых, как предполагается, вы высказывали самые сокровенные, глубоко личные мысли... Вот чего я никогда не смогу простить. Для многих, как и для меня, это была невосполнимая утрата. Сохранилась лишь одна небольшая, записная книжка... но и она сгорела во время бомбардировки Лондона во время второй мировой войны.

Он остановился на минуту и затем спросил:

— Правда ли, что вы приняли католичество на смертном ложе, как заявила ваша жена?

— Возможно, — ответил Бартон. — Изабелла долгие годы намекала мне на это, хотя никогда не осмеливалась действовать прямо... Когда я заболел и почувствовал приближение конца, может быть, я сказал ей, что готов выполнить ее желание... чтобы доставить ей удовольствие. Она казалась такой расстроенной, такой удрученной тем, что моя душа будет гореть в адском пламени.

— Значит, вы любите ее? — воскликнул Фригейт.

— Я сделал бы то же самое даже для шелудивого пса.

— Для человека, который известен своей искренностью и прямотой, вы иногда выражаетесь слишком двусмысленно.

Этот разговор состоялся месяца через два — считая от Первого Дня. Их любопытные взаимоотношения от начального знакомства постепенно перешли в следующую стадию. Фригейт стал ему ближе и понятнее, в то же время он стал как-то больше его раздражать. Американец всегда воздерживался от замечаний по поводу действий Бартона — несомненно, чтобы не разгневать его. Говоря начистоту, Фригейт совершенно сознательно вел себя так, чтобы не рассердить никого. Но он так-

же инстинктивно пытался противостоять Бартону. Его враждебность проявлялась во многих незаметных, иногда и не столь уж неуловимых, словах и поступках. Бартону это не нравилось. Он был прямым человеком и легко впадал во гнев. Вероятно, как отметил Фригейт, одной из доминирующих черт его характера была агрессивность.

Однажды вечером, когда они сидели вокруг костра у прибрежного грейлстоуна, Фригейт завел разговор о Карачи. Эта деревушка, которая впоследствии стала столицей Пакистана, во времена Бартона имела население около двух тысяч человек. В 1970 году в Карачи жило приблизительно два миллиона.

В ходе беседы Фригейт как бы мельком спросил Бартона о знаменитом докладе, который тот составил для генерала Роберта Напира относительно домов терпимости этого города, в которых проституцией занимались мужчины. Доклад подлежал хранению среди секретных документов Ост-Индской армии, но был обнаружен одним из многочисленных врагов Бартона. Хотя доклад никогда не упоминался публично, намеки на его существование отравили последующие годы жизни Бартона. Суть дела заключалась в том, что Бартон под видом местного жителя проник в одно из тех заведений, куда доступ европейцам был полностью закрыт, и провел интересующие его наблюдения. Он очень гордился тем, что избежал разоблачения; он взялся на эту неприятную работу только потому, что об этом просил его любимый командир, генерал Напир. Несомненно, он был единственным человеком, кто мог выполнить подобную миссию.

Вначале Бартон с раздражением отвечал на вопросы Фригейта. Днем его разозлила Алиса — что случалось довольно часто — и теперь он размышлял, чем бы досадить ей. Внезапно он решил использовать возможность, которую предоставил ему Фригейт, и начал детально описывать все, что происходило в публичных домах Карачи. Руах, наконец, не выдержал; он встал и ушел

от костра. Фригейт выглядел так, словно его желудок подступил к горлу, но он остался. Вильфреда от хохота каталась по земле. Казз и Монат сохраняли стоическое спокойствие. Гвиневра спала на палубе «Хаджи», поэтому Бартон мог не принимать ее во внимание. Что касается Логу, то она, казалось, была очарована, хотя отдельные подробности вызвали у нее отвращение.

Алиса, его главная цель, побледнела, затем покраснела. Наконец, она поднялась и заявила:

— Я и раньше не сомневалась, мистер Бартон, что вы — низкий человек. Но смаковать это... это... Вы — кошмарный, презренный, отвратительный тип! Я не верю ни единому вашему слову! Невозможно представить, чтобы люди так себя вели! Всю свою жизнь вы пользовались репутацией человека, обожающего шокировать окружающих — несмотря на вред, который это вам наносило! И здесь вы стремитесь продолжить в том же духе!

Она повернулась и исчезла в темноте.

Фригейт усмехнулся:

— Когда-нибудь вы, возможно, расскажете мне, сколько истины в вашей истории.— Он помолчал, потом махнул рукой в ту сторону, куда скрылась Алиса.— Раньше я думал так же, как она. Но потом я стал старше... и появились новые материалы, касающиеся вашей жизни. Был даже выполнен психоанализ вашей личности, основанный на ваших собственных книгах и многочисленных документальных источниках.

— И каковы же результаты? — насмешливо поинтересовался Бартон.

— Как-нибудь в другой раз, Дик,— ответил Фригейт и встал.— Грубиян Дик, Дик-хулиган,— добавил он едва слышно, растворяясь в темноте.

Теперь, стоя у руля, наблюдая за солнцем, лучи которого заливали светом и теплом людей на фордеке, слушая шипенье воды, разрезаемой катамараном, и поскрипывание снастей, он размышлял о том, что ждет их по другую сторону каньона. Конечно, Река не кончает-

ся там; похоже, она будет течь бесконечно. Чего, кстати, нельзя сказать о команде «Хаджи». Слишком долго они теснятся в этой клетке. Слишком много дней провели они на тесной палубе, где нет других занятий, кроме болтовни или управления судном. Они уже еле выносят друг друга. Даже импульсивная Вильфреда последнее время стала тихой и какой-то безразличной. И она больше не волнует его. Откровенно говоря, он устал от нее. Он не желал ей ничего дурного, он не испытывал к ней неприязни — он просто устал от нее. И то, что он мог обладать Вильфредой, но не Алисой Харгривс, только усиливало это чувство.

Лев Руах сторонился его и старался говорить с ним как можно реже. Теперь Руах постоянно ссорился с Эстер; они спорили по любым поводам — из-за соблюдения запретов, касающихся пищи, из-за привычки Руаха дремать после полудня, из-за того, что он мало уделяет ей внимания.

Фригейт временами почему-то злился на него. Но Фригейт никогда не придет и не скажет прямо — не скажет ничего, трус, пока его не загонишь в угол и не раздразнишь так, чтобы он впал в ярость. Логу постоянно дулась на Фригейта, потому что и с ней он оставался таким же мрачным, как с другими. Логу сердилась и на него, Бартона, — за то, что он отказался позабавиться с ней, когда они в одиночестве собирали бамбуковые побеги на склоне холма несколько недель назад. Он сказал, что совсем не против заняться с ней любовью, но он не хочет обижать Фригейта — как и любого другого члена команды. Логу ответила, что она по-прежнему любит Фригейта; но время от времени требуется разнообразие. И Фригейт тоже это понимает.

Алиса говорила, что уже потеряла надежду встретить кого-нибудь из своих близких. Они уже миновали участок долины, на котором жило, как минимум, 44 370 000 человек — и ни разу Алиса не увидела знакомого ей лица. И она понимала, что все эти люди составляют ничтожную часть населения долины. Но не только

это являлось причиной ее плохого настроения. Она устала от бесконечного путешествия, ей надоело день за днем сидеть на палубе, битком набитой людьми, где единственным развлечением были разговоры — большей частью, совершенно пустые.

Бартон боялся, что, в конце концов, она покинет судно. На очередной стоянке она может подняться, сойти на берег, прихватив свою чашу и немногочисленные личные вещи, а затем сказать своим спутникам: «Прощайте. Увидимся лет через сто или что-нибудь около того — возможно». Главное, что удерживало ее на судне,— ребенок Гвиневра. Она воспитывала маленькую обитательницу древней Британии как леди викторианской эпохи. Смесь получалась забавной — впрочем, не более забавной, чем все прочее, что можно было лицезреть на берегах Реки.

Бартон тоже был утомлен этим бесконечным путешествием на маленьком судне. Он хотел бы найти какую-нибудь гостеприимную местность, где можно было бы остановиться для отдыха, снова почувствовать землю под ногами, изучить обычаи населения и, возможно, принять участие в местной политической жизни. Он мог бы жить там и ждать, когда тяга к странствиям вновь окрепнет в его душе. Он хотел бы заняться всем этим — но только вместе с Алисой.

— Когда человек сидит на месте, удача его дремлет,— прошептал он. Ему нужно вести себя с Алисой поактивнее; слишком долго он играл в джентльмена. Он должен ухаживать за ней, надо усилить натиск и сломить ее сопротивление. Нужно вспомнить, каким он был в молодости; в зрелые годы, после женитьбы, он слишком привык к тому, что его обожали, он разучился сам дарить любовь. Его прежние, привычки, прежний стереотип, впаянный в нервную систему,— остались при нем. Он был стариком в теле юноши.

«Хаджи» вошел в темные бурные воды узкого рукава Реки. С обеих сторон вздымались голубовато-черные скалистые стены; рукав заворачивал к западу, и скоро

широкое озеро позади исчезло из вида. Теперь все работали с парусами, повинуясь командам Бартона, который вел судно галсами поперек стремнины в четверть мили шириной. Течение взбивало высокие волны, катамаран качался вверх и вниз, зарываясь носом в воду при резких сменах курса. Они часто маневрировали в нескольких футах от скалистой стены каньона, где волны с грохотом обрушивались на камень. Но Бартон так долго управлял судном, что почти слился с ним; и команда не меньшее время работала с парусами — все его распоряжения выполнялись точно и вовремя.

Они прошли стремнину за тридцать минут. Кое-кто чувствовал себя неуютно — без сомнения, Фригейту и Руаху это приключение не доставило удовольствия. Но опасность взбодрила остальных; с их лиц, хотя бы на время, исчезло выражение угрюмой скуки.

«Хаджи» вышел на простор другого озера, залитого солнечным светом. Река разливалась здесь на четыре мили и тянулась к северу насколько мог видеть глаз. Горы внезапно отступили; на обоих берегах развернулись привычные очертания равнин.

На небольшой волне покачивалось с полсотни судов различных размеров — от выдолбленных из сосны челноков до двухмачтовых бамбуковых парусников. Большинство из них, казалось, были заняты рыбной ловлей. Слева, на расстоянии мили, маячил вездесущий каменный гриб грейлстоуна, на берегу около него можно было различить темные фигурки людей. Позади них, на равнине и по склонам холмов, рассыпались бамбуковые хижины, построенные в том обычном для долины стиле, который Фригейт называл нео-полинезийским или в более веселые минуты архитектурой посмертно-прибрежного периода развития человеческой цивилизации.

На правом берегу, в полумиле от выхода из каньона, громоздился большой бревенчатый форт. Перед ним тянулись в воду причалы из огромных древесных стволов, около которых сгрудились большие и малые суда. Через несколько минут после появления «Хаджи»

ударили барабаны. Перед фортом уже скопилась изрядная толпа, но из его ворот продолжали выскакивать люди; многие бежали к причалам от своих хижин. Они прыгали в лодки и отталкивались от причалов.

Темные фигурки на левом берегу тоже бросились к челноком, каноэ и одномачтовым баркасам.

Все выглядело так, словно обитатели обоих берегов соревновались, кто первым наложит руки на «Хаджи».

Бартон повел катамаран сквозь скопище рыбацких суденышек, несколько раз резко меняя курс. Люди с правого берега были ближе; все — белые и хорошо вооруженные. Они не пытались использовать луки. Человек, стоявший на носу боевого каноэ с тридцатью гребцами, поднес ладони ко рту и крикнул на немецком:

— Остановитесь! Вам не причинят вреда!

— Мы пришли с миром! — крикнул в ответ Фригейт.

— Он знает это,— сказал Бартон.— Это же совершенно очевидно — нас немного и мы не можем напасть на них!

Теперь барабанная дробь неслась с обеих сторон. Прибрежные участки равнины заполнили вооруженные люди. Лодки отчаливали от берега одна за другой и шли наперерез их курсу. Но те, суда, что первыми бросились в погоню, постепенно отставали.

Бартон колебался. Должен ли он развернуть «Хаджи», снова пройти по каньону и вернуться сюда ночью? Это было бы опасной операцией, ведь скальные стены высотой в 20 000 футов наверняка почти полностью отрезают свет звезд и газовых облаков. Им придется плыть по ущелью практически вслепую.

Но пока что катамаран имел преимущество в скорости перед любым из неприятельских судов. Правда, впереди появились высокие, одетые парусами мачты; они стремительно приближались. Но врагов подгоняли ветер и течение; если он сумеет обойти их, смогут ли они развернуться достаточно быстро?

Эти суда впереди, насколько он мог различить, были переполнены людьми, что снижало их скорость. Даже корабль с такой же маневренностью, как «Хаджи», не выдержит с ним соревнования, если его нагрузить воинами.

Он решил продолжать путь.

Через десять минут, при очередной смене галса, большое боевое каноэ попыталось перерезать им путь. Шестьдесят пар весел гнали вперед удлиненный корпус, прикрытый на носу и корме небольшими платформами. На каждой из палуб находилось по два человека, склонившихся над катапультами, установленными на массивных деревянных пьедесталах. Пара на носу установила какой-то круглый предмет, испускавший струю дыма, в чашу катапульты. Один из них нажал на спуск, и рычаг машины метнулся вверх и вперед. Каноэ вздрогнуло, и громкий, мерный напев гребцов на мгновение смолк. Дымящийся метательный снаряд описал высокую арку и упал в воду в десяти футах от носа «Хаджи». Раздался грохот взрыва, и облако черного дыма взметнулось вверх.

Женщины взвизгнули, и кто-то из мужчин не сдержал крика испуга. Бартон подумал, что в этом районе, очевидно, есть сера. Иначе нападающие не могли бы сделать черный порох.

Он подозвал Логу и Эстер Родригес и поручил руль их заботам. Лица женщин покрывала бледность, но они казались спокойными, хотя никогда раньше не видели взрывов бомб.

Гвиневру поместили внутрь передней надстройки. Алиса взяла тисовый лук и закинула на спину колчан со стрелами. Подведенные зеленоватой тушью веки и красная помада на губах подчеркивали белизну ее лица. Но за ее плечами было не менее десяти схваток на воде, и она доказала, что ее нервы не уступают крепостью меловым утесам Дувра. Более того, она оказалась лучшим стрелком в команде «Хаджи». Сам Бартон великолепно стрелял из ружья, но ему не хватало опыта в

обращении с луком. Казз мог натянуть лук из челюстей речного дракона еще сильнее Бартона, но точность попадания его стрел оставляла желать лучшего. Фригейт заявил, что неандерталец никогда не станет хорошим лучником; как у большинства примитивных индивидуумов, у него было плохо развито чувство перспективы.

Люди у катапульты не стали снова заряжать ее; очевидно, первый выстрел был предупредительным. Но Бартон решил не останавливаться ни при каких обстоятельствах. Если бы их преследователи пустили в ход луки, они перебили бы команду «Хаджи» за несколько минут. И то, что это не было сделано, доказывало, что их хотят взять живыми.

В брызгах кипящей под форштевнем воды, в бликах солнечного света, отраженного мокрыми лопастями весел, под мерные выкрики гребцов каноэ приблизилось к корме «Хаджи». Двое с передней площадки прыгнули вперед. Один свалился в воду, его пальцы едва царапнули по палубе катамарана; другой приземлился на самом краю, упав на колени. В зубах он сжимал бамбуковый нож, на поясе, в чехлах, висели небольшой каменный топор и кинжал из бивня саргана. В то мгновение, когда он пытался встать на ноги, цепляясь за мокрые планки настила, Бартон пристально посмотрел на него. Лицо человека, красивое, с классическими чертами и бледно-голубыми глазами, обрамляли рыжевато-золотистые волосы. Очевидно, он собирался ранить одного или двух членов экипажа и прыгнуть в воду; в случае везения — с женщиной в руках. Если ему удастся отвлечь на пару минут внимание беглецов, каноэ приблизится и возьмет «Хаджи» на абордаж.

У него не было особых шансов осуществить свой план — и он знал это. Но не боялся. Большинство людей все еще испытывали инстинктивный страх смерти, что гнездился в каждой клеточке их тел. Немногие оказывались способными перебороть этот страх; и очень редко встречались избранные, которые никогда его не ощущали.

Бартон шагнул вперед и ударил человека топором в висок. Его губы раскрылись, нож выпал из рук, и он рухнул лицом вниз на палубный настил. Бартон подобрал нож, снял с тела пояс с оружием и ногой столкнул труп в воду. Из каноэ донесся рев; оно разворачивалось. Бартон поднял голову и увидел приближающийся берег. Он подал команду, и катамаран сменил галс. Теперь они неслись поперек Реки, преследуемые дюжиной судов. Среди них были три четырехместных челнока, четыре больших боевых каноэ и пять двухмачтовых шхун. На палубах шхун стояли катапульты и толпилось много народа.

Точно на середине Реки Бартон снова повернул «Хаджи». Его маневр позволил приблизиться парусным судам, но у Бартона были свои планы на их счет. «Хаджи», распустив паруса, резал воду между двумя шхунами. Они подошли так близко, что Бартон мог разглядеть лица людей на борту. Большинство, несомненно, относилось к индоевропейской расе, хотя цвет кожи варьировался от смуглой, почти черной, до нордически бледной. Капитан шхуны, надвигавшейся справа, закричал Бартону по-немецки:

— Мы не тронем вас, если вы сдадитесь! Но не пробуйте сопротивляться, иначе отведаете пыток!

Он говорил на немецком с акцентом, похожим на венгерский.

В ответ Бартон и Алиса натянули луки. Стрела Алисы проткнула грудь рулевого; он покачнулся назад и упал за борт. Парусник развернулся, теряя ветер. Капитан бросился к штурвалу, и вторая стрела Бартона пробила его колено.

Обе шхуны столкнулись со страшным грохотом; вверх полетели доски и обломки такелажа, раздались крики людей, упавших за борт или беспорядочно метавшихся на палубах. Было ясно, что парусники выбыли из игры — даже если они сумеют удержаться на плаву.

Но раньше, чем шхуны столкнулись, их лучники успели выпустить дюжину стрел с пылающими наконечниками, нацеленных в паруса «Хаджи». Пучки сухой травы, пропитанные сосновой смолой, горели с треском; раздуваемое ветром пламя быстро пожирало плетенную из бамбуковых волокон ткань.

Бартон встал к рулю и отдал команду. Все свободные члены экипажа начали черпать воду из Реки своими чашами и бамбуковыми ведрами, стараясь залить пламя. Логу, которая умела лазать не хуже обезьяны, забралась на вершину мачты с веревкой, намотанной на руку. Она сбросила конец веревки на палубу и затем стала поднимать наверх сосуды с водой.

Возникшая суматоха позволила другим шхунам и нескольким каноэ подойти ближе. Одно из боевых каноэ попыталось перерезать курс «Хаджи».

Бартон снова повернул катамаран, но из-за Логу, висевшей на мачте, маневр получился слишком медленным.

Конец мачты описал полуокружность, верхняя рея раскачивалась, как маятник, и пока люди на палубе сражались с канатами, чтобы развернуть паруса, в них воткнулось еще несколько пылающих стрел. Часть стрел ударилась о палубный настил.

На мгновение Бартон подумал, что враги изменили свое намерение и решили покончить с ними; но, очевидно, некоторые лучники просто промахнулись.

Снова «Хаджи» удалось проскользнуть между двумя шхунами. Капитаны и команда обоих парусников ухмылялись и что-то кричали вслед катамарану. Похоже, они долгое время были лишены таких развлечений и погоня доставляла им удовольствие. Однако большинство все же попряталось за высокими бортами, оставив под стрелами с «Хаджи» своих командиров, рулевых и лучников. Загудели спускаемые тетивы, и красноголовые стрелы с голубым оперением прочертили воздух; две дюжины попали в парус, другие воткнулись в мачту и реи, дюжина чиркнула по воде. Одна

стрела пролетела в нескольких дюймах от головы Бартона.

Алиса, Руах, Казз, де Грейсток, Вильфреда и сам Бартон стреляли, пока Эстер управлялась с рулевым веслом. Логу застыла на середине мачты, ожидая, пока перестанут сыпаться огненные стрелы. Пять стрел с «Хаджи» нашли три цели — капитана, рулевого и одного из моряков, на свою беду высунувшего голову из-за укрытия.

Неожиданно Эстер вскрикнула. Бартон обернулся и увидел, что из-за высокого корпуса шхуны выскользнуло каноэ; через мгновение оно оказалось в нескольких футах от носа «Хаджи». Избежать столкновения было невозможно. Два человека с передней платформы бросились в воду, гребцы тоже вскочили и стали прыгать за борт. Затем «Хаджи» врезался в переднюю часть каноэ, разбил и перевернул его, вышвырнув оставшихся гребцов в Реку. Людей на палубе катамарана бросило вперед, и де Грейсток, не удержавшись, оказался в воде. Бартона сшибло с ног, и он проехал по бамбуковому настилу, ободрав кожу на груди, коленях.

Эстер не смогла удержаться за рукоятку руля; ее тело прокатилось по всей палубе до ограждения комингса. Она лежала там без движения.

Бартон бросил взгляд наверх. Парус пылал, и надежды спасти его не было. Логу исчезла — по-видимому, ее швырнуло вперед в момент столкновения. Затем, поднявшись на ноги, он увидел, что Логу и Грейсток плывут обратно к «Хаджи». Вокруг них мелькали головы, руки и плечи гребцов с каноэ, многие из которых, судя по их паническим воплям, не умели плавать.

Бартон велел мужчинам помочь Грейстоку и Логу подняться на борт, а сам попытался оценить нанесенный столкновением ущерб. Носовые части обоих корпусов катамарана были разбиты, и внутрь их хлестала вода. Огонь добрался до мачты. Дым от пылающих парусов стелился над палубой, вызывая у женщин кашель.

Еще одно боевое каноэ быстро приближалось с севера; две шхуны, маневрируя против ветра, также двигались к полуразрушенному катамарану.

Они еще могли сражаться и выпустить порядочно крови врагов, которые, казалось, не стремились прикончить их. Они могли также покинуть судно и попытаться достичь берега вплавь. Но, в любом случае, их ожидал плен.

Логу и Грейсток поднялись на борт. Фригейт крикнул, что Эстер невозможно привести в сознание. Руах пощупал ее пульс, заглянул в зрачки, оттянул веки и подошел к Бартону.

— Она еще жива, но, похоже, долго не протянет,— грустно сообщил он.

Бартон обвел взглядом женскую часть экипажа.

— Я полагаю, что вы, женщины, знаете, что вас ждет. Конечно, это ваше дело, но я посоветовал бы вам нырнуть поглубже и сделать добрый глоток воды. Завтра вы все очнетесь в добром здравии.

Гвиневра вылезла из передней надстройки и подошла к Бартону. Обхватив его руками за пояс, девочка подняла головку, вглядываясь в лицо Бартона сухими, блестящими от испуга глазами. Он нежно провел ладонью по худеньким плечам и посмотрел на Алису.

— Возьмите ее с собой,— сказал он.

— Куда? — глаза Алисы расширились. Она бросила взгляд на каноэ, потом перевела его на Бартона; дым попал ей в горло и она судорожно закашлялась.

— Вниз — когда вы пойдете туда,— уточнил Бартон, кивнув на речную гладь.

— Я не смогу это сделать,— нерешительно сказала Алиса.

— Но вы же не можете допустить, чтобы она досталась этим негодяям. Она — только маленькая девочка, но это их не остановит.

Лицо женщины исказилось, на глазах появились слезы. Но она не заплакала.

— Хорошо,— она кивнула головой и снова посмотрела на Бартона.— Сейчас это не будет грехом — убить себя. Я только надеюсь...

— Да,— сказал Бартон,— я тоже.

Он не тратил слова зря; время слов миновало. Каноэ было в сорока футах от них.

— В другом месте может быть так же плохо, как здесь — или еще хуже,— сказала Алиса.— И она окажется там одна. Шанс, что мы воскреснем в одном месте, ничтожен.

— Тут ничего не поделаешь,— ответил Бартон. Она решительно сжала губы, потом прошептала:

— Я буду биться до конца. Затем...

— Вы можете опоздать,— сказал он, поднимая лук и вытаскивая стрелу из колчана. Лук Грейстока смыло в воду, и он взял оружие Каззa. Неандерталец вложил камень в пращу и начал вращать ее. Руах тоже достал пращу и выбрал подходящий камень. Монат поднял с палубы лук Эстер, так как его собственный исчез во время столкновения.

Капитан каноэ закричал на немецком:

— Бросьте оружие! Вам не причинят вреда!

Через секунду он рухнул на палубу; стрела Алисы торчала в его груди. Другая стрела, очевидно — Грейстока, сбила в воду второго человека, стоявшего на носу каноэ. Камень из пращи ударил одного из гребцов в плечо, и он скорчился от боли. Второй камень разбил голову другому гребцу; тот выронил весло, рухнув на дно каноэ.

Но лодка продолжала двигаться. Двое, стоявшие на кормовом настиле, выкрикивали команды. Затем они упали под ударами камней и стрел.

Бартон оглянулся. Обе шхуны спустили паруса. Они плавно скользили к «Хаджи», и моряки готовили абордажные крючья, чтобы сцепиться с катамараном. Но они не торопились, опасаясь, что на них может перекинуться пламя.

Когда каноэ достигло «Хаджи», четырнадцать человек в нем были мертвы или тяжело ранены и не способны к бою. Остальные побросали весла и достали небольшие круглые щиты из кожи. Еще две стрелы пробили щиты и вонзились в руки державших их людей. Но их все же еще оставалось двадцать — двадцать полных сил воинов против полудюжины мужчин, пятерых женщин и ребенка.

Однако среди защитников «Хаджи» был невысокий волосатый человек с огромным каменным топором, обладающий чудовищной силой. Кazз прыгнул вперед раньше, чем нос каноэ ударился о корпус катамарана и через секунду оказался в толпе врагов.

Его топор сокрушил два черепа; следующим ударом он пробил днище каноэ. Вода начала наполнять лодку и Грейсток, завопив что-то на своем камберлендском наречии, спрыгнул вниз и встал рядом с Каззом. В одной руке он держал кинжал, в другой — большую дубовую палицу, утыканную обломками кремня.

Оставшиеся на «Хаджи» продолжали метать стрелы. Внезапно Кazз и Грейсток вскарабкались обратно на палубу катамарана; каноэ тонуло — вместе с мертвыми, умирающими и еще живыми людьми.

Кто-то из них сразу пошел ко дну; другие плыли прочь от «Хаджи» или пытались взобраться на борт. Эти последние снова падали в воду с отсеченными пальцами и раздробленными кистями.

Вдруг что-то свистнуло в воздухе и ударилось о палубу рядом с Бартоном, затем снова раздался свист, и он почувствовал, как по его плечам скользнула веревка.

Резко повернувшись, он рассек кожаный ремень, едва не затянувшийся вокруг его шеи. Он прыгнул в сторону, увернувшись от другого лассо, и, поймав конец третьего, сильно рванул за него. Человек на шхуне, державший другой конец, вскрикнул и полетел вниз, ударившись плечом о палубу «Хаджи». Бартон разбил ему череп своим топором.

Но теперь люди сыпались с палуб обоих парусников, и веревки свистели повсюду. Дым и пламя усиливали суматоху, хотя они больше помогали экипажу «Хаджи», чем нападающим.

Бартон искал глазами Алису, но не мог найти ее в клубах дыма; он громко закричал, приказывая ей взять Гвиневру и прыгать в воду. В следующий миг ему пришлось парировать удар копьем, нанесенный огромным негром. Чернокожий, казалось, забыл приказ взять живыми людей с «Хаджи»; он нападал с такой яростью, словно собирался прикончить Бартона. Отбив в сторону короткое копье, Бартон развернулся и опустил топор на шею негра. Он продолжал сражаться, получив сильный удар по ребрам, затем почувствовал боль в плече, но он сумел сбить с ног еще двух человек и затем оказался в воде. Он упал между корпусом шхуны и длинным поплавком «Хаджи» и сразу же ушел на глубину. Выпустив из рук тяжелый топор, он устремился вверх и вытащил из ножен кинжал. Вынырнув, он увидел визжащую Гвиневру, которая билась в руках высокого рыжеволосого мужчины. Он поднял ее вверх и швырнул далеко в воду.

Бартон снова нырнул, потом поднялся на поверхность и невольно вздрогнул. Лицо Гвиневры, бледно-серое, с пустыми, широко раскрытыми глазами, было в нескольких футах от него. Через мгновение он заметил, что вода вокруг нее потемнела от крови. Девочка исчезла прежде, чем он успел доплыть до нее. Он нырнул за ней, схватил ее за плечи и повернул маленькое тело. В спине у нее торчал нож.

Он разжал руки, и тело Гвиневры стало опускаться в глубину. Бартон не понимал, зачем рыжеволосый убил девочку — ведь он мог легко взять ее в плен. Возможно, Алиса заколола ее, а рыжий мужчина, обнаружив, что девочка умирает, швырнул ее на корм рыбам.

Бартон вынырнул на поверхность, жадно глотая воздух. Из дымного облака, клубившегося над палубой «Хаджи», вылетело тело, за ним — еще одно. Первый

человек упал в воду мертвым, со сломанной шеей; второй был еще жив. Бартон зажал рукой его шею и полоснул кинжалом по горлу. Человек перестал биться и погрузился в речные воды.

Из дымного облака выпал Фригейт, его лицо и плечи были в крови. Он плашмя ударился о поверхность воды и начал опускаться в глубину. Бартон ринулся к нему на помощь. Возвращаться на палубу катамарана уже не имело смысла. На ней сплетались, терзая друг друга, фигуры сражающихся; тем временем новые каноэ и челны приближались к обгорелым останкам «Хаджи».

Голова Фригейта появилась над водой. Лицо его было бледным — там, где вода смыла кровь. Бартон подплыл к нему и прокричал:

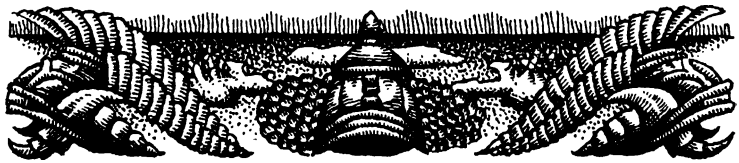
— Женщины! Они ушли оттуда?

Фригейт покачал головой и внезапно крикнул в ответ:

— Берегись!

Бартон немедленно нырнул. Что-то ударило его по ногам; он попытался раскрыть рот и уйти в глубину, но понял, что не сможет вдохнуть воду. Ну, что ж, он будет сражаться — пока враги не убьют его.

Когда он вынырнул, вода вокруг кипела телами людей, прыгнувших за Фригейтом и за ним. Бесчувственное тело американца тащили к каноэ. Три человека окружили Бартона; он успел заколоть кинжалом двоих, когда стоявший в челноке мужчина с палицей в руках наклонился и ударил его по голове.



ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Всех их выволокли на берег около большого строения, окруженного стеной из сосновых стволов. Голова Бартона раскалывалась от боли на каждом шагу. Ссадины на плече и груди жгло, но они уже перестали кровоточить. Форт, сооруженный из сосновых бревен, имел выступающий вперед второй этаж со множеством бойниц. Пленников прогнали мимо огромных бревенчатых ворот, потом — по заросшему травой двору шестидесятифутовой ширины. Через вторые ворота они вошли в большой зал внутри здания. Всех — кроме Фригейта, который от слабости не держался на ногах — выстроили перед огромным дубовым столом. В зале было прохладно и темно, и они не сразу смогли разглядеть двух мужчин, сидевших за столом.

Повсюду стояли охранники с копьями, палицами и каменными топорами. Деревянная лестница в дальнем конце зала вела на галерею с высокими перилами; там столпились женщины, с любопытством посматривая вниз.

Один из сидевших за столом был невысок и мускулист, тело его покрывали волосы. На голове курчавились жесткие черные пряди, крупный орлиный нос выдавался вперед, желтые яростные глаза сверкали. Второй мужчина казался повыше, со светлыми волосами и широким тевтонским лицом; цвет его глаз — очевидно, серых или голубых — было трудно определить в полумраке. Объемистый живот и массивные челюсти свидетельствовали, что их хозяин не пренебрегал пищей и питьем, что приносили чаши его рабов.

Фригейт скорчился на покрытом травой полу, но по сигналу блондина стражи подняли его на ноги. Американец бросил на светловолосого удивленный взгляд и сказал:

— Вы чертовски похожи на Германа Геринга в молодые годы!

Ноги Фригейта дрожали от слабости; он попытался снова опуститься на пол — и вскрикнул от жестокого удара древком копья по почкам.

Блондин сказал на английском с тяжеловесным немецким акцентом:

— Не бейте их без моего приказа. Дайте им говорить.

Несколько минут он внимательно изучал пленников, затем произнес:

— Да, я — Герман Геринг.

— И чем же вы знамениты? — спросил Бартон.

— Позже вы узнаете об этом от своего приятеля,— усмехнулся немец.— Если «позже» вообще наступит для вас. Вы превосходно сражались, и я не таю на вас зла. Я восхищаюсь людьми, которые умеют постоять за себя. Нам нужны хорошие бойцы, особенно если учесть, сколько народа вы положили. И поэтому я предлагаю вам выбор — и вашим людям тоже. Играйте на моей стороне, и вы получите вдоволь еды, спиртного, табака — ну и женщин, конечно. Или становитесь моими рабами.

— Нашими,— поправил его черноволосый. Он тоже говорил на английском довольно неуклюже и с сильным акцентом.— Не забывай, друг Герман, я сам мог бы произнести такое же слово.

Широкое лицо Геринга расплылось в ухмылке,

— Конечно, конечно. В том, что было сказано, «я» и «мое» используется для обозначения верховного правителя, то есть нас обоих. Но если хочешь, пусть будет «мы»,— он махнул рукой и снова обратил на Бартона взгляд своих водянистых глаз.— Итак, если вы решите служить нам, сделав весьма разумный выбор, то покля-

нетесь в верности мне, Герману Герингу, и Туллию Гостилию, царю древнего Рима.

Пораженный Бартон уставился на черноволосого. Неужели он был тем самым легендарным царем, воинственным преемником миролюбивого Нумы Помпилия? Правителем Рима — небольшого поселения, которому постоянно угрожали другие италийские племена — сабины, эквы, вольски? Устоявшим под мощным нажимом умбров, которых, в свою очередь, вытесняли на юг могущественные этруски? Казалось, в нем не было ничего особенного, ничего выделяющего его из тысяч людей, которых Бартон встречал на оживленных улицах Сиены. Если он действительно тот, за кого выдает себя, то это — бесценная находка для историков и лингвистов. Сам он, вероятно, происходил из этрусков; следовательно, он знал их язык и, вдобавок, латынь доклассического периода, языки сабинов и южноиталийских греков. Возможно, он даже знал Ромула — основателя Рима! Какие истории мог бы поведать этот человек!

— Ну? — прервал молчание Геринг.

— Если мы присоединимся к вам, что нам придется делать? — спросил Бартон.

— Во-первых я... мы... должны быть уверены, что вы — именно тот человек, который нам нужен. Другими словами, человек, который без колебаний и промедления выполнит любой наш приказ. Поэтому вначале вам придется выдержать небольшое испытание.

Он повелительно кивнул охране, и минутой позже в зале появилась небольшая группа людей. Все они были искалечены и до крайности истощены.

— Они немного утомились, пока строили стены или ломали для нас камень,— заметил Геринг.— А тех двоих поймали при попытке к бегству, и их следует наказать. Все они стали совершенно бесполезными и будут убиты. Итак, вы должны без колебаний прикончить их и тем самым доказать, что подходите нам,— немец скользнул взглядом по лицу Бартона, помолчал и не-

брежно добавил: — Ну, а кроме того,— весь этот сброд — евреи. Так что можете не беспокоиться из-за них.

Кэмпбел — рыжий детина, который швырнул в Реку Гвиневру — протянул Бартону увесистую дубинку, усаженную кремневыми шипами. Два других стражника вытащили из группы обреченных высокого светловолосого человека с серыми глазами и четким классическим профилем и бросили его на колени. Раб с ненавистью посмотрел на Геринга и плюнул в его сторону.

Геринг рассмеялся.

— Высокомерен, как вся эта раса! Если бы я захотел, он скоро превратился бы в визжащую мясную тушу, умоляющую о смерти. Но напрасные пытки не доставляют мне удовольствия; я — человеколюбив. А кое-кто из моих соотечественников с наслаждением дал бы ему отведать огня.

— Я убиваю только при защите своей жизни и жизней тех, кто находится под моим покровительством,— сказал Бартон.— Я — не наемный убийца.

— Вы как раз и защитите свою жизнь, прикончив этого еврея,— усмехнулся Геринг.— Иначе вы сами умрете. Но не так быстро.

— Нет,— ответил Бартон.

— Ох уж эти англичане! Ну, ладно. Я очень хотел бы перетащить вас на свою сторону, но что поделаешь! Ну, а как вы? — обратился он к Фригейту.

Американец, лицо которого подергивалось от боли, простонал:

— Вы повторяете свои земные преступления и в этом мире... Зачем? — Его голос окреп.— Ваши останки сожгли и пепел выбросили в мусорную яму в Дахау — за то, кем вы были и что сотворили... Помните об этом.

Геринг усмехнулся и процедил:

— Я знаю, что сделали со мной после смерти. Мои рабы-евреи не упустили случай подробно меня информировать.— Он указал на Моната и спросил: — А это что за урод?

Бартон объяснил. Геринг с важным видом задумался, потом сказал:

— Я не могу доверять ему. Пусть отправляется в лагерь для рабов. Теперь ты, обезьяна. Что ты скажешь?

К изумлению Бартона, Казз шагнул вперед и заявил.

— Я убью для тебя. Я не хочу быть рабом.

Он схватил палицу. Охранники направили на него копья — на тот случай, если он попытается использовать дубину не по назначению. Неандерталец бросил на них пристальный взгляд из-под нависающих бровей и поднял оружие. Раздался хруст — и раб упал ничком на пол. Казз вернул дубину Кэмпбелу и отошел в сторону. Он не смотрел на Бартона.

Геринг приказал:

— Вечером собрать всех рабов. Им будет продемонстрировано, что ждет тех, кто попытается улизнуть. Пойманных беглецов следует слегка поджарить, а затем — прикончить. Мой уважаемый соправитель будет лично руководить экзекуцией. Ему нравятся подобные развлечения.

Он указал на Алису:

— Ее я возьму себе.

Туллий резко вскочил.

— Нет, нет, Герман! Она мне нравится. Возьми себе других — я отдаю тебе всех. Но эту я хочу сам. Очень хочу. Она выглядит... как ты говоришь... благородно. Как... королева, да?

Бартон взревел, вырвал у Кемпбела палицу и вскочил на стол. Геринг откинулся назад, конец дубины едва не раздробил его нос. В тот же момент римлянин ударил Бартона копьем и ранил в плечо. Бартон повернулся, взмахнул палицей и вышиб оружие из рук Туллия.

Рабы с воплями набросились на охранников. Фригейт вырвал у одного из стражей копье и ударил древком Казза по голове. Неандерталец осел на землю. Монат пнул охранника в пах и завладел его оружием.

Бартон не помнил, что произошло потом. Очнулся он только вечером. Его голова раскалывалась, грудь и плечи онемели от боли. Он лежал на траве в загоне ярдов пятьдесят шириной, огороженном стенами из сосновых бревен. По верху стен, на высоте пятнадцати футов, шел деревянный настил, по которому расхаживали вооруженные охранники.

Он попытался сесть и застонал. Фригейт, скорчившийся рядом, произнес:

— Я боялся, что вы уже никогда не очнетесь.

— Где женщины? — хрипло спросил Бартон. Из глаз Фригейта потекли слезы. Бартон покачал головой и резко сказал:

— Прекратите. Где они?

— Где же, черт побери, они могут быть? — с горечью прошептал Фригейт.— О боже, боже мой!

— Выбросьте их из головы. Мы ничем не можем им помочь. По крайней мере, сейчас. Почему они не прикончили меня?

Фригейт вытер слезы и простонал:

— Убейте меня, Дик, убейте... Может быть, они оставили в живых и вас, и меня, чтобы пытать огнем. В назидание прочим... Лучше бы они сразу разделались с нами...

— Вы так недавно обрели рай и уже готовы расстаться с ним? — фыркнул Бартон. Он разразился хриплым смехом, но тут же в его голову ударила боль.

Бартон разговорился с Робертом Спрюсом, англичанином из Кенсингтона, родившимся в 1945 году. Спрюс сказал, что Геринг и Туллий захватили власть месяц назад. Пока они еще не тревожили своих соседей. Но, конечно, они пытаются захватить ближайшие территории, включая область за Рекой, где обитали индейцы-онондага. До сих пор ни одному рабу не удавалось сбежать и известить соседей о намерениях Геринга.

— Но люди, живущие на границе, могут сами видеть, как рабы возводят стены,— сказал Бартон. Спрюс сухо усмехнулся и ответил:

— Геринг распространяет слухи, что тут одни евреи и только их он обратил в рабство. Зачем же тогда беспокоиться? Но вы видите, что это — неправда. Половина рабов не имеет к евреям никакого отношения.

С наступлением темноты Бартона, Фригейта, Руаха, де Грей-стока и Моната вывели за ворота лагеря и погнали к грейлстоуну. Здесь столпилось около двухсот рабов, которых стерегли семьдесят вооруженных людей Геринга. Чаши были поставлены на камень, затем все замерли в ожидании. Раздался грохот, языки голубого пламени взметнулись вверх и опали. Чаши сняли с каменного гриба, рабы открыли их, после чего охранники забрали табак, спиртное и половину пищи.

— Итак, мы — рабы,— констатировал Фригейт.— Дик, вы много размышляли о природе рабства. Что вы думаете о нем теперь?

— Я наблюдал на Земле его восточную разновидность,— сказал Бартон.— Тот тип рабства, с которым мы столкнулись здесь, не оставляет рабу шанс получить свободу. Между рабом и владельцем не может возникнуть никаких отношений, никаких личных чувств — кроме ненависти. На Востоке — земном Востоке — была совсем другая ситуация. Конечно, и там случались исключения — например, проявления крайней жестокости.

— Вы упрямый человек,— заметил Фригейт.— Вы обратили внимание что половина рабов — евреи? Большинство — уроженцы Израиля, из второй половины двадцатого века. Вон та девушка рассказала мне, как Геринг ухитрился возбудить в этой области антисемитизм и превратить евреев в рабов. Потом он захватил власть с помощью Туллия и сделал рабами многих из своих прежних приверженцев.

Фригейт задумчиво нахмурился и продолжал:

— Это был дьявольский замысел. Ведь Геринг, собственно говоря, не является подлинным антисемитом. Известно, что он вмешивался в дела Гиммлера и других, пытаясь спасти некоторых евреев. Но он еще от-

вратительнее антисемита; он — оппортунист. Антисемитизм, подобно приливному валу, затопил Германию; чтобы занять заметный пост, надо было оседлать эту волну. Такие антисемиты, как Геббельс и Франко, верили в идеи, которые они пропагандировали. Да, это были извращенные, основанные на ненависти идеи, но они оставались идеями и лежали в основе их мировоззрения. А этого жирного счастливчика Геринга евреи совершенно не волновали, и ему не было до них никакого дела. Он просто использовал их в собственных целях.

— Ну, хорошо,— согласился Бартон,— но какое отношение все это имеет ко мне. О, я понимаю! Вы специально прочли мне эту лекцию!

— Дик, я восхищаюсь вами — и, поверьте, наберется немного людей, к которым я испытывал такое же чувство. Я счастлив, что мне выпала удача встретиться с вами — как был бы счастлив Плутарх, встретив Алкивиада или Тезея. Но я не слепой. Мне известны ваши недостатки — а их у вам множество. И они очень огорчают меня.

— О каком же из них идет речь в настоящий момент?

— Эта ваша книга... Вы знаете — «Еврей, цыган и Эль-Ислам». Как могли вы написать такое? Страницы, полные ненависти, кровавых фантазий, выдумок и суеверий! Взять хотя бы эту чепуху о ритуальных убийствах!

— Я был очень зол — из-за тех несправедливостей, что я натерпелся в Дамаске. Меня вышвырнули с должности консула, потому что враги распространяли обо мне ложные сплетни, и среди этих людей были...

— Это не оправдывает вас! — воскликнул Фригейт.— Вы написали ложь о целом народе!

— Ложь? Я писал правду!

— Возможно, вы только думали, что это правда. Но я принадлежу к эпохе, когда стало определенно известно, как далеко вы отклонились от истины. На самом де-

ле, ни один человек в здравом уме не верил в такую чушь даже в наше время!

Бартон пристально посмотрел на американца и спокойно, размеренно начал перечислять:

— Это правда, что ростовщики-евреи в Дамаске ссужали деньги беднякам под тысячу процентов — причем не только мусульманам и христианам, но и своим единоверцам. Это правда, что когда мои недруги в Англии обвинили меня в антисемитизме, многие евреи Дамаска встали на мою защиту. Общеизвестно, что я протестовал против решения турецкого правительства продать здание синагоги в Дамаске греческому епископу, чтобы он мог превратить его в церковь; и я убедил восемнадцать мусульман свидетельствовать в суде в пользу евреев. Это правда, что я защищал христианских миссионеров от курдов. И я предупредил курдов о том, что этот жирный, скользкий турецкий боров Рашид-паша подстрекает их к восстанию только затем, чтобы потом устроить резню. Это правда, что тысячи христиан, мусульман и евреев пытались поддержать меня, когда из-за интриг христианских миссионеров, попов, Рашид-паши и еврейских ростовщиков я получил отставку с поста консула. И, наконец, истинная правда то, что я не обязан отвечать за свои действия ни перед вами, ни перед любым другим человеком!

Как это было похоже на Фригейта — затронуть такую болезненную тему в такое неподходящее время! Вероятно, он пытался уйти от трезвой самооценки, обратив на Бартона свой страх и свой гнев. Или, возможно, он испытывал боль, понимая, что его герой потерпел поражение.

Лев Руах скорчился, уткнув в лицо в ладони. Наконец, он поднял голову и, уставившись пустыми глазами в ночной полумрак, произнес:

— Добро пожаловать в концентрационный лагерь, Бартон! Вы впервые вкусили его прелести, но для меня это давно знакомая история. Я сидел в нацистском лагере — и я убежал. Я сидел в русском лагере — и я

убежал. В Израиле меня схватили арабы, и я тоже убежал. Теперь, возможно, я опять смогу убежать. Но куда? В другой лагерь? Кажется, им не будет конца. Человечество без устали строит их и помещает туда вечных узников — евреев. Даже здесь, где мы можем все начать сначала, где все религиозные предрассудки должны быть разбиты на наковальне Воскрешения, немногое изменилось.

— Заткнись, — сказал мужчина, сидевший рядом с Руахом. Его лицо с блестящими голубыми глазами, обрамленное тугими завитками рыжих волос, можно было бы назвать красивым, если бы его не портил сломанный нос. Мужчина обладал мощным сложением борца и ростом в добрых шесть футов.

— Дав Таргоф, моряк, — представился рыжий великан; в его речи чувствовался заметный оксфордский акцент. — Бывший офицер израильских ВМС. Не обращайте внимания на этого человека, джентльмены. Он — из евреев старого закала, пессимист и нытик. Он скорее наполнит окрестности своими воплями и стонами, чем встанет на ноги и двинется в бой, как подобает мужчине.

Руах потерял дар речи; потом он сделал глубокий вдох, вскочил и, ткнув пальцем в сторону Таргофа, заорал:

— Ты... ты, высокомерный сабра! Ты знаешь, с кем говоришь? Я сражался в войнах, которые тебе не снились! Сражался и убивал! И я не нытик! А что ты сам делаешь здесь, ты — храбрый вояка? Разве ты не такой же раб, как и все остальные?

— Старая история, — со вздохом произнесла высокая черноволосая женщина. Даже крайнее истощение не могло полностью стереть следы красоты с ее лица. — Старая история! Мы грызем между собой, пока враги не начнут нас резать. Мы вцеплялись друг другу в глотки, когда Тит стоял под стенами Иерусалима, и поубивали больше своих, чем римлян. Мы...

Тут оба мужчины обрушились на нее, и все трое начали спорить так яростно и громко, что охране пришлось наводить порядок древками копий. Позже, с трудом шевеля разбитыми губами, Таргоф сказал:

— Я больше не могу терпеть. Скоро... ну, да ладно. Но этот стражник будет мой... я выпущу из него кишки.

— У вас есть какой-то план? — с интересом спросил Бартон. Но рыжий моряк ничего не ответил.

• • •

Незадолго до рассвета рабов подняли и снова повели к грибообразному камню на побережье. Как и вечером, им оставили только половину пищи. После еды их разбили на группы и отправили на различные работы. Бартона и Фригейта погнали к северной границе, где они вместе с тысячью других невольников весь день гнули спины под палящими лучами солнца. Их единственным отдыхом был поход к грейлстоуну в полдень.

Геринг затеял строительство земляного вала на севере между горами и Рекой; он также собирался возвести второй вал на побережье на протяжении десяти миль, занятых его государством. Третий вал планировалось построить вдоль границы.

Бартон вместе с другими рабами копал глубокую траншею; вынутый из ямы грунт предназначался для возведения стены. Это была тяжелая работа, выполняемая с помощью каменных мотыг, которыми они ковыряли почву. Корни трав, переплетаясь, образовывали толстый слой очень прочной субстанции, которую нельзя было перерубить одним ударом. Размельченный грунт и корни накладывали деревянными лопатами в большие бамбуковые носилки. Бригады носильщиков тащили груз на вершину вала, высыпали почву и трамбовали ее; земляная стена становилась все выше и шире.

К ночи рабов загнали обратно в лагерь. Изнуренные люди валились на землю и мгновенно засыпали. Но Таргоф, рыжий израильтянин, подсел к Бартону.

— Прибрежный ветерок донес до меня кое-какие слухи, — сказал он, ухмыльнувшись. — Говорят, что вы со своей командой устроили целое сражение. Я слышал также о том, что вы отказались служить Герингу.

— А слышали ли вы о моей книге, столь печально знаменитой? — спросил Бартон вместо ответа. Моряк снова ухмыльнулся.

— Никогда не слышал о ней, пока Руах не высказал свои соображения по этому поводу. Но ваши дела говорят сами за себя. Руах слишком чувствителен к подобным вещам. Вы не станете упрекать его, если вспомните, через что он прошел. Но я не думаю, что вы попали бы за эту стену, если бы Руах был прав на ваш счет. Я уверен, что вы — хороший и храбрый человек, и вы нам нужны... Поэтому...

Дни, наполненные тяжелой работой, сменялись ночами, приносившими краткий отдых. До Бартона дошли слухи о женщинах. Вильфреду и Фатиму забрал Кэмпбел. Логу досталась Туллию. Алису Геринг с неделю подержал у себя, а затем передал одному из своих помощников, некоему Манфреду фон Кройшафту. Говорили, что Геринг негодовал по поводу холодности Алисы и даже собирался отдать ее на потеху своим телохранителям. Но Кройшафт выпросил ее себе.

Бартон был в отчаянии. Он видел ее то в постели Геринга, то в объятиях Кройшафта, и эти мысли сводили его с ума. Он должен отомстить этим скотам — или умереть. Поздно ночью он тихо выбрался из большой хижины, в которой спал вместе с двумя дюжинами других невольников, прокрался в хижину Таргофа и разбудил его.

— Как-то вы выразили уверенность, что я буду на вашей стороне, — прошептал он в ухо рыжему израильтянину. — Собираетесь ли вы посвятить меня в свои планы? Должен предупредить вас, что если вы не сде-

лаете этого немедленно, я начну действовать сам — вместе со своей группой и всеми людьми, которые пожелают к нам присоединиться.

— Руах рассказал мне еще кое-что о вас,— тихо ответил Таргоф.— В его историях не все для меня ясно. Но могут ли евреи доверять человеку, который написал такую книгу? И где гарантии того, что после победы над общим врагом этот человек сам не примется за евреев?

Резкий ответ уже готов был сорваться с губ Бартона, но он сдержался. Помолчав немного, он заговорил, и слова его были спокойны и холодны.

— Прежде всего, мои действия — там, на Земле, скажут вам больше, чем любая из моих книг. Я был другом и покровителем многих евреев, и они испытывали ко мне искреннюю приязнь...

— Подобное утверждение обычно предваряет нападки на евреев,— прервал его моряк.

— Возможно. Однако, если бы даже Руах был прав на мой счет, Ричард Бартон, которого вы видите перед собой,— совсем не тот Бартон, что жил на Земле. Я думаю, каждый человек как-то изменился, попав сюда. Если этого не произошло, то он просто не способен измениться. И тогда ему лучше было бы умереть... Я провел в долине Реки четыреста семьдесят шесть дней и многое узнал за это время. Я не отношу себя к тем, кто неспособен измениться. Я слушал Руаха и Фригейта. Я спорил с ними — часто и жестоко. И я много думал об их словах, хотя не всегда признавался себе в этом.

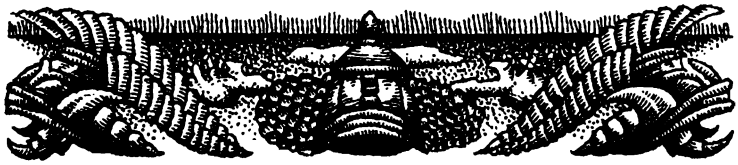
— Ненависть к евреям — чувство, врожденное с детства,— сказал Таргоф.— Она впечатывается в нервные клетки, становится безусловным рефлексом. Раздается звонок — и собачка профессора Павлова пускает слюну. Произнесите слово «еврей» — и в клетках нервной системы подымается буря, которая ломает цитадель разума. То же, что происходит со мной, когда я слышу слово «араб». Но у меня есть вполне реальная основа для ненависти к арабам.

— Больше я не буду просить,— спокойно произнес Бартон.— Ситуация такова: либо вы доверяете мне, либо нет. В любом случае, вы знаете, что я собираюсь делать...

— Я верю вам,— сказал Таргоф.— Если вы способны изменяться, то я могу сделать это тоже. Я буду делить с вами кусок хлеба и сражаться рядом в бою. Мне хочется думать, что я не разочаруюсь в вас. Теперь скажите мне: если бы вы планировали восстание, то каким образом лучше всего его осуществить?

Таргоф слушал внимательно. Когда Бартон закончил, он кивнул головой.

— Очень похоже на мой план. Теперь мы должны...



ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На следующий день, после завтрака, Геринг прислал стражников за Бартоном и Фригейтом. Таргоф сурово взглянул на Бартона и тот представил себе, какие мысли бродят сейчас в голове у рыжего моряка. Однако деваться было некуда, и Бартон с Фригейтом, сопровождаемые охраной, двинулись к «дворцу» правителя. Геринг сидел у стола в большом дубовом кресле с трубкой во рту. Предложив своим невольным гостям сесть, он подвинул к ним сигареты и вино.

— Время от времени,— произнес немец,— я люблю расслабиться и поболтать с кем-нибудь, кроме моих помощников, которые, должен сказать, не блещут интеллектом. Особенно мне нравится беседовать с теми, кто жил после моей смерти, или с людьми, знаменитыми в свое время. Но таких у меня совсем немного.

— Многие из ваших невольников-израильтян жили после вас,— сказал Фригейт.

— О, эти евреи! — Геринг плавно взмахнул своей трубкой.— С ними не оберешься хлопот. Они слишком хорошо меня знают. Сидят, как замороженные, когда я пытаюсь говорить с ними, и довольно часто пытаются меня прикончить — так что с этой публикой особенно не расслабишься... Я, собственно, ничего против них не имею. Я не слишком жалую евреев, но я дружил со многими из них.

Бартон покраснел. Геринг, пососав трубку и пустив пару клубов дыма, продолжал:

— Фюрер был великим человеком, но у него имелось несколько пунктиков. Один из них — его отношение к евреям. Мне же это было безразлично. Но в Германии тех лет преобладали антиеврейские настроения и человек должен был идти в ногу со временем, если хотел занять достойное место в жизни. Впрочем, довольно об этом. Даже здесь нельзя избавиться от них...

Он разглагольствовал так несколько минут, затем принялся расспрашивать Фригейта о судьбе своих современников и истории послевоенной Германии.

— Если бы вы, американцы, обладали политическим чутьем, — заметил он, — вы должны были бы объявить войну России, сразу же после нашей капитуляции. Мы сражались бы вместе с вами против большевиков, и мы бы их сокрушили.

Фригейт ничего не ответил. Геринг осчастливил своих слушателей парой сальных анекдотов, после чего велел Бартону рассказать о странном событии, которое произошло с ним перед воскрешением в долине Реки.

Бартон был поражен. Откуда Геринг узнал об этом? От Казза? Или у него имелись информаторы среди рабов?

Он подробно рассказал обо всем — начиная с момента, когда он открыл глаза и обнаружил, что висит в огромном пространстве, заполненном плавающими телами, до того мгновения, когда человек в летающем каноэ направил на него металлическую трубку.

— У Моната, пришельца со звезд, имеется гипотеза, согласно которой некие существа — назовем их, для удобства, «создания Икс», наблюдали за человечеством с тех пор, когда оно вышло из первобытного состояния — то есть около двух миллионов лет. Каким-то образом они сканировали каждую клетку каждого человека с момента рождения до самой смерти и сохраняли эту информацию. Подобная концепция способна вызвать головокружение: однако она не более поразительна, чем воскрешение всего человечества и переустройство этой планеты в бесконечную речную долину. Возможно, ка-

ждая личность была записана в течение своей жизни. Но может быть, эти сверхсущества, эта раса Икс, способны улавливать сигналы из прошлого, вибрации отлетевшего времени, подобно тому, как мы на Земле видели свет звезд, погасших тысячи лет назад.

— Монат, однако, склоняется к первому предположению. Он не верит в возможность путешествий во времени. Монат считает, что раса Икс долгое время накапливала эти записи. Каким образом, он не знает. Затем эту планету переоборудовали для нас; теперь она — один огромный речной мир. Во время нашего плавания вверх по Реке мы беседовали со многими десятками людей и их рассказы, без сомнения, подтверждают это; одни пришли с крайнего севера, другие — с южных широт. Их описания, собранные вместе, дают картину мира, превращенного в одну гигантскую зигзагообразную речную долину.

— Люди, с которыми мы говорили, были убиты или погибли в результате несчастных случаев, они воскресли снова в тех районах, мимо которых проходил наш путь. Монат утверждает, что всех нас, воскресших на этой планете, продолжают постоянно сканировать. И когда один из нас умирает, его запись — вплоть до последних минут жизни — передается куда-то, может быть, в расположенные под поверхностью планеты конвертеры, преобразующие энергию в материю. Они воспроизводят тела такими же, как в момент смерти, а затем регенерирующие устройства восстанавливают их в первоначальном виде. Возможно, все происходит в той огромной камере, где я пробудился. Потом эти юные тела, без ран и повреждений, еще раз сканируются — и уничтожаются. Наконец, записи снова попадают в конвертеры, которые, возможно, используют в качестве энергетического источника тепло планетного ядра, и нас воспроизводят на поверхности этого мира, вблизи грейлстоунов. Я не знаю, почему повторные воскрешения происходят не в том же месте, где раньше обитал погибший. Я также не представляю себе, почему при

этом удаляются все волосы, по какой причине у мужчин не растут усы и борода, зачем все женщины воскресают девственницами и для чего мужчинам делается обрезание. Не знаю, почему нас воскрешают снова и снова. Зачем, с какой целью? Те, кто поместил нас сюда, не показываются и не сообщают нам о своих планах.

— Главное же заключается в том,— подхватил Фригейт,— что мы — не те люди, что когда-то обитали на Земле. Я умер. Бартон умер. Вы, Герман Геринг, тоже умерли. Умерли все — и это бесспорный факт. А мертвых нельзя возвратить к жизни!

Геринг задумчиво посасывал свою трубку, глядя на американца; затем он сказал:

— Почему же нельзя? Ведь я снова жив! Или вы отрицаете это?

— Да! Я отрицаю это — в определенном смысле, конечно. Вы — живы; но вы — не тот Герман Геринг, который родился на вилле «Мариенбад» в Розенхейме, в Баварии, 12 января 1893 года. Вы — не тот Герман Геринг, чьим крестным отцом был доктор Герман Эппенштейн, еврей, принявший христианство. Вы — не тот Геринг, который заменил фон Ритгофена после его смерти, который продолжал сражаться в воздухе против союзников даже тоща, когда война уже закончилась. Вы — не рейхмаршал гитлеровской Германии и не тот беглец, которого арестовал американский лейтенант Джером Шапиро. Каково! Эппенштейн и Шапиро, ха! И вы вовсе не тот Герман Геринг, который покончил счеты с жизнью, отравившись цианистым калием во время судебного процесса по обвинению его в преступлениях против человечества!

Геринг, уминая пальцем новую порцию табака в своей трубке, тихо произнес:

— Вы много знаете обо мне. Полагаю, я должен быть польщен этим. По крайней мере, я не был забыт в ваше время.

— Нет, конечно,— усмехнулся Фригейт.— Вы были клоуном — да, зловещим шутом — подхалимом и

банкротом, а о людях с подобной репутацией помнят долго.

Пораженный Бартон вздрогнул. Он не ожидал, что этот парень заявит такое человеку, который властвует над его жизнью и смертью и может подвергнуть его мучительному наказанию.

По-видимому, Фригейт надеялся, что с ним быстро покончат. Или же он решил сыграть на любопытстве Геринга. Тот пристально посмотрел на американца и сказал:

— Поясните свою мысль. Не те ваши соображения, что касаются моей репутации. Любая выдающаяся личность может ожидать, что после смерти станет жертвой клеветы и злобы тупоголовых масс. Объясните, почему я — не тот же самый человек, не Герман Геринг.

Фригейт усмехнулся и произнес:

— Вы — производное, гибрид записи настоящего Геринга и конвертера, воплотившего запись в реальность. Ваша память, каждая клетка вашего тела дублируют память и тело Германа Геринга. Вы обладаете всем, что имел он, — и поэтому считаете себя Германом Герингом. Но это не так! Вы — только дубликат, копия! Настоящего Германа Геринга давно не существует; молекулы, из которых состояло его тело, развеяны в воздухе, поглощены почвой и растениями, вернулись в живую плоть людей, зверей, птиц и выброшены ими в виде испражнений. И вы, сидящее передо мной существо, имеете не большее отношение к подлинному Герингу, чем запись на магнитной ленте — к живому человеческому голосу, к колебаниям воздуха, произведенным гортанью человека и преобразованным бездушным прибором в узор частичек ферритового покрытия ленты.

Это сравнение было понятно для Бартона; он видел фонограф Эдисона в 1888 году в Париже. Он чувствовал себя шокированным, угнетенным откровениями Фригейта. Широко раскрытые глаза и покрасневшее лицо Геринга показывали, что он тоже осознал неприятную истину. Наконец, заикаясь, немец пробормотал:

— Зачем же этим существам брать на себя такие хлопоты — только для того, чтобы наделать кучу дубликатов?

— Я не знаю,— пожал плечами Фригейт. Геринг резко поднялся из кресла и, свирепо ткнув черенком трубки в сторону Фригейта, закричал по-немецки:

— Ты лжешь! Ты лжешь, паршивая собака!

Лицо Фригейта дернулось, словно его опять ударили по почкам, однако он твердо произнес:

— Это правда! Конечно, вы можете не верить моим словам — ведь я не имею никаких доказательств. И я отлично понимаю ваши чувства. Я знаю, что я — Питер Джайрус Фригейт, родившийся в 1918 году и умерший в 2008. Но я должен поверить — потому что это мне диктует логика — что я на самом деле являюсь существом, которое всего лишь обладает памятью Фригейта; сам Фригейт давно мертв. В некотором смысле, я — дитя того Фригейта, который никогда уже не будет существовать вновь. Но я — не плоть от плоти его; я — не человек, рожденный женщиной в том потерянном навсегда земном мире. Я — внебрачный отпрыск науки и машины. Если только...

— Да? Если что? — заинтересованно спросил Геринг.

— Если только с человеческим телом не связано нечто — некая реальная субстанция, определяющая сущность человека. Я имею в виду, что она хранит все индивидуальные черты личности и когда тело погибает, эта субстанция продолжает существовать. В таком случае, если тело опять восстановлено, нечто, определяющее человеческую индивидуальность, может быть трансплантировано обратно. По-видимому, именно такую субстанцию хранят записи той неведомой расы, что сотворила мир Реки и продолжает сканировать наши тела. Тогда следует считать, что первоначальная личность может снова получить жизнь, она не будет просто копией.

— Ради бога, Питер! — воскликнул Бартон.— Вы говорите о душе?

Фригейт кивнул и добавил:

— Да, о чем-то аналогичном душе. О чем-то, что впервые ощутили примитивные существа на заре человеческой цивилизации и назвали душой.

Геринг громко захохотал. Бартон сдержал улыбку; в этом споре он не хотел оказывать немцу моральную или интеллектуальную поддержку.

Успокоившись, Геринг заявил:

— Даже здесь, в мире, который несомненно создан на основе научного знания, сторонники сверхъестественного продолжают строить свои фантастические домыслы. Ну, ладно: довольно об этом. Перейдем к более практическим и насущным проблемам. Скажите, не изменились ли ваши намерения? Возможно, вы уже готовы сотрудничать со мной?

— Я не буду служить человеку, который насилует женщин,— сказал Бартон, гневно сверкнув глазами.— Кроме того, я отношусь с уважением к евреям. Я предпочитаю быть рабом с ними, чем свободным — с вами!

Геринг нахмурился и произнес, медленно и тяжело роняя слова:

— Ладно... Я думал, что так и будет. Но я надеялся... ладно, я и без того имею много хлопот с этим римским отродьем. Если бы он куда-нибудь убрался, вы бы увидели, что я могу стать более милосердным к своим рабам. Вы его не знаете. Он готов пытать любого из вас всю ночь для собственного развлечения — и сделал бы это, если бы не мое заступничество.

В полдень Бартон и Фригейт снова вернулись к своей работе. У них не было возможности переговорить с Таргофом или с кем-нибудь из знакомых рабов, трудившихся на другом участке стены. Они не рискнули открыто подойти к Таргофу; такая попытка могла закончиться жестокими побоями.

Вечером, когда рабов загнали за бревенчатую стену, Бартон рассказал своим, что произошло во «дворце» Геринга.

— Боюсь, что Таргоф не поверит ни одному моему слову,— с горечью сказал он.— Он думает, что мы — предатели. И даже если он не совсем уверен в том, он не станет рисковать. Итак, у нас могут быть неприятности. Как плохо, как некстати все получилось! Похоже, что наши планы на эту ночь придется изменить.

Однако пока ничего страшного не происходило. Израильтяне просто отворачивались или уходили прочь, когда Бартон или Фригейт пытались заговорить с ними. Наступила ночь, и звезды, сиявшие на небосклоне, затопили лагерь серебристым светом, почти таким же ярким, как на Земле в полнолуние.

Невольники оставались внутри своих бараков, переговариваясь шепотом друг с другом. Несмотря на сильную усталость, они не могли уснуть. Охрана, должно быть, почувствовала охватившее лагерь напряжение, хотя стражники не могли видеть людей в хижинах или слышать их тихие голоса. Нервно расхаживая взад и вперед по стене, стражники иногда собирались группами, что-то бормотали, тревожно оглядывая хаотическое скопище бараков, освещенное звездами и пламенем факелов.

— Таргоф не начнет действовать, пока не пойдет дождь,— прошептал Бартон. Он велел Фригейту дежурить первым; его должен был сменить Спрюс и потом сам Бартон. Бросившись на кучу листьев, он закрыл глаза и, не обращая внимания на шелест голосов вокруг, мгновенно уснул.

Казалось, он только что смежил веки, по Спрюс уже тряс его за плечо. Он быстро поднялся на ноги, зевая и потягиваясь. Остальные обитатели хижины уже проснулись. Тучи начали заволакивать небо, и через десять минут звезды исчезли. Со стороны гор послышался раскат грома, и первая молния прорезала небосклон.

Еще одна молния сверкнула совсем близко. В ее призрачном свете Бартон увидел, что охранники сбились в кучки под кровлями смотровых площадок, расположенных по углам загона. Спасаясь от холода и дождя, они плотно закутались в покрывала.

Бартон ползком пробрался в соседний барак. Таргоф стоял у входа, всматриваясь во тьму. Бартон выпрямился и, пытаясь разглядеть лицо моряка, спросил:

— Наш план остается в силе?

— Ты лучше это знаешь,— прошептал сквозь зубы израильтянин,— ты, Иуда!

Он шагнул вперед и дюжина людей последовала за ним. Бартон не стал ждать; он атаковал первым. Он ринулся вперед, но внезапно странный звук коснулся его слуха. Растолковав темные фигуры у входа, он выглянул наружу... Очередная вспышка молнии высветила недвижимое тело охранника, лежавшего ничком в мокрой траве у подножия стены.

Таргоф разжал кулаки и опустил руки, когда Бартон повернулся к нему; потом моряк с недоумением прошептал:

— Ричард, что там случилось?

— Подождите,— ответил Бартон. Он не больше Таргофа понимал, что происходит, но сейчас любая неожиданность могла сыграть ему на пользу.

Дрожащий свет молнии озарил приземистую фигуру Казза, бегущего по помосту наверху стены. Размахивая чудовищным каменным топором, он врезался в группу стражников, собравшихся на смотровой площадке. Еще одна вспышка. Стражники бросились врассыпную. Темнота. Новая вспышка — и еще один человек валится вниз с разбитым черепом; двое оставшихся бегут по помосту в разные стороны.

Теперь, в блеске полосующих небо молний, можно было заметить, что другие охранники наконец встревожились. Они выбежали на стены, под дождь, крича и размахивая копьями.

Казз, не обращая на них внимания, опустил в загон длинную бамбуковую лестницу и швырнул вниз связку копий. Затем он бросился навстречу ближайшей группе стражников.

Бартон выскочил наружу, схватил копье и взлетел по скользкой лестнице на стену. Остальные невольники, включая израильтян, последовали за ним. Схватка была короткой и кровавой. Людей Геринга на стене перебили в считанные минуты; в живых осталось только несколько человек, укрывшихся на смотровых площадках. Лестницу быстро перебросили на внешнюю сторону стены и через мгновение ворота были открыты. Теперь, наконец, Бартон смог перебросится словом с Каззом.

— Я думал, ты предал нас,— усмехнувшись, сказал он.

— Нет. Казз — не предатель.— произнес неандерталец с упреком.— Ты знаешь, я люблю тебя, Бартон-нак. Ты — мой друг, мой вождь. Я притворился, что служу твоим врагам,— умный должен сделать так. И тебе надо было сделать так. Ведь ты — не глупец.

— Наверно, нет,— ответил Бартон, пораженный этой примитивной логикой.— Но я не мог заставить себя прикончить того несчастного раба.

При вспышке молнии он увидел, что Казз пожимает плечами.

— Зачем беспокоиться об этом,— с недоумением сказал неандерталец. Я не знал его. И ты слышал слово Геринга. Он говорил — тот человек умрет. Все равно умрет.

— Хорошо, что ты решил помочь нам именно сегодня,— заметил Бартон. Он не стал подробнее распространяться по этому поводу, чтобы не смущать неандертальца; вряд ли можно было в двух словах объяснить сложное положение, в которое попали они с Фригейтом. К тому же, его ждали более важные дела.

— Сегодня очень подходящая ночь,— сказал Казз.— Идет большое сражение. Туллий и Геринг на-

пились и ссорятся. Они дерутся; их люди тоже дерутся. Они убивают друг друга — и тут приходят другие люди. Люди с темной кожей из-за Реки... как ты называл их? Да, онондага, они. Их лодки приходят перед дождем. Они тоже хотят рабов. Или черт знает чего. Тогда я думаю — хорошее время для меня, время освободить Бартона-нак.

Дождь внезапно прекратился. Теперь Бартон мог слышать крики и яростные вопли, доносившиеся с речного берега. С севера и с юга доносился грохот барабанов. Он повернулся к Таргофу.

— Мы можем либо бежать, либо сражаться. Что вы решили?

— Я хочу отомстить этим тварям, которые мучили нас,— ответил моряк.— Поблизости есть другие лагеря. Я послал людей взломать их ворота. До остальных так быстро не добраться — хотя их тут немало. Геринг строил лагеря через каждые полмили.

Бревенчатый дом, в котором спали свободные от дежурства стражники, был взят штурмом. Рабы вооружились и двинулись к побережью. Группа Бартона прикрывала правый фланг. Они не прошли и мили, когда на земле стали попадаться груды тел. Индейцы и белые, раненые или убитые, лежали вперемежку.

Хотя атака началась во время дождя, нападавшим удалось поджечь форт. Пожар разгорался, и в свете пляшущих языков пламени невольники увидели темные очертания сражающихся фигур. Беглецы быстро пересекали равнину. Внезапно они увидели, как линия одной из сражающихся сторон резко сломалась и беспорядочная толпа людей устремилась в их сторону, преследуемая радостно вопящими победителями.

— Там Геринг! — крикнул Фригейт.— Будьте уверены, лишний жир не позволит ему быстро смыться!

Он вытянул руку, показывая Бартону на немца, который отчаянно работал ногами, но все же постепенно отставал от своих людей.

— Я бы не хотел, чтобы удовольствие прикончить его досталось индейцам, — сказал Бартон. — Мы должны заполучить его сами — ради Алисы.

Длинноногая фигура Кэмпбела мелькнула впереди толпы, и Бартон метнул копье. Рыжему шотландцу, наверное, показалось, что копье возникло из темноты, словно порожденное окружающим мраком ночи. Он не успел увернуться. Кремневый наконечник вошел под его левую ключицу и он осел вниз. Шотландец попытался подняться, и Бартон нанес второй удар. Глаза Кэмпбела закатились, изо рта хлынула кровь. Дрожащей рукой он показал на другую рану, глубокую ссадину на боку и прохрипел:

— Ты... твоя женщина Вильфреда... сделала это... Но я убил ее, суку...

Бартон хотел спросить шотландца, где держат Алису, но Казз, дико выкрикивая что-то на своем родном языке, опустил на рыжую голову свой топор. Бартон выдернул из мертвого тела копье и бросился за неандертальцем.

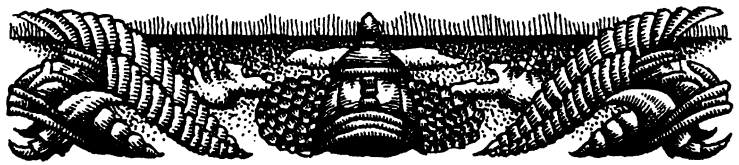
— Не трогай Геринга! — закричал он. — Оставь его мне!

Казз не расслышал: он сражался сразу с двумя индейцами. Внезапно Бартон увидел Алису — она бежала к нему, в ее широко раскрытых невидящих глазах застыл ужас. Он бросился к ней, обнял и повернул к себе. Она вскрикнула и стала яростно сопротивляться. Бартон заорал на нее; вдруг, услышав знакомый голос, она обмякла в его объятиях и начала плакать. У Бартона не было времени успокоить ее; он боялся, что упустит Геринга. Мягко отстранив женщину, он бросился к немцу и метнул в него копье. Кремневый наконечник скользнул по голове Геринга; тот вскрикнул и остановился, озираясь в поисках оружия. Но Бартон уже налетел на него. Они упали на землю и покатились по влажной траве: каждый пытался добраться до горла противника.

Что-то ударило Бартона по затылку. Оглушенный, он на мгновение ослабил захват. Геринг оттолкнув его, вскочил на ноги и схватил валявшееся рядом копье. Сжав древко обеими руками, он шагнул к распростертому в траве телу Бартона. Тот попытался подняться, но колени его дрожали, перед глазами плыли огненные круги. Внезапно Геринг пошатнулся — Алиса обхватила сзади его щиколотки и изо всех сил толкнула вперед. Немец попытался сохранить равновесие, потом рухнул ничком на землю. Бартон, обнаружив, что уже может двигаться, навалился на противника. Снова они катались в траве в яростной схватке, ломая друг другу пальцы и рыча, как бешеные звери. Затем каменный наконечник копья скользнул по плечу Бартона, обдирая кожу, и вонзился в горло Геринга.

Бартон поднялся, выдернул копье и с силой воткнул его в толстый живот немца. Тот дернулся, пытаясь сесть, потом упал и затих; глаза его закатились. Алиса опустилась на землю рядом с мертвым телом и начала тихо всхлипывать, закрыв ладонями лицо.

С рассветом сражение закончилось. Ворота всех лагерей были открыты, и рабы вырвались на свободу. Люди Геринга и Туллия, зажатые, подобно зернам в жерновах, между онондага и своими бывшими невольниками, полегли на прибрежной равнине. Индейцы, удовлетворив свою страсть к грабежу, отступили. Побросав захваченных пленников в челны и каноэ, они налегли на весла и скрылись в предутреннем тумане, подымавшемся над Рекой. Их никто не преследовал.



ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Все последующие дни были до отказа заполнены делами. Приблизительный подсчет показал, что не менее половины из двадцати тысяч жителей маленького королевства Геринга погибли, были ранены или похищены онондага. Туллию Гостилию, по-видимому, удалось бежать. Оставшиеся в живых выбрали временное правительство. Таргоф, Бартон, Спрюс и еще двое вошли в исполнительный комитет, наделенный весьма значительной властью. Джон де Грейсток пропал. Его видели в самом начале битвы; затем он исчез, и оставалось только гадать о судьбе, постигшей камберлендского рыцаря.

Алиса Харгривс перебралась в хижину Бартона, не сказав ни слова о том, когда и почему изменились ее намерения.

Через несколько дней она как-то сказала Бартону:

— Фригейт говорит, что если вся поверхность планеты выглядит так же, как в тех областях, что мы прошли, то Река должна тянуться на двадцать миллионов миль. Это невероятно — но не более поразительно, чем наше воскрешение в этом мире. Значит, в долине обитают тридцать пять — тридцать семь миллиардов человек, и я не думаю, что имею шанс найти своего мужа.

— А кроме того, я люблю тебя,— добавила она, помолчав.— Да, я знаю — я вела себя так, что об этом было нелегко догадаться. Но что-то изменилось во мне. Вероятно, потому, что я прошла через весь этот ужас. Не думаю, что я полюбила бы тебя на Земле. Может быть, я восхищалась бы тобой, но одновременно испы-

тывала бы отвращение — даже страх. И я не смогла бы стать для тебя хорошей женой, там, на Земле. Здесь — другое дело. Я буду просто твоей подругой, потому что тут, пожалуй, не найдется официальных властей или церкви, что могли бы сочетать нас законным браком. Ты видишь, как я изменилась,— улыбка коснулась ее губ,— теперь я готова жить с мужчиной без венчания и обмена кольцами.

— Мы с тобой — не в викторианской Англии,— ответил Бартон.— Это другое время, другая эпоха... Эпоха Слияния, эра Смешивания человечества... И что получится в результате? Цивилизация речного мира? Прибрежная культура? Или, скорее, множество культур?

— Только если этот мир будет существовать,— задумчиво сказала Алиса.— Он возник внезапно — и так же быстро и неожиданно может прийти к своему концу.

Бартон подумал, что пока поросшая травой равнина и зеленоватая поверхность Реки, лесистые холмы и неприступные горы не кажутся иллюзорными шекспировскими видениями. Они основательны и реальны! Как реальны люди, которые сейчас направлялись к ним. Он вышел из хижины и приветствовал Фригейта, Моната, Казза и Руаха.

— Давно, до того, как я стал говорить по-английски хорошо, я увидел что-то,— начал Казз.— Я пытался сказать тебе, но ты не понял. Я видел человека, который не имеет на лбу этого.

Он коснулся середины своего лба, потом показал на лбы остальных.

— Я знаю,— сказал Казз,— ты не видишь это. Пит и Монат тоже не видят. Никто не видит. Но я вижу — на лбу у всех. Кроме человека, которого я хотел поймать тогда, давно. Потом, однажды, я видел женщину без этого, но я не сказал тебе. И сегодня я нашел еще одного такого человека.

— Казз имеет в виду,— произнес Монат,— что он может различить какие-то символы или знаки: такие

метки находятся на лбу каждого жителя долины. Он способен видеть их только при ярком солнечном свете и под определенным углом зрения. Причем все люди, встречавшиеся ему, имели метки — кроме трех.

— Должно быть, он видит в более широком спектральном диапазоне, чем мы,— добавил Фригейт.— Эти существа Икс, поместившие нас сюда и пометившие каждого клеймом, как скотину, очевидно, не знают о такой особенности расы Казза. Что доказывает, что и они не являются всеведущими.

— По-видимому, так,— кивнул головой Бартон.— Никто не застрахован от ошибок. Иначе сам я не очнулся бы до воскрешения в том странном месте. Итак, кто он — человек, у которого нет знаков на лбу?

Он говорил спокойно, но сердце его учащенно забилось. Если Казз прав, то он сможет обнаружить агента этих неведомых существ, что вновь дали жизнь человеческой расе. Кто эти таинственные боги, скрывающиеся от глаз людских?

— Роберт Спрюс! — заявил Фригейт.

— Прежде, чем делать какие-либо выводы,— осторожно заметил Монат,— не будем забывать, что отсутствие символов может оказаться простой случайностью.

— Мы все выясним,— сказал Бартон со зловещим спокойствием.— Но зачем нужны эти знаки? К чему ставить на нас отметки?

— Наверное, чтобы как-то нас идентифицировать — или пронумеровать,— пожал плечами Монат.— Кто знает — кроме тех, кто поместил нас в этот мир?

— Давайте сюда Спрюса,— приказал Бартон.

— Сначала его надо поймать,— ответил Фригейт.— Казз допустил ошибку — он сказал Спрюсу, что знает об этих символах. Это произошло утром, во время завтрака. Меня там не было, но мне рассказывали, что Спрюс побледнел. Через несколько минут он исчез. Мы разослали поисковые партии вниз и вверх по течению, в холмы и даже на ту сторону Реки.

— Бегство — доказательство его вины! — воскликнул Бартон. Гнев бурлил в нем. Разве люди — рогатый скот, чтобы клеймить их?

В полдень загрохотали барабаны, сообщая, что Спрюс пойман. Через три часа он стоял перед столом Совета в зале вновь отстроенного административного здания. За столом сидели члены Совета. Двери были плотно закрыты; советники чувствовали, что это дело лучше не афишировать. Однако Моната, Казза и Фригейта допустили на заседание.

— Я должен сообщить вам,— сурово произнес Бартон,— что мы решили применить любые меры, чтобы добиться от вас правды. Не в наших принципах использовать пытки. Мы ненавидим и презираем тех, кто способен мучить людей. Но мы считаем, что в данных чрезвычайных обстоятельствах принципами следует пожертвовать.

— Принципами нельзя жертвовать никогда,— спокойно сказал Спрюс.— И никогда цель не оправдывает средства. Даже если отказ от ее достижения означает смерть, поражение или неведение.

— Ставка слишком высока,— ответил Таргоф.— Да, мы все согласны с вами — и я, превращенный мерзавцами в раба, и Руах, которого пытали много раз, и другие. Но, в случае необходимости, мы используем нож и огонь. Нам надо знать правду,— он мрачно нахмурился и спросил.— Ну, а теперь... теперь скажите нам, вы — один из тех, кто сотворил все это?

— Вы станете такими же, как Геринг и ему подобные, если подвергнете меня пыткам,— произнес Спрюс, и голос его дрогнул.— На самом деле, вы будете еще хуже, потому что заставите себя быть похожими на него. И все — ради цели, которая, возможно, даже не существует! А если и существует, то достигнув ее, вы окажете себе плохую услугу.

— Скажите нам правду,— потребовал Таргоф.— Не лгите! Мы знаем, что вы — их агент. Возможно, вы —

один из тех, кто несет прямую ответственность за то, что произошло с человечеством.

— Там, в очаге, сверкают языки пламени,— сказал Бартон,— и если вы не начнете говорить, мы... одним словом, огонь — наименее мучительное из того, что вам предстоит. Я хорошо знаком с китайскими и арабскими методами ведения допроса. Уверяю вас, они изобрели чрезвычайно утонченные способы извлечения истины... И я без угрызений совести применю свои знания на практике.

Спрюс побледнел, пот выступил на его лбу.

— Вы можете потерять вечную жизнь, если пойдете на это,— тихо произнес он, дрожа.— Как минимум, вы будете отброшены далеко назад на вашем пути, что замедлит достижение конечной цели...

— Какой цели? — спросил Бартон, но Спрюс не обратил на него внимания.

— Мы не можем выносить боль,— прошептал он, словно в полузабытьи,— мы слишком чувствительны...

— Вы будете говорить? — резко прервал его Таргоф.

— Даже мысль о собственной смерти причиняет боль... ее стараются избегать, хотя иногда она совершенно необходима...— Спрюс продолжал шептать, как будто хотел убедить себя в чем-то.— И потом, я же знаю, я уверен, что снова буду живым...

— В огонь его! — приказал Таргоф людям, державшим Спрюса.

— Одну минуту,— вмешался Монат, подняв тощую руку.— Послушайте, Спрюс, наука моего родного мира намного опередила земную. Поэтому среди присутствующих здесь, я наиболее подготовлен к тому, чтобы строить обоснованные предположения. Возможно, мы обойдемся без пыток и даже не заставим вас мучиться от сознания совершенного предательства. Вы должны только подтверждать или отвергать то, что я буду говорить.

— Слушаю вас,— кратко ответил Спрюс.

— Согласно моей теории, вы происходите с Земли. Хронологически вы принадлежите к эпохе, которая наступит много позже 2008 года. Очевидно, вы являетесь потомками тех немногих, кто избежал действия моего деструктора. Судя по уровню технологии и энергетической мощи, которая потребовалась для преобразования поверхности этой планеты в одну огромную речную долину, вашу эпоху отделяет от двадцать первого века большой временной период. Могу я предположить, что вы относитесь к пятидесятому столетию?

Спрюс бросил взгляд на огонь в камине, затем сказал:

— Добавьте еще два тысячелетия.

— Если эта планета таких же размеров, как Земля, то на ней непросто разместить всех людей. И кое-кто тут отсутствует. Где же они — мертворожденные, дети, не дожившие до пяти лет, слабоумные, сумасшедшие? Где те, которые жили на Земле после двадцатого века?

Спрюс снова посмотрел на пламя, и губы его дрогнули.

— Где-то в другом месте, — сказал он, пожимая плечами.

— У специалистов моей планеты, — продолжал Монат, — имелась теория, что когда-нибудь нам удастся заглянуть в прошлое. Не буду вдаваться в детали; речь шла только о том, что события прошлого можно будет наблюдать визуально и записать их. Путешествия во времени, конечно, чистая фантастика.

Он испытующе уставился на Спрюса, но тот молчал, опустив голову и сжав губы. Монат вздохнул и продолжал:

— Предположим, что ваша цивилизация способна совершить то, о чем только теоретизировали ученые моего народа. Предположим, что вы сделали записи каждого человеческого существа на протяжении всей его жизни. Затем подобрали подходящую планету и переконструировали ее нужным образом. Где-то — может быть, под ее поверхностью — установлены конвертеры,

преобразующие энергию в вещество и использующие тепло расплавленного ядра планеты; там же находятся устройства, способные воссоздать тела по ранее сделанным записям. Достижения биотехнологии позволяют вам омолаживать тела, восстанавливать утерянные конечности, глаза и так далее, исправлять любые физические недостатки.

Монат снова посмотрел на Спрюса, словно ожидал подтверждения своих слов; помолчав минуту, он заговорил снова:

— Затем вы, очевидно, сканируете вновь созданные тела и помещаете записи в какое-то огромное запоминающее устройство. Старые тела уничтожаются, а новые воссоздаются около грейлстоунов путем передачи соответствующих сигналов по гигантской сети — той сети, что связывает в единую систему все грейлстоуны и три раза в день заряжает наши чаши. Эти устройства, которые я описал, вполне могут быть размещены под поверхностью планеты. Таким образом, в нашем воскрешении нет ничего сверхъестественного,— Монат перевел дыхание и пристально посмотрел на Спрюса.— Вопрос в том, зачем все это нужно?

— Если в вашей власти совершить то, о чем вы сказали, разве вы не сочтете подобное действие своим этическим долгом? — ответил Спрюс.

— Да, но я воскресил бы лишь достойных!

— И какими критериями вы руководствовались бы при этом? — спросил Спрюс с иронией.— Вы действительно полагаете, что достаточно мудры и добродетельны, чтобы судить других? Вы готовы поставить себя на одну ступень с богом? Нет, всем должен быть предоставлен второй шанс — независимо от их качеств, жестокости или эгоизма, ничтожности или глупости... Всегда есть надежда, что они смогут перебороть...

Внезапно он замолчал, словно раскаиваясь в том, что сказал слишком много.

— Кроме того,— подхватил Монат, как будто боялся паузой подчеркнуть значение слов Спрюса,— вы хо-

тите, очевидно, изучить все народы и все эпохи прошлой земной цивилизации. Наверное, вы желаете сохранить все человеческие языки, нравы, обычаи, философию различных народов. Чтобы сделать это, вам нужны агенты, замаскированные под воскрешенных, которые обитают в речной долине и наблюдают, изучают, записывают... Как долго продлится этот процесс? Тысячу лет? Две? Три? Миллион? Что будет с нами потом? Мы останемся здесь навсегда? Навечно?

— Вы будете находиться тут столько времени, сколько нужно для излечения,— крикнул Спрюс.— И только затем...— он резко остановился, сверкнул глазами и заявил: — Даже самые стойкие из нас деградируют после длительного контакта с вами... Потом нас самих надо лечить... Я чувствую себя покрытым грязью...

— Дайте ему попробовать огня,— сказал Таргоф.— Мы вытянем из него всю правду.

— Нет, нет, не надейтесь! — снова закричал Спрюс.— Мне следовало давно поступить так... Но кто знает, возможно, что...

Он упал на землю; синевато-серый трупный оттенок начал разливаться по его коже. Доктор Штейнберг, один из членов совета, склонился на телом Спрюса, но всем было уже ясно, что он мертв.

— Лучше убрать его отсюда, доктор,— сказал Таргоф.— Сделайте вскрытие. Мы будем ждать вашего заключения.

— Какого заключения можете вы ожидать? — грустно усмехнулся врач.— У меня нет нужных химических препаратов, микроскопа... только кремневые ножи. Но я сделаю все, что смогу.

Тело унесли. Бартон сказал:

— Я рад, что он не смог раскрыть нашу игру. Если бы он держал рот закрытым, победа была бы на его стороне.

— Значит, на самом деле вы не собирались пытать его? — воскликнул Фригейт.— Я надеялся, что вы просто блефуете. Но если бы вы действительно сделали

это, я ушел бы от вас... и никогда больше вас не увидел...

— Конечно, применение пыток исключалось,— заметил Руах.— Спрюс был совершенно прав — мы бы тогда ничем не отличались от Геринга. Но мы могли использовать другие методы. Например, гипноз. Бартон, Монат и доктор Штейнберг разбираются в этом.

— Меня беспокоит, что мы не можем быть уверены в правдивости его информации,— сказал задумчиво Таргоф.— В действительности, он мог солгать нам. Монат делал некие предположения, и, если они были неверны, Спрюс предпочитал соглашаться с ними, чтобы ввести нас в заблуждение. Повторяю, мы не можем быть ни в чем уверены.

Бесспорно лишь одно: их шансы выявления другого агента с отсутствующими на лбу символами, по-видимому, близки к нулю. Теперь, когда раса Икс, повелевающая речным миром, знает о странной особенности зрения Казза, она может принять надлежащие меры.

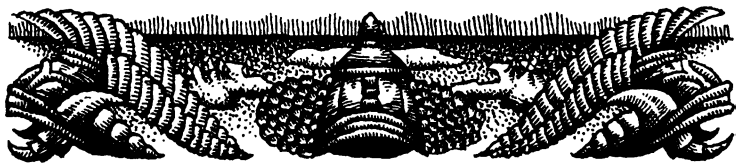
Штейнберг вернулся через три часа.

— Его тело ничем не отличается от любого другого представителя вида «хомо сапиенс»,— заявил доктор.— Кроме вот этого маленького устройства.

Он раскрыл ладонь, на которой лежал черный блестящий шарик размером со спичечную головку.

— Я обнаружил его в поверхностных тканях лобной доли мозга. Прибор был подсоединен к нервным окончаниям такими тонкими проволочками, что я мог разглядеть их только под некоторым углом, когда они отражали свет. Я полагаю, что Спрюс покончил с собой с помощью этого устройства, просто подумав о смерти... Каким-то образом этот маленький шарик выполняет мысленную команду. Возможно, он выделяет мгновенно действующий яд, который я не могу распознать без необходимых для анализа химикалий и инструментов.

С этими словами доктор закончил свой доклад и положил шарик на стол перед советниками.



ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тридцатью днями позже Бартон, Фригейт, Руах и Казз возвращались из путешествия вверх по Реке. Наступил рассвет. Холодный густой туман, окутывавший Реку в последние ночные часы и простиравшийся на шесть-семь футов над поверхностью воды, клубился вокруг них. В любом направлении видимость не превышала расстояния доброго прыжка, который может сделать молодой сильный мужчина. Но Бартон, стоявший на носу бамбукового одномачтового суденышка, знал, что они приближаются к западному берегу. Они только свернули, покидая середину Реки; Бартон чувствовал, как замедлилось течение, когда лодка вошла в сравнительно неглубокие воды у побережья.

Если его расчеты верны, они должны быть поблизости от развалин «дворца» Геринга. С минуты на минуту он мог заметить плотную полоску темноты, выплывающую из чуть более светлых вод — берег, который он называл теперь домом. Дом для Бартона был местом, откуда он отправлялся дальше, где он отдыхал, временным укрытием, в котором он писал книгу о своей последней экспедиции, берлогой, где он зализывал раны, наблюдательной башней, с которой он высматривал новые земли, подлежащие изучению.

Поэтому, уже через две недели после смерти Спрюса, Бартон ощутил желание оказаться в любом другом месте, кроме того, где он был в данный момент. До него дошли слухи, что на западном берегу, примерно в сотне миль вверх по течению, нашли медь. Эти земли на про-

тяжении двенадцати миль заселяли сарматы пятого века до новой эры и фризы тринадцатого столетия.

Бартон не слишком полагался на истинность переданного сообщения, но оно давало ему повод для путешествия. Он отправился в путь, оставив Алису на берегу — несмотря на все ее просьбы.

Теперь, месяцем позже, после некоторых приключений не всегда приятного свойства, они были почти дома. Слухи оказались не совсем беспочвенными. Там была медь — но в самом минимальном количестве. Так что четверо путников с легким разочарованием вновь забрались в свою лодку, предвкушая быстрое путешествие вниз по течению, под парусами, постоянно наполненными ветром. Они плыли днем, приставая к берегу там, где обитали дружелюбные народы, не препятствующие странникам раз-другой поставить чаши на их грейлстоуны. Ночью они либо спали на гостеприимном берегу, либо пересекали под покровом ночной тьмы враждебные воды.

Последний этап их путешествия был совершен после захода солнца. Прежде, чем попасть домой, им пришлось миновать опасный участок долины, где на одном берегу Реки обитали всегда жаждущие новых рабов мохауки восемнадцатого столетия, а на другом — не менее алчные карфагеняне третьего века до новой эры. Проскользнув мимо них в тумане, они теперь приближались к дому.

Внезапно Бартон произнес:

— Берег впереди! Пит, опусти мачту! Казз, Лев — на весла! Сейчас пристанем!

Через несколько минут они высадились и вытащили свое легкое суденышко из воды на пологий берег. Теперь, когда они вышли из полосы тумана, перед их глазами появилась светлая небесная полоска, разгоравшаяся над пиками восточного хребта.

— Заблудившие души возвратились обратно! — возгласил Бартон.— Мы находимся в десяти шагах от грейлстоуна вблизи развалин.

Он окинул взглядом бамбуковые хижины, разбросанные по равнине, и более крупные строения, возвышавшиеся над мокрой травой или полускрытые в тени огромных деревьев на склонах холмов.

Никого не видно. Долина погружена в сон.

Он повернулся к берегу и, не обнаружив там ни одной живой души, сказал:

— Странно! Почему никто еще не поднялся? И где же часовые?

Фригейт указал на наблюдательную вышку справа от них. Бартон выругался и сердито произнес:

— Они спят, лентяи, или удрали со своего поста!

Но он уже знал, что дело было не в этом. Хотя он ничего не сказал своим спутникам, в тот момент, когда он шагнул на берег, его охватило предчувствие какой-то беды. Он пустился бегом, путаясь во влажной траве, прямо к хижине, в которой они с Алисой жили.

Алиса сладко спала на своем бамбуковом ложе справа от входа. Из-под вороха покрывал, скрепленных магнитными застежками, виднелась только ее голова в завитках бронзовых волос. Бартон отбросил покрывала прочь, упал на колени около низкой постели и, обхватив руками теплые плечи женщины, попытался усадить ее. Голова Алисы безвольно опустилась вперед, руки повисли вдоль тела. Но на щеках ее играл румянец, и дыхание было нормальным.

Бартон трижды окликнул ее по имени, но она не просыпалась. Он похлопал ее по щекам — сначала несильно, потом так, что на коже выступили красные пятна. Ее веки дрогнули, дыхание участилось, затем снова стало размеренным и сонным.

В дверях возникли фигуры Фригейта и Руаха.

— Мы заглянули в другие хижины, — взволнованно сказал Фригейт. — Они все спят! Я попытался кое-кого разбудить, но безрезультатно. Что это значит?

Опустив руки, Бартон медленно произнес:

— Как вы думаете, кто имеет подобное могущество — или необходимость — чтобы погрузить в сон тысячи

человек? Спрюс! Спрюс и его раса... Те, кто сотворил этот мир!

— Но зачем? — голос Фригейта звучал испуганно.

— Они ищут меня! Должно быть, они пришли под покровом тумана и каким-то образом погрузили в сон целую область!

— Это несложно сделать с помощью снотворного газа, — заметил Руах. — Хотя народ, обладающий такими знаниями, может иметь для подобной цели средства, которые мы не способны даже вообразить.

— Они ищут меня! — повторил Бартон.

— Если так, они могут вернуться сюда на следующую ночь, — подхватил Фригейт. — Но зачем вы им нужны?

Руах ответил вместо Бартона.

— Потому что он, насколько нам известно, единственный человек, пробудившийся на стадии, предшествующей воскрешению. Неизвестно, почему это произошло. Вероятно, случилось нечто непредвиденное, что и для них осталось тайной. Я склонен предположить, что они, обсудив ситуацию, наконец, решили наведаться сюда и забрать Бартона. Может быть, для исследований — или с какой-нибудь более зловещей целью.

— Вероятно, они хотят стереть в моей памяти все, что я видел в той камере, заполненной плавающими телами, — предположил Бартон. — Их наука позволяет, по-видимому, делать такие вещи.

— Но вы уже многим рассказывали свою историю, — возразил Фригейт. — Невозможно найти всех, кто выслушал ее, и очистить их память.

— Есть ли такая необходимость? Многие ли поверили моей сказке? Иногда я сам сомневаюсь, что видел это.

— Сейчас не время строить предположения, — прервал его Руах. — Что мы будем делать?

Внезапно раздался вскрик: «Ричард!» — и когда они повернулись, Алиса уже сидела на своем ложе и смотрела на них широко открытыми глазами.

Они потратили несколько минут, пытаясь объяснить ей, что произошло. Наконец, Алиса сказала:

— Вот почему туман покрыл землю! Мне показалось странным, что он сгустился над равниной, раньше такого не было. Но я, конечно, не представляла, кому и зачем это нужно!

— Забирайте свои чаши,— решительно произнес Бартон.— Сложите в мешки все, что считаете нужным взять с собой. Мы уходим немедленно. Я хочу убраться отсюда раньше, чем люди начнут просыпаться.

Глаза Алисы раскрылись еще шире.

— Но куда же мы пойдем, Дик?

— Куда угодно! Я не привык убегать от опасности, но оставаться здесь и бороться с Ними — или прятаться от Них — бессмысленно. Я скажу вам, что собираюсь делать. Я намерен найти истоки Реки. Она должна вытекать откуда-то и куда-то впадать; и возможно, человек способен добраться до ее истоков. Если туда ведет какой-нибудь путь, я найду его — клянусь своей бессмертной душой!

Бартон поднял вверх сжатые кулаки, словно грозил небесам. Потом резко выдохнул и продолжал:

— Пусть Они ищут меня повсюду в огромной долине — это не страшно. Если до сих пор меня не смогли обнаружить здесь, значит у них нет средств, чтобы быстро определять местонахождение любого человека. Они заклеймили нас, как скотину,— он коснулся невидимой отметки на своем лбу,— но даже среди стада коров встречаются бунтари и бродяги! К тому же, мы — не просто скот; мы одарены разумом!

Он обвел взглядом друзей, стоявших вокруг.

— Я буду счастлив — нет, больше, чем счастлив — горд, если вы пойдете за мной.

— Разбужу Моната,— сказал Казз, поворачиваясь к выходу.— Ему не понравится, если мы покинем его здесь.

Тень грусти легла на лицо Бартона. Он положил ладонь на плечо неандертальца и произнес, покачав головой:

— Монат, старина Монат! Не хотелось бы поступать с ним так, но ничего нельзя изменить. Он не может идти с нами — он слишком заметен. Их агентам будет нетрудно найти существо, которое выглядит так необычно. Мне очень жаль, его придется оставить здесь.

Слезы выступили на глазах Казза, затем, миновав выступающие холмы скул, побежали по щекам. Прерывающимся голосом он сказал:

— Бартон-нак, значит, я также не могу идти с тобой. Я тоже выгляжу... как ты говоришь... необычно.

Бартон почувствовал, что веки его стали влажными. Он колебался, потом решительно сжал плечо Казза.

— Мы все-таки рискнем. Твой род жил на Земле, где-то здесь обитает множество твоих соплеменников, и часть из них рассеяна по всей долине. Мы видели не менее тридцати за время наших странствий.

— Но не было ни одной женщины, Бартон-нак,— печально промолвил Казз. Затем он улыбнулся.— Может быть, мы найдем одну, когда снова поплывем по Реке!

Вдруг улыбка его исчезла — так же быстро, как появилась. Он грустно покачал головой.

— Нет, я не могу плыть! Я не могу бросить Моната! Он и я... другим мы кажемся уродливыми... чужими. Наверно, поэтому мы стали друзьями. Он — не мой нак, не мой побратим и вождь, но он — следующий после тебя. Я остаюсь.

Он шагнул к Бартону и так сжал его в объятиях, что тот едва мог вздохнуть, потом отпустил, пожал руки остальным, едва не сломав пальцы, повернулся и побрел прочь.

Руах, растирая онемевшую ладонь, с сомнением поглядел на Бартона.

— Боюсь, Ричард, ваш план нереален. Разве вы не понимаете, что можно плыть по Реке тысячу лет — и до ее конца все еще останется миллион миль? Я остаюсь. Я нужен моему народу. И, кроме того, вспомните — Спрюс дал ясно понять, что мы должны стремиться к духовному совершенству, а не к борьбе с теми, кто дал нам шанс его достигнуть.

Белые зубы Бартона сверкнули на смуглом лице. Он поднял к небу свою чашу, словно боевую палицу.

— Я не просил помещать меня сюда — как не настаивал на том, чтобы родиться именно на Земле. И я не собираюсь безропотно подчиняться чужой воле! Я — свободен, и я — человек! Пусть мне не удастся отыскать истоки этой Реки; но я узнаю так много нового во время пути!

• • •

Зевая и потирая глаза, люди начали выходить из своих хижин. Руах не смотрел на них; он ловил взглядом бамбуковое суденышко, над которым внезапно взвился парус, погнавший его против ветра поперек Реки. Бартон сидел у руля. Он повернулся, поглядел на берег, поднял свою чашу и помахал ею. Лучи солнца заиграли на полированной поверхности, словно посылая оставшимся прощальный салют.

Руах подумал, что Бартон действительно почувствовал себя счастливым, когда обстоятельства заставили его снова двинуться в путь. Теперь он мог избежать ответственности, что легла на правительство этого маленького государства, он был свободен и волен делать все, что угодно. И он выбрал дорогу, которая ведет к величайшему приключению в его жизни.

«Я полагаю, что это к лучшему»,— пробормотал Руах про себя.— «Человек может обрести спасение в пути точно так же, как и сидя дома — если он стремит-

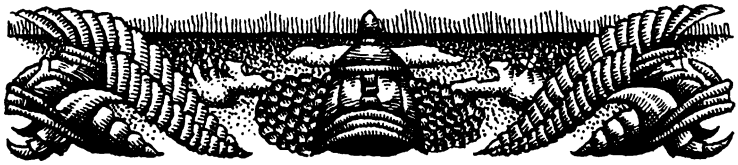
ся к спасению. Все зависит от самого человека. А тем временем я, подобно персонажу Вольтера — как было его имя?.. земные знания начинают ускользать от меня — буду возделывать мой маленький садик».

Он снова посмотрел на лодку, и запоздалое сожаление шевельнулось у него в душе.

— Кто знает? — прошептал он.— Может быть, когда-нибудь они встретятся с Вольтером...

Он вздохнул, потом улыбнулся:

— Но, с другой стороны, Вольтер может однажды оказаться здесь, рядом со мной!



ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ненавижу тебя, Герман Геринг!

Голос то подымался до крика, то угасал до шепота, словно его сон, подобно зубчатому колесу, сцеплялся со сном-шестеренкой другого человека и проворачивался по нему, пока неведомая сила не разъединяла части механизма.

Ричард Бартон, захваченный потоком гипнотических видений, сознавал, что находится во сне; но он ничего не мог с собой поделать.

Его первый сон вернулся.

Все вокруг было туманным, расплывчатым. Вспыхнула молния — и он увидел, что находится в необъятном пространстве, заполненном плавающими телами; другая вспышка — безымянные Стражи в летающей лодке находят его и снова погружают в сон; затем последовали обрывки сна, что привиделся ему перед Воскрешением на берегу Реки.

Бог — величественный, одетый, как джентльмен викторианской эпохи, снова тыкал концом стальной трости в его ребра и заявлял, что он, Бартон, задолжал ему за плоть.

— Что? Какая плоть? — простонал Бартон, смутно сознавая, что бормочет во сне.

— Плати! — приказывает Бог; лицо его расплывается, затем в нем, как в зеркале, проступают черты самого Бартона. В том первом сне, пять лет назад, Бог не ответил на его вопрос; теперь же он говорит: — Сделай подаренную тебе жизнь достойной потраченного мною времени, ты, глупец! Я понес большие расходы и при-

ложил огромные усилия, чтобы дать тебе и всем другим несчастным, этим не стоящим ломаного гроша ничтожествам, второй шанс!

— Второй шанс — для чего? — спросил Бартон. Он почувствовал страх, что Бог может ответить. И он ощутил огромное облегчение, когда Бог и Вседержитель — только теперь Бартон заметил, что один глаз Яхве-Одина исчез и из пустой глазницы источается адское пламя — не дал ответа. Он начал расплываться, таять — нет, не таять, а трансформироваться в высокую серую башню, цилиндрическая вершина которой вырастала из белесого тумана. У ее подножья ревели и бились морские волны, скрытые клубами облаков.

Чаша! Он вновь увидел лицо человека, который рассказал ему о Великой Чаше. Эту историю рассказчик слышал от женщины, которая услышала ее от... и так далее. История о Великой Чаше была одной из легенд, известных миллиардам людей, обитавших на берегах Реки — нескончаемого водного потока, извивавшегося, подобно змее, вокруг этой планеты от полюса до полюса, вытекавшего из неведомой бездны и впадавшего в недоступную пропасть.

Человек — или, вернее, прачеловек, обитавший на Земле миллионы лет назад — сумел пробраться через горы к северному полюсу. И он видел Большую Чашу, Темную Башню, Туманный Замок — перед тем, как споткнулся и упал в воду. Может быть, его толкнули. Он рухнул в холодные морские волны, скрытые туманом, и умер. А затем этот человек — или прачеловек — пробудился снова где-то на берегу Реки. Смерть не властвовала здесь — хотя расставание с жизнью было по-прежнему мучительным.

Он рассказал о том, что видел. И эта история начала путешествовать по речной долине быстрее, чем гонимое ветром парусное судно.

И теперь Ричард Френсис Бартон, вечный пилигрим и скиталец, мечтал взять штурмом горные бастионы, окружающие Большую Чашу. Тогда он раскроет

тайну воскрешения и тайну планеты, потому что, по его убеждению, Те, Кто создал этот мир, были также и строителями башни среди полярного моря.

— Умри, Генрих Геринг! Сдохни и оставь меня в покое! — крик звенел в его голове.

Он раскрыл глаза. Бледное сияние бесчисленных звезд позволяло различить неясные очертания окна хижины. Потом он увидел темные контуры фигур Питера Фригейта и Логу, спавших у противоположной стены. Он повернул голову, скользнув взглядом по тяжелому покрывалу, под которым спала Алиса. Ее смутно белевшее в темноте лицо было обращено к нему; темная волна волос распласталась на циновке.

Этим вечером одномачтовая лодка, в которой он плыл вместе с тремя спутниками, причалила к дружелюбным берегам. Маленькое государство Севьерия населяли, в основном, англичане шестнадцатого века, хотя возглавлял его американец, который жил на Земле в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого столетия. Джон Севьер, основатель «потерянного штата» Франклин, который позже стал называться Тенесси, приветствовал Бартона и его крошечный отряд.

Севьер и его люди не признавали рабства и не задерживали гостей дольше, чем тем хотелось. Позволив путешественникам зарядить свои чаши и передохнуть, Севьер пригласил их на пирушку, которой отмечалась очередная годовщина Дня Воскрешения; затем он проводил их в хижину для гостей.

Обычно Бартон засыпал легко, но на сей раз сон не шел к нему. Ровное дыхание его спутников уже давно наполняло хижину, когда усталость, наконец, взяла свое. После тяжелого, бесконечного забытья, он пробудился от звуков голоса, казавшегося продолжением его снов.

«Герман Геринг»,— подумал Бартон. Он убил Геринга, но Геринг должен снова восстать к жизни. Тот человек, который кричал и стонал в соседней хижине,

тоже, может быть, пострадал от жестокости Геринга — на Земле или здесь, в долине Реки.

Бартон отбросил покрывало и поднялся, быстро и бесшумно. Он защелкнул магнитные кнопки кильта, застегнул пояс из человеческой кожи и проверил, на месте ли кремневый кинжал. Прихватив ассегай, короткое тяжелое копье с каменным наконечником, он вышел из хижины.

С ночного небосклона падал свет огромных многоцветных звезд и облаков космического газа, не менее яркий, чем на Земле в полнолуние. Хижины для гостей, удаленные на полторы мили от речного берега, стояли на склонах холмистой гряды, окаймлявшей равнину. Их было семь — бамбуковые строения с кровлями из листьев железного дерева, не поделенные внутри на комнаты. В отдалении, под кронами огромных дубов и сосен, темнели очертания других хижин. На расстоянии полумили находилась бревенчатая изгородь, охватывающая кольцом вершину одного из холмов; там, в «Круглом Доме», обитали должностные лица Севьерии.

Высокие бамбуковые башни шли вдоль берега Реки через каждые восемьсот ярдов. На смотровых площадках всю ночь пылали факелы и несли наблюдение часовые, готовые поднять тревогу в случае неожиданного нападения.

Скрываясь в тени деревьев, Бартон осторожно приблизился к хижине, из которой доносились стоны и всхлипывания. Он отодвинул в сторону плетеный из травы занавес. Свет звезд через открытое окно упал на лицо спящего. Бартон присвистнул от изумления. Он узнал это широкоскулое молодое лицо в обрамлении светлых волос!

Бартон медленно двинулся к нему. Спящий застонал, вскинул руку, словно прикрывая глаза от света, и повернулся к стене. Бартон замер, потом осторожно шагнул вперед. Он положил копье на землю, вытащил кинжал и слегка прикоснулся его заточенным концом к

ямке под горлом юноши. Рука соскользнула с широкого лица; глаза широко раскрылись, уставившись на Бартона. Тот положил ладонь на губы юноши и крепко сжал пальцы.

— Герман Геринг! Не двигайтесь и не пытайтесь кричать! Иначе я убью вас!

Бледно-голубые глаза Геринга казались темными в полумраке, но Бартон заметил, что лицо немца побелело от ужаса. Он вздрогнул и попытался сесть, затем снова упал на спину, когда конец кинжала проколол кожу.

— Сколько времени вы тут находитесь? — тихо спросил Бартон.

— Кто?..— Геринг заговорил по-английски, затем его глаза расширились.— Ричард Бартон? Я сплю? Это вы?

Бартон ощущал запах Жвачки, шедший изо рта Геринга, смешанный с вонью от пропитанной потом циновки, на которой лежал немец. Геринг изрядно похудел с тех пор, как они виделись последний раз.

— Я не знаю, сколько пробыл здесь,— сказал Геринг.— Который сейчас час?

— Скоро рассвет, я полагаю. Первый день после праздника Воскрешения.

— Значит, я тут уже три дня. Могу я выпить воды? У меня в горле сухо, как в саргофаге.

— Неудивительно. Вы сами погребаете себя в саргофаге, злоупотребляя Жвачкой.

Бартон встал, подобрал копье и указал им на сосуд из обожженной глины, стоявший на бамбуковом столике.

— Можете напиться, если хотите. Но не пытайтесь выкинуть какой-нибудь фокус.

Геринг медленно поднялся и проковылял к столу.

— Я слишком слаб, чтобы оказать вам сопротивление — даже если бы это взбрело мне в голову.— Он шумно глотал воду, потом поставил горшок на место и

взял со стола яблоко, с хрустом откусил и произнес: — Что вы здесь делаете? Я думал, что избавился от вас.

— Вначале вы ответите на мой вопрос,— резко сказал Бартон.— И я не советую вам медлить. Из-за вас я попал в затруднительное положение — что мне, поверьте, совсем не нравится.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Тут Геринг, начавший было жевать, остановился, взглянул на Бартона и с удивлением сказал:

— Но при чем тут я? У меня тут нет никакой власти, я ничем не могу повредить вам, даже если бы захотел. Я только гость здесь. Чертовски порядочные люди в этих краях: они мне совершенно не докучают, только иногда справляются, все ли у меня в порядке. Хотя я не знаю, как долго они позволят мне тут оставаться, если я не буду отрабатывать свое содержание.

— Вы что, совсем не выходите из хижины? — удивился Бартон.— Кто же тогда заряжает вашу чашу? И откуда у вас столько Жвачки?

Геринг хитровато улыбнулся.

— Я прихватил с собой солидный запас... когда был вынужден съехать с последней квартиры... примерно в тысяче миль отсюда вверх по Реке.

— И запасы, конечно, отняты у несчастных рабов,— со злостью прокомментировал Бартон.— Не понимаю, зачем вам надо было покидать то место, если там вы смогли так отлично устроиться.

Внезапно Геринг зарыдал. Его плечи затряслись, из глаз покатились слезы, стекая по подбородку на шею и грудь.

— Мне... мне пришлось бежать оттуда. Я потерял авторитет — слишком много выпивки, слишком много марихуаны и Жвачки... Я ослабел духом... и стал им не нужен... Они бы убили меня или продали в рабство. Я взял лодку и ускользнул однажды ночью... и плыл,

плыл, пока не попал сюда. Я предложил часть моих запасов Севьеру... за то, что он предоставил мне убежище на две недели.

Бартон с удивлением воззрился на немца.

— Но вы же знаете, что происходит, если употреблять Жвачку слишком часто,— сказал он.— Кошмары, галлюцинации, ужасные видения... Деградация — умственная и физическая. Разве вы никогда не видели этих симптомов у других?

— У меня тяга к наркотикам! — с отчаянием закричал Геринг.— Там, на Земле, я принимал морфий. Я боролся — и мне удалось победить свое пристрастие. Но потом, когда дела Третьего Рейха пошли плохо, а мои собственные — еще хуже, я снова начал колоться.— Он перевел дыхание и продолжал: — Но здесь, когда я пробудился к новой жизни в юном теле, когда, казалось, мне подарены вечная жизнь и молодость — и нет ни бога на небесах, ни дьявола в аду, чтобы остановить меня,— тогда я решил, что могу делать все, что мне нравится. Я мог бы стать более великим, чем фюрер! Та маленькая страна, в которой мы встретились впервые, могла стать началом! Я уже видел перед собой Империю, простирающуюся на тысячи миль вверх и вниз по Реке по обоим ее берегам! Я правил бы народами, в десять раз более многочисленными, чем Гитлер мог бы мечтать!

Он снова начал рыдать, затем затих и жадно припал к сосуду с водой. Достав откуда-то кусок Жвачки, он сунул ее в рот; его челюсти задвигались, и вскоре по лицу разлилось выражение спокойствия и блаженства. Удовлетворенно кивнув головой, он сказал:

— Меня преследовали кошмары; сотни раз я видел и чувствовал, как копье протыкает мой живот. Когда я пробуждался, живот болел так, словно кремневый наконечник действительно сидел у меня в кишках. Тогда я стал прибегать к Жвачке; она снимала боль и воспоминания об испытанном унижении. Это помогало. Я становился великим. Я был повелителем мира — Гитле-

ром, Наполеоном, Юлием Цезарем, Александром Македонским, Чингисханом в одном лице. Я снова водил в бой эскадрилью «Красная Смерть», эскадрилью фон Риттофена; то были счастливые дни, пожалуй, лучшие в моей жизни. Но эйфория скоро сменилась отвращением. Я погружался в ад; я обвинял самого себя, а за моей спиной стояли миллионы безымянных свидетелей, миллионы жертв этого великого и славного героя, этого жуткого безумца Гитлера, которого я когда-то боготворил — и во имя которого я совершил так много преступлений.

— Вы признаете, что были преступником? — язвительно спросил Бартон.— Значительный прогресс по сравнению с историями, что вы рассказывали мне раньше. Тогда вы утверждали, что ни в чем не виноваты, что вас предали...— он замолчал, сообразив, что начинает отступать от своей первоначальной цели.— Невероятно, но у вас, кажется, пробудилась совесть. Может быть, под влиянием Жвачки? Тогда понятно, зачем в чашах вместе с пищей появляются табак, спиртное, марихуана и этот наркотик. Значит, Жвачка — данайский дар, замаскированная западня для тех, у кого нечистая совесть.

Он шагнул к Герингу. Глаза немца были полуприкрыты, челюсть отвисла.

— Вы знаете мое настоящее имя. Сейчас у меня есть основания скрывать его. Помните ли вы Спрюса, одного из ваших рабов? После того, как вы были убиты, произошли важные события. Благодаря чистой случайности, нам удалось установить, что Спрюс — один из Тех... один из той расы, что воскресила человечество. Мы назвали их этиками — за неимением лучших предложений... Геринг! Вы слышите меня?

Немец кивнул головой, расслабленно, нехотя.

— Спрюс покончил с собой раньше, чем мы выжали из него все нужные сведения. Через несколько месяцев Они появились в той местности и погрузили всех в беспробудный сон — вероятно, с помощью какого-то газа.

Они искали меня — наверно, чтобы забрать в свой центр для исследований... Но они промахнулись. В то время я путешествовал по Реке... а когда вернулся и понял, что нужен им, ударился в бега... Геринг, вы слушаете?

Геринг мерно засопел, голова его свесилась на грудь. Бартон несколько раз сильно шлепнул его по щекам. Геринг простонал — «Ох!» — поднял голову и открыл глаза. На лице немца застыла страдальческая гримаса.

— Я слышу вас,— пробормотал он.— Все... пустяки... суета... Все суета, все... вот если бы уплыть куда-то... уплыть... плавно покачиваясь...

— Заткнитесь и слушайте! — Бартон чувствовал, как гнев закипает в нем.— Слушайте! У этиков повсюду свои люди, и они ищут меня. Я не могу оставить вас в живых, вы понимаете это? Я не могу доверять вам. Даже если бы вы были моим другом, я не сделал бы такой глупости! Вы стали рабом Жвачки!

Геринг хихикнул, шагнул к Бартону и обвил руками его шею.

Бартон оттолкнул его с такой силой, что немец отлетел к стене и еле удержался на ногах, ухватившись за край стола.

— Удивительно,— произнес Геринг неожиданно ясным голосом; казалось, он пришел в себя.— В тот день, когда я прибыл сюда, какой-то человек расспрашивал меня о вас. Он подробно описал вашу внешность, он знал ваше имя. Я ответил, что хорошо вас знаю — даже слишком хорошо — и надеюсь никогда больше не увидеть снова. Он просил известить его, если я вас встречу. Он даже обещал вознаградить меня за труды.

Бартон не стал тратить времени даром. Он бросился к Герингу и схватил его обеими руками. Его ладони были небольшими и изящными, но Геринг сморщился от боли.

— Что вы хотите сделать? — простонал он.— Собираетесь опять убить меня?

— Я не трону вас — если вы скажете имя человека, который так интересовался мной. Иначе...

— Ну, действуйте! Убейте меня! — хрипел немец.— Что с того? Я проснусь снова, где-то в другом месте, в тысячах миль отсюда, там, где вы не достанете меня...

Бартон указал на ящик из бамбуковых планок, стоявший в углу хижины. Предполагая, что Геринг хранит в нем запас наркотика, он резко произнес:

— Да, но вы проснетесь без него! Где еще вы достанете столько Жвачки?

— Идите к дьяволу! — завопил Геринг, пытаясь вырваться и схватить ящик со своим сокровищем.

— Имя! Скажите мне его имя, или я швырну эту дрянь в Реку!

— Эгни! Роджер Эгни! Он живет в хижине под оградой Круглого Дома!

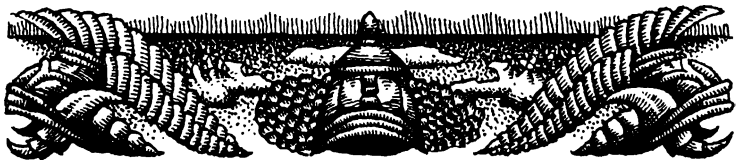
— Я разберусь с вами потом,— сказал Бартон и сильно ударил немца по шее ребром ладони.

Он повернулся к выходу из хижины, внезапно уловив там какое-то движение. Серая тень, согнувшаяся у дверного проема, метнулась прочь. Бартон бросился за ним; через минуту они петляли среди высоких дубов и сосен на склонах холмов. Здесь было темно, и преследуемому удалось скрыться среди высокой травы и зарослей кустарника.

Бартон перешел на легкую рысцу, осматриваясь по сторонам и пытаясь обнаружить белое пятно — отблеск звездного света на лице или обнаженной коже человека. Он надеялся, что этик не покончит с собой немедленно, так как разработал целый план для извлечения информации из чужака. Бартон собирался пустить в ход свои способности гипнотизера, но, прежде всего, следовало поймать этика. Агент мог иметь какой-то способ для быстрой связи с соплеменниками; возможно, уже сейчас он говорил с ними — где бы они ни находились. Если так, скоро они появятся здесь на своих летающих машинах и тогда его, Бартона, дела будут плохи.

Он остановился. Он потерял след своей добычи и все, что ему теперь оставалось — быстро поднять Алису и остальных — и бежать. Пожалуй, они успеют добраться до гор и спрятаться там на некоторое время.

Но сначала он должен осмотреть хижину Эгни. Конечно, вероятность застать его там была невелика, но не мешало в этом точно убедиться.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ричард Бартон добрался до хижины вовремя; в свете звезд мелькнула спина человека, входящего внутрь. Бартон обошел хижину по широкому кругу и стал приближаться к ней со стороны заросших деревьями холмов, на фоне темных очертаний которых его фигура была не так заметна. Согнувшись, он осторожно, но быстро бежал вперед, пока не оказался у входа в хижину.

Внезапно до него донесся громкий вопль; обернувшись, он увидел Геринга, ковылявшего по склону холма. Геринг закричал снова, предупреждая Эгни, что Бартон поджидает его снаружи. В руках немец держал длинное копье, собираясь метнуть его в Бартона.

Бартон всем телом ударил в тонкую бамбуковую дверь хижины; она сорвалась с деревянных петель и рухнула на Эгни, который стоял за ней. Эгни, дверь и Бартон повалились на пол хижины, причем этик оказался в самом низу.

Бартон перекатился на бок, вскочил и прыгнул на дверь, ударив обеими ногами по бамбуковым планкам. Эгни дико вскрикнул и затих. Отшвырнув дверь в сторону, Бартон обнаружил, что его добыча валяется на земле в бессознательном состоянии; из носа Эгни текла кровь. Отлично! Теперь он сможет привести в исполнение свой план — если сумеет быстро и без шума разделаться с Герингом.

Он обернулся вовремя — звездный свет блеснул на полированном наконечнике копья, которое летело прямо в него. Он бросился в сторону, и копье с глухим зву-

ком воткнулось в пол хижины. Его древко покачивалось, как тело гремучей змеи, изготовившейся к прыжку.

Бартон шагнул к дверному проему. Темная фигура Геринга маячила перед ним, подсвеченная лившимся с неба звездным сиянием. Прикинув расстояние, Бартон метнул свой ассегай. Копье попало в живот немца; он взмахнул руками, вскрикнул и осел на землю. Бартон взвалил на плечо обмякшее тело Эгни и вышел из хижины.

Со стороны Круглого Дома доносился гул встревоженных людских голосов. Загорались факелы, что-то кричал часовой на ближайшей сторожевой вышке. Геринг сидел на земле — скорчившись, сжимая древко обеими руками. Он посмотрел на Бартона. Из широко раскрытого рта вместе с натужным дыханием, вырвались слова:

— Вы... вы опять сделали это! Вы...

Он медленно повалился на бок, предсмертный хрип вырвался из его горла.

Эгни неожиданно пришел в себя. Выскользнув из захвата Бартона, он упал на землю, вскочил и бросился бежать. В отличие от Геринга, этик старался не шуметь; у него имелось не меньше причин, чем у Бартона, чтобы сохранять тишину — даже, возможно, больше. Бартон был так ошеломлен, что остался стоять, сжимая в руках набедренную повязку, из которой выскользнул его пленник. Он хотел уже отшвырнуть кусок ткани, когда почувствовал что-то твердое, скрытое в ее складках. Он переложил повязку в левую руку, выдернул ассегай из тела Геринга и бросился за этиком.

Эгни метнулся к одному из бамбуковых каноэ, причаленных к берегу. Он начал отчаянно грести, то и дело оглядываясь назад; лодка быстро скользила по залитым светом водам. Бартон поднял ассегай и с силой метнул его. Короткое копье, с толстым древком и тяжелым наконечником, предназначалось не для метания, а для рукопашного боя. Тем не менее его стремительный

полет закончился под лопаткой Эгни. Этик упал лицом вперед, навалившись телом на борт пироги. Утлое суденышко накренилось, зачерпнуло воду и перевернулось. Тело Эгни исчезло в глубине.

Бартон чертыхнулся. Он собирался захватить Эгни живым — но будь он проклят, если позволит этику сбежать! Пока еще оставался шанс, что Эгни не успел связаться со своим центром.

Он повернул обратно, к хижинам для гостей. Барабаны гремели вверх и вниз по Реке, люди с пылающими факелами в руках стекались к стенам Круглого Дома. Бартон попросил факел у какой-то женщины; она протянула ему пропитанную смолой палку и спросила, что случилось. Бартон ответил, что, по-видимому, живущие за Рекой команчи решили совершить набег. Женщина заторопилась к отряду, собиравшемуся около ограды Круглого Дома.

Бартон воткнул факел в мягкий прибрежный песок и осмотрел полосу ткани, которую Эгни оставил в его руках. На внутренней стороне, незаметная на темном материале подкладки, была прорезь; ее окаймляла магнитная застежка, которая легко разошлась под его нетерпеливыми пальцами. Он достал предмет, скрытый за подкладкой, и начал рассматривать его при свете факела.

Он долго сидел на корточках, освещенный пляшущими языками пламени, не в силах отвести взгляд или выйти из состояния почти парализовавшего его изумления. Фотография! В этом мире, лишенном фотокамер, она поражала воображение. Но его собственная фотография была еще более поразительным фактом; ведь ее сделали не на этой планете! Его сняли на Земле — на той Земле, что затерялась теперь в звездном потоке, сиявшем наверху, и это было бог знает сколько сотен или тысяч лет назад!

Невозможность громоздилась на невероятность! Его сфотографировали в такое время и в таком месте, где, как он твердо знал, не могло быть никакой фотокаме-

ры. Усы были удалены с его лица, но неведомый ретушер не потрудился убрать фон или изменить одежду. Это был он — снятый по пояс и чудесным образом заключенный в плоскую пластину из какого-то неизвестного материала. В плоскую? Когда он повернул эту фотографию, то увидел свое изображение в профиль. Если он держал ее прямо перед глазами, его лицо было видно в анфас.

«В 1848 году,— прошептал он про себя,— Когда я был двадцатилетним субалтерном Ост-Индской армии. Вот — голубой хребет Гоа. Снимок сделан, должно быть, когда я отдыхал там. Но как, бог мой? Кем? И откуда этикам удалось раздобыть эту фотографию?»

Эгни, по-видимому, носил снимок с собой, чтобы опознать Бартона. Скорее всего, каждый, кто охотится за ним, прячет такой же в потайном кармашке своего кильта. Вверх и вниз по Реке ведутся поиски; Их агентов — тысячи, может быть, десятки тысяч. Кто знает, сколько у Них людей и как настойчиво Они его разыскивают и почему Они так жаждут его заполучить?

Сунув снимок обратно в карман, он повернулся и направился к своей хижине. В это мгновение взгляд его скользнул по вершинам гор — этих неприступных высот, сжимавших с обеих сторон речную долину. Он увидел, как что-то мелькнуло на фоне ярко светящихся облаков космического газа. Оно появилось только на миг, равный взмаху ресниц — и опять исчезло.

Через несколько секунд это возникло снова — темный полусферический объект, словно вынырнувший из пустоты и канувший в ничто. Второй летательный аппарат показался в вышине, стремительно ринулся вниз и так же быстро, как первый, растворился в ночном полумраке.

Его уже ищут. Этики заберут его в Туманный Замок, которого он так стремился достичь, а обитатели Севьерии будут потом удивляться, что заставило их внезапно заснуть на час-другой.

У него нет времени, чтобы вернуться в хижину и разбудить остальных. Если он протянет время, то окажется в западне.

Бартон повернул к Реке, бросился в воду и поплыл к другому берегу, скрытому в сумраке ночи в полутора милях впереди. Но он не успел удалиться и на сорок ярдов, как ощутил, что над ним нависло огромное, массивное тело. Он перевернулся на спину и уставился вверх. Сначала он увидел только мягкий блеск звезд, усеивающих небосклон. Затем в воздухе, в пятидесяти футах над поверхностью воды, появилось нечто — дисковидная тень диаметром футов шестьдесят, закрывшая участок звездного неба. Она мелькнула, исчезла и появилась снова — всего лишь в двадцати футах над его головой.

Итак, у Них есть средства, чтобы видеть ночью на большом расстоянии и находить во время полета нужные им объекты.

Он приподнял голову из воды и ощутил на лице движение воздуха. Аппарат снижался.

— Вы, шакалы! — крикнул он, грозя кулаком.— Вы меня не получите! Никогда!

Он нырнул и резко пошел в глубину. Вода стала холоднее, барабанные перепонки пронзила острая боль. Его глаза были открыты, но он не видел ничего. Внезапно вода словно толкнула его в спину, и он понял, что этот перепад давления вызван огромным телом, погрузившимся в Реку.

Воздушный аппарат следовал за ним по пятам!

Теперь у него оставался лишь один выход. Пусть Им достанется его мертвое тело — и ничего больше! Он может снова ускользнуть от Них и очнуться где-то на берегах Реки, перехитрить Их, нанести свой ответный удар!

Он открыл рот и глубоко вдохнул воду.

Железный обруч перехватил его горло. Только огромным усилием воли он удержался от того, чтобы вновь не сомкнуть губы... не сопротивляться леденяще-

му прикосновению смерти... Разумом он понимал, что будет жив снова, но клетки его тела не знали этого, не хотели знать. В этот последний момент они цеплялись за жизнь со всей силой древнего инстинкта; сейчас для них не существовало будущего. И они исторгали из его горла, сжатого тисками удушья, вопль отчаяния.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Аааааххх!

Крик поднял его с травы, словно подброшенного трамплином. Сейчас, в отличие от своего первого пробуждения, он не ощущал ни слабости, ни замешательства; он знал, чего ожидать. Он должен воскреснуть на травянистом берегу Реки, около грейлстоуна. Так и произошло; но он не был готов к тому, что окажется прямо в толчее битвы — битвы, которую вели гиганты.

Его первым побуждением было найти оружие. Рядом с ним находилась только чаша, что неизменно сопутствовала каждому воскрешению, да стопка разноцветных покрывал. Он сделал один шаг и замер в ожидании, крепко сжимая ручку чаши. Если потребуется, он сможет использовать ее в качестве оружия. Чаша была легкой, но твердой; прочность ее превосходила всякое воображение.

Бартон огляделся. Похоже, эти чудовищные создания способны махать дубинами весь день без устали.

Большинство из них было, как минимум, восьмифутового роста, некоторые достигали девяти; ширина их массивных плеч, покрытых буграми мышц, составляла не меньше ярда. Тела великанов походили на человеческие, их белую кожу покрывала растительность — рыжеватая или бурая. Они не казались такими мохнатыми, как гориллы или шимпанзе, но волос на теле у них было гораздо больше, чем у любого из людей, которых когда-либо видел Бартон, а ему приходилось лицезреть некоторые экземпляры рода «хомо сапиенс», поистине замечательные в данном отношении.

Но лица их выглядели непохожими на человеческие, искаженные напряжением борьбы, они напоминали оскаленные морды рычащих от ярости зверей. Низкие лбы переходили в мощные выступы надбровной кости, нависавшей подобно козырьку над глазами и сливавшейся с выпирающими вперед скулами. Хотя глаза не уступали размером человеческим, они, окруженные почти замкнутым в форме буквы «О» костяным выступом, казались крошечными на широких лицах. Невообразимой величины носы гигантов делали их похожими на собакоголовых обезьян.

При других обстоятельствах эти существа, несомненно восхитили бы и заинтересовали Бартона. Но не теперь. Утробный рев, исходивший из грудных клеток гориллоподобных размеров, напоминал львиный рык; чудовищные зубы были такой длины, что кадьякский медведь дважды подумал бы, прежде чем связываться с такой добычей. В кулаках, не уступавших по величине голове Бартона, они сжимали каменные топоры и дубины, подобные длинным и толстым оглоблям. Они размахивали своим оружием, и каждый удар по телу противника сопровождался треском ломающихся костей — словно раскалывалась дубовая колода. Иногда, правда, от удара ломалась дубина.

У Бартона было только одно мгновение, чтобы оглядеться по сторонам. Солнечный диск тут лишь наполовину поднимался над зубцами горных вершин на противоположном берегу Реки, тускло освещая местность. Воздух был гораздо холоднее, чем в любом другом месте долины — кроме, пожалуй, самых высоких предгорий, куда Бартону удавалось забираться в своих попытках достигнуть вершины скалистого хребта. Он попытался прикинуть угол подъема солнца, но тут...

Один из победителей, только что уложивший врага ударом топора, огляделся вокруг в поисках нового противника — и увидел Бартона.

Глаза гиганта расширились. Какое-то время он казался удивленным или обескураженным; вероятно, ему

никогда раньше не попадались подобные существа. Если это и было так, то удивление его длилось недолго. Гигант взревел, перепрыгнул через тело своего поверженного врага и бросился к Бартону, размахивая топором, которым можно было уложить слона.

Крепко сжав ручку чаши, Бартон пустился бежать. Потеря серого цилиндра тоже означала смерть. Без чаши он либо погибнет от истощения, либо будет вести полуголодное существование, перебиваясь рыбой и побегами бамбука.

Ему почти удалось уйти.

Он стремительно проскользнул в щель между телами двух гигантов, вцепившихся друг другу в плечи; каждый из них старался бросить противника наземь.

Он увернулся от израненного великана, отступавшего под градом яростных ударов палицы врага. Он уже ринулся к открытому пространству равнины — но тут оба борца свалились почти прямо на него.

Он реагировал достаточно быстро и успел выскользнуть из-под падающих тел, но рука одного из гигантов задела его левую щиколотку. Удар был так силен, что вогнал ногу в землю; он упал вперед, закричав от дикой боли. Его нога, очевидно, была сломана, мышцы и сухожилия — порваны.

Тем не менее Бартон попытался встать и добраться до Реки. Сделав это, он сможет уплыть — конечно, если не потеряет сознание от боли. Он успел дважды подпрыгнуть на правой ноге, когда огромная рука схватила его сзади.

Он взлетел в воздух, перевернулся и был пойман раньше, чем упал на землю.

Титан держал его на весу, вытянув во всю длину руки. Чудовищные, могучие пальцы сжимали грудь Бартона. Он не мог вдохнуть воздух, его ребра были вдавлены внутрь.

Несмотря на это, Бартон не бросил чашу. И теперь он начал колотить ею по плечу гиганта.

Легко, словно собирался прихлопнуть муху, колосс взмахнул топором; камень звякнул о металл, и серый цилиндр был выбит из рук Бартона.

Гигант оскалил зубы и согнул руку, чтобы поднести Бартона поближе. Бартон весил сто восемьдесят фунтов, но чудовищная рука даже не дрогнула.

На мгновение Бартон повис в воздухе, глядя прямо в бледно-голубые глаза, утонувшие под надбровными дугами. Огромный нос, похожий на хобот, пронизывали синеватые жилки вен. Губы выдавались вперед, словно подпертые мощными челюстями — но нет, не в этом дело, решил Бартон — просто губы были очень толстыми.

Затем титан взревел и поднял Бартона над головой, Бартон молотил кулаками по его огромной руке, сознавая всю бесполезность своих усилий; однако он не собирался умирать подобно изловленному и задушенному кролику. И хотя эта тщетная борьба почти полностью занимала его, он успел автоматически зафиксировать в памяти несколько деталей окружающего пейзажа.

Когда он очнулся, солнце только поднималось над пиками горного хребта. Хотя с тех пор, как он поднялся на ноги, прошло всего несколько минут, солнечный диск должен был уже выйти из-за гор. Этого, однако, не произошло: солнце застыло в том же самом положении, в котором он первый раз увидел его.

Он заметил еще одну любопытную подробность. Местность слегка повышалась, что позволяло обозревать долину по крайней мере на четыре мили. Грейлстоун, у которого он находился, был последним. За ним тянулись только равнина и Река.

Это был конец — или начало обитаемой зоны.

У него не имелось ни времени, ни желания, чтобы осмыслить, что это значит. Он просто отметил это — пока боль, ярость и ужас продолжали терзать его тело. Внезапно, когда гигант уже приготовился разнести своим топором череп Бартона, он застыл и пронзительно вскрикнул. Его вопль показался Бартону похожим на

свисток локомотива. Пальцы великана разжались, и Бартон упал на землю; затем он потерял сознание от жуткой боли.

Когда он пришел в себя, его грудь и нога горели как в огне. Сжав зубы, чтобы не завыть от боли, он попытался сесть; черные круги плавали перед его глазами, почти превратив день в ночь. Битва вокруг него продолжалась с прежним энтузиазмом, но он, похоже, оказался в зоне временного затишья. Рядом с ним, подобный стволу вывороченного с корнями дерева, лежал труп гиганта, который собирался его убить. Затылок колосса, способный, казалось, выдержать удар парового молота, был разбит.

Около слоноподобного тела ползал на четвереньках еще один несчастный. Взглянув на него, Бартон на мгновение забыл о боли. Чудовищно израненный человек был Германом Герингом.

Они оба воскресли в одном и том же месте. У Бартона не было времени подумать о причинах такого удивительного совпадения. Боль снова начала терзать его. Но сквозь окутавший мозг туман страдания он заметил, что Геринг пытается что-то сказать ему.

Казалось поразительным, что немец еще способен говорить; во всяком случае, для этого у него оставалось не слишком много времени. Кровь покрывала его тело, правый глаз был выбит, щека — разорвана от края рта до самого уха. Одну из его рук, очевидно, расплющили ударом топора; сломанное ребро, проткнув кожу, торчало наружу. Бартон не мог понять, как он еще оставался в живых и не потерял способности двигаться.

— Вы... вы... опять...— прохрипел Геринг по-немецки и медленно завалился на бок. Изо рта у него хлынул фонтан крови, заливая ноги Бартона; глаза остекленели.

О чем же он хотел сказать, мелькнуло в голове Бартона. В данный момент эта мысль не слишком его занимала; у него имелись более насущные проблемы, о которых стоило поразмышлять.

В десяти ярдах от него маячили мощные волосатые спины двух гигантов. Оба тяжело дышали; по-видимому, их поединок был прерван на минуту для отдыха. Потом один из них, шумно выдохнув воздух, что-то сказал другому.

В этом не было сомнений. То, что крикнул великан, не походило на бессмысленный вопль разъяренного зверя. Он говорил, он обладал языком!

Конечно, Бартон не понял его слов, но он знал, что слышит речь разумного существа. И эти звуки не были порождением бреда — четкий, ясно различимый ответ второго гиганта разрешил все его сомнения.

Итак, они не являлись просто породой древних обезьян; это была одна из доисторических ветвей человеческой расы. По-видимому, они оставались неизвестными земной науке даже в начале двадцать первого столетия; Фригейт, его друг, как-то описал ему всех ископаемых гоминоидов, известных в 2008 году.

Бартон лежал, опираясь спиной о готические ребра павшего колосса, иногда смахивая с лица его длинные, рыжеватые, пропитанные потом волосы. Он боролся с тошнотой и болью, терзавшей его ногу и раздавленную грудь. Если он поднимет шум, то, наверное, привлечет внимание тех двоих и они, пожалуй, закончат работу... А если они не сделают этого? Какие он имеет шансы, чтобы выжить со своими ранами в местности, населенной подобными чудовищами?

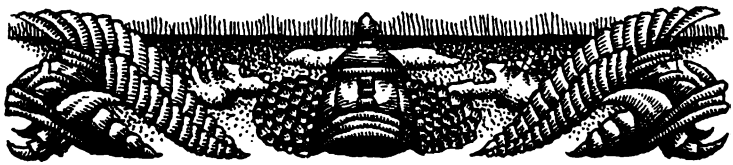
Еще сильнее, чем адская боль, его мучила мысль, что с первой же попытки, при первом же путешествии на Экспрессе Самоубийства, он достиг своей цели.

Он оценивал шанс попасть сюда как один к десяти миллионам. И он может никогда не вернуться сюда снова, даже если утопится десять тысяч раз. Ему фантастически повезло. Вряд ли ему выпадет вторая такая возможность. А первую он потеряет — и очень скоро.

Верхняя половина солнечного диска медленно скользила по вершинам горной гряды за Рекой. Он предвидел, что это место существует — и он попал сюда с пер-

вого же раза! Зрение его стало ослабевать, боль уменьшилась, и он понял, что умирает. Причиной охватившей его слабости были не только сломанные ребра и щиколотка; очевидно, он получил внутреннее повреждение.

Он попытался приподняться. Он встанет — пусть только на одной ноге — погрозить кулаком насмешливо ухмыляющемуся року и проклянет его. Он умрет с проклятием на губах!



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Алое крыло зари нежно коснулось его глаз.

Он поднялся на ноги, зная, что раны его исцелены, что к нему опять вернулось молодое и здоровое тело — хотя он еще не мог до конца в это поверить. Рядом с ним находились сложенные в плотную стопку разноцветные покрывала и его чаша.

В двенадцати футах от него из ярко-зеленой травы поднялся другой мужчина. По спине Бартона побежали мурашки. Эти светлые волосы, широкое лицо и голубые глаза принадлежали Герману Герингу.

Немец выглядел изумленным — не в меньшей степени, чем сам Бартон. Медленно, словно очнувшись от глубокого сна, он произнес:

— Что-то здесь не так.

— Да, действительно, странно,— ответил Бартон. О том, как воскрешенные повторно распределяются по долине, он знал не больше любого другого человека. Он даже никогда не видел самого акта воскрешения, хотя со слов свидетелей представлял его довольно подробно. На рассвете, как только солнце показывалось над горными вершинами, в воздухе около грейлстоуна возникало мерцание. Как по мановению волшебной палочки, оно твердело, обретало форму — и внезапно на траве у берега возникала обнаженная фигура мужчины, женщины или ребенка. Рядом всегда оказывались неизменная чаша и стопка покрывал.

В речной долине протяженностью, как предполагалось, от десяти до двадцати миллионов миль и с населе-

нием тридцать пять — тридцать шесть миллиардов человек, ежедневно мог погибать миллион. Здесь, правда, не было болезней — кроме душевных — но, хотя статистические данные отсутствовали, вероятно, не менее миллиона людей прощались с жизнью каждые двадцать четыре часа в бесчисленных войнах между сотнями тысяч крохотных государств, в результате преступлений на почве ревности, самоубийств, наказания преступников и всевозможных случайностей. Поэтому в долине всегда существовал устойчивый и значительный поток людей, подвергнутых, как говорили, «малому воскрешению».

Но Бартон никогда не слышал, чтобы двое, умершие в одном месте и в одно время, воскресли вместе. Процесс выбора области для новой жизни был случайным — во всяком случае, так он полагал до сих пор.

Один раз подобная ситуация могла иметь место, хотя ее вероятность составляла не более двадцатимиллионной доли. Но две — да еще следующие друг за другом! Это уже попадало в разряд чудес.

Бартон не верил в чудеса. В мире не может произойти ничего такого, что нельзя было бы объяснить законами физики — если вам известны все необходимые данные.

Но он не располагал ими и, следовательно, в настоящий момент мог не беспокоиться по поводу столь невероятного совпадения. Тем более, что перед ним стояла другая проблема, требующая неотложного решения. Проблема заключалась в Геринге.

Немец знал Бартона и мог выдать его любому агенту этиков.

Бартон быстро осмотрелся. К ним приближалась довольно многочисленная группа мужчин и женщин, настроенных, по-видимому, довольно дружелюбно. Он успеет обменяться с Герингом только несколькими словами.

— Геринг, я могу убить вас — или себя. Но я не хочу делать ни того, ни другого — по крайней мере, сей-

час. Вам известно, почему вы так опасны для меня. Мне не стоило бы доверять вам — вы вероломны, как гиена. Но с вами что-то происходит, какая-то перемена, которую я еще не ощутил до конца. Итак...

Геринг, умевший быстро приспосабливаться к любым обстоятельствам и извлекать из них выгоду, уже оправился от шока. Хитро ухмыльнувшись, он произнес:

— Похоже, я нащупал ваше слабое место, не так ли?

Увидев, как напрягся Бартон, он поспешно поднял руку и сказал:

— Но я клянусь, что никому не открою ваше имя! И не сделаю ничего, что могло бы повредить вам! Вряд ли нас можно назвать друзьями, но, по крайней мере, мы знаем друг друга и мы сейчас — в чужой земле. Здесь было бы неплохо видеть иногда хоть одно знакомое лицо. Я знаю это, я слишком долго страдал от одиночества и духовной опустошенности. Я думал, что сойду с ума. Вот почему я пристрастился к Жвачке... Поверьте, Бартон, я не выдам вас.

Бартон ему не поверил. Но он решил, что в течение некоторого времени Геринг не предпримет никаких действий. Немец нуждался в союзнике и компаньоне — во всяком случае, до тех пор, пока он не получит представление о народе, населяющем эту область, и не выяснит, на что он может тут рассчитывать. Кроме того, существовала вероятность, что Геринг начал меняться к лучшему.

Нет, сказал себе Бартон. Нет. Не нужно повторять старых ошибок. Несмотря на весь свой цинизм, ты не помнил зла, ты был готов простить любую обиду — и неизбежно нарывался на новую. Не окажись снова в дураках, Бартон.

Прошло три дня, но он все еще был полон сомнений относительно Геринга.

Бартон выдал себя за Абдула ибн Гаруна, жителя Каира девятнадцатого века. У него было несколько

причин для подобной маскировки. Одна из них заключалась в том, что он превосходно говорил на арабском, хорошо знал каирский диалект этого периода и получил возможность носить на голове тюрбан, свернутый из покрывала. Он надеялся, что пышный убор поможет ему изменить внешность. Геринг пока никому не сказал ни слова, чтобы разоблачить этот маскарад. Данный вывод не подлежал сомнению, так как они с Герингом проводили вместе большую часть суток. Они должны были жить в одной хижине, пока не освоятся с местными обычаями и не завершат свой испытательный срок, В этот период довольно много времени уделялось военной подготовке. Бартон относился к числу лучших фехтовальщиков девятнадцатого века, и после того, как он продемонстрировал свои способности, его немедленно зачислили в один из отрядов самообороны. Ему даже обещали, что отряд перейдет под его командование, как только он в достаточной степени освоит язык.

Геринг завоевал авторитет у местных властей почти так же быстро. Несмотря на другие свои недостатки, он не был лишен мужества. Сильный, искусный в обращении с оружием, общительный, «он умел нравиться — особенно когда ставил перед собой такую цель.

Эта часть западного побережья была населена людьми, язык которых был совершенно неизвестен Бартону. Когда он изучил их речь и смог задавать вопросы, то пришел к заключению, что это племя обитало где-то в Центральной Европе в период раннего бронзового века. У них было несколько странных обычаев, одним из которых являлось публичное совокупление. Подобные вещи всегда интересовали Бартона, одного из основателей Королевского антропологического общества, повидавшего много удивительного во время своих странствий на Земле. Он научился терпимости к чужим нравам, и этот обычай не ужасал его, хотя сам он не собирался ему следовать.

Зато другой обычай — раскрашивать лицо — Бартон воспринял почти с радостью. Мужчины племени

негодовали из-за того, что Воскрешение лишило их волос на лице и крайней плоти. Они ничего не могли поделать с последним обстоятельством, но предыдущее в какой-то степени поддавалось исправлению с помощью краски. Ее приготавливали из древесного угля, рыбьего клея, танина и ряда других ингредиентов. Краской мазали верхнюю губу и подбородок, хотя некоторые мужчины предпочитали татуировку и терпеливо сносили боль от уколов длинной бамбуковой иглы.

Теперь Бартон был замаскирован вдвойне, однако он продолжал зависеть от милости человека, который мог предать его в любой момент. Ему не хотелось убивать Геринга; сейчас он предпочел бы иной выход.

Он должен превратиться из дичи в охотника. Нужно найти агента этиков — но так, чтобы он сам остался неопознанным. Тогда он сможет убраться отсюда раньше, чем Их сети накроют его. Опасная игра, вроде прогулки по канату над логовом голодных волков — но он никогда не боялся рисковать. Отныне он будет спасаться бегством только при крайней необходимости. В остальное время он станет выслеживать тех, кто охотится за ним.

Однако за горизонтом этого плана продолжал маячить мираж Великой Чаши, Туманного Замка, Темной Башни. Зачем играть в кошки-мышки, когда он может взломать главную цитадель, в которой, по его предположениям, находится таинственный центр этиков, их штаб-квартира, основная база? Или вернее, не взломать, а прокрасться в Замок — тайком, подобно мыши, проникающей в дом. И пока коты ищут ее в долине, мышь может разнюхать кое-что в Замке — и тогда она превратится в тигра.

Бартон вообразил себя в виде тигра и громко расхохотался, вызвав удивленные взгляды своих соседей по хижине — Геринга и Джона Коллопа, англичанина семнадцатого века. Разве можно серьезно думать, что он, один человек, способен противостоять Творцам этого мира, Воскресителям миллиардов умерших, Кор-

мильцам и Покровителям всех тех, кого они призвали обратно к жизни?

Он сложил ладони вместе, переплел пальцы, стиснул их... Он чувствовал, что тут, в его руках и в глубине его мозга таилось нечто, предвещавшее падение этиков. Он не знал, с чем связана эта уверенность. Но Они боятся его... Если он сумеет выяснить, почему... В глубине души Бартон верил, что он — тигр среди людей. «А человек становится таким, каким он себя представляет», — почти беззвучно прошептал он.

— У вас удивительный смех, друг мой, — сказал Геринг. — Слишком женственный для такого бравого мужчины. Он похож... похож на свист камня, скользящего по замерзшему озеру... или на завывание шакала.

— Во мне действительно есть что-то от шакала и гиены, — ответил Бартон. — Так уверяли мои недруги — и они были правы. В мелочах. В целом же, я — нечто гораздо большее.

Он вскочил с постели и сделал несколько наклонов и приседаний, чтобы прогнать остатки сна. Через несколько минут он, вместе с остальными, двинется к грейлстоуну на речном берегу, чтобы наполнить свою чашу пищей. Затем, после часового патрулирования границ, наступит время для упражнений с копьем, палицей, пращой, мечом с обсидиановым лезвием, луком и кремневым топором; эта тренировка завершится рукопашной схваткой. Следующий час предназначался для ленча, отдыха и беседы. Потом — час занятий языком, двухчасовая работа на строительстве укреплений, что возводились на границах этой маленькой страны. Получасовой отдых и обязательная пробежка в одну милю — для аппетита. Обед и свободный вечер — для всех, кроме назначенных в охранение или занятых другими общественными делами.

Такой же активный темп жизни поддерживался и в остальных крохотных государствах вверх и вниз по Реке на всем ее протяжении. Почти всюду человечество либо воевало, либо готовилось к войне. Гражданам сле-

довало всегда находиться в форме и уметь обращаться с оружием. Тренировки также занимали их свободное время. Несомненно, жизнь в военном лагере довольно однообразна и сурова, однако в речной долине пока не существовало лучшей альтернативы отупляющему безделью. Свобода от забот о хлебе насущном, квартплате и деньгах, свобода от надоедливой домашней работы и других дел, которым люди в их земной жизни были вынуждены уделять так много времени — эта свобода вовсе не являлась благословенной. В долине шла грандиозная борьба со скукой и вожди каждого государства старались придумать новые способы, чтобы занять чем-нибудь свой народ.

Те, кто ожидал, что долина Реки станет раем, ошибались; повсюду шла война, война, война. И многие считали, что война, если отбросить некоторые ее отрицательные стороны, является благом для этого мира. Она придавала вкус жизни и была лучшим средством для борьбы со скукой; она давала выход человеческой агрессивности и алчности.

После обеда любой мужчина, любая женщина были вольны делать все, что угодно — если только их занятия не нарушали местные законы. Они могли менять сигареты и спиртное из своих чаш или выловленную в Реке рыбу на луки и стрелы; щиты или посуду; столы и стулья; бамбуковые флейты и глиняные рожки; барабаны, обтянутые человеческой или рыбьей кожей; редкие камни и ожерелья, сделанные из превосходно обработанных и раскрашенных костей глубоководных рыб, из нефрита или из резного дерева; обсидиановые зеркала; сандалии и тяжелые башмаки; угольные стержни для письма и рисования; редкостную и очень дорогую бумагу из бамбука; чернила и перья из рыбьей кости; шляпы, сплетенные из длинных и прочных стеблей травы, что росла на холмах; небольшие тележки, в которых можно было съезжать вниз по склонам холмов; деревянные арфы, струны которых вырезались из кишок речного дракона; глиняные статуэтки; дубовые кольца

— и множество других вещей, облегчающих или украшающих человеческую жизнь.

Позже, вечером, наступало время для любви, но Бартон и его сотоварищи по хижине пока что были лишены этого удовольствия. Только когда они станут полноправными гражданами, им будет разрешено обзавестись отдельными домами и выбрать себе женщин.

• • •

Джон Коллоп был невысоким стройным юношей с волосами цвета соломы и узким, но приятным лицом с большими голубыми глазами, опушенными густыми темными ресницами с загнутыми вверх кончиками. При первом знакомстве с Бартоном он сказал:

— Я покинул тьму материнского лона и увидел свет Господа, которого мы почитали на Земле, в 1625 году. И слишком быстро я вновь оказался в лоне матери-природы, с твердой надеждой на воскрешение — и, как видите, не ошибся. Однако я должен признать, что наша вторая жизнь совсем непохожа на то, что обещали нам святые отцы. Но откуда же они могли знать истину — несчастные слепые черви, поводыри таких же слепцов!

Прошло немного времени, и Коллоп сообщил ему, что является приверженцем Церкви Второго Шанса.

Бартон иронически приподнял бровь. Ему уже приходилось встречаться с этим новым вероучением во многих местах речной долины. Хотя Бартон был убежденным атеистом, он с интересом изучал каждую религиозную доктрину. Познай веру человека — и ты узнаешь его, по крайней мере, наполовину. Познай его жену — и ты узнаешь другую половину.

Церковь Второго Шанса провозглашала немногочисленные и простые доктрины, которые базировались частично на фактах, а частично — на предположениях, чаяниях и надеждах. В этом она ничем не отличалась от религиозных течений, возникших на Земле. Но ее апостолы имели одно существенное преимущество пе-

ред земными проповедниками. У них не было затруднений с доказательством того, что умершие могут воскреснуть — причем не единожды, а многократно.

— Почему же человечество получило Второй Шанс? — Коллоп говорил тихо, голос его звучал искренне, взволнованно.— Разве мы заслужили эту милость? Нет. За немногими исключениями, люди нечестны, ничтожны, порочны и ограничены, крайне эгоистичны и отвратительны. Любые боги — или Бог — поглядев на них, ощутят приступ тошноты; в лучшем случае — просто плюнут. Но в этом плевке таится и частица жалости. Человек, как бы низок он ни был, хранит в своей душе серебряную искру божественного огня; он действительно сотворен по образу и подобию божьему. И это — не пустая фраза. Есть нечто, достойное спасения, даже в самых худших из нас — и из этого нечто может быть сотворен новый человек.

— Тем, кто дал нам еще одну возможность спасти свои души, эта истина известна. Нас поместили сюда, в речную долину, на чужую планету, под чуждые нам небеса, чтобы мы трудились над нашим спасением. Сколько нам отпущено для этого времени, я не знаю; может быть — впереди бесконечность, возможно — сто или тысяча лет. Но нам нельзя терять ни минуты, мой друг!

Бартон покачал головой.

— Разве не вас принесли в жертву Одину норвежцы, сохранившие свою прежнюю веру — хотя этот мир явно не похож на Валгаллу, воспетую их скальдами? Не считаете ли вы, что зря потратили время и силы, пытаясь обратить их? Они верят в тех же своих древних богов; но их теология претерпела некоторые изменения, вызванные необходимостью как-то приспособить ее к здешним условиям. Точно так же и вы цепляетесь за свою старую веру, стараясь залатать ее прорехи.

— И все же норвежцы не могут объяснить окружающий их мир, а я — могу,— с убежденностью сказал Коллоп.— У меня есть разумное объяснение, к которо-

му, как я верю от всей души, когда-нибудь придут и эти норвежцы. Да, они убили меня, но к ним придет другой миссионер нашей Церкви и обратит их души к истине — прежде, чем они проткнут его грудь перед своими деревянными идолами. А если ему не удастся переубедить их, придет следующий.

— Кровь мучеников — посев веры. Сия великая истина была справедлива на Земле, и здесь она тем более верна. Если вы убьете человека, чтобы закрыть ему рот, он восстанет в каком-нибудь другом месте долины. А- на его место придет другой, принявший смертную муку в сотне тысяч миль отсюда. И Церковь добьется победы! И тогда люди прекратят бессмысленные, порождающие ненависть войны и примутся за настоящее дело, единственно достойное дело — спасение своих душ.

— Сказанное вами о мучениках столь же справедливо для любого человека, одержимого какой-нибудь идеей,— возразил Бартон.— Убейте негодяя — и он так же восстанет, чтобы снова творить зло.

— Добро одолеет зло, истина восторжествует! — воскликнул Коллоп.

— Не знаю, сколько лет вы прожили на Земле и многое ли успели увидеть,— произнес Бартон,— но похоже, что ваш опыт довольно ограничен; вы так и остались слепым.

— Наша Церковь не стоит на одной слепой вере. Ее учение основано на вещественных, реальных фактах. Скажите, Абдулла, друг мой, вы слышали о том, что некоторые люди воскресают мертвыми?

— Что за нелепость! — пожал плечами Бартон.— Как это понимать — мертвый воскресший?

— Известны, по крайней мере, три надежно подтвержденных случая; ходят слухи еще о четырех, но относительно них Церковь не смогла получить достоверных доказательств. Речь идет о мужчинах и женщинах, которые погибли в каких-то районах долины и, как обычно, были воскрешены в других местах. Однако

в их воссозданных телах отсутствовала искра жизни. Как вы думаете, почему?

— Не могу представить себе, — ответил Бартон, изобразив живейшее любопытство, — и готов выслушать вас внимательно и с интересом.

Он мог представить, так как уже слышал эту историю. Однако ему хотелось узнать, насколько рассказ Коллопа совпадет с известной ему версией.

Все было то же самое — вплоть до имен умерших бездельников. Рассказывали о нескольких мужчинах и женщинах, которые якобы были опознаны теми, кто знал их на Земле. Там они считались святыми — или близкими к состоянию святости; одного из них даже канонизировали. Появилась гипотеза, что для этих избранных нет необходимости проходить через чистилище речного мира. Их души почти сразу же отлетели куда-то... в некое таинственное место, навсегда сбросив груз телесной оболочки.

Скоро, как утверждала Церковь, многие достигнут такого же состояния. Они покинут свои тела, как изношенную одежду. Пройдет время — и долина Реки опустеет. Люди отринут ненависть, избавятся от пороков, и души их озарятся любовью друг к другу и к богу. Даже наиболее порочные, те, чьи души кажутся сейчас потерянными навсегда, смогут покинуть свою физическую оболочку. Все, что нужно для этого, — только любовь!

— Plus ca change, plus c'est la meme chose, — вздохнул Бартон. Потом рассмеялся и сказал, — Итак, появилась еще одна сказка, вселяющая в людей надежду. Старые религиозные доктрины рухнули — значит, нужно изобрести новые.

— Можно предположить, — заметил Коллоп, — что у вас есть лучшее объяснение, почему мы пребываем здесь!

— Может быть. Я тоже умею сочинять сказки. По сути дела, такое объяснение у Бартона имелось. Правда, он не рискнул бы изложить его Коллопу. Спрюс все же поведал Бартону кое-что об истории, целях и сущно-

сти своего народа, этиков. И слишком многое из того, о чем он рассказал, совпадало с доктриной Коллопа.

Спрюс покончил с собой, не успев объяснить, что такое «душа». Можно было предположить, что «душа» играла важную роль в процессе воскрешения. Казалось, тут отсутствовала альтернатива; какая же иная субстанция могла сохранить сущность человека — после того, как он достигнет «спасения» и лишится телесной оболочки? Так как феномен «второй жизни», дарованной человечеству, мог быть объяснен с точки зрения физических законов, «душу» тоже следовало отнести к физическим явлениям, исключив ореол сверхъестественности, который окутывал ее на Земле.

Конечно, многого Бартон не знал. Но в отличие от других людей, ему удалось бросить мимолетный взгляд на внутренний механизм этого мира.

Ту небольшую информацию, которой Бартон владел, он собирался использовать в качестве рычага, чтобы приподнять крышку над сосудом с тайной и проникнуть в святая святых. Но для этого он должен добраться до Туманного Замка. И единственный путь, который позволял сделать это быстро, вел прямо на Экспресс Самоубийства. Однако сначала ему нужно разыскать агента этиков. Он должен захватить этика, предотвратить возможность самоубийства и каким-то образом выжать из него побольше информации.

Тем временем он продолжал играть роль Абдуллы ибн Гаруна, египетского врача девятнадцатого века, ныне — гражданина государства Баргавдас. Он также решил присоединиться к последователям Церкви Второго Шанса. Сообщив Коллопу о своем разочаровании в религии Мухаммеда, Бартон объявил, что готов стать его первым прозелитом в этой местности.

— Но тогда, мой дорогой друг, вы должны принести клятву, что никогда больше не подымете оружия на человека — даже для защиты своей жизни,— сказал Коллоп.

Бартон, возмутившись, заявил, что никому не позволит ударить его и уйти безнаказанным.

— Тут нет ничего невозможного,— мягко произнес Коллоп.— Просто такое поведение противоречит вашим прошлым привычкам. Но человек способен измениться, стать лучше, чище — если он имеет волю и желание.

Упрямо вздернув голову, Бартон ответил коротким «нет» и гордо удалился прочь. Коллоп печально посмотрел ему вслед; однако в дальнейшем он продолжал относиться к мнимому египтянину с прежним дружелюбием. Иногда он не без юмора называл Бартона своим «пятиминутным неофитом» — имея в виду, конечно, не время, которое было затрачено на его обращение в новую веру, а тот краткий срок, понадобившийся Бартону, чтобы с ней расстаться.

Вскоре Коллоп заполучил второго новообращенного — Геринга. Вначале на речи миссионера немец отвечал только насмешками. Затем он снова пристрастился к Жвачке, и кошмары начали мучить его.

Две ночи подряд он метался на своем ложе, не давая спать Коллопу и Бартону криками и стонами. Вечером третьего дня он спросил Коллопа, может ли тот приобщить его к Церкви. Кроме того, он пожелал исповедаться. Коллоп должен узнать, что он, Геринг, сотворил на Земле и в этом мире.

Коллоп терпеливо выслушал эту смесь самовосхваления и самоуничижения. Затем он сказал:

— Мой друг, мне нет дела до того, кем вы были. Меня заботит одно — кто вы сейчас и каким станете в будущем. Я выслушал вашу исповедь только потому, что она облегчила вашу душу. Я вижу, что вы глубоко страдаете, что вы испытываете мучительное сожаление и печаль из-за всего содеянного вами — и, в то же время, вам доставляет удовольствие мысль о том могуществе, которого вы когда-то достигли. Многое из рассказанного вами мне непонятно, ведь я не знаком с вашей эпохой. Но это не имеет значения. Только сегодня и

завтра важны для нас; только о будущем дне наши заботы.

Как показалось Бартону, миссионер не проявил интереса к прошлому Геринга потому, что не поверил истории о его земном величии и последующем падении. Здесь было так много самозванцев, что истинные герои и злодеи сильно обесценивались. Бартону посчастливилось встретить трех Иисусов Христосов, двух Авраамов, четырех королей Ричардов Львиное Сердце, шестерых Аттил, добрую дюжину Иуд (из которых только один умел изъясняться на арамейском), Джорджа Вашингтона, двух лордов Байронов, трех Джесси Джеймсов, невероятное количество Наполеонов, генерала Кастера (говорившего с грубым йоркширским акцентом), короля Чаку (почти не понимавшего зулусский язык), Финна Мак Кула (который не знал древнеирландского) и множество других исторических личностей, которые в равной степени могли или не могли быть теми, кем они себя объявили.

Кем бы ни был человек на Земле, здесь, в долине, ему приходилось заново утверждать себя. Это давалось нелегко — ведь условия жизни на берегах Реки резко отличались от земных. Люди, в прошлом великие и славные, нередко подвергались здесь унижениям и поэтому старались скрыть свои истинные имена.

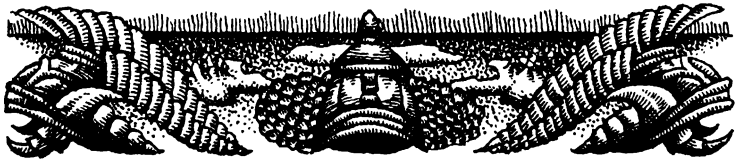
Коллоп благословлял унижение. Сначала — унижение, затем — смирение, часто повторял он. А потом приходит главное — человечность.

И Геринг угодил в одну из ловушек Великого Проекта, как называл его Бартон. Сеть Церкви накрыла его, потому что чрезмерное увлечение чем угодно — наркотиками, властью или религией — являлось сутью его натуры. Понимая, что Жвачка вызывает к свету самые мрачные образы из темной пропасти подсознания, что его личности, разуму грозит полный распад, Геринг продолжал использовать ее — в том количестве, которое ухитрялся раздобыть. Время от времени новое воскрешение дарило ему здоровое тело и он принимал ре-

шение отказаться от наркотика. Но проходило несколько недель — он сдавался, уступал; и теперь ночи в маленькой хижине оглашались жуткими криками: «Герман Геринг, я тебя ненавижу!»

— Если это будет продолжаться,— сказал Бартон Коллопу,— он сойдет с ума. И либо покончит с собой, либо вынудит кого-нибудь сделать это. Но самоубийство не решит ничего — он не сможет убежать от себя. Скажите мне теперь откровенно, Коллоп,— разве это — не ад?

— Скорее — чистилище,— ответил Коллоп.— Чистилище — ад, в котором есть место надежде.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Миновало два месяца. Бартон отмечал уходящие дни, делая кремневым ножом зарубки на сосновой палке. Наступил четырнадцатый день седьмого месяца 5 года после Воскрешения. Бартон старался аккуратно вести счет дней, что оказалось нелегко. В долине Реки время не имело большого значения. Угол между осью планеты и эклиптикой составлял девяносто градусов, поэтому здесь отсутствовала смена времен года. Звезды, небесный хронометр Земли, тут настолько теснились друг к другу, что было невозможно выделить отдельное созвездие или светило. Многочисленные и яркие, они заполняли ночное небо, и даже свет солнца в полдень не мог затмить самых крупных из них. Подобно призракам, не желающим отступать перед сиянием дня, они парили в теплом воздухе долины.

Тем не менее, человек нуждался во времени, как рыба — в воде. И если бы понятие о времени было утеряно, он снова придумал бы его. Итак, по календарю Бартона, наступило 14 июля 5 года.

Но Коллоп, подобно многим, отсчитывал время от даты своей смерти на Земле. Сейчас для него шел 1667 год. Он не верил, что легенду о его возлюбленном Иисусе можно сдать в утиль. Нет, скорее всего, эта Река была рекой Иордан, а ее долина — Долиной Теней. Он соглашался, что посмертное существование оказалось совсем не таким, как он его представлял. Ну, что ж, люди попали в место во многих отношениях еще более грандиозное, чем они были вправе ожидать. И это слу-

жило доказательством непреходящей любви Бога к своим творениям. Он дал всем людям — даже тем, кто не заслуживал такого дара,— еще один шанс. Если этот мир и не являлся Новым Иерусалимом, он был местом, предназначенным для возведения величественного Града Господнего. И его кирпичи — любовь к Богу и смертным, любовь ко всем людям — должны быть отформованы и обожжены в этой печи и в этой мастерской — на планете гигантской Реки.

Хотя Бартон не разделял подобную концепцию, сам Коллоп нравился ему. Этот невысокий худощавый человек был искренним; он не питал огонь своего красноречия листами книг или страницами теологических фолиантов. Его никто не понуждал к действию. Он горел пламенем, что питалось от духа его, а дух этот пронизывала любовь. Любовь даже к тому, что, казалось, было невозможно любить, редчайшая, наиболее трудная разновидность любви.

Как-то он поведал Бартону о своей земной жизни. Он был врачом, фермером и либералом с непоколебимой верой в идеалы своей религии и, в то же время, переполненным сомнениями и вопросами относительно этой веры и состояния общества. Он написал манифест, призывающий к религиозной терпимости, который вызвал в его эпоху бурю порицаний и похвал. И он был поэтом, в свое время хорошо известным, а потом — позабытым:

> Неверующим, Боже, дай увидеть,
> Как волею Твоей я чудеса творил,
> Ослепшим возвращая свет небесный
> И мертвых поднимая из могил.

— Мои строки, возможно, умерли; но правда, которая заключалась в них, жива,— сказал он Бартону. Потом повел рукой, указывая на зеленые холмы, сверкающую речную гладь, остроконечные горные пики и людей вокруг.— Посмотрите на все это внимательно; неу-

жели вы и теперь будете упорствовать в своем заблуждении? Неужели вы продолжаете считать, что этот мир — творение рук человеческих? Что он создан людьми, похожими на нас? — он покачал головой и продолжал: — Но даже если допустить, что вы правы, значит, ваши этики сотворили речную долину по воле Всевышнего.

Бартон усмехнулся.

— Мне больше нравятся другие ваши строки, — сказал он и нараспев произнес:

> Душа в Твои чертоги устремилась;
> Ты — не земля. Ты — горный монолит,
> В котором искра, дар небес,
> В бушующее пламя превратилась.

Коллоп был польщен; он, однако, не знал, что Бартон вкладывает в эти строки совсем иной смысл, чем сам поэт.

«В бушующее пламя превратилась».

Проникнуть в Темную Башню, раскрыть секреты этиков и обратить их чудовищные устройства против них самих — вот что это значило для Бартона. Он не испытывал благодарности за то, что они подарили ему вторую жизнь, не испросив его согласия. И если они хотят благодарности, пусть скажут, зачем дан ему второй шанс? Почему они скрывают свою цель? Он найдет ответ. Искра, которую они вложили в него, разгорится в бушующее пламя и сожжет их.

Он проклинал судьбу, которая забросила его так близко к истокам Реки, почти к самому Замку — и через несколько минут швырнула прочь, куда-то в середину долины, за миллионы миль от его цели. Но если он побывал там однажды, он сможет попасть туда снова. Не на корабле, конечно; такое путешествие займет сорок лет — или еще больше. Его тысячу раз могут захватить в плен и обратить в рабство; его могут убить во время странствий, и тогда он окажется еще дальше от цели и будет вынужден все начинать заново.

С другой стороны, положившись на случайность, которая определяла выбор места очередного воскрешения, он может быстрее оказаться вблизи истоков Реки. Именно это побуждало его вновь сесть на Экспресс Самоубийства. Однако, хотя он понимал, что останется мертвым не более суток, сделать необходимый шаг было нелегко. Разум говорил ему, что смерть — всего лишь плата за проезд, но тело не соглашалось с этим. Каждая клетка яростно боролась за жизнь, подавляя его волю.

На какое-то время он внушил себе, что просто желает подробнее изучить обычаи и язык доисторического племени, приютившего его. Однако гордость восторжествовала; он понял, что просто хочет оттянуть ту Мрачную Минуту, когда... Он знал это — и продолжал бездействовать.

Бартон, Коллоп и Геринг покинули свою холостяцкую обитель, чтобы начать нормальную жизнь полноправных граждан. Каждый получил отдельную хижину и за неделю подыскал себе женщину. Церковь Коллопа вовсе не требовала безбрачия. Ее приверженцы могли давать обет целомудрия, если им так хотелось. Церковь мудро рассудила, что тела мужчин и женщин после Воскрешения не зря сохранили все признаки своего пола. Это доказывало, что воскресившие их Творцы не возражали против сексуальной жизни. Как хорошо известно (хотя некоторые и отрицают это), секс имеет другие функции, чем продолжение рода. Итак — вперед, юные, катайтесь в траве!

Коллоп отказывался рассматривать свою подругу как объект сугубо физиологических упражнений. Он полагал, что нужно любить женщину, с которой живешь. Бартон насмехался над ним, утверждая, что его желание легко выполнимо. Коллоп любит все человечество; значит, теоретически, он должен взять первую женщину, которая скажет ему «да».

— Собственно говоря, мой друг, так и произошло,— защищался Коллоп.

— И по случайному совпадению она оказалась красивой, неглупой и страстной? — продолжал донимать его Бартон.

— Хотя я стараюсь возвыситься над человеческим естеством или, скорее, стать более совершенным человеком, я все еще слишком человек, — ответил Коллоп. Затем он улыбнулся: А вы желаете видеть меня мучеником, намеренно связавшим жизнь с какой-нибудь уродливой каргой?

— Глупости, — сказал Бартон, — все это глупости. Что касается меня, то я ценю в женщине красоту и обаяние. Мне нет дела до ее мозгов. И я предпочитаю блондинок. Струны моей души отзываются только на прикосновение пальцев золотоволосых фей.

Геринг взял в свою хижину рослую валькирию, большегрудую, широкоплечую шведку восемнадцатого века. Бартон как-то полюбопытствовал, не напоминает ли она немцу его первую жену, свояченицу знаменитого шведского исследователя графа фон Розена. Геринг признался, что Карла не только вылитая копия его Карин, но даже тембр голоса у них одинаков. Казалось, он был очень счастлив со своей шведкой, и она платила ему взаимностью.

Затем, однажды ночью, во время неизменного предутреннего дождя, что-то вырвало Бартона из глубокого сна.

Ему показалось, что он слышал крик; но, окончательно пробудившись, он смог различить только отдаленные раскаты грома и треск полосующих небо разрядов молний. Он прикрыл глаза, пытаясь снова уснуть. Крик раздался снова. Испуганный голос женщины доносился со стороны соседней хижины.

Он вскочил, распахнул легкую бамбуковую дверь и высунул голову наружу. Струи холодного дождя брызнули в лицо. Мрак царил над равниной, и только вершины западного хребта иногда освещались вспышками молний. Затем огненная стрела с громким шипеньем ударила рядом; в ушах у него зазвенело, огненные кру-

ги поплыли перед глазами. Однако он успел заметить две белые призрачные фигуры у входа в хижину Геринга. Немец сжимал руками горло женщины; она, вцепившись ему в запястья, пыталась оттолкнуть его.

Бартон выскочил наружу, поскользнулся в мокрой траве и упал. Когда он поднялся, другая вспышка высветила стоящую на коленях женщину; ее спина была неестественно выгнута, руки пали вдоль тела. Искаженное лицо Геринга нависало над ней. Через мгновение Коллоп выбежал из своей хижины, оборачивая вокруг пояса покрывало. Бартон бросился вперед, но Геринг уже исчез в темноте. Опустившись на колени рядом с женщиной, он приложил ладонь к ее груди; сердце не билось. Новая вспышка молнии бросила бледный отсвет на ее сведенное судорогой лицо, раскрытый рот, выкаченные глаза.

Он поднялся на ноги и закричал:

— Геринг! Где вы?

Сильный удар по затылку бросил его лицом вниз, на мокрую землю.

Оглушенный, Бартон приподнялся на локтях и коленях — и тут же получил второй жестокий удар. Почти теряя сознание, он перекатился на спину, поднял ноги и выставил вперед руки, пытаясь защититься. Молния осветила Геринга, стоявшего над ним с дубиной в руках. У него было лицо безумца.

Снова молния взрезала мрак. Что-то белое, расплывчатое прыгнуло на Геринга из темноты. Две бледные фигуры упали вниз, в траву, и покатились по ней, терзая друг друга.

Пошатываясь, Бартон поднялся и шагнул к ним, но споткнулся о тело Коллопа; немец с силой отшвырнул его прочь. Бартон встал снова, но Коллоп был быстрее. Он снова сцепился с Герингом, затем раздался громкий страшный хруст, и Коллоп согнулся пополам. Бартон пытался бежать, его ноги подгибались; гнев, пересиливший страх смерти, бросил его в атаку. Грохот, новая вспышка света — и он увидел Геринга, застывшего,

как на фотографии, с палицей, поднятой к мрачному небу.

Дубина опустилась, он почувствовал резкую боль в плече, потом оно словно онемело. Теперь не только ноги, но и левая рука отказывались служить ему. Однако он попытался нанести Герингу удар правой. Раздался треск, и ему показалось, что обломки ребер впились в его легкие. Задыхаясь, он снова повалился в холодную мокрую траву.

Что-то упало рядом. Сжав зубы, корчась от жуткой боли, он пополз вперед. Его рука нащупала палицу; должно быть, Геринг уронил ее. Содрогаясь от каждого мучительного вдоха, он заставил себя приподняться на колени. Где же этот безумец? Две смутные тени плясали и извивались перед ним, то соединяясь, то вновь расходясь. Хижина! Что-то случилось с его глазами... или, может быть, у него сотрясение мозга. Он запрокинул голову и внезапно увидел Геринга в тусклом отблеске далекой молнии. Вернее — двух Герингов, две совершенно одинаковые фигуры, разделенные расстоянием в пару ярдов; одна стояла на земле, вторая — словно висела в воздухе.

Фигуры подняли руки вверх, подставляя их под струи дождя, как будто пытались что-то смыть с ладоней. И когда они обе синхронно повернулись и направились к Бартону, он понял, что означает этот жест. Дикий, отчаянный вопль достиг его ушей:

— Смой кровь с моих рук! О, боже, боже, смой ее!

На дрожащих ногах Бартон шагнул к безумцу, поднимая палицу. Он собирался нанести Герингу удар в висок, но тот внезапно повернулся и побежал прочь. Бартон заковылял за ним, медленно спускаясь по склону холма к равнине. Дождь прекратился, сверкание молний погасло, и, как обычно, через пять минут небо очистилось от туч. Звездный свет упал на белую фигуру Геринга.

Подобно фантому, он скользил впереди своего преследователя, направляясь к берегу Реки. Бартон дер-

жался за ним, порой удивляясь, почему он не пытается догнать немца. Ноги его вновь обрели силу, в глазах больше не двоилось.

Они пересекли равнину, и Бартон, наконец, приблизился к Герингу. Тот скорчился у самой воды, пристально уставившись на дрожащие, размытые отражения звезды.

— Вы пришли в себя? — спросил Бартон. Геринг вздрогнул. Он начал приподниматься, затем, застонав, снова согнулся, уткнувшись лицом в колени.

— Я знаю, что сотворил... но не знаю, зачем,— апатично произнес он.— Карла сказала, что уйдет от меня, что она не может больше выносить мои крики ночью, когда меня мучают кошмары... они не дают ей спать... Я начал действовать... как-то странно. Сначала я умолял ее остаться; я говорил, что люблю ее и умру, если она меня покинет... Она ответила, что я нравился ей... да, нравился, но она не любила меня по-настоящему... И тогда мне показалось, что ее нужно убить... если я хочу удержать ее. Она, наверное, поняла... закричала и бросилась из хижины... Остальное вы знаете.

— Я собирался убить вас,— медленно произнес Бартон,— Но вы не отвечаете за свои поступки; вы — безумец. Но местные не станут разбираться в таких тонкостях. Вы знаете, что они сделают с вами: повесят вниз головой и оставят в таком виде на пару дней. Нелегкая смерть.

— Я не понимаю, что со мной происходит! — вскричал Геринг.— Эти кошмары! Поверьте мне, Бартон, если я согрешил, я готов платить! Но где конец расплаты? Мои ночи превратились в ад, и скоро дни тоже станут адом! У меня остался только один путь обрести покой — убить себя! Но и он не годится! Я воскресну — и ад начнется снова!

— Держитесь подальше от Жвачки,— сухо сказал Бартон.— Вам придется попотеть, чтобы избавиться от этой привычки. Но вы можете это сделать. Вы говори-

ли мне, что справились с тягой к морфию... там, на Земле.

Геринг медленно поднялся и взглянул прямо в лицо Бартона; потом обреченно опустил голову.

— Если бы дело было только в этом... Я не прикасался к Жвачке — с тех пор, как очутился тут...

— Что? — пробормотал Бартон, ошеломленно уставившись на немца.— Дьявол меня побери...

— Вы считали, что я пользуюсь этой дрянью, потому что так было раньше... Нет, я не брал в рот ни крошки Жвачки! Но ничего не изменилось!

Бартона охватила жалость, несмотря на стойкое отвращение, которое он питал к Герингу.

— Вы открыли ящик Пандоры в своей душе... и, похоже, не можете опустить крышку...— сказал он, покачав головой.— Не знаю, что ждет вас в конце, но я не хотел бы оказаться на вашем месте. Хотя, нельзя отрицать, что вы заслужили это...

Неожиданно Геринг произнес решительно и спокойно:

— Я одолею их.

— Вы имеете ввиду призраков прошлого? — сказал Бартон. Он снова покачал головой, повернулся и направился к холмам. Потом на мгновение замер и бросил через плечо: — Что вы собираетесь делать, Герман?

Геринг указал на Реку.

— Нырну туда — и попробую начать заново еще раз. Может быть, в следующем месте мне улыбнется удача... Во всяком случае, я не хочу, чтобы меня повесили за ноги, как цыпленка в витрине мясной лавки.

— Тогда — о'ревуар,— махнул рукой Бартон.— И желаю вам удачи.

— Спасибо. Знаете, вы неплохой парень. Поэтому дам вам на прощанье один совет.

— Какой же?

— Держитесь сами подальше от Жвачки. Пока что вам везло. Но однажды она может подцепить вас — так же, как меня. Демоны, что таятся в вашей душе, не по-

хожи на моих — но для вас они будут такими же жуткими и чудовищными.

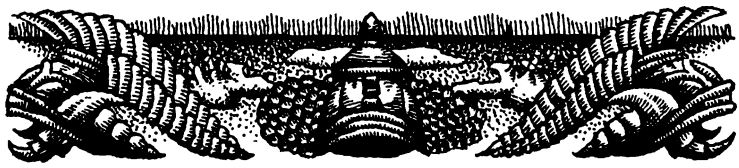
— Чепуха! Мое подсознание не хранит никаких мрачных тайн! — Бартон громко рассмеялся и добавил: — Я достаточно пользовался Жвачкой, чтобы убедиться в этом!

Он пошел прочь, размышляя о предупреждении немца. Он жевал наркотическую резинку двадцать два раза. И каждый раз давал себе клятву никогда не пользоваться ею снова.

На полпути к холмам он обернулся. Размытая белая фигура Геринга медленно опускалась в черно-серебристые воды Реки. Бартон отдал салют, не в силах сдержать столь драматический жест. Затем он забыл о Геринге. Боль в затылке, почти прекратившаяся, снова запустила острые когти в его череп. Ноги его ослабели и, не добравшись на несколько ярдов до своей хижины, он опустился на землю.

Должно быть, сознание покинуло Бартона: он не помнил, как его волочили по влажной траве. Когда обморок прошел, он обнаружил, что лежит на низком бамбуковом топчане в своей хижине.

Было темно; только слабый свет звезд просачивался внутрь через квадрат окна и ветви затеняющих хижину деревьев. Он повернул голову и увидел расплывчатые бледные очертания фигуры человека, склонившегося над ним. Человек держал тонкий металлический стержень, конец которого был направлен прямо на Бартона.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Как только Бартон повернул голову человек опустил стержень. Он произнес по-английски:

— Мне пришлось затратить много времени, чтобы найти вас, Ричард Бартон.

Левая рука Бартона, скрытая от взгляда незнакомца, скользнула на пол. Он шарил вокруг в, поисках оружия, но пальцы натыкались только на редкие и чахлые стебли травы.

Он злобно сказал:

— Ну что ж, теперь ты нашел меня — ты, проклятый этик! И что же ты собираешься делать со мной?

Человек переменил позу и издал звук, похожий на смешок.

— Ничего.— Он сделал паузу, затем произнес: — Я не являюсь одним из Них.— Он снова негромко рассмеялся, уловив вздох изумления со стороны Бартона.— Точнее говоря, я — с Ними, но я — не от Них.

Он поднял стержень, который раньше был нацелен на Бартона.

— Этот прибор помог мне установить, что у вас поврежден череп. По-видимому, вы получили сотрясение мозга. Вы очень крепкий человек, Бартон; судя по полученным повреждениям, вы уже должны быть мертвы. Но если не обращать внимания на это обстоятельство, вам, возможно, удалось бы выкарабкаться. К несчастью, у вас нет времени на восстановление здоровья. Другие знают, что вы где-то тут, в этой области, в рай-

оне тридцати миль. Еще день-другой, и Они обнаружат вас.

Бартон попытался сесть и почувствовал, что кости его стали мягкими, как шоколад на солнце, а в затылок будто вогнали штык. Застонав, он откинулся на спину.

— Кто вы такой и чем занимаетесь?

— Я не могу назвать вам свое имя. Если они поймают вас... скорее, когда Они вас поймают, ваша память будет просканирована — вплоть до момента пробуждения в предвоскресительном коконе. Они не смогут определить, что заставило вас очнуться раньше времени. Но об этом разговоре Они будут знать. Они даже увидят меня — но только так же, как вы видите меня, бледный силуэт на фоне темноты. Они услышат мой голос, но не узнают его. Я использую специальный преобразователь.

Снова раздался смешок, который, казалось, был адресован не Бартону, а тем, кто когда-нибудь станет вслушиваться в звуки этой монотонной речи.

— Конечно, они ужаснутся. То, что они подозревали, что допускали с такой неохотой и сомнением, окажется правдой. Среди Них есть предатель!

— Хотелось бы мне понять, о чем вы толкуете,— преодолевая боль, прошептал Бартон.

Незнакомец заговорил снова — сначала спокойно, размеренно, потом — с нарастающим возбуждением:

— Я расскажу все. Вам говорили чудовищную ложь о целях Воскрешения. И слова Спрюса, и учение Церкви Второго Шанса, этого создания этиков,— ложь! Все ложь! Правда заключается в том, что земное человечество возвратили к жизни для участия в научном эксперименте. Этики, извратив смысл нормальных этических понятий, переконструировали поверхность этой планеты в одну бесконечную речную долину, построили цепь грейлстоунов и вернули вас к жизни только с одной целью — уточнить вашу историю и описать обычаи. Вторая, побочная задача исследования заключается в наблюдении вашей реакции на сам факт Воскреше-

ния и взаимодействия между людьми разных рас и эпох. Вот что это такое — научный проект, и только! И когда он будет завершен, вас снова обратят в прах!

Незнакомец сделал паузу, словно хотел подчеркнуть значение последних слов, и закончил:

— Все эти истории о том, что Они предоставили вам второй шанс заслужить спасение и вечную жизнь, чтобы выполнить свой этический долг,— ложь! На самом деле, мой народ не верит, что вы достойны спасения.

Бартон молчал, размышляя. Этот парень казался искренним. Во всяком случае, он был сильно возбужден сейчас, его дыхание стало частым и глубоким.

Наконец, Бартон сказал:

— Я не могу представить, чтобы кто-нибудь пошел на такие затраты сил и времени ради научного эксперимента и исторических исследований.

— Что вы знаете о времени! Оно тяжким грузом повисло в руках бессмертной расы! Вы были бы поражены, узнав, чем мы занимаемся, чтобы придать смысл своему бесконечному существованию. Кроме того, обладая властью над временем, мы не боимся приступать к самым головокружительным проектам. После смерти последнего жителя Земли мы готовились к Воскрешению несколько тысяч лет — хотя самая последняя стадия заняла всего один день.

— Ну, а вы? — спросил Бартон.— Что делаете вы? И почему?

— Я — единственный среди всей этой чудовищной расы, кто следует истинным принципам этики! Мне не нравится играть с вами как с марионетками, как с объектами для исследований, подобными лабораторным животным! Какими бы примитивными и жестокими вы ни казались, вы обладаете чувствами! Вы, в определенном смысле, являетесь... являетесь...

Незнакомец взмахнул рукой, словно пытался извлечь нужное слово из окружавшего их мрака.

— Мне придется использовать то слово, которым вы сами называете себя. Вы — люди, как и мы. И точно

так же доисторические расы, примитивные существа, впервые начавшие использовать язык, тоже, как и вы, относятся к роду человеческому. И вы — наши предки. Насколько мне известно, я могу быть вашим прямым потомком. Весь мой народ мог произойти от вас.

— Сомневаюсь,— сказал Бартон, поморщившись.— У меня не было детей — во всяком случае, мне о них ничего не известно.

Он начал задавать вопросы, которых накопилось довольно много. Но человек внезапно прекратил разговор. Он поднес свой странный прибор ко лбу, словно напряженно прислушивался к чему-то. Вдруг он резко опустил стержень и прервал Бартона на середине фразы.

— Меня... у вас отсутствует термин для этого... ну, скажем, подслушивают. Они засекли мой ватан... Я полагаю, вы назвали бы это аурой. Они не знают, чей это ватан, но уверены, что он принадлежит этику. И через пять минут Они могут быть здесь. Я должен идти.

Бледная фигура выпрямилась, шагнула назад, почти сливаясь с окружающей тьмой. До Бартона долетел голос:

— И вам тоже пора отправляться.

— Куда вы хотите взять меня? — с удивлением спросил Бартон.

— Нет, я имел в виду другое. Вы должны умереть; они найдут только ваш труп. Я не могу взять вас с собой; это невозможно. Но если вы умрете, Они опять потеряют ваш след. И мы когда-нибудь встретимся снова. И тогда...

— Подождите! — воскликнул Бартон.— Кое-что мне непонятно. Почему Они не могут обнаружить меня? Ведь все эти установки для Воскрешения созданы Ими! Неужели они не знают, где находится мой персональный воскреситель... как вы его назвали... кокон?

Незнакомец снова негромко рассмеялся.

— Нет. Они обладали только визуальной записью населения Земли, без звукового сопровождения. И раз-

мещение воскрешаемых в коконах было случайным, так как Они решили расселить людей вдоль Реки примерно в хронологическом порядке, но с некоторой долей примеси случайных субъектов к базовому населению каждой области. К изучению индивидуальных личностей Они собирались приступить позже. Конечно, тогда Они не знали, что я буду противостоять Им. И что я выберу некоторых из их подопечных себе в помощники с целью уничтожить Проект... Нет, они не знают, где вы окажетесь — вы или любой другой человек, который проходит через предвоскресительный кокон.

Он снова шагнул к ложу Бартона и заговорил быстро, торопливо.

— Вы можете спросить, почему бы мне не настроить ваш воскреситель так, чтобы он перенес вас сразу к цели... к верховьям Реки. На самом деле, именно так я и поступил; погибнув в первый раз, вы должны были очнуться у самого первого грейлстоуна... Но ничего не получилось; я полагаю, что гигантопитеки убили вас. К несчастью, я не могу найти какой-нибудь предлог, чтобы добраться до вашего кокона; это запрещается всем, кроме тех, кто обладает надлежащими полномочиями... Они очень подозрительны; Они предполагают, что кто-то противодействует Проекту. Таким образом, в полярную зону вам придется добираться самому... Что касается других, то у меня никогда не было возможности изменить настройку их воскресителей. Они могут появиться у любого из прибрежных грейлстоунов — с вероятностью один к двадцати миллионам.

— Других? — переспросил Бартон.— Есть еще и другие? Но почему вы выбрали именно нас?

— Вы все обладаете нужной аурой... не такой, как остальные. Поверьте мне, я знаю, что делаю; я выбрал верно.

— Но вы утверждаете, что пробудили меня... только меня одного... в этой камере, где находятся предвоскресительные коконы. Зачем? С какой целью?

— Надо было убедить вас, что Воскрешение не является каким-то сверхъестественным событием. Чтобы вы, как гончая, взяли след — след этиков. Я был прав? Конечно! А теперь дайте вашу руку.

Он наклонился и положил в ладонь Бартона крохотную капсулу.

— Проглотите это. Вы умрете мгновенно и окажетесь вне пределов их досягаемости — на время. И клетки вашего мозга в этом теле будут разрушены полностью, так что сканирование памяти ничего не даст. Поторопитесь! Я должен идти!

— А если я откажусь сделать это? — прошептал Бартон, превозмогая охватившую его слабость. — Что, если я позволю Им захватить меня?

— Вы сделаете то, что нужно, — спокойно сказал человек. — Я слежу за вашей аурой.

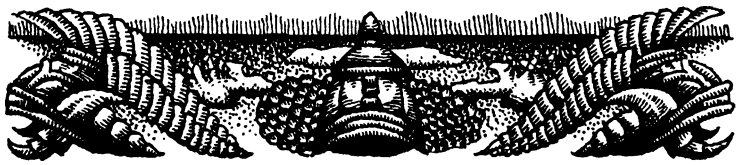
Бартон почти уже решил не принимать яд. Почему он должен выполнять приказы этого заносчивого типа? Потом он подумал, что не стоит, разозлившись на ладонь, отрезать палец. У него действительно не было выбора — или он должен играть в команде таинственного незнакомца, или отдаться в руки этиков.

— Хорошо, — с трудом выдохнул он. — Но почему вы не прикончите меня? Почему вы хотите, чтобы я сам сделал эту работу?

Человек тихо рассмеялся и произнес:

— Существуют некие правила игры — правила, пояснять которые я не могу, за недостатком времени. Но вы — умный человек и во многом разберетесь сами. Мы — этики. Мы можем дать жизнь, но мы не можем непосредственно ее отнять. Дело не в том, что мы не способны вообразить подобный акт... или не обладаем соответствующими возможностями... Просто это очень трудно сделать.

Резко повернувшись, незнакомец вышел из хижины. Бартон больше не колебался. Он сунул капсулу в рот и проглотил ее. Ослепительный свет вспыхнул перед ним...



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Его глаза снова были полны светом восходящего солнца. Он успел бросить только один взгляд вокруг — и увидел свою чашу, стопку разноцветных покрывал и Германа Геринга.

Затем Бартона и Геринга схватили невысокие темнокожие люди с большими головами и кривыми ногами. В руках они держали копья и топоры из кремня. На них были наброшены покрывала, концы которых они завязывали вокруг своих толстых коротких шей. Ленты из кожи, несомненно — человеческой, пересекали их непропорционально огромные лбы, поддерживая массу длинных черных волос. Они походили на монголоидов и говорили на незнакомом Бартону языке.

В следующий момент на его голову была нахлобучена пустая чаша, руки связаны за спиной кожаными ремнями. Слепого и беспомощного, его погнали через равнину, подкалывая сзади каменными остриями копий. Где-то поблизости гремели барабаны и женские голоса выводили заунывное песнопение.

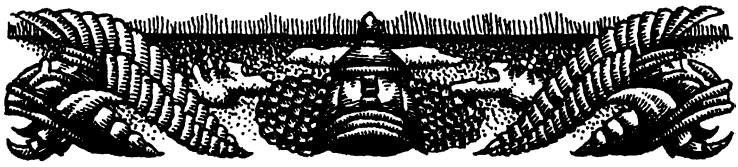
Он прошел три сотни шагов; потом его остановили. Грохот барабанов смолк, и женщины прекратили петь. Он ничего не слышал, кроме слабого гула крови в висках. Что за чертовщина происходит здесь? Может быть, он является участником какой-то религиозной церемонии, требующей, чтобы предполагаемая жертва ничего не видела? Почему бы и нет? На Земле существовало множество культур, представители которых считали необходимым скрывать ритуал жертвоприношения

от глаз тех, кто должен пролить свою кровь. Дух мертвого человека мог мстить его убийцам.

Но это племя уже должно знать, что здесь не существует духов. Или они считают воскресших как раз такими духами, что возвращаются в их землю с недобрыми намерениями и потому должны быть убиты вторично?

Геринг! Опять их перенесли вместе! К одному и тому же грейлстоуну. В первый раз это могло быть случайностью, очень маловероятной... Но три раза подряд? Нет, тут есть...

Первый удар, нанесенный по стенке чаши, прикрывавшей затылок, почти лишил его сознания. Он упал на колени, проваливаясь в огромное звенящее ничто; искры света мерцали перед его глазами, расплываясь в радужные круги. Он не почувствовал второго удара, но сразу пробудился в каком-то другом месте...



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Рядом с ним был Герман Геринг.

— Похоже, наши души — близнецы, — произнес Геринг. — Повелители этого мира соединили нас общим ярмом.

— Бык и осел в одной упряжке, — усмехнулся Бартон, предоставив немцу решать, чем он себя считает.

Вскоре они оба были заняты тем, что пытались представиться людям, населявшим данную местность. Позже Бартон выяснил, что тут жили, в основном, шумеры Древней или Классической эпохи, которые обитали в Месопотамии между 2500 и 2300 годами до новой эры. Мужчины этого народа брили головы (что было нелегко сделать с помощью лезвия из кремня), а женщины ходили обнаженными по пояс. Их невысокие коренастые тела и лица с выпученными глазами были, по мнению Бартона, довольно уродливы.

Но недостаток красоты среди шумеров с успехом компенсировали самоанцы середины второго тысячелетия, составлявшие около тридцати процентов населения. Кроме того, десятая часть местных жителей состояла из людей разных народов и различных времен, из которых большинство относилось к двадцатому веку. Данное обстоятельство было вполне объяснимо, так как в двадцатом столетии появились на свет или умерли не менее четверти всех людей, когда-либо живших на земле. В распоряжении Бартона, конечно, не было статистических данных, но во время своих странствий он убедился, что представители двадцатого столетия рассеяны повсюду вдоль Реки в определенной пропорции — причем даже в большей, чем следовало ожидать.

Эта грань речного мира и проводимого здесь эксперимента пока оставалась для него непостижимой. Какую цель преследовали этики, распределяя людей подобным образом?

У него накопилось уже немало вопросов. Нужно время, чтобы обдумать их; это невозможно сделать в периоды кратких остановок между посадками на Экспресс Самоубийства. Место, в котором он очутился, в отличие от многих других, обещало относительный мир и покой, необходимый для размышлений. И он решил пока задержаться здесь.

И, кроме того, тут был Герман Геринг. Бартон хотел понаблюдать процесс его покаяния, принявший такую странную форму.

Один из многих вопросов, которые Бартон не успел выяснить у Таинственного Пришельца (так он решил называть своего ночного гостя), касался Жвачки. Какое место занимала она в общей картине событий? Является ли использование наркотика обязательной частью Великого Проекта?

К несчастью, Геринг долго не продержался.

Кошмары вернулись к нему в первую же ночь. Он начал кричать, потом выскочил из хижины и помчался к Реке. Иногда он останавливался и молотил кулаками воздух, словно сражался или отмахивался от каких-то невидимых созданий; затем падал на землю и катался в траве, продолжая яростную схватку с осаждавшими его мозг видениями. Бартон следовал за ним до самого берега Реки. Очевидно, Геринг собирался броситься в воду и покончить, в очередной раз, счеты с жизнью. Но внезапно он застыл на мгновение, потом тело его сотрясла дрожь; он отвернулся от Реки и снова окаменел подобно статуе. Глаза его были широко раскрыты, но он не видел ничего; казалось, это застывший, полный ужаса взгляд обращен только внутрь. Какие чудовищные призраки терзали его душу? Кто мог сказать?

Дар речи покинул Геринга. Его губы двигались безостановочно и беззвучно в течение десяти дней, кото-

рые он еще прожил. Все попытки Бартона накормить его оставались бесполезными — челюсти немца оставались судорожно сжатыми. Бартон наблюдал, как высыхало его тело, таяла плоть, западали щеки — пока сквозь туго натянутую кожу не проступили кости. На десятое утро он забился в конвульсиях, потом приподнялся и вскрикнул. Через мгновение он был мертв.

Бартон произвел вскрытие трупа с помощью кремневых лезвий и пилок из обсидиана. При первом же прикосновении каменного острия вздутый мочевой пузырь Геринга лопнул и моча хлынула в брюшную полость.

Бартон продолжал свою работу; он собирался вытащить зубы немца, прежде, чем похоронить тело. Зубы являлись предметом торговли — их нанизывали на тонкие прочные сухожилия глубоководных рыб; изготовленные таким образом ожерелья ценились весьма высоко. Скальпу Геринга также нашлось применение. От своих врагов — индейцев шауни, обитавших на противоположном берегу Реки, шумеры переняли обычай снимать скальп. Эта традиция существовала у них в более цивилизованном варианте: из сшитых вместе скальпов делались накидки, юбки и даже занавеси. Хотя рыночная цена скальпа была много ниже, чем зубов, за него тоже можно было кое-что выручить.

...Прозрение наступило в тот момент, когда Бартон, обливаясь потом, копал могилу, около большого валуна у подножия горы. Он разогнул уставшую спину, чтобы сделать глоток воды и взгляд его случайно остановился на лице Геринга. Голова, лишенная волос, спокойные, застывшие черты... словно у спящего! Какая-то дверца открылась в его сознании — и он вспомнил!

Когда он пробудился в том огромном пространстве, заполненном телами, вытянутыми в бесконечные ряды, он видел это лицо. Оно принадлежало юноше в соседнем ряду. Тогда у Геринга, как и у всех спящих, голова была полностью лишена волос. Бартон успел бросить только один взгляд на него — прежде, чем его заметили

и усыпили люди в летающей лодке. Когда он снова встретил Геринга, прошло больше года после Воскрешения; он не узнал своего соседа по пантеону спящих в этом шумном толстом человеке с копной светлых волос.

Но теперь он все вспомнил.

Могут ли их воскресители, расположенные так близко друг к другу, действовать синхронно? Если это действительно так, примерное совпадение во времени его смерти и смерти Геринга означало, что они оба пробудятся около одного и того же грейлстоуна. Геринг как-то пошутил, что их души, по воле владык речного мира, стали близнецами; возможно, он был не так уж далек от истины.

Бартон продолжал копать, проклиная одновременно и тяжелую работу, и свою неосведомленность; у него накопилось много вопросов и мало ответов. Если улыбнется удача и ему удастся заполучить в свои руки еще одного агента, то он выжмет из этика информацию любыми методами.

Следующие три месяца Бартон был занят изучением удивительного общества, в котором он очутился. Его поражал новый язык, сформировавшийся в результате смешения самоанского с древним шумерским. Так как шумеры были более многочисленны, их речь вначале доминировала, но это оказалось пирровой победой. В результате взаимной диффузии языков появился жаргон — с простейшим синтаксисом и до предела упрощенной системой склонений. Из грамматики было выброшено понятие рода; слова — синкопированы; глагольные формы — сведены к настоящему времени, которое использовалось также и для указания будущего. Прошедшее время определялось с помощью наречий. Сложные словесные конструкции были заменены простыми выражениями, понятными и шумерам, и самоанцам, хотя на первый взгляд они казались неуклюжими и нелепыми. Многие слова самоанского языка — с несколько измененным произношением — вытеснили из обихода шумерские слова.

Такие упрощенные наречия возникали в долине повсеместно. Бартон полагал, что если этики собирались записать и сохранить все человеческие языки, им стоило поторопиться. Исконные, чистые языки умирали — или, вернее, видоизменялись. Но, судя по тому, что было ему известно, Они уже завершили эту работу.

Иногда по вечерам, когда Бартон мог спокойно насладиться одной из превосходных сигар, что безотказно поставляла его чаша, он пытался проанализировать ситуацию. Кому должен он доверять — этикам или этому Отступнику, Таинственному Пришельцу? Или лгала и та, и другая сторона?

Почему Пришелец нуждался в нем, почему хотел, чтобы он затормозил ход гигантского всепланетного механизма? И разве мог Бартон, ничтожное человеческое существо, так ограниченное в своих возможностях, гонимое и преследуемое по всей долине, помочь чем-нибудь Отступнику?

Одно было несомненным. Вряд ли Пришелец заинтересовался бы Бартоном, если бы не нуждался в нем. Отступник хотел, чтобы Бартон попал в Башню на северном полюсе.

Но почему?

Бартону потребовалось две недели, чтобы придумать единственное правдоподобное объяснение.

Пришелец утверждал, что он, подобно другим этикам, не способен сам лишить жизни человеческое существо. Но он мог со спокойной совестью предложить грязную работу другому — о чем свидетельствовала капсула с ядом, которую он вручил Бартону. Итак, он хотел, чтобы Бартон попал в Замок с определенной целью. Он хотел, чтобы Бартон убивал — убивал для него! Он собирался выпустить тигра на свой народ, открыть потайной лаз для наемного убийцы!

Но убийца потребует платы. Что мог предложить Пришелец в качестве таковой?

Бартон глубоко затянулся и отхлебнул глоток крепчайшего бурбона. Ну что ж, отлично. Пришелец желает

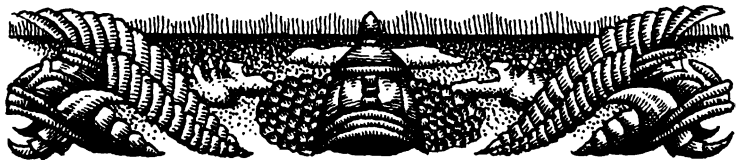
использовать его. Но пусть он поостережется. Бартон тоже хочет использовать его.

К исходу третьего месяца Бартон решил, что пора размышлений закончилась. Наступило время трогаться в путь.

Решение пришло к нему импульсивно. Он купался у берега и, внезапно развернувшись, поплыл на середину Реки. Затем нырнул и пошел вниз, все глубже и глубже — так глубоко, чтобы тело, подчиняясь инстинктивной тяге к жизни, не смогло предать его. В последний момент он подумал, что рыбы съедят его плоть и кости лягут в придонный ил на глубине тысячи футов. Так будет лучше. Он не хотел, чтобы тело его попало в руки этиков. Если Пришелец сказал правду, только полный распад клеток мозга может предохранить его память от сканирования; иначе все, что он видел и слышал, станет доступно Их приборам.

В течение следующих семи дет удача сопутствовала ему. Как ему казалось, агентам этиков ни разу не удалось напасть на его след. Таинственный союзник Бартона не давал о себе знать; возможно, он тоже не мог разыскать его. Это представлялось Бартону наиболее вероятным; порой даже он сам не имел представления, в какой части долины находится, как далеко или близко от верховьев Реки и центра в Туманном Замке. Он двигался, двигался, двигался, не останавливаясь нигде дольше трех-четырех дней. И однажды он понял, что, должно быть, установил своеобразный рекорд. Смерть, неразлучная спутница, стала его второй натурой.

Если его подсчеты были верны, он садился в Экспресс Самоубийства семьсот семьдесят семь раз.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Временами Бартон думал о себе как о кузнечике, который скачет вокруг планеты, бросается во мрак смерти, приземляется где-то и щиплет траву, настороженно разыскивая признаки стремительно надвигающейся тени хищного сорокопута-этика. Огромный луг человечества дарил ему встречи с разными травинками; отведав их, он снова отправлялся в путь.

Иногда он думал о себе как о неводе, выхватывающем то здесь, то там отдельные экземпляры, обитающие в гигантском человеческом море. Он выловил несколько крупных рыб и множество плотвы; впрочем, от мелкой рыбешки можно было научиться тому же — если не большему — что и от крупной.

Сравнение с неводом, однако, казалось ему неприятным; оно напоминало, что существует гораздо более обширная сеть, с которой охотятся на него самого.

Однако какие бы сравнения и аналогии он ни использовал, личность его стала почти легендарной в долине. Причем настолько, что он сам уже сталкивался несколько раз с историями о Бартоне-цыгане или Скитальце Ричарде, как звали его в англоязычных областях, и Лазере, Бродящем по свету — под таким именем он был тоже известен во многих районах долины. Это несколько тревожило его; он опасался, что этики могли раскрыть тайну Экспресса Самоубийства и расставить ему ловушку. А если они догадаются о конечной цели его странствий, то ловушка захлопнется в тот момент, когда он попадет в верховья Реки.

К концу седьмого года, после многих наблюдений звездного неба и множества бесед с другими странниками, он мог ясно представить географию этого мира. Река, главная его достопримечательность, не являлась рекой в привычном земном смысле этого слова; ее нельзя было уподобить змее, чей хвост-исток находился у северного полюса, тело простиралось по меридиану планеты, а голова-устье лежала в южном полярном районе. Нет, эта змея держала свой хвост во рту, а тело ее опоясывало всю планету, подобно мировому змею Мидгарда скандинавских сказаний. Река изливалась из северного полярного моря, гигантскими меридиональными зигзагами пересекала одно из полушарий, полукольцом охватывала южный полюс и такими же зигзагами тянулась по другому полушарию, пока на очередном витке не впадала опять в это гипотетическое полярное море.

Существование большого водного бассейна у северного полюса, пожалуй, не стоило относить к области гипотез. Если гулявшая по Реке история о некоем гигантопитеке, прачеловеке, видевшем Туманный Замок, была правдивой, то Башня вздымалась прямо из вод скрытого под густыми облаками северного моря.

Правда, Бартон слышал эту историю не из первых уст. Однако он видел гигантопитеков, обитающих в начале Реки во время своего первого «прыжка»; вполне возможно, что кто-то из них действительно пересек горы и сумел бросить взгляд на море у полюса. А там, где прошел один человек, смогут пройти и другие.

Но как Река течет вверх, через горы, окружающие полюс?

Ее скорость оставалась везде постоянной — даже там, где, казалось, она должна замедлять свое течение. Из этого факта Бартон сделал вывод о существовании локального гравитационного поля, которое поднимало гигантский поток вверх, в ту область, где он мог течь дальше, подчиняясь естественным силам тяготения. Где-то, вероятно под самым ложем Реки, находились

устройства, выполнявшие эту задачу. Создаваемое ими поле было очень ограниченным, так что люди, обитавшие в тех областях, практически не ощущали его влияния.

У него накопилось слишком много вопросов. Он должен идти, пока не попадет туда — или к тем — кто сможет ответить на них.

И через семь лет после первой посадки в Экспресс Самоубийства он достиг желанной цели, совершив свой семьсот семьдесят седьмой прыжок. Он всегда считал, что семерка приносит ему удачу. Несмотря на насмешки своих друзей из двадцатого столетия, Бартон незыблемо полагался на приметы, в которые верил во время своей земной жизни. Он часто смеялся над предрассудками других, но твердо знал, что некоторые числа являются для него счастливыми, что серебряные монеты — если их приложить к глазам — снимают телесную усталость и обостряют внутреннее зрение, своего рода предвидение, которое предупреждало его об опасности. Правда, в этом бедном минеральными ресурсами мире не было серебра, но если бы его удалось достать, Бартон не преминул бы им воспользоваться.

Весь первый день он провел на берегу Реки. Он не обращал внимания на тех, кто пытался заговорить с ним, отделываясь парой слов и мимолетной улыбкой. В отличие от людей во многих районах долины, где он побывал, местные жители не были враждебны.

Бартон следил, как солнце медленно двигалось над восточным хребтом, едва не задевая за вершины скалистых пиков. Пылающий диск скользил над долиной намного ниже, чем в других областях Реки — кроме той местности, где обитали доисторические гиганты с огромными носами. Одарив земли и воды светом и теплом, солнце продолжило свой путь над западными горами. На долину спустились тени, воздух стал гораздо холоднее, чем в низких широтах. Затем солнце завершило круг, оказавшись в той же самой точке, где Бартон впервые увидел его, открыв глаза на рассвете.

Усталый после двадцатичетырехчасового бдения, но счастливый, Бартон осмотрелся; пришла пора познакомиться с обитателями этих мест. Он знал теперь, что находится в арктической зоне, но не в верховьях Реки. На этот раз он был у другого ее конца — около устья.

Он повернулся, услышав голос — знакомый, но полузабытый:

> Душа в Твои чертоги устремилась;
> Ты — не земля. Ты — горный монолит,
> В котором искра, дар небес,
> В бушующее пламя превратилась.

— Джон Коллоп!

— Абдулла ибн Гарун! А еще говорят, что чудес на свете не бывает! Что же случилось с вами после последней нашей встречи?

— Я погиб в ту же ночь, что и вы,— сказал Бартон.— И с тех пор умирал не один раз. В этом мире много злых людей!

— Вполне естественно. Их было много еще на Земле. И все же я рискну заметить, что стараниями Церкви число их несколько уменьшилось — особенно в этой местности. Но пойдемте со мной, дружище. Я познакомлю вас со своей подругой. Прелестная женщина — и верная, что в мире, который не слишком ценит супружескую добродетельность, стало редкостью. Она родилась в двадцатом веке и почти всю свою жизнь преподавала английский язык. Верите ли — иногда я думаю, что она очарована не столько мной, сколько английским моего времени, которому я обучил ее.

Коллоп издал свой характерный смешок, и Бартон понял, что он шутит.

Они пересекли равнину и вышли к подножиям холмов, где стояли хижины; перед каждой на маленькой площадке, выложенной камнями, пылал костер. Большинство мужчин и женщин накинули толстые покрыва-

ла, чтобы защититься от пронизывающего утреннего холода.

— Какое угрюмое и промозглое место,— сказал Бартон.— Странно, что кто-то живет здесь.

— Большинство местных — финны и шведы конца двадцатого столетия. Они привыкли жить в высоких широтах. Однако, вы, должно быть, счастливы, что очутились тут. Я помню, вы питали жгучее любопытство к полярным районам и имели кое-какие соображения относительно них. Здесь побывали и другие — те, кто подобно вам спустился вниз по Реке в поисках своего золотого Эльдорадо или сказочного Туле на краю света. Но все они либо бесследно пропали, либо вернулись назад, устрашенные тяготами дальнейшего пути.

— Какими именно? — возбужденно спросил Бартон, схватив Коллопа за локоть.

— Дружище, вы сломаете мне руку... Итак, во-первых, цепь грейлстоунов кончается и вы лишаетесь возможности наполнить свою чашу пищей. Во-вторых, равнина вскоре обрывается, и Река течет между скалистыми обледенелыми стенами. И, в-третьих,— то, что лежит дальше. Я ничего не знаю об этих препятствиях, так как никто не вернулся оттуда. Но я полагаю, что их постиг печальный конец — как всех, кого обуревает дух непомерной гордыни.

— На какое расстояние к северу продвинулись те, кому удалось вернуться?

— Примерно на двадцать пять тысяч миль, если следовать изгибам речного русла. Под парусами туда можно добраться примерно за год. Но один Вседержитель знает, какой путь нужно пройти потом, чтобы достигнуть конца Реки. Вероятно, раньше вы скончаетесь от голода — ибо откуда вы возьмете пищу, когда последний грейлстоун останется за кормой вашего корабля?

— Есть только один способ проверить все это...— задумчиво произнес Бартон.

— Значит, ничто не остановит вас, Ричард Бартон? — тихо спросил Коллоп. — Вы будете продолжать бессмысленную погоню за зримыми тайнами мира сего, пренебрегая духовным совершенством?

Бартон снова схватил Коллопа за руку.

— Вы сказали — Бартон?

— Да. Ваш друг Геринг не так давно открыл мне ваше истинное имя. И он поведал мне еще кое-что из вашей истории...

— Геринг здесь? — прервал его Бартон. Коллоп кивнул и произнес:

— Он попал к нам года два назад, живет в миле отсюда. Вы сможете повидаться с ним завтра. Думаю, вас порадует произошедшая с ним перемена. Он справился с душевной болезнью, что началась из-за употребления Жвачки, и стал совершенно другим человеком — гораздо лучшим, чем тот, которого вы знали. Теперь он, фактически, является руководителем Церкви Второго Шанса в нашей местности. Итак, мой друг, пока вы занимались поисками таинственного Грааля в мире физическом, он открыл Священный Грааль в собственном сердце. Он почти сгубил свою душу безумием, толкнувшим его на путь зла, которым он шел в земной жизни. Но благодаря милости божьей и своему искреннему желанию доказать, что он достоин этой второй возможности спасения, Геринг... ну, впрочем, вы все увидите сами завтра. Я только могу молиться, чтобы вы последовали его примеру.

Коллоп принялся рассказывать историю Геринга. Немец встречал смерть почти столько же раз, сколько и Бартон; обычно он кончал жизнь самоубийством. Однако кошмары не покидали его; самоубийство давало лишь кратковременное забвение, и на следующий день его мучения продолжались. Наконец, он прибыл в эту область, где Коллоп, человек, которого он убил, сумел оказать ему помощь. И тогда Геринг выиграл свою духовную битву.

— Я поражен,— чистосердечно сказал Бартон.— И я рад за него. Но у меня — другие цели. И я хотел бы заручиться вашим обещанием никому не открывать мое истинное имя. Разрешите мне остаться арабом Абдуллой ибн Гаруном.

Коллоп заверил его, что будет хранить молчание. Он казался несколько обескураженным тем, что Бартон не жаждет увидеть Геринга и собственными глазами убедиться в том, что вера и любовь способны сотворить из самой безнадежной, заблудшей и развращенной души. Коллоп подвел Бартона к своей хижине и познакомил с женой — невысокой изящной брюнеткой. Она была настолько приветлива и дружелюбна, что даже решила сопровождать обоих мужчин к главе местной общины, валкотуккайнену (это слово на распространенном в области жаргоне значило «седовласый» или «старейшина»).

Вилл Ахонен, огромный мужчина с тихим спокойным голосом, терпеливо выслушал Бартона. Бартон поделился с ним только частью своего плана, заявив, что хочет построить судно и пройти на нем до самого конца Реки. Он не упомянул о том, куда двинется после этого. Но Ахонен, вероятно, не раз встречался с такими же, как он, беспокойными душами.

Старейшина понимающе улыбнулся и ответил, что Бартон может строить свое судно. Однако обитавший здесь народ хранил строгие традиции в части охраны окружающей среды. Запрещалось рубить дубы и сосну, так что единственным доступным материалом оставался бамбук. Но даже его можно было приобрести только за табак и спиртное; так что пришельцу потребуется некоторое время, чтобы накопить необходимый запас.

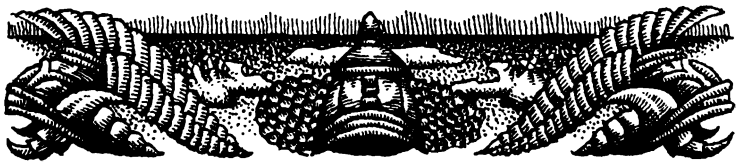
Бартон поблагодарил финна и отправился назад. Вечером он расположился в хижине, стоявшей неподалеку от обиталища Коллопа. Спать ему не хотелось.

Незадолго перед дождем он решил покинуть хижину, рассудив, что прогулка в горы ему не помешает. Он может переждать дождь под каким-нибудь скальным

выступом; потом тучи разойдутся и неяркое, но почти незаходящее тут солнце обогреет его. Теперь, когда он был так близок к своей цели, следовало избегать неприятных сюрпризов. Вполне вероятно, что этики заслали в этот район множество своих агентов — и как ему показалось, подруга Коллопа была одним из них.

Он не прошел и полумили, когда первые капли дождя упали на его плечи и молния ударила в землю где-то поблизости. При свете ослепительной вспышки он увидел что-то мелькнувшее в воздухе футах в двенадцати над его головой.

Он развернулся и бросился под защиту деревьев, надеясь, что Они не заметили его и лесная чаша скроет его следы. В таком случае, он двинется в горы. И когда Они погрузят всех в этом районе в сон, обнаружится, что он опять сумел ускользнуть...



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Нам пришлось долго и упорно охотиться за вами, Бартон, — произнес кто-то по-английски.

Бартон открыл глаза. Его перенесли сюда так неожиданно, что на секунду он растерялся. Но только на секунду. Он сидел в кресле из какого-то очень мягкого материала. Помещение, в котором он находился, имело правильную сферическую форму; сквозь его полупрозрачные бледно-зеленые стены Бартон мог видеть такие же сферические камеры, расположенные со всех сторон — впереди, сзади, вверху и внизу. Он вновь ощутил растерянность — остальные камеры не просто соприкасались с его сферой, они пересекали ее. Их стены проходили через оболочку его сферической комнаты и становились затем настолько бесцветными и прозрачными, что он едва мог различить их очертания.

На противоположной стене находился окантованный темно-зеленым овал, кривизна которого повторяла форму поверхности сферы.

В овале проступал призрачный лес; среди хрустальных деревьев скакал олененок, похожий на полупрозрачный фантом. Свежий запах сосны и кизила исходил от картины.

Напротив него, в таких же креслах, полукругом сидели двенадцать человек — шесть мужчин и шесть женщин. Все обладали приятной внешностью; почти все — кроме двоих — были брюнетами или очень темными шатенами с довольно смуглой кожей. У троих на веках можно было различить слабую складку эпикантуса; во-

лосы одного из мужчин завивались так сильно, что казались почти курчавыми.

Светловолосые — женщина и мужчина — в остальном почти не отличались от своих собратьев. Длинные, волнистые волосы женщины цвета бледного золота были чем-то заколоты сзади. Мужчина, рыжий, с крупным орлиным носом и зелеными глазами, казался очень красивым, несмотря на несколько неправильные черты лица.

Все двенадцать носили серебристые или пурпурные блузы с короткими пышными рукавами и кружевными воротниками, легкие сандалии и кильты, схваченные по талии узкими, слабо фосфоресцирующими поясами. И у женщин, и у мужчин ногти на пальцах рук и ног были тщательно ухожены, губы и веки слегка подведены, в ушах покачивались серьги.

Над головой у каждого, почти касаясь волос, вращались многоцветные сферы почти футового диаметра. Они вертелись, бросая по сторонам отблески света, пробегавшего через все оттенки спектра. Время от времени сферы пронзали пространство комнаты длинными лучами — зелеными, голубыми, черными или сверкающими белыми; затем лучи исчезали, чтобы через несколько мгновений появиться вновь.

Бартон бросил взгляд вниз. На нем был только черный кильт, скрепленный застежкой на талии.

— Чтобы предупредить ваш первый вопрос, замечу, что мы не собираемся давать какую-либо информацию о том, где вы находитесь. — Это произнес рыжеволосый мужчина. Он улыбнулся Бартону, сверкнув безупречными зубами немыслимой белизны.

— Ну, что ж, — сказал Бартон, — тогда перейдем к тем вопросам, на которые вы согласны отвечать — кем бы вы ни были. Например, можете ли вы объяснить, как нашли меня?

— Мое имя — Лога, — сообщил рыжеволосый. — Мы обнаружили вас в результате сочетания длительных розысков и удачи. Этот процесс оказался довольно

сложным, но я постараюсь изложить его для вас в упрощенном виде. Мы поручили некоторому количеству агентов искать вас; их относительно немного, если учесть, что в настоящее время на берегах Реки обитает тридцать шесть миллиардов шесть миллионов девять тысяч шестьсот тридцать семь кандидатов.

Бартон слегка приподнял брови. Кандидатов? Кандидатов, претендующих на что? На вечную жизнь? Неужели Спрюс сказал правду о целях Воскрешения?

— Нам не приходило в голову, что вы способны ускользнуть, совершив самоубийство,— продолжал Лога.— Даже когда вас обнаруживали в столь удаленных районах, что вы могли попасть из одного в другой только через воскреситель, мы ни о чем не подозревали. Мы думали, что вас убили — случайно или намеренно. Так продолжалось годами. Мы не имели понятия, где вы скрываетесь. У нас хватало других дел, так что рано или поздно пришлось снять почти всех агентов с дела Бартона, как мы его называли — кроме нескольких, дислоцировавшихся на обоих концах Реки. Каким-то образом вы узнали про башню на полюсе — позднее мы еще разберемся с этим,— он склонил голову, затем глаза его насмешливо блеснули: — Должен заметить, что ваши друзья — Геринг и Коллоп — оказались нам очень полезны. Конечно, они не знали, что пересказывают вашу историю агенту-этику.

— Кто уведомил вас, что я появился в районе речного устья? — спросил Бартон.

Лога улыбнулся и сказал:

— Полагаю, вам не обязательно знать это. Все равно мы нашли бы вас — тем путем или иным. Видите ли, каждая капсула в восстановительной камере — так называется место, в котором вы столь неожиданно пробудились на стадии, предшествующей воскрешению — снабжена автоматическим счетчиком. Эти устройства были установлены для набора статистических данных — мы стремимся регистрировать все возможные параметры эксперимента. Любой кандидат, у которого чис-

ло актов гибели намного превосходит среднее, подвергается более пристальному изучению. Точнее — будет подвергаться; сейчас у нас не хватает для этого рук. Тем не менее после вашего последнего — семьсот семьдесят седьмого — самоубийства мы обратили внимание на воскресители, которые использовались наиболее часто. Могу вас поздравить — на счетчике вашей капсулы были максимальные показания.

— Значит, есть и другие... странники?

— Они не являются предметом наших поисков, если вы это имели в виду. И их сравнительно немного... Итак, во время статистического обследования мы обнаружили вашу капсулу, но не имели понятия, кто же рекордсмен... капсула в тот момент была пуста. Однако два техника, которые видели вас тогда... во время первого пробуждения... опознали вас по фотографии. Мы настроили капсулу таким образом, чтобы в следующий раз, когда ваше тело окажется в ней, был дан сигнал. Так что, рано или поздно, вы все равно оказались бы здесь.

— Но, предположим, что я не умер бы еще раз?

— Ваша смерть была неизбежна! Вы хотели достигнуть полярного моря в районе устья Реки, верно? Так вот, это невозможно. Последние сто миль Река течет в подземном туннеле. Любое судно будет там разбито — и вас ждала бы гибель, как все прочих, отважившихся на это путешествие.

— А моя фотография — та, которую я отнял у Эгни... Она, очевидно, сделана на Земле, в то время, когда я служил в Индии... Как она к вам попала?

— Стараемся, мистер Бартон, стараемся,— ухмыльнулся Лога.

Бартон дал бы многое, чтобы стереть усмешку превосходства с этого лица. Казалось, ничто не удерживало его в кресле; он мог встать, подойти к рыжеволосому и ударить его. Но Бартон знал, что этики вряд ли находились бы с ним в одном помещении, не приняв мер

безопасности. Скорее они предоставили бы свободу бешеной гиене.

— Вам удалось выяснить, почему я пробудился раньше времени? — спросил он.— И есть ли еще другие... с которыми произошло нечто подобное?

Казалось, вопрос смутил рыжеволосого. И не только его. Несколько мужчин и женщин глубоко вздохнули, словно подавляя волнение.

Лога пришел в себя первым.

— Мы тщательно проверили ваше тело,— сказал он.— Вы даже не представляете, насколько тщательно... Мы исследовали каждый компонент вашего... психоморфа — думаю, можно назвать его так... Или ауры, если вы предпочитаете этот термин,— он указал на сферу, переливавшуюся над его головой.— Но мы не нашли разгадки.

Откинув назад голову, Бартон вызывающе расхохотался.

— Вы, ублюдки,— значит, вы ничего не знаете!

Лога натянуто улыбнулся.

— Нет. И, вероятно, никогда не узнаем. Лишь Он один — всеведущ.

С этими словами рыжеволосый коснулся своего лба, губ, сердца и гениталий тремя вытянутыми пальцами правой руки. Остальные повторили его жест.

— Должен, однако, заметить, что вы напугали нас — если вам приятно это услышать,— продолжал Лога после секунды благоговейного молчания.— И пугаете даже сейчас. Видите ли, мы почти уверены, что вы можете оказаться одним из тех людей, относительно которых нас предостерегали...

— Предостерегали? Кто?

— Это... это... в некотором роде компьютер, гигантский компьютер... но живой... и его оператор...— он снова повторил правой рукой забавный жест.— Вот все, что я могу сообщить вам — хотя вы забудете и мои слова, и то, что были здесь, внизу, когда мы отправим вас обратно в долину.

Гнев туманил рассудок Бартона — но не настолько, чтобы пропустить это «здесь, внизу». Означала ли оговорка рыжеволосого, что устройства для воскрешения и тайный центр этиков находились под поверхностью речного мира?

— Имеются данные, которые указывают на вашу потенциальную опасность для Проекта,— продолжал Лога.— Почему — или каким образом — мы не знаем. Но мы относимся с уважением к источнику этих сведений — с уважением настолько большим, что вы даже не способны его вообразить.

— Если вы верите в это, то почему бы вам не сунуть меня на хранение в какой-нибудь ледник? — спокойно произнес Бартон.— Или подвесить между парой прутьев в этой... восстановительной камере? Я буду тихо и мирно висеть там, вращаясь, как жаркое на вертеле, пока ваш Проект не будет завершен.

— Мы не можем так поступить! — вскричал Лога.— Подобный акт обратил бы все в прах! Каким образом вы достигли бы спасения? И, кроме того, это означало бы непростительное насилие с нашей стороны! Немыслимо!

— Я убегал и скрывался от вас — разве это не являлось насилием? — произнес Бартон.— Вы захватили меня и держите здесь против моей воли, тоже совершая насилие. И, наконец, уничтожение воспоминаний об этой нашей маленькой встрече тет-а-тет также будет насилием.

Лога мучительно стиснул руки, неподдельное горе исказило его лицо. Если он был отступником, Таинственным Пришельцем, то следовало признать за ним незаурядный талант актера. С отчаянием в голосе он сказал:

— Да, это правда — но только отчасти. Мы вынуждены применять некоторые меры самозащиты. Если бы дело касалось другого человека, мы, скорее всего, просто оставили бы его в покое. Да, мы попрали свои собственные этические принципы, когда охотились за вами

по всей долине и исследовали тут ваше тело... Мы сделали это... И, поверьте мне, расплатимся за все страшными душевными муками.

— Вы могли бы частично облегчить свою совесть, объяснив, зачем я и все остальные человеческие существа были возвращены к жизни. А так же — каким образом это сделано.

Лога заговорил; речь его время от времени прерывалась замечаниями остальных этиков, чаще всего — золотоволосой женщины. Наблюдая ее отношение к Логе, Бартон решил, что она либо являлась его женой, либо обладала более высоким рангом.

Иногда рассказ Логи комментировал другой мужчина. Когда он начинал говорить, на лицах остальных появлялось выражение почтительного внимания, из чего Бартон заключил, что он являлся руководителем группы. Однажды говоривший повернул голову так, что отблески света заиграли в одном из его глаз. Бартон вгляделся пристальнее и заметил, что в левой глазнице этика находился крупный драгоценный камень.

Бартон подумал, что это, вероятно, какой-то прибор, позволяющий своему владельцу воспринимать нечто недоступное остальным. В дальнейшем он испытывал какое-то смутное беспокойство, когда блестящий фасеточный глаз поворачивался к нему. Что можно было увидеть с помощью этого многогранного кристалла?

К концу рассказа Бартон знал немногим больше, чем раньше. Этики могли наблюдать прошлое с помощью устройства, которое он, за неимением лучшего термина, назвал хроноскопом. Этот прибор позволял им производить записи любых существ на атомарном уровне. Используя записи в качестве исходных моделей, они формировали нужные организмы на конвертерах, преобразующих энергию в материю.

— Что случится,— спросил Бартон,— если вы одновременно воспроизведете два тела одной и той личности?

Лога криво усмехнулся и сказал, что такой эксперимент был как-то произведен. Только в одном теле вспыхнула искра жизни.

Бартон улыбнулся подобно коту, только что проглотившему мышь.

— Думаю, что вы лжете мне. Или говорите полуправду. Во всем этом есть какая-то неточность. Вы утверждаете, что человеческие существа могут достичь такого необычайно высокого духовного состояния, когда они сбрасывают свою телесную оболочку и, как вы выразились, «уходят». Но тогда почему же вы, этики — предположительно, высшие создания — еще здесь, в этом бренном мире? Почему вы тоже не «ушли»?

Лица у всех, кроме Логи и человека с кристаллом в глазнице, посуровели. Лога рассмеялся и сказал:

— Очень проницательно. Превосходное умозаключение. Я могу только ответить, что некоторые из нас действительно Ушли. Но к нам, этикам, предъявляются более высокие требования, чем к воскрешенным обитателям долины.

— Я все еще думаю, что вы лжете,— с сомнением покачал головой Бартон.— Однако я ничего не могу с этим поделать. Пока не могу,— уточнил он, недобро усмехнувшись.

— Если вы будете упорствовать в своих заблуждениях, то никогда не получите возможность Уйти,— сказал Лога.— Мы объяснили вам, чем занимаемся; мы чувствовали, что это — наш долг перед вами, и постарались выполнить его так хорошо, как могли. И когда мы поймаем остальных — тех, кто пытается вмешиваться в наши дела,— мы сделаем для них то же самое.

— Среди вас есть Иуда, предатель,— произнес Бартон, наслаждаясь эффектом, произведенным этими словами. Но человек с кристаллом в глазнице резко сказал:

— Почему бы вам не поведать ему правду, Лога? Пусть с его лица сойдет эта отвратительная ухмылка, пусть он знает свое место!

Лога колебался; потом кивнул головой:

— Хорошо, Танабар, если вы так считаете...— он повернулся к Бартону: — Вам следует теперь вести себя очень осторожно, Бартон. Вы не должны больше совершать самоубийств, и вам придется так же упорно сражаться за свою жизнь, как раньше на Земле... когда у вас была только одна жизнь... и одна смерть. Существует предел возможного количества воскрешений. После определенного их числа — оно различно для каждого индивидуума и не существует способа предсказать его — психоморф теряет способность соединяться с телом. Каждый акт смерти ослабляет связь между телом и психоморфом. С течением времени психоморф достигает точки, откуда уже нет возврата... Он становится — если употребить ненаучный термин — «потерянной душой». Он вечно скитается во вселенной; мы способны ощущать присутствие таких потерянных психоморфов без всяких приборов — в отличие от тех, которые... как бы это сказать?.. «спасены» и стали полностью недоступны нашему восприятию... Итак, вы видите, к каким результатам приводит игра со смертью... Вот почему те несчастные, которые не могут смотреть жизни в лицо и вступают на путь непрерывных самоубийств, если и не совершают смертельного греха, то, в любом случае, идут дорогой без возврата.

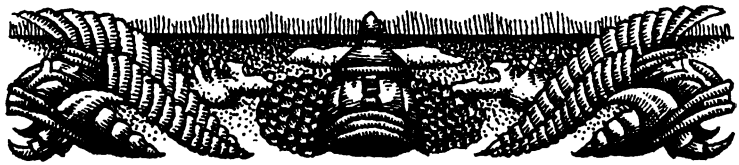
— Этот предатель, мерзкий отщепенец, заявляющий, что хочет помочь вам, на самом деле использует вас в собственных целях,— произнес человек с кристаллом в глазнице.— Он не уведомил вас, что, выполняя его — и свои — планы, вы можете лишиться шанса достичь вечной жизни. Поймите, он или она — кем бы ни был предатель — есть зло! Зло, зло! И теперь вам придется стать очень осторожным. Может быть, у вас в запасе есть еще дюжина попыток; или ваша следующая смерть уже будет последней!

Бартон вскочил и закричал:

— Вы не хотите, чтобы я добрался до конца Реки! Но почему? Почему?

— Прощайте, — тихо сказал Лога. — И простите нас за это насилие...

Бартон не видел, чтобы кто-нибудь из двенадцати шевельнул рукой. Но сознание покинуло его так же быстро, как стрела — тетиву лука. И когда он очнулся...



ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Самым первым его приветствовал Питер Фригейт. Увидев Бартона, американец потерял свою обычную сдержанность; на глазах его показались слезы. Бартон почувствовал, что его щеки тоже увлажнились; какое-то время он с трудом отвечал на вопросы, которыми засыпал его Фригейт. Ему самому в первую очередь хотелось узнать, что случилось с Фригейтом, Логу и Алисой после его исчезновения. Фригейт отвечал, что они долго искали Бартона, а затем отправились обратно в Телем — в ту маленькую страну у озера, где остались Казз, Монат и Лев Руах.

— Где же вы пропадали, дружище? — воскликнул Фригейт.

«Спускался я в провалы темноты,
Отважно и оттуда восходил
Опять к высотам»[1], —

процитировал Бартон.

Затем он улыбнулся и положил руку на плечо Фригейта:

— Однако, в отличие от Сатаны, я нашел по крайней мере нескольких превосходных и честных людей, богобоязненных и ненавидящих зло. Правда, их попадалось чертовски мало. Большинство мужчин и женщин все еще остаются такими же эгоистичными, невежественными, суеверными, самовлюбленными, трусли-

[1] Джон Мильтон. «Потерянный рай», книга третья *(перевод А. Штейнберга).*

выми мерзавцами, какими они были на Земле. И почти во всех местах, где я побывал, красноглазая обезьяна-убийца борется со своим надсмотрщиком — обществом, сбрасывает его оковы и обагряет руки кровью.

Фригейт болтал без умолку, пока они шли к высокой изгороди в миле от берега, за которой находились административные здания государства Телем. Бартон слушал его вполуха. Он дрожал, сердце его стучало, как паровой молот,— но не потому, что впереди его ждала встреча с друзьями.

Он помнил! Вопреки утверждениям рыжеволосого Логи, он помнил все.

Существовало единственное объяснение: один из двенадцати сохранил ему память, причем так, что остальные не узнали о его действиях.

Один из двенадцати — Тот самый Отступник, его Таинственный Пришелец.

Но кто из них?.. Придет день — и он, Бартон, все узнает. Пока же остается удовлетворяться тем, что у него появился друг, который, вполне возможно, использует его в своих интересах. Но придет момент, когда он, Бартон, заставит служить его своим целям.

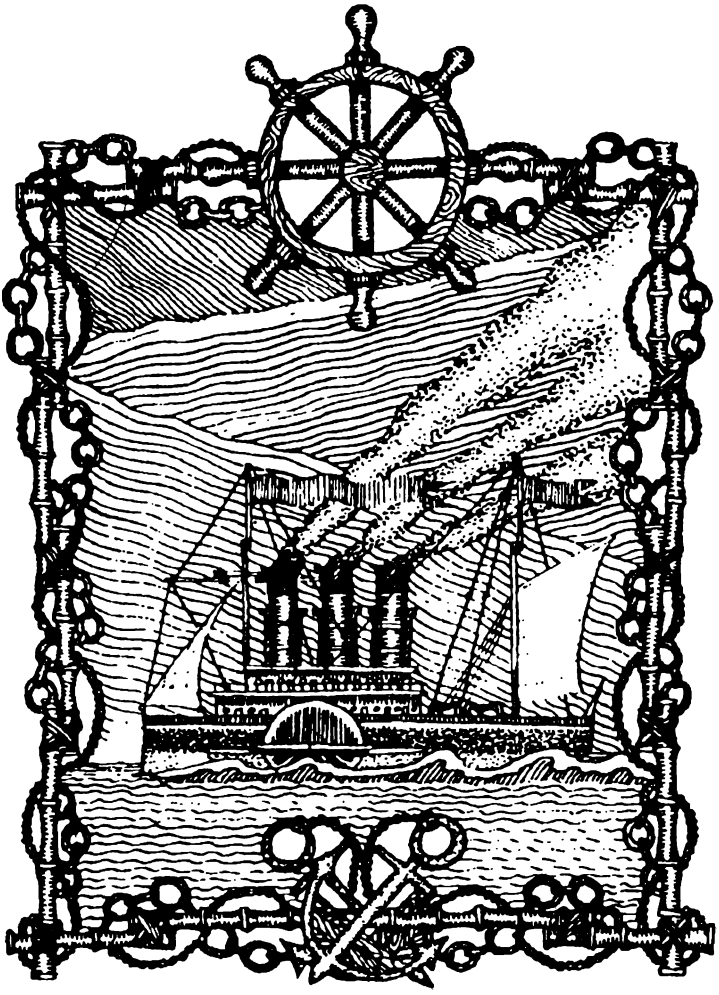
Где-то в долине затерялись другие человеческие существа, с которыми был связан Пришелец. Вероятно, ему удастся найти их; все вместе они отправятся на штурм Башни.

Одиссею помогала Афина Паллада. Хитроумный царь Итаки выходил цел и невредим из опаснейших приключений благодаря своей ловкости и могуществу. Но время от времени богиня протягивала ему руку помощи.

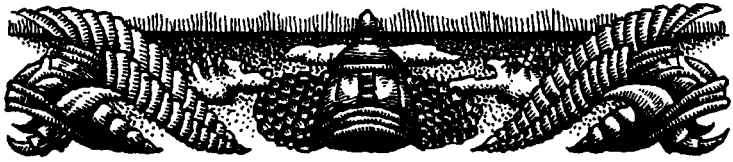
Одиссея оберегала его Афина; у Бартона появился его Таинственный Пришелец.

— Что же вы собираетесь теперь делать, Дик? — раздался над ухом голос Фригейта.

— Я построю корабль и отправлюсь вверх по Реке. Я пройду ее полностью, до самого конца! Хотите, поплывем вместе?



СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сэм Клеменс шагал взад и вперед по кормовому палубному настилу «Дрейрага» («Кровавого»), покуривая длинную зеленоватую сигару. Он переложил подзорную трубу в другую руку и, остановившись около рулевого Ари Гримальфссона, ни слова не понимавшего по-английски, задумчиво произнес:

— Воскрешение, подобно политике, способно уложить в одну постель самых разных партнеров. К сожалению, такси сон не приносит отдыха.

Ари холодно посмотрел на Сэма. Наморщив лоб, Клеменс изложил свою мысль на ломаном старонорвежском, но она не стала рулевому понятней.

Сэм выругался по-английски, обозвав Ари тупоголовым варваром. Три последние года Клеменс днем и ночью практиковался в норвежском десятого века, однако большинство мужчин и женщин на борту «Дрейрага» с трудом понимали его.

— Гек Финн, у которого за спиной девяносто пять прожитых лет, плюс или минус несколько тысячелетий,— пробормотал Клеменс, адресуясь к собственной персоне.— Я отправился в путь на плоту с низовьев Реки. Теперь я плыву на дурацком корабле викингов вверх по Реке. Что дальше? Когда же осуществится моя мечта?

Зажав локтем свою драгоценную подзорную трубу, он с силой ударил правым кулаком по раскрытой ладони левой руки.

«Железо! Мне нужно железо! Но где его найти на планете, перенаселенной людьми, но бедной металлом? Нет, железо должно тут быть! В противном случае, откуда взялся топор Эрика? Много ли его здесь? Скорее всего, нет. Скорее всего, топор сделан из крошечного железного метеорита. Но, быть может, я найду столько железа, сколько необходимо? Но где? Мой бог, эта Река, наверное, тянется на двадцать миллионов миль! И железо, возможно, находится на другом ее конце! Нет! Оно должно залегать где-то недалеко, в пределах ста тысяч миль. Но где гарантия, что мы плывем в нужном направлении?»

Клеменс навел подзорную трубу на правый берег и снова выругался. Несмотря на его постоянные просьбы, они удалились от берега так, что он не мог разглядеть лиц.

Конунг флота викингов, Эрик Кровавый Топор, говорил, что данная область населена враждебными племенами. И корабли должны держаться середины Реки.

«Дрейраг» — флагман флотилии, состоявшей из трех кораблей, достигал в длину восьмидесяти футов и был построен из бамбука, хотя и напоминал древние скандинавские драккары, бороздившие северные моря европейского континента на рубеже первого и второго тысячелетий. Низкий корпус с корабля суживался к корме; нос украшала голова дракона, вырезанная из дуба. Судно покрывали палубные настилы, над которыми вздымались две высокие бамбуковые мачты. Тонкие, полупрозрачные, но очень прочные паруса были изготовлены из плавательных пузырей «речных драконов» — огромных глубоководных рыб. На кормовой палубе находилось штурвальное колесо, соединенное с рулем гибкими тросами.

На внутренней стороне бортов судна висело оружие команды — круглые дубовые щиты, обтянутые кожей, большие весла крепились на специальных подставках. «Дрейраг» шел против ветра, непрерывно лавируя ма-

невром, неизвестным скандинавским мореплавателям десятого века.

Мужчины и женщины, не занятые управлением парусами, сидели на скамьях для гребцов, болтали, играли в покер и кости. Из-под кормового настила неслись ликующие вопли вперемешку с руганью — Кровавый Топор и его телохранитель резались в пульку. Их беспечность, неуместная ввиду надвигающихся событий, нервировала Клеменса. Конунг отлично знал, что в трех милях выше по Реке сосредоточился вражеский флот, готовый перехватить их корабли, к тому же от обоих берегов позади «Дрейрага» отчаливали суда, перекрывая путь к отступлению.

Однако Эрик сохранял демонстративное спокойствие. Клеменс подумал, что норвежец своей невозмутимостью напоминает ему адмирала Дрейка перед сражением с Великой Армадой.

— Но здесь совсем иная ситуация, иные условия, — сердито пробормотал Клеменс, — нет достаточно пространства для маневра, Река не более полутора миль шириной. Да и шторма, который помог бы нам выпутаться, не ожидается.

Клеменс направил на берег свою трубу, что делал постоянно в течение трех последних лет, странствуя с флотом викингов. Он был среднего роста, и его не слишком широкие плечи казались еще уже из-за крупной головы. Рыжеватые длинные волосы обрамляли лицо с тонким римским носом и голубыми глазами, смотревшими из-под нависших косматых бровей. Усы, так хорошо знакомые тысячам людей во время его земной жизни, отсутствовали; в мире Реки мужчины воскресали без растительности на лице. Кусок ткани, похожей на полотенце, облегал его бедра до колен на манер шотландского кильта; примитивная одежда закреплялась у талии кожаным ремнем, на котором висел футляр для подзорной трубы. На ногах Клеменса красовались самодельные кожаные башмаки. Его тело отливало бронзой под ярким экваториальным солнцем.

Он перевел трубу, пытаясь разглядеть, что происходит на вражеских кораблях, плывших позади «Дрейрага» на расстоянии мили. И в тот же момент увидел в небе изогнутую, как сабля, белую полосу с огненной точкой на конце, стремительно удлинявшуюся и направленную вниз. Мгновением позже сверкающий объект достиг гор и исчез за ними.

Сэм был поражен. Он не раз наблюдал ночами падение мелких метеоритов, но этот, несомненно, просто огромен!

Даже при дневном свете пылающий болид слепил глаза и его изображение секунду или две держалось на сетчатке. Когда зрение восстановилось, Сэм отвлекся от упавшей звезды. Он снова рассматривал берег с помощью своей трубы.

Эта местность была типичной; по обоим берегам Реки тянулись полуторамильные полосы равнины, поросшие травой. На их поверхности кое-где возвышались огромные грибообразные каменные структуры — грейлстоуны, камни-Граали,— нескончаемый источник жизненных благ планеты. Но у подножия окаймлявших степь холмов вздымались неохватные стволы могучих тисов, сосен, дубов и железных деревьев. Их огромные, достигавшие тысячефутовой высоты, кроны создавали хаос из ветвей и листьев, напоминающих свешивающиеся слоновьи уши; а их древесина была столь тверда, что не поддавалась ни ножу, ни огню. Гибкие лианы, усыпанные большими яркими цветами, тянули бесконечные стебли по ветвям и стволам деревьев.

За холмами через одну-две мили неприступной стеной вставали горы. Крутые и неприступные вершины возносились на высоту двадцати-тридцати тысяч футов. Эту область, вдоль которой Река несла норвежские корабли, в основном населяли немцы девятнадцатого столетия. Около десяти процентов жителей составляли люди из другого места и другого времени Земли; в данном случае — персы первого века новой эры. И, наконец, менее одного процента составляло случайное насе-

ление, мужчины и женщины, жившие на Земле в разные времена и в разных странах.

Глядя в трубу, он видел бамбуковые хижины на равнине, лица и фигуры людей. Чресла мужчин облегали только разноцветные покрывала; женщины носили юбки, сделанные из таких же покрывал, их груди стягивал легкий кусок ткани. На берегу собралось множество людей, которые, по-видимому, готовились наблюдать за сражением или участвовать в нем. Вооруженные копьями с обсидиановыми наконечниками, луками и стрелами, они растянулись вдоль берега, не придерживаясь военного построения.

Клеменс что-то проворчал, задержав взгляд на лице одного мужчины. На таком расстоянии в свой несовершенный инструмент он не мог отчетливо разглядеть его черты. Но широкоплечая фигура и смуглое лицо показались Сэму знакомыми. Где он мог видеть его раньше?

И тут воспоминание словно ударило его: человек напоминал известного английского исследователя сэра Ричарда Бартона, фотографии которого он неоднократно видел на Земле. Скорее всего, это был кто-то другой, но сходство поразило Клеменса. Он покачал головой и стал переводить свою трубу на другие лица и другие фигуры, мимо которых проносился его корабль. Он не мог быть уверен, что люди, показавшиеся ему знакомыми, являются таковыми на самом деле.

Хорошо бы сойти на берег и побеседовать с тем человеком; возможно, он — действительно Бартон. За двадцать лет жизни на планете Реки, повидав миллионы лиц, Клеменс не встретил никого, кто был бы знаком ему по прежней жизни на Земле. Он не встречался с Бартоном лично, но был уверен, что тот слышал о нем. Тот человек — если он действительно являлся Бартоном — мог стать тонкой ниточкой, связывающей Сэма с прошлым, с жизнью на Земле.

И вдруг далекая, размытая фигура возникла в поле зрения... Клеменс дико вскрикнул:

— Ливи! О, боже мой, Ливи! Ливи!

Никаких сомнений. И хотя он ясно не различал ее черты, он не мог ошибиться! Овал лица, прическа, фигура и танцующая походка — доказательства, неумолимые, как отпечатки пальцев! Он видел свою жену, с которой прожил на Земле более тридцати лет, снова юную и прекрасную!

— Ливи,— простонал он. Корабль переменил галс, и он потерял ее из виду. Стиснув зубы, напрягая зрение, он судорожно обшаривал берег с помощью трубы. Не выдержав, он принялся стучать ногой о палубе и закричал:

— Кровавый Топор! Кровавый Топор! Поднимись! Скорее! — Сэм рванулся к рулевому, жестом приказав ему повернуть корабль и подойти к берегу. Его неистовый взгляд вызвал у Гримальфссона некоторую растерянность, но викинг быстро пришел в себя, сощурился и отрицательно покачал головой.

— Правь к берегу, я приказываю тебе! — вскричал Клеменс, забыв, что рулевой не понимает по-английски.— Там моя жена! Оливия! Моя прекрасная Ливи — такая, какой она была в двадцать пять лет! Поворачивай обратно, дубина!

Что-то грохнуло позади него, Клеменс обернулся и увидел голову с растрепанными белокурыми волосами и обрубленным левым ухом, возникшую на уровне палубы. Затем, по мере того как Эрик Кровавый Топор подымался по лестнице, появлялись его широкие плечи, могучая грудь и мускулистые руки.

Он был одет в полосатое черно-зеленое покрывало, которое стягивал на талии широкий ремень, поддерживающий несколько метательных ножей из кремня и топор с широким стальным лезвием и дубовой рукоятью. Топор, насколько знал Клеменс, являлся уникальным изделием на планете, где материалом для оружия могли служить только камень и дерево.

Конунг взглянул на Реку и нахмурился. Повернувшись к Клеменсу, он сказал:

— Что случилось, скрелинг? Я сделал неверный ход, когда ты завопил, как невеста Тора в первую брачную ночь. Я проиграл Токи Нильсону сигару! — Он вытащил топор из чехла и взмахнул им. Солнце сверкнуло на голубоватом стальном лезвии.— У тебя должна быть важная причина, чтобы побеспокоить меня! Клянусь бородой Локи, многие поплатились головой за меньшую провинность!

Лицо Клеменса побледнело, но на угрозу Эрика он не обратил внимания. Взъерошенные ветром волосы, орлиный профиль и пристальный взгляд делали его похожим на сокола, готового броситься на добычу.

— Иди ты к дьяволу, вместе со своим топором! — закричал он.— Я только что видел свою жену, Ливи, там, на правом берегу! Я хочу... я требую... чтобы ты высадил меня на берег! Я должен разыскать ее! О боже, после всех этих лет бесполезных поисков... Это займет только одну минуту! Ты не можешь отказать мне, ты не будешь таким бесчеловечным!

Сверкающий топор еще раз со свистом рассек воздух. Викинг оскалил зубы в ухмылке.

— Так вся эта суматоха из-за женщины? Из-за нее? — Эрик указал на маленькую темнокожую фигурку, притулившуюся возле дубовой рамы метательной ракетной установки.

Клеменс стал бледнее. Он произнес:

— Темах чудесная девушка, и я давно с ней! Но она — не Ливи!

— Ты считаешь, что этой причины достаточно? — ехидно поинтересовался Кровавый Топор.— Думаешь, я такой же глупец как ты? Стоит нам подойти к берегу, как враги зажмут нас и с воды, и с суши; мы уподобимся мыши в кулаке Трейра! Я не сделаю этого, скрелинг! Забудь о ней.

Клеменс пронзительно вскрикнул и с поднятыми руками бросился на викинга. Эрик размахнулся и ударил плоскостью лезвия Клеменса по голове, повалив его на палубу. Несколько минут Клеменс неподвижно

лежал на спине, солнце светило в его широко открытые глаза, а кровь, струившаяся из-под волос, заливала лицо. Придя в себя, он слабо застонал.

Конунг сделал нетерпеливый жест. Темах, со страхом взглянув на Эрика, опустила за борт обмазанную глиной корзинку на длинном шесте и зачерпнула воды, затем осторожно вылила ее на грудь и лицо Клеменса. Он сел, мотая головой, потом приподнялся на дрожащих ногах. Темах набрала еще одну корзинку воды и ополоснула палубу.

Клеменс зарычал на Эрика. Тот ухмыльнулся и сказал:

— Нидинг, трус, ты болтал слишком много и слишком долго. Теперь ты знаешь, что случится с тобой, если ты посмеешь говорить с конунгом, как с траллсом. Тебе повезло, что я не убил тебя.

Клеменс отвернулся от Эрика, пошатываясь оперся на ограждавшие палубу перила и попытался перелезть через них.

— Ливи! — из его горла вырвался тоскливый хрип. Ругаясь, Кровавый Топор подскочил к нему, обхватил поперек груди, оттащил и потом снова швырнул на палубу.

— Я не дам тебе удрать, проклятый скрелинг! — закричал норвежец.— Ты мне еще нужен. Ты должен найти мне железо!

— Здесь же нет...— начал Клеменс, но оборвал фразу на полуслове. Если норвежец поймет, что Сэм понятия не имеет, где находятся залежи железа (если они вообще тут есть), то с ним покончат в одно мгновение.

— Кроме того,— бодро продолжал Эрик,— когда мы найдем железо, ты поведешь нас к Северному Замку. Правда, я полагаю, что смогу сам добраться до него, плавая по Реке. Но и тогда ты будешь мне нужен. У тебя много знаний, которые могут пригодиться. А еще я хочу использовать твоего приятеля, Джо Миллера, этого великана из страны льда и мороза.

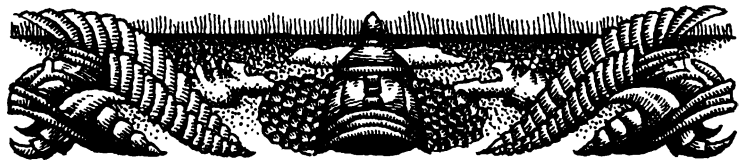
— Джо! — окрепшим голосом выкрикнул Клеменс. — Джо Миллер! Где Джо! Он убьет тебя!

Топор просвистел над самой головой Клеменса.

— Ты не скажешь Джо ни слова об этом деле, слышишь? Клянусь пустой глазницей Одина, я прикончу тебя раньше, чем он протянет ко мне свои лапы! Ты слышишь?

Но Клеменс внезапно вскочил на ноги и, шатаясь, как пьяный, громко закричал:

— Джо! Джо Миллер!



ГЛАВА ВТОРАЯ

Внезапно из-под палубного настила раздался голос, бормотавший что-то невнятное. Он был схож с рычаньем зверя, таким мощным, что волосы на затылках людей встали дыбом, хотя они слышали этот рык тысячи раз.

Ступени бамбуковой лестницы заскрипели под весом огромного тела, заскрипели так громко, что перекрыли свист ветра в кожаных канатах такелажа, хлопанье парусов, крики команды и шипение воды, разрезаемой носом корабля.

Голова, появившаяся над краем палубы, выглядела куда более устрашающей, чем нечеловеческий, могучий голос, предшествовавший ее появлению. Скошенный лоб переходил в приплюснутый череп, покрытый рыжими волосами. Выступающие надбровные дуги нависали над маленькими, темно-синими глазами. Широкие скулы, тонкие губы, вывернутые наружу, могучие челюсти придавали созданию сходство с гориллой. Нос, однако, не гармонировал с остальными чертами лица, на котором более уместным выглядел бы плоский нос с широкими, открытыми для всеобщего обозрения ноздрями. Вместо этого под узким лбом торчала ужасающе комическая пародия на человеческий нос, подходившая его лицу не более, чем хобот к морде обезьяны.

Плечи Джо имели чудовищную ширину. Впереди себя он с достоинством нес объемистое брюхо размером с пивную бочку. Его руки и ноги казались короткими в сравнении с длинным туловищем, хотя тазобедренный сустав располагался на уровне подбородка Клеменса.

Рукой, вытянутой на полную длину, Джо мог удерживать Клеменса в воздухе в течение часа без малейшего намека на дрожь.

Он не нуждался в одежде ни для защиты от холода, ни скромности ради. Последнее понятие вообще было ему незнакомо, пока он не соприкоснулся с расой «хомо сапиенс». Ржаво-красные волосы, более густые, чем у человека, но не такие плотные, как у шимпанзе, покрывали его тело. Кожа под ними имела грязновато-розовый цвет.

Он запустил в свою рыжую шевелюру лапищу размером с полный словарь английского языка и поскреб плоское темя; потом широко зевнул, демонстрируя огромные, похожие на человеческие по форме зубы.

— Я был тпящий,— громыхнул гигант.— Я видел Темлю, я видел кравулхитменбафвина, ты называешь его маммоном. Я охотился на него — как в добрые тарые дни.

Он заковылял вперед, затем остановился.

— Тэм! Что тлучилось? Ты в крови! Ты выглядишь плохо!

Рявкнув на своих охранников, Эрик Кровавый Топор попятился от гигантопитека.

— Твой приятель — безумец! — закричал он.— Ему показалось, что он увидел свою жену — как это уже случалось тысячу раз! И он напал на меня, когда я не позволил ему сойти на берег! Клянусь бородой Тора, Джо! Ты знаешь, сколько раз он думал, что видит свою женщину и мы всегда останавливались из-за него! И всегда это была другая женщина, немного похожая на его жену! Но сейчас я сказал — нет! Даже если он действительно видел свою женщину, я все равно скажу — нет! Мы не можем совать наши головы в волчью пасть!

Эрик поднял свою секиру, готовый отразить удар гиганта. Тот медленно двинулся вверх по лестнице, сжимая в огромной лапе каменный топор чудовищных размеров. Рыжеголовый великан явно колебался.

— Что ты ткажешь, Тэм? — произнес Миллер.— Должен я разорвать его на части?

Клеменс схватил голову ладонями, сжимая затылок.

— Нет, Джо. Вероятно, он прав. Я действительно не уверен, видел ли я Ливи. Может быть, я перепутал ее с немецкой фрау, похожей на мою жену... Я не знаю, не знаю!

На норвежских судах, следовавших за «Дрейрагом», заревели рога из рыбьих костей. В ответ с палубы флагмана грохнул огромный барабан. Сэм Клеменс бросил взгляд вперед и сказал:

— Забудь об этом, Джо, пока мы не выберемся из этой свалки — если мы выберемся из нее! Если мы уцелеем, мы вернемся к этому делу. Позже...

— Ты уже говорил «потже», Тэм, но это «потже» никогда не наступает. Почему?

— Если ты не в состоянии понять этого, значит, ты на самом деле такой тупица, каким выглядишь! — огрызнулся Клеменс.

Слезы блеснули в глазах Джо и его огромные щеки стали мокрыми.

— Кажтый раз, когда ты бываешь обижен, ты натываешь меня тупицей. Почему ты натываешь так меня? Почему не людей, которые обижают тебя, почему не его? — великан ткнул пальцем в сторону Кровавого Топора.

— Я виноват перед тобой, Джо,— ответил Клеменс.— Истина глаголит устами младенцев и обезьяночеловека... Ты хороший парень, Джо. Ты не тупица, ты очень умный. Прости меня.

Кровавый Топор вновь обрел свой важный вид, но, на всякий случай, держался подальше от Джо. Раскачивая свое сверкающее оружие, он махнул рукой вперед и закричал:

— Скоро металл столкнется с металлом и прольется кровь! — Ха!.. Но что я говорю! Здесь в битве сталкиваются камень с камнем и дерево с деревом — если, конечно, не считать моего топора из звездного железа! Но

что с того? Меня утомили шесть месяцев мира. Я жажду криков войны, свиста копий, грохота острой стали, пронзающей плоть, потоков крови. Я хочу обручиться со смертью! — на губах викинга выступила пена, его глаза сверкали.

— Твинья! — сказал Джо Миллер.— Ты сказал плохо. Ты боишься, да, и прикрываешь это твоим большим ртом!

— Я не могу разобрать твоего бормотанья,— небрежно бросил Кровавый Топор.— Обезьяне никогда не овладеть человеческим языком.

— Ты понял меня хорошо,— Джо сжал огромный кулак.

— Успокойся,— Клеменс положил ладонь на руку гиганта и посмотрел вперед. Милях в двух вверх по течению прибрежные равнины исчезли; горы подступили к Реке, тесня ее. Ширина потока тут не превосходила четверти мили; вода кипела, как в котле, между двух утесов, достигавших высоты трех тысяч футов. На их вершинах можно было заметить какие-то непонятные конструкции, блестевшие на солнце.

Перед входом в теснину расположилось тридцать вражеских галер, образовавших три выгнутые подобно полумесяцу линии. Внезапно они устремились навстречу кораблям норвежцев. Быстрое течение и удары шестидесяти весел стремительно несли вперед легкие суда. Внимательно разглядывая вражеский флот через подзорную трубу, Клеменс заметил:

— Каждый их корабль имеет на борту сорок воинов и две ракетные установки. Мы попали в дьявольскую западню. У наших собственных ракет старая начинка, взрывчатка могла кристаллизоваться от долгого хранения.

— А что там торчит наверху утесов? Машины, которые бросают греческий огонь? — Конунг принял от телохранителя доспехи: трехслойный кожаный шлем, кожаный панцирь, налокотники и щит. Другой воин дер-

жал связку метательных копий с кремневыми наконечниками.

Обслуживающая ракетную установку команда из женщин уже поместила снаряд в метательную трубу. Длина сделанной из бамбука ракеты превышала шесть футов; ее начинку составлял черный порох, смешанный с осколками камня, игравшими роль шрапнели.

Джо Миллер отправился вниз за своим оружием; доски палубы жалобно скрипели под весом его восьмисот фунтов. Клеменс надел шлем и забросил за спину щит,— другими доспехами он не пользовался, хотя и боялся ранения; но еще больше его устрашала возможность утонуть в Реке, упав в нее в тяжелом вооружении.

Сэм благодарил неведомых богов, желание или недосмотр которых свели его с Джо Миллером, кровным братом — после того, как Клеменс рискнул пройти болезненную церемонию, которая представлялась ему отвратительной.

Но теперь Миллер и Клеменс должны были защищать и поддерживать друг друга до самой смерти. В случае вооруженного конфликта таланты Джо были неоспоримы; того, что он делал в любом сражении, вполне хватало на двоих.

Кровавый Топор питал к гигантопитеку устойчивую неприязнь, причиной которой была зависть. Конунг воображал себя величайшим воителем в мире, но прекрасно понимал, что Джо может расправиться с ним так же просто, как с собакой — причем с небольшой собакой.

Конунг отдал приказ, который передали на другие корабли вспышками света, отраженного сигнальными обсидиановыми зеркалами. Кораблям с поднятыми парусами необходимо прорваться сквозь тройной строй галер. Это было непростой задачей; возможно, судам придется лавировать, чтобы избежать тарана, но тогда они могут потерять ветер. Кроме того, каждый корабль трижды попадал под перекрестный обстрел с вражеских галер.

— Ветер дует нам в лицо,— сказал Клеменс.— Их ракеты могут пролететь лишнюю сотню ярдов. Нужно...

— Заткнись, скрелинг! Сейчас я не нуждаюсь в твоих советах, ты, сосунок...— Кровавый Топор внезапно замер, стоя с открытым ртом.

Сверкающие конструкции покинули вершины утесов и стремительно неслись по воздуху, держа курс на корабли викингов. Крики ужаса и тревоги раздались вокруг; Клеменс поднял руку, успокаивая людей. Над ними кружили планеры, и он в нескольких словах попытался как можно проще объяснить конунгу назначение аппаратов. Кровавый Топор закричал что-то на старонорвежском, обращаясь к своим воинам. И в этот момент первая шеренга галер дала ракетный залп. Десять ракет, тащивших за собой шлейфы черного дыма, помчались по дуге к трем парусным кораблям. Суда норвежцев быстро изменили курс, стремясь уйти с линии прицела. Некоторые ракеты пролетели рядом с мачтами, но ни одна не попала в цель. С громким всплеском неразорвавшиеся снаряды скрылись под поверхностью Реки.

Затем первый планер пошел в атаку. Сверкающий, длиннокрылый, с серебристым фюзеляжем, на котором был нарисован черный мальтийский крест, он ринулся вниз на «Дрейраг». Норвежские стрелки подняли луки и по команде своего командира натянули тетивы.

Описав плавный полукруг, планер устремился к кораблю; несколько стрел чиркнули по фюзеляжу и упали в Реку, помешав летчику точно сбросить бомбы, которые взорвались позади «Дрейрага», взметнув над поверхностью фонтаны пены.

Но к норвежским кораблям уже приближались остальные планеры, а вражеские галеры произвели новый ракетный залп. Клеменс обернулся на ракетную установку «Дрейрага». Рослая полная женщина с льняными волосами медленно поворачивала направляющий раструб, повинуясь командам маленькой смуглой Те-

мах. Девушка выглядела совершенно спокойной, как будто царившая вокруг суматоха не касалась ее. На таком расстоянии ракеты «Дрейрага» не могли поразить корабли противника.

Неожиданно изображение замерло, как на фотографии: два планера, пикирующие на «Дрейраг»; маленькие черные бомбы под их крыльями; лучники, напряженно следившие за эволюциями летательных аппаратов; ракеты с немецких судов, пролетевшие уже половину пути до кораблей викингов; дымные черные арки их траекторий, повисшие на воздухе.

Внезапно Клеменс покачнулся от сильного толчка в спину; казалось, какая-то чудовищная рыбина разворачивает корабль поперек течения. Но затем последовали звуки — треск рвущихся парусов и глухие удары, как будто неведомые великаны рубили огромными топорами мачты «Дрейрага».

Планеры, ракеты, летящие стрелы качнулись вверх и в сторону. Рухнувшие мачты с надутыми парусами взлетели к небу, унесенные могучим порывом ветра. Корабль, лишенный парусов, крутился в водовороте, среди белесой пены и потоков ревущей воды. Клеменс был бы неминуемо смыт с палубы, если бы не огромная рука Джо, обхватившая его поперек груди. Другой рукой гигантопитек намертво вцепился в штурвал. Толпившиеся вокруг ракетной установки полунагие женщины пронзительно кричали, их волосы были растрепаны, рты широко раскрыты. Внезапно ураган подхватил их; подобно стае птиц, они взлетели с палубы «Дрейрага» и рухнули в Реку. Раструб ракетной установки, сорванный с рамы, последовал за ними.

Кровавый Топор ухватился одной рукой за поручни, сжимая в другой свое драгоценное стальное оружие. Хотя палуба раскачивалась и кренилась под его ногами, викинг ухитрился сунуть топор за пояс, а затем уцепился за поручни обеими руками. И сделал это вовремя. Налетевший с Низовья ветер, завывающий подобно дикому зверю, обрушился на корабль. Удар го-

рячего пыльного шквала оглушил зажмурившегося Клеменса с силой взрыва сотни ракет.

Река вздулась, огромная волна подняла корабль. Клеменс открыл глаза, закричал, но не услышал собственного крика. Стена грязной бурой воды высотой в пятьдесят футов надвигалась сзади на «Дрейраг». Он хотел снова закрыть глаза, но не мог этого сделать и с пересохшими губами смотрел на гигантскую волну, катившуюся по всей ширине Реки. На ее гребне покачивались вырванные с корнем деревья, огромные сосны, дубы, обломки домов и галер, серебристые тела рыб, выброшенных на поверхность с пятисотфутовых глубин Реки.

Ужас сковал Клеменса. Он хотел умереть, избежать леденящего страха надвигающегося небытия, но это было не в его власти. Сжав ладонями виски, Сэм ощущал, как корабль поднимался и опускался под ним; потоки воды прокатывались по палубе, низко нависшее небо, ставшее из голубого темно-серым, давило на плечи; огромная рука Джо тисками сжимала его грудь.

Теперь корабль находился на вершине водяной горы, и было видно, как новые чудовищные волны надвигались на них, хотя размерами они уступали первой. Внезапно нагое тело, принесенное ревущим потоком, скользнуло на палубу у ног Клеменса. От взгляда вниз волосы зашевелились на его голове; он снова закричал, дико, отчаянно.

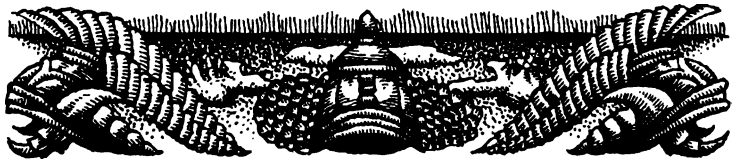
Перед ним, в ссадинах и кровоподтеках, лежало мертвое тело Ливи! Это была Ливи, его жена, которую он видел час назад на берегу Реки!

Новая волна, прокатившаяся по палубе, едва не смыла за борт Клеменса и Джо. Клеменс слышал крик рулевого, которого снесло стремительным потоком. Вместе с ним исчезло и тело женщины.

Корабль встал почти вертикально, вздымаясь на вершину водяной горы. Теперь Клеменс, как и державший его Джо, почти висели на штурвальном колесе, упираясь в палубу скользящими ногами. Внезапно ко-

рабль снова принял горизонтальное положение, затем накренился вниз кормой и ринулся в пропасть между двумя гигантскими волнами. От резкого толчка Кровавый Топор перелетел через палубу. Клеменс видел, как он вцепился в полуоборванные снасти, а вихри белой пены крутились вокруг его плеч и белокурой головы.

Гребень третьей волны поднял «Дрейраг» к серым небесам. Что-то большое, темное, показалось впереди, и через мгновение норвежский корабль столкнулся с полуразбитым корпусом галеры. Судно содрогнулось, вверх полетели обломки весел, куски обшивки, канаты. Клеменс почувствовал сильный удар по голове и потерял сознание.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сэм Клеменс очнулся только к утру следующего дня. «Дрейраг» каким-то образом миновал огромные волны, прокатившиеся по руслу Реки и прилегающим равнинам. Корабль проскочил в теснину между двумя утесами и застрял на мелководье, в небольшой расщелине в основании подступавшей вплотную к Реке горы. Когда вода схлынула, полуразрушенный корабль оказался на суше.

Скованные ужасом люди жались в холодной грязи, покрывшей останки судна, пока ветер яростно таранил беспокойную поверхность Реки. Мрачное небо цвета стылого железа нависало над ним. Постепенно ветер стих и с Низовья потянуло теплом.

Пятеро уцелевших на палубе «Дрейрага» начали с усилием шевелиться, окликая друг друга охрипшими голосами. Сэм почти физически ощущал, как слова с трудом срываются с его застывших губ. Запинаясь, Клеменс рассказал своим спутникам о светящемся объекте, который он наблюдал на небе за час до начала урагана. Где-то внизу по Реке, может быть, милях в двухстах, упал гигантский метеорит. Огромное количество тепла, выделившегося при его ударе о землю, породило пертурбацию обычно спокойной атмосферы в долине Реки. Волны, едва не погубившие «Дрейраг», могли показаться игрушечными в сравнении с водяным Монбланом, возникшим вблизи точки удара. Им повезло; они находились на окраине яростного возмущения стихий.

Из-под палубного настила показались люди, мужчины и женщины, спасавшиеся в трюме «Дрейрага». Некоторые норвежцы смогли подняться на ноги; пошатываясь, они бродили по палубе, что-то бормоча и размахивая руками.

Другие ползли вверх по лестницам, тяжело дыша, оглядываясь вокруг налитыми кровью глазами. Кровавый Топор воззрился на остатки своей команды и внезапно взревел:

— Все вниз, вниз! Могут прийти новые волны, еще больше, еще страшнее! Прячьтесь в трюм, скорее, во имя Одина!

Вид конунга не понравился Клеменсу, но он надеялся, что в голове у норвежца скоро прояснится. Сам он был уверен, что эти первые чудовищные волны являлись и последними.

Джо Миллер, который пришел в себя быстрее, чем остальные, отправился в разведку. Через полчаса он вернулся, таща обнаженное тело мужчины. Оказалось, что этот человек жив. Его красивое лицо с серо-голубыми глазами и белокурые волосы были измазаны грязью. Он что-то сказал Клеменсу по-немецки и благодарно улыбнулся, когда Джо осторожно опустил его на палубу.

— Я нашел его под обломками деревянной птицы, — сказал Джо, изображая огромными ладонями парящий планер. — Там, — он указал рукой в верхнюю часть расщелины, — вся темля покрыта людьми. Мертвыми. Что ты бутешь телать с ним? — спросил он, кивая на молодого летчика.

— Постараюсь сделать его нашим другом, — ответил Клеменс, пожимая плечами. — Его народ уничтожен, и теперь в этом районе хватит места для всех оставшихся в живых.

Молодой человек попытался приподняться, упираясь локтями о палубу. Клеменс помог ему сесть.

— Благодарю вас, сэр, — сказал блондин на английском с хорошим британским выговором. Он обхватил

руками свои обнаженные плечи и добавил.— Я совсем замерз!

Джо спустился под палубный настил и вскоре принес рыбу, хлеб из желудевой муки грубого помола и сыр — обычную пищу викингов. Как правило, они запасались едой, когда флот плыл у берегов, населенных мирными племенами.

— Эта тупая твинья, Кровавый Топор, он все еще жив,— сообщил Джо.— У него только царапины и тсиняки на ребрах. Но его большой рот в полном порядке и уже отдает приказы. Как тебе это нравится?

Дрожащей ладонью Клеменс ощупал палубу в том месте, где лежало тело Ливи. Казалось, доски еще хранили следы ее крови. Слезы наполнили его глаза и медленно покатились по щекам. Глядя на него, Джо тоже заплакал и с трубным звуком высморкал свой хобот.

— Вот,— сказал гигант,— теперь мне гораздо лучше. Я никогта еще не был так испуган, никогта за всю мою житнь. Я тмотрел на воду, она твигалась на нас как мамонт. Я тказал себе — прощай, Джо, прощай, Тэм. Я проснусь где-то у Реки в новом теле, но я больше никогта не увижу Тэма. Это было трашно, так трашно!

Молодой летчик смотрел на Джо в немом изумлении. Потом, повернувшись к Клеменсу, он начал рассказывать о себе. Его звали Лотар фон Ритгофен, и он являлся капитаном военно-воздушных сил его императорского величества, кайзера Новой Пруссии Альфреда Первого. Бывшего кайзера, как с удовлетворением отметил фон Ритгофен.

— За последние десять тысяч миль мы проплыли, наверное, сотню Новых Пруссии,— сказал Клеменс.— Они были такими маленькими, что, встав посередине любой из них, я мог добросить камень до границы соседней. Но те Пруссии не показались мне такими воинственными, как ваша. Нам разрешали высаживаться на берег и пополнять запасы пищи, особенно, когда узнавали, что мы занимаемся торговлей.

— Торговлей?!

— Да, и пусть это вас не удивляет. Конечно, мы продаем не товары; всех товаров старой доброй Земли едва хватило бы на небольшую часть речной долины. Мы торгуем идеями. Например, мы можем показать людям, как сделать распылитель для рыбьего клея или обучить их обращению с парусами.

Лотар заметил, что кайзер Альфред был на Земле графом фон Вальдерзее, фельдмаршалом Германии, что, по-видимому, объясняло его особую воинственность. Граф родился в 1832 году и умер в 1904.

Клеменс кивнул головой и заметил:

— Я вспоминаю, что читал о его смерти в газетах и воспринял это известие с большим удовлетворением. Мы почти ровесники с графом, и мне импонировало, что я переживу старого разбойника. То была одна из немногих радостей последних лет моего земного существования. Но вернемся к вам. Поскольку вы — авиатор, значит родились в Германии двадцатого века?

Фон Ритгофен — кратко рассказал о своей жизни. Он действительно был летчиком немецкого военно-воздушного флота. Его старший брат прославился во время войны как один из лучших ассов германской авиации.

— Вы участвовали в первой мировой войне или во второй, — спросил Клеменс. Он уже встречался с людьми двадцатого века и имел понятие об основных событиях земной истории, последовавших после его смерти в 1910 году.

Оказалось, что фон Ритгофен сражался в первой мировой войне и ухитрился выйти живым из множества передряг. Но в 1922 году он пилотировал самолет, в котором из Гамбурга в Берлин летела американская актриса со своим продюссером. Самолет потерпел аварию, и Лотар погиб.

— Удача покинула Лотара фон Ритгофена — так я думал, когда моя машина падала вниз, — добавил летчик и усмехнулся. — Но вот я здесь, и у меня снова мо-

лодое тело двадцатипятилетнего человека. О чем же мне сожалеть? О старости, до которой я не дожил на Земле? О старости, когда тебя больше не веселит вино, не волнуют женщины и каждый прошедший день приближает к могиле? Нет, сейчас я не жалею ни о чем. Моя удача — со мной, и она снова выручила меня. Планер, который я пилотировал, потерял крылья с первым ударом урагана. Ветер кружил мою машину как сухой лист; я взлетал, опускался и снова взлетал. Наконец, планер сел на воду и поток вынес в этот каньон у подножия горы. Чудо!

— Согласен, если считать чудом удачное стечение обстоятельств, — сказал Клеменс. Он посмотрел на серое небо и сизую, мутную Реку. Солнце слабо просвечивало сквозь тучи, склоняясь к западу. Сэм снова повернулся к летчику и спросил: — Как вы полагаете, упавший метеорит мог послужить причиной этого страшного наводнения?

— Наверняка. Я видел вспышку в небе и пылающий след. К счастью для нас, он упал далеко отсюда.

Они спустились с палубы судна на холодную мокрую землю, покрытую слоем ила и грязи, и двинулись к верхней части расщелины. Джо Миллер отбрасывал в сторону бревна, иногда перегораживающие путь. Глядя на его мощные плечи, Клеменс подумал, что с этими огромными стволами, пожалуй, не справилась бы и упряжка лошадей. Путники медленно продвигались к выходу на равнину. Команда «Дрейрага», покинувшая судно, плелась за ними, по колено увязая в грязи.

Они покинули каньон и теперь в молчании шли по равнине, заваленной вырванными с корнем соснами, дубами и тисами. Только железные деревья по-прежнему возносили к сизому небу свои кроны. Кое-где попадались свободные от грязи участки, покрытые травой. Везде были разбросаны обломки кораблей, останки легких бамбуковых хижин, вперемешку с которыми лежали нагие тела людей, покрытые грязью покрывала, оружие и чаши.

Наконец, они достигли грибообразных грейлстоунов, тянувшихся невысоким барьером вдоль Реки на расстоянии мили от берега. Камни-Граали выглядели неповрежденными, хотя почти полностью утопали в грязи.

— Дожди быстро смоют всю эту мерзость, — сказал Клеменс. — Почва здесь понижается в сторону Реки, и через три-четыре дня равнина будет чистой. — Он старался не смотреть на трупы. Он испытывал острое, непереносимое отвращение. Кроме того, он боялся снова увидеть тело Ливи. Он понимал, что не сможет оставить ее, что грозило ему безумием.

— Мы можем быть уверены в одном, — продолжал Клеменс, упорно глядя себе под ноги. — Между нами и этим метеоритом сейчас нет ни одной живой души. Мы найдем его первыми, и потом нам придется защищать свое железное сокровище от двуногих волков, которые сбегутся на его запах. — Он повернулся к фон Ритгофену, пристально всматриваясь в лицо молодого пилота. — Хотите присоединиться к нам, капитан? Держитесь меня, и однажды вы сможете взлететь в это небо не на планере, а на настоящем аэроплане.

Клеменс поведал летчику о своей Мечте. Потом он коротко рассказал ему о приключениях Джо Миллера и Туманном Замке.

— Чтобы добраться туда мне нужно железо, — сказал он. — Предстоит много тяжелой работы. Эти викинги, конечно, не помощники в таком деле. Чтобы построить большое судно, пароход, надо обладать техническими знаниями. Но я использую их, чтобы найти источники железа. Я надеялся, что мы сможем обнаружить руду, из которой сделан топор Эрика. Эти дикари жаждут получить стальное оружие и потом захватить Туманный Замок, как будто он подобен средневековой крепости где-нибудь в Италии или Франции. Мне довольно легко удалось подбить их на эту экспедицию.

Лицо Лотара горело от возбуждения.

— Ваша цель кажется мне величественной и благородной! — воскликнул он.— Клянусь, я готов следовать за вами до стен Туманного Замка! Даю вам слово офицера и джентльмена, слово барона фон Ритгофена!

— Мне достаточно вашего слова честного человека,— сказал Клеменс сухо.

— Что за странное трио мы представляем! — продолжал Лотар.— Гигантский получеловек — полуобезьяна, чей род вымер за сотню тысяч лет до начала цивилизации. Прусский барон и авиатор, живший в двадцатом веке. И величайший юморист Америки, родившийся в 1835 году! И наша команда,— Сэм иронически поднял брови при слове «наша»,— норвежские викинги десятого века!

— Извините,— сказал Сэм, наблюдая за конунгом и его людьми, в мрачном молчании тащившимися сзади. Все они были покрыты грязью с ног до головы.— В данной ситуации я менее всего ощущаю себя юмористом. Собственно, я никогда не относил себя к этому сорту людей. Я был писателем.

— О, простите! — воскликнул Лотар.— Я причинил вам боль! Не обижайтесь на меня! Чтобы искупить свою бестактность, хочу сказать вам, мистер Клеменс, что еще мальчишкой я перечитал все ваши книги. И самой великой из них считаю «Гекльберри Финна». Правда, должен признать, мне не очень понравилось, как вы высмеиваете аристократию в «Янки из Коннектикута». Впрочем, там шла речь об английской аристократии, с чем, пожалуй, можно примириться.

Кровавый Топор издал хриплый крик, и они остановились. Поразмыслив, конунг решил, что люди слишком измучены, чтобы начать тяжелую работу по спуску корабля в воду. Команда должна поесть, выспаться и как следует отдохнуть. Он махнул рукой, и отряд направился к ближайшему грейлстоуну.

Люди поставили свои чаши в небольшие углубления на плоской вершине камня. Когда солнце коснулось изубренных горных вершин на западе, они ожидали ус-

лышать привычный грохот электрических разрядов, сопровождаемый потоком тепла, исходящего от грейлстоуна. Так, в голубых вспышках молний, плоть камня-грааля, синтезатора материи, преобразовывалась в пищу и питье. По окончании этого процесса, каждый, сняв крышку, находил в своей чаше вареное или жареное мясо, овощи, хлеб и масло, фрукты, сигары, мед, напитки и Жвачку Сновидений.

Но хотя темнота уже опустилась на речную долину, камни-Граали оставались холодными и мертвыми. На другом берегу Реки горизонт озарился голубыми вспышками и слабый грохот донесся до слуха людей. Здесь же, на западном берегу, синтезаторы не работали — впервые за двадцать лет с момента Воскрешения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мужчины и женщины почувствовали себя так, как будто бог покинул их. До сих пор благодеяния, источаемые чудесными камнями три раза в день, казались такими же естественными, как восход солнца. Теперь они могли надеяться только на остатки своих запасов — хлеб, рыбу и сыр.

Клеменс побледнел от ужаса. Но фон Ритгофен напомнил о том, что они могли перебраться на восточный берег Реки. Клеменс подошел к конунгу, чтобы обсудить с ним создавшееся положение. Кровавый Топор был в отвратительном настроении, но, истощив свой запас проклятий, все же решил, что нужно делать. Спустя несколько минут, Сэм, Джо Миллер и молодой летчик, забрав чаши, погрузились в челнок. На весла сел Токе Крокссон, рыжеголовый швед с мускулистыми руками гребца и воина. Доставив их на восточный берег, он погнал легкое суденышко обратно.

Шлепая по мокрой земле, троица дотащилась до серой гряды грейлстоунов. Они решили расположиться на ночь на плоской вершине огромного камня. Его поверхность была чистой; по-видимому, мощные электрические разряды удалили всю грязь.

Клеменс лег на спину и, подложив руки под голову, уставился в ночное небо. Оно отличалось от земного; двадцать тысяч звезд, более ярких, чем Венера, сияли на нем, и светящиеся нити газовых облаков пересекали его из конца в конец. Некоторые звезды были настоль-

ко яркими, что их удавалось разглядеть даже в полдень.

— Очевидно, метеорит разбил несколько камней на западном берегу,— сказал Сэм.— Цепь синтезаторов разорвалась. Боже мой, какое гигантское сооружение! Мне доводилось встречать людей, которые подсчитали, что цепь включает как минимум двадцать миллионов камней!

— После катастрофы долина Реки может стать полем непрерывной битвы,— произнес Лотар.— Жители западного берега нападут на обитателей восточного, чтобы получить доступ к работающим грейлстоунам. Это будет чудовищная, небывалая война! У Реки живут тридцать пять — тридцать семь миллиардов человек, и все они будут бороться за пищу.

— Черт меня побери, если это будет иметь какой-то смысл,— заявил Джо.— Одна половина убьет другую половину, но через тсутки покойники оживут и все начнется тначала.

— Я в этом не уверен,— сказал Сэм.— Думаю, что количество воскрешенных как-то связано с производительностью синтезаторов. Трудно сказать, что произойдет сейчас, когда половина их вышла из строя,— Клеменс повернулся на бок и задумчиво добавил: — Да, натворил дел этот диверсант с небес!

— Я долго размышлял о причинах возникновения этого мира,— сказал фон Ритгофен,— и пришел к выводу, что он не является творением сверхъестественных сил.— Вам доводилось слышать эту дикую историю, что гуляет по долине от Низовья до Верхоречья? Рассказывают, что некий человек пробудился раньше Дня Воскрешения и обнаружил, что он находится в очень странном месте. Его окружали миллионы тел, нагие мужчины, женщины и дети, висящие в воздухе. Их головы были выбриты, и они медленно вращались под действием неведомых сил. Этот человек, англичанин по имени не по Перкинс, не то Бартон, умер на Земле в 1890 году. Он начал шевелиться, пытаясь попасть на

пол, но к нему подошли два существа — как говорят, похожие на гуманоидов,— и снова усыпили его. Затем он очнулся, подобно нам всем, на берегах Реки.

— Кто бы ни стоял за всем этим,— продолжал летчик, описав рукой круг,— он — или они — не являются всеведущими. Они допустили ошибку с Бартоном. Ему удалось бросить взгляд на стадию, предшествующую Воскрешению, на которой после смерти на Земле людей подготавливают к жизни в долине Реки. История звучит фантастично, однако...

— Я слышал эту историю,— коротко сказал Сэм. Он подумал, стоит ли поведать своим спутникам о том, что он, кажется, видел Бартона на берегу в подзорную трубу за несколько минут до того, как заметил Ливи. Но воспоминание о ней снова пронзило его острой болью.

Он сел, выругался и погрозил кулаком равнодушным небесам.

Слезы, поблескивающие в свете звезд, текли по его щекам. Джо Миллер, скорчившийся позади него, протянул гигантскую руку и мягко коснулся его плеча. Фон Ритгофен смущенно отвел взгляд.

Затем летчик сказал:

— Надеюсь, утром мы сможем зарядить наши чаши. Очень хочется курить.

Клеменс усмехнулся и вытер слезы ладонью.

— Меня не так-то легко заставить плакать,— произнес он.— Но когда это происходит, мне бывает очень стыдно. Простите меня, барон.

Он снова посмотрел на яркие звезды, сияющие в небесах этой неведомой планеты, и продолжал:

— Мир, в который мы попали — печальный мир. Но горести его иные, чем на нашей старой Земле. Да, мы вечно молоды здесь, нам не надо тяжко трудиться ради пищи и крова, заботиться об оплате счетов, страдать от болезней. Наши женщины не знают тут тягот беременности. И если мы будем убиты или случайно погибнем, то на следующий день восстанем живыми и

здоровыми в тысяче миль от того места, где с нами произошло несчастье. Все это совершенно не похоже на сказки о загробном мире, которыми нас потчевали на Земле проповедники. Но, может быть, все только к лучшему. Представьте себе, что вам пришлось бы летать с помощью нелепых крыльев или целый день бренчать на арфе и возглашать осанну?

Лотар засмеялся и сказал:

— Спросите любого китайского или индийского кули, и он заверит вас, что этот мир неизмеримо лучше ада, в котором подобный человек жил на Земле. Только наши избалованные современники, европейцы и американцы, недовольно ворчат и пытаются доискаться до первопричин произошедшего с нами чуда. Но ведь мы понятия не имеем, что происходит в космосе вблизи Земли, тем более — в отдаленных областях пространства. Однако, поскольку мы находимся здесь, мы можем обнаружить — при известных обстоятельствах — кто и зачем поместил нас сюда. Тем временем, пока тут есть прекрасные и желанные женщины — а они здесь есть — а также сигары, вино, Жвачка Сновидений и возможность завязать добрую потасовку, будем наслаждаться жизнью.

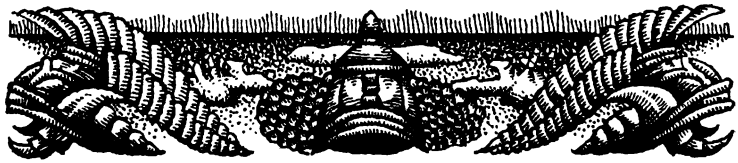
Летчик замолчал, и вскоре Сэм услышал его ровное сонное дыхание и похрапывание Джо. Вскоре он тоже уснул, согревшись под большим тяжелым покрывалом, защищавшим его от накрапывающего дождя. Он пробудился перед рассветом: огромная рука Джо осторожно похлопывала его по спине. Быстро спустившись с камня на землю, он отошел вместе со своими спутниками на безопасное расстояние. Пятью минутами позже камень выбросил вверх столб голубого пламени и воздух наполнился грохотом, похожим на рев чудовищной величины льва.

В тот же момент заревели камни на другой стороне Реки. Клеменс бросил многозначительный взгляд на Лотара:

— Кто-то уже устранил поломку, барон.

— Кого вы имеете в виду? — поднял брови фон Ритгофен. Внезапно смысл слов Клеменса дошел до его сознания; он нахмурился и замолчал. Однако, когда они подошли к берегу, где их ждал в челноке Токе Крокссон, молодой летчик уже улыбался и болтал подобно гостю, приглашенному на коктейль. Слишком весел и беззаботен, подумал Клеменс, поглядывая на своего спутника. Он коснулся его руки и сказал:

— Раньше Их незримое присутствие в этом мире не ощущалось. Но на сей раз, я полагаю, они были вынуждены принять срочные меры.



ГЛАВА ПЯТАЯ

Следующие пять дней были заняты спуском корабля на воду. Еще две недели ушли на восстановление «Дрейрага». Все это время поддерживалось наблюдение за окружающей местностью, но вокруг не было ни одной живой души. Наконец, корабль, еще лишенный мачт и парусов, был готов к плаванию и двинулся на веслах вниз по Реке.

Команда, привыкшая видеть множество мужчин и женщин на простиравшихся вдоль Реки равнинах, заметно приуныла. Мертвое молчание вокруг нервировало норвежцев. В этом Мире не было животных, кроме рыбы в Реке и земляных червей в почве, но люди и без того подымали достаточно шума.

— Скоро сюда соберутся шакалы за тысячи миль, — сказал Клеменс конунгу. — На этой планете железо гораздо большая редкость, чем золото на Земле. Ты хотел сражений? Скоро ты будешь сыт ими по горло.

Эрик взмахнул топором и сморщился от боли; синяки и царапины, покрывавшие его торс, еще не зажили.

— Пусть они приходят, я готов! — прорычал викинг. — Сражение — жизнь воина и вопли умирающих врагов веселят его сердце!

— Твинья! — сказал Джо Миллер. Сэм примиряюще улыбнулся и занял на всякий случай позицию между ними. Кровавый Топор боялся только одного существа в мире, но он легко терял контроль над собой и впадал в ярость берсерка. Однако конунг нуждался в Джо, который один стоил двадцати воинов. Злобно сплюнув за борт, Кровавый Топор отправился в трюм,

где он коротал время за картами. Прошло два дня. Корабль плыл только в дневное время. Ночью уставшие от гребли люди спали на берегу, выставив надежную охрану. На третий день ранним вечером гигантопитек, Клеменс и фон Риттофен сидели на палубе, покуривая сигары и угощаясь виски из своих чаш. Этой благодатью их одарили синтезаторы во время последней остановки.

— Почему вы назвали нашего волосатого друга Джо Миллером? — спросил Лотар.

— Его настоящее имя длиннее научных терминов немецких философов,— сказал Клеменс.— Я не мог произнести даже его первую половину, когда мы впервые встретились. Вскоре он достаточно овладел английским, чтобы рассказать мне анекдот — причем он ждал этого с огромным нетерпением. Тогда я и решил назвать его Джо Миллером. Он поведал мне историю настолько древнюю, что я с трудом мог в это поверить. Я слышал ее много раз; впервые, в несколько измененном виде, еще когда я мальчишкой жил в Ганнибале, на Миссури. И с тех пор, к моему великому отвращению, мне рассказывали ее тысячу раз, пока я не достиг старости. Но мог ли я предположить, что услышу эту историю от существа, которое умерло за сто тысяч лет до моего рождения!

— Что же это за история?

— Ну, там идет речь об охотнике, который весь день выслеживал раненого оленя и очень устал. Наступила ночь, и разразилась страшная буря. Охотник заметил свет от костра и вскоре подошел к уютной пещере. Он попросил старого колдуна, который жил в ней со своим семейством, приютить его на ночь. И старик ответил: «С большим удовольствием, юноша. Однако у нас тут довольно тесно, тебе придется лечь спать с моей дочерью». Нужно ли продолжать дальше?

— Тэму не тмешно,— пробасил Джо.— Кое-когда я думаю, что он лишен чутва юмора.

Сэм легонько щелкнул Джо по огромному носу и сказал:

— Кое-когда я думаю, что ты прав. Но в действительности я — лучший юморист в мире, потому, что я очень печальный человек. Смех уходит корнями в горе.

Он затянулся сигарой и бросил взгляд на берег, который уже начала окутывать легкая дымка сумерек. В этот день корабль оказался в районе, где тепловой удар, возникший при падении метеорита, был особенно силен. Все здесь, кроме немногочисленных железных деревьев, превратилось в пепелище. Огонь уничтожил листву железных деревьев, и даже их непроницаемая кора уступила пламени; древесина под ней, прочностью не уступавшая граниту, почернела. Опаленная цепь грейлстоунов тянулась по-прежнему вдоль Реки; некоторые камни наклонились, но Сэм знал, что эта волшебная скатерть-самобранка уже действует.

Он перевел глаза на своих спутников и произнес:

— Лотар, сейчас подходящее время, чтобы подробнее поведать вам о цели наших поисков. Джо расскажет свою историю, а я попытаюсь объяснить то, что будет в ней непонятно. Это удивительная история, но не более странная, чем все, что случилось с нами после смерти на Земле.

— В моем горле тсухо, — сказал Джо, — дай мне выпить.

Темно-голубые глаза, утопленные под нависшими дугами бровей, пристально уставились в пустую деревянную чашку. Казалось, что гигант всматривается куда-то, пытаясь восстановить в памяти события и сцены, которые ему предстояло описать. Он глубоко вздохнул и начал свой рассказ о Туманном Замке.

— Я протнулся где-то выше по Реке, голый, такой, как я есть тейчас. Я был на высоком, ровном месте, которое Тэм называет плато. Оно лежит далеко на тсевере этой планеты, я тумаю. Там холоднее и твет не такой яркий, как тсесь. Там не было людей, только мы... мы, такие, как я. У нас имелись чаши, но только больше ва-

ших... вот такие, потмотрите на мою. Но мы не получали пива и витски. Мы не знали про алто... алкоголь на Земле, и мы не получали его в наших чашах тут. Мы пили воду из Реки.

— Мы тумали, что находимся в таком месте, куда втсе идут потле тмерти... что наши боги дали нам это плато и втсе, в чем мы нуждаемся... Мы были тчастливы там, мы женились, тражались с врагами, и еще ели и тпали. И я был бы тсчастлив там, если бы не увидел ко... коабл.

— Он имеет в виду корабль,— пояснил Сэм.

— Я так и говорю. Коабл. Пожаста, не прерывай меня, Тэм. Ты уже тзелал меня таким нетчастным, когда тказал, что здесь нет богов. Хотя я тсам видел их.

— Видел богов?! — воскликнул пораженный Лотар.

— Не точно. Я тмотрел, где они живут. Я видел их коабл.

— Что?! Что ты говоришь?!

Клеменс взмахнул своей сигарой.

— Позже, барон. Дайте ему сказать. Если вы начнете прерывать его слишком часто, он будет смущаться.

— Там, откуда я пришел,— сказал гигант, задумчиво почесывая в голове,— нельзя говорить, пока говорит другой. Иначе можно получить кулаком в нос.

— С таким носом, как у тебя,— ухмыльнулся Сэм,— это, надо полагать, не очень приятно.

Джо Миллер осторожно потрогал хобот, украшавший его физиономию.

— У меня только отин нос, и я доволен им. Никто в этой части долины не имеет такого носа. Там, откуда я пришел, на твой нос тоже сильно бы удивлялись — я верно сказал, Тэм?

Сэм поперхнулся табачным дымом и вытащил сигару из рта.

— Ты рассказывал нам про корабль. Продолжай, Джо.

— Да. Нет! Еще нет! Я не дошел то этого! Но как я тказал, в один день я лежал на берегу и тмотрел на ры-

бу в Реке. Я тумал о том, как тзелать крючок и поймать немного рыбы. И вдруг я утлышал звук. Я посмотрел. Из-за мыса показалось трашное чудовище. Оно плыло по Реке.

— Я был ужасно итпуган. Я потскочил вверх и я хотел ткорее бежать. Но тут я увидел людей на его тпине. Они были маленькие и тонкие, и я мог бы убить их всех одной рукой. Когда чудовище приблизилось, я увидел, что на их лицах нет ничего, о чем можно тказать — вот порядочный нос...

Слушая гулкий голос Джо, Клеменс снова испытывал те же ощущения, что и в тот далекий день, когда эта история была поведана ему в первый раз. Ему казалось, что он почти перевоплотился в это существо, предшественника и старшего брата человека. Несмотря на медленную речь, шепелявость и частые остановки, рассказ гиганта был выразительным и эмоциональным. Клеменс мог почувствовать его панику и его удивление, а потом — почти рефлективное желание убежать. Но Клеменс также ощущал и другое стремление — то, которое делало это доисторическое существо понятным и близким человеку — необоримое любопытство. За этим покатым лбом находился сгусток серого вещества, трепетавший от желания увидеть и узнать новое и толкавший своего обладателя на поступки странные и необычные.

Итак, Джо Миллер стоял на берегу, сжимая ручку своей чаши, готовый в любой момент к бегству.

Чудовище подплыло ближе. Джо начал понимать, что оно не живое существо. Но если так, то почему оно вздымало над водой свою огромную голову, будто готовилось к прыжку? Все же оно не выглядело живым. От него возникало такое же ощущение, как от камня или упавшего древесного ствола. Конечно, это не означало, что чудовище не могло ожидать. Джо видел, как раненый медведь, притворившийся мертвым, внезапно поднялся на дыбы и разорвал охотника из его племени. Однако, хотя Джо видел раньше этого охотника мерт-

вым, он знал, что охотник снова ожил — в тот день, когда пробудился на берегах Реки. И если он, и сам Джо и многие другие могли снова стать живыми, то почему не могла сделать то же самое эта удивительная змееподобная голова? Вдруг она перестанет притворяться деревянной и схватит Джо своими огромными зубами?

Но он пересилил страх и нерешительно шагнул вперед.

На спине чудовища, рядом с его головой, стоял смуглый человек, крохотный и жалкий по сравнению с доисторическим гигантом. Голову человека охватывал стеклянный обруч, пламеневший красными искрами в лучах солнца; он кивнул головой, подзывая Джо. За его спиной сгрудились остальные, держа в руках копья и странные устройства, которые, как Джо узнал позднее, назывались луками. Казалось, они не испытывали страха перед приближающимся гигантом. Печать многодневной усталости лежала на их лицах; идти на веслах по Реке против течения было тяжелой работой.

Вождь с обручем на голове долго уговаривал Джо подняться на борт судна. Жесты его рук были плавными и спокойными, глаза не таили угрозы. Потом люди сошли на берег, им надо было зарядить свои чаши. Они ели, и Джо ел вместе с ними, расположившись в отдалении. Охотники и женщины его племени убежали к подножиям холмов, испуганные приближением судна. Теперь, увидев, что речная змея не тронула Джо, они стали медленно двигаться к берегу. Люди поспешно отступили на свой корабль.

Вождь достал из своей чаши странный предмет, поднес огонь к его концу и выпустил изо рта клуб дыма. Джо взвыл от ужаса, а его соплеменники снова ринулись к холмам. Джо подумал, что крохотный пигмей является, вероятно, детенышем дракона. Как иначе он мог повелевать огнем и дымом?

— Но я не глупый,— продолжал гигант,— и тскоро я понял, что дым шел от предмета, который называется тсигарой. Их вождь показывал руками, что если я пой-

ду к ним, я тоже могу пускать дым из тсигары. Я подумал, как удивятся охотники моего племени, когда я буду пускать дым. И я пошел к нему.

Джо ступил на борт, и судно наклонилось под его тяжестью. Он угрожающе поднял свою чашу, показывая, что проломит голову первому, кто приблизится к нему. Этот жест был понятен людям и они старались не подходить близко к гиганту. Вождь протянул Джо сигару, которую тот немедленно сунул в рот. Джо закашлялся; вкус табака показался ему странным, но приятным. Когда же он впервые попробовал пиво, то пришел в состояние блаженства.

Итак, Джо решил плыть на деревянной змее вверх по Реке вместе с пигмеями. Он получил свое первое имя на языке людей — Техати.

— Техати? — спросил фон Ритгофен с удивлением.

— Вам, несомненно, знакома греческая форма этого имени — Тот,— сказал Клеменс.— Египтянам Джо показался похожим на длинноклювого ибиса — бога мудрости. Я думаю, что он также напомнил им бога-бабуина, Баста, но его восхитительный нос все же перевесил — и он стал Тотом или Техати.

Дни и ночи текли подобно Реке. Иногда Джо уставал в тесноте судна и просился на берег. Он уже мог немного говорить на языке людей. Вождь никогда не отказывал Джо, и судно приставало к берегу. Мудрый человек понимал, что любой конфликт с гигантом привел бы к гибели всей его команды. Однако он с горечью говорил во время этих вынужденных остановок, что перерождение Техати еще только началось и будет тянуться долго. Он был пока зверем с лицом бога мудрости, но, возможно, когда-нибудь он станет человеком.

Зверь? Бог? Человек? Значение этих слов было непонятно гиганту.

Ты называешь их в неправильном порядке, говорил вождь. Если идти снизу, то верная последовательность будет такой: зверь, человек, бог. Правда, иногда можно различить бога под личиной зверя, и человека, сливаю-

щегося с животным и с божеством, непрерывно балансирующего между этими двумя состояниями.

Подобные рассуждения были свыше понимания Техати, озабоченного, в основном, хлебом насущным. Он садился, скорчившись, у борта судна и хмуро разглядывал берег. Тут сложно было получить сигары и пиво. Обитавшие на берегу существа относились к его виду, но эти чужие племена могли убить его. Кроме того, он впервые познавал радость интеллектуального общения и не жаждал снова очутиться среди созданий, почти не знакомых с членораздельной речью.

Постепенно его кругозор расширялся. Язык, самое замечательное изобретение людей, формировал разум Техати, балансирующего на грани между зверем и человеком. Он стал уже хорошо понимать речь своих спутников и начал постигать те удивительные и чудесные вещи, о которых говорил ему вождь. Иногда это мысленное напряжение было мучительным, почти болезненным — как будто он пытался схватить ветвь колючего кустарника. Но он не отступал. Постигая ту или иную идею, он преследовал ее словно дикого зверя, ловил, глотал, извергал обратно, снова глотал и, в конечном счете, переваривал, получая тем самым постоянную пищу для мозга.

Река текла, устремляясь на север. Люди гребли, стараясь держаться ближе к берегу, где течение было слабее. Дни сменялись ночами, солнце уже не взбиралось высоко в небесах, но с каждой неделей точка зенита опускалась все ниже и ниже. Воздух стал заметно холоднее.

— Джо и его компания приблизилась к северному полюсу,— пояснил Сэм.— Наклон экваториального сечения этой планеты к плоскости эклиптики равен нулю. Как вы знаете, здесь нет смены времен года и день в точности равен ночи. Но в высоких широтах, которых достиг Джо, солнце почти не подымается в небе, а только колеблется вблизи линии горизонта, давая мало тепла и света.

— Да. Там всегда были тсумерки. Мне было холодно, хотя не так холодно, как людям. Они все время кутались в покрывала.

— Его большая масса отдает тепло медленнее, чем наши тела,— сказал Сэм.

— Тэм, Тэм! Ты тнова перебиваешь. Должен я ратказывать или мне тержать мой рот закрытым?

Лотар и Сэм рассмеялись.

Он продолжал. День ото дня ветер становился сильнее, в воздухе появился туман. Беспокойство овладело Джо. Он хотел бы вернуться обратно, но боялся потерять уважение вождя. Нет, он не покинет людей, он пройдет с ними каждый шаг по пути к их неведомой цели.

— Ты не знал, куда они идут? — спросил Лотар.

— Не точно. Они хотели достигнуть начала Реки. Они думали: может быть, боги живут там. Они думали: может быть, боги пустят их в Правильный Мир. Они тказали, этот мир — неправильный мир. Он тступенька на пути в правильный мир. Вот, что он есть.

— Да, эта долина мало похожа на загробный мир страны Великого Хапи,— прошептал Клеменс.

Судно плыло вверх по Реке. Наступил день, когда Джо услышал слабый гул. Звук нарастал по мере движения, но еще до того, как он превратился в оглушительный грохот, Джо понял, что слышит рев воды, падающей с невообразимой высоты.

Судно достигло небольшого заливчика, огражденного узким мысом. Ряды грейлстоунов больше не тянулись по берегам Реки.

Люди ловили рыбу, ели ее и сушили впрок. На судне хранился также запас побегов молодого бамбука: они были собраны в более теплых районах долины.

Вождь и его люди долго молились; затем отрад тронулся в путь, карабкаясь к водопадам, рад за радом низвергавшихся там, где река прорезала склон горы. Несколько раз только сверхчеловеческая сила Джо-Те-

хати помогала им преодолеть груды камней. Но в других случаях его огромный вес едва не вызвал обвалы.

Они подымались по берегу вверх, мимо стремительно несущихся струй воды, мокрые от летящих брызг. Наконец, отрад достиг подножия гладкого, как лед, утеса, с вершины которого гигантским тысячефутовым потоком падала Река. Люди отчаялись; дальше дороги не было. Бесцельно бродили они у подножия скалы, когда кто-то вдруг заметил веревку, змеившуюся по ее поверхности. Она была связана из множества покрывал — единственной разновидности тканых изделий, существовавших на этой планете. Джо проверил ее прочность и полез вверх, перебирая веревку руками и упираясь ногами в поверхность скалы. Когда он достиг вершины, следом за ним двинулся вождь. Но на середине подъема человек обессилел, и Джо поднял его вверх вместе с тяжелым канатом. Потом он проделал то же самое с остальными людьми.

— Откуда там мог появиться канат? — спросил фон Ритгофен.

— Кто-то пожелал облегчить им дорогу,— ответил Клеменс.— При той примитивной технологии, которая существует на планете, никто из людей не смог бы забраться на гладкую скалу и спустить вниз канат. Следовательно, существует некая неведомая личность, не принадлежащая к роду человеческому (назовем ее Таинственным Незнакомцем), которая приготовила веревку для Джо и его компании. Или, вернее, для тех, кто сумеет добраться до утеса. Не спрашивайте меня, кто такой этот Незнакомец. Слушайте. Дальше будет еще много интересного.

Наверху простиралось обширное плато. Отрад, забрав канат, двинулся дальше в сумеречном свете негреющего солнца. Через несколько миль они достигли новой скалистой стены, такой же гладкой, как предыдущая. Здесь Река расширялась до нескольких миль, образуя гигантский водопад. Гладя на массу падающей воды, Джо подумал, что в таком потоке можно утопить

луну. Он видел, как огромный камень появился на краю водопада и рухнул вниз, разбившись на мелкие осколки в водовороте, кипевшем среди скал у подножия стены.

Ветер усилился, в воздухе сгущался туман. Капли воды оседали на покрывалах, в которые люди закутались с головы до ног.

Вершины скал исчезали в тумане; эта стена могла достигать пятидесяти футов — или десяти тысяч. Они шли вдоль подножия утесов, надеясь отыскать какую-нибудь расселину. И они нашли ее — вернее, гладкую округлую дыру в скале, за которой начинался туннель. Он был очень низким, и людям пришлось передвигаться на коленях. Плечи Джо упирались в противоположные стены прохода. Они были такими гладкими, что не оставалось сомнений в их искусственном происхождении.

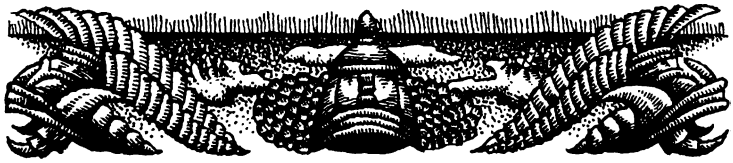
Туннель шел вверх с большим уклоном, прорезая гору. Установить его протяженность не представлялось возможным. Когда Джо вылез из темной дыры, его плечи, колени и локти кровоточили, несмотря на защищавшие его тело покрывала.

— Мне кое-что непонятно,— сказал фон Ритгофен.— Мне кажется очевидным, что эти неприступные горы были специально сформированы для того, чтобы отрезать обитающих в долине людей от истока Реки. Кто же и зачем просверлил этот туннель в твердой скале? И почему подобного туннеля не оказалось в первом утесе?

— Там туннель был бы слишком заметен для охраны или патрулей, которые, возможно, посещают этот район,— сказал Клеменс.— А вторую скальную стену скрывал туман.

— Но связка светлых покрывал на темной скале, пожалуй, еще более заметна,— возразил летчик.

— Возможно, канат повесили незадолго до того, как Джо и его спутники появились у первого утеса,— сказал Клеменс. Фон Ритгофен вздрогнул.



ГЛАВА ШЕСТАЯ

Отряд, покинув туннель, очутился на новом плоскогорье шириной около десяти миль. По-видимому, здесь существовал рад плато, постепенно повышающихся подобно ступеням гигантской лестницы и отделенных друг от друга скальными стенами. Люди поели и выспались; затем они снова тронулись в путь. Местность, покрытая огромными камнями, была вполне доступной для передвижения. Их главным врагом стал теперь недостаток кислорода. Они задыхались и были вынуждены часто останавливаться для отдыха.

Ноги Джо болели, он начал хромать. Но он не просил вождя останавливаться ради него; он мог идти так же долго, как и другие, хотя это стоило ему гораздо больших усилий.

— Джо не может находиться на ногах длительное время,— пояснил Клеменс,— у него плоская стопа. Кроме того, вес его тела слишком велик для двуногого. Я не удивлюсь, если причиной вымирания его вида стали частые переломы костей — в том числе позвоночника. После нескольких часов путешествия по скалам он должен был испытывать страшную боль в ногах.

— Я тснаю одного претавителя «хомо тапиенс», который может итпытать боль в ратбитом носе, если не перестанет тсовать его в мое дело,— заявил Джо.— А мое дело — ратказывать вам эту историю.

Отряд достиг очередного барьера из скал. Они находились около чудовищного горного разлома, в который с грохотом рушилась Река. На обоих берегах воз-

вышались гладкие, как лед, скалы; только по ущелью, рядом с водой, можно было двигаться вперед и вверх. Река неслась мимо них с громоподобным ревом, заглушавшим слабые крики людей. Это был голос разъяренного бога, могучий, как окружавшие их горы.

Джо Миллер нашел узкий выступ, ведущий в глубокую горизонтальную расщелину, расположенную высоко над водой. Джо заметил, что вождь идет теперь позади него. Он понял, что пигмеи отныне смотрят на него как на проводника и помощника. Они называли его Техати, но в этом имени раньше чувствовался привкус добродушной насмешки. Больше этого не было. Он действительно стал их Техати.

Расщелина, бежавшая по горному склону параллельно Реке, ничем не напоминала пройденный накануне туннель. Рука разумного существа не касалась этого грубого камня, шершавого в своей первозданной наготе. Иногда расщелина становилась такой узкой, что Джо с трудом протискивался между полом и низко нависшим потолком.

Здесь царила такая темнота, что Джо казалось, будто он ослеп. Слух также не мог помочь ему; любые звуки заглушал рев Реки. Он руководствовался только чувством осязания, и если бы оно изменило гиганту, он сам и ползущие следом люди были бы обречены на мучительную смерть в этой каменной ловушке.

— Мы тважды останавливались, чтобы есть и тпать,— рассказывал Джо.— Я тумал, что мы умрем там, когда кончится запас пищи. Но я тмотрел и увидел твет впереди. Даже не твет, а проблеск в темноте.

Люди выбрались из пещеры на свежий воздух. Они находились высоко на склоне горы; море облаков колыхалось под ними в нескольких тысячах футов. Солнце скрывалось за горами, но его слабые отблески освещали небо. Расщелина, которую миновал отряд, переходила в узкую тропу, пересекавшую склон и уходившую в туман. Они двинулись по ней вниз ползком, опираясь на свои окровавленные руки и колени.

Дрожащими пальцами люди цеплялись за мельчайшие неровности скалы. Один из них начал скользить вниз; в ужасе он уцепился за соседа, и оба с громким криком исчезли в тумане.

Воздух становился теплее.

— Река отдавала свое тепло,— пояснил Клеменс.— Она не только зарождается у северного полюса; она также впадает там в море, после того, как бесчисленными петлями обовьет теплые области планеты. Воздух у северного полюса холодный, но там никогда не бывает таких морозов, как на Земле. Конечно, все это — только предположения.

Отряд достиг уступа, на котором люди могли немного передохнуть, присев на корточки и прижимаясь спинами к шершавой поверхности камня. Тропа, по которой они двигались, постепенно расширялась и, наконец, вывела их на огромную равнину, тонувшую в тумане. Джо остановился. До его слуха долетел шум прибоя; где-то далеко впереди волны бились о скалы.

Несмотря на сумерки и туман, с возвышенного места, на котором они находились, Джо мог видеть горы, окружавшие море у северного полюса. Огромная масса воды, покрытая белым паром, занимала котловину около пятидесяти миль диаметром. На противоположном берегу облачный покров над водой был значительно толще. Причины этого Джо не знал, но Клеменс объяснил ему, что там находилось устье Реки. Теплая вода, вступая в контакт с холодным воздухом, бурно испарялась.

Джо сделал несколько шагов по тропе.

И он увидел серый металлический цилиндр, лежащий на земле у его ног.

Мгновение Джо смотрел на этот предмет, не узнавая его,— настолько чуждым казался он в мире первозданных скал и грубого шершавого камня. Затем предмет как бы обрел привычные очертания, и Джо понял, что перед ним находится чаша. Чаша, принадлежавшая человеку, который прошел по этой опасной тропе раньше

него. Некоему неизвестному страннику, перенесшему такие же опасности и тяготы страшного пути. Очевидно, он использовал свою чашу как сосуд для хранения пищи. Крышка была отброшена в сторону, и Джо мог видеть полуразложившиеся остатки рыбы и засохший хлеб внутри.

Что-то случилось с путником в этом месте. Он мог бросить свою чашу только в двух случаях — если бы он был убит или так испуган, что в панике убежал прочь, покинув единственную реальную ценность на этой планете.

Джо похолодел от ужаса.

Наконец, встряхнув головой, он двинулся в обход огромного обломка скалы, перекрывающего тропу. На несколько секунд море исчезло из поля его зрения.

Он обошел вокруг гранитного валуна и вскрикнул.

Встревоженные люди подбежали к Джо, спрашивая, что испугало его. Но он не мог говорить; страх парализовал сознание Джо, и недавно обретенное искусство речи покинуло гиганта. Он вытянул длинную руку, показывая в сторону моря.

Облачный покров посередине огромного водоема на мгновение рассеялся, и сквозь дымку тумана виднелась вершина какого-то сооружения. Оно было серым и имело цилиндрическую форму, подобно чудовищной Чаше, поставленной на торец. Волны тумана, подымаясь и опускаясь, колыхались вокруг него.

По-видимому, где-то в горах, окружавших северный полюс, был разлом. В этот момент верхний край солнечного диска показался в ущелье и его лучи упали на вершину серой башни.

Джо сощурил глаза, пытаясь разглядеть Замок в потоке солнечного света. Что-то округлое показалось над башней и стремительно ринулось вниз. Оно имело яйцеобразную форму, и его белая оболочка ярко искрилась на солнце.

В следующее мгновение солнце миновало проход в горах и сверкание погасло. Замок и летящий объект по-

грузились в темноту и туман. Мрачное серое небо снова нависло над людьми, застывшими на склоне горы.

Джо, вскрикнувший от страха при виде летящего объекта, шагнул назад. Чаша, брошенная неведомым странником, попалась ему под ноги. Он взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но даже его обезьянья ловкость не помогла ему. Он опрокинулся на спину и, кувыркаясь, покатился по склону к кромке воды. Перед ним мелькали горные вершины, низко нависшее небо, поверхность моря и лица его спутников, с ужасом наблюдавших за его падением.

— Я не помню, тсвалился ли я в воду,— продолжал Джо.— Я очнулся на берегу Реки в теплых краях, в двадцати милях от того места, где жил Тэм. Там были люди, которых Тэм называет норвежцами десятого тстолетия. Мне тнова пришлось изучать язык. Люди с маленькими носами очень боялись меня и хотели меня убить. Потом я встретил Тэма и мы тстали друзьями.

Наступило молчание. Джо поднял свою чашку и отхлебнул добрый глоток обжигающей жидкости. Его слушатели задумчиво глядели на гиганта. Кончики их сигар яркими точками сверкали в наступивших сумерках.

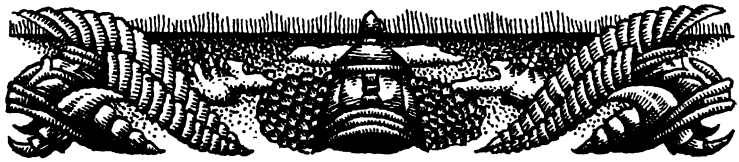
Наконец фон Ритгофен сказал:

— Тот человек, вождь со стеклянным обручем на голове... Как, ты сказал, его звали?

— Я еще не тказал.

— Ну, тогда скажи нам его имя.

— Эхнатон. Тэм знает о нем много больше, чем я, хотя я путешествовал с ним около четырех лет. Так тказал мне Тэм. Однако,— Джо принял важный вид,— я знаю человека по имени Эхнатон, а все, что знает Тэм,— только несколько так называемых исторических фактов о нем.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наконец фон Ритгофен пожелал всем доброй ночи и отправился спать в трюм. Сэм мерил палубу шагами от борта к борту в полной темноте. Он тоже хотел спать, но не мог. Бессонница годами мучила его; мозг, не знающий покоя, не давал отдыха уставшему телу.

Джо Миллер сидел скорчившись у перил, не желая покидать своего друга — единственного человека, которого он любил и которому безоговорочно доверял. Вскоре его голова опустилась, огромный нос уткнулся в грудь и он захрапел. Издаваемые им звуки были подобны завыванию ветра в кроне дерева.

— Тспи крепко, малыш,— прошептал Сэм. Он знал, что Джо видит сейчас далекую и утраченную навсегда Землю, по которой бродят мамонты, ревут огромные львы и в густых зарослях скрываются прелестные самки его племени. Внезапно Джо вскрикнул и жалобно заскулил. Сэм подумал, что ему снится медведь, от которого он пытается убежать на своих неуклюжих ногах. Ноги Джо болели днем и ночью. Подобно всем свои сородичам, он был слишком огромен и тяжел для передвижения на двух ногах. Природа провела эксперимент с этими гигантскими полулюдьми и затем безжалостно уничтожила их — еще до появления на Земле первого кроманьонца.

— «Величие и Падение Плоскостопых»,— пробормотал Сэм под нос,— статья, которую я уже никогда не напишу.

Сэм застонал, сжимая виски ладонями. Перед его глазами стояла Ливи, ее изуродованное тело, подаренное ему на краткий миг волнами. Была ли эта женщина действительно Оливией? Может быть, он видел ее раньше на берегах Реки среди двух десятков женщин, чьи лица в подзорную трубу казались такими похожими на ее облик? В тех случаях, когда ему удавалось уговорить Эрика причалить к берегу, его ожидало разочарование. И теперь у него тоже не было уверенности, что он видел тело своей жены.

Он снова застонал. Как жестоко, мучительно жестоко, если эта была она! Быть рядом с ней и не иметь возможности спасти ее, забрать с собой! Видеть ее мертвое тело, распростертое на палубе, как будто бог — или иные силы, правящие этим миром,— хотели с насмешкой сказать ему: «Смотри, к чему ты пришел! Мучайся и страдай, ты, ничтожное скопище атомов! Расплачивайся слезами и вечной болью!»

— Платить — за что? — прошептал Сэм, ломая руки.— За какие преступления я должен расплачиваться? Разве не было отпущено мне страдания на Земле, отпущено полной мерой?

Смерть пришла к нему на Земле, и он был счастлив, потому что она несла с собой конец всем печалям. Он не будет больше лить слезы по умершим дочерям и жене, не будет терзать себя воспоминаниями о смерти единственного сына. О Ленгдон, Донни, малыш мой! Ему было только два года! Неужели недостаточно этого горя, чтобы подарить ему забвение?

С искаженным лицом Сэм воздел руки к темным небесам и закричал:

— Боже, в чем я виноват и за что казнишь ты меня этой болью? Какое это имеет значение сейчас? Дай нам забыть обо всем и разреши начать жизнь снова с чистыми душами!

Но прошлое, с его ошибками, горем и болью не покидало людей. Хотя в этом мире все умершие снова стали живыми, больные — здоровыми и старики — моло-

дыми. Хотя все дурное, что сотворили люди в своей прошлой жизни, было так отдалено во времени и в пространстве, что стоило простить все это и забыть навсегда.

Однако так не получалось. Каким человек был на Земле, таким же он остался здесь; его мысли, желания, пороки и достоинства не изменились.

Внезапно ему захотелось забыться хотя бы на время. Почти инстинктивно его пальцы нащупали крышку чаши, в которой, среди прочих даров этого мира, лежали палочки Жвачки Сновидений.

С помощью Жвачки он мог погрузиться в нирвану, ощутить блаженство, стать счастливым, могучим, равным богам. Но иногда Жвачка только усиливала его страдания; ее действие было непредсказуемым.

Вы могли испытать неизмеримое счастье — или чудовищный ужас, заставляющий молить о смерти как о спасении. Когда Клеменс последний раз воспользовался Жвачкой, его посетили такие кошмарные видения, что он не отваживался снова обратиться к наркотику. Может быть на этот раз... нет, нет!

Маленький Донни! Он никогда не увидит его снова, никогда! На берегах Реки не воскресали дети, которым было меньше пяти лет в момент смерти. Возможно, малыши находились в каком-то другом месте, на другой планете или в ином измерении — областях, столь же недоступных Клеменсу, как библейские ад и рай.

Он не мог даже найти Оливию или своих дочерей — Сюзи, Клару и Джин. Ходили слухи, что протяженность Реки составляет двадцать миллионов миль и на ее берегах обитает тридцать семь миллиардов человек. Предположим, некто пожелает пройти по обоим берегам речной долины и рассмотреть всех ее жителей. Сколько потребуется для этого времени? Пусть за день удастся осмотреть одну милю, значит... значит, нужно поделить сорок миллионов на триста шестьдесят пять... Он был не слишком силен в устном счете, но прикинул, что такая операция займет больше ста тысяч лет.

Но даже если бы человек был способен совершить это, одолеть бесчисленные мили пути и осмотреть каждого встречного, его поиски все равно могли стать бесполезными. Если за сотни и тысячи лет искомое лицо случайно погибнет, то после воскрешения оно может попасть в район, который разыскивающий уже осмотрел раньше. Кроме того, сам разыскивающий тоже мог погибнуть и очутиться в неведомом месте долины.

Нет, для поиска следовало избрать другой путь. Существа, создавшие долину и способные воскрешать умерших, наверняка имели средства для обнаружения любого нужного им человека. Возможно, у них есть что-то наподобие архива, в котором неведомые приборы регистрировали местонахождение каждого обитателя долины.

Если же он ошибается, они, по крайней мере, должны будут заплатить за то, что они сотворили с людьми.

Рассказ Джо Миллера не был фантазией. Кроме того, в нем присутствовали кое-какие загадочные моменты, внушавшие определенные надежды. Очевидно, некая неизвестная личность — или существо — хотела, чтобы обитатели долины узнали о замке, высившемся в туманах полярного моря. Почему? Сэм не знал этого и не мог даже строить каких-либо предположений на этот счет. Но кто-то просверлил туннель через скалу, чтобы люди имели возможность достигнуть замка. И достигнув его, можно было узреть свет, который рассеет мрак неведения. В этом Сэм был уверен. И затем существовала широко известная история этого англичанина, Бартона или Перкинса, вероятно — Бартона, который пробудился на стадии, предшествовавшей Воскрешению. Было ли это пробуждение случайным? Или же оно как-то связано с туннелем в скале на севере?

Итак, у Сэмюэля Клеменса появилась мечта, которую он растил и лелеял, пока она не стала его Великой Мечтой. Чтобы сделать ее реальностью, ему нужно было железо, много железа. Вот почему он уговорил Эрика отправиться в путь на поиски металла. По правде го-

воря, Сэм не рассчитывал обнаружить на этой планете обширные залежи железной руды, достаточные для строительства крупного судна. Но, по крайней мере, двигаясь с норвежским флотом, он приближался к верховью Реки, к полярному морю.

Теперь ему неожиданно улыбнулась удача — он мог получить железа больше, чем когда-либо надеялся найти. Однако поиски металла являлись только частью проблемы.

Он нуждался в специалистах, В металлургах, которые могли добыть метеоритное железо, расплавить его и придать ему нужную форму. В кораблестроителях, способных спроектировать судно. В механиках, понимавших толк в двигателях. В инженерах и техниках для десятков других дел.

Он положил руку на плечо Джо Миллера и сказал:

— Вставай, Джо. Скоро пойдет дождь.

Гигантопитек что-то рявкнул спросонок и поднялся на ноги, зевая и потягиваясь. Его зубы блеснули в свете звезд. Грузно ступая, он двинулся за Сэмом к лестнице; бамбуковая палуба скрипела под весом его восьмисот фунтов. Внизу кто-то выругался по-норвежски.

Облака заволокли вершины гор по обоим берегам Реки. Тучи надвигались на долину, огромным занавесом закрывая небо, гася безумный блеск двадцати тысяч звезд и сияние газовых туманностей.

На восточном берегу сверкнула молния, раздался удар грома. Сэм остановился. Молния пугала его или, вернее, воскрешала детские страхи. В ее призрачном свете перед ним вставали лица тех, кого он обидел, оскорбил или унизил в своей прошлой жизни; за ними маячили туманные лики других его неведомых преступлений. Снова блеснула молния, нацеленная, казалось, прямо в его голову. В этот момент он готов был поверить в некое гневное божество, готовое сжечь его живым, чтобы избавить от вечного страдания. Где-то там, в облаках, обитал Божественный Мститель, и он видел Сэма Клеменса и его грехи.

Джо задрал к небу косматую голову.

— Гром ударил где-то ниже по Реке,— сказал он, прислушиваясь.— Нет! Это не гром! Неужели ты не тлышишь? Это что-то другое, похожее на гром, но другое!

Сэм напряженно вслушивался в ночную тишину. Внезапно отдаленный раскатистый грохот прокатился над долиной. Сэм вздрогнул.

— Какого дьявола? Что это такое?

— Не бойся, Тэм,— сказал Джо.— Я с тобой. Но его огромное тело тоже сотрясала дрожь. На мгновение ослепительная вспышка сверкнула в небе над восточным берегом. Сэм подпрыгнул и закричал:

— Боже! Я видел что-то летящее!

Джо придвинулся ближе к своему другу, положил на его плечо гигантскую лапу и сказал:

— Я тоже видел это! Коабл! Это коабл! Такой же, как я видел над замком! Он пришел сюда!

Джо и Сэм стояли в молчании, всматриваясь во мрак ночи. Молния блеснула снова, но на сей раз в ее призрачном свете они не увидели белого яйцеобразного снаряда, плывущего в небе высоко над Рекой.

— Он появился из ничего и ушел в ничто подобно миражу,— задумчиво сказал Сэм.— Если бы ты тоже не видел его, я подумал бы, что это наваждение.

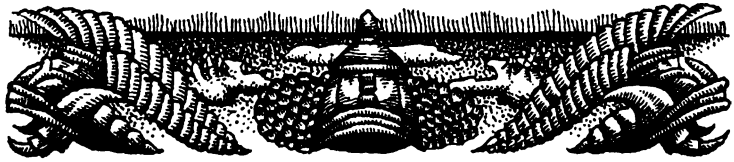
• • •

Сэм проснулся на палубе, мокрый и замерзший. Он поднял голову, яркий солнечный свет ударил в его глаза. Позади, у перил, скорчился Джо; его рыжие волосы огнем полыхали на солнце, могучий храп разносился над берегом на сотню ярдов.

Сэм вскочил на ноги, с изумлением оглядываясь по сторонам. Золотой утренний свет скользил и переливался над морем зелени. Грязь, мусор и исковерканные стволы деревьев исчезли. Свежая густая трава покрывала равнину, заросли кустарника и бамбука возвыша-

лись на холмах, огромные сосны, дубы и железные деревья украшали подножия гор.

— Все встало на свои места,— прошептал Сэм, вытирая ладонью внезапно вспотевший лоб. Что-то погрузило в беспамятство экипаж «Дрейрага», и пока люди спали, вся невообразимая работа по очистке берегов и восстановлению растительности была закончена. Этот район Реки полностью возродился!



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Он ощутил собственную незначительность; в этом мире он был слаб и беспомощен, как щенок. Что мог противопоставить он — или любой другой человек — существам, владеющим столь могучими силами? Тут, однако, имелось нечто, внушающее надежду. Одно из неведомых могущественных созданий было, по-видимому, на стороне людей. Почему? В какой тайной схватке?

Экипаж «Дрейрага» пробудился, и мысли Клеменса были прерваны. Кровавый Топор и фон Ритгофен одновременно поднялись на палубу. Конунг нахмурил брови, увидев, что немец направился на корму; для него чужак не обладал еще правом находиться на таком почетном месте. Но вид окружающей местности настолько поразил конунга, что он забыл приказать фон Ритгофену убираться прочь.

Солнечные лучи озаряли зеленую равнину, деревья на холмах, вершины неприступных гор. Легкий пар поднимался над грядой грибообразных грейлстоунов, так и сиявших новизной. Сотни спящих людей, мужчин и женщин, лежали на траве. Они были нагими, и около каждого находилась стопка покрывал и чаша.

— Преобразование завершилось,— шепнул Сэм пилоту.— Все, кто умерли, снова живы. Люди везде. Остается надеяться, что пройдет какое-то время, прежде, чем они сумеют организоваться. Кроме того, они не знают, что источник железа находится под их ногами.

— Но как же мы теперь найдем метеорит? — спросил фон Ритгофен.— Все следы его падения исчезли.

— Мог исчезнуть и сам метеорит,— ответил Сэм. Он выругался и продолжал: — Существа, которые способны сделать за одну ночь такую работу, могут без больших хлопот выбросить его обратно в межпланетное пространство.

— Вы выглядите печальным и утомленным, мой друг,— сказал Лотар.— Приободритесь. Во-первых, метеорит мог остаться на месте своего падения. Во-вторых, если даже это не так, то не стоит огорчаться. По крайней мере, вам не станет хуже, чем раньше. Вспомните, что в мире еще существуют женщины, песни и вино.

— Все это не удовлетворяет меня,— сказал Сэм.— Мне трудно представить, что нас воскресили после смерти для вечных наслаждений такого сорта.

— Почему же нет? — возразил Лотар, улыбнувшись.— Откуда вы знаете, зачем эти таинственные существа сотворили здешний мир и поместили нас сюда? Может быть, они питаются нашими чувствами и переживаниями.

Сэм заинтересовался. Казалось, эта новая гипотеза вывела его из состояния депрессии, в которую он погрузился при мысли, что драгоценный метеорит может стать недосягаемым для него.

— Вы полагаете, Лотар, что мы являемся своего рода эмоциональным скотом? Что наши пастухи потребляют сочные бифштексы любви, антрекоты надежды и пудинги радости, запивая все это вином отчаяния?

— Это только теория,— сказал пилот.— Но она ничем не хуже десятков других, которые можно услышать на берегах Реки. Что касается меня, то я готов немного подкормить своих благодетелей. Сэм, посмотрите на эту красотку! Пустите меня скорее на берег!

• • •

Краткий миг подъема прошел, и Сэм снова погрузился в мрак отчаяния. Вероятно, немец был прав. В

таком случае люди имели так же мало шансов справиться с загадочным противником, как бык — перехитрить своего хозяина.

Он объяснил конунгу создавшееся положение. Кровавый Топор выглядел озадаченным.

— Как же мы будем искать эту упавшую звезду? Мы не в состоянии выкопать много ям, чтобы найти ее. Ты знаешь, насколько прочна здесь трава. Клянусь Ботаном, нужно немало времени, чтобы выкопать даже небольшую яму нашими каменными орудиями.

— Тут должен быть какой-нибудь путь,— задумчиво сказал Сэм.— Если бы у нас был магнит... или компас... Но мы не имеем ничего подходящего.

Лотар был занят тем, что посылал воздушные поцелуи изящной блондинке на берегу, но краем уха он слушал Сэма. Внезапно он обернулся и сказал:

— Местность выглядит совершенно иначе с воздуха. Сорок поколений крестьян могут пахать землю над древним городом и ничего не знать об этом. Но пилоту достаточно один раз пролететь над их полем, и он заметит, что в земле что-то скрыто. Тут имеются десятки различий — в цвете почвы, в ее структуре, растительности и так далее.

— Значит, если мы построим планер, вы сможете найти проклятый метеорит? — возбужденно спросил Сэм.

— Это было бы прекрасно,— ответил Лотар,— и когда-нибудь мы осуществим такую идею. Но сейчас нет никакой необходимости взлетать в воздух. Все, что мы должны сделать,— подняться достаточно высоко в горы, чтобы получить хороший обзор этой части долины.

Сэм с восторгом хлопнул летчика по плечу.

— Как удачно, что мы подобрали вас! Я ничего не знал о подобных вещах!

Но внезапно он нахмурился.

— Однако, не представляю, как мы сможем забраться на гору. Взгляните на эти скалы! Они такие же

гладкие и скользкие, как речь политикана во время предвыборной кампании!

Кровавый Топор нетерпеливо спросил, о чем они говорят. Сэм объяснил конунгу суть дела, мешая английские и старонорвежские слова. Эрик одобрительно сказал:

— Этот скрелинг может быть нам полезен. Пожалуй, я попробую доставить его на гору — если удастся отыскать в окрестностях кремень. Тогда мои люди сделают топоры и вырубят ступени в скале на высоту тысячи футов. Это займет много времени, но еще хуже копать в земле дыры наугад.

— А если здесь нет залежей кремня? — спросил Сэм.

— Тогда мы проложим дорогу вверх, взрывая скалу,— ответил норвежец.— Сделай взрывчатый порошок.

— Для этого мне нужны человеческие экскременты, в которых тут нет недостатка,— сказал Сэм.— Мы можем также получить древесный уголь из сосновых поленьев. Но где мы возьмем серу?

— Ее много в том месте, что лежит вниз по Реке на семьсот миль,— ответил конунг.— Но первое должно делаться первым. Нам надо найти железную звезду. Второе, что следует сделать еще до начала раскопок,— построить укрепление. Мы первыми достигнем звезды, но мы не будем единственными. Волки будут приходить с Низовья и с Верхоречья на запах железа. Их будет много, и нам придется сражаться за свое сокровище.

— Куда же ты хочешь двинуться сейчас? — спросил Сэм.

— Мы расположимся здесь,— сказал Кровавый Топор, показывая на берег.— Это место подходит для лагеря и так же годится для начала поисков, как любое другое. Ну, а кроме того, нам не мешало бы позавтракать.

• • •

Через три дня команда «Дрейрага» выяснила, что в этой области не было кремня. Все, что находилось тут раньше, превратилось в пыль при падении метеорита. Затем на бесплодную землю легла новая почва, которая не содержала ни крупицы камня.

Обломки скал, пригодные для изготовления оружия и других орудий, иногда находили у подножия холмов и горной гряды. Если у основания скал имелись расщелины или трещины, то из них также удавалось выломать нужные куски камня. Здесь, однако, не было ничего подходящего.

— Удача покинула нас,— грустно сказал Сэм фон Ритгофену в одну из ночей, которую они коротали за беседой у костра на берегу.

— Мы не в состоянии найти этот проклятый метеорит. И если даже это удастся, то как мы докопаемся до него? Как мы будем разрабатывать месторождение? Метеориты обычно содержат никелевое железо; это очень прочный и твердый материал.

— Вы были величайшим юмористом на Земле,— сказал немец, глядя на приунывшего Клеменса.— Неужели вы столь сильно изменились с тех пор, как воскресли?

— Думаю, что это не так,— ответил Сэм.— Юморист — человек, душа которого черна как африканская ночь; он, однако, способен освещать ее взрывом разума. Но когда свет исчезает, мрак возвращается опять.

Сэм уставился на рыжие языки огня, плясавшие на обломках бамбука и сосновых ветках. Бесконечные лица чередой проходили перед ним в пламени костра. Вначале плотные, четкие, они постепенно удлинялись, расплывались и, вместе с искрами, улетали вверх, поглощаемые светом звезд. Печальное лицо Ливи по спирали всплывало наверх в клубах дыма. Он видел свою младшую дочь Джин, ее холодные, застывшие черты, когда она лежала в гробу. Ее лицо, струившееся и дро-

жащее в обжигающем пламени костра, казалось покрытым льдом. Вот его отец в своем гробу, брат Генри, погибший при взрыве парового котла... Вот чье-то юное, ухмыляющееся лицо... Том Бланкешип, мальчик, который послужил прототипом Гекльберри Финна.

В детстве у Сэма была мальчишеская мечта — плыть на плоту по Миссисипи, плыть вперед в поисках приключений, плыть весело и беззаботно. Теперь эта мечта, казалось, была близка к исполнению. Он мог плыть бесконечно долго, мог испытать неисчислимое множество волнующих переживаний, мог встретить в пути герцогов, графов, королей всех времен и народов. Он мог сибаритствовать, удить рыбу, болтать дни и ночи напролет, мог не заботиться о средствах к существованию, мог плыть тысячи лет, делая все, что ему заблагорассудится.

Сложность, однако, заключалась в том, что на самом деле он не смог бы осуществить такое путешествие. В долине Реки было много мест, где процветала своеобразная форма рабства. Наиболее жестокие и сильные представители рода человеческого захватывали пленников, у которых они отнимали те дары чаш, которые особенно ценились в этом мире — сигары, напитки, Жвачку Сновидений. Они держали своих рабов на грани голодной смерти, но все же живыми, так как только в этом случае можно было использовать их чаши. Чтобы не дать рабам покончить с собой, они связывали им руки и ноги, так что человек становился похож на курицу, которую несут на рынок. И если все же какому-нибудь несчастному удавалось достичь успеха в попытке самоубийства и оказаться за тысячи миль от своего мучителя, он мог снова попасть в не менее безжалостные руки.

Кроме того, Сэм был теперь взрослым человеком, и вряд ли он, подобно мальчишке, испытывал бы большое удовольствие от путешествия на плоту. Нет, для путешествия по Реке ему требуется безопасность, комфорт и, безусловно, власть. Имелась еще одна причи-

на, в силу которой он стремился стать Навигатором Реки. В свое время он уже достиг аналогичного положения на Земле, на родной Миссисипи. Теперь он желал стать капитаном Корабля, самого огромного и мощного из всех, когда-либо существовавших, на самой гигантской Реке во вселенной — Реке, по сравнению с которой Миссисипи со всеми притоками, Нил, Амазонка, Конго, Обь, Хуанхэ, взятые вместе, выглядели жалким ручьем. Его Корабль будет иметь шесть палуб выше ватерлинии, два огромных колеса, удобные каюты для экипажа и пассажиров, которые будут известнейшими людьми своего времени. И он, Сэмюэль Клеменс, Марк Твен, станет капитаном. Корабль не остановится, пока не достигнет верховьев Реки, пока они не найдут чудовищ, которые сотворили этот мир и пробудили миллиарды мыслящих существ к жизни, снова сулящей им боль, отчаяние, мучение и горе.

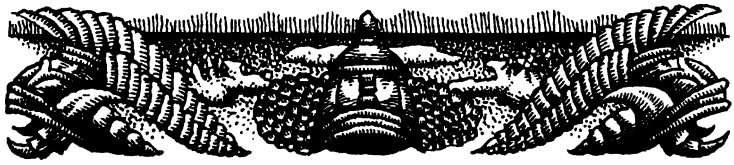
Путешествие может занять сотню лет или даже два-три столетия, но это не так важно. Многого не хватало в этом мире, но времени было вполне достаточно.

В мечтах Сэм видел себя на капитанском мостике огромного сказочного Корабля. Его первым помощником, будет, вероятно, Христофор Колумб или сэр Френсис Дрейк, командиром десантного отряда — Александр Великий, Юлий Цезарь или генерал Грант.

Булавочный укол трезвой мысли заставил лопнуть величественный воздушный шар, наполненный ветром его мечты. Эти два античных ублюдка, Александр и Цезарь, никогда не согласились бы занимать подчиненное положение; скорее, они составили бы заговор, чтобы захватить его Корабль. И мог ли другой великий человек, генерал Грант, согласиться выполнять его, Сэмюэля Клеменса, приказы? Приказы писателя-юмориста, книжного человека — в мире, где не существует ни письма, ни книг?

Сверкающий газ его грез покинул обвисший воздушный шар; Сэм грустно вздохнул. Он снова погрузился в думы о Ливи, такой близкой и внезапно поте-

рянной из-за этого метеорита, благодаря которому его мечта о Корабле могла превратиться в реальность. Ливи появилась на миг, как будто некое мстительное божество показало ее Клеменсу и тотчас забрало обратно. И могла ли стать реальностью его надежда построить Корабль? Пока что он не знал, как найти огромную массу железа, скрытую в земле где-то под его ногами.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Вы выглядите усталым, Сэм,— сказал Лотар.

— Пожалуй, я пойду спать,— произнес Клеменс, вставая.

— Как?! Красавица из Венеции семнадцатого века, которая весь вечер строила вам глазки, будет очень разочарована.

— Вы утешите ее, барон,— сказал Сэм. Он отошел от костра, у которого сидели и лежали несколько десятков мужчин и женщин, и направился в сторону холмов.

В течение вечера он несколько раз испытывал соблазн увести венецианку в свою хижину, особенно, когда виски согрело его кровь. Но теперь полное безразличие овладело им. Кроме того, он знал, что будет мучиться чувством вины, если уложит Анджелу Сангеотти в свою постель. Такие повторяющиеся угрызения совести он испытывал здесь раз десять за последние двадцать лет — со всеми женщинами, которые становились его подружками. И теперь он понимал (хотя это и было странно), что будет чувствовать себя виноватым не только перед Ливи, но и перед Темах, исчезнувшей в водах Реки. Индонезийка была его верной спутницей на протяжении пяти лет.

— Как все это нелепо! — говорил он себе множество раз.— Никакими рациональными причинами нельзя объяснить это чувство вины перед Ливи. Мы так долго разлучены, что, пожалуй, стали совсем чужими. Слишком многое случилось с каждым из нас после дня Воскрешения.

Его чувства, однако, не подчинялись логике; он ощущал себя виноватым. По-видимому, такое состояние являлось вполне естественным для него. Человек в сути своей оставался иррациональным животным, действующим в соответствии со своим темпераментом и врожденными склонностями.

Итак, почему же я терзаюсь из-за вещей, которые не могут являться моими проступками?

Потому, что такова моя натура. Я проклят вдвойне. Первые атомы, столкнувшиеся на заре времен на Земле, породили цепь событий, что неизбежно привела к моему появлению здесь, на этой странной планете, среди толпы омоложенных стариков всех времен и народов. Она привела к этой бамбуковой хижине, в которой меня ждут одиночество и душевные муки.

Я могу убить себя, но здесь это бесполезно. Ты оживаешь через двадцать четыре часа в другом месте, но тем же самым человеком, который совершил этот прыжок вдоль Реки. Зная, что другой прыжок тоже ничего не решит и, скорее всего, сделает тебя еще более несчастным.

— Проклятые ублюдки с каменными сердцами! — вскричал он внезапно, грозя небу сжатым кулаком. Затем горько рассмеялся и сказал: — Но Они, наверное, так же не могут изменить свои жестокие души, как я не способен изменить себя. Вот в чем мы похожи.

Подобная мысль, однако, не уменьшила его желание отомстить неведомым существам. Он по-прежнему жаждал впиться зубами в руку, подарившую ему вечную жизнь — и вечные муки.

Его бамбуковая хижина находилась у подножия холма под огромным железным деревом. Хотя строение выглядело жалкой лачугой, оно, тем не менее, являлось несомненной роскошью в этой области, где каменные орудия для строительства домов были столь редкими. Люди, перенесенные сюда из различных мест долины, устроились пока в построенных на скорую руку шалашах. В долине росло около пятисот разновидностей

бамбука, и некоторые гибкие породы можно было согнуть, не вырывая из почвы, и перевязать собранные в пучок вершины травяными веревками. Покрытые огромными листьями железных деревьев, такие временные жилища, похожие на вигвамы, служили убежищем во время дождя. Другие сорта бамбука, с твердыми прочными стволами, можно было расщепить на планки, пригодные для изготовления ножей; правда, их режущую кромку приходилось постоянно затачивать.

Сэм вошел в свою хижину, лег на топчан и закутался в несколько больших покрывал. Слабые звуки далекого пиршества у костров на берегу раздражали его. Около часа он беспокойно метался по постели, затем, поддавшись внезапной слабости, положил в рот кусок Жвачки Сновидений. Невозможно было предсказать заранее, какой последует эффект; он мог испытать экстаз, потребность в любви, ощутить уверенность, что все правильно и хорошо в этом мире, увидеть радостную пляску ярких многоцветных форм. Но не исключался и другой результат, и тогда жуткие чудовища прыгали на него из темноты, его мучили призраки далекой Земли, безликие дьяволы, порожденные в адском пламени, смеялись над его муками.

Он жевал тягучую массу, давясь слюной, и знал, что совершает ошибку. Но было уже поздно. Он продолжал жевать, пока перед ним не возник эпизод из его детства, когда он едва не утонул — и утонул бы наверняка, если бы его не вытащили из воды. Тогда я умер в первый раз, подумал он, нет, я умер сразу же, как родился. Странно, что мать никогда не рассказывала мне об этом.

Он увидел свою мать, лежащую на постели; ее волосы были растрепаны, глаза — полузакрыты, смертельно бледное лицо покрыто капельками пота. Доктор, в зубах которого была зажата сигара, трудился над младенцем — над ним, Сэмом. Углом рта доктор невнятно пробормотал, обращаясь к его отцу:

— На этот раз мне выпала нелегкая задача...

— Вам удастся спасти их обоих? — спросил отец. У доктора были огненно-красные волосы, свисающие вниз рыжие усы и бледные голубые глаза. Его лицо выглядело странным и неприятным. Попыхивая сигарой, он сказал, усмехнувшись:

— Обычно я хороню свои ошибки. Но в данном случае вы зря беспокоитесь. Я спасу этот комок плоти, хотя не уверен, что это пойдет ему на пользу, и спасу ее тоже.

Доктор завернул ребенка в простыню и положил на кровать. Затем он уселся на шаткий стул и принялся что-то писать в маленькой черной тетради. Отец Сэма раздраженно сказал:

— В такое время можно и повременить с записями.

— Я непременно должен отметить появление на свет вашего чада,— ответил доктор.— Я веду дневник, в котором регистрирую все души, которым помог узреть свет дня. Я намереваюсь написать историю младенцев, из которых получится что-нибудь порядочное. Если я способствовал появлению в этой юдоли слез хотя бы одного гения, то, полагаю, моя жизнь не прошла зря. В противном случае я потратил время и силы, занимаясь пополнением толпы кретинов, лицемеров и лжецов, которых и так немало в этом печальном мире.

Маленький Сэм захныкал, и доктор сказал:

— От звуков, которые он издает, не становится веселее, не правда ли? Он плачет так, будто появился на свет для того, чтобы все грехи мира легли на его крохотные плечи.

— Вы странный человек,— пробурчал отец.— Слишком злой, я думаю. И, несомненно, почитание господа нашего не входит в число ваших достоинств.

— Да, я приношу дань Властителю Тьмы,— сказал доктор. Комната наполнилась запахами крови, табачного дыма и пота.

— Как вы хотите назвать его? Сэмюэль? Какое совпадение! Меня зовут так же! Два Сэмюэля, ха-ха! Бедняга, я не думаю, что ему суждена долгая жизнь.

Отец Сэма закричал:

— Вон из моего дома, вы, дьявольское отродье! Убирайтесь прочь! Я приглашу другого врача. Вы не человек, вы посланец ада, и я не желаю, чтобы вы прикасались к моей жене и к ребенку!

Доктор, попыхивая сигарой, небрежно бросил в свой саквояж окровавленные инструменты и с треском захлопнул его.

— Очень хорошо! Я готов удалиться. Я ведь нахожусь проездом в этой дыре, мой провинциальный друг, и согласился помочь вам из жалости, поскольку шарлатан, который обслуживает вашу деревушку, отправился в город. Я покинул свой удобный номер на постоялом дворе и прибыл к вам, чтобы спасти хилого младенца, для которого смерть, несомненно, была бы лучшим исходом. Пожалуй, я честно заработал свой гонорар.

— Я мог бы выбросить вас за порог, не заплатив ни цента,— сказал отец Сэма.— Но человек должен платить свои долги независимо от обстоятельств. Вот ваши тридцать сребреников! Убирайтесь!

— Ну, что ж,— сказал доктор,— приглашайте вашего коновала, от которого вы не получите ничего, кроме бесполезных пилюль. Но советую вам запомнить, что это я, доктор Икс, вытащил вашу жену и ребенка из пасти смерти. Вечный странник, посланный дьяволом, чуобы удержать этого беднягу на грани жизни.

— Вон! Вон! — закричал отец Сэма.— Убирайтесь, пока я не прикончил вас!

— Нет благодарности в этом мире,— пробормотал доктор.— Из ничего я пришел, тенью прохожу по земле и уйду в ничто. Икс равен нулю.

Весь в испарине, застывший, как каменное изваяние, Сэм наблюдал за разыгравшейся драмой. Вся эта сцена происходила в круге бледного желтого света, по которому иногда змеились красные вспышки, подобные молниям. Прежде, чем выйти за порог их дома, расположенного во Флориде, штат Миссури, доктор обернулся, и Сэм мог ясно разглядеть его лицо. Доктор вы-

тащил сигару изо рта и усмехнулся, обнажив желтые прокуренные зубы с двумя длинными, как у собаки, клыками.

Представившаяся Сэму картина внезапно мигнула подобно прерванному фильму. Дверь, ведущая в дом семьи Клеменсов, превратилась в дверь бамбуковой хижины, и в ее проеме появилась чья-то фигура. На мгновение темный силуэт четко обрисовался на фоне звездного неба и затем исчез в тени. Сэм закрыл глаза, готовясь к новому устрашающему видению. Он застонал, проклиная ту минуту, в которую взял Жвачку. Сцена его рождения была фантазией, сотворенной его подсознанием; она была попыткой объяснить особенности его личности. И он знал, что за маревом ужасной фантасмагории таилась правда, которую он ненавидел и боялся... Но что за темная фигура двигается к нему, молчаливая, подобно смерти? Какие глубины его разума исторгли это существо?

Приглушенный баритон раздался под сводами хижины:

— Сэм Клеменс! Не бойтесь! Я не причиню вам вреда! Я пришел помочь вам!

— И что вы хотите в уплату за свою помощь? — прошептал Сэм.

Человек негромко рассмеялся и сказал:

— Мне импонируют люди вашего типа. Пожалуй, я сделал верный выбор.

— Вы хотите сказать, что я выбрал вас, чтобы вы выбрали меня,— ответил Сэм.

Человек помолчал несколько секунд, затем произнес:

— А, я понимаю! Вы думаете, что я — очередная фантазия, вызванная Жвачкой. Это не так. Коснитесь меня.

— Зачем? — хрипло сказал Сэм.— Вызванное Жвачкой видение должно знать, что его можно ощутить руками так же, как увидеть и услышать. Прошу вас, излагайте свое дело.

— Полностью? Это будет слишком долго. Я не располагаю достаточным временем. Тут есть еще кое-кто, и меня могут обнаружить. Они очень подозрительны и знают, что среди них есть изменник. Однако не имеют представления, кто им является.

— Они? Кто — они? — спросил Сэм.

— Они — то есть мы, этики — те, кто ведет наблюдение за этой областью. Здесь сложилась уникальная ситуация — впервые собрался вместе исключительно разнородный человеческий ансамбль. Это представляет редчайшую возможность для исследования, и мы регистрируем все. Я — один из Двенадцати и поэтому являюсь тут руководителем.

— Я очень польщен,— сказал Сэм,— и непременно выпью стаканчик в вашу честь, когда проснусь.

— Вы уже проснулись. Уверяю вас, что я действительно существую. И у меня мало времени.

Сэм попытался сесть, но рука пришельца удержала его на месте. В прикосновении ладони чувствовалась огромная физическая и ментальная сила. Ощутив это, Сэм вздрогнул.

— Вы один из Них,— прошептал он.— Один из Них!

— Из них, но не с ними,— сказал человек.— Я — на вашей стороне, на стороне людей. И я сделаю все возможное, чтобы мой народ не смог завершить этот мерзкий проект. У меня есть план — план, осуществление которого требует длительного времени и бесконечного терпения. Поддерживая традицию, я вступил в контакт с двенадцатью людьми. Это ваш, человеческий комитет Двенадцати, выбранный мной из многих миллиардов. Его члены посвящены в отдельные детали плана, но в целом его не представляют. Если кто-либо из них будет обнаружен и подвергнут допросу, он сможет сказать этикам очень немногое. План должен разворачиваться медленно, и все происходящее должно казаться набором случайных событий. Таких же случай-

ных, как видения Ричарда Бартона и падение этого метеорита.

Сэм снова попытался сесть, но остановился раньше, чем рука пришельца коснулась его груди.

— Так это не была случайность?

— Нет. Некоторое время назад мне стало известно о вашем намерении построить большое судно и пройти на нем до конца Реки. Это невозможно сделать без железа. Я отклонил орбиту подходящего метеорита таким образом, чтобы он попал в поле тяготения этой планеты и упал неподалеку от вас. Не слишком близко, конечно, иначе вы были бы убиты и перенесены из этой области. Должен сказать, что у нас имеется специальная охрана, в задачу которой входит предотвращение падения в долину Реки небесных тел. Мне удалось отвлечь их внимание на некоторое время, но, к несчастью, они успели запустить систему отталкивания. Это не предотвратило падения метеорита, но траектория его исказилась, и он рухнул почти вам на голову. В результате вы чуть не погибли.

— Следовательно, упавшая звезда...

— Была звездой, специально сброшенной с небес к вашим ногам.

«Если он так много знает обо мне,— подумал Сэм,— он должен быть одним из команды «Дрейрага». Если только он не умеет становиться невидимым. Что не исключено. Похожий на яйцо летательный аппарат, который я заметил в воздухе во время грозы, был невидим. Я смог разглядеть его только потому, что по какой-то причине он на мгновение стал видимым. Может быть, молния повредила устройство, которое охраняло аппарат от любопытных глаз... Впрочем, о чем это я? Все, что я вижу — не более чем фантазия, вызванная Жвачкой».

Внезапно человек сказал:

— Один из Них находится поблизости! Слушайте внимательно и запоминайте! Метеорит не удален обратно в межпланетное пространство, так как для этого не

хватило времени. По крайней мере, таковы были мое решение и мой приказ. Он захоронен в десяти милях отсюда. В месте удара образовался кратер, в котором скрыты несколько огромных глыб металла и множество мелких осколков. Начинайте там копать. Остальное зависит от вас. Я буду помогать вам, но я не могу делать свою помощь очевидной.

Сердце Сэма билось тяжело, голос звучал хрипло.

— Почему вы хотите, чтобы я построил корабль?

— В свое время вы получите ответ. Сейчас же будьте довольны тем, что получили необходимый материал. Да, вот что еще! Здесь есть огромные залежи бокситов, милях в пяти выше по Реке, вблизи основания горной цепи. Там рядом проходит небольшая жила платины и в двух милях за ней — месторождение киновари.

— Бокситы? Платина? Зачем?

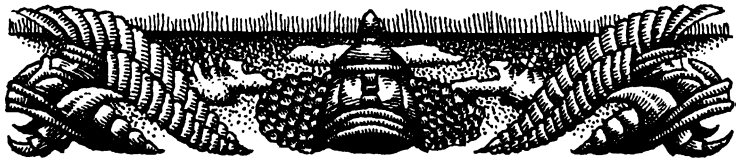
— Глупец!

Сэм услышал звук тяжелого дыхания, как будто человек боролся с собой, сдерживая ярость. Наконец, он холодно произнес:

— Вам будут необходимы бокситы для производства алюминия. Платина используется как катализатор во многих химических процессах. Вам потребуются разнообразные материалы, чтобы построить корабль. Тут есть несколько инженеров; они расскажут вам, что можно получить из этих минералов. Я должен идти. Он подходит все ближе. Делайте то, что я вам сказал, и никому не говорите о нашей встрече.

— Но... — начал Сэм.

Силуэт человека мелькнул в проеме двери и исчез. Сэм вскочил со своего ложа и выбежал из хижины. Огни костров все еще светились на берегу; маленькие фигурки плясали перед ними. Пришелец исчез. Сэм обошел вокруг хижины, но не обнаружил никаких следов. Он поднял глаза к небу, на котором сверкали облака газа и яркие точки звезд. Он надеялся увидеть блеск яйцеобразного корпуса взлетающего корабля, но воздух был пуст.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вернувшись к хижине, Сэм увидел огромную неподвижную фигуру, заслоняющую вход. С бьющимся сердцем он негромко спросил:

— Джо?

— Да,— прозвучал в ответ низкий басистый голос. Джо подошел к нему и сказал: — Здесь был кто-то, не человек. Я чувтвую запах. Он другой, не такой, как у людей. Ты знаешь, я вспоминаю...

Он замолчал на некоторое время. Сэм терпеливо ждал, пока огромные неповоротливые жернова в голове гиганта перемалывали зерно мысли в муку слов. Наконец Джо произнес:

— Так и есть, буть я проклят!

— Что ты хочешь сказать, Джо?

— Это случилось давно, на Темле, еще до того, как я был там убит... Нет, Тэм, не могу поверить... Если ты тказал правду о времени, когда я жил... то это тлучилось тсотни тысяч лет назад!

— Не тяни, Джо, я сгораю от нетерпения!

— Ну, ты можешь не поверить этому... Но втпомни, мой нос тоже обладает памятью...

— Лучшей, чем твоя голова,— сердито сказал Сэм.— Ты убьешь меня, замучив своей медлительностью!

— Ну, хорошо, Тэм... Я шел по тследу человека из племени вифтангкрулт; они жили в десяти милях от нас на другой стороне большого холма, похожего на...

— Не надо таких подробностей, Джо.

— Хорошо. В общем, перевалило за полдень, и я знал, что ткоро получу шкуру моего врага, потому что его тслед был твежим. Но тут я утлышал шорох. Я подумал — может быть, парень, которого я вытлеживаю, обошел меня тзади? Может, я тейчас получу дубиной по голове вместо его шкуры? Я прыгнул в густой кустарник, бросился на темлю и пополз тихо — тмотреть, кто шумит. И что я вижу? Великий Дух Охоты, почему я не тказал тебе об этом раньше? Какой я глупец!

— Я согласен с этим... Дальше, Джо.

— Ну, этот малый, которого я вытлеживал, лежал на темле, холодный и неподвижный. И около него тстояли два... двое... таких, похожих на человека. Я храбрый, как любой из моего племени... или еще храбрее... но я первый раз тмртрел на человека... и я очень итпугался.

Джо на мгновение замолчал и запустил огромную лапу в свои рыжие космы.

— Кажется, на них была одежда — то, что ты описывал мне как одежду, что носят люди на Темле... В руках они держали такие забавные штуки... гладкие черные палки около фута тлиной. Но они не были деревянными... они блестели, как топор Эрика. Я хорошо тспрятался, но эти ублюдки как-то узнали, что я тдесь. Один из них показал на меня палкой, и я потерял себя... потерял сознание. Когда я очнулся, два человека и этот малый, вифтангкрулт, итчезли. Будь я проклят, но я никогда не забуду их запах!

— Это все? — спросил Сэм. Его знобило, и он обхватил плечи руками.

Джо кивнул.

— Но это значит, что этот народ... эти существа... следили за нами полмиллиона лет... Или больше? Они — те самые неведомые создания... с почти божественной властью... что поместили нас сюда...

— Что это тзначит, Тэм?!

Сэм кратко поведал гигантопитеку о посетившем его видении, предупредив, что никто не должен знать об

этой истории. Неведомый пришелец, таинственный Икс, дал ясно понять, что распространяться о его существовании не следует. Но Сэм знал, что может полностью доверять своему доисторическому приятелю. Джо слушал Клеменса, кивая головой; темный силуэт огромного носа вздымался и опускался так, будто его владелец стоял на палубе судна, плывущего по бурному морю. Наконец, он сказал:

— Я понял, Тэм. Дело тсекретное. Но тмотри, что получается... Я видел их на Темле, и во время путешествия Эхнатона я видел их башню и воздушный коабл... И теперь появился этот Икт... как ты его назвал... и хочет помочь тебе тделать коабл. Тмотри... одно, другое, третье... как будто все тсвязано... не так ли?

Сэм был так возбужден, что смог уснуть только перед рассветом. Он заставил себя подняться, чтобы позавтракать, хотя предпочел бы остаться в постели. Пока викинги и фон Ритгофен поглощали содержимое своих чаш, он изложил им изрядно подредактированную версию своего ночного видения. Он опустил ряд существенных деталей, упирая на то, что его во сне посетило некое божество, указавшее место падения метеорита. Если бы не сверхъестественное чутье Джо, узнавшего запах пришельца, он сам был бы готов поверить, что все привиделось ему во сне.

Фон Ритгофен, конечно, только иронически усмехнулся, но норвежцы верили в вещие сновидения. Точнее, эту веру разделяла большая часть викингов. К сожалению, Эрик Кровавый Топор относился к числу неисправимых скептиков.

— Ты хочешь, чтобы мы тащились за десять миль и копали землю только потому, что тебе привиделся кошмарный сон?! — заорал он.— Я подозревал, что твой разум так же слаб, как твое мужество, и теперь я в этом убедился! Забудь о своем дурацком сне!

Во время завтрака Сэм сидел на земле. Теперь он поднялся на ноги и, нахмурив брови, сказал:

— Тогда Джо и я пойдем своей собственной дорогой. Мы соберем местных жителей, и они помогут нам копать. Когда мы найдем железо — а я в этом не сомневаюсь — ты не получишь ни унции. А теперь можешь катиться к дьяволу!

Глаза Эрика налились кровью, он свирепо взмахнул топором и закричал:

— Ничтожный траллс позволяет себе вести подобные речи! Да, ты будешь копать — копать собственную могилу, помет шелудивого пса!

Джо, который уже стоял рядом с Клеменсом, зарычал и вытащил из-за пояса огромный каменный топор. Викинги прекратили есть, вскочили на ноги и плотной толпой сгрудились за спиной конунга. Фон Ритгофен улыбался, когда Сэм рассказывал свой сон. Теперь его усмешка застыла, превратившись в злобный оскал. Стремительно поднявшись, он встал справа от Клеменса и сказал конунгу:

— Ты сомневался в мужестве германцев, мой норвежский друг. Сейчас ты сможешь это проверить.

Кровавый Топор громко рассмеялся.

— Два петушка и обезьяна! Вы не получите легкой смерти! Я постараюсь, чтобы вы молили о ней дни и ночи!

— Джо! — сказал Клеменс.— Постарайся прикончить его первым. Тогда тебе придется только немного попотеть, чтобы расправиться с остальными.

Джо поднял свой пятидесятифунтовый топор над головой и начал вращать его так легко, как будто он не имел веса. Потом гигант прорычал:

— Я могу переломать ему кости одним утаром и наверняка уложу еще пару ублюдков, тстоящих за ним!

Норвежцы знали, что тут не пахло бравадой; им не раз приходилось видеть Джо в бою. Он был способен убить половину из них, прежде, чем им удалось бы покончить с ним. Но викинги поклялись Эрику в верности, и, хотя многие не любили его, они не могли нарушить свой обет.

Казалось, отвага должна была бы стать всеобщей чертой среди обитателей речной долины. Смерть здесь не означала конца существования; убитый вновь восставал через сутки живым и невредимым.

Но тот, кто был храбрецом на Земле, был храбрецом и здесь, а трус оставался трусом. Разумом человек понимал, что смерть продлится только один день, но чувства, эмоции, все, что составляло человеческий характер — все это подсознательно отвергало кратковременность смерти.

Сэм Клеменс стремился избегать насилия и связанной с ним боли, которой он боялся больше насильственной смерти. Он сражался рядом с викингами, бил топором, колол копьем, ранил и получал раны, а однажды даже убил человека, хотя это было скорее случайностью, чем результатом его воинского умения. Но из него получился плохой воин. В сражениях людей с безжалостными волчьими сердцами его душа оставалась открытой страху и состраданию.

Эрик Кровавый Топор обладал жестокостью и отвагой. И он не был глупцом. Если он погибнет (а зная способности Джо, в этом сомневаться не приходилось), то не сможет повести своих воинов в поход на сказочном корабле, не сможет взять штурмом далекую северную крепость, лишится грандиозного, славного будущего.

Сэм Клеменс хорошо изучил этого человека и не сомневался, что его амбиции пересилят гнев. Так оно и случилось. Конунг опустил свой топор и выдавил улыбку.

— Не следует пренебрегать посланием богов, не проверив, что оно сулит,— пробормотал норвежец в раздумье.— Я знавал жрецов, которым Один и Тор посылали вещие сны, хотя эти люди теряли сердце от звуков сражения... И лгали постоянно — кроме тех случаев, когда они говорили от имени богов... Пусть будет так. Мы попробуем докопаться до железа. Если там есть железо — хорошо. Если нет... тогда мы продол-

жим этот разговор с того места, на котором остановились.

Икс, Таинственный Пришелец, сказал, что следует копать в месте, удаленном на десять миль вниз по Реке. Раскопки на этой планете являлись непростым занятием, требующим много сил. Однако использование местных жителей в качестве возможной рабочей силы осложнялось тем, что для них настали тяжелые времена. Чикагский гангстер начала двадцатого века Альфонсо Гилбретти заключил союз с бельгийским сталепромышленником из девятнадцатого столетия и турецким султаном из восемнадцатого. Этим триумвиратом была создана организация по классической схеме гангстерской банды. Те из местных, кто попытался протестовать против самозваных правителей, были либо уничтожены, либо превращены в рабов. Для прочих гангстер определил «налог с чаши», который каждый «гражданин» должен был платить за «защиту и покровительство». Гилбретти набрал гарем из пяти женщин. Одна из них была уже мертвой, так как попыталась разбить голову гангстера чашей, когда он вошел ночью в ее хижину. Что касается остальных, то они тоже не выглядели счастливыми женами.

Сэм узнал все это из бесед, которые велись у вечерних костров. Он понял, что викингам придется столкнуться с двумя сотнями бандитов и, как минимум, с тысячью так называемого «ополчения». Против этих сил они могли выставить сорок мужчин и двадцать женщин. Правда, вооружение местных состояло только из бамбуковых копий с обожженными на огне наконечниками. Преимуществом викингов являлся бесспорный военный опыт, подкрепленный кремневыми топорами, копьями и стрелами с кремневыми наконечниками и защитным вооружением из кожи речного дракона. И с ними был Джо Миллер.

Столкновение произошло через пару дней после с таким трудом улаженной ссоры между Клеменсом и конунгом норвежцев. Стоя на высоком борту корабля,

Кровавый Топор объявил огромной толпе местных, что его люди собираются искать железо. Если местные хотят принять участие в этом деле, то они должны присоединиться к отряду викингов. И тогда никто не посмеет грабить их чаши и брать силой их женщин.

Намек был достаточно ясным, и Гилбретти, стоявший вместе со своими приверженцами в первых рядах толпы, метнул в Эрика копье, сопроводив его крепким сицилийским ругательством. Ни то, ни другое не причинило норвежцу вреда. Он швырнул свой топор, и стальное лезвие рассекло грудь Гилбретти. С усаженной кремневыми осколками палицей конунг спрыгнул на землю, спеша за своим драгоценным железным оружием. Раньше, чем кто-либо успел шевельнуться, Джо Миллер и тридцать викингов ринулись за своим вождем. Оставшиеся на борту «Дрейрага» воины и женщины выпустили поток стрел и последнюю уцелевшую ракету. Она попала в плотную кучку сторонников Гилбретти, уложив на месте около сорока человек.

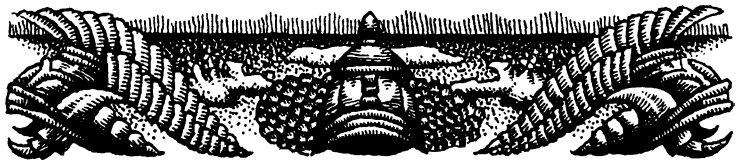
Не прошло и двух минут, как черепа бельгийца и турка треснули под топором Джо. Остальные бандиты были либо мертвы, либо сбиты с ног и тяжело ранены ударами кремневых секир. Несколько человек бросились бежать.

Но далеко они не ушли. Насильно навербованные «ополченцы», ненавидящие гангстеров, схватили их и повалили на землю, проткнув подожженными бамбуковыми копьями руки и ноги несчастных. Жуткие вопли пытаемых разнеслись над берегом.

Клеменс не хотел вмешиваться в действия ополченцев и старался игнорировать этот мерзкий спектакль. Он полагал, что если развлечение будет прервано по его приказу, то он потеряет значительную долю популярности в глазах местных. Лотар фон Ритгофен действовал более решительно. Немец сказал, что он, конечно, понимает желание местных причинить боль своим вчерашним мучителям, но подобное варварство все же допускать нельзя. Шагнув к ближайшему страдальцу,

фон Ритгофен прикончил его одним ударом топора. Потом он резко приказал ополченцам немедленно разделаться с остальными пленниками. Конунг мог бы вмешаться в это распоряжение, справедливо полагая, что зрелище мучений врагов является хорошим уроком для всех остальных. Однако Эрик находился в состоянии некоторой прострации, так как получил удар по голове куском каменной шрапнели от разорвавшейся ракеты.

Ополченцы неохотно повиновались, и истерзанные тела бандитов полетели в Реку. Некоторые из них, потерявшие сознание от боли, сразу пошли ко дну; другие еще барахтались несколько минут. Было странно видеть, как люди с обожженной кожей, с кровавыми ранами на теле, измученные невероятной болью, продолжают до последнего мгновения цепляться за жизнь. Инстинкт выживания был сильнее здравого смысла, и, хватая воздух широко разинутыми ртами, они пытались как можно дольше держать головы над поверхностью воды.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Еще нельзя было начинать закладку шахты. Вначале следовало организовать население, создать административные органы, вооруженные силы, установить границы нового государства. Клеменс и Кровавый Топор решили, что их страна должна простираться на три мили вверх и вниз по Реке, считая от места раскопок. На границах было построено защитное сооружение — полоса двадцатифутовой ширины, усаженная вбитыми в землю и заостренными бамбуковыми кольями. Эти полосы тянулись от основания скал до берега Реки. Около защитных линий соорудили несколько хижин, в которых располагалась вооруженная копьями охрана.

Настало время отправить «Дрейраг» за кремнем, россыпи которого, если верить Таинственному Пришельцу, находились в нескольких десятках миль вверх по Реке. Кровавый Топор включил в состав экспедиции пятьдесят человек под командой своего помощника Снорри Рагнарссона. Снорри должен был выторговать у местных достаточное количество кремня, обещая им взамен железо — после того, как металл удастся достать из-под земли. Если местные откажутся от сделки, следовало пригрозить им. Конунг считал, что Джо Миллер непременно должен участвовать в походе; чудовищные размеры и устрашающий вид гигантопитека наверняка сделают владельцев кремневой россыпи более сговорчивыми.

Сэм Клеменс был вынужден согласиться с логикой норвежца, хотя ему не хотелось расставаться с Джо.

Сам он не собирался отправляться с кораблем, так как Кровавый Топор в его отсутствии мог натворить что угодно. Конунг был жестоким, вспыльчивым и надменным дикарем. Если он начнет издеваться над людьми, то неминуемо грянет переворот и малая горстка викингов будет уничтожена.

Сэм мерил крупными шагами пространство перед своей хижиной, напряженно обдумывая ситуацию. Под этой травой и слоем вязкой почвы залегало вожделенное железо в количестве, более чем достаточном для воплощения его Мечты. Но он не мог начать раскопки, пока не будут сделаны все необходимые приготовления. И каждая проблема, которую удавалось решить, тянула за собой дюжину других, не менее сложных.

От раздражения он почти перекусил сигару. Пожалуй, этим людям, сидящим на запасах кремня, будет очень полезно взглянуть на Джо. Такое зрелище склонит их сердца в сторону торговли, а не войны. Но пока Джо отсутствует, Кровавый Топор может разделаться с ним, с Клеменсом. Он не убьет его открыто, потому что боится Джо; но он может подстроить подходящий случай.

Сэм выругался и пробормотал сквозь зубы:

— Если я погибну, то меня перенесут бог знает куда. Может быть, понадобится тысяча лет, чтобы возвратиться сюда. Тем временем другие люди начнут добывать железо и строить Корабль. Корабль! Мой Корабль! Он мой, только мой, не их!

В этот момент к нему торопливо подошел Лотар фон Ритгофен; по пятам за немцем следовали два человека. Лицо Лотара горело от возбуждения.

— Я обнаружил двух специалистов, которые нам необходимы! — воскликнул он.— Представьте себе, один из них — женщина! Женщина-инженер!

Мужчина, Джон О'Брайен, был металлургом середины двадцатого века. Женщина, наполовину русская, наполовину монголка, жила примерно в это же время в Сибири и работала горным инженером. Сэм пожал им

руки и кратко рассказал о том, что он собирается делать.

Глаза О'Брайена сверкнули.

— Если тут есть залежи бокситов, мы, вероятно, сможем построить такой корабль, как вы хотите!

Он был очень взволнован — как любой человек, получивший надежду заняться тут своим земным ремеслом. В долине Реки обитало множество людей, мужчин и женщин, мечтающих работать, чтобы хоть как-то убить время. Здесь были врачи, которые могли лечить только случайные ушибы и переломы; были печатники без печатных машин и бумаги; кузнецы без горнов и железа; домашние хозяйки, не имеющие кухонь, детей и домов; почтальоны, которым некому было вручать письма; проповедники, чьи религиозные доктрины опровергались самим существованием этого мира; фермеры, которым не требовалось выращивать урожай; механики без автомобилей; красильщики без красок и ткани; ковбои без лошадей и коров; проститутки, чью профессию уничтожила всеобщая доступность любви; пианисты без фортепиано, железнодорожники без паровозов и вагонов, охотники без дичи и так далее.

О'Брайен продолжал:

— Однако, если вы хотите построить пароход, то это, на мой взгляд, не очень реально. Вам придется останавливаться раз в день-два, чтобы пополнить запасы дров. Это приведет к длительным задержкам — даже если местные жители разрешат вам использовать их ограниченные ресурсы дерева. Кроме того, маховики, колеса, паровые котлы и прочие неуклюжие механизмы сломаются гораздо раньше, чем удастся достигнуть верховьев Реки. А взять с собой достаточное количество железа и запасных частей для ремонта невозможно — все это просто не поместится на судне. Нет, я уверен, что корабль должен приводиться в движение только электрическими моторами! Я встретил тут одного парня... я обязательно найду его и приведу к вам. По части электричества он настоящий колдун, инженер конца

двадцатого века. Он может построить моторы, которые вам нужны.

— Притормозите немного, фантазер,— сказал Сэм.— Где вы возьмете чудовищное количество электрической энергии для этих моторов? Может быть, построите собственный Ниагарский водопад и прихватите его с собой в путешествие?

О'Брайен был стройным молодым человеком с копной рыжих волос и мелкими правильными чертами лица. Задорная лукавая улыбка делала его необыкновенно обаятельным.

— В этом нет необходимости,— сказал он.— Источники энергии есть всюду вдоль Реки.

Он указал на грибообразные очертания ближайшего грейлстоуна и продолжал:

— Из года в год, из месяца в месяц эти камни три раза в день генерируют огромный электрический заряд. Что мешает нам использовать эту даровую энергию для корабельного двигателя?

Сэм задумчиво наморщил лоб; подобная мысль никогда не приходила ему в голову. Потом он нахмурил свои косматые брови.

— Каким дьявольским способом вы сможете накопить и сохранить эту энергию? Я не очень разбираюсь в электротехнике, но, по-моему, для этого нужна аккумуляторная батарея размером с Эйфелеву башню.

О'Брайен покачал головой.

— Я тоже так думал, пока не встретил этого парня, Вобенгула Ван Бума. Он мулат, наполовину голландец, наполовину зулус, родом из Южной Африки. Он сказал, что при наличии нужных материалов можно построить аккумулятор размером с десятиметровый куб, который способен накопить десять мегакиловатт энергии и отдавать ее со скоростью около десяти вольт в секунду. Ван Бум называл этот прибор батакайтором; его изобрели в конце двадцатого века. Если мы сможем добыть бокситы и сделать алюминиевую проволоку, то тогда не будет проблем с постройкой электрических мото-

ров. Конечно, алюминий не так хорошо, как медь; но мы не знаем, где взять медь, и придется удовлетвориться алюминием.

Сэм в волнении стиснул кулаки. Его мрачное настроение рассеялось без следа. Торопливо затянувшись сигарой, он выпустил несколько клубов дыма и сказал:

— Найдите этого Ван Бума! Я хочу поговорить с ним! — Он снова поморщил лоб, уставившись на сверкающую в солнечном свете поверхность Реки. Его воображение нарисовало огромный белый корабль, покачивающийся на волнах. Могучий паровой — нет, электрический! — двигатель мерно гудел, судно резало острым носом воду, устремляясь вверх по Реке. На капитанском мостике в фуражке из кожи речного дракона на голове стоял он, Сэм Клеменс, капитан этого сказочного корабля, и путь во много миллионов миль лежал перед ним. Никто и никогда не имел такого судна, такой Реки и такого странствия! Огромные гребные колеса взбивали воду, звенели колокола, сверкал металл, экипаж в полной готовности стоял на местах. Экипаж, который включал великих людей всех времен и народов — от подобного мамонту Джо Миллера из доисторической эпохи до ученых конца двадцатого века, не отличавшихся могучим телосложением, но имевших огромные знания.

Фон Ритгофен вернул его к реальности.

— Я готов начать со своими людьми закладку шахты,— сказал немец.— Но что вы решили делать с Джо?

Сэм встряхнул головой, видения рассеялись. Он нерешительно произнес:

— Я не знаю, как поступить. В этой ситуации разум не позволяет сделать правильный выбор; можно положиться только на интуицию. Наверное, я должен послать Джо. Но без него мы окажемся беспомощными, как банкир в Черную Пятницу. Будем надеяться, что наш викинг станет вести себя благоразумно... Приступайте к работе, Лотар. Но сначала я хочу сказать не-

сколько слов вашим людям... и поднять первую лопату земли. Не смейтесь, мы вступаем в великую эпоху, и это событие должно быть отмечено торжественной церемонией.

Через полчаса, завершив небольшую речь перед толпой новоявленных землекопов и прополоскав горло глотком бурбона, Сэм взялся за ручку лопаты, сделанной из бамбуковой пластины с заточенным краем. Стебли высокой травы были настолько прочными и толстыми, что ему пришлось рубить лопатой, как мачете. Обливаясь потом и изрыгая проклятья, он очистил от травы небольшой участок и попытался вонзить лопату в землю. Но переплетенная корнями почва была настолько плотной, что он не смог набрать даже половину лопаты грунта.

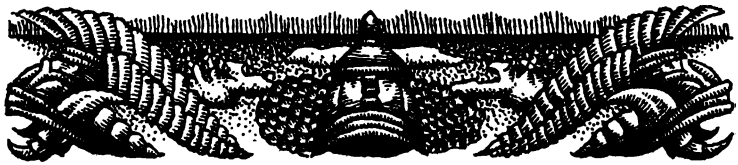
— К дьяволу! — воскликнул он, швыряя на землю свое затупившееся орудие.— Тут нужна сноровка крестьянина или могильщика! А я — работник умственного труда!

В толпе раздался хохот, после чего десятки бамбуковых мотыг и кремневых топоров ударили в неподатливую землю. Наблюдая за работой людей, Сэм мрачно сказал стоящим рядом фон Ритгофену и Джо Миллеру:

— Если этот метеорит находится на глубине десяти футов, нам понадобится десять лет, чтобы докопаться до него. Джо, ты должен привезти много кремня, иначе мы никогда не выполним эту работу.

— Ты решил потслать меня за твердым камнем? — спросил Джо.— Но я не хочу ратаваться с тобой, Тэм. Я боюсь за тебя.

— Ты должен сделать это, Джо,— мягко сказал Клеменс, положив ладонь на локоть гиганта.— Не беспокойся обо мне. Я буду осторожен.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В течение следующих трех дней яма диаметром десять футов достигла глубины в один фут. Фон Ритгофен организовал несколько команд землекопов, которые сменялись каждые пятьдесят минут. Недостатка в желающих работать не было, но много времени шло на заточку кремневых орудий и изготовление новых бамбуковых лопат, Эрик постоянно ворчал из-за каждого затупленного ножа и испорченного топора. Он говорил, что если на них нападут, то кремневые наконечники не разрежут даже кожу младенца. Клеменс несколько раз просил у него стальной топор, но норвежец оставался непреклонным.

— Если бы Джо был здесь, я велел бы ему отнять топор,— сказал Сэм фон Ритгофену.— Но где наш Джо? Ему уже пора возвращаться.

— Я думаю, надо послать кого-нибудь в легком челноке, чтобы разузнать о корабле,— сказал пилот.— Я пошел бы сам, но вам может понадобиться моя защита.

— Если что-то случится с Джо, то мы оба будем нуждаться в защите,— ответил Сэм.— Хорошо, пошлем этого перса, Абдуллу. Он ловкий парень и может проскользнуть незамеченным через корзину с гремучими змеями.

...Абдулла вернулся через два дня, на рассвете. Он разбудил Сэма и Лотара, который из предосторожности также спал в хижине Сэма. На ломаном английском перс рассказал, что Джо Миллер пойман и посажен в прочную бамбуковую клетку. Абдулла искал случай освободить Джо, но клетка надежно охранялась.

Викингов встретили вполне дружелюбно. Казалось, правитель области приятно удивлен тем, что ему предлагают такой выгодный обмен — кремень на железо. Он устроил роскошный пир в честь заключенного соглашения, накачал своих гостей виски и подарил им по пачке Жвачки Сновидений. Норвежцы были связаны во время сна. Джо тоже спал, но пробудился, когда на него попытались набросить веревки. Голыми руками он убил двадцать человек и изувечил пятьдесят, прежде чем предводителю врагов удалось оглушить гиганта, ударив его сзади палицей по черепу.

— Их правитель знает, что Джо — могучий воин, — сказал перс. — Сильнее, чем сам великий Рустам. Я слушал разговоры людей и понял, что правитель хочет сохранить Джо заложником.

Он хочет разрабатывать железные копи вместе с нами. Если ему откажут, он не убьет Джо, но сделает его рабом. Он нападет на нас, уничтожит наших людей и заберет себе все железо.

Абдулла облизал пересохшие губы, и Сэм протянул ему чашку с водой. Сделав несколько торопливых глотков, разведчик продолжал:

— Он может перебить нас всех. Он построил флот, много кораблей, по сорок воинов в каждом. Его воины имеют оружие из кремня, луки, стрелы и тяжелые боевые бумеранги.

— И кто же этот новоявленный Наполеон? — спросил Сэм.

— Его люди называют его король Джон. Они рассказывали, что он правил Англией в те времена, когда люди носили металлические панцири и сражались на мечах. Это были времена Саладина. Брат короля Джона сражался на востоке и стал знаменитым воином. Его звали Ричард Львиное Сердце.

Сэм сплюнул на земляной пол и выругался.

— Джон Ланкастер! Принц Джон, тварь с черной душой! Опозоривший свое имя так, что в Англии никогда больше короля не называли Джоном! Я предпочел

бы иметь дело с ординарным подлецом вроде Леопольда Бельгийского или Джима Фиска!

• • •

Тридцатью минутами позже Сэм получил еще более тревожные новости. На этот раз сообщение пришло из района, лежавшего вниз по течению. В тридцати милях от закладываемой шахты по Реке шел огромный флот. Он включал шесть десятков парусных одномачтовых кораблей, каждый из которых нес полсотни воинов. Вождь этой армады управлял областью, почти не затронутой катастрофическим падением метеорита. Его имя было фон Радовитц, и он тоже жаждал железа.

— Я читал о нем в школьные годы! — воскликнул Лотар. Насколько я помню, он родился в 1797 году и умер в 1853. Фон Радовитц был генералом артиллерии и близким другом Фридриха IV Прусского. Его называли «Воинственным Монахом», потому что генерал придерживался строгих религиозных взглядов. Он умер на шестом десятке разочарованным человеком, потерявшим покровительство и доверие своего высокопоставленного друга. Итак, он снова жив, молод и энергичен. Не сомневаюсь, что этот жестокий протестант одушевлен какой-нибудь кровожадной религиозной идеей и уничтожает всех, кто с ней не согласен.

Часом позже Сэм и Лотар получили известие, что с верховьев Реки приближается флот короля Джона.

— Армия Джона будет здесь раньше,— сказал Сэм конунгу норвежцев.— Они плывут быстрее, ветер и течение помогают им.

— Не учи меня, скрелинг! — рявкнул Кровавый Топор.— Во имя Одина, не попадайся мне под руку!

— Но что ты собираешься делать?

— Сначала разобью англичанина, а потом покончу с германцем! — захохотал Эрик. Он взмахнул своим топором и сказал: — Будь проклята эта буря, что погуби-

ла два моих корабля! И мои ребра — они еще болят! Но боль не помеха для воина!

Сэм не стал затевать спор. Но когда они с Лотаром остались наедине, он сказал:

— Великолепная перспектива! Сражайся с противником, намного более сильным, и умри в бою! Потом этот кабан воскреснет где-то и снова устроит кровавую резню! Такой поворот событий меня не устраивает. У меня есть Мечта, и чтобы она стала реальностью, я должен быть здесь, Лотар, только здесь! Если хотите — считайте меня предателем или трусом, но мы не можем сейчас вступать в бой!

— Что же вы предлагаете? — спросил немец. Он был бледен, и губы его кривила презрительная усмешка.

— Мы должны вступить в союз с королем Джоном! Он — распоследний мерзавец, но не дурак и пойдет на объединение с нами. Флот Радовитца сильнее, и даже если Джон захватит шахту, удержать ее он не сможет. А в случае объединения наших сил мы дадим такой пинок фон Радовитцу, что он уберется отсюда как побитая собака!

Лицо Лотара оттаяло, в глазах появился теплый блеск. Он положил руку на плечо Сэма и сказал:

— Простите меня. На мгновение я подумал, что вы предложите спрятаться в лесу, а потом пойти на службу к победителю. Но я не смог бы предательски бросить наших людей на смерть и пытки.

— Я тоже не хочу этого, потому и предлагаю свой план. Но тут есть одно препятствие — Кровавый Топор! Он никогда не согласится на союз с Джоном, как с равным партнером. Двум средневековым королям будет тесно в одной лодке.

— Вы говорили, что Джон коварен, как ядовитая змея,— сказал фон Ритгофен,— но я тоже не вижу другого выхода. Что касается конунга, то его нужно убрать, убрать быстро и незаметно. Думаю, вам не стоит

терзаться угрызением совести по этому поводу. Он прикончит вас при первом же удобном случае.

Сэм опустил голову; его лоб покрылся испариной, глаза блуждали.

— На самом деле мы даже не убиваем его,— нерешительно пробормотал он.— Мы только убираем его подальше...

Сэм хотел добавить еще что-то, но фон Ритгофен остановил его нетерпеливым жестом. Немец сказал, что пора разговоров миновала. Сэм дал идею, теперь надо действовать и воплотить ее в жизнь.

Лицо Клеменса было бледным, он закрыл его ладонями.

— Я знал, что так будет... так будет, если я пойду на это...

— Что с вами? — спросил Лотар.

— Я мучаюсь от вины еще до того, как совершил преступление...— прошептал Сэм.— Я чувствую себя подобно трусливому, продажному псу... хотя понимаю разумом, что для этого нет причин... Проклятье! Я словно рожден для того, чтобы страдать за все грехи мира... даже за грех собственного рождения.

Фон Ритгофен в отчаянии всплеснул руками и зашагал прочь, кинув Сэму через плечо:

— Следуйте за мной — или оставайтесь на месте, как хотите. Но не требуйте, чтобы я считал вас капитаном нашего корабля. Капитан должен твердо стоять на своих ногах.

Со страдальческой гримасой Сэм пошел за немцем. Лотар сказал, что для задуманной операции вполне достаточно дюжины надежных и решительных парней. К тому времени, когда солнце перевалило зенит, все детали были обсуждены и люди пошли за оружием. Вскоре они вернулись из своих хижин с бамбуковыми копьями и ножами в руках. Один нес лук из ствола молодого бамбука и десяток стрел, но это оружие было эффективно только на небольшом расстоянии.

Группа, предводительствуемая фон Ритгофеном и Клеменсом, быстро достигла хижины норвежского конунга. Ее охраняли шестеро викингов.

— Мы хотим видеть Эрика,— сказал Сэм, пытаясь сдержать предательскую дрожь в голосе.

— У него в доме женщина,— ответил старший из стражей, Бенгт Гримарссон.

Сэм поднял руку. Лотар, выскочивший из-за его спины, нанес внезапный удар Гримарссону по голове. Над плечом Сэма свистнула стрела и застряла в горле другого викинга. В несколько секунд стражи, ошеломленные внезапным нападением, были перебиты. Дело, однако, не обошлось без шума и еще десяток викингов поспешил на выручку к своему вождю. Конунг, обнаженный, с высоко поднятым топором, выскочил из хижины с яростным ревом. Фон Ритгофен ударил норвежца копьем в грудь и шагнул вперед, продолжая сжимать бамбуковое древко. Эрик зашатался, выронил топор и стал опрокидываться на спину, пока не навалился на стену хижины. Его глаза вылезли из орбит, кровь хлынула изо рта, кожа посерела.

Лотар вытащил копье и нанес конунгу второй удар в живот. Кровавый Топор согнулся, инстинктивно зажимая рану руками, и медленно повалился на землю.

В последовавшей схватке шесть человек из отрада Клеменса были убиты и четверо ранены. Викинги сражались отчаянно, пока их не перебили полностью.

Сэм Клеменс, залитый чужой и собственной кровью, сочившейся из пореза на плече, опустил копье. Он убил одного воина, Гунара Торфинссона, всадив ему копье под лопатку, пока викинг сражался с фон Ритгофеном. Плохая смерть для Гунара. Как большинство викингов, он дружелюбно относился к Сэму и любил слушать его рассказы. Теперь недавний соратник заколол его ударом в спину.

«Я участвовал в тридцати восьми сражениях,— подумал Сэм,— и убил только двух человек. Тот, другой, был раненый турок, пытавшийся подняться на ноги. И

я, Сэм Клеменс, могучий воин с безжалостным сердцем, прикончил его.» — Вспомнив об этом, Сэм с ужасом и отвращением уставился на валявшиеся на земле тела. Он знал, что эти трупы будут сниться ему, даже если он проживет еще десять тысяч лет.

Вдруг он пронзительно вскрикнул от ужаса и дернул ногой, отчаянно пытаясь вырвать лодыжку из охвативших ее пальцев. Он поднял копье, намереваясь поразить лежащего на земле человека, посмотрел вниз и увидел бледно-голубые, подернутые туманом смерти глаза Эрика. Жизнь на мгновение вернулась в могучее тело викинга. Его голос был слаб, но Сэм и стоявшие поблизости люди хорошо расслышали слова умирающего.

— Ты, отродье Локи! Слушай, я не дам тебе уйти, пока я говорю. Боги открыли мне будущее. Они отомстят тебе за предательство. Слушай! Я знаю, тут есть железо, под этой пропитанной кровью травой. Я чувствую его всеми своими жилами. Оно течет к моему телу и холодит кровь. Тут много железа, больше, чем надо для твоего белого корабля. Ты добудешь железо и ты построишь корабль, который станет соперничать с драккаром Одина.

— И ты будешь капитаном этого корабля, пес Клеменс, и ты пройдешь на нем больше миль, чем колесница Тора покрывает за день. Ты будешь плыть вперед и назад, на север и на юг, на восток и на запад, туда, куда поведет тебя Река. И ты много раз обогнешь этот мир.

— Но строительство корабля и последующее плавание будут полны жестокости и горя. И после многих лет, равных жизни двух поколений на Земле, после великих страданий и немногих радостей, когда ты будешь близок к цели своего путешествия, ты найдешь меня!

— Вернее, я найду тебя! Там, в неимоверной дали, я буду ждать корабль и я убью тебя. И ты никогда не увидишь конец Реки и не возьмешь штурмом ворота Валгаллы!

Сэм стоял похолодевший и недвижимый. Он слышал голос судьбы и не мог заставить себя поднять оружие или снова взглянуть в глаза умирающего.

— Помни, я жду! — прохрипел конунг и замолк. Сэм осторожно освободил ногу и отер лоб дрожащей рукой. Потом он взглянул на фон Ритгофена и прошептал:

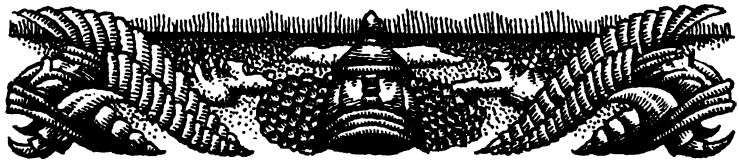
— Это нелепо... Человек не может предвидеть будущее...

— Почему же? — сказал немец. — Если в мире действует железная цепь причин и следствий, то будущее жестко определено. И разве не может оно приоткрыться на минуту, сверкнуть, подобно лучу света, в тоннеле времени? И тогда человек может уловить нечто...

Сэм ничего не ответил. Фон Ритгофен рассмеялся, показывая, что он только шутит, и одобряюще похлопал Сэма по плечу.

— Мне надо выпить, Лотар, — произнес Сэм сдавленным голосом. И потом добавил: — Я не вижу ни капли смысла в этом суеверном вздоре.

Но он подумал, что умирающий сумел заглянуть на годы вперед, и он поверил его предсказанию.



ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

К берегу флот короля Джона подошел за час до начала сумерек. Сэм Клеменс послал человека сообщить Джону, что он желает обсудить с ним возможность заключения союза. Джон, похоже, ничего не имел против такого решения вопроса. Во время переговоров Сэм стоял на берегу, а его будущий союзник — на палубе галеры. Сэм, подогрев свой энтузиазм хорошим глотком виски, описал сложившуюся ситуацию и изложил идею постройки огромного корабля.

Джон оказался невысоким широкоплечим человеком с рыжеватыми волосами и хитрым выражением голубых глаз. Он дружелюбно улыбнулся Сэму и ответил на английском, который, против ожидания, был вполне понятен. Выяснилось, что раньше он прожил около десяти лет среди виргинцев восемнадцатого века. Благодаря этому его язык не являлся смесью средневекового английского и франко-нормандского, как втайне опасался Сэм.

Джон быстро понял, какие выгоды сулит ему союз с Клеменсом против фон Радовитца. Несомненно, у Джона имелись свои соображения о том, что он станет делать после разгрома прусского генерала.

Сейчас, однако, он проявил готовность заключить союз и высадился на берег, всячески демонстрируя свое дружелюбие. Соглашение между сторонами было окончательно скреплено обильным возлиянием, после чего Джон приказал освободить Джо Миллера, сидевшего в клетке на флагманской галере.

Слезы показались на глазах Сэма, когда он увидел своего друга. Гигантопитек налетел на него подобно Ниагарскому водопаду, и ребра Сэма хрустнули в его могучих объятиях.

Итак, союз был заключен. Фон Ритгофен, однако, шепнул на ухо Сэму:

— Что касается Кровавого Топора, то мы, по крайней мере, знали, что можно ожидать от него. Похоже, мы сделали не очень выгодный обмен.

— Возможно, вы правы,— ответил Сэм.— Но если для спасения от стаи волков, хватающих вас за пятки, не найдется ничего лучшего дикого мустанга, вы сядете на него, хотя это может грозить новыми опасностями. О том, как не сломать себе шею, вы задумаетесь позже.

...Сражение, которое началось с рассветом следующего дня, тянулось долго. Несколько раз Клеменс и его новый союзник были на волосок от поражения. По их плану корабли Джона укрылись вблизи берега в дымке утреннего тумана и затем ударили в тыл германского флота. Люди Джона метали сосновые факелы, с помощью которых удалось поджечь несколько кораблей фон Радовитца. Но это не принесло большого успеха. Нападающие говорили на одном языке, были хорошо дисциплинированны и закалены во многих битвах; кроме того, они имели превосходство в вооружении.

С помощью ракет захватчики потопили множество кораблей Джона. Затем германцы хлынули на берег под прикрытием ливня стрел и ракетных залпов. Во время высадки одна из ракет упала в десяти ярдах от Сэма. Оглушенный взрывом, он рухнул на землю, затем с трудом поднялся, пошатываясь. Внезапно его заслонила чья-то широкая спина. Сэм мог поклясться, что раньше он никогда не видел здесь этого человека.

Незнакомец, ростом около пяти с половиной футов, обладал крепким, могучим сложением. Инстинктивно Сэм понял, что этот человек немолод, хотя он выглядел, как и все прочие, двадцатипятилетним. Его вьющиеся каштановые волосы спадали на спину. Под гус-

тыми, такими же, как у Сэма, бровями, сверкали глаза, карие с зелеными искорками. Лицо, с орлиным носом, выдававшимся вперед подбородком и массивными скулами выглядело решительным и грозным.

Незнакомец держал в руках лук, сделанный из челюстной кости речного дракона. Сэм знал, что подобное оружие было очень редким в долине. Для того, чтобы согнуть такой лук, требовались усилия двух человек. Но зато он обладал колоссальной мощью и дальнобойностью.

На плече незнакомца висел колчан с двумя дюжинами стрел, выточенных из костей речного дракона и снабженных кремневыми наконечниками. Солнечные лучи просвечивали через тонкие древки стрел, но этот материал не уступал по прочности железному дереву.

Незнакомец пристально разглядывал Сэма. Наконец он сказал по-немецки со странным, трудноуловимым акцентом:

— Ты похож на Сэма Клеменса.

— Без сомнения, это я,— ответил Сэм.— Но откуда вы...

— Мне описал твою внешность...— незнакомец сделал паузу,— один из Них.

В первый момент Сэм не мог ничего понять. Оглушенный взрывом ракеты, воплями и ревом людей, убивающих друг друга всего в двадцати ярдах от него, Сэм уставился широко раскрытыми глазами в лицо незнакомца. И вдруг до него дошло. Непослушными губами Сэм прошептал:

— Он послал... Таинственный Пришелец... он послал вас... Вы — один из двенадцати! И он послал вас!

— Он? Нет! Она послала меня!

У Сэма не было времени уяснить смысл этой странной поправки. Он подавил желание выяснить у незнакомца, как он справляется со своим луком. Вместо этого Сэм приподнялся на цыпочки и указал на ближайший вражеский корабль, уткнувшийся носом в берег.

На его палубе стоял рослый светловолосый человек, раздававший команды.

— Фон Радовитц, предводитель германцев,— сказал Сэм.— Мы не можем достать его из наших деревянных луков.

Лучник поднял свое страшное оружие. Плавно и быстро, остановившись только на мгновение, чтобы прицелиться и оценить скорость ветра, он послал стрелу. Ее полет закончился в горле фон Радовитца. «Воинственный Монах» взмахнул руками и, захлебываясь кровью, рухнул в воду с кормы своего корабля.

Следующей стрелой лучник поразил помощника фон Радовитца, который пытался сплотить своих людей. Джо Миллер, облаченный в панцирь из кожи речного дракона, ринулся на германцев, размахивая чудовищной дубовой палицей. Он походил на восьмисотфунтового сказочного льва с разумом человека. Смерть и ужас распространялись вокруг гиганта. Он сокрушил двадцать врагов за минуту; потом, с диким ревом, схватил за плечо ближайшего германского воина и швырнул его с такой силой, что сбил с ног дюжину человек.

Отряды германцев дрогнули и стали отступать к своим судам. Фон Ритгофен, обнаженный, залитый кровью, появился перед Сэмом, потрясая сжатой в кулак рукой.

— Победа! Победа! — кричал он.— Мы победили!

— Теперь вы наверняка получите свою летающую машину,— с улыбкой сказал Сэм. Затем он повернулся к лучнику и спросил: — Кто вы?

— У меня было много имен, но когда мой дед впервые взял меня на руки, он назвал меня Одиссеем.

Потрясенный Сэм смог выжать из себя только одну фразу:

— Мы все слышали о вас...

Был ли этот лучник тем человеком, о котором Гомер сложил свою эпическую поэму? Тем самым Уллисом, который сражался у стен Трои и о котором сочинили

столько легенд? Почему бы и нет? Икс, Таинственный Пришелец, сказал Сэму, что он выбрал двенадцать человек из многих миллиардов. Сэм не знал, чем руководствовался Икс, делая свой выбор, но полагал, что причины для него должны быть достаточно весомыми. Таинственный Пришелец намекнул на одного человека — Ричарда Бартона. Возможно, каждый из двенадцати избранных источал некую ауру, которая подсказывала этику-отступнику, что подобный человек годится для его целей. Во всяком случае, не приходилось сомневаться, что этот древний ахеец, Одиссей, годился для любой опасной авантюры.

...Празднество по случаю одержанной победы завершилось поздно. Сэм, сопровождаемый Лотаром, Джо и Одиссеем, двигался в ночном полумраке, направляясь в свою хижину. Его горло пересохло от расспросов. Он постарался вытянуть из этого ахейца все, что тот знал об осаде Трои и последующих странствиях по морям. Рассказы Одиссея не столько удовлетворили любопытство Сэма, сколько удивили его.

Троя, известная Одиссею, была совсем не тем городом вблизи Геллеспонта, развалины которого земные археологи обозначили как Троя УПа. Троя, которую осаждали Одиссей, Агамемнон и Диомед, располагалась южнее, примерно против острова Лесбос. Ее население принадлежало к народу этрусков, занимавшему в те времена часть Малой Азии. Позднее этруски эмигрировали в Италию, спасаясь от нашествия эллинов.

Осада Трои длилась два года и завершилась полным разгромом города. Через три года Одиссей принял участие в великом морском походе ахейских племен против Египта, которым правил Рамсес III. Ахейцы потерпели поражение. Спасая свою жизнь. Одиссей бежал на одном из кораблей и, действительно, был вынужден совершить тяжелое морское путешествие. За три года скитаний он посетил Мальту, Сицилию и южное побережье Италии — земли, тогда еще неизвестные грекам. Однако все приключения с Полифемом, Калипсо, Цир-

цеей, Эолом и листригонами являлись выдумкой. Жену Одиссея действительно звали Пенелопой, но по возвращении домой ему не пришлось избивать никаких женихов.

Что касается Ахиллеса и Гектора, то Одиссей знал о них только из легенд. Он полагал, что оба эти героя были пеласгами, народ которых населял Элладу до того, как ахейцы хлынули на полуостров с севера. Ахейцы смешались с пеласгами и восприняли их верования. В результате через много веков сложилась эпическая традиция Илиады, в которой соединились легенды двух народов. К изумлению Сэма, ахеец был знаком с Илиадой и Одиссеем; он встретил ученого, который знал обе поэмы наизусть.

— Доводилось ли вам слышать о Деревянном Коне? — спросил Сэм, почти уверенный, что ответ будет отрицательным.

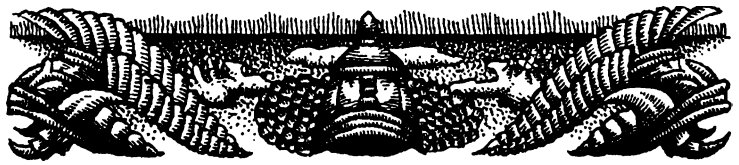
Однако Одиссей не только знал о Коне, но и сказал, что вся эта история находится на его совести. Это был акт отчаяния, обман, предпринятый в ожидании неминуемого провала похода. И этот обман неожиданно привел к успеху.

История с Деревянным Конем показалась Сэму наиболее удивительной из всех, услышанных в этот вечер. Ученые единодушно отрицали ее реальность, считая ее невероятной Очевидно, они были правы. Казалась фантастической мысль о том, что ахейцы были настолько глупы, что построили этого Коня, а еще более глупые троянцы затащили его в город. Тем не менее Деревянный Конь существовал на самом деле и ахейцы проникли в город в его чреве.

Фон Ритгофен и Джо внимательно слушали вопросы Сэма и обстоятельные ответы ахейца. Оба вполне понимали, с кем имеют дело. Несмотря на запрещение этика, Сэм рассказал им о своей встрече с одним из повелителей этого мира. Джо и Лотар должны были знать о Таинственном Пришельце. Иначе окажется, что он, Сэм, будет совершать поступки, непонятные его бли-

жайшему окружению. Кроме того, Сэм невольно стремился показать этику, что он остается самостоятельным в своих поступках.

Сэм пожелал доброй ночи двоим из своих спутников; Джо спал в его хижине. Он вытянулся на койке, но, несмотря на усталость, не мог уснуть. Водовороту мыслей, крутившихся в его голове, аккомпанировал могучий храп Джо. Сэм думал о будущем этого мира, будущем, в котором появятся стальные перья, бумага и, может быть, печатный станок. Значит, тут будут газеты, журналы, книги... Еще он думал о своем новом союзнике, принце Джоне, лукавом, как змий. Вряд ли с ним возникнут какие-либо неприятности, пока корабль не будет построен. А это случится еще нескоро. Пока же поводов для тревоги не было, но Сэм все равно испытывал беспокойство.



ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сэм пробудился внезапно; его сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из ледяных тисков ночного кошмара. Влажный воздух сочился через бамбуковые стены и закрывающую вход плетеную циновку. Капли дождя барабанили по крыше хижины. Над горами гремел гром, которому вторил храп Джо Миллера.

Сэм протянул руку в темноту, внезапно вскрикнул и сел. Его пальцы коснулись ткани, скрывающей теплую человеческую плоть. Далекая молния на мгновение рассеяла мрак, и он увидел смутные очертания фигуры, склонявшейся над его ложем. Затем знакомый голос произнес:

— Не стоит беспокоиться и звать на помощь вашего гигантопитека. Я уверен, что он не пробудится до рассвета.

Сэм вытер ладонью вспотевший лоб, потом нашарил в темноте сигару, лежавшую на маленьком столике рядом с койкой.

— Могу я закурить? — хрипло спросил он.

Таинственный Пришелец так долго медлил с ответом, что Сэм удивился. Свет от горящего кончика сигары не позволил бы Сэму разглядеть этика; кроме того, его лицо скрывала маска или низко надвинутый капюшон. Возможно, он не любил запаха табачного дыма? И не хотел сказать об этом, так как данная особенность позволила бы опознать его? Опознать кому? Другим этикам, которые подозревали, что среди них имеется предатель? Пришелец сказал, что в долине Реки нахо-

дятся двенадцать посвященных и Сэм — один из них. Если он, Сэм Клеменс, будет схвачен и допрошен этиками и если он скажет, что контактирующее с ним существо не любит запах табака, достаточно ли этого, чтобы Они могли узнать отступника?

Сэм не сказал ни слова. Все эти мысли он решил держать про себя; возможно, что-нибудь со временем пригодится.

— Курите,— наконец сказал Пришелец. Хотя Сэм не мог видеть этика, ему показалось, что тот немного отодвинулся.

— Чему я обязан этим неожиданным визитом? — произнес Сэм.

— Всего лишь тому, что мы надолго расстаемся и мне нужно предупредить вас об этом. Я не хочу внушать вам мысль, что бросил вас. Меня вызывают... вызывают в связи с делами, которые недоступны вашему пониманию — даже если я очень постараюсь их объяснить. Итак, теперь вы должны руководствоваться собственным разумом. Если события примут для вас плохой оборот, я ничем не смогу помочь — даже косвенно.

— Я полагаю, что у вас есть все, что нужно для строительства корабля, и ваша работа займет не менее десятилетия. Используйте свою изобретательность при решении проблем — технических и политических, которые возникнут перед вами. Я не могу предоставить вам большего разнообразия материалов. Я дал вам достаточно шансов, сбросив сюда железный метеорит и указав месторождения бокситов и платины.

— Здесь будут другие этики — не из числа Двенадцати, более низкого ранга — которые ведут наблюдение за людьми. Однако они не станут вмешиваться в ваши дела. Они не считают, что ваш корабль несет какую-либо опасность Плану. Правда, они предпочли бы, чтобы у вас не было железа и когда вы «откроете» платину и бокситы, это их несколько расстроит. Они хотят, чтобы земляне встали на путь духовного, а не тех-

нологического развития. Тем не менее вмешиваться они не будут.

Сэм ощутил некоторую панику. Хотя он ненавидел этика, он, однако, нуждался в его моральной и материальной поддержке.

— Я надеюсь, ничего плохого больше не произойдет,— произнес Сэм.— Но сегодня я чуть было все не потерял. Если бы не Джо и этот парень, Одиссей...

Он сделал внезапно паузу, затем воскликнул:

— Постойте! Одиссей утверждал, что этик, который послал его нам на помощь, был... был женщиной!

Из темноты донесся смешок.

— Какое это имеет значение?

— Большое! Либо вы — не единственный отступник, либо — умеете изменять свой голос. Или, возможно, вы не сказали мне всей правды! Может быть, вы все участвуете в этом деле и питаете нас прекрасными, но лживыми фантазиями во имя каких-то собственных целей! Мы — только орудия в ваших руках!

— Я не лгу! И не желаю обсуждать ваши нелепые предположения! Скажу только, что если вы или другие, из числа выбранных мной, будут обнаружены и допрошены, то их ответы приведут моих коллег в изрядное смущение.

Из темноты послышался шорох.

— Я должен идти. Повторяю, теперь все — в ваших руках. Желаю удачи.

— Подождите! Что, если я провалюсь?

— Кто-нибудь другой построит корабль... Но я полагаю, что ваши шансы на успех очень велики.

— Итак, я только орудие... орудие в руке бога... Если орудие ломается, его выбрасывают прочь и берут другое...

— Я не могу гарантировать вам успех. Я не бог.

— Будьте вы прокляты — вы и весь ваш род! — вскричал Сэм.— Зачем вы вмешались в нашу жизнь, почему не дали событиям развиваться так естественно, как это было на Земле? После смерти нас ждал покой и

мир. Нет больше горя и боли. Нет непрерывного изнуряющего труда и болезней. Все это — позади нас. Мы были свободны, свободны от оков плоти. Но вы снова наложили на нас это ярмо и стянули цепь так, что мы даже не можем убить себя! Вы поставили смерть вне пределов досягаемости для нас! Это значит, что вы ввергли людей в адское пламя навечно, навсегда!

— Здесь не так плохо,— ответил этик.— Большинству из вас тут даже лучше, чем на Земле. Или, по крайней мере, не хуже. Калеки, слепые, истощенные, больные снова здоровы и молоды. Вы не должны трудиться ради куска хлеба, и большинство из вас питается гораздо лучше, чем на Земле... Но я согласен с вами в общей оценке ситуации. Это преступление, величайшее преступление, которое...

— Верните мне Ливи! — воскликнул Сэм.— Верните мне моих дочерей! Разделив нас, вы сделали их для меня такими же мертвыми, как если бы они были мертвы. По крайней мере, я не корчился бы все время в муках, представляя их возможные страдания! Может быть, их бьют, насилуют, пытают — откуда я знаю? На этой планете так много зла! Здесь может быть все самое ужасное, что существовало раньше на Земле!

— Я постараюсь помочь вам,— сказал этик.— Но на то, чтобы найти их, могут уйти годы. У меня нет времени объяснять вам детали поисков — они очень сложны, а я должен уйти до того, как кончится дождь.

Сэм поднялся и шагнул вперед, вытянув руки.

— Остановитесь! — раздался голос этика.— Сейчас вы коснетесь меня!

Сэм понял, что его собеседник обладал способностью видеть в темноте. Он замер и прошептал:

— Вы поможете мне? Найдете Ливи? И моих девочек?

— Я сделаю это, даю вам слово. Только... только на розыски могут уйти годы. Предположим, что вы построите корабль и отправитесь в путь... пройдете миллион миль вверх по Реке... И в этот момент я сообщу

вам, что обнаружил вашу жену в трех миллионах миль ниже по течению. Учтите, что я могу найти ее, но я не могу перенести ее к вам; добраться к ней — ваше дело. Как вы поступите? Повернете обратно и потратите двадцать лет на возвращение? Согласится ли с таким решением ваша команда? Сомневаюсь. Однако даже если вы сделаете так, нет гарантий, что ваша жена все еще будет в прежнем месте. Ее могут убить, и она окажется перенесенной куда-нибудь еще... еще дальше...

— Проклятье! — прохрипел Сэм; тиски безысходного отчаяния сжимали его горло.

— И, конечно,— продолжал этик,— люди меняются, особенно женщины. Когда вы найдете свою жену, то можете обнаружить, что она не испытывает к вам прежних чувств...

— Я убью вас! — взревел Сэм — Но помогите, помогите мне... умоляю...

Бамбуковая циновка была откинута. Силуэт Пришельца мелькнул в дверном проеме, подобный летучей мыши. Его тело скрывал широкий плащ, на голову был опущен капюшон. Сэм стиснул кулаки, заставляя себя успокоиться. Затем он начал безостановочное движение между койкой и дверью. Вперед — назад, вперед — назад... отмечая свой путь в темноте слабыми вспышками сигары... пока она не догорела до конца... Тогда швырнул окурок за дверь и выругался. Дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Будь они прокляты! Будь проклят Он! Я дойду до северного полюса! Я найду их! И я их убью! Я убью его!

Дождь прекратился. Издалека донеслись какие-то крики, обеспокоившие Сэма. Пришельца могли поймать — и, хотя это представлялось маловероятным, тревога Сэма не уменьшалась. Он ненавидел этика, но понимал, что время мести еще не наступило. Помощь и покровительство таинственного существа были необходимы ему. Позднее... позднее все могло измениться.

Сэм вышел из хижины. Цепочка огней двигалась по равнине. Вскоре Сэм уже мог различить в свете факелов лица нескольких охранников, предводительствуемых фон Ритгофеном. С ними были трое неизвестных.

Большие намокшие покрывала, наброшенные на головы и плечи, делали их фигуры бесформенными. Один из странников, невысокого роста, низко надвинул капюшон. У рослого мужчины, шедшего впереди, голова была обнажена, темные волосы слиплись от дождя. Его вытянутое темное лицо казалось суровым; огромный крючковатый нос выдавался вперед подобно орлиному клюву.

— Вы проиграли эту дистанцию, незнакомец,— сказал Сэм.— Там, в моей хижине, храпит один парень, чей нос побьет ваш по всем показателям.

— Но д'ан кон... Ва ти фар фотре ...— пробормотал высокий человек.— Неужели я пришел сюда, чтобы выслушивать оскорбления? Подобным образом, вы, наверное, выказываете путникам свое гостеприимство? Я с огромными трудностями преодолел десять тысяч лиг в поисках человека, который вложит в мои руки добрый стальной клинок. И теперь должен выслушивать от него шпильки относительно моего носа! Знай, нахальный невежа, что Савиньен де Сирано де Бержерак никому не спускает дерзостей! И если ты немедленно не принесешь самых искренних извинений, я проткну тебя насквозь этим самым носом, над которым ты насмехался!

Сэм пробормотал жалкие извинения, ссылаясь на то, что его нервы напряжены после вчерашней битвы. Он с изумлением смотрел на этого легендарного человека, поэта и бретера. Мог ли он быть одним из двенадцати доверенных? Вполне...

Второй мужчина, светловолосый, с голубыми глазами, представился как Герман Геринг. Его шею обвивал плетеный шнурок, на котором висела спиралевидная кость, взятая от речной рыбы определенного сорта. По этому признаку Сэм понял, что светловолосый являет-

ся приверженцем Церкви Второго Шанса. Это сулило некоторые хлопоты в будущем, поскольку верующие во Второй Шанс проповедовали абсолютный пацифизм.

Третий путник отбросил капюшон на спину, открыв прелестное лицо, обрамленное вьющимися черными волосами.

Сэм пошатнулся, почти теряя сознание.

— Ливи! — полустон, полушепот сорвался с его пересохших губ.

Женщина пристально посмотрела на него. Она шагнула ближе, молчаливая, бледная в свете факелов, потрясенная неожиданной встречей.

— Сэм...— слабо прошептала она,— Сэм...

Он сделал шаг вперед, но она внезапно обернулась к своему спутнику, словно ища поддержки. Де Бержерак обнял ее и поднял сверкающий взгляд на Сэма Клеменса.

— Соберись с силами, моя голубка! Он не причинит тебе вреда, пока я здесь! Кто он — и что значит для тебя?

Она посмотрела на француза с выражением, в котором Сэм не мог ошибиться. Глухой отчаянный вой вырвался из его горла. Обратив лицо к равнодушным звездам, он потряс кулаками над головой, в тысячный раз проклиная этот мир.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Огромный Корабль плыл в его снах подобно сверкающему бриллианту в миллион каратов.

Никогда в мире не было корабля, подобного этому.

На Земле миноносцы носили имена-символы — «Суровый», «Грозный», «Неустрашимый». Он назовет свой Корабль «Ненаемный». Никто не сможет ни купить, ни нанять, ни захватить его. А для этого Корабль должен иметь могучее вооружение.

Название будет написано большими черными буквами на корпусе судна: «Ненаемный».

Сказочный Корабль будет иметь четыре палубы — машинное отделение, главную палубу, штормовую палубу и палубу для аэропланов. Его полная длина составит четыреста сорок футов и шесть дюймов, максимальная ширина — девяносто три фута. Средняя осадка в нагруженном состоянии — двенадцать футов. Корпус будет сделан, вероятно, из дюралюминия. Огромные трубы станут выпускать пар, так как на Корабле будет установлен паровой котел. Но его назначением станет подача пара в пневматические установки для метания снарядов с взрывчаткой. Гигантские колеса по бокам Корабля будут вращаться под действием электрических моторов.

А на мостике этого сказочного Корабля будет стоять он, капитан Сэм Клеменс, в белой морской фуражке на голове и с длинной сигарой в зубах. Экипаж из ста пятидесяти человек послушен его воле, и они плывут вверх по Реке. Вверх, вверх и вверх! Может быть, де-

сять миллионов миль, может быть — двадцать; сорок, восемьдесят, сто лет! Вверх по единственной Реке этого мира на единственном настоящем Корабле, который ведет капитан Клеменс!

Он чувствовал себя таким счастливым!

Человек был закутан в плащ, скрепленный застежкой на плече. Голова со светлыми густыми волосами оставалась непокрытой. Жестокий взгляд бледно-голубых глаз остановился на лице Сэма. В мускулистой руке человек держал огромный боевой топор со сверкающим стальным лезвием.

Сэм стремительно повернулся к рулевому и приказал: «Скорее! Скорее! Полный ход!»

Корабль рванулся вперед, но светловолосый человек внезапно необъяснимым образом оказался на капитанском мостике. Сэм взглянул на него. Это был конунг викингов Эрик Кровавый Топор.

Он закричал Сэму на старонорвежском: «Предатель! Пес! Я обещал дождаться тебя на берегах Реки! И я нашел тебя!»

Сэм ринулся вниз, в бездонное чрево Корабля, перебегая с палубы на палубу, мимо огромных вращающихся колес, моторов, глухо чавкающих поршней, стремительно двигающихся механизмов. Он мчался туда, где хранились запасы пороха, и в руках его пылал факел. Эрик следовал за ним по пятам.

«Остановись, или я взорву корабль!» — закричал Сэм, поворачиваясь лицом к преследователю.

Эрик остановился и начал вращать топор над головой — все быстрее и быстрее. Он усмехнулся и сказал: «Ну, попробуй! Ты не сделаешь этого! Ты не сможешь взорвать Корабль! Ты любишь его больше всего на свете, больше своей драгоценной Ливи и своих дочерей! Но я прикончу тебя! И Корабль станет моим!»

«Нет! Нет!» — кричал Сэм. «Не смей! Ты не сможешь, не сможешь! Это моя мечта, моя любовь, моя жизнь, мой мир! Ты не сможешь!»

Норвежец снова усмехнулся; топор свистел и сверкал в его руках. Он шагнул к Сэму. «Я не смогу?» Топор взлетел вверх.

За его плечом Сэм увидел тень. Она придвинулась, превратилась в высокую безликую фигуру. Это был Икс, Таинственный Пришелец, этик-отступник, сбросивший в долину Реки метеорит, чтобы Сэм мог построить Корабль в этом бедном минеральным сырьем мире. Чтобы он мог доплыть до северного полюса планеты, где в белесой холодной мгле возвышается Туманный Замок, подобный гигантской Чаше. Чтобы он — вместе с Одиннадцатью избранными — ворвался в Замок и нашел... нашел что? Чтобы бы там ни было...

«Пришелец! — позвал Сэм.— Спаси меня! Спаси!»

Его смех был подобен вою ветра, налетающего с северного моря: «Спасайся сам!»

«Нет, нет! Ты обещал...» — простонал Сэм. Затем его глаза открылись и последний невнятный крик замер на его губах, отлетая прочь вместе с остатками сна.

Он сел. Его кровать, искусно сделанная из стволов бамбука, стояла в углу просторной комнаты. В другом ее углу размещалась конторка. Посередине располагался большой круглый стол с дюжиной сосновых стульев. Около двери находилось ведро из толстого бамбукового ствола, полное воды; рядом — вешалка, к которой были прислонены копья с железными наконечниками. На крюках висели луки, колчаны со стрелами, боевой топор и четыре длинных стальных ножа. У стены, напротив стола, стоял высокий и широкий стеллаж с многочисленными отделениями для скрученных в трубку бумаг. Наверху стеллажа лежали стопки покрывал и капитанская фуражка, сделанная из кожи, с чехлом из белой ткани.

На большом столе находилась его чаша, серый металлический цилиндр с ручкой.

На конторке стояла стеклянная бутылка с чернилами, лежали ручки с костяными и стальными перьями и

листы грубой бумаги, изготовленной из стеблей бамбука.

Через небольшие застекленные окна (или иллюминаторы, как он их называл) открывался вид на ближайшие окрестности. Насколько Сэм знал, его дом являлся единственным в долине Реки строением с застекленными окнами. Точнее — единственным на десять тысяч миль, составлявших исследованную зону долины.

В спальне не было искусственного освещения; достаточно яркий свет падал с неба. Хотя солнце еще не встало, свет был сильнее, чем на Земле в полнолуние. Огромные многоцветные звезды усеивали небеса; некоторые из них были так велики, что походили на небольшие луны. Гигантские облака космического газа ярко светились подобно полярному сиянию, затмевая более слабые из звезд.

Сэм встряхнул головой, разгоняя остатки ночного кошмара. Смочив пересохшее горло глотком воды, он бросил взгляд в иллюминатор, расположенный со стороны Реки. Еще год назад он смог бы увидеть только плоскую равнину шириной в полторы мили, заросшую короткой, жесткой, ярко-зеленой травой. Теперь все это пространство было покрыто холмами вздыбленной земли, глубокими расселинами шахт и многочисленными строениями из бамбука и сосны, над которыми возвышались кирпичные трубы печей. Здесь были его металлургический центр, фабрика стекла, цементный завод, химические производства, оружейные мастерские, его лаборатории, арсенал, кузницы и пороховой склад. Полумилей выше по берегу Реки высокая стена из сосновых бревен огораживала верфь, на которой строился первый корабль с металлическим корпусом.

Слева от металлургического завода пылали факелы, освещая вход в шахту. Даже ночью люди продолжали добычу, раскалывая и доставляя на поверхность куски железо-никелевого метеорита.

Дом Сэма стоял у подножия холмов. Раньше за ним возвышался лес из тысячефутовых железных деревьев,

белых и черных дубов, красной сосны и огромных стволов бамбука. Холмы пока еще оставались на месте, но лес был уничтожен почти полностью. Только неимоверно прочные железные деревья смогли противостоять стальным топорам и пилам в руках рабочих Сэма. Трава была срезана под корень и использована в качестве сырья для приготовления бумаги, веревок и канатов. Такая же судьба постигла заросли кустарника, молодого бамбука и густую сеть лесных лиан. Древесина и растительное волокно на этой бедной источниками сырья планете являлись не меньшей ценностью, чем железо, бокситы и платина.

Некогда прекрасный кусочек долины, поросший деревьями, густой травой и яркими цветами, походил теперь на поле битвы. Потребовалось сотворить все это уродство, чтобы построить чудесный Корабль.

Сэм приоткрыл окно и вздрогнул от порыва холодного и мокрого ветра, налетевшего с верховьев Реки. Он вздрогнул также при мысли о произведенном вокруг опустошении. Он любил естественную прелесть природы, любил бесконечную долину Реки — чтобы он ни думал об этом мире и как бы ни проклинал его. Теперь он сотворил хаос, окружающий его дом. И он будет распространять этот хаос дальше, потому что печи заводов и фабрик нуждаются в топливе, его инженерам нужна бумага, шахтерам и строителям — бревна и доски. Вся древесина, которой владело его государство, уже была использована. Было использовано все, что могли продать южный сосед — Публия, и северный сосед — Земля Чернского. Если он захочет получить новое сырье, он должен воевать со своими ближайшими соседями. Или устанавливать торговые связи с более далекими государствами, лежащими на юге, на севере и на другом берегу Реки. Или, возможно, покорить эти страны и вырубить их леса. Он не хотел делать этого; он испытывал отвращение к войне.

Но он должен построить свой Корабль, а для этого его заводам необходимо топливо.

И еще ему требуется минеральное сырье — бокситы, криолит, платина, если он хочет иметь алюминий для электрических генераторов и моторов.

Ближайшим источником этих минералов был район Соул Сити, расположенный в двадцати шести милях вниз по Реке. Этой страной управлял чернокожий Элвуд Хаскинг, который ненавидел белых.

Итак, Сэм был вынужден продавать стальное оружие, чтобы получить необходимое сырье. Его собственная страна, Пароландо (или Земля Двух Владык — в переводе с эсперанто) тоже нуждалась в оружии. Хаскинг же, добавляя одно бремя к другому требовал, чтобы люди Пароландо сами разрабатывали копи и транспортировали сырье.

Сэм тяжело вздохнул. Почему Таинственный Пришелец не направил метеорит так, чтобы он упал прямо у месторождения бокситов? Тогда Сэм и Кровавый Топор со своим отрядом викингов, появившись в этой местности сразу же после падения метеорита, могли бы занять район Соул Сити.

Однако даже могучие силы, которыми управлял Пришелец, не могли, по-видимому, сбросить чудовищную глыбу железа прямо на месторождение минералов. Пожалуй, Пришелец мог считать, что он очень точно попал в цель. До того, как он исчез по своим таинственным делам, Пришелец сказал Сэму, что бокситы лежат вверх по Реке на расстоянии пяти миль. Но он ошибся. И это одновременно сердило и радовало Сэма. Он злился оттого, что залежи алюминиевого сырья были недосягаемы для него. И он был счастлив, понимая, что могущественные этики тоже могут совершать ошибки.

Данное обстоятельство, однако, ничем не помогало людям, заключенным в долине десятимильной ширины, зажатой между гладкими скалистыми стенами высотой в двадцать тысяч футов. Они могли томиться в этой тюрьме сотни лет, если Сэмюэль Клеменс не сможет построить свой Корабль.

• • •

Сэм шагнул к стеллажу и вытянул из-за кипы бумаг большую стеклянную бутылку. В ней плескалось около двадцати унций крепчайшего бурбона — пожертвования людей, которые не употребляли виски. Сэм налил в стакан на три пальца, выпил, крякнул и поставил бутылку на место. Его горло горело. Не лучший способ начинать день, но ему надо было окончательно прогнать остатки ночного кошмара.

Он прошел из спальни в свой кабинет, оборудованный подобно капитанской рубке корабля. Откинув плетеную из бамбука циновку, он открыл окно, и холодный ветер снова ударил ему в лицо. И тут он вспомнил о Ливи — как помнил о ней каждый час и каждое мгновение, когда не был занят делами.

На глазах Сэма выступили слезы. Что вызвало их — резкий порыв ветра или сверлившее мозг воспоминание? В этом мире таинственных событий и сложных, неведомых сил, причиной слез могло быть и то и другое — как, впрочем, и многие иные мысли и воспоминания, таившиеся в его памяти.

Сэм приблизил лицо к окну. В двух сотнях ярдов от его дома, под сенью огромного железного дерева, стояла округлая двухкомнатная хижина с конической крышей. Внутри нее, в спальне, лежала на кровати Оливия Клеменс — его жена, его экс-супруга, и рядом с ней — долговязый, носатый Савиньен де Сирано де Бержерак, дуэлянт, бретер, вольнодумец, поэт.

— Ливи, как ты могла? — прошептал Сэм.— Как ты могла разбить мое сердце?

С тех пор, как она пришла сюда вместе с де Бержераком, прошел год. Он испытал тогда страшное потрясение — более сильное, чем когда-либо за всю его семидесятичетырехлетнюю жизнь на Земле и два десятка лет на этой планете. Но он скрыл это. Или, вернее, попытался бы скрыть, если бы не получил еще один шок, не менее сильный. Конечно, он не думал, что Ливи смо-

жет прожить двадцать один год в мире Реки без мужчины. Она снова была молодой и прекрасной, беззащитной и желанной для многих. И у нее не оставалось надежды когда-нибудь снова встретиться с ним. Он сам за это время имел полдюжины подружек и не ожидал, что она станет хранить ему верность. Но он полагал, что Ливи бросит любого своего приятеля, как обезьяна выбрасывает потертый пенни, как только встретит его.

Но этого не произошло. Она любила де Бержерака.

Он видел ее почти каждый день — с тех пор, как однажды ночью она вынырнула из речных туманов. Они сдержанно беседовали и иногда, почти разорвав покров отчужденности, даже шутили и смеялись — как будто они снова были на Земле, снова были вместе. Их глаза встретились, и, казалось, старая любовь незримой нитью соединяла их сердца. Воспламененный, он делал шаг к ней — и она мгновенно отступала прочь.

Каждую ночь она проводила с этим смуглолицым долговязым французом. И Сэм знал, что тот мог привлечь женщину, подобную Ливи. Яркий, энергичный, остроумный, отважный... И, наверняка, достаточно опытный в обхождении со слабым полом...

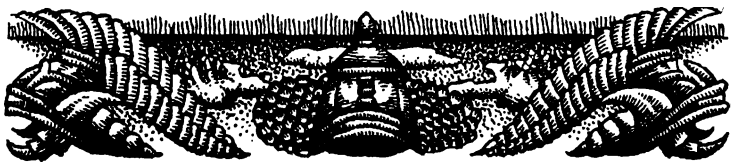
Сэм представил их лежащими в одной постели и содрогнулся. Нехорошо. Этого нельзя делать...

Иногда он приводил в свой дом женщин — приводил тайно, хотя не имел причин скрывать это. Но в их объятиях он не мог забыть Ливи. Даже когда он опьянялся Жвачкой, он не мог забыть ее. Несмотря ни на что, ее образ плыл в одурманенном наркотиком океане его сознания, еще сильнее раздувая ураган желания. Добрый корабль по имени «Ливи», стройный, с округлым корпусом и снежно-белыми парусами...

И он слышал ее смех, ее очаровательный зовущий смех... Тяжелее всего было вынести это...

Он отошел от окна и заметался взад и вперед по комнате. Потом резко остановился около иллюминаторов в передней стене, через которые открывался вид на Реку. Здесь находился корабельный штурвал, большое

рулевое колесо, вырезанное им из дуба. Эта комната была его капитанской рубкой; за ней располагались еще две — спальня и помещение, в котором жил Джо. Здание при постройке врезали прямо в склон холма, ближний к берегу Реки. Его переднюю часть, в которой находилась рубка-кабинет, поддерживали тридцатифутовые стояки из дубовых стволов. Сюда можно было попасть по лестнице — или, пользуясь морской терминологией, по трапу с правого борта. С задней стороны в доме имелся еще один вход, располагавшийся около вершины холма. На крыше рубки находился большой колокол — единственный металлический колокол в этом мире. Как только водяные часы в углу кабинета покажут шесть утра, он подымется наверх и ударит в колокол. И темная долина Реки немедленно наполнится жизнью.



ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Туман еще скрывал Реку, но он уже мог видеть грибообразные очертания огромного грейлстоуна в полутора милях и край травянистого берега. Мгновением позже он заметил небольшое судно, вынырнувшее из тумана. Две крошечные фигурки спрыгнули на берег и быстро двинулись в сторону холмов, постепенно забирая направо. Струившийся с небес свет был достаточно ярким, чтобы Сэм мог видеть их. Иногда фигурки скрывались за фабричными зданиями и, наконец, когда они свернули за корпус гончарной мастерской, Сэм окончательно потерял их из вида. Но он был уверен, что прибывшие шли к «дворцу» Джона Ланкастера.

Кораблик не мог проскользнуть незамеченным мимо пограничной стражи Пароландо. Через каждые четверть мили на берегу Реки возвышалась тридцатифутовая вышка с четырьмя охранниками. Если они замечали что-либо подозрительное, то били в барабаны и подавали сигналы пылающими факелами.

Два человека, выскользнувшие из тумана, несли новости Джону Ланкастеру, экс-королю Англии.

Пятьюдесятью минутами позже Сэм увидел тень, возникшую из сумрака около его дома. Тихо звякнул колокольчик, подвешенный над дверью. Сэм прижался лицом к прохладному стеклу иллюминатора. Перед ним маячила бледная физиономия его собственного шпиона, Вильяма Грейвела, в прошлом — крупного торговца шерстью, гражданина славного города Лондона, умершего в 1401 году от рождества Христова. В до-

лине Реки не было овец и никаких других млекопитающих, кроме людей. Но бывший купец проявил большие способности к шпионажу. Он мог всю ночь шататься по берегу, скрываясь в густом тумане.

Сэм кивнул ему и открыл толстую дубовую дверь; шпион проворно взбежал по трапу. Внимательно посмотрев на него, Сэм произнес на эсперанто:

— Салуто, лейтенанте Грейвел. Кьо эстас? — что в переводе означало: — Здравствуйте, лейтенант Грейвел. Что случилось?

Грейвел сказал:

— Бона матено, Эстро. Ку граса фрипоно, Рего Джоно, эстас у аксептита дьо спиоио (Доброе утро, Хозяин. Этот жирный негодяй, король Джон, только что принял двух шпионов).

Сэм и Грейвел никогда не могли понять друг друга на английском; но они отлично общались на эсперанто.

Усмехаясь, Сэм слушал рассказ шпиона. Билл Грейвел забрался на огромное железное дерево рядом с дворцом Джона, прополз по ветви прямо над часовыми и по веревке спустился на крышу двухэтажного здания. Затем через окно он попал в спальню и, миновав ее, затаился наверху лестницы, которая вела на первый этаж. Джон и его шпионы, итальянец из двадцатого века и венгр из шестнадцатого, сидели за столом прямо под Грейвелом. Разведчики докладывали о своем путешествии вверх по Реке. Джон, судя по его виду, был очень расстроен.

Выслушав донесение Грейвела, Сэм расстроился.

— Он подсылал убийц к Артуру из Новой Британии, — мрачно пробормотал Сэм. — Что он делает? Он хочет погубить нас всех?

Сэм забегал взад и вперед по комнате, остановился, зажег большую сигару и снова начал мерить крупными шагами свою рубку. Наконец он прекратил безостановочное движение и предложил Грейвелу стакан виски.

Была ли в этом ирония Случая, или так специально устроили этики, но король Джон Английский и его пле-

мянник, которого он зверски убил на Земле, оказались в долине Реки на расстоянии трех десятков миль друг от друга. Артур, принц Британский, собрал людей, среди которых он очнулся, и основал государство, которое он назвал Новой Британией. Среди населения этого крохотного княжества, занимавшего десять миль речного побережья, было очень мало британцев. Для Артура, однако, это не имело значения. Ему нужна была Новая Британия — и он создал ее.

Восемь месяцев назад Артур выяснил, кто является одним из его ближайших соседей. Он совершил тайное путешествие в Пароландо, чтобы убедиться в этом собственными глазами. Да, это был его дядюшка, который на Земле перерезал ему горло и бросил его тело в Сену. Артур пожелал захватить Джона, чтобы держать его живым под непрерывной мучительной пыткой. Убийство Джона не входило в планы принца, так как в подобном случае дядюшка оказывался недосягаемым для мести. Скорее всего, он пробудился бы к новой жизни где-нибудь за тысячи миль вверх или вниз по Реке.

Через своих эмиссаров Артур потребовал выдать ему Джона; в противном случае он угрожал Пароландо войной. Это требование было, конечно, отклонено, хотя в душе Сэм готов был с ним согласиться. Его удержали гордость и страх перед возможной междоусобицей в стране.

Теперь Джон послал четырех человек с заданием убить Артура. Двое из них погибли; остальным, легко раненным, удалось бежать. Их миссия не увенчалась успехом, и это означало, что вторжение неизбежно. Артур не только хотел отомстить Джону — он также жаждал захватить в свои руки железные копи.

• • •

Четырнадцатимильную полосу по правому берегу Реки между Пароландо и Новой Британией занимала Земля Черненого. Выходец из шестнадцатого века, ук-

раинский кавалерийский полковник Чернский отказался вступить в союз с Артуром. Страна, расположенная севернее Новой Британии, была известна как Княжество Иэясу. Этот японец являлся исключительно важной персоной — в 1600 году он основал сёгунат Токугава со столицей в городе Эдо, названном позднее Токио. Шпионы Сэма доносили, что Артур и Иэясу неоднократно совещались относительно совместного военного похода.

На север от Княжества Иэясу, выше по Реке, располагалась Клеомена. Этой микроскопической страной управлял Клеомен, царь Спарты, родич знаменитого Леонида, оборонявшего от персов Фермопилы. Клеомен трижды встречался с Артуром и Иэясу за последние полгода.

Южнее Пароландо на одиннадцать миль простиралась Публия. Ее правитель, Публий Красе, был кавалерийским офицером в войсках Цезаря и участвовал в галльских кампаниях. Он был дружелюбно настроен к Пароландо, хотя драл с Сэма большие цены за свой строевой лес.

На юге от Публий располагалась Тайфана, в которой властвовал Тай Фанг, один из военачальников Кублай-хана. На Земле он сломал себе шею, пьяным свалившись с коня.

И далее, за Тайфаной, находился Соул Сити, возглавляемый Элвудом Хаскингом и Милтоном Файбрасом. Источник ценного сырья и вечных проблем.

Сэм отбросил сигару и пристально посмотрел на Грейвела; его глаза сверкнули из-под густых, нависших бровей.

— Черт побери, Билл, тут я немного могу сделать. Предположим, я скажу Джону, что знаю о его попытке подослать убийц к Артуру; по правде говоря, этот ублюдок заслуживает, чтобы его прикончили. Но тогда Джон поймет, что в его доме у меня есть свои глаза и уши. Он будет все отрицать и, конечно, потребует, что-

бы я представил свидетелей. Сами понимаете, что произойдет, если я укажу на вас...

Грейвел побледнел.

Сэм сказал:

— Я не хочу начинать с вас эпоху кровавых междоусобиц в стране. Нет. Все, что мы можем сделать,— спокойно и бдительно наблюдать за развитием событий. Но мне трудно сохранять спокойствие. Этот средневековой монстр — самый большой подлец из всех, кого я встречал в своей жизни. Если бы вы представляли себе огромный круг моих знакомств на Земле — включая издателей и журналистов — вы могли бы по достоинству оценить это мое утверждение.

— Из Джона получился бы превосходный сборщик налогов,— сказал Грейвел, демонстрируя всю глубину своего отвращения.

— В черный день заключил я с ним союз,— прошептал Сэм, прикуривая новую сигару.

Он выразил благодарность Грейвелу и отпустил его. Небо над вершинами гор за Рекой уже порозовело. Скоро, вместе с восходом солнца, над равниной прозвучит знакомый рев грейлстоунов.

Он ополоснул лицо и пригладил свои рыжеватые волосы. Затем набросил на плечи покрывало с вырезом для головы, спадавшее вниз подобно тунике. Этот наряд завершил кожаный ремень, на котором висели четыре ножа в ножнах и объемистая сумка. В одну руку он взял чашу, в другую — дубовую трость, окованную железом.

Он сошел вниз по ступеням. Трава была еще мокрой. Каждую ночь, в три часа, шел дождь. Он продолжался около получаса, и, пока не вставало солнце, долина оставалась сырой. Если бы не полное отсутствие болезнетворных микроорганизмов в этом мире, половина обитателей долины уже давно скончалась бы от пневмонии.

Сэм снова был молод и силен, но он по-прежнему не любил пешей ходьбы. Шагая по влажной траве, он раз-

мышлял о строительстве железной дороги от своего дома до берега Реки.

Пожалуй, игра не стоила свеч. Лучше сконструировать автомобиль, который работал бы на древесном спирте.

Показавшиеся навстречу люди приветствовали его; он отвечал кратким «Салуто!» или «Бона матено!» В конце недолгого пути он передал свою чашу человеку, стоявшему на вершине гранитной, грибообразной формы скалы. Около шестисот серых цилиндров были размещены в углублениях, затем люди удалились на почтительное расстояние. Спустя пятнадцать минут раздался вибрирующий рев, эхом раскатившийся над равниной и горами. Голубое пламя высотой в двадцать пять футов взметнулось над поверхностью грейлстоуна и опало вниз. Назначенные на этот день дежурные поднялись на скалу и начали раздавать чаши.

Сэм прихватил свой цилиндр и отправился домой. На этот раз он размышлял о том, почему бы ему не назначить специального человека, который носил бы его чашу на зарядку. Однако в этом мире человек настолько зависел от своей чаши, что предпочитал не выпускать ее из рук.

Вернувшись домой, Сэм открыл крышку чаши. Внутри, в шести цилиндрических контейнерах, соединенных наподобие судков, находился завтрак и различные пищевые продукты.

В дно чаши был вмонтирован конвертер, преобразующий энергию в материю и запрограммированный на определенное меню. Этим утром Сэм получил яичницу с беконом, тосты с маслом и джемом, стакан молока, ломтик дыни, десять сигарет, палочку марихуаны, кубик Жвачки, сигару и чашку некой восхитительной жидкости.

Сэм присел к столу, намереваясь позавтракать, но аппетит его был испорчен. Бросив взгляд через окно, он увидел юношу, стоявшего на коленях перед его домом. Человек молился; его глаза были закрыты, ладони

прижаты к груди, висящая на шнурке спиральная кость покачивалась на шее, светлые волосы падали на шею.

Это был Герман Геринг.

Сэм вскочил, свирепо пнул ногой стул и, передвинув еду на другой конец стола, уселся спиной к окну. Если существовало что-либо, выводящее Сэма из терпения, то это — раскаявшиеся грешники. А бывший маршал авиации Герман Геринг много грешил в своей земной жизни. Теперь он предавался постоянному покаянию.

Если бы не Великая Хартия, которую Сэм составил собственноручно (повторяя земную историю, король Джон протестовал против этого документа), он давно бы выгнал Геринга и его последователей из страны. Но Хартия, являвшаяся конституцией Пароландо, наиболее демократической конституцией за всю историю человечества, провозглашала всеобщую религиозную терпимость и полную свободу слова. Почти полную, разумеется — тут существовали некоторые ограничения. Таким образом, его собственное творение не позволяло Сэму прекратить миссионерскую деятельность приверженцев Церкви Второго Шанса.

Если речи Геринга смогут привлечь многих на сторону его доктрины непротивления злу, Сэм Клеменс никогда не сможет завершить строительство своего Корабля. Геринг сделал из Корабля символ зла; он говорил, что Корабль олицетворяет человеческую суетность, алчность, стремление к насилию и противодействует намерениям Создателя, воскресившего род человеческий на этой планете.

Человек не должен строить корабли. Он должен заниматься совершенствованием своей души. Все, в чем теперь нуждается человек,— это крыша над головой для защиты от дождей. Создатель дал ему пищу и питье, ничего не требуя взамен — не требуя даже благодарности. Человек теперь имеет время для благочестивых размышлений и самосовершенствования. Но он не должен стремиться к власти над другими людьми, не

должен совершать насилия над их любовью, привязанностью и прочими чувствами. Он должен уважать других так же, как и себя. Он должен... он должен...

Сэм встряхнул головой, как будто нудная речь миссионера продолжала назойливо лезть в уши. Геринг проповедовал прекрасные идеи, которые Сэм вполне разделял. Но Геринг мог причинить огромный вред. Из его доктрин вытекало, что путем облизывания башмаков неведомых созданий, поместивших их сюда, род человеческий придет к некой Утопии и полному спасению души. В чем Сэм сильно сомневался. Все это — воскрешения, отсутствие болезней и смерти, обильная пища, питье, освобождение от тяжелой работы — все было иллюзией с целью зачаровать людей и завести их... куда? Сэм не знал этого. Но Таинственный Пришелец сказал, что человечество втянуто в жестокий обман — еще более жестокий, чем первая жизнь на Земле. Людей воскресили и поместили на планету Реки как материал для чудовищных научных исследований. И когда эксперимент будет завершен, человека безжалостно выбросят во мрак неизвестности. Снова обман.

Но какую цель преследовал Пришелец, говоря о некоторых избранных людях? Почему он отобрал так немного помощников, способных оказать поддержку в борьбе с его собственной расой? Кем он был на самом деле? Возможно, он лгал Сэму, Сирано, Одиссею — и другим избранным, которых Сэм пока не встретил?

Сэм Клеменс этого не знал. Здесь он был погружен в такую же Великую Тьму неведения, как и на Земле. Но он знал одно — он хотел построить свой Корабль.

Туман над Рекой рассеялся, завтрак был окончен. Сэм взглянул на водяные часы и ударил в колокол. В ответ раздались трубные звуки деревянных горнов, которыми десятники созывали свои рабочие команды. Эти горны звучали на протяжении всех десяти миль вдоль Реки, входивших в территорию государства Пароландо. Затем гулко ударили барабаны, и рабочий день Пароландо начался.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В Пароландо было около тысячи специалистов и квалифицированных рабочих, не считая прочего населения, но Корабль мог принять на борт только сто двадцать человек. Двадцать из них уже были известны — Джо Миллер, Лотар фон Ритгофен, Ван Бум, де Бержерак, три инженера, король Джон, Сэм Клеменс, а также их ближайшие помощники и охрана. Остальной экипаж предполагалось отобрать за несколько дней до отплытия с помощью жеребьевки.

По словам Пришельца, «Ненаемному» предстоит совершить путешествие в пять миллионов миль. Проходя в сутки около 335 миль, Корабль достигнет верховьев Реки за сорок один год. Это, однако, было наиболее оптимистической оценкой. Для команды необходим регулярный отдых на твердой земле, сбор продовольствия также потребует времени. Возможно, придется ремонтировать Корабль — хотя для этого Сэм предполагал взять с собой много запасных частей. Ничего нельзя было забыть. Корабль не сможет вернуться в Пароландо с половины пути и вряд ли где-нибудь еще тут найдется железо.

Сэму странно было думать о том, что к концу пути ему исполнится около ста сорока лет. Но что это значило, когда впереди его ожидали тысячи лет молодости?

Он выглянул через иллюминатор своей рубки. Равнину заполняли люди, двигающиеся от холмов к фабрикам прибрежной полосы. Сэм знал, что позади его дома не меньшее количество рабочих устремилось к

фабрикам, расположенным на холмах. Целая армия трудилась на северо-западе на строительстве большой дамбы у подножия гор, между двумя холмами. Дамба возводилась на пути ручья, текущего с вершины горы. Когда озеро за дамбой заполнится водой, инженеры Пароландо установят электрические генераторы, которые дадут ток для фабрик и заводов.

В настоящее время необходимую электрическую энергию получали от грейлстоуна. Огромный трансформатор брал энергию три раза в день и посылал ее по алюминиевым проводам в аккумулятор-батакайтор. Батакайтор был изобретен в конце двадцатого века. Этот аппарат мог принимать сотни киловатт в сотые доли микросекунды и мог высвобождать ее с любой скоростью — от десятков ватт до ста киловатт. Построенный аппарат являлся прототипом того батакайтора, который станет приводить в движение машины «Ненаемного». Пока что электрическую энергию потреблял, в основном, сделанный Ван Бумом станок для резки глыб метеоритного железа. Энергия также могла использоваться для плавления металла. Алюминий для проводов и батакайтора был получен в небольшом количестве из алюминиевого силиката, найденного в Пароландо у подножия гор. Но это месторождение быстро иссякло; единственным доступным источником алюминия оставались бокситы Соул Сити.

Сэм сел за свою конторку, выдвинул ящик и достал огромную книгу, переплетенную в кожу; ее страницы были сделаны из толстой бумаги, полученной из стволов бамбука. В этот дневник он заносил все события, день за днем, дополняя их своими размышлениями. Пока что он использовал для записей бумагу и чернила, но со временем, когда электроника в Пароландо станет достаточно развитой, Ван Бум обещал сделать ему диктофон.

Сэм не успел приступить к работе, как частая дробь барабанов прокатилась над долиной. Гулкие удары большого барабана обозначили тире, звонкое сопрано

маленького — точки. Для передачи сообщений использовалась азбука Морзе; общепринятым языком являлся эсперанто.

Сэм прислушался. Через несколько минут фон Ритгофен причалит к берегу.

Он встал и посмотрел на Реку. На расстоянии полумили по Реке скользил небольшой бамбуковый катамаран, на котором Лотар фон Ритгофен отплыл десять дней назад с посольской миссией в Соул Сити. Сэм бросил взгляд на дворец короля Джона. В его воротах появилась плотная квадратная фигура с рыжеватыми волосами, окруженная телохранителями и приживалами. Король Джон хотел быть уверенным, что фон Ритгофен не передаст Клеменсу какого-либо секретного послания от Элвуда Хаскинга.

Экс-монарх Англии облачился в похожую на пончо тунику с красными и черными клетками и башмаки из кожи речного дракона. Его объемистую талию охватывал широкий кожаный пояс с ножнами для кинжалов, короткого меча и петлей для боевого топора. В руке он держал стальной жезл, символ королевской власти.

Сопровождаемый свитой, Джон двинулся по тропинке, огибавшей длинное низкое фабричное здание. Спустя несколько минут он подошел к жилищу Сэма. Один из королевских телохранителей, здоровенный детина по имени Шарки, дернул за веревку; раздалось звяканье колокольчика, висевшего над дверью дома.

Сэм высунулся в окно и крикнул:

— Подымайся на борт, Джон!

Джон посмотрел на него своими бледными голубыми глазами и жестом велел Шарки идти вперед. Джон опасался убийц и имел для этого основательные причины. Кроме того, он считал унижением собственного достоинства необходимость посещать Сэма. Однако он знал, что фон Ритгофен вначале доложит Сэму результаты своей миссии.

Шарки поднялся по лестнице, тщательно осмотрел «капитанскую рубку» и отправился инспектировать ос-

тальные комнаты. Сэм услышал низкий рев, подобный рычанию льва, раздавшийся из спальни Джо. Шарки поспешно вернулся обратно, осторожно прикрыв за собой дверь. Сэм иронически усмехнулся и сказал:

— Джо немного нездоровится, но даже сейчас он может справиться с десятком призовых борцов.

Шарки не ответил. Подойдя к окну, он подал Джону сигнал, что в доме все в порядке.

Катамаран подошел к берегу, и фон Ритгофен, держа в одной руке посольской жезл и чашу — в другой, прыгнул на причал. Через южный иллюминатор Сэм разглядел долговязую фигуру Бержерака, который во главе вооруженного отряда направлялся к южной стене. Ливи не было видно.

Хлопнула дверь, и в комнату вошел Джон. Сэм сказал:

— Бона матено, Джоно!

Джона раздражало, что Сэм наотрез отказался титуловать его как Виа Рег Моего — Ваше Величество. Конституционным обращением к правителям Пароландо являлось Ла Консуле — Консул, но и этот титул не часто срывался с губ Сэма. Сэм настаивал, чтобы граждане называли его Ла Эстро — Босс, Хозяин — что сердило Джона еще больше.

В ответ на приветствие Сэма, экс-король хрюкнул что-то неразборчивое и уселся за стол. Второй телохранитель, Закскромб, поднес огонь к огромной коричневой сигаре, зажатой в зубах Джона. Этот темнолицый протомонгол с массивными костями и чудовищными мускулами, жил около тридцати тысяч лет до новой эры в Сибири. Зак, как его называли, считался сильнейшим человеком в Пароландо — исключая Джо Миллера. Правда, можно было бы отметить, что Джо не был человеком — или, по крайней мере, не относился к роду «хомо сапиенс».

Сэм предпочел, чтобы Джо был рядом с ним. Этот Зак действовал ему на нервы. Но Джо дремал, одурманенный Жвачкой Сновидений. Два дня назад его заде-

ла каменная глыба, выскользнувшая из захватов подъемного крана, когда Джо проходил мимо. Машинист клялся, что это была случайность, но подозрения не оставляли Сэма. Его верный Джо мешал кому-то и нетрудно было догадаться — кому.

Сэм выпустил клуб дыма из своей сигары и спросил:

— Слышно что-нибудь новенькое о твоем племяннике?

Джон не шевельнулся, но его глаза слегка расширились. Он бросил взгляд на Сэма, восседавшего на другом конце стола, и пробурчал:

— Нет, откуда?

— Я только спросил. Думаю, нам следовало бы договориться с Артуром. Не вижу причин, почему вы должны пытаться убить друг друга. Мы не на Земле, ты знаешь это. Почему вы не можете забыть старую вражду? Что с того, что когда-то ты бросил его труп в реку в грязном мешке? Пусть прошлое останется в прошлом. Мы могли бы использовать его лес и известняк, месторождение которого находится в Новой Британии. Думаю, он пойдет на это.

Джон снова бросил быстрый взгляд на Сэма, быстро спрятал глаза и улыбнулся. Хитрый Джон, подумал Сэм. Скользкий Джон. Подлый Джон.

— За поставки дерева и известняка нам придется платить стальным оружием, — сказал Джон. — Я не позволю моему дорогому племяннику получить в свои руки большое количество железа.

— И все же мне хотелось бы пригласить Артура на мирную конференцию. Полагаю, что после обсуждения с тобой я мог бы...

Джон замер, его глаза забегали.

— ...Мог бы поставить этот вопрос на голосование в Совете.

Джон оттаял, насмешливая улыбка скользнула по его губам. «Ты полагаешь, что находишься в безопасности, — подумал Сэм. — Ты заполучил Педро Анзареца и

Фредерика Рольфа на свою сторону, и теперь соотношение голосов в Совете пять к трем в твою пользу...»

Он снова подумал о необходимости приостановить действие Хартии, чтобы сделать то, что должно быть сделано. Но это означало гражданскую войну и, вполне возможно, конец его мечты.

Он прохаживался взад и вперед по комнате, почти не слушая Джона, который детально описывал свое последнее рандеву с очередной блондинкой. В Пароландо любая женщина, которая связалась с Джоном, могла винить в этом только себя. Тем не менее, бывший король не испытывал недостатка в любовницах.

• • •

Колокольчик над дверью снова звякнул, и Лотар фон Ритгофен вошел в комнату. Длинные белокурые волосы, падавшие на плечи, и мужественные черты красивого лица придавали его облику что-то славянское. Сэм много раз ловил себя на мысли, что фон Ритгофен и Геринг внешне были похожи. Они хорошо знали друг друга, так как во время Первой мировой войны служили под командой барона Манфреда фон Ритгофена, старшего брата Лотара.

— Плохие новости? — спросил Сэм. Лотар опрокинул стакан бурбона, который протянул ему Сэм, и сказал:

— Синьор Хаскинг только что закончил строительство укреплений. Теперь Соул Сити со всех сторон окружают стены двенадцатифутовой высоты и десять футов толщины. Хаскинг скверно принял меня, очень скверно. Он называл меня офейо и хонки — я не знаю смысла этих слов и не рискнул спросить у него объяснения.

— Офейо, возможно, происходит от английского офел, то есть падаль,— сказал Сэм,— но я никогда не слышал второго слова. Хонки?

— Вы услышите эти слова много раз в будущем, — сказал Лотар, — если будете иметь дело с Хаскингом. А иметь дело придется. После потока оскорблений, касающихся моих нацистских предков, Хаскинг соизволил перейти к делу. Вы знаете, я ничего не слышал о нацизме на Земле, так как разбился со своим самолетом в 1922 году. Хаскинг казался очень сердитым — может быть, потому, что я спокойно отнесся к его словам. Однако суть его речи была вполне ясной — в любой момент он может отрезать нас от месторождения бокситов.

В глазах у Сэма потемнело, он навалился грудью на край стола. Фон Ритгофен продолжал:

— Кажется, Хаскинг не достиг больших успехов при наведении порядка в своем государстве. Его население состоит на четверть из чернокожих Гарлема, умерших между 1960 и 1980 годами, и на одну восьмую из дагомейских негров восемнадцатого века.

Четверть жителей страны являются арабами четырнадцатого столетия из секты Ваххабитов. Эти фанатики истово верят в Мухаммеда и считают, что их пребывание тут — не более чем некий испытательный срок перед вечным блаженством в мусульманском раю. Еще одну четверть населения составляют дравиды тринадцатого века, чернокожие индийцы. Все прочие — люди из разных времен и разных стран. Около половины из них родились в двадцатом веке.

Сэм кивнул. Хотя воскрешенное человечество включало всех людей, начиная от 2 000 000 года до новой эры и по 2008 год после рождества Христова, не менее одной четверти жителей долины появились на свет в двадцатом столетии.

— Хаскинг хочет, чтобы население Соул Сити было полностью черным. По его словам, во время жизни на Земле он верил в возможность интеграции. Современное ему молодое поколение белых почти освободилось от предрассудков своих предков, и он надеялся на мирное разрешение расовых конфликтов. Но в его стране очень немного его белых современников. И эти фанати-

ки-арабы сводят его с ума. Известно ли вам, что Хаскинг стал мусульманином еще на Земле? Сначала он примкнул к организации Черных Мусульман — этой доморощенной американской разновидности мусульманства. Затем он стал настоящим мусульманином, совершил паломничество в Мекку и был совершенно уверен, что арабы (даже если считать их белыми) не являются расистами.

— Действительно, эти арабы-ваххабиты — не расисты. Они всего лишь религиозные фанатики и доставляют слишком много хлопот. Хаскинг не говорил мне этого, но я был там десять дней и видел достаточно. Ваххабиты хотят, чтобы Соул Сити исповедовал их ветвь мусульманства. И если они не добьются этого мирным путем, то они устроят кровавую резню. Хаскинг мечтает избавиться от ваххабитов и, заодно, от дравидов, которые считают себя выше людей африканской расы. Таким образом, Хаскинг продолжит поставку бокситов, если мы пошлем ему всех наших чернокожих граждан в обмен на его ваххабитов и дравидов. Плюс увеличение поставок стального оружия.

Сэм застонал. Король Джон демонстративно сплюнул на пол. Это окончательно вывело Сэма из равновесия.

— Мердо, Джоно! — закричал он.— Я не позволю плевать на мой пол даже наследнику Плантагенетов! Пользуйся плевательницей или убирайся вон!

Джон побагровел от ярости, и Сэм постарался успокоиться. Время было неподходящим для ссор. Тщеславный экс-монарх мог смертельно обидеться из-за этого конфликта, который был, в сущности, пустяком. Сэм сделал примиряющий жест и сказал:

— Забудь об этом, Джон. Плюй куда захочешь.— Он, однако, не мог удержаться, чтобы не добавить: — Конечно, при условии, что я тоже буду обладать привилегией плевать в твоем доме.

Джон прорычал что-то нечленораздельное и сунул в рот плитку шоколада. Своим тоном он хотел показать,

что очень рассердился, но, учитывая важность предстоящего обсуждения, сохраняет полное самообладание.

— Эта тварь, Хаскинг, позволяет себе слишком много. Я говорю — мы слишком долго лизали его черные лапы. Его требования замедлят строительство судна...

— Корабля, Джон,— сказал Сэм.— Это Корабль, а не судно.

— Корабля, пусть будет так. Я говорю — давайте захватим Соул Сити, перебьем людей Хаскинга и заберем себе копи. Тогда мы сможем делать алюминий прямо там, на месте. И мы можем там же строить Корабль. А чтобы иметь уверенность, что нам никто не помешает, мы захватим все владения между Пароландо и Соул Сити.

Пожалуй, Сэм склонялся к мысли, что этот средневековый разбойник прав. В течение месяца страна могла приготовить достаточное количество оружия, чтобы осуществить предложение Джона. Правда, Публия и Тайфана были настроены дружелюбно и регулярно снабжали древесиной фабрики и заводы Сэма. Однако вполне возможно, что оба государства стремились накопить побольше железного оружия, чтобы в неожиданной атаке разгромить Пароландо.

По-видимому, дикари, жившие за Рекой, вынашивали такие же планы.

— Я не думаю,— сказал фон Ритгофен,— что Хаскинг собирается производить обмен людьми из расчета один на один. Но он не прислушается ни к каким разумным аргументам, пока мы не пошлем на переговоры с ним черного. Он сказал, что моя посольская миссия — оскорбление для него, потому что я — пруссак и, в придачу, барон. Но он простит нам эту обиду, если в ближайшее время мы пошлем к нему достаточно важную персону — желательно, члена Совета. Только черного.

Сигара вывалилась у Сэма изо рта.

— Но у нас нет черного советника!

— Совершенно верно. И Хаскинг сказал, что нам необходимо выбрать в Совет хотя бы одного африканца.

Джон запустил пятерню в свои рыжие волосы, его блеклые голубые глаза сверкнули.

— Этот раб думает, что он может вмешиваться в наши внутренние дела! Я говорю — война!

— Не горячись, Джон, то есть, я хочу сказать. Ваше Величество. Согласен, тут есть причины для гнева. Однако надо смотреть правде в глаза. Мы можем прекрасно защитить свою страну, но у нас недостаточно людей, чтобы захватить обширную территорию и подчинить ее население.

— Подчинить? — вскричал Джон.— Мы прикончим половину, а остальных закуем в цепи!

— Мир сильно изменился с тех пор, как ты умер, Джон. Как признано, существуют более эффективные способы порабощения ближних, кроме кровавой резни. Я, однако, не хочу глубоко вдаваться в этот вопрос. Полагаю, мы выберем — или назначим — временного члена Совета. И потом пошлем его к Хаскингу.

— Но в Хартии нет положения, по которому можно было бы избрать временного члена Совета,— сказал Лотар.

— Мы изменим Хартию,— ответил Сэм.

— Для этого необходимо созвать народное собрание.

Джон фыркнул с отвращением. В свое время он и Сэм Клеменс вели длительные споры относительно прав народа.

— Есть еще одно дело,— сказал Лотар, усмехаясь, но со скрытым раздражением в голосе.— Хаскинг просит, чтобы мы разрешили Файбрасу посетить Паролландо. Файбрас особенно интересуется нашим самолетом.

Джон взорвался снова:

— Он хочет послать к нам шпиона!

— Не думаю, — сказал Сэм. — Файбрас возглавляет штаб Хаскинга. Он инженер и, если не ошибаюсь, имеет степень доктора физики. Как вы нашли его, Лотар?

— Он произвел на меня большое впечатление, — ответил фон Ритгофен. — Он родился в 1974, в Сиракузах, штат Нью-Йорк. Его отец был черным, а мать — наполовину ирландка, наполовину индианка. Он был во второй партии, высадившейся на Марс, и первым достиг орбиты Юпитера...

Холодок пробежал по спине Сэма. Люди сумели это сделать, подумал он. Они высадились на Луне и достигли Марса... Жюль Верн и Уэллс были правы! Фантастично — но не более фантастично, чем этот мир.

— Мы рассмотрим этот вопрос сегодня на Совете, Джон, — сказал Сэм. — Если, конечно ты не возражаешь. Мы проведем выборы еще одного, временного советника. Что касается меня, то я отдаю свой голос Айзи Каберу.

— Был ли Кабер рабом или нет? — спросил Лотар. — Я не знаю этого. Хаскинг сказал, чтобы мы не вздумали прислать к нему кого-нибудь вроде дядюшки Тома.

«Ставший однажды рабом остается рабом навсегда, — подумал Сэм. — Даже когда раб восстает, убивает или гибнет сам — в знак протеста против рабства — он все равно не думает о себе как о свободном человеке. Он был рожден и воспитан в мире, пропитанном гнилым духом рабства, и каждая его мысль, каждое движение несут неистребимый отпечаток рабства. Кабер родился в 1841 в Монтгомери, Алабама, он научился читать и писать, он служил секретарем в доме своего хозяина и убил его сына в 1863, он бежал на Запад и стал ковбоем, а потом — шахтером. Он погиб от копья индейца сиу в 1876; бывший раб был убит человеком, который не желал становиться рабом. Кабер в восторге от этого мира, потому что здесь никто не пытается снова обратить его в рабство. Но он раб — раб в собственном сознании, в реакциях своих нервов. Хотя он высо-

ко держит свою голову, при свисте хлыста он покорно склонит ее — раньше, чем он поймет, что делает...»

Зачем, для чего человек снова возвращен к жизни? Души людей, мужчин и женщин, несут неизгладимую печать их прежнего земного бытия, и этот тягостный груз нельзя снять — никогда и ничем. Сторонники Церкви Второго Шанса заявляли, что человек может измениться — измениться полностью. Но они были всего лишь группой мечтателей, одурманенных Жвачкой Сновидений.

— Если Хаскинг назовет Кабера дядюшкой Томом, Кабер убьет его,— сказал Сэм.— Я считаю, что мы должны послать Кабера.

Джон кивнул головой. Хитрая усмешка скользнула по его губам. Сэм бросил взгляд на водяные часы.

— Наступило время инспекционного обхода. Прошу извинить меня, Джон, я буду готов через несколько минут,— Сэм уселся около своей конторки, чтобы закончить записи в дневнике.

Это дало возможность Джону первым выйти из дома, как подобало бывшему королю Англии и доброй части Франции.

• • •

Сэм догнал группу, включающую Джона и шестерых членов Совета, около химической фабрики. Они постарались как можно быстрее миновать фабричную территорию. Даже гиена извергла бы свой завтрак, вдохнув сложную смесь запахов от азотной и серной кислот, от продуктов перегонки древесины в спирт, ацетон, креозот, от чанов с формальдегидом и человеческими экскрементами. Затем советники были поджарены и оглушены на железоплавильном заводе и в кузнечных мастерских. Они покрылись белой пылью на фабрике, перерабатывающей известняк. На их волосах осели хлопья сажи от гончарных печей. На алюминие-

вом заводе они были снова поджарены, оглушены и осыпаны пылью.

Оружейная мастерская, расположенная на вершине холма, в данный момент не работала. Если не считать отдаленных шумов, здесь было спокойно. Вид, который открывался отсюда, никто не назвал бы идиллическим. Перекопанная земля, спиленные деревья, черный дым от заводов и фабрик, застилающий горы...

Ван Бум, уроженец конца двадцатого века, наполовину голландец, наполовину зулус, главный инженер Пароландо, встретил их. Это был высокий человек с темно-бронзовой кожей и курчавыми волосами. Его рост достигал шести футов трех дюймов, а вес — двухсот пятидесяти фунтов.

Он радушно приветствовал Сэма и, с холодной вежливостью, Джона, но не улыбнулся, как обычно.

— Работа выполнена,— заявил он,— но я хотел бы высказать некоторые соображения. Эту штуку можно рассматривать как превосходную игрушку; она выглядит довольно устрашающе, способна наделать много шума и убить человека. Но в целом она излишне расточительна и неэффективна.

— Вы держите речь прямо как конгрессмен в палате представителей,— усмехнулся Сэм.

Ван Бум провел советников в высокие ворота построенного из бамбука здания мастерской. Внутри обширного помещения стояли верстаки; на одном лежало нечто среднее между старинным ружьем и гранатометом. Ван Бум поднял оружие. Даже в его больших руках ружье казалось чудовищно огромным. Он шагнул обратно к выходу, и остальные потянулись за ним на солнце.

Световые блики заиграли на серебристо-сером металле ствола. Ван Бум провел ладонью по гладкому полированному прикладу и сказал:

— Это — ружье модели «Марк I». Названо так потому, что сам Босс придумал его.

Сэм расцвел в улыбке.

— Это однозарядное ручное оружие с кремневым ударным механизмом,— продолжал инженер.— Посмотрите, как нужно его заряжать. Вы посылаете рукоятку затвора вперед и нажимаете на ствол вниз,— ружье переломилось в его руках подобно охотничьей двустволке.— При этом взводится ударный механизм. Затем в казенную часть ствола вставляется метательный снаряд шестидесятого калибра, сделанный из бакелита. За ним закладывается заряд черного ружейного пороха,— инженер достал из висевшей на его поясе сумки бакелитовую «пулю» величиной в палец, загнал ее в ствол и заложил завернутый в плотную бумагу пороховой заряд.— Теперь следует поднять ствол — ружье готово к стрельбе.

Помощник Вам Бума принес большую деревянную мишень и установил ее на расстоянии двадцати ярдов. Инженер поднял ружье.

— Подойдите ближе, джентльмены,— сказал он.— При прохождении снаряда через воздух его поверхность сильно нагревается и частично выгорает; таким образом, появляется дымовой след, который вы сможете увидеть. Эффективный радиус поражения составляет около пятидесяти ярдов, но точность попадания на расстоянии более тридцати ярдов не очень хорошая.

Ван Бум нажал курок. Раздался грохот, сверкнуло пламя, и тонкий след белого дыма, стремительно прорезав воздух, уперся в центр мишени. В сосновой доске дюймовой толщины зияла большая дыра.

Инженер опустил приклад ружья на землю и сказал:

— Пластмассовый снаряд не может пробить насквозь человеческое тело. Однако от его удара образуется огромная рана. И если снаряд попадет в кость, она будет раздроблена.

В течение следующего часа советники и оба консула с удовольствием тренировались в стрельбе. Особенно восхищался король Джон, хотя он и испытывал благоговейный страх перед новым оружием. Раньше ему ни-

когда не приходилось видеть ружья. Свой первый опыт в обращении с порохом он получил через несколько лет после воскрешения и ему приходилось иметь дело только с пороховыми бомбами и бамбуковыми ракетами.

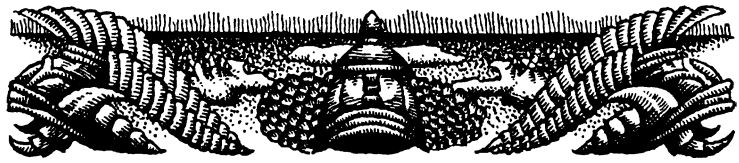
Наконец, Ван Бум сказал:

— Если вы будете так усердствовать, джентльмены, вы потратите весь наш запас снарядов. Теперь я хотел бы отметить недостатки этого оружия. Во-первых, ружье эффективно только на близком расстоянии. Во-вторых, чтобы его зарядить, требуется много времени. Хороший лучник успеет поразить трех стрелков с ружьями прежде, чем они приблизятся к нему на сорок-пятьдесят ярдов.

— Не в этом дело,— возразил Сэм.— Подобное оружие необходимо, чтобы продемонстрировать соседям наше технологическое и военное превосходство. Мы напугаем до смерти половину вражеской армии еще до начала сражения. Кроме того, вы не учитываете, что подготовка хорошего лучника занимает очень много времени, тогда как любой может научиться обращаться с ружьем за один-два урока.

— Совершенно верно,— сказал Ван Бум,— но удастся ли такому стрелку попасть в цель? Кроме того, я намереваюсь сделать стальные арбалеты. Обращение с ними требует не большей подготовки, чем стрельба из ружья. И они гораздо более смертоносное оружие, чем эта шумная, смердящая хлопушка.

— Нет, сэр! — воскликнул Сэм.— Нет, сэр, вы не правы! Я полагаю, что мы должны изготовить как минимум две сотни таких ружей. Мы вооружим ими новый отряд — Стрелков Пароландо. Они будут наводить ужас на всю долину Реки! Вы увидите это!



ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На этот раз король Джон был на стороне Сэма. Он потребовал, чтобы два первых ружья были переданы Сэму и ему самому, а следующая дюжина — их телохранителям. После этого можно начать организацию и тренировку нового отряда Стрелков.

Сэм был благодарен за поддержку, но решил про себя, что тщательно проверит каждого человека, отбираемого в отряд. Он не хотел, чтобы в него попало слишком много преданных Джону людей.

Ван Бум не скрывал своего отвращения.

— Вот что я скажу вам! — заявил он.— Я возьму добрый лук с двенадцатью стрелами и встану в пятидесяти ярдах от вас. По сигналу вся ваша восьмерка может стрелять в меня из ружей — и гарантирую, что я уложу вас всех прежде, чем кто-нибудь попадет в меня! Согласны? Я готов прозакладывать свою жизнь!

— Не будьте ребенком,— сказал Сэм. Ван Бум закатил глаза.

— Я — ребенок?

— Вы подвергаете Пароландо опасности, потому что хотите играться с этими ружьями!

— Как только будут изготовлены две сотни ружей, вы можете заниматься любыми арбалетами и луками, какими захотите,— примирительно сказал Сэм.— Подумайте! Ведь мы способны сделать защитные стальные панцири для Стрелков! Как же я не сообразил этого раньше! Вражеские стрелы с каменными наконечниками будут отскакивать от них или ломаться!

— Вы забываете, что мы обмениваем нашу руду и даже металлические изделия на необходимое Паролан-до дерево и сырье,— сказал Ван Бум.— Враги могут иметь стрелы со стальными наконечниками, которые пробьют панцирь.

— С вами трудно иметь дело,— вздохнул Сэм.— Должно быть, вы наполовину немец, а не голландец — так вы упрямы.

— Если ваш процесс мышления типичен для белого человека, тогда я рад, что являюсь наполовину зулусом,— отпарировал инженер.

— Не обижайтесь,— сказал Сэм.— И примите мои поздравления относительно ружья. Может быть, назовем его «Ван Бум — Марк I»? Что вы на это скажете?

— Я не хочу присваивать свое имя этой хлопушке,— заявил инженер.— Так и быть, я сделаю вам две сотни ружей. Но я хотел бы изготовить улучшенную модель — «Марк 2».

— Дайте нам вначале две сотни ружей, а потом мы займемся и «Марком 2»,— сказал Сэм.— В погоне за совершенным оружием мы можем оказаться вообще без него в нужный момент. Кроме того...

Он принялся толковать о новой модели ружья. У него была страсть к механическим приспособлениям. На Земле он постоянно выдумывал подобные вещи, надеясь, что они сделают его богатым. Кроме того, там была еще типографская машина Пайга, в которой он топил — и, наконец, утопил — все свои доходы, полученные от книг.

Сэм вспомнил об этом типографском монстре, который довел его до банкротства. Затем ему в голову пришла мысль, что Пайг и Ван Бум были людьми одного сорта; это повергло его в состояние легкой паники.

• • •

Следующим поводом для недовольства Ван Бума стала их воздушная машина, аэроплан АМР-1. Не об-

ращая внимания на раздраженного инженера, Сэм двинулся со своей свитой к ангару, расположенному на равнине в миле от его дома. Машина еще не была закончена; на первый взгляд не верилось, что она когда-нибудь сможет летать.

— Она похожа на аэропланы, которые строились в 1910 году,— сказал фон Ритгофен.— Боюсь, что мне будет сильно дуть в поясницу, когда я усядусь в пилотское кресло. Но главное — способен ли наш двигатель на древесном спирте поднять ее в воздух?

Фон Ритгофен надеялся, что первый полет состоится через три недели. Он показал Сэму крепления для ракетных снарядов, которые предполагалось подвесить под крыльями.

— Аэроплан сможет нести шесть небольших ракет, но основное его назначение — разведка. Против ветра из этого двигателя не выжать больше сорока миль в час. Но все же, надеюсь, машина сможет летать.

Сэма огорчало, что аэроплан был одноместным. Ему хотелось подняться в воздух — первый раз в его второй жизни. Фон Ритгофен обещал, что следующая модель сможет поднять двух человек и что Сэм станет его первым пассажиром.

Обход завершился на малой верфи, расположенной на полпути между ангаром и жилищем Сэма. Окруженный подпорками из сосновых бревен, экипаж производил внушительное впечатление. «Огненный Дракон» являлся прототипом судна-амфибии, предназначенного для транспортировки на большом корабле. Это была превосходная машина, сделанная из алюминия, тридцати двух футов длиной, с колесами и тремя боевыми башенками на верхней палубе. Двигатель вездехода работал на древесном спирте; он мог оперировать как на суше, так и на воде, нести команду из одиннадцати человек и был, по мнению Сэма, практически неуязвим.

Сэм погладил ладонью холодный серый корпус и сказал:

— Почему должны мы беспокоиться из-за каких-то лучников? Одна эта штука способна сокрушить целое королевство! Что можно противопоставить ее орудиям?

Как всегда, обход поднял его настроение. Правда, разработка чертежей большого корабля еще только началась. Но это — дело времени. Прежде всего необходимо, чтобы страна и его заводы были хорошо защищены. Он довольно потер руки и закурил новую сигару, выпуская клубы густого дыма.

И тут он увидел Ливи.

Его возлюбленную Ливи, тяжко болевшую много лет и, наконец, умершую в Италии в 1904 году.

Восставшую к жизни, в цвете молодости и красоты... но, увы, принадлежавшую не ему.

Она приближалась к Сэму, держа в руке свою чашу, одетая в белую юбку, доходившую до середины бедер; ее грудь охватывал полупрозрачный шарф. У Ливи была прекрасная фигура и длинные стройные ноги. Ее высокий лоб отливал нежной белизной. Ее огромные глаза сияли. Ее губы были пухлыми и красиво очерченными, ее улыбка притягивала, полная тайны. Темные волосы струились по плечам и спине, за ушком алел огромный, похожий на розу цветок.

Сэм почувствовал, что его сердце забилось в груди подобно колоколу.

Плавно покачиваясь, Ливи шла к нему, ее груди подрагивали под прозрачной тканью. И это была его жена, его скромница Ливи, которая носила длинные платья, скрывающие ее тело от шеи до лодыжек! Она никогда не раздевалась перед ним при свете. Теперь же она напоминала Сэму полуобнаженных женщин Полинезии.

Ливи получила пуританское воспитание, но это не изуродовало ее. На Земле она научилась пить (ей очень нравилось пиво), даже курила одно время, и она стала неверующей — или, по крайней мере, сомневающейся. Она даже терпела его постоянную воркотню и ругань, если только дочерей не было поблизости. Обвинения,

что она подвергала строгой проверке его книги и выхолащивала их, не соответствовали действительности. Наиболее суровым цензором новых вещей был он сам.

Да, Ливи хорошо адаптировалась тут.

Даже слишком хорошо. После его двадцатилетнего отсутствия она влюбилась в Сирано де Бержерака. И, к своему смущению, Сэм чувствовал, что этот необузданный француз пробудил в ней что-то такое, что мог бы пробудить он сам, если бы постоянно не сдерживал себя. Но после долгих лет на Реке и частого употребления Жвачки Сновидений от его былой сдержанности осталось немногое.

Однако было слишком поздно.

Если бы Сирано покинул ее...

— Хелло, Сэм,— сказала она на английском.— Прекрасный день, не правда ли?

— Здесь прекрасен каждый день,— с усилием ответил он.— Если ты собираешься говорить только о погоде, то лучше оставь меня в покое!

Она очаровательно засмеялась.

— Пойдем со мной к грейлстоуну,— сказала она.— Наступает время для ленча.

Каждый день он давал себе клятву не приближаться к ней. И каждый день он искал повода очутиться вблизи нее.

— Как поживает Сирано? — спросил он.

— О, он счастлив! Наконец-то он получил свою шпагу. Билдрон, оружейник, обещал, что первый клинок сделает для него — после тебя, Сэм, и других членов Совета, разумеется. Сирано уже почти примирился с тем, что никогда снова не будет держать в руках стальной меч. Потом он услышал об этом метеорите и пошел сюда. И вот величайший фехтовальщик мира имеет шанс доказать всем, что его репутация не была преувеличенной — как ожидали некоторые неверящие.

— Ну, Ливи,— сказал он,— я не утверждал, что люди лгут относительно его репутации. Я только говорил, что они, возможно, немного перегибают палку. Я

до сих пор не верю в эту историю — когда он один разогнал две сотни солдат.

— Сражение в Порт-де-Несл было правдой! И там не было двух сотен! Ты сам сочинил это, Сэм! На него напала толпа головорезов — сотня, или около того. Даже если бы их было только двадцать пять, это правда, что Сирано разогнал мерзавцев, чтобы спасти своего друга, шевалье де Линье. Он убил двоих, ранил семерых, а остальные убежали. Клянусь богом, что это правда!

— Я не хочу затевать споры о достоверности подвигов твоего мужа,— сказал Сэм.— Или по любому другому поводу. Я предпочел бы поговорить о чем-нибудь веселом; вспомни, как мы шутили и проказничали — раньше, чем ты заболела.

Она внезапно остановилась. Ее лицо стало мрачным.

— Я знаю, что ты возненавидел меня из-за этой болезни, Сэм.

— Нет, это не так,— мягко сказал он.— Полагаю, что чувствовал себя виноватым — ведь ты была больна, а я — здоров. Но я никогда не смог бы возненавидеть тебя. Если я могу кого-либо ненавидеть, то только себя самого.

— Извини, я не хотела сказать, что ты стал ненавидеть меня. Но моя болезнь была тебе в тягость, и ты показывал это многими способами. О, ты можешь сказать, что ты был благородным, и нежным, и любящим — и это действительно правда. Но иногда ты так смотрел на меня... что-то бормотал, жестикулировал — я не могу описать это! Я не могу, но я знаю, что в такие моменты ты испытывал ко мне отвращение, потому, что я была больна!

— Нет, Ливи, нет! — вскричал он так громко, что некоторые шедшие к грейлстоуну люди в недоумении обернулись к ним.

— Что спорить об этом? Испытывал ли ты подобное чувство или нет — теперь это не имеет никакого значе-

ния. Я любила тебя тогда и, в определенном смысле, продолжаю любить и сейчас. Но совсем не так, как раньше.

В угрюмом молчании они продолжали путь. Сэм курил, но вкус сигары был подобен тлеющей гнилой капусте.

Сирано не пришел на ленч. Он был комендантом укреплений, которые охраняли побережье Реки. Сэм был рад. Ему тяжело было видеть Ливи, но его страдания удваивались, когда он видел ее с этим французом.

Они расстались в молчании.

• • •

Прекрасная юная женщина с пушистыми волосами цвета меди приблизилась к нему, и его мысли на время отвлеклись от Ливи. Эта женщина называлась Гвиневрой. Она умерла в возрасте семи лет в стране, которая в будущем стала Корнуоллом, в то время, когда финикияне приплыли туда и начали разрабатывать залежи олова. Она воскресла среди людей, которые не понимали ее древнего кельтского языка, и примкнула к группе, говорившей по-английски. Среди них, как явствовало из ее описания, был сэр Ричард Френсис Бартон — тот самый, которого Сэм, как ему показалось, видел на берегу перед падением метеорита. Бартон вместе со своими друзьями построил небольшое парусное судно и отправился к верховьям Реки — как можно было ожидать от человека, который провел половину жизни в странствиях по диким уголкам Африки и других континентов. На Земле Бартон искал верховья Нила и, вместо этого, открыл озеро Танганьика. В этом мире он снова пустился на поиски истока Реки — величайшей из всех мыслимых рек — нисколько не устрашенный перспективой, что, возможно, ему придется одолеть десять или двадцать миллионов миль.

Спустя год после начала путешествия корабль Бартона был атакован какими-то злодеями, и один из них

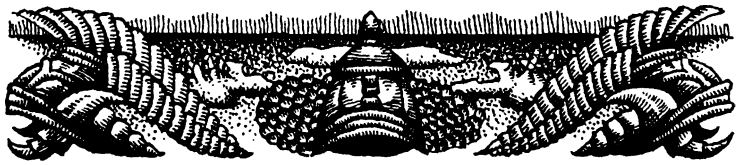
ранил маленькую Гвиневру в грудь каменным ножом и бросил ее в Реку, где она утонула. На следующий одень она пробудилась где-то далеко на северном побережье. Климат там был холоднее, солнечные лучи мягче, и обитавший там народ утверждал, что, проделав путь не более чем в двадцать тысяч грейлстоунов, можно было попасть в область, где солнечный диск только наполовину поднимался над гребнями гор. Там жили волосатые, обезьяноподобные люди десяти футов роста, весившие восемь сотен фунтов. Что было абсолютной правдой, так как Джо Миллер является одним из племени этих гигантопитеков.

Люди, обитавшие в верховьях Реки, к которым попала Гвиневра, говорили на языке суомикильта; на английском этот народ назывался финнами. Немного ниже их на побережье жили шведы, мирный народ двадцатого столетия. Гвиневра росла в относительном покое и довольстве, под покровительством финской четы, ставшей ее приемными родителями. Она выучила финский, шведский, английский языки, китайский диалект четвертого века и эсперанто.

В один день она снова утонула — на этот раз по чистой случайности — и оказалась здесь. Она все еще вспоминала Бартона и лелеяла мечту снова встретиться с ним. Но, будучи практичной женщиной, она была готова любить других мужчин. Однако, как слышал Сэм, она хотела иметь одного преданного и верного мужа, которого было непросто найти в этом мире.

Она привлекала Сэма. Много раз он был готов просить ее поселиться в его доме. Единственное, что удерживало его от подобного шага — боязнь рассердить Ливи. Этот страх был нелепым. Ливи не претендовала на него — пока она жила с Сирано. Несмотря на это, вопреки всякой логике, он боялся взять другую женщину в свой дом. Он не хотел разрывать последнюю связывающую их ниточку.

Немного поболтав с Гвиневрой, он с удовольствием убедился, что девушка все еще не нашла свой идеал.



ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На сей раз ленч был неудачным. Колесо дьявольской рулетки, скрытое где-то в днище чаши, выбрало столь наперченное блюдо, которое вряд ли выдержал бы даже закаленный желудок индуса. Сэм выбросил пищу, но утешился двумя сигарами, пачкой сигарет и стаканчиком неизвестной, но очень аппетитной жидкости.

Последовавшее затем заседание Совета заняло три часа. После голосования было решено поставить перед народом вопрос о дополнении Хартии законом, позволяющим выбирать временного члена Совета. Джон на час задержал это решение, яростно оспаривая необходимость всенародного обсуждения этого предложения. Почему Совет не может самостоятельно принять закон, не затевая лишней волокиты? Доводы Сэма отскакивали от экс-короля как горох от стены. Это не означало, что Джон глуп или обладает недостаточно развитым интеллектом. Просто он органически не мог воспринять идею демократии.

Совет постановил также принять Файбраса как официального представителя Соул Сити. Однако следовало установить за ним тщательное наблюдение.

Затем Джон встал и произнес пылкую речь, постоянно сбиваясь с эсперанто на франко-норманский диалект. Он полагает, что Пароландо следует осуществить вторжение в Соул Сити раньше, чем Соул Сити вторгнется в Пароландо. Вторжение необходимо начать сразу же после того, как будут готовы новые ружья и закончена постройка амфибии, «Огненного Дракона».

Однако вначале следует проверить мощь их оружия и храбрость войск в Новой Британии. Его шпионы доносят, что нападение Артура на Пароландо надо ожидать со дня на день.

Два члена Совета, явные прихлебатели Джона, поддержали его, но остальные, включая Сэма, проголосовали против. Лицо Джона налилось кровью, он выругался и яростно стиснул кулаки, но никто не изменил своего решения.

После ужина дробь барабанов принесла сообщение от Хаскинга. Файбрас должен прибыть завтра, вскоре после полудня.

Сэм вернулся в свой кабинет. При свете лампы, заправленной рыбьим жиром (вскоре ее должно было заменить электричество), он обсуждал проект большого корабля с Ван Бумом и его инженерами — Таней Величко и Джоном Весли О'Брайеном. Они рисовали грубые эскизы на бумаге, стараясь расходовать ее экономно. Бумага все еще оставалась редкостью, и было ясно, что для рабочих чертежей корабля ее потребуется немало. Ван Бум сказал, что с чертежами придется подождать, пока они не наладят производство специального пластика. На нем можно будет рисовать магнитной «ручкой» и легко исправлять чертежи с помощью размагничивающего устройства. Сэм заметил, что это было бы прекрасно. Но он хотел приступить к строительству большого корабля сразу же, как только закончатся работы над вездеходом-амфибией. Ван Бум ответил, что не может с этим согласиться. Множество необходимых устройств и инструментов еще не готовы.

Когда совещание закончилось, Ван Бум достал из большой сумки ружье «Марк I».

— Мы изготовили уже десять штук,— сказал инженер, протягивая оружие Сэму.— Это ваше. Я оставлю также двенадцать зарядов. Теперь вы можете спать с этой штукой под подушкой.

Сэм поблагодарил его. Инженеры вышли, и он тщательно заложил дверь массивным засовом. Затем он от-

правился в заднюю комнату ненадолго поболтать с Джо Миллером. Джо еще не спал; он заявил, что не хочет принимать успокоительного этой ночью. Он чувствовал себя значительно лучше. Сэм пожелал гиганту доброй ночи и прошел к себе в спальню. Он хлебнул пару глотков бурбона и лег в кровать.

Он проснулся от грохота взрыва. Сэм вскочил с постели, обернул покрывало вокруг талии, схватил топор и побежал в кабинет. Внезапно он вспомнил про ружье, но решил, что захватит его потом, когда выяснит, что случилось.

Река еще была скрыта ночным туманом, но сотни темных фигур текли от нее, подобно приливу. Над белесыми клубами тумана торчали высокие корабельные мачты. Факелы пылали на равнине и на холмах. Тревожно грохотали барабаны.

Снова раздался взрыв. Яркое пламя разорвало ночь, высветив тела людей, летящие во всех направлениях.

Он приник к иллюминатору. Ворота в высокой бревенчатой стене, окружавшей дворец Джона, были широко раскрыты, из них потоком текли люди. Среди толпы он различил коренастую фигуру Джона.

Затем из тумана показалось множество людей, наступавших от побережья Реки. В ярком свете звезд можно было отчетливо видеть вражеские отряды, двигавшиеся в развернутых шеренгах. Первые ряды атакующих были теперь под стенами фабрик; они неудержимо стремились через равнину к подножию холмов. Несколько взрывов раздалось внутри фабричных зданий, когда нападавшие бросили ручные бомбы, чтобы вытеснить защитников. Показались и исчезли красные языки пламени, затем что-то черное метнулось по направлению к Сэму. Он бросился на пол. Под ним раздался грохот, дом покачнулся, и оконные стекла вылетели наружу. Клубы порохового дыма окутали его.

Он хотел вскочить и побежать, но не смог пошевелиться. Его мышцы оцепенели.

Огромная рука стиснула его плечо и потянула вверх. Другая рука обхватила его колени, и он почувствовал, что его несут. Руки и грудь гиганта были волосатыми и мускулистыми, как у гориллы. Гулкий голос произнес над его ухом:

— Не беспокойся, ботс.

— Отпусти меня, Джо,— сказал Сэм.— Со мной все в порядке. Я просто испугался, как ни стыдно в этом признаться. Это уже прошло.

Первый шок исчез, и он почувствовал, как вакуум его сознания постепенно заполняет спокойствие и холодная решимость. Появление гигантопитека привело его в чувство. Добрый старый Джо — он мог быть глупым и наивным, мог быть больным — но в этот момент он стоил целого батальона.

Джо надел на себя кожаный панцирь. В его руке сверкнул огромный стальной топор с двойным лезвием.

— Откуда они? — спросил великан.— Из Тоул Тсити?

— Я не знаю,— сказал Сэм.— Ты можешь сражаться? Как твоя голова?

— Это не важно. Да, я могу сражаться хорошо. Куда мы пойдем?

Сэм повел его вниз, к подножию холма, где люди собирались вокруг Джона. Он услышал, как кто-то назвал его имя и, обернувшись, увидел рослую тощую фигуру де Бержерака. Рядом с ним стояла Ливи. Она несла маленький круглый щит из дуба, обтянутый кожей, и копье со стальным наконечником. Сирано держал длинный сверкающий клинок. Глаза Сэма расширились. Это была шпага.

— Черт побери! — сказал Сирано.— Кузнец сделал эту штуку для меня вчера после ужина. У него было такое чувство, что ждать больше нельзя.

Сирано взмахнул клинком, со свистом разрезав воздух.

• • •

Близкий взрыв заставил их броситься на землю. Сэм осторожно приподнял голову и посмотрел на свой дом. Его капитанская рубка получила прямое попадание; вся передняя стена дома была объята пламенем. Итак, его дневник погиб; свою чашу он сможет найти потом в развалинах. Чаша была несокрушима.

В следующие несколько минут туча снарядов, сверкая огненными хвостами, вылетела из деревянных базук, которые держали на плечах ракетчики Пароландо. Снаряды взорвались среди вражеских шеренг, выбросив языки пламени и густой черный дым, быстро унесенный прочь ветром.

Один за другим примчались трое посыльных. Атака началась одновременно с трех точек на побережье. Главные силы были сконцентрированы здесь — явно, чтобы захватить вождей Пароландо, большие фабрики и амфибию-вездеход. Две другие армии действовали слева и справа на расстоянии мили. В отряды нападавших входили воины Новой Британии, Клеомены, а также обитавшие на другом берегу реки дикие ульмаки. Их племена населяли Сибирь за тридцать тысяч лет до новой эры; когда-то, двигаясь на восток, они мигрировали через Берингов пролив на Аляску и стали первыми американцами.

«Не так плохо для королевской шпионской службы», — подумал Сэм, вспоминая вчерашнюю речь Джона. — «Если только он сам не спровоцировал это нападение. Но тогда он не остался бы на эту ночь в своем дворце, там его могли прикончить одним ракетным залпом...»

Кроме того, Артур, правитель Новой Британии, никогда бы не вступил в закулисные переговоры со своим дядюшкой.

Теперь ракеты сыпались градом с обеих сторон и взрывы пятифунтовых боеголовок засыпали все вокруг каменной шрапнелью. Обороняющиеся воины Паро-

ландо получили преимущество; они могли лечь на землю, пока их ракеты косили наступавших.

Внезапно вспышки и грохот взрывов прекратились; в наступившей тишине Сэм услышал тяжелое дыхание людей и стоны раненых. Огромная ладонь коснулась его плеча. Он бросил взгляд вокруг и увидел, что люди поспешно поднимаются на ноги. Громко закричали сержанты, равняя ряды воинов, готовящихся к рукопашной схватке. Враги были теперь так близко, что использование ракет могло нанести урон обеим сторонам.

Перед ним была темная масса яростно вопящих дьяволов. Они бежали к вершине холма; вдруг первый, второй и третий ряды упали, пронзенные стрелами. Но это не остановило задание шеренги нападающих. Они перепрыгивали через мертвых и раненых соратников и продолжали атаку. Наконец, подобно бушующему валу, они затопили лучников Пароландо.

Сэм держался позади Джо Миллера, который медленно двигался вперед. Вздымалось и падало сверкающее лезвие топора великана. Потом Джо сбили вниз, и враги облепили его подобно стае шакалов, терзающих поверженного льва. Сэм попытался пробиться к нему; его топор, раздробив чей-то щит, рассек голову человека. Потом он почувствовал острую боль в ребрах. Он начал проталкиваться назад, защищаясь своим топором; масса воинов Пароландо выжимала его в задние ряды. Внезапно он споткнулся о бревно, опустил свое оружие и огляделся. Он стоял перед догорающими развалинами своего дома.

На земле перед ним валялось ружье, «Марк-1», и три заряда к нему. Очевидно, оно было выброшено из дома взрывом. Сэм встал на колени, и его руки сомкнулись на теплой стали ствола.

• • •

Два человека кружились в бесконечном танце, их руки сжимали друг друга, налитые кровью глаза бура-

вили противника. На мгновение они остановились, и Сэм узнал короля Джона. Его противник был более рослым, но не такого крепкого сложения. Он потерял свой шлем, и рыжеватые волосы рассыпались по плечам; голубые глаза сверкали в звездном свете.

Сэм оттянул затвор, вложил заряд в ствол и поднялся на ноги. Два человека яростно боролись, пытаясь освободить руки, сжимавшие кинжалы.

Сэм огляделся вокруг. Рядом не было никого, кто мог бы прийти на помощь. Он шагнул вперед, поднял ружье, прицелился и нажал спусковой крючок. Раздался грохот, яркая вспышка пламени вылетела из ствола, и противник Джона упал на землю с разбитым черепом.

Не удержавшись на ногах, Джон рухнул на его тело. Затем он поднялся и взглянул на Сэма, который перезаряжал ружье.

— Благодарю, приятель! Это был мой племянник, Артур!

Сэм не ответил. В его сознании промелькнула холодная мысль, что следовало подождать, пока Артур прикончит Джона, и затем снести его череп. Ирония судьбы! Он, который имел все основания желать смерти Джона, снова посадил на свою шею эту досадную помеху! В благодарность Джона он не верил; в душе этого человека не было места искреннему дружелюбию.

Держа ружье наготове, Сэм двинулся вперед, пытаясь отыскать Джо Миллера. Внезапно он увидел Ливи, отчаянно защищавшуюся от нападения огромного ульмака. Окровавленная левая рука дикаря висела плетью, но, сжимая правой каменный топор, он наносил яростные удары по щиту Ливи. Ее копье было сломано, щит, в который она вцепилась обеими руками, трещал и распадался. Не желая тратить заряд, Сэм занес свое оружие и нанес дикарю удар прикладом по голове. Тот медленно осел вниз. Ливи, с растрепанными волосами, изнемогая, опустилась рядом на землю. Сэм бросил на нее быстрый взгляд. Она не была ранена, и, казалось, не нуждалась в помощи. Ему надо было отыскать Джо.

Он окунулся в темную сражающуюся массу людей и увидел Джо. Гигант снова был на ногах, и его огромный топор крушил головы, шеи и тела врагов.

Мускулистый воин, сжимая обеими руками топор, подкрадывался к Джо сзади. Сэм остановился, поднял ружье и выстрелил. Снаряд, посланный с расстояния нескольких шагов, разворотил грудь нападавшего.

Мгновением позже враги побежали. Небо на востоке начало светлеть. В рассветном полумраке было видно, как воины Пароландо наступают к побережью на севере и на юге. Это означало, что две другие колонны напавших также разгромлены.

Сэм почувствовал огромное облегчение. Они выиграли эту битву! Ему казалось, что сражение длилось несколько часов, но теперь он понял, что рукопашная схватка у холма заняла не больше десяти минут.

Но в следующий момент его удовольствие было испорчено. Нагой Герман Геринг, с окровавленной головой и горящими фанатизмом глазами, вынырнул из человеческого месива. Он воздел руки к небу и закричал:

— О, братья и сестры! Остановитесь! Остановитесь! Вы сражаетесь, вы ненавидите, вы проливаете кровь, вы охвачены жаждой убийства. Почему вы не опускаете свои руки, почему не принимаете ваших врагов с любовью? Почему не даете им делать с вами все, что они хотят? Вы будете убиты, но окончательная победа останется за вами! Враг ощутит вашу любовь — и в следующий раз он поколеблется, прежде чем развязать войну! Пройдет время — и он спросит себя: «Что я делаю? Зачем я делаю это? Что хорошего в этом?» — и ваша любовь проникнет в его окаменевшее сердце и он...

Внезапно позади Геринга возникла коренастая фигура Джона. Он ударил проповедника рукояткой ножа по голове, тот рухнул навзничь и застыл без движения.

— Так будет с каждым предателем! — вскричал Джон. — Где Тримальдио и Мордуант, мои разведчики, черт бы их побрал!?

— У них хватило ума не появиться здесь, — ответил Сэм. — Теперь вы никогда не поймаете их. Они понимают, что вам известно о том, что они продали вас Артуру.

Он отвернулся от Джона и распростертого на земле тела проповедника. В нескольких шагах от него Ливи, пошатываясь, поднималась на ноги. Сэм последовал за ней туда, где Сирано сидел на груде трупов. Тело француза покрывала дюжина ран, но, по-видимому, несерьезных. Его шпага была в крови от кончика до рукояти.

Ливи упала на колени перед Сирано, обхватив руками его ноги. Сэм отвернулся. Она даже не поблагодарила его за спасение.

Сэм почувствовал упадок сил, но он знал, что сегодня ему не придется отдыхать. Следовало подсчитать потери и убытки. Мертвые тела нужно было перенести в помещение химической фабрики, где из их жира получат глицерин. Эта практика была жестокой, но необходимой, и владельцы тел при жизни не возражали. Все равно завтра они восстанут от смерти и продолжат существование где-то далеко на берегах Реки.

Кроме того, все население следовало бросить на восстановление укреплений на побережье — и при этом держать оружие под руками. Во все стороны нужно было разослать разведчиков для уточнения военной ситуации. Ульмаки и воины Новой Британии и Клеомены могли вернуться и повторить атаку.

Подошедший капитан доложил, что вождь Клеомены найден мертвым на берегу Реки; осколок каменной шрапнели раздробил его череп. Так нашел свой конец брат великого спартанца, царя Леонида, защищавшего Фермопильский проход. Или, по крайней мере, такой конец он нашел в этом месте речной долины.

Сэм приказал отправить нескольких опытных людей на корабле в Новую Британию к Клеомену. Им следовало, уведомить население, что мщения не последует, если новые вожди обязуются хранить мир и дружбу с

Пароландо. Джон выразил недовольство, что это решение было принято без обсуждения с ним, и между консулами возник короткий, но яростный спор. Наконец, Сэм согласился, что Джон, в принципе, прав, но у него не было времени на согласование. Как гласила Хартия, любое решение становилось законным, если утверждалось обоими консулами.

Затем правители вместе двинулись в инспекционный обход фабрик и укреплений. Особых убытков не обнаружилось. Нападавшие не стремились, конечно, к разрушению промышленных зданий и оборудования, так как хотели использовать все это сами. Амфибия, «Огненный Дракон», была невредимой. Сэм содрогнулся, подумав, что могло произойти, если бы машина оказалась в руках врага. С ее помощью нападавшие, безусловно, смяли бы воинов Пароландо в центре, а потом довершили разгром на флангах. Он решил, что отныне машину будут усиленно охранять.

После ленча Сэм прилег в хижине Совета. Однако не успел он сомкнуть глаза, как его разбудили. Над ним стоял Джо; сопение, производимое его огромным носом, напоминало спуск пара через трубу локомотива.

— Высадились послы из Тоул Тсити, — доложил он.

— Файбрас! — воскликнул Сэм, вскакивая на ноги. — Я совсем забыл о нем! Пожалуй, он прибыл несколько некстати!

Он отправился на берег Реки, где причалил катамаран послов. Джон уже был здесь, и они вместе приветствовали делегацию, которая включала шестерых негров, двух арабов и двух индийцев. Файбрас оказался бронзовокожим, коренастым человеком с курчавыми волосами и карими глазами, в которых поблескивали зеленые искорки. Его высокий лоб и могучие плечи и руки резко контрастировали с тонкими худыми ногами. Сначала он заговорил на эсперанто, но потом перешел на английский. Это был очень странный английский язык, полный специальных терминов и слэнговых выражений, которых Сэм не понимал. Но Файбрас казал-

ся таким открытым и дружелюбным, что Сэм почувствовал искреннее расположение к нему.

— Пожалуй, нам лучше перейти на эсперанто,— сказал он, улыбаясь и подливая виски в стакан гостя.— Вы говорите на каком-то космическом слэнге или же это наречие Соул Сити?

— Это язык марсианских колонистов,— ответил Файбрас.— В Соул Сити используется упрощенный английский, но официальным языком является, конечно, эсперанто, хотя Хаскинг готов был рассматривать в этом качестве и арабский. Он, однако, не получает большого удовольствия от контактов со своими арабскими подданными,— добавил Файбрас шепотом, оглядываясь на Али Фазхули и Абд ир-Рахмана, арабских членов посольства.

— Как видите,— сказал Сэм,— мы не имеем возможности сейчас провести длительное, детальное совещание. Мы должны очистить свою территорию от обломков, восстановить защитные сооружения и получить информацию о том, что творится вокруг Пароландо. Но вы, конечно, являетесь для нас желанными гостями, и через несколько дней мы проведем подробные переговоры.

— Я не возражаю,— ответил Файбрас.— Пока что я хотел бы немного осмотреться, если вы не против.

— Я согласен, но мы должны также получить разрешение моего соправителя.

Джон, выдавив болезненную улыбку, заявил, что он рад приветствовать посольство на земле Пароландо. Но каждый раз, когда послы пожелают покинуть отведенное им жилье, их должна сопровождать почетная охрана. В знак согласия Файбрас вежливо наклонил голову, но один из членов посольства, высокий чернокожий человек, которого его товарищи называли Абдуллой, громко запротестовал. В его речи содержались какие-то невнятные угрозы и оскорбления. Файбрас с минуту молчал, а затем сказал Абдулле, что он должен быть

вежливым, так как люди из Соул Сити находятся тут в гостях.

Сэм лично проводил делегацию к трем стоявшим рядом хижинам, обитатели которых погибли прошлой ночью. Пожелав послам приятного отдыха, он удалился.

На побережье загрохотали барабаны, передавая сообщение. Новый вождь ульмаков просил мира. Их прежний глава, Шрубгран, умер, и его соплеменники были готовы доставить его голову победителям, если это склонит Пароландо к миру. Шрубграна прикончили сами ульмаки; он опозорил свое племя, приведя его к поражению.

В ответ Сэм приказал передать, что Пароландо соглашается вести мирные переговоры с новым вождем, Трилбурном.

Барабаны, расположенные на границе с Землей Чернского, принесли известие о том, что Иэясу, правитель двенадцатимильной полосы побережья между владениями Артура и Клеомена, вторгся в Новую Британию. Хотя эти новости означали, что жители Новой Британии не будут мстить Пароландо, они встревожили Сэма. Иэясу был человеком с большими амбициями. Объединив под своей властью два государства, он мог счесть себя достаточно сильным для нападения на Пароландо.

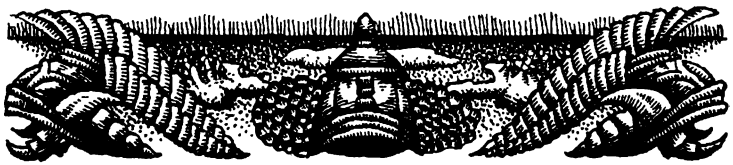
Снова дробь барабанов. Публий Красс посылал свои поздравления по случаю победы и сообщал, что завтра посетит Пароландо, чтобы увидеть, какую помощь он может оказать соседям.

«А также чтобы увидеть, насколько тяжел нанесенный нам удар и нельзя ли тут чем-нибудь поживиться», — добавил Сэм про себя. До сих пор Красс был добрым соседом, но к человеку, прослужившему долгие годы под командой Юлия Цезаря, не стоило питать безграничного доверия.

Мимо проковылял Геринг с головой, обернутой кровавой полосой ткани; двое его последователей осторожно поддерживали проповедника. Сэм надеялся, что Ге-

ринг поймет сделанный ему ночью намек и покинет Пароландо. В душе его, однако, таилось сомнение — насколько твердолобая германская голова миссионера восприимчива к намекам.

Вечером он лег в кровать; перед его мысленным взором простиралась его страна, факелы пылали от побережья до подножия скал, стража вглядывалась в туман, высматривая зыбкие тени. Его сон был беспокойным, несмотря на огромную усталость. Он стонал и метался в постели; ночью он внезапно очнулся, его сердце билось как молот и кожа похолодела — от уверенности, что в хижине есть кто-то третий. Он ожидал увидеть темную фигуру Таинственного Пришельца, склонившуюся над его кроватью. Но в комнате никого не было — только очертания огромного тела Джо медленно колыхались на чудовищном бамбуковом ложе в такт храпу великана.



ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Он проснулся утром неотдохнувшим — в чистом и освеженном мире. Ночной дождь смыл кровь, грязь и пороховую копоть. Мертвые тела были убраны, солнце сияло, голубое безоблачное небо раскинулось над речной долиной.

Возобновился обычный распорядок дня — но без четырех с половиной сотен мужчин и женщин, павших жертвами ночного сражения. Тела половины из них поступили на глицериновую фабрику для переработки; остальные находились в госпитале.

Раненые, которые хотели положить конец мучениям, могли выполнить свое желание. Давно миновало время, когда лишь удар каменного топора или воды Реки были способны подарить долгожданное забвение. Теперь, благодаря прогрессу цивилизации. в Пароландо для этого применялись таблетки цианистого калия.

Пройдут сутки — и утерянные члены тела восстановятся, исчезнут раны, снова раскроются выбитые глаза. Все, кто не мог терпеть боль, торопливо садились в Экспресс Самоубийства, сбрасывая старые тела в чаны глицериновой фабрики.

Секретарша Сэма погибла, и он предложил Гвиневре занять это место. Девушка с радостью согласилась. Новое положение давало ей высокий статус; она не делала секрета и из того, что ей приятно находиться около Сэма. Лотар фон Ритгофен, однако, был недоволен.

— Разве она не может стать моей секретаршей, несмотря на чувства, которые вы питаете к ней? — сказал Сэм, изучая хмурую физиономию пилота.

— Конечно, может,— отвечал тот,— но мои шансы резко упадут, если девчонка будет постоянно крутиться около вас.

— Ну, что ж, пусть победит достойнейший! — ухмыльнулся Сэм.

— Не имею ничего против, мне только не нравится, что ее усилия пропадут даром. Вы ведь не станете отрицать, что пока здесь находится Ливи, другая женщина не войдет в вашу хижину.

— Ливи не вмешивается в мою личную жизнь,— сухо сказал Сэм,— и давайте прекратим разговор о ней.

— Я очень сожалею, Сэм,— сказал Лотар со слабой улыбкой, осторожно касаясь его плеча.

Гвиневра хлопотала около него, делая заметки, рассылая сообщения, принимая их, передавая его приказы. Сэм был слишком занят, чтобы поболтать и пошутить с девушкой, но каждый раз, когда он смотрел на нее, теплота подступала к его сердцу. Гвиневра, казалось, обожала его.

Миновало два дня. Двадцатичетырехчасовые испытания вездехода-амфибии дали отличные результаты. Предполагалось, что через пару дней машина будет полностью укомплектована. Делегация из Соул Сити бродила по территории Пароландо под присмотром двух надежных людей короля Джона. Джо Миллер, который после сражения был вынужден снова лечь в постель, окончательно выздоровел. Теперь Сэма сопровождали оба — и Гвиневра, и гигантопитек; окружающий мир начал казаться ему гораздо более приемлемым, хотя, конечно, до блаженной Утопии ему было далеко. Барабаны передали сообщение, что Одиссей возвращается через месяц с караваном судов, груженных кремнем. Он отправился во главе флота из десяти кораблей для меновой торговли с женщиной-правителем Селинайо. На Земле Седина Хэстингс, родившаяся в 1707 и умершая в 1791 году, была графиней Хантингтон. Теперь она являлась ярой сторонницей Церкви Второго Шанса и торговала кремнем с Пароландо толь-

ко потому, что Сэм разрешил Герингу и его миссионерам проповедовать на своей территории. В обмен на кремень она просила построить маленькое металлическое паровое судно, на котором собиралась путешествовать вверх и вниз по Реке, проповедуя свою религию. Сэм считал это глупостью. В первом же месте, где она высадится на берег, ей перережут горло, чтобы завладеть пароходом. Но это было ее дело.

Наконец, подошло время для продолжения переговоров с Файбрасом. Члены Совета встретились с делегацией Соул Сити за круглым столом в самой большой комнате дворца Джона. Сэм хотел бы отложить переговоры, так как Джон находился в еще более мрачном настроении, чем обычно. Одна из его женщин попыталась прикончить его, как он заявил. Прежде, чем он разбил ей голову об угол стола, она успела ранить его кинжалом в бок. Женщина умерла часом позже не приходя в сознание, и утверждение Джона, что она напала на него первой, пришлось принять без доказательств.

Джон страдал от раны и от стыда, считая позорным получить удар от женской руки. Свои страдания он усиленно заливал крепким бурбоном, используемым в качестве анестезирующего средства. Скорчившись в тяжелом дубовом кресле, обитом красной рыбьей кожей, он сжимал в одной руке объемистую посудину с виски, а в другой — дымящуюся сигару. Речь держал Файбрас.

— Хаскинг верит в необходимость разделения белых и небелых людей. Постарайтесь понять его взгляды. Он искренне считает, что белые никогда с открытым сердцем и душой не смогут признать равными себе цветные народы — черных, полинезийцев, монголоидов и американских индейцев. Единственный путь, на котором небелые могут достичь мира, покоя и достойной жизни — путь разделения.

— Хаскинг был членом организации Черных Мусульман в период ее кризиса. Малькольм, вождь Черных Мусульман, покинул организацию. Он понял, что

был несправедлив к белым. Далеко не все белые являлись дьяволами во плоти, расистскими чудовищами; это было совсем не так. Что касается Хаскинга, то он уехал из Штатов в Алжир, и здесь он обнаружил, что источником расизма является не цвет кожи, а мировоззрение, внутренняя позиция человека.

«Едва ли это открытие является оригинальным», — подумал про себя Сэм, но не стал прерывать речь Файбраса.

— Затем начались выступления белых в Соединенных Штатах. Многие молодые люди отвергали предрассудки поколения их отцов и поддерживали черных в их борьбе. Они выходили на улицы и устраивали демонстрации в защиту негритянского населения. Они относились к черным с искренней доброжелательностью — не из чувства абстрактного долга, но потому, что черные являлись человеческими существами, а к любому человеческому существу следует питать доброжелательность и любовь.

— Хаскинг, однако, не испытывал теплых чувств к новому поколению белой американской молодежи, даже когда он пытался думать о них, как о человеческих существах. Его душа была разрушена ненавистью — так же, как и души белых американцев старшего поколения. Правда, он старался — искренне старался относиться с уважением к молодым белым, которые послали к дьяволу своих родителей и их расистское общество.

— Потом он умер — как умирают все, черные и белые. Он воскрес среди древних китайцев, которые считали себя избранным народом, главенствующим над другими расами. Жизнь среди них была для Хаскинга нелегкой.

Сэм вспомнил китайцев Невады и Калифорнии, маленьких желтокожих мужчин и женщин, поразительно работящих, тихих и покорных. Они копались в земле с утра до ночи; они таскали грузы, которые добрый хозяин не навалил бы даже на спину мула. Любой преступ-

ник, любой мерзавец мог оскорбить их; их мучили, оплевывали, насиловали, побивали камнями. Они не имели права на что-либо, не имели защитников или покровителей. И они никогда не роптали, не возмущались, они только терпели. Какие мысли скрывались за этими бесстрастными лицами? Может быть, они тоже верили в превосходство китайцев над белыми дьяволами? Почему же они никогда не отвечали ударом на удар — ни один из них? Если бы кто-то из них осмелился поступить так, его прикончили, но, по крайней мере, он умер бы как человек.

Но китайцы полагались на ход времени; время являлось их союзником. Если время не принесло удачи отцу, оно могло подарить ее сыну. Или внуку.

Файбрас продолжал:

— Наконец, Хаскинг сделал челнок и поплыл вниз по течению Реки. Преодолев много тысяч миль, он оказался среди африканских негров семнадцатого века. Эти люди были предками зулусов и до миграции на юг Африки они обитали в центральной части континента. Спустя некоторое время, он покинул их тоже. Обычаи этого племени были слишком отталкивающими, слишком кровавыми и жестокими для человека двадцатого столетия.

— Затем он жил в области, населенной белыми охотниками позднего каменного века. Эти люди хорошо приняли Хаскинга, но он искал свой собственный народ, американских негров. Итак, он двинулся дальше и попал в руки древних арабов, бежал, был обращен в рабство древними евреями, снова бежал, нашел маленькую общину американских негров, рабов времен гражданской войны, и жил с ними счастливо несколько лет. Но их рабская покорность судьбе и обстоятельствам, которую Хаскинг называл «духом дядюшки Тома», раздражали его. Он снова отправился в путь вниз по Реке и жил с разными другими народами. Наконец в один прекрасный день на страну, в которой он нашел себе очередное пристанище, напали светловолосые бе-

лолицые люди — древние германцы или викинги. Он сражался с ними — и погиб.

— Он воскрес здесь. К этому времени Хаскинг был убежден, что самыми счастливыми и благополучными странами в долине Реки являлись те, которые населяли люди с одинаковым цветом кожи, со сходными обычаями, жившие на Земле в один и тот же период времени. Он сделал еще одно заключение. Люди здесь не изменились. На Земле можно было надеяться на прогресс. Старое поколение уходило из жизни, и молодежь постепенно освобождалась от расовых предрассудков. Но здесь отсутствовали перемены. Каждый человек — или группа людей — шли по своему традиционному пути. Только по счастливой случайности Хаскинг мог найти здесь своих современников — черных и тех белых, которые отвергали расизм. Конечно, древние белые народы ничего не имели против черных; но их образ жизни является слишком странным для цивилизованного человека.

— Итак, к чему же вы пришли, мистер Файбрас? — спросил Сэм.

— Мы хотим создать страну с однородным населением. Мы не можем найти всех чернокожих американцев второй половины двадцатого века, но мы хотим, по крайней мере, собрать как можно больше черных. Мы знаем, что в Пароландо около трех тысяч негров. Мы желали бы обменять наших дравидов, арабов и прочих жителей, не относящихся к чернокожей расе, на ваших негритянских граждан. Хаскинг делал подобные предложения всем нашим соседям, но у него нет рычагов воздействия на них. Король Джон выпрямился в кресле и громко сказал:

— Это означает, что он не имеет чего-либо, что ваши соседи хотели бы получить?

Бросив на Джона холодный взгляд, Файбрас сказал:

— Да, это так. Но наступит день, когда они станут более внимательно прислушиваться к нашим просьбам.

— Вы имеете в виду — когда у вас будет достаточно стального оружия? — бросил Сэм.

Файбрас пожал плечами. Джон со стуком опустил свою пустую чашу на стол.

— Ну что ж, мы тоже не хотим ваших арабов, или ваших дравидов, или любого другого дерьма из вашего Соул Сити! — вскричал он.— Но я скажу вам, чего мы хотим! За каждую тонну бокситов или за унцию платины мы готовы давать вам одного нашего негра! Вы можете оставить у себя своих сарацинских язычников — или утопить их в Реке, это ваше дело!

— Подождите минуту,— сказал Сэм.— Мы не имеем права гнать своих граждан прочь. Если найдутся добровольцы — прекрасно. Но применять насилие мы не будем. Здесь демократическое государство.

В ответ на яростную вспышку Джона лицо Файбраса помрачнело.

— Я не имел в виду, что вы станете гнать кого-нибудь из своей страны,— сказал он.— Вам известно, что мы не рабовладельцы. Мы хотим произвести добровольный обмен — одного на одного. Племя ваххабитов, которых представляют в нашей делегации Фазхули и Абд ар-Рахман, чувствует себя нежеланными гостями в Соул Сити. Они готовы переселиться туда, где им будет дана возможность организовать собственную автономную общину.

Сэм подумал, что это звучит по меньшей мере странно. Почему бы арабам не создать свою общину в Соул Сити? Или просто не уйти от Хаскинга? Одной из прелестей этого мира была полная независимость от вещей. Все, в чем человек нуждался, он мог унести на своей спине, а построить новый дом было нетрудно в любом месте побережья, где бамбук рос со скоростью двух дюймов в день. Возможно, Хаскинг хочет внедрить своих людей в Пароландо в качестве пятой колонны, которая в нужный момент окажет ему помощь? Сэм сказал:

— Мы обсудим ваше предложение об обмене индивидуально с каждым из наших черных граждан. Это

все, что мы можем сделать. Теперь, каковы намерения мистера Хаскинга относительно поставок необходимой нам руды и древесины?

— Поставки будут продолжаться — в обмен на железо и стальное оружие,— сказал Файбрас.— Но Хаскинг думает повысить цены.

Джон грохнул кулаком по столу.

— Мы не дадим грабить себя! — заорал он.— Мы и так платим слишком много! Не пытайтесь прижать нас, Файбрас, иначе вы можете лишиться всего! Даже собственных жизней!

— Полегче, Ваше Величество,— сказал Сэм спокойно, и, обернувшись к Файбрасу, добавил: — Джон неважно себя чувствует. Пожалуйста, не придавайте значения его словам. Но кое в чем он прав. Эти споры могут завести нас слишком далеко.

Но в этот момент вскочил Абдулла и, ткнув пальцем в сторону Сэма, сказал:

— Вы, хонки, прекратите угрожать нам! Мы не потерпим оскорблений от вас, Мистер Белый! Нет! Особенно от человека, который написал книгу, где черных называют ниггерами! Нам не нравятся белые расисты, и мы не желаем иметь с ними дела!

— Успокойся, Абдулла,— сказал Файбрас, коснувшись ладонью плеча негра.

Сэм издал звук, похожий на стон, и спросил:

— Вы читали «Гекльберри Финна», мистер Абдулла?

Абдулла, фыркнув, сказал:

— Я не читаю всякий хлам.

— Тогда вы не знаете, о чем вы говорите, не так ли?

Лицо Абдуллы потемнело. Файбрас усмехнулся.

— Я не имел желания читать этот расистский бред! — вскричал Абдулла.— Хаскинг говорил мне о вашей книге — и этого для меня вполне достаточно!

— Тогда сначала прочитайте ее, и мы вернемся к обсуждению этой темы!

— Вы издеваетесь надо мной? — сказал Абдулла.— Вам, что, неизвестно об отсутствии книг в этом мире?

— Ну что ж, значит вы навсегда потеряли возможность прочитать мою книгу,— сказал Сэм, стараясь сохранить спокойствие. Беседы с черными в подобном тоне были для него непривычны.— Во всяком случае, мои книги не относятся к тому сорту литературы, который можно обсуждать за чаем и выпивкой. Давайте обратимся к нашим спорным вопросам.

Но Абдулла продолжал распространяться о расистских книгах, которые написал Сэм. Наконец Джон, потеряв терпение, вскочил и рявкнул:

— Заткнись, неграсо!

Джон произнес эту фразу на эсперанто, добавив к слову негро (черный, негр) уничижительную частицу «ас». Всем было ясно, что он хотел сказать.

На мгновение все замерли, шокированные. Абдулла застыл с открытым ртом, затем захлопнул его и огляделся вокруг. Он выглядел почти триумфатором — похоже, он своего добился. Файбрас сурово сжал губы. Джон, упираясь в стол стиснутыми кулаками, нахмурился. Сэм выпустил клуб дыма из своей сигары. Он знал меру презрения Джона к людям — к каждому из них и всему человечеству в целом — и его способность изобретать оскорбительные слова. Джон не имел расовых предрассудков; за всю свою жизнь на Земле он видел не более полудюжины черных. Но он прекрасно знал, каким образом лучше всего оскорбить человека; это знание было его второй натурой.

— Я ухожу! — заявил Абдулла.— Я отправляюсь домой — и я готов держать пари на белоснежный цвет вашей кожи, мистер Джонни, что больше вы не увидите ни платины, ни алюминия.

Сэм поднялся на ноги и сказал:

— Подождите минуту. Если вы хотите извинений, я приношу их вам от лица всей страны.

Абдулла бросил взгляд на Файбраса. Тот равнодушно изучал потолок. Тогда Абдулла сказал:

— Я хочу извинений от него — и немедленно!

И он показал на короля Джона. Сэм наклонился к Джону и тихо сказал:

— Слишком многое сейчас поставлено на карту, чтобы изображать гордого монарха, Ваше Величество. Кроме того, возможно, что вы — с вашими припадками ярости — являетесь просто игрушкой в их руках, деталью хорошо разработанного плана. Они что-то замышляют, готов держать пари. Проявите выдержку и извинитесь!

Джон нахмурился и заявил:

— Я не приношу извинений вульгарным простолюдинам — тем более этой языческой собаке!

Сэм хмыкнул и воздел к небу руки:

— Когда же ваша твердолобая ланкастерская голова смирится с мыслью, что тут не существует таких понятий, как королевская кровь и божественное право монарха делать все, что заблагорассудится? Что здесь мы все — простолюдины? Или все — короли?

Джон не ответил. Он встал и вышел из комнаты. Абдулла посмотрел на Файбраса и тоже двинулся к выходу.

— Ну, мистер Файбрас, что же дальше? — спросил Сэм.— Вы и ваши люди отправитесь домой?

Файбрас покачал головой.

— Нет, я не сторонник поспешных решений. Но наши переговоры придется приостановить до тех пор, пока Джон Ланкастер не принесет надлежащих извинений. Я даю вам время до завтрашнего полудня, чтобы вы решили этот вопрос.

Файбрас двинулся к выходу.

— Я поговорю с Джоном,— сказал Сэм,— но он упрям, как миссурийский мул.

Файбрас остановился.

— Меня беспокоит, что наши переговоры могут быть свернуты из-за того, что один человек не может сдержать свой язык,— сказал он.— И я не стремлюсь к

осложнениям в нашей торговле, которые могут помешать строительству вашего Корабля.

— Вы заблуждаетесь, мистер Файбрас,— ответил Сэм.— Я не хотел бы угрожать, но предупреждаю — меня ничто не остановит. Я получу алюминий — даже если для этого мне придется выгнать Джона из этой страны или явиться к вам в Соул Сити с целым войском.

— Я понимаю вас,— кивнул Файбрас.— Но вы не хотите понять, что Хаскинг не собирается применять силу. Оружие нужно ему не для нападения, а для защиты. Он хочет, чтобы граждане нашей страны спокойно наслаждались жизнью в хорошо охраняемом государстве. И они будут получать удовольствие от жизни, потому что все они имеют одинаковые обычаи и одинаковые цели. Словом, все они будут являться черными.

— Ну, что ж...— протянул Сэм. Он помолчал минуту и затем, прежде, чем Файбрас направился к выходу, сказал: — Простите, мистер Файбрас... вы читали «Гекльберри Финна»?

— Конечно. Когда я был ребенком, я считал ее одной из величайших книг в мире. Потом уже обучаясь в колледже, я снова перечитал ее. Тогда я был взрослым и мог видеть ее недостатки, но, несмотря на это, я получил огромное наслаждение.

— Возмущает ли вас то, что я называю Джима ниггером?

— Вы должны вспомнить, что я родился в 1975 году на ферме вблизи Сиракуз, штат Нью-Йорк. В те времена жизнь сильно изменилась и эта ферма была собственностью еще моего пра-пра-прадеда. Он бежал из Джорджии в Канаду, работал на строительстве железной дороги, после Гражданской войны, вернулся в Штаты и завел ферму. Нет, я не в претензии на вас за то, что вы используете это слово. Негров открыто называли нигтерами в те времена, когда вы писали свою книгу, и белые не видели в этом ничего особенного. Хотя это слово было оскорбительным. Но вы изображали

людей и их речь такими, какими они были в действительности. Я понимаю этическую основу вашего романа. Гек колеблется между требованиями гражданского долга и отношением к Джиму как к человеческому существу — и это последнее чувство побеждает. Вся ваша книга была обвинением рабству, обвинением феодальному обществу Юга — это ясно каждому глупцу. Почему же я должен упрекать вас за это?

— Тогда почему...

— Абдулла — его настоящее имя Джордж Роберт Ли — родился в 1925 году, а Хаскинг родился в 1938. Черные были тогда грязными ниггерами для большинства белых — правда, не для всех. Черные считали, что только с помощью насилия можно добиться гражданских прав — это стало основой их мировоззрения в те годы. Вы умерли в 1910, не правда ли? Но, по-видимому, вы встречали много людей, которые могли рассказать вам, что случилось потом?

Сэм кивнул.

— В это трудно поверить. Насилие и бунты ничего не дали. Чтобы решить эту проблему должны были произойти изменения в обществе. Мне до сих пор трудно представить жизнь в конце двадцатого века — ее раскрепощенность и свободу.

Файбрас рассмеялся и сказал:

— Сейчас вы живете в обществе, которое, с точки зрения девятнадцатого века, является еще более раскрепощенным и свободным. Тем не менее вы адаптировались.

— Полагаю, что да,— ответил Сэм.— Но две недели полной наготы в первые дни после Воскрешения доказали, что люди никогда уже не станут прежними. В том, что касается наготы, во всяком случае. Кроме этого, сам неоспоримый факт Воскрешения опрокинул множество застывших концепций и устаревших взглядов. Хотя среди нас все еще хватает твердолобых упрямцев — вроде ваших мусульман — ваххабитов.

— Скажите мне, мистер Клеменс, — произнес Файбрас. — Вы были либералом, человеком, во многом опередившим свое время. Вы протестовали против рабства и были сторонником всеобщего равенства. И когда вы создавали Великую Хартию Пароландо, вы провозгласили политическое равенство для всех наций, рас и обоих полов. Я заметил, что недалеко от вашего дома живет пара — черный мужчина и белая женщина. Скажите честно, вас не возмущает это зрелище?

Сэм выпустил клуб густого дыма и задумчиво погладил подбородок.

— Если быть честным — да, возмущало. Это непривычно для меня. По правде говоря, это почти убивало меня! Мои мысли, логика — и мои чувства — это две совершенно различные вещи! Но я не хватался за ружье, я ничего не говорил, я старался быть вежливым с этой парой и жаждал полюбить их всем сердцем. И теперь, спустя год, это мне почти удалось.

— Различия между вами — представителем белых либералов — и молодежью времен Хаскинга и моих нас не беспокоит. Они существуют, эти различия, но мы готовы с ними примириться.

— Похоже, однако, что вы с Хаскингом не слишком-то верите в мои благие намерения.

— Держите курс, старина, — сказал Файбрас, переходя на свой невообразимый английский. — Два градуса в сторону лучше, чем разворот на девяносто. Засеките это.

Он вышел. Сэм остался один. Долгое время он сидел в раздумье, затем поднялся и вышел наружу. Первым человеком, которого он встретил, был Герман Геринг. Его голова еще была забинтована, но бледность уже исчезла с лица, и глаза блестели ярче.

Сэм спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Еще неважно. Но я уже могу ходить, не спотыкаясь на каждом шагу.

— Мне не нравится смотреть на человеческие страдания, — сказал Сэм. — И я полагаю, что вы можете избежать еще больших страданий, если не смерти, если покинете Пароландо.

— Вы изгоняете меня?

— Только не по собственной инициативе. Но здесь достаточно раздраженных на вас людей, которые готовы при случае запустить камнем в вашу голову или утопить в Реке. Вы всем надоели со своими проповедями. Это государство основано для решения одной главной задачи — строительства Корабля. Правда, тут имеются законы, гарантирующие безопасность граждан. Но тут есть также люди, готовые иногда нарушить закон — и, по правде говоря, я не могу винить их за это. Я полагаю, что вы выполните свой христианский долг и избавите их от искушения. Таким образом, вы перестанете побуждать добродетельных мужчин и женщин к насилию.

— Я не христианин, — сказал Геринг.

— Я восхищаюсь человеком, который сам признал это. Думаю, что ни разу в жизни я не встречал проповедника, который говорит откровенно подобные вещи.

— Мистер Клеменс, — сказал Геринг, — я читал ваши книги, когда я был молодым человеком — сначала на родине, в Германии, потом — в Англии. Но шутки и ирония неуместны в тех обстоятельствах и в том месте, где мы все сейчас пребываем. Я не христианин, хотя, согласен, я разделяю лучшие идеи христианства. Я — миссионер Церкви Второго Шанса. Все земные религии дискредитированы, даже если кто-то не желает признавать очевидных фактов. Наша Церковь является первой религией, возникшей в новом мире, единственной, которая имеет надежду выжить. Это...

— Избавьте меня от лекции, — прервал его Сэм. — Я наслушался их достаточно от вас и ваших помощников. Я хочу только сказать, что, движимый дружелюбием и желанием спасти вас от суровой участи, я сове-

тую вам покинуть мою команду. Как можно быстрее. Иначе вы будете убиты.

— Тогда я восстану завтра на рассвете где-нибудь в другом месте и буду проповедовать Правду там, где я окажусь. Человек, который убивает одного из нас, только помогает разнести Правду дальше — как ветер разносит семена одуванчика. Гибель и смерть распространяют нас вверх и вниз по Реке быстрее, чем любое путешествие — пешком или по воде.

— Поздравляю вас с этим,— сказал Сэм, переходя на английский, как всегда он делал в минуты раздражения.— Но скажите, разве вас не беспокоят часто повторяющиеся убийства ваших миссионеров? Не опасаетесь ли вы утратить тело?

— Что вы имеете в виду?

— Ваши догматы, что же еще?

Сэм не заметил реакции собеседника, кроме удивленного взгляда, и перешел снова на эсперанто.

— Один из ваших главных догматов, если не ошибаюсь, заключается в том, что люди не воскресают бесконечно. Человеку дано ограниченное время для возрождения, хотя для многих оно может оказаться очень большим,— особенно, если они окажутся несчастливыми здесь. Вы постулируете нечто подобное душе, что-то, что вы называете психоморфом, не так ли? Или нечто, аналогичное Ка древних египтян. Вы должны были ввести такое понятие, иначе вы не могли объяснить сохранение человеческой личности. А без этого человек, который умер, является мертвым, даже если тело воспроизведено в точности и снова стало живым. Это второе тело — только дубликат, репродукция. Обитающий в нем несчастный имеет мозг и память умершего человека и думает, что он и является этим человеком. Но это не так. Он только живая копия. Первый человек умер.

— Чтобы решить эту проблему, вы изобрели душу — или психоморф, называйте ее как хотите. Эта сущность рождается вместе с телом, сопровождает его, ре-

гистрирует и накапливает все знания, жизненные обстоятельства и события, происходящие с телом. Затем, когда плоть умирает, Ка продолжает свое существование. Оно витает в некотором четвертом измерении, недоступном глазам и приборам человека. Я все излагаю правильно?

— Довольно близко к истине,— сказал Геринг.— Грубо, но вполне удовлетворительно.

— Тогда продолжим,— произнес Сэм, выпуская облачко зеленоватого сигарного дыма.— Итак, мы имеем — точнее, вы имеете — в наличии душу, душу христианина, мусульманина и так далее в качестве основного постулата. Однако вы утверждаете, что эта душа не отправляется в ад и не возносится на небеса. Она переселяется в некий четырехмерный континуум. Она пребывала бы там вечно, если бы не вмешательство других существ — гипотетических инопланетян, цивилизация которых гораздо древнее земной. Эти сверхсущества появились на Земле еще тогда, когда на нашей планете не было разума. По-видимому, они наблюдают за каждой планетой во вселенной, на которой может появиться разумная жизнь.

— Вы выражаете эту мысль не так точно, как мы,— сказал Геринг.— Мы утверждаем, что в каждой галактике имеется одна — или, возможно, несколько древних обитаемых планет. Подобные вещества есть и в нашей галактике; может быть, они зародились тут или переселились из вселенной, погибшей в незапамятные времена. Во всяком случае, они неизмеримо мудры и предвидели, что на Земле возникает разумная жизнь. Они оставили на нашей планете приборы, которые должны были улавливать и накапливать сущности разумных созданий.

— В определенное время Древние, как мы их называем, переслали все сущности в некоторое место. Здесь умершие были вновь облечены плотью с помощью энергоматериальных конверторов и восстали, молодые и здоровые, для новой жизни.

— Психоморфы, или Ка, сохраняются Древними в некоторых протоплазменных образованиях, имеющих связь с каждым человеком. Когда изготовлено новое тело, Ка передается в него и человек начинает жить. Если тело уничтожено и восстановлено сотни раз, Ка все еще хранит личность человека, его сознание и память о всех воплощениях. Таким образом, дело вовсе не сводится к последовательному созданию копий. Индивидуальность человека полностью сохраняется путем записи всего, что с ним произошло, в сгустке протоплазмы, сохраняющем его Ка.

— Но! — воскликнул Сэм, делая резкий жест в сторону проповедника.— Но! Вы утверждаете, что человек не может быть убит и воскрешен бесконечное число раз. Вы говорите, что после сотни-другой воскрешений смерть наступит окончательно и необратимо. Повторяющиеся акты гибели ослабляют связь между телом и его Ка, и наконец Ка не может слиться с очередным дубликатом тела. Ка отторгается навсегда и уносится прочь, чтобы вечно блуждать призраком в лабиринте четвертого измерения — или в ином астральном пространстве. Оно становится привидением, затерянной душой.

— Да, действительно, это — важнейший постулат нашей веры,— сказал Геринг.— Или, точнее говоря, нашего знания, как мы знаем, что это — правда.

Сэм иронически поднял брови.

— Действительно? Знаете?

— Да. Наш Основатель удостоился слышать Правду спустя год после Воскрешения, через год после того, как все человечество восстало от смерти. Он молился ночью на высоком горном уступе, прося Откровения, и к нему пришел человек. Этот человек сказал ему некоторые слова и показал некоторые вещи, которые не мог сказать и показать земной смертный. Этот человек был посланником Древних; он открыл Основателю Правду и велел ему идти к людям и проповедовать доктрины нашей церкви.

— В действительности, название «Второй Шанс» является неудачным,— продолжал проповедник.— На самом деле, это — наш Первый Шанс, потому что мы никогда не имели на Земле возможности для спасения и вечной жизни. Но существование на Земле являлось необходимой прелюдией к этому Речному Миру. Создатель сотворил вселенную, и затем Древние начали миссию предохранения всех мыслящих во вселенной. Они предохраняют! Но спасение — только в руках самих мыслящих!

— Мы признаем истиной, что только человек может сам спасти себя — и теперь он получил для этого возможность!

— Несомненно, связанную с Церковью Второго Шанса, я полагаю,— сказал Сэм. Он не хотел иронизировать, но не мог удержаться.

— Мы верим в это,— серьезно ответил Геринг.

— Предъявил ли этот таинственный пришелец какие-нибудь верительные грамоты? — спросил Сэм. Он подумал о своем Таинственном Пришельце и сомнение коснулось его сердца. Могли ли эти двое быть одной и той же личностью? Или, возможно, они оба относятся к той расе существ, которую Икс называл этиками? Его Пришелец, человек, который послал сюда железный метеорит и который, по-видимому, проложил тайную дорогу к Туманному Замку, пройденную Джо Миллером, был предателем среди этиков. Если только он говорил правду.

— Верительные грамоты? — сказал Геринг.— Бумаги от Бога?

Он рассмеялся.

— Основатель понял, что посетившее его существо не было простым человеком; это создание знало о нем такие вещи, которые доступны только Богу. И пришелец кое-что показал ему — чтобы укрепить его веру. Он рассказал Основателю, каким образом люди были возвращены к жизни и зачем это было сделано. Но он

не сказал всего. Некоторые вещи будут объяснены позже. А кое-что мы должны найти сами.

— Как зовут вашего Основателя? — спросил Сэм. — Или вы не можете сказать? Это одна из ваших тайн?

— Никто не знает этого, — ответил Геринг. — И нет никакой необходимости знать его имя. Какой в нем смысл? Он сам называл себя Вирой — на эсперанто это означает «человек». От латинского слова «вир». Мы зовем его Ла Фондино, Основателем или Ла Виро, Человеком.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Нет, но я знал двух человек, которые видели его. Один из них был рядом с Виро, когда он начал свои проповеди — спустя семь дней после того, как его посетил Древний.

— Этот Виро — он мужчина? Не женщина?

— О, да!

Сэм глубоко вздохнул и облегченно сказал:

— Для меня это имеет огромное значение. Если бы ваш Основатель оказался миссис Мери Бейкер Эдди, я немедленно бы покончил с собой.

— Почему?

— Не стоит вашего внимания, — усмехнулся Сэм. — Когда-то я написал о ней книгу. Я не хотел бы встретиться с ней; она, несомненно, оскальпировала бы меня живьем. Но некоторые таинственные вещи, о которых вы толкуете, напоминают мне эту леди.

— Кроме понятия о Ка, все наше учение основано на физике. Впрочем, и Ка также является физической субстанцией. Мы верим, что только наука — великая наука Древних — позволила физически воскресить нас. Тут нет ничего сверхъестественного — кроме нашей веры в Создателя, конечно. Все остальное — наука.

— Вроде науки Мери Бейкер Эдди? — спросил Сэм.

— Я ничего не знаю о ней.

— Итак, как же мы достигнем спасения?

— Став любящими. И не применяя насилия даже для самозащиты. Мы верим, что только через любовь можно достигнуть некоего трансцендентного состояния и полного самосознания. Для чего, в частности, нужно правильно использовать Жвачку Сновидений; огромное большинство людей не знает этого. Человек злоупотребляет наркотиком — так же, как он привык злоупотреблять прочими вещами.

— И вы сами стали любящим — что бы ни означало это выражение?

— Еще нет. Но я добьюсь этого.

— С помощью Жвачки?

— Не только. Она всего лишь является подсобным средством. Однако замечу вам, что вы тоже проповедуете свою религию и свою веру. Но она не учит любви. Она обрекает людей на ненависть и причиняет им беспокойство.

— Так вот почему вы против строительства Корабля! Вы считаете, что мы зря тратим свое время?

— Ваша цель не принесет добра. Во имя ее вы опустошили землю, заставили людей тяжко трудиться и проливать кровь. Ненависть, ненависть, ненависть! И во имя чего? Чтобы вы могли обладать тем, чего нет еще ни у кого — огромным металлическим кораблем с электрическими двигателями, вершиной технологических достижений этой планеты, кораблем глупцов! Положим, вы отправитесь в путешествие к истоку Реки. Положим, вы достигнете его. И что тогда? Вы должны путешествовать к истоку своей души!

— Существуют вещи, о которых вы не знаете и не можете судить,— сказал Сэм хрипло. Его убежденность была поколеблена внезапным видением. Он представил скорчившегося в темноте дьявола, нашептывающего в его ухо. Но кто-то скорчившийся в темноте, шептал также в ухо Основателя этой нелепой Церкви. Было ли это создание дьяволом? Существо, которое пришло к нему, Сэмюэлю Клеменсу, сказало, что ос-

тальные его собратья являлись злобными дьяволами, и что оно хочет спасти людей.

Дьявол должен был сказать что-то подобное этому, несомненно.

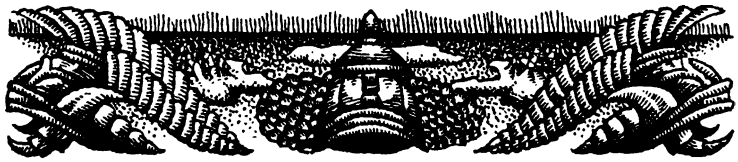
— Могу я надеяться, что мои слова коснулись вашего слуха? — осторожно спросил Геринг.

— Да. И в результате этого касания у меня разболелся живот.

Геринг стиснул кулаки и сурово сжал губы.

— Следите за собой, вы рискуете растерять свою любовь,— сказал Сэм и пошел прочь.

Но он не ощущал себя триумфатором. У него действительно заболел живот. Несокрушимое невежество всегда огорчало его, и все, что он мог сделать — только посмеяться над ним.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Наступил полдень следующего дня. Сэм Клеменс и Джон Ланкастер спорили все утро. Наконец Сэм, потеряв терпение, сказал:

— Мы не можем допустить, чтобы Хаскинг лишил нас бокситов! Мы не можем допустить остановку строительства Корабля! Вы делаете все, чтобы вызвать войну между нами и Соул Сити! Это опасный путь, Ваше Величество!

Сэм шагал взад и вперед по комнате своего восстановленного дома, яростно жестикулируя. Джон сидел, облокотившись о круглый дубовый стол, по-прежнему украшавший «капитанскую рубку». Джо Миллер развалился в углу комнаты в огромном кресле, специально изготовленном для него. Массивная фигура Закскромба, гигантского древнего монголоида, возвышалась за спиной Джона.

Внезапно Сэм грохнул обоими кулаками по дубовой крышке стола. Наклонившись вперед, с сигарой, свисавшей из угла рта, он уставился на Джона налитыми кровью глазами и закричал:

— Вы поклялись соблюдать наши законы, когда подписывали Великую Хартию! Вы клялись на кресте, что будете уважать закон! Ну, ладно, король Джон, Ваше Величество! Если вы не извинитесь перед Абдуллой, я созову экстренное заседание Совета и поставлю вопрос о вашем пребывании на посту консула Паролландо!

Целую минуту Джон сердито разглядывал Сэма. Затем он пожал плечами и сказал:

— Эти угрозы меня не пугают. Но они доказывают, что вы скорее ввергнете нашу страну в пожар гражданской войны, чем допустите военный поход на Соул Сити. Я не понимаю этого безумия, но, как человек здравомыслящий, вынужден считаться с обстоятельствами. Итак, я готов извиниться. Почему бы нет? Король может быть вежливым даже с простолюдином. Ведь это ничего не стоит.

Джон поднялся и вышел, сопровождаемый своим молчаливым телохранителем.

Десятью минутами позже Сэм наблюдал, как Джон принес свои извинения. Абдулла принял их, не сказав, правда, ни слова. Это доказывало, что ему были даны соответствующие распоряжения.

Перед тем, как гудки фабрик подали сигнал об окончании перерыва на ленч, пришел Айзи Кабер. Он сел, не дожидаясь приглашения Сэма. Сэм удивленно поднял брови — такое случилось впервые за все время его знакомства с Кабером. В поведении негра было что-то неуловимое, с ним явно происходили какие-то изменения. Тщательно наблюдая за собеседником, Сэм понял, что этот бывший раб решил больше не быть рабом.

Кабер знал, что он назначен посланником в Соул Сити. Он сидел наклонившись вперед, огромные черные руки лежали на подлокотниках кресла. Негр говорил на эсперанто, но, как многие люди, часто путал глагольные времена и вставлял английские слова.

В Пароландо было около трех тысяч чистокровных негров (некоторые затруднения с определением расы возникали в случае представителей доисторических народов). Треть из них согласилась переселиться в Соул Сити — в обмен на граждан, которых Хаскинг рассматривал как нежелательных. Большинство из этой тысячи составляли американские негры конца двадцатого столетия. Остальные, решившие остаться, заявляли, что им нравится работа, позволяющая находиться на рав-

ной ноге с белыми, и что они не хотят потерять шанс попасть в команду Корабля.

Сэм подумал, что последняя причина была, очевидно, наиболее весомой. Не только он видел чудесные сны о гигантском сказочном Корабле. Корабль плыл в мыслях многих идей, подобно прекрасной драгоценности, свято лелеемой мечте.

Файбраса и его людей снова пригласили в комнату переговоров. Файбрас пришел последним — он увлеченно изучал конструкцию аэроплана. Он отпустил несколько добродушных шуток по поводу медлительности и необычного вида летательного аппарата. Но было заметно, что он завидовал фон Ритгофену, который вскоре поднимается на этой машине в воздух.

— Не огорчайтесь,— сказал Сэм,— у вас тоже будет возможность полетать. Конечно, при условии, что вы немного задержитесь у нас.

Файбрас снова стал серьезным.

— Итак, джентльмены, какое вы приняли решение по поводу предложений моего правительства?

Сэм взглянул на Джона; тот согласно кивнул.

— Тут демократическое государство,— начал Сэм,— и мы не можем предложить нашим гражданам убираться прочь — если только их поведение не представляет опасности для общества. Таким образом, мы решили, что любой гражданин Пароландо может переселиться в Соул Сити только руководствуясь собственным желанием. Вашему правительству предоставляется право вести переговоры по этому поводу с любым жителем Пароландо. Что касается ваших арабов и дравидов, то мы готовы предоставить им возможность проживания в нашей стране. Однако за нами сохраняется право отказать любому из них,— если он не согласен работать и соблюдать законы Пароландо. Куда они пойдут в таком случае — их дело.

— Хорошо,— кивнул Файбрас.— Я полагаю, Хаскингу не нужны люди, какими бы черными они ни были, которые не хотят жить в Соул Сити.

— Теперь поговорим о поставках сырья,— продолжал Сэм.— Будут ли они продолжаться в течение наших переговоров?

— Не могу сказать определенно,— ответил Файбрас.— Полагаю, что да, но я должен посоветоваться с Хаскингом. Но, конечно, вы должны продолжать поставки нам железа и оружия по установленной на настоящий момент цене, пока она не будет поднята.

— Я заметил, что вы сказали «будет поднята», а не «возможно, будет поднята»,— сказал Сэм.

— Все, что я говорю, будет еще подтверждено — или опровергнуто — правительством Соул Сити,— заявил Файбрас, усмехнувшись.

Сэм заметил, что Файбрас не стремится торопить события. По-видимому, он хотел оставаться в Пароландо как можно дольше. У Сэма появилось подозрение, что их гость желает получить максимум информации о положении в стране и ее технических успехах. Это вселяло определенное беспокойство.

Позднее он обсудил этот вопрос с Джоном. Тот заметил, что Файбрас может и является шпионом, но, по мнению экс-короля, причин для беспокойства не было.

— Им выгодно, чтобы Корабль был построен как можно быстрее,— сказал Джон.— Чем скорее это произойдет, тем скорее Хаскинг попытается захватить его. Или вы сомневаетесь, что Хаскинг попробует заполучить Корабль? Артур слишком поторопился с нападением, но он ненавидел меня. Ему следовало подождать, пока Корабль будет полностью готов, а затем навалиться на нас вместе с Клеоменом и ульмаками. Но Артур ошибся. Теперь он и Клеомен мертвы, а Иэясу вторгся в их страны.

— Наши разведчики сообщают, что нападение Иэясу имело успех,— сказал Сэм.

— Если он объединит свое государство с Клеоменой и Новой Британией, то станет очень опасным врагом.

«Таким же опасным, как и ты, Джон Ланкастер,— подумал Сэм.— Из всех людей, с которыми я имел де-

ло за последний год, за тобой нужно присматривать наиболее тщательно».

Файбрас заявил, что он, вместе со своей делегацией, готов задержаться в Пароландо для проведения более детальных переговоров.

— Что ж, прекрасно,— сказал Сэм.— Однако у меня есть один вопрос.

— Какой же?

— Нам известно, что Соул Сити имеет собственную промышленность. Вы используете наше железо, чтобы делать оружие и еще кое-какие вещи, согласно донесениям наших шпионов.

Файбрас выглядел удивленным; наконец, он коротко рассмеялся.

— Вы перегибаете палку, приятель! — сказал он на английском. Затем продолжил на эсперанто.— Впрочем, почему бы нам не поговорить откровенно? Это мне нравится. Да, мы знаем, что в Соул Сити есть ваши шпионы — так же, как вам известно, что здесь находятся наши. Кто же не имеет разведчиков в землях своих соседей? Итак, о чем вы захотели меня спросить?

— В техническом отношении вы — наиболее компетентный из всех людей Хаскинга. Вы — доктор физики. В Соул Сити вы отвечаете за промышленное развитие страны. Вы нужны там — и тем не менее Хаскинг послал вас сюда.

— Я так наладил производство, что оно двигается достаточно гладко. Сейчас нет необходимости в моем постоянном присутствии в Соул Сити и мне стало скучно. Я сам захотел отправиться в вашу страну.

— Итак, вы решили увидеть своими глазами наши ружья, наш аэроплан и амфибию с паровой пушкой?

Файбрас усмехнулся и кивнул:

— Да, конечно. Мне интересно взглянуть на все это.

Сэм колебался. Наконец, он сказал:

— Ладно, вы можете смотреть все, что хотите. Вы не увидите ничего такого, что не могли бы сами спроектировать — может быть, только исключая паровое ору-

дие. Это — мое изобретение. Пойдемте со мной, я покажу его вам. Оно уже почти закончено.

«Огненный дракон» еще окружал частокол бревен, поддерживающих корпус амфибии. Вездеход походил на небольшое судно, но с обеих сторон его корпуса располагалось по семь огромных колес с пластмассовыми шинами. Длина амфибии составляла тридцать футов — при десяти футах ширины и двенадцати — высоты. На верхней палубе возвышались три башенки. Первая предназначалась для водителя, капитана и связиста (хотя пока в Пароландо еще не было радио). Центральная башенка была выше других; из нее торчал короткий и толстый орудийный ствол. В задней предполагалось разместить стрелков с ружьями «Марк-1».

— Внутри вездехода установлен паровой котел, топливом для которого служит древесный спирт,— сказал Сэм.— Давайте войдем внутрь через этот люк. Обратите внимание, что котел занимает почти треть помещения. Как вы сейчас поймете, такой мощный котел является совершенно необходимым.

Они вскарабкались по трапу в центральную башенку, которая освещалась электрической лампочкой. Файбрас издал удивленное восклицание. Это была единственная электрическая лампа в долине Реки — он не сомневался в этом. Сэм объяснил, что источником электроэнергии служит батарея.

— Теперь посмотрите сюда,— сказал он.— Вот Сверхскорострельное Паровое Орудие моей конструкции.

Файбрас коснулся рукой металлического кожуха, форма и очертания которого напоминали пулемет времен первой мировой войны. Внизу кожуха торчала рукоятка, напоминавшая пистолетную, перед которой находился спусковой крючок. Вся конструкция была закреплена на массивной вертикальной трубе, позволяющей поворачивать ствол орудия. Файбрас положил ладонь на рукоятку и несколько раз поднял и опустил ствол.

— Здесь будет находиться кресло для стрелка,— продолжал Сэм.— Он сможет поворачивать башню в любую сторону с помощью ножных педалей.— По вертикали ствол можно поднять или опустить на двадцать градусов. Пар высокого давления, поступающий из котла, позволяет метать пластмассовые снаряды восьмидесятого калибра, содержащиеся в этой обойме. Пушка буквально поливает огнем противника. Собственно, это единственный способ ее эффективного использования, так как точность попадания легких пластмассовых снарядов, летящих со сравнительно небольшой скоростью, невелика.

Файбрас внимательно изучал конструкцию, прислушиваясь к техническим пояснениям Сэма. Наконец, он поднял голову и сказал:

— Это впечатляет, старина!

Инженер не казался обеспокоенным демонстрацией военной мощи Пароландо. Вероятно, Файбрас считал, что сможет построить подобную машину для Соул Сити.

Возбуждение, охватившее Сэма при показе его смертоносного изобретения, исчезло. Он подумал, что если Хаскинг начнет интенсивно вооружаться, разгром Соул Сити и прямой захват месторождения бокситов станут неизбежной мерой. Это означало, что строительство Корабля придется отсрочить. И это означало также нанесение удара еще по двум государствам — Публии и Тайфане, лежавшим между Пароландо и Соул Сити. Если все эти страны объединятся, то они будут представлять значительную угрозу. Каждая из них покупала в Пароландо стальное оружие в обмен на свою древесину или минералы.

Эти мысли мучили Сэма несколько дней, но действительность оказалась еще хуже. Иэясу завершил покорение земель своих соседей и направил посольство в Пароландо. Он не выдвигал требований, которые принципиально не могли быть приняты. Он только сообщил, что его страна уже потеряла много деревьев и нужно дать им время снова вырасти. Но, если Пароланд-

до увеличит поставки оружия, он готов платить за них древесиной, которую его войско может захватить в соседних областях. Например — за Рекой.

Итак, дело дошло до того, что Сэм мог нанять Иэясу для организованного грабежа древесины в любом ближайшем месте речной долины. Подобный способ был, несомненно, дешевым и совершенно безболезненным для жителей Пароландо, которые избавляли себя от грязной работы.

Король Джон считал предложение Иэясу превосходным.

— Наши фабрики могут легко увеличить выпуск холодного оружия,— сказал он.— Мы будем торговать им по хорошей цене — и, одновременно, построим целый флот «Огненных Драконов». Тогда мечи и копья, которые мы даем соседям, не будут представлять угрозы для нас.

— Но когда же мы начнем строительство Корабля? — с тоской спросил Сэм.

• • •

Никто не мог дать ему ответ. Но прошло еще несколько дней и его главные инженеры — Ван Бум, Величко и О'Брайен — принесли ему первые чертежи. Они были выполнены на пластиковых листах специальными магнитными ручками, что позволяло легко править наброски.

Файбрас сказал, что хотел бы принять участие в строительстве Корабля. Разрешение было дано, хотя Джон вначале сильно упирался. Сэм заявил, что чем большее количество инженеров окажут им помощь, тем быстрее будет построен Корабль. И он не видит, каким образом знания Файбраса — сколь бы обширными они ни были — могут помочь ему похитить огромное судно. Однако Сэм не сказал, что у него появился новый план относительно Файбраса. Он хотел настолько вовлечь инженера в дела строительства, чтобы тому показалось

совершенно естественным предложение занять место среди команды Корабля.

Станки, необходимые для изготовления громоздких деталей корпуса, были уже готовы. Неделей позже закончились работы на дамбе и воды Реки заполнили обширный котлован.

Завершалась намотка алюминиевой проволоки на роторы генераторов, которые предполагалось установить на дамбе. Действующий макет батакайтора предполагалось запустить через месяц — если хватит сырья и материалов.

С севера пришли новые вести. Пятьсот миссионеров Церкви Второго Шанса попросили убежища в Пароландо. Иэясу изгнал их из своего нового государства, угрожая страшными пытками, если они осмелятся вернуться назад. Это сообщение пришло к Сэму с опозданием — он целые дни пропадал на дамбе.

Миссионеры, уже вступившие на территорию Пароландо, отказались уйти, получив приказ Джона. Когда Джон Ланкастер услышал это, он угрюмо усмехнулся и пробормотал свое излюбленное проклятье:

— В пасть дьявола их!

На дамбе Сэм наблюдал за закладкой в стены нескольких тонн взрывчатки. Это был последний трюк — последняя самоубийственная хитрость, которую он готовил на случай успешного вражеского вторжения.

Фон Риттофен, запыхавшийся от бега по холмам, сообщил Сэму о приближении миссионеров и их отказе убраться за границы страны. Он ничего не сказал о Джоне.

Сэм велел Лотару передать миссионерам, что он навестит их вечером. Пока же пришельцы должны были ждать его, не удаляясь более чем на двадцать ярдов от грейлстоуна, у которого они расположились. Минуту Сэм боролся с искушением послать солдат с приказом выдворить эту орду за границу Пароландо — и, если понадобится, не жалеть зуботычин и бамбуковых палок. Он был разгорячен, покрыт потом и цементной

пылью, и в этот момент сторонники Церкви Второго Шанса были ему особенно антипатичны.

Грохот камней и железных балок, которыми обкладывали камеры для взрывчатки, крики людей, шум воды, падающей в котлован с бетонных желобов плотины, заглушили звуки стрельбы, начавшейся через полчаса. Сэм не знал ничего, пока фон Ритгофен снова не прибежал к нему, размахивая руками и что-то громко крича.

Сэм почувствовал, как у него отнялись руки и онемел язык. Джон велел проверить ружья, «Марк-1», на толпе миссионеров. Сотня стрелков перебила пятьсот мужчин и женщин за три минуты. Джон сам стрелял раз десять и использовал все свои снаряды, чтобы добить раненых.

Пощадили только около тридцати женщин, наиболее хорошеньких. Их отвели во дворец Джона.

• • •

С расстояния мили Сэм увидел большую толпу, собравшуюся вокруг грейлстоуна. Он послал Лотара вперед, чтобы тот расчистил путь. Толпа расступалась перед ним, открывая дорогу к груде нагих мертвых тел. Они были свалены друг на друга подобно говяжьим тушам, покрытые кровью, с переломанными костями и огромными ранами, которые оставили крупнокалиберные снаряды. За девяносто семь лет, прожитых Сэмом, он так и не смог привыкнуть к ужасающему безмолвию смерти. Казалось, оно нависло над толпой подобно невидимому леденящему облаку. Разинутые рты, из которых больше не вырвется ни слова, выпученные невидящие глаза, изломанные тела...

Он понимал, что завтра эти люди, живые и здоровые, очнутся где-то далеко на берегах Реки. Это, однако, не уменьшало ужаса произошедшего; разум и знание отступали перед чудовищной нелепостью смерти.

Джон отдавал приказы о доставке трупов на перерабатывающие фабрики. Увидев Сэма, он усмехнулся и спрятал глаза, подобно нашкодившему мальчишке.

— Это убийство! — закричал Сэм. — Убийство! Ничем не оправданное! Непростительное! Зачем ты сделал это, кровавая скотина? Ты — зверь, жаждущий человеческой крови! Свинья! Свинья! Свинья!

Улыбка сползла с лица Джона, он сделал шаг назад, сжимая кулаки. Его телохранитель, великан Закскромб, вооруженный огромной дубовой палицей, двинулся к Сэму.

— Не подходите! — кричал фон Ритгофен. — Оставайтесь на своих местах, или я позову Джо Миллера! А первого человека, который сделает шаг к Сэму, я пристрелю сам!

Сэм оглянулся. Лотар держал в руках ружье, направив ствол в грудь Джона. Лицо Джона залила бледность, его губы дрогнули.

Позднее Сэм сожалел, что Лотар не выстрелил сразу. Хотя сотня вооруженных ружьями головорезов состояла из людей Джона, они могли струсить, если бы их предводитель был убит. Их окружала толпа вооруженных мужчин и женщин, большинство которых не поддерживали Джона; кроме того, эти люди были разгневаны бойней, устроенной экс-королем. Даже если бы приспешники Джона решились стрелять, Сэм мог броситься на землю и почти наверняка остался бы невредимым после первого залпа. И кто знает, что случилось бы потом?

Однако он не отдал приказа Лотару.

Тем не менее, он должен был принять какое-то быстрое и действенное решение. Если Джон спокойно уйдет отсюда, то он, Сэм Клеменс, потеряет уважение людей Пароландо. Это будет концом его консульства — и концом строительства Корабля.

Он огляделся, слегка повернув голову и стараясь не выпускать Джона из поля зрения. Огромные темные глаза и бледное лицо Ливи мелькнули перед ним; каза-

лось, она сейчас упадет в обморок. Не обращая внимания на нее, Сэм обратился к Сирано де Бержераку, стоявшему рядом с женщиной с обнаженной шпагой в руке.

— Капитан де Бержерак! — позвал Сэм, указав на Джона.— Арестуйте консула!

Джон держал ружье, но его дуло было направлено вверх. Он сказал нерешительно:

— Я протестую. Я говорил им, чтобы они ушли, но они отказались. Только тогда я велел стрелять. Да, они убиты. Но какое это имеет значение? Завтра все эти люди оживут.

Сирано, чеканя шаг, подошел к Джону, остановился перед ним, отдал салют шпагой и сказал:

— Ваше оружие, сэр.

Закскромб поднял свою палицу.

— Не надо, Зак,— сказал Джон Ланкастер,— в соответствии с Хартией, один консул может арестовать другого, если он считает, что тот совершил противозаконное деяние. Я недолго буду под арестом.

По-прежнему держа ружье дулом вверх, он протянул его Сирано. Затем расстегнул пояс, к которому были подвешены меч и кинжал.

— Я возвращаюсь в свой дворец,— сказал он, обращаясь к Сэму,— и буду там находиться, пока вы станете решать мою судьбу. Согласно Хартии, вы должны созвать Совет не позже часа после ареста и принять решение в течение двух часов — чтобы не вызвать народного волнения и междоусобицы.

Он двинулся прочь, сопровождаемый де Бержераком. Люди Джона мгновение колебались, но, повинуясь команде Закскромба, последовали за своим предводителем. Сэм пристально смотрел им вслед. Он ожидал большего сопротивления. Очевидно, Джон хорошо представлял, какие меры предпримет Сэм Клеменс, чтобы не потерять лицо. Он знал Сэма и был уверен, что тот будет избегать решения, которое могло бы при-

вести к гражданской войне и создать опасность для строительства Корабля.

Итак, Джон подчинился. Джон не хотел раздувать вражду. По крайней мере, сейчас. Он удовлетворил свою жажду к кровопусканию. Члены Совета могли считать его действия вполне правомочными с точки зрения закона. Конечно, эти действия не вязались с гуманностью и моралью. Однако и по этому вопросу сторонники Джона могли спорить. В конце концов, убитые завтра встанут живыми, а урок, полученный приверженцами Церкви Второго Шанса, поистине неоценим. Теперь появляется возможность очистить Пароландо от этих фанатиков. И Клеменс, положа руку на сердце, готов был признать, что такая мера крайне желательна. Если проповедники Церкви будут продолжать свою работу, то Корабль никогда не удастся построить. Более того, другие государства, менее ослабленные философией и духом Церкви, вторгнутся в Пароландо и захватят страну.

Таким образом, сторонники Джона могли заявить, что мучительная смерть людей не является нарушением закона. Отсюда следовало, что лучшим средством избавления раненых от мучительной боли является их убийство — ведь убийство лечило все раны и болезни. Тогда и изнасилование нельзя было считать преступлением. Ведь, в конце концов, женщина оставалась бесплодной, а причиненные ей боль и ранения легко исцелить — достаточно убить ее и все будет в порядке на следующее утро.

Итак, размышлял Сэм, в данном случае состав преступления определяется не столько убийством человека, сколько нарушением его прав. Убийство означало, что человек, без его согласия, будет перенесен куда-то на берега Реки. Возможно, в место настолько отдаленное, что даже за тысячу лет он не сможет вернуться обратно. Убийство отнимало у человека любимую женщину, друзей, дом... Насилие оставалось насилием — в

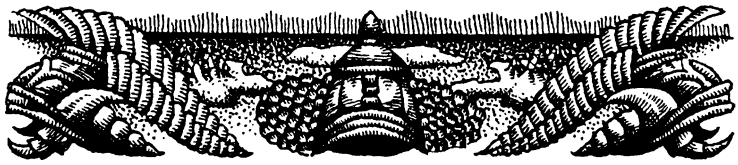
каких бы необычных обстоятельствах оно ни применялось.

— Сэм, о Сэм! — голос Ливи прервал его размышления. Он повернулся. Ливи была смертельно бледной, но, очевидно, полностью владела собой.

— Сэм! Что будет с женщинами, которых он приказал увести к себе?

— Где была моя голова? — громко воскликнул он. — Лотар, идите за ними! — Заметив десятифутовую фигуру Джо Миллера, пересекающего равнину, он замахал руками, приказывая гиганту повернуть и перехватить отряд Джона. Лотар отдал команду — и сотня только что прибывших лучников последовала за ним.

Сэм бежал сзади, но около большого бревенчатого здания дворца он замедлил бег и остановился. Джон понимал, что если его соправитель забыл о похищенных женщинах, то скоро он о них вспомнит. Джон готов был предстать перед Советом по обвинению в убийстве, так как вполне мог выиграть дело. Но если Сэм попытается отнять этих женщин, то терпение Джона может лопнуть. В ярости он прикажет уничтожить их — и тогда гражданская война в Пароландо неизбежна.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сэм увидел около тридцати женщин, выходивших из открытых ворот дворца, и понял, что Джон решил исправить свою ошибку. Задерживая женщин, он рисковал быть обвиненным в похищении — преступлении, гораздо более тяжком, чем убийство в этом поставленном вверх дном мире.

Теперь он отпустил женщин невредимыми и предъявить ему подобное обвинение было бы сложно.

Сэм окинул взглядом женщин, остановился — и ему показалось, что его сердце остановилось тоже. Среди женщин была Гвиневра!

Лотар, выкрикивая имя девушки, устремился к ней. Она тоже побежала к нему, широко раскинув руки. Наконец, они встретились и обнялись.

После минуты слез, поцелуев и объятий, девушка оттолкнула Лотара и пошла к Сэму. Наблюдая сцену встречи, он выругался, но винить он мог только себя. Если бы он показал Гвиневре, что хочет ее, девушка никогда не предпочла бы фон Ритгофена. Почему он не взял ее к себе раньше? Почему его мозг замкнулся на идее, что Ливи может когда-нибудь вернуться к нему — и если он возьмет сейчас другую женщину, это возвращение станет невозможным?

Гвиневра поцеловала его, и бегущие по ее щекам слезы упали на его грудь. Затем она пошла обратно к Лотару, оставив Сэма Клеменса наедине с его проблемой — что делать с Джоном Ланкастером.

Сэм вошел в ворота, сопровождаемый по пятам Джо Миллером. Минутой позже его нагнал фон Ритгофен.

Он ругался сквозь стиснутые зубы и невнятно бормотал по-немецки: «Я убью этого мерзавца!».

Сэм остановился и повернулся к летчику.

— Уходите отсюда! Я тоже взволнован, но могу контролировать себя. Вы находитесь в логове льва, и если попытаетесь сделать что-нибудь, он прикончит вас и заявит, что защищался. Он любит такие вещи.

Лотар колебался; наконец, он сказал:

— Но вы останетесь здесь только с одним Джо!

— Я бы не упоминал Джо как только одного! Кроме того, если бы вы не были так заняты с Гвен, то могли бы слышать мой приказ войскам. Если я не выйду обратно через пятнадцать минут, они должны взять дворец штурмом и уничтожить тут все живое.

Сэм подтолкнул летчика обратно к воротам и двинулся к большому зданию, возвышавшемуся посередине двора, обнесенного частоколом из сосновых бревен. Шарки, один из телохранителей Джона, попытался заступить ему дорогу, но Сэм даже не замедлил шага. Низкое рычание раздалось за его спиной, и огромная рука, покрытая рыжими волосами, отбросила в сторону стокилограммовое человеческое тело, как перышко.

— Однажды я прикончу тебя! — прошипел Шарки на английском.

Джо медленно повернул голову, как боевую башню военного корабля; его чудовищный нос уставился на противника подобно орудийному стволу.

— Да? Ты не шутишь, парень?

— Очаровательная острота, Джо,— шепнул Сэм.— Мое влияние, не сомневаюсь.

— Я не так туп, как думаете вы, люди.

— Ты, безусловно, прав, дружище.

Его ярость утихла. Он понимал, что даже присутствие Джо не гарантирует его безопасности. Однако он полагал, что Джон не рискнет заходить слишком далеко. Ему тоже хотелось получить Корабль.

Джон сидел за большим круглым дубовым столом, окруженный дюжиной своих приверженцев. Гигант За-

кскромб стоял за спинкой его кресла. Все держали в руках глиняные кружки, в комнате пахло табаком и виски. Плотные занавеси прикрывали окна; несколько сосновых факелов дымно чадили на стенах.

Сэм остановился, достал сигару из маленькой сумки, висевшей на его поясе, и зажег ее. Его рука дрожала, это сердило его и увеличивало раздражение против Джона.

— Ну что ж, прекрасно. Ваше Величество! — сказал он, выпуская клуб дыма. — То, что вы с гнусной целью захватили чужих женщин, достойно сожаления. Но как посмели вы коснуться Гвиневры? Она — гражданка этого государства! Боюсь, что вы сунули голову в петлю, Джон — причем я выражаюсь отнюдь не фигурально!

Джон плеснул виски в свою кружку и мягко сказал:

— Я приказал увести этих женщин ради их собственной безопасности. Толпа была в ярости, люди хотели растерзать этих миссионеров. А Гвиневра попала в их число по ошибке. Я найду виновного и накажу его.

— Джон, — сказал Сэм, — все это напоминает мне объяснение бродяги в полицейском участке, как чужой кошелек случайно очутился в его кармане. Я не верю ни единому вашему слову. Вы лгун. Вы обманывали в прошлом и настоящем, и, несомненно, продолжите это занятие в будущем. Но вы — не ординарный обманщик. Вы — наглый лжец, и любой другой представитель этой породы выглядит рядом с вами не опаснее Санта Клауса.

Лицо Джона налилось кровью. Закскромб что-то рявкнул и поднял свою палицу. За спиной Сэма раздалось предостерегающее ворчание Джо.

Джон сделал глубокий вдох и сказал, приятно улыбаясь:

— Та небольшая кровь, которую пришлось пролить, выбила вас из колеи. Но это пройдет. Вы ведь не можете опровергнуть мои слова, не так ли? Перейдем к дру-

гим делам. Вы уже приказали собрать Совет? В вашем распоряжении только два часа.

«Похоже, что ему удастся вывернуться», — подумал Сэм. Все, включая приверженцев Джона, знали, что он лгал. И, тем не менее, ничего нельзя было сделать — если только не развязать гражданскую войну в Пароландо. А это означало, что в страну вторгнутся Публий Красе, Тай Фанг, Чернский и дикари из-за Реки — даже если такие крупные хищники, как Иэясу и Элвуд Хаскинг, сохранят нейтралитет.

Сэм швырнул сигарету и вышел вон. Двумя часами позже его предположения подтвердились. Совет вынес официальное порицание Джону за излишнюю поспешность. Впредь в подобных ситуациях он должен был советоваться со своим со-консулом.

Нет сомнений, что такое решение изрядно развеселило Джона. Итак, он мог по-прежнему попивать виски, курить табак и марихуану, а также выбирать для себя женщин.

Однако его победа была неполной. Все в Пароландо знали, что Сэм Клеменс приструнил Джона, что он вошел в его дворец с одним телохранителем, освободил женщин и оскорбил Джона прямо в лицо. Джон понимал все это; его триумф стоял на глиняных ногах.

Сэм просил согласия Совета на полное изгнание сторонников Церкви из страны — для их же безопасности. Но некоторые советники указали, что это было бы незаконно; подобная мера требует изменения Хартии. Кроме того, маловероятно, чтобы Джон предпринял какие-либо действия против Церкви после полученного им предупреждения.

Члены Совета прекрасно понимали, что Сэм пытается воспользоваться ситуацией и вытеснить миссионеров из Пароландо. Пожалуй, большинство — кроме некоторых упрямцев — разделяло позицию Сэма. Однако они были раздражены тем, что не могли ничего сделать с Джоном, и решили, по крайней мере, отстоять демократические принципы Хартии.

Сэм готов был держать пари, что пережившие побоище убегут из Пароландо как из ада. Но они пожелали остаться. Резня убедила их, что эта страна нуждается в проповеди милосердия. Геринг затеял строительство нескольких больших хижин для прибывшего к нему пополнения. Сэм наложил запрет на строительство. Пароландо итак почти лишилось собственной древесины. Геринг прислал сообщение, что строительство прекращено, женщин разместят в старых домах, а он сам и его единоверцы-мужчины будут ночевать под открытым небом. Сэм выругался и, выпустив клуб сигарного дыма в лицо посланцу Геринга, сказал, что у этого мира есть один больший недостаток — пневмония в нем не смертельна. Потом он испытывал стыд, но сердце его не смягчилось. Он не мог лишить топлива свои печи и горны ради нескольких фанатиков.

Сэм чувствовал себя расстроенным; но к вечеру он получил еще два сообщения, от которых земля разверзлась под его ногами. Первое гласило, что Одиссей ночью исчез со своего корабля, который уже возвращался в Пароландо. Никто не знал, что с ним случилось; поиски не дали результатов. Второе сообщение касалось Уильяма Грейвела — человека, который шпионил за Джоном. Его нашли у подножия горы с разбитым черепом.

Каким-то образом Джон смог найти и уничтожить шпиона. Сэм с ненавистью представил себе ухмылку экс-короля. В официальном порядке Сэм не мог преследовать Джона за убийство своего разведчика; никому не следовало знать, что Грейвел был его человеком.

Сэм вызвал фон Ритгофена, де Бержерака и прочих, считавшихся его сторонниками. Хотя в его отношениях с Бержераком имелась определенная напряженность из-за Ливи, тот все же предпочитал Клеменса Джону, с которым он не раз вступал в перепалку.

— Исчезновение Одиссея можно было бы считать случайным совпадением,— сказал Сэм.— Но это, плюс смерть Грейвела, убеждает меня, что Джон нанес удар

и приступил к уничтожению моих друзей. По-видимому, он попытается прикончить вас одного за другим при таких обстоятельствах, когда никто не сможет предъявить ему обвинения. Сейчас он затихнет на некоторое время. Он хитер. Я думаю, от Одиссея избавились таким образом, что изучение места происшествия ничего не даст. Я не могу также обвинить Джона в гибели Грейвела, не раскрывая, что тот работал на меня. Итак, все, что я могу посоветовать вам — будьте осторожны. Избегайте ситуаций, в которых могут произойти неприятные случайности.

— Черт побери! — вскричал де Бержерак.— Если бы не ваш чудовищный закон, запрещающий дуэли, я вызвал бы этого ублюдка и проткнул его насквозь! Вы, мессир Клеменс, поторопились, принимая этот закон.

— Я был воспитан в стране, где дуэли считались общепринятым явлением,— сказал Сэм.— И сама эта идея отвратительна для меня. Если бы вы видели, к каким трагедиям... но не будем вспоминать. Я полагаю, что вы видели не меньше меня, но это не произвело на вас впечатления. Во всяком случае, можно ли вообразить, что Джон дал бы вам прожить достаточно долго, если бы опасался дуэли с вами? Готов держать пари, что вы быстро исчезли бы отсюда в результате какой-нибудь случайности.

— Почему бы нам тоже не придумать тслучайность для Джона? — сказал Джо Миллер.

— Как сможем мы проникать сквозь живую стену его телохранителей? — возразил Сэм.— Нет, если с Джоном действительно что-то произойдет, то это будет подлинный, стопроцентный несчастный случай.

Он отпустил всех — кроме де Бержерака и Джо, который никогда его не покидал, если только не был болен.

— Пришелец сказал, что он выбрал двенадцать человек для похода на Туманный Замок,— сказал Сэм.— Вы, Бержерак, Джо, Ричард Бартон, Одиссей и я — это будет пять. Никому из нас неизвестно, где находят-

ся остальные семеро. Теперь Одиссей пропал, и бог знает, увидим ли мы его когда-нибудь. Пришелец полагал, что все двенадцать соберутся на Корабле во время путешествия по Реке. Но, если Одиссей воскрес где-то на юге, в Низовьях, и очень далеко отсюда, он не успеет вернуться до окончания строительства Корабля. Это значит, что мы его окончательно потеряем.

Сирано пожал плечами и потер свой длинный нос.

— К чему беспокоиться? Или таково свойство вашей натуры? Нам известно, что Одиссей не умер. Возможно, он вступит в контакт с этим Таинственным Пришельцем — который, как заявил Одиссей, является женщиной, и, следовательно, его Пришелец может оказаться другим существом, не тем, которого встретили вы и я,— но черт побери! — я, кажется, отклонился в сторону. Итак, возможно, эта таинственная персона перенесет Одиссея в нужное место, где мы его найдем в свое время. Пусть этот призрачный ангел — или дьявол — заботится о подобных обстоятельствах. Наше дело — построить этот фантастический корабль и насадить на вертел любого, кто попытается нам помешать.

— Сэм много беспокоится,— сказал Джо.— Если бы он терял волосок каждый раз, когда он беспокоится, его голова уже была бы как колено.

— Истина глаголет устами младенцев... и бесхвостых обезьян,— ухмыльнулся Сэм.— Во всяком случае, если дела пойдут хорошо, сборка корпуса начнется через тридцать суток. День, когда мы закончим Корабль, будет счастливейшим в моей жизни. Даже когда Ливи наконец скажет мне «да», я не буду счастливее...

Он мог бы остановиться, но ему хотелось как-то задеть Сирано. Француз, однако, не реагировал на его слова. Зачем? Ливи принадлежала ему; она говорила ему «да» в любое время. Бержерак продолжал свою мысль, как будто не слышал Сэма.

— Да, мы должны быть готовы проколоть любого. Такая идея не внушает мне восторга; я — мирный человек. Мне нравится иметь досуг, я люблю радости жиз-

ни. Я хотел бы покончить с войнами; единственное кровопролитие, которое я признаю,— поединок между благородными людьми, которые знают, для чего им даны шпаги. Но мы не можем построить это судно только своими силами, нам нужно сырье. И те, кто владеют им, требуют железо, и они не остановятся, пока его не получат. Поэтому я думаю, что Джон Ланкастер прав в одном отношении. Вероятно, мы должны начать войну, как только будем иметь достаточно оружия, и очистить оба берега Реки на протяжении тридцати миль. Тогда мы получим неограниченный доступ к запасам древесины, платины и бокситов...

— Но если вы сделаете это, если вы уничтожите всех обитателей ближайших стран, через день они будут заселены снова,— возразил Сэм.— Вы знаете, как происходит воскрешение. Посмотрите, как быстро появились люди в этой области, хотя падение метеорита уничтожило все живое.

Сирано назидательно поднял длинный — и очень грязный — палец. Сэм подумал, что Ливи, вероятно, ведет целые сражения, чтобы заставлять француза мыться.

— Но! — сказал Сирано.— Но эти люди не будут организованы, и мы станем бесспорными лидерами. Мы сделаем их гражданами расширившегося Пароландо. Мы включим их в жеребьевку, которая определит экипаж судна. Я уверен, что таким способом мы построим Корабль еще быстрее.

— Не разделяю вашего мнения,— сказал Сэм.— Наши граждане готовы сражаться как дьяволы, потому что они имеют шанс попасть в команду Корабля. Но они не согласятся участвовать в захватнической войне. Любой из них может потерять жизнь; кроме того, наличие новых граждан уменьшит шансы выигрыша при жеребьевке. Это несправедливо.

Де Бержерак встал, его ладонь легла на рукоять рапиры.

— Вероятно, вы правы. Но день, когда вы вступили в соглашение с Джоном Ланкастером и убили Эрика — этот день был днем, когда вы начали создавать Корабль на крови, предательстве и жестокости. Я не порицаю вас, мой друг. Вы не имели выхода, если вы хотели построить это судно. Но, начав действовать таким образом, вы не в состоянии отказаться затем от подобных же — или еще более жестоких — решений. Не можете, если хотите получить свой Корабль. Доброй ночи, мой друг.

Он поклонился и вышел. Несколько минут Сэм в молчании попыхивал сигарой. Затем он сказал:

— Я ненавижу этого человека! Он всегда говорит правду!

Джо, широко зевая, встал, и пол скрипнул под тяжестью его тела.

— У меня болит голова. И от этих топоров я чувствую боль даже в животе. По-моему, это просто — или ты делаешь так, или иначе. Я пошел тспать.

— Если бы мои мотсги были в моем животе, я бы делал то же тсамое,— прошепелявил Сэм.— Джо, я люблю тебя! Ты прекрасен! Мир так прост! Проблемы клонят тебя в сон — и ты спишь! Но я...

— Доброй ночи, Тэм,— сказал Джо и вышел из комнаты. Сэм проверил запоры на наружной двери и убедился, что часовые, которых он поставил вокруг дома, не спят. Затем он лег в кровать.

...Ему снова снился Эрик Кровавый Топор, который гнал его с палубы на палубу в самый трюм Корабля, и он пробудился от собственного крика. Джо склонился над ним, осторожно потряхивая его за плечо. Дождь барабанил по крыше, раскаты грома раздавались в отдалении над вершинами гор.

Джо немного посидел с ним и сделал кофе. Он положил полную ложку сухого порошка в холодную воду, и через три секунды горячий кофе был готов. Непостижимым образом кофейный порошок нагрел воду почти до кипения. Они прихлебывали кофе, Сэм курил

сигару, потом они стали вспоминать о днях путешествия по Реке с Эриком и викингами в поисках железа.

— Это было тсамое хорошее время, Тэм,— сказал Джо.— Тогда мы могли отдыхать и развлекаться. Сейчас не так. Тут тлишком много работы и тлишком много людей, готовых тсодрать с нас шкуру. И твоя женщина спит с этим большеносым Сирано.

Сэм хихикнул и сказал:

— Спасибо, Джо, за первую веселую минуту, что выпала мне за последние годы. Большеносый! Мой бог!

— Мои тшутки иногда тлишком тонкие даже для тебя, Тэм,— сказал Джо. Он поднялся из-за стола и отправился обратно в свою комнату.

Времени для сна оставалось уже немного. Сэм всегда любил понежиться в постели — даже когда он хорошо высыпался. Теперь он спал ночью не более пяти часов, хотя иногда устраивал себе днем сиесту. Всегда находился кто-нибудь, кому надо было решить спорный вопрос или получить указания по неотложному делу. Его инженеры далеко не всегда приходили к согласию по различным проблемам, и это беспокоило Сэма. Он полагал, что инженерия должна быть более определенным занятием. Перед вами стоит задача, и вы решаете ее самым лучшим способом. Но Ван Бум, Величко и О'Брайен, казалось, существовали в различных и плохо состыкованных между собой мирах. Наконец, оберегая себя от приступов раздражения и бесполезной траты времени, он предоставил решающее слово Ван Буму. Теперь они не беспокоили его по пустякам.

Тем временем во внешнем мире происходили важные события. Иэясу захватил не только область готтентотов, которая лежала на другом берегу Реки напротив его страны, но и девятимильную полосу территории ульмаков. Потом он послал флот вниз по Реке — туда, где за ульмаками жили индийцы семнадцатого века. Этот район, в три мили длиной, также был захвачен и половина жителей уничтожена. Затем Иэясу поднял це-

ну на древесину. Он также пожелал, чтобы ему построили амфибию, подобную «Огненному дракону».

Тем временем в Пароландо кончались работы над вторым экземпляром «Огненного дракона». Пять сотен чернокожих жителей Пароландо переселились в Соул Сити — в обмен на равное число дравидов. Сэм отказался пока принять арабов; он настоял, чтобы первыми прибыли индийцы. Это не понравилось Хаскингу, но в соглашении не указывалось, какая, группа должна переселяться первой.

Хаскинг, узнав от своих шпионов о требовании Иэясу, прислал письмо. Он тоже хотел иметь «Огненный дракон» и обещал расплатиться за него большими поставками минералов.

Публий Красс и Тай Фанг заключили союз и вторглись в область, лежащую на противоположном берегу Реки. Она была населена людьми каменного века, собранными из разных мест и времен, и занимала четырнадцать миль побережья. Обладая отличным стальным оружием и превосходством в численности, захватчики перебили половину населения и обратили в рабство остальных. Они тоже подняли цену на древесину — правда, не так высоко, как Иэясу.

Шпионы докладывали, что Чернский, правивший четырнадцатимильной полосой побережья к северу от Пароландо, посетил Соул Сити. Результаты переговоров остались неизвестными, так как контрразведка Хаскинга действовала со стопроцентной эффективностью. Сэм послал в Соул Сити восемь черных шпионов и он знал, что Джон отправил туда как минимум дюжину. Однажды ночью из тумана вынырнул корабль и головы шпионов, были переброшены через стену, защищавшую Пароландо со стороны речного берега.

Поздно вечером Ван Бум явился к Сэму и сообщил, что Файбрас осторожно прощупывал его.

— Он предложил мне должность главного инженера на Корабле,— заявил Ван Бум.

— Он предложил вам это? — поразился Сэм, уронив из губ сигару.

— Да. Он не конкретизировал свои слова, но сказал достаточно, чтобы внушить мне эту мысль. Корабль будет захвачен людьми из Соул Сити, и я получу пост главного инженера.

— И что же вы ответили на это прекрасное предложение?

— Я посоветовал ему не напрягать бесполезно горло. Я сказал, что не имею причин нарушать верность вам, и что ваши предложения были не менее щедрыми. Я не собираюсь продавать вас, и если Соул Сити нападет на Пароландо, я буду защищать эту страну до самой смерти.

— Превосходно! — воскликнул Сэм.— Возьмите стакан, выпьем по глотку бурбона! И возьмите сигару! Я горд за вас, и горд за себя, поскольку смог внушить такую преданность. Но я хотел бы... я хотел...

— Да? — спросил Ван Бум, прихлебывая виски.

— Я хочу, чтобы вы не отказывали ему окончательно. Вы могли бы доставить нам много полезной информации.

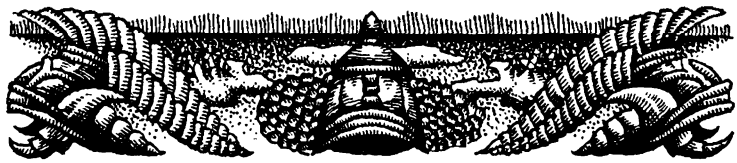
Ван Бум поставил кружку на стол и встал. Его бронзовое лицо стало угрюмым. Он направился к выходу, бросив через плечо:

— Я не стану грязным шпионом!

— Вернитесь! — закричал Сэм, но Ван Бум резко захлопнул дверь. Сэм на минуту спрятал лицо в ладонях, затем поднял кружку Ван Бума и опрокинул ее в рот. Никто и никогда не скажет, что Сэмюэль Легхорн Клеменс потратил зря добрую выпивку. Или даже плохую, не в этом дело...

Отсутствие в людях ощущения реальности всегда раздражало его. В то же время его охватывало противоположное чувство удовлетворения. Существуют неподкупные люди, и было приятно это сознавать.

По крайней мере, Сэм может не ждать неприятностей со стороны Ван Бума.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Среди ночи смутное беспокойство пробудило его. Что, если Ван Бум солгал ему? Что, если умник Файбрас посоветовал Ван Буму пойти к Клеменсу и рассказать эту историю? Отличный способ лишить Сэма спокойствия и веры в лояльность его напарника! Но тогда Ван Буму следовало бы притвориться, что он согласен на предложение Файбраса.

— Я начинаю думать о людях так же, как король Джон,— сказал Сэм громко.

Наконец, он решил, что может вполне доверять Ван Буму. Инженер был упрям и отличался некоторыми странностями, вполне естественными у человека, полностью погруженного в научные и технические проблемы. Однако его моральные устои возвышались подобно Гималаям и были несгибаемы, как спинной хребет динозавра.

Работы на верфи шли днем и ночью. После установки бимсов началась сборка корпуса судна. Были изготовлены огромные электрические моторы и батакайтор, завершились работы по сборке кранов и прочих транспортных механизмов. Постройка кранов сама по себе являлась очень сложной задачей; эти огромные подъемники двигались по рельсам чудовищной величины, их питала электроэнергия от прототипа батакайтора. Люди приходили за тысячи миль, приплывали в челноках, каноэ, на катамаранах и больших галерах, чтобы посмотреть на все эти чудеса.

Посовещавшись, Сэм и король Джон решили, что излишнее скопление пришлых представляет опасность

для Пароландо. Среди такой массы народа разведчики соседних государств могли действовать особенно успешно.

— Кроме того, у наших соседей растет искушение украсть Корабль. Нам не следует вводить их в соблазн; у них и без того хватает грехов, — сказал Сэм.

Джон не улыбнулся. Вслед за Сэмом он поставил свою подпись на приказе, согласно которому из страны удалялось все пришлые — разумеется, кроме официальных послов. Однако это не предохранило от нашествия множества судов, курсировавших около побережья Пароландо в нейтральных водах. Тогда вдоль всего берега были возведены высокие земляные валы и каменные стены.

Конечно, оставалось немало возможностей бросить любопытный взгляд на территорию Пароландо. Береговые оборонительные сооружения имели бреши для прохода кораблей, груженных лесом, рудой и кремнем. Кроме того, поскольку равнина повышалась к холмам, любознательные туристы могли лицезреть с середины Реки огромное скопление фабрик, гигантские конструкции кранов и верхнюю часть корпуса Корабля.

Спустя некоторое время поток любопытствующих стал иссякать. Слишком реальной была возможность попасть в жестокое рабство во время длинного пути. Прошло шесть месяцев. Запасы древесины в окрестностях подошли к концу. За три-шесть недель бамбук достигал порядочной высоты, но, чтобы дерево стало годным в дело, требовалось не менее шести месяцев. Все государства, на расстоянии пятидесяти миль от Пароландо вверх и вниз по Реке, едва могли наскрести древесину для покрытия собственных нужд.

Представители Пароландо устанавливали связи со все более удаленными странами и продавали им железную руду и оружие в обмен на древесину. Метеорит обладал огромной массой и уменьшение запасов руды не беспокоило Сэма. Однако работы в шахтах требовали множества людей и материалов; из-за них центральная

часть страны превратилась в бесплодную, заваленную щебнем, изрытую ямами местность. И чем больше дерева доставляли соседи, тем больше специалистов, машин и сырья приходилось бросать на производство оружия для торговли, отвлекая эти ресурсы от строительства Корабля. Все больше мужчин использовались в качестве матросов и охранников на кораблях флота, перевозящего древесину и руду. Часть судов арендовалась у соседей; оплата этих услуг также осуществлялась оружием и железной рудой.

Сэм мечтал о том, чтобы от рассвета до заката находиться на верфи; установка каждого нового элемента конструкции огромного Корабля доставляла ему удовольствие. Но у него было так много дел по управлению страной, что он мог забегать на верфь только на два-три часа за целый день. Он попытался переложить на Джона некоторые административные обязанности, но экс-король занимался только теми делами, которые были связаны с армией и способствовали усилению его власти.

Попытки уничтожения близких к Сэму людей больше не повторялись. Стража по-прежнему охраняла по ночам его дом, но все было тихо. Сэм понял, что Джон, по-видимому, решил дождаться момента, когда Корабль будет почти готов.

Однажды Джо Миллер сказал:

— Тэм, может быть, ты ошибся натчет Джона? Может быть, он доволен, что тстанет вторым на Корабле — потсле тебя?

— Джо, может ли саблезубый поделиться добычей с волками?

— Что?

— Джон привык бить в точку. Короли старой Англии никогда не колебались при достижении своих целей. Единственное отличие между ними и нашим Джеком Потрошителем заключается в том, что эти достойные люди действовали открыто и с благословения святой церкви. Но Джон был столь плохим монархом, что

после него в Англии возникла традиция не называть этим именем мальчиков королевского дома. И даже церковь, которая так терпимо относится к злу — если, конечно, его чинят высшие,— не смогла терпеть Джона. Папа наложил интердикт на весь народ и заставил Джона лизать свои башмаки подобно нашкодившему щенку. Но я уверен, что даже когда Джон целовал ногу папы, он ухитрился выпустить немного крови из его большого пальца. И после того, как папа в знак примирения обнял Джона, ему не мешало бы проверить свои карманы.

Коснувшись ладонью огромного волосатого плеча Джо, Сэм продолжал:

— Я пытаюсь растолковать тебе, что Джон не смог бы измениться, даже если бы пожелал этого. Он хорек в человеческом облике, вонючий скунс, кровожадная гиена...

Прикурив большую сигару, длиннее его носа, Джо задумчиво произнес:

— Ну, я не тснаю... Человек может итсмениться. Потмотри, что творит Терковь Второго Шанта... Потмотри на Геринга. Потмотри на себя... Ты ратсказывал мне, что в твое время женщины носили одежду, покрывавшую их от шеи до лодыжек... и ты приходил в вотсторг, етсли мог увидеть прелетстную лодыжку... А теперь ты не очень втсволнован, если видишь...

— Я знаю, знаю! — вскричал Сэм.— Старые привычки и то, что психологи называют условными рефлексами,— все это может измениться. Поэтому я и утверждаю, что люди, до сих пор не избавившиеся от земных сексуальных и расовых предрассудков, не способны воспользоваться теми преимуществами, которые предлагает им Река... и этот мир. Человек может измениться, но...

— Может? — сказал Джо, морща низкий лоб.— Но ты втсегда говорил мне, что втся жизнь человека, даже его вопросы и мытсли, определены задолго до его рождения. Как ты это натсывал? Да, филотсофия детерми-

нитсма, вот как! Но, етсли ты тсчитаешь, что втсе движется определенным путем, что люди являются, так тказать, машинами, как можешь ты верить, что человек тспособен итсменить тсебя?

Сэм нахмурил густые брови, его голубовато-зеленые глаза сверкнули. Он чувствовал раздражение, но заставлял себя сдерживаться.

— Ну, что ж... — сказал он, — даже если моя теория приводит к противоречиям, значит, они были заранее предопределены. И тут ничего нельзя поделать.

— Тогда объятсни мне, во имя неба, какой тмысл говорить обо втсем этом? — воскликнул Джо, протягивая свою ладонь размером с добрую лопату. — Зачем вообще делать что-нибудь? Почему ты не бротсаешь тсвои дела?

— Потому что я ничего не могу поделать, — ответил Сэм. — Потому что в данный момент, когда столкнулись первые два атома этой вселенной, моя судьба была предопределена, все мои мысли и действия были жестко детерминированы.

— Тогда ты не можешь отвечать за то, что ты делаешь, правильно?

— Правильно, — подтвердил Сэм. Но чувствовал себя несколько неуютно.

— Тогда Джон не может ничего поделать с тем, что он — подлый убийца и тскотина в облике человека?

— Да, ты прав. Но также и я ничего не могу поделать с тем, что презираю этого мерзавца.

— И я полагаю, что етсли бы некто, гораздо умнее меня, пришел и логичетски доказал тебе, что ты ошибаешьтся в тсвоей филотсофии, ты тказал бы: он ничего не может поделать с тем, что думает, что я ошибаюсь? Но на тсамом деле он ошибается. Просто ему предопределено думать так, как он думает?

— Я знаю, что я прав, — сказал Сэм, раскуривая сигару. — Этот гипотетический человек не мог бы переубедить меня, потому что его собственное мировоззрение не является следствием свободной воли. Свобода

воли есть нечто несуществующее, подобно тигру-вегетарианцу.

— Но твое тсобственное мировоззрение тоже не является тледствием твободной воли.

— Правда. Мы все запрограммированы. Мы только верим, что обладаем свободой воли.

— Тэм, ты тмеешься над людьми, которые, как ты говоришь, обладают нетсокрушимым невежеством. Ты тсам полон им, тсам!

— Великий создатель, избавь нас от бесхвостых обезьян, которые думают, что они стали философами!

— Потсмотри! Ты прибегаешь к откорблениям, когда не знаешь, что тказать! Откорбления, откорбления! Что толку от них!

— Вот именно,— сказал Сэм.

Джо ушел спать, не пожелав, как обычно, доброй ночи, и Сэм не остановил его. Он попался. Джо выглядел сущим кретином с его низким лбом, выступающими надбровными дугами, гигантским носом и гориллообразной челюстью. Но позади этих маленьких голубых глазок был человеческий мозг, одаренный несомненным интеллектом.

Джо намекнул ему, что его вера в предопределение является только попыткой оправдать его вину. Это задело Сэма более всего. Вину в чем? Вину за все плохое, что случилось с теми, кого он любил?

Но этот философский лабиринт вел в трясину. Или он верит в детерминизм потому, что не хочет чувствовать себя виноватым, или же его ощущение вины предопределено механической сутью вселенной.

Джо был прав. Это — неразрешимый парадокс и нечего ломать над ним голову. Но если подобное направление мыслей некой человеческой особы было предопределено уже в момент столкновения двух первых атомов, то что он мог с этим поделать — он, Сэм Легхорн Клеменс, сиречь Марк Твен?

Он долго не ложился спать в эту ночь, но он не занимался делами. Он сидел в кресле, курил и пил смесь спирта с фруктовым соком.

Месяца два назад Файбрас как-то выразил удивление по поводу отсутствия в Пароландо спиртового производства. Сэм был огорчен. Он не знал, что можно делать спирт. Ему казалось, что единственным — и очень ограниченным — источником алкоголя являются только чаши.

Нет, сказал Файбрас. Разве инженеры не говорили ему? При наличии подходящих материалов — кислот, углекислого газа, уксусного альдегида — получаемую из древесины целлюлозу можно легко преобразовать в этиловый спирт. Это было общеизвестно.

Сэм потребовал объяснений от Ван Бума. Инженер заявил, что у него достаточно хлопот кроме производства пойла для любителей прикладываться к бутылке.

Сэм, однако, велел выделить людей и материалы. В результате, впервые в истории Реки, было создано промышленное производство спирта. Этот новый вид индустрии в Пароландо не только осчастливил некоторых его граждан; спирт шел на экспорт в обмен на древесину и бокситы.

Сэм поздно лег в постель и на следующее утро в первый раз проспал рассвет. Но днем же позже все пошло как обычно.

Сэм и Джон направили Иэясу послание, сообщая, что они будут рассматривать попытку вторжения в Землю Чернского или на территорию ульмаков как недружелюбный акт относительно Пароландо. Ответ Иэясу гласил, что он не собирается воевать с этими странами. Затем он вторгся в Землю Шешуба, расположенную севернее захваченных им территорий.

Шешуб, ассирийский князь, уроженец семнадцатого века до новой эры, был в свое время военачальником Саргона II. Подобно большинству людей, обладавших властью на Земле, он и в этом мире стал предводите-

лем. Он упорно сражался с войсками Иэясу, но нападавшие имели численный перевес.

Иэясу был только одной заботой. Существовало достаточно других, которые держали Сэма в постоянном напряжении днем и ночью. Хаскинг потребовал через Файбраса, чтобы Пароландо прекратило сидеть между двух стульев. Пора принять решение. Он, Хаскинг, желает получить, наконец, обещанную амфибию. Сэм попытался сослаться на технические трудности, но Файбрас заявил, что эта причина более не будет считаться уважительной. Итак, «Огненный Дракон» номер три был отправлен в Соул Сити.

Сэм нанес визит Чернскому, подтвердив, что его земли находятся под защитой Пароландо. На обратном пути, в полумиле от скопища фабрик, Сэм почувствовал, что задыхается. Он так привык жить в атмосфере, пропитанной смогом, что почти не замечал этого. За время пребывания в стране Чернского его легкие очистились, и, переступив границу Пароландо, он с отвращением вдохнул смесь дыма и пыли, приправленную газообразными отходами химических производств. Воздух был плотный и тяжелый; довольно сильный северный ветер не успевал развеивать облако смога. Нечего удивляться, подумал Сэм, жалобам обитателей Публии.

Но Корабль продолжал расти. Встав перед окном в своем кабинете, Сэм каждое утро смотрел на него, получая утешение за свой тяжкий труд и за вид расстилавшейся вокруг истерзанной, запакощенной земли. В ближайшие полгода будут завершены все три палубы и установлены огромные гребные колеса. Затем на нижнюю часть корпуса, соприкасающуюся с водой, наложат пластиковое покрытие. Оно не только предохранит дюралюминий от окисления, но и снизит сопротивление воды, добавив миль десять к скорости судна.

В течение этого времени Сэм получил добрые вести. В Селинайо, стране, расположенной к югу от Соул Сити, были найдены залежи вольфрама и иридия. Эту но-

вость принес сам геолог-разведчик, никому не доверив ее передачу. Но он также принес и плохое известие. Седина Хэстингс отказалась предоставить Пароландо право разработки месторождения. Более того, если бы она знала, что изыскатель из Пароландо копается в ее горах, она немедленно вышвырнула бы его прочь. Она не хочет показаться недружелюбной; она любит Сэма Клеменса, как и всякое создание божие. Но она не одобряет Корабль и не желает, чтобы ресурсы ее земли облегчили строительство судна.

Сэм выругался. Вольфрам нужен для выплавки прочной стали, которая пошла бы на инструменты. Еще в большей степени в этом металле нуждалась развивающаяся радиопромышленность Пароландо. Иридий мог заменить платину при производстве научных приборов, хирургических инструментов, перьев и других необходимых орудий.

Таинственный Пришелец говорил Сэму, что он разместил в этой области запасы различных минералов (о чем его приятели этики не догадывались). Вместе с бокситами и платиной тут вполне могли быть вольфрам и иридий.

Но Икс допустил ошибку, и залежи этих двух металлов оказались на несколько миль южнее основного месторождения.

Сэм ничего не сообщил Джону. Ему было нужно время, чтобы обдумать ситуацию. Джон, конечно, потребует, чтобы металлы продавались Пароландо — под угрозой военного вторжения в Селинайо.

Пока Сэм расхаживал взад и вперед по своему кабинету, окутанный клубами сигарного дыма, он услышал грохот барабанов. Они использовали неизвестный ему код, но, спустя минуту, он понял, что передается какое-то сообщение из Соул Сити. Еще через десять минут Файбрас уже поднимался по лестнице его дома.

— Правитель Хаскинг узнал об открытии залежей вольфрама и иридия в Селинайо. Он говорит: если вы достигнете соглашения с Сединой,— прекрасно. Но не

вторгайтесь в ее земли. Он будет рассматривать это как объявление войны Соул Сити.

Сэм бросил взгляд в окно.

— Сюда идет Джон — Быстрая Нога,— сказал он Файбрасу.— Конечно, он тоже слышал новости. Его разведывательная система почти не уступает вашей, мой друг. Я не знаю, где дыры в моей системе, но они столь широки, что я давно бы потонул, если бы находился в лодке.

Джон ворвался подобно огнедышащему дракону. Его глаза пылали, лицо налилось кровью, от сигары валил дым. С тех пор, как в стране началось производство спирта, он еще больше разжирел и постоянно был наполовину пьян — кроме тех моментов, когда он был пьян в стельку.

— Что происходит? — прорычал он, вперив в Сэма мутный взгляд.

— Поведайте мне об этом,— сказал Сэм.— Кажется, вам известно о подоплеке событий больше, чем мне.

— Избавьте меня от своих острот,— проворчал Джон. Не дожидаясь приглашения, он потянулся к бутылке и плеснул в кружку добрую кварту спиртного.— Я знаю, что барабаны передали сообщение, даже если я не знаю код!

— Мне известно не больше, чем вам,— ответил Сэм. Затем он сообщил Джону требование Хаскинга.

— Эти черные окончательно обнаглели,— проворчал Джон.— Но мы получим эти металлы, тем путем или этим! Селинайо в них не нуждается, а нам они необходимы! И мы готовы хорошо заплатить!

— Чем? — сказал Файбрас.— Селинайо не возьмет ни оружия, ни алкоголя. Чем же вы собираетесь платить?

— Миром — возможностью жить без войны!

Файбрас пожал плечами и усмехнулся, что еще больше рассердило Джона.

— Я полагаю, мы обсудим этот вопрос с Хаскингом и попытаемся решить его,— миролюбиво сказал Сэм.—

Было бы так хорошо иметь, наконец, радио и телевидение...

Но Джон не был склонен к компромиссу. Уставившись в лицо Файбраса тяжелым взглядом, он проревел:

— Дело с Селинайо — наше дело, и никто не должен в него соваться!

— Я передам это Хаскингу,— сказал Файбрас.— Но Хаскинг — сильная личность. Он не допустит, чтобы ему угрожали белые капиталисты и империалисты.

Сэм задохнулся, а Джон выпучил глаза.

— Да, да, так он вас называет,— продолжал Файбрас.— И он прав — если, конечно, исходить из его определения этих терминов.

— Он называет меня так, потому что я строю Корабль! — вскричал Сэм.— Но известно ли вам, для чего предназначается это судно, какова его задача?..

Он резко оборвал фразу, пытаясь взять себя в руки. Он едва не проговорился о Таинственном Пришельце!

— Задача? — с интересом спросил Файбрас.— Какая задача? Что вы хотите сказать?

— Ничего,— быстро ответил Сэм.— Абсолютно ничего. Я только хочу добраться до верховьев Реки, вот и все. Возможно, там кроется секрет этого безумия, кто знает? Одним словом, я использую метеоритное железо для строительства мирного судна, предназначенного только для путешествия. Кто-либо другой мог бы использовать этот металл для агрессии и завоеваний, вместо моих туристских целей!

Он постепенно успокаивался, и его речь становилась все более плавной.

— Теперь перейдем к Хаскингу. Он постоянно повышает цены на сырье, и мы безропотно платим, хотя могли бы взять его силой. Был случай, когда Джон принес вам свои извинения. Если вы думаете, что Плантагенету легко это сделать, значит, вы плохо знаете историю. Хаскинг слишком нетерпим. Конечно, он ненавидит белых и мне трудно порицать его за это. Но

здесь не Земля! Мы живем тут в совершенно других условиях!

— Но каждый человек принес сюда свой внутренний мир,— сказал Файбрас.— Свою ненависть и любовь, антипатии и привязанности, предрассудки, побуждения — все, все.

— Но люди могут измениться!

Файбрас усмехнулся.

— В соответствии с вашей собственной философией, никаких изменений быть не может, если они не запрограммированы изначально.

— Я не собираюсь сейчас спорить об этом,— сказал Сэм.— Я хочу сделать вам одно предложение. Почему бы Хаскингу не нанести нам небольшой визит? Он мог бы все осмотреть, увидеть, чем мы заняты. Понять наши проблемы. Возможно, он проявит к ним больше сочувствия, когда убедится, что мы — не голубоглазые дьяволы, желающие поработить его.

— Я передам ему ваше предложение,— сказал Файбрас.— Может быть, он согласится.

— Мы приняли бы его с подобающим почетом,— продолжал Сэм.— Салют из двадцати одного залпа, парадный прием, вино, еда, дары и все такое. Он увидит, что мы не такие плохие парни, как он думает.

Джон выдохнул — пффф...— но ничего не сказал. Он знал, что предложение Сэма было разумным.

Спустя три дня Файбрас принес ответ Хаскинга. Он согласен нанести визит, если Пароландо и Селинайо договорятся относительно использования металлов.

Сэм почувствовал себя чем-то вроде старого ржавого котла на миссисипском пароходе. Если поднять давление еще на пару фунтов, он взлетит к небесам.

— Иногда я думаю, что вы правы,— сказал он Джону.— Возможно, нам следовало бы просто захватить эти земли — и покончить все споры!

— Конечно,— вкрадчиво произнес Джон.— Теперь ясно, что эта бывшая графиня Хантингтон — она, наверно, ведет род от эрла Хантингтона, моего старого

врага — не даст нам ничего. Она фанатичка, твердый орешек, как вы любите говорить. И Соул Сити пойдет на нас, если мы вторгнемся в Селинайо. Хаскинг не откажется от своего слова. Теперь он сильнее, чем раньше — ведь мы дали ему «Огненного Дракона». Я не хочу вспоминать об этом; я не собираюсь вас упрекать... но я много раз размышлял об этой неприятности.

Сэм прекратил шагать по комнате и внимательно посмотрел на Джона. Джон размышлял. Тени зашевелились в полумраке; кинжалы покинули ножны; в воздухе пахнуло ледяным дыханием интриги; ударила струей кровь.

— Я не искал контактов с Иэясу, нашим самым могучим соседом на севере,— продолжал Джон, откинувшись на обитую красной кожей спинку кресла и пристально изучая опрокинутую винную кружку.— Но я располагаю кое-какой информацией. Я уверен, что Иэясу, чувствуя себя достаточно сильным, мечтает захватить еще большую территорию. И он может сделать нам одолжение. За некоторую плату, конечно. Скажем, амфибия и летающая машина?

— Если он нападет на Селинайо, Хаскинг не сможет иметь к нам претензий. Если Хаскинг и Иэясу сцепятся и Соул Сити будет разгромлен, а Иэясу потеряет много сил, разве это не пойдет нам на пользу? Кроме того, мне удалось узнать, что Чернский заключил секретное соглашение с Соул Сити и Тайфаной на случай вторжения Иэясу в любую из этих стран. В результате всеобщей резни они ослабеют, а мы усилимся. Мы сможем взять их земли — либо, по крайней мере, делать все, что нам заблагорассудится, не опасаясь никакого вмешательства. И тогда бокситы и вольфрам— наши!

Этот череп под шапкой рыжевато-каштановых волос населяли черви. Черви, которые питались предательством, интригами и обманом. Он был плутом и пройдохой, неподражаемым, восхитительным!

— Вам когда-нибудь удавалось загнать самого себя в угол? — спросил Сэм.

— Что? — с недоумением воскликнул Джон. — Еще одно из ваших заумных оскорблений?

— Поверьте мне, оно гораздо ближе к комплименту — если я способен делать вам комплименты. Конечно, все, что вы сказали, — только предположения. Но, представим себе, что Иэясу нападет на Селинайо; чем он сможет это объяснить? Седина Хэстингс никогда не задевала его; их страны разделяет шестьдесят миль.

— Нужно ли искать причины для нападения? Сильный всегда прав, — произнес Джон. — Но если вам угодно... например, Седина продолжает посылать миссионеров в земли Иэясу, хотя он гонит их прочь... Должно же когда-то лопнуть его терпение.

— Ну, — сказал Сэм, — я не могу допустить, чтобы Пароландо вмешивалось в подобные авантюры. Но если Иэясу примет решение по своей воле, то что же тут поделаешь?

— И вы еще называете бесчестным меня!

— Тут ничего нельзя поделать! — повторил Сэм, стиснув в кулаке сигару. — Ничего! И если события станут развиваться таким образом, мы воспользуемся нашим преимуществом!

— Грузы из Соул Сити могут задержаться, пока идет война, — сказал Джон.

— У нас достаточно запасов, чтобы продержаться неделю. Труднее всего будет с древесиной. Возможно, Иэясу обеспечит непрерывные поставки даже во время войны — ведь сражение произойдет на юге, далеко от нас. Мы могли бы рубить деревья и перевозить их сами. Если у нас есть еще недели две до начала вторжения, мы успеем накопить большие запасы руды из Соул Сити, предложив им повышенную плату. Можно пообещать Хаскингу аэроплан, первую модель. Это только игрушка — тем более сейчас, когда почти готов наш первый самолет-амфибия. Впрочем, о чем я говорю? Это все — не более, чем предположения, вы понимаете?

— Я понимаю,— коротко ответил Джон. Он не пытался скрыть своего презрения.

Сэм ощутил бешеное желание заорать на него. Какое право имел этот выродок демонстрировать свое презрение? В конце концов, идея принадлежала ему.

На следующий день погибли лучшие инженеры Пароландо — все трое.

Сэм был там, когда это случилось. Он стоял на строительных лесах, что тянулись вдоль правого борта судна, и глядел вниз, в огромное и пустое чрево трюма. Мощный кран поднимал чудовищный электромотор, который должен был приводить в движение левое гребное колесо, В течение ночи мотор доставили из мастерской, где он был собран. С помощью лебедки и канатов, которые тянули сотни людей, мотор погрузили на большую платформу, которая двигалась по рельсам, и перевезли на верфь. Эта операция заняла больше восьми часов.

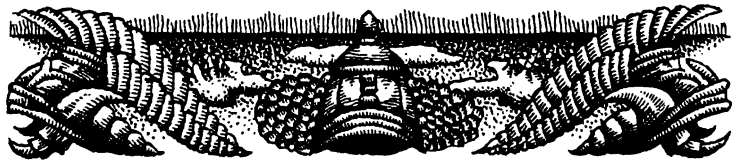
Сэм поднялся с рассветом, чтобы наблюдать завершающие работы — подъем мотора с помощью крана, его спуск в трюм и присоединение к оси, вращающей колеса. Три инженера стояли внизу, в трюме; огромный механизм раскачивался над их головами. Сэм крикнул им, приказывая отойти прочь; ситуация была крайне опасной. Инженеры расположились так, чтобы подавать команды человеку на лесах у левого борта; тот, в свою очередь, передавал их машинисту крана.

Ван Бум обернулся и с улыбкой посмотрел на Сэма; белые зубы сверкнули на темном лице. Его кожа отливала медью в свете огромных электрических ламп.

И тогда это случилось. Со звоном лопнул один трос, затем — другой, и мотор качнулся вправо. Инженеры замерли на мгновение — и бросились бежать, но было слишком поздно. Мотор рухнул вниз и раздавил их.

Страшный удар сотряс корпус судна, леса, на которых стоял Сэм, затряслись и заскрипели.

Из-под упавшего мотора хлынула кровь.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Всего потребовалось пять часов, чтобы заменить тросы на кране, подцепить мотор и поднять его. Мертвые тела убрали, кровь вытерли; затем мотор был установлен на место. Проверка показала, что удар о корпус судна не повредил двигатель.

Сэм был так подавлен, что с удовольствием отправился бы в постель и не вылезал из нее неделю. Но он не мог себе это позволить. Работы должны продолжаться; множество людей смотрели на него и верили ему — нельзя показывать, насколько он угнетен.

Сэм располагал достаточным числом инженеров, но только Ван Бум и Величко были из второй половины двадцатого века. Он хотел бы найти еще специалистов из этого времени; но хотя он сделал устное объявление и передал его также с помощью барабанов, больше никого не удалось обнаружить.

На третий день Сэм попросил Файбраса зайти к нему домой. Предложив ему сигару и стакан виски, Сэм спросил, не желает ли он занять пост главного инженера Пароландо.

Сигара вывалилась изо рта Файбраса.

— Хотите сманить меня, старина? Я вижу, вы уже вошли в форму. Пытаетесь поставить на мой номер?

Сэм вздохнул и сказал:

— Может быть, перейдем на эсперанто?

— О'кей. Я готов спуститься на грунт. Так что же вы хотите?

— Я предлагаю вам работать на меня — предположим, временно.

— Временно?

— Если вы желаете, эта должность станет для вас постоянной. В тот день, когда корабль отправится в свой долгий путь, вы станете его главным инженером.

Длительное время Файбрас сидел молча. Сэм шагал взад и вперед по комнате. Иногда он бросал взгляд в иллюминатор. Мотор правого гребного колеса был уже установлен; теперь кран загружал в глубину корпуса громоздкие части батакайтора. Когда его смонтируют, гигантский аккумулятор будет возвышаться на тридцать шесть футов над трюмной палубой. Затем оба мотора подключат к батакайтору и проведут испытание. Двойной кабель шестидюймовой толщины протянут на две сотни футов к ближайшему грейлстоуну. К его концу присоединят большую полую полусферу, которая накроет вершину камня. Когда грейлстоун начнет генерировать свой чудовищный электрический разряд, энергия будет передана по кабелю в батакайтор и зарядит его. Затем энергию от аккумулятора подадут на моторы. Сэм отвернулся от иллюминатора.

— Я не требую, чтобы вы предали свою страну,— сказал он.— Все, что вы сейчас должны сделать — испросить у Хаскинга разрешение работать на меня и строить корабль. Позднее вы можете обдумать возможность путешествия с нами. Что вы предпочтете? Останетесь в Соул Сити, чтобы предаваться приятному и бесцельному безделью? Или примете участие в величайшем приключении, которое может выпасть обитателю речной долины?

Файбрас медленно произнес:

— Если я приму ваше предложение — повторяю, если я его приму — то я не хотел бы занять должность главного инженера. Я бы претендовал на место главы ваших воздушных сил.

— Но это не такой важный пост, как главный инженер!

— Он очень ответственный и потребует напряженной работы. Кроме того, мне нравится мысль о том, чтобы снова подняться в воздух и...

— Вы можете летать! Можете! Но вам придется служить под командованием фон Ритгофена. Понимаете, я обещал ему, что он станет начальником наших воздушных сил, которые будут состоять только из двух аэропланов. Что вам за дело, кто будет главным, если вы сможете летать?

— Это вопрос профессиональной чести. Я налетал на тысячи часов больше, чем Ритгофен. Я имел дело с самолетами гораздо более сложными и скоростными. Наконец, я был астронавтом. Я высаживался на Луне, на Марсе, на Ганимеде и достиг орбиты Юпитера.

— Это ничего не значит,— сказал Сэм.— Самолеты, на которых вы будете летать, очень примитивны. Они больше похожи на аэропланы времен первой мировой войны, которые пилотировал Лотар.

— Итак, ниггер должен знать свое место?

— Это нечестно! — вскричал Сэм.— Вы можете стать главным инженером! Под вашей командой будет тридцать пять человек! Вы получите звание капитана, обещаю вам! Только не заставляйте меня нарушать обещание Лотару!

Файбрас встал.

— Вот что я скажу вам. Я помогу строить корабль и обучу ваших инженеров. Но все это время я хочу еще и летать. Когда же придет срок отправляться в путь, мы вернемся к этому разговору.

— Я не нарушу своего обещания Лотару,— произнес Сэм.

— Пусть будет так. Но многое может случиться за это время.

Итак, одна проблема была решена, но зато в будущем маячила другая. Барабаны донесли разрешение из Соул Сити использовать Файбраса. По-видимому, Хаскинг хотел, чтобы Файбрас как следует познакомился с судном; тогда, в некий день, он мог бы выполнить

функции главного инженера Корабля для самого Хаскинга. Кроме того, в планы Файбраса, возможно, входило устранение фон Ритгофена — до того, как Корабль будет спущен на воду. Файбрас не выглядел подобно хладнокровному убийце, но внешний вид ничего не значил — как обнаружило бы любое разумное существо, прожив несколько лет с человеческой расой.

Тремя днями позже Хаскинг сообщил, что он согласен значительно увеличить поставки бокситов Пароландо в обмен на аэроплан. Файбрас перегнал его на тридцать одну милю, к северной границе Соул Сити, где другой летчик — негр, который был генералом военно-воздушных сил США, принял самолет. Через несколько дней Файбрас вернулся обратно на парусном судне.

Батакайтор и электрические моторы работали превосходно. Вначале их опробовали на малой мощности, и гребные колеса начали медленно вращаться. Затем вращение ускорили так, что лопасти гигантских колес стали со свистом рассекать воздух.

Настанет время — и от верфи до речного берега будет вырыт канал; тогда огромный Корабль легко пройдет в Реку своим ходом.

У фон Ритгофена и Гвиневры возникли некоторые осложнения. Лотар имел репутацию «смертельного» мужчины, и он не мог вынести длительную связь. Как правило, это ему не удавалось и дело ограничивалось кратковременным флиртом. У Гвиневры было определенное мнение о взаимной верности, которое Лотар, в принципе, разделял — но только теоретически. Практика — вот где он спотыкался.

От Хаскинга пришло новое сообщение. Он намеревался нанести визит в Пароландо в течение двух ближайших дней. Он хотел провести ряд совещаний по поводу их торговых отношений, проинспектировать уровень жизни черных граждан Пароландо и взглянуть на Корабль.

Сэм ответил, что будет счастлив принять Хаскинга. На самом деле, он не испытывал этого чувства, но суть дипломатии — притворство. Приготовление обиталища для Хаскинга и его многочисленной свиты, подготовка к совещанию так заняли Сэма, что он не имел возможности наблюдать за работами на Корабле.

Пришлось также заниматься приемом многочисленных судов с рудой из Соул Сити. Хаскинг прислал в три раза больше груза, чем обычно — по-видимому, чтобы продемонстрировать свою искренность, миролюбие и стремление к взаимопониманию. Сэм предпочел бы равномерное поступление грузов, но сейчас было необходимо сделать значительный запас руды на небольшой период времени. Шпионы сообщали, что Иэясу уже подготовил несколько крупных флотилий и собрал огромное количество воинов с обоих берегов Реки. И он отправил несколько посланий в Селинайо, требуя, чтобы экс-графиня перестала засылать миссионеров на его территорию.

Судно Хаскинга прибыло за четыре часа до полудня. Это был большой двухмачтовый корабль в сотню футов длиной с продольным парусным вооружением. Телохранители Хаскинга, рослые черные молодцы со стальными боевыми топорами и ружьями модели «Марк-1», промаршировали по трапу. На них были черные юбки-кильты; шлемы, кирасы и башмаки из кожи речного дракона тоже имели черный цвет. Охранники выстроились в шесть рядов с каждой стороны трапа и тогда на сходнях показался сам Хаскинг.

Это был высокий, хорошо сложенный человек с темно-коричневой кожей, глазами с узким косоватым разрезом, широким сплющенным носом, толстыми губами и упрямым подбородком. Его прическа представляла образец «естественного» стиля. Сэм не привык лицезреть подобную шапку курчавых волос на голове негра. В этом таилось нечто бунтарское, непристойное; волосы негра должны быть коротко острижены. Это чувство не покидало его, хотя Файбрас объяснил, что для чер-

ных американцев второй половины двадцатого века подобный «естественный» стиль являлся символом борьбы за свободу. Для них коротко остриженные волосы ассоциировались с угнетением, которому подвергались черные со стороны белых.

Хаскинг носил черный плащ, черный китель и кожаные сандалии. Его единственное оружие — стальная рапира в ножнах — висело на широком ремне.

Сэм подал сигнал — и орудие произвело двадцать один выстрел. Оно находилось на вершине холма на краю равнины. Салют был дан не только для того, чтобы оказать почести Хаскингу; предполагалось, что орудие произведет на него определенное впечатление. В долине Реки только Пароландо располагало артиллерией — включавшей, впрочем, единственную 75-миллиметровую пушку.

Последовали официальные представления. Хаскинг не предложил руки ни Сэму, ни Джону, ограничившись легким наклоном головы. Оба вождя Пароландо были предупреждены Файбрасом, что Хаскинг обменивается рукопожатиями только с теми людьми, которых считает старыми испытанными друзьями.

Они беседовали о разных пустяках, пока чаши Хаскинга и его людей выставлялись на вершину ближайшего грейлстоуна.

После полудня, когда наполненные едой чаши были сняты с камня, главы государств, сопровождаемые их телохранителями и почетной стражей, направились во дворец Джона. Джон настоял, чтобы первая встреча происходила на его территории — несомненно, чтобы показать Хаскингу, кто первенствует в дуумвирате Пароландо. На этот раз Сэм не возражал. Файбрас, несомненно, проинформировал Хаскинга, как обстоят дела между Клеменсом и Джоном Ланкастером.

Итак, в ближайшие часы Сэм с угрюмым изумлением наблюдал, как экс-короля Англии поносили в его собственном доме. Хаскинг перехватил инициативу и завел скучнейшую язвительную речь о всех несчастьях,

которые белые причинили черным. Было мучительно признавать, что обвинения Хаскинга во многом являлись справедливыми. Он говорил правду — Сэм был готов согласиться с этим. Дьявол, он сам видел что такое рабство, и он видел последствия Гражданской войны. Он родился и вырос в обществе рабов и рабовладельцев — намного раньше, чем Хаскинг появился на свет. Дьявол, ведь это он написал «Гекльберри Финна», «Простофилю Вильсона» и «Янки из Коннектикута».

Не имело смысла говорить Хаскингу о подобных материях. Хаскинг просто не обращал на него внимания.

Его голос зудел и зудел, мешая в кучу непристойные вымыслы и факты, преувеличенные фантазии и реальность, излагая мрачную историю нищеты, угнетения, убийств, унижений, издевательств и так далее, и так далее.

Сэм чувствовал вину, стыд — и, в то же время, гнев. Почему счет предъявлен именно ему? Что означает этот бессмысленный обвинительный акт?

— Вы все виновны, все! — кричал Хаскинг.— Виновен каждый белый человек!

— До самой своей смерти я видел не больше дюжины черных,— сказал Джон.— Какое отношение могу я иметь к вашей истории о несправедливости?

— Если бы вы родились на пятьсот лет позже, вы стали бы величайшим хонки из всех белых! — произнес Хаскинг.— Я все о вас знаю, Ваше Величество!

Внезапно Сэм вскочил на ноги и крикнул:

— Вы пришли сюда рассказать нам о том, что случилось на Земле? Мы все это знаем! И все это — в прошлом! Земля мертва для нас! Надо считаться только с тем, что происходит здесь!

— Да,— сказал Хаскинг.— Но то, что происходит здесь, происходило раньше на нашей старой доброй Земле. Вещи не изменились — даже на крошечную долю дюйма! Я смотрю вокруг — и что же я вижу? Кто правит в этой стране? Пара хонки! Здесь есть черные

люди — почти одна десятая вашего населения. Вы должны были включить как минимум одного чернокожего в ваш Совет из десяти человек. Могу я его увидеть? Хотя бы одного?

— В Совет входит Кабер,— ответил Сэм.

— Да! В качестве временного члена — и только из-за моего требования, чтобы Пароландо представлял в моей стране черный посол!

— Арабы составляют у вас шестую часть населения,— произнес Сэм,— и я не припоминаю, чтобы в вашем Совете был кто-нибудь из них. Почему?

— Они белые, вот почему! И я собираюсь избавиться от них! Не пытайтесь меня уязвить! Многие арабы — хорошие люди, люди без предубеждений! Я встречал таких, когда скрывался в странах Северной Африки. Но эти арабы, здесь,— религиозные фанатики и они не прекращают доставлять мне неприятности! Следовательно — пусть они убираются прочь! Мы, черные, хотим, чтобы наша страна стала полностью черной; мы будем в ней духовными братьями. Мы будем жить в покое! Мы создадим свой собственный мир, а вы, хонки, можете создавать ваш! Мир Сегрегации — с заглавного «С»! Тут большое «С» тоже может работать, и поэтому мы не должны зависеть от белых ни в чем — ни в нашем труде, ни в пище, ни в одежде, ни в нашей безопасности! И мы добьемся этого, белые! Все, что мы должны сделать — только сказать вам: убирайтесь к дьяволу! Держитесь подальше от нас!

Файбрас сидел за столом, склонив голову в завитках темно-каштановых волос, опустив глаза вниз и прикрывая бронзовыми ладонями лицо. Сэму казалось, что он пытается сдержать смех. Над кем он хохотал про себя — над Хаскингом или над теми, кого тот столь яростно обличал? Сэм не мог догадаться. Вполне возможно, что Файбрас смеялся над всеми участниками этой нелепой полемики.

Джон пил виски, лицо его краснело и наливалось кровью. Похоже, он мог взорваться в любое время. Не-

легко молча проглотить оскорбления, связанные с твоей виной перед черными, с которыми ты в своей земной жизни не имел никаких дел. Однако Джон был повинен в стольких чудовищных преступлениях, что мог принять на совесть еще несколько без большого ущерба для себя. И, как верно заметил Хаскинг, в другом месте и в другое время Джон не пренебрег бы возможностью пустить кровь черным.

Но какую цель преследовал Хаскинг? Если он хотел добиться сближения с Пароландо, то выбрал для этого странный путь.

Вероятно, глава Соул Сити ощущал непреодолимую потребность ставить на место любого белого — кем бы тот не был. Он хотел ясно показать, что он, Элвуд Хаскинг, черный, был не хуже любого белого.

Душу Хаскинга разрушила та же система, что в той или иной степени разрушила души почти всех американцев — черных, белых, красных или желтых.

Неужели этот путь — единственный? Вечная ненависть, свирепая борьба на протяжении бог знает скольких тысячелетий жизни в долине Реки.

В этот момент, только на одно мгновение, Сэм готов был уверовать в справедливость доктрины Второго Шанса. Если им известен путь из этой тюремной клетки ненависти, нужно слушать только их. Ни Хаскинга, или Джона Ланкастера, ни Сэма Клеменса и никого другого, кто потерял мир и любовь. Пусть миссионеры Второго Шанса будут вести...

Но он не верит им, напомнил он себе. Они подобны всем другим религиозным исцелителям Земли. Нет сомнения, что некоторые из них стремились к добру. Но истина была недостижимой для них, поэтому не имеет значения, что они провозглашали на словах.

Внезапно Хаскинг прервал свою речь. Сэм сказал:

— Ну, хотя мы и не планировали послеобеденный обмен речами, я благодарю вас, синьор Хаскинг, за то, что вы вызвались добровольцем. Мы все также благодарны вам за отсутствие явного намерения получить с

нас плату по всем пунктам счета. Наша казна в данный момент пуста.

— Вы любите делать шутки из всего, не так ли? — заметил Хаскинг.— Ну, ладно. Как насчет небольшой прогулки? Мне любопытно взглянуть на ваш большой корабль.

Сэм забыл свой гнев и обиды, пока вел Хаскинга через фабрики и мастерские к Кораблю. Даже законченный только наполовину, он был великолепен. Наиболее прекрасное творение, которое он когда-либо видел. Даже, подумал он, даже... да, даже прекраснее лица Ливи, когда она первый раз сказала, что любит его.

Хаскинг не впал в экстаз, но, очевидно, Корабль произвел на него впечатление. Однако он не смог удержаться от язвительных комментариев по поводу царившего вокруг опустошения.

Незадолго перед ужином Сэму пришлось отлучиться. Неизвестный, который причалил к берегу на небольшом судне, попросил встречи с правителем этой земли. Так как принимавший его охранник был человеком Клеменса, он вызвал Сэма. Тот прибыл немедленно на одном из двух джипов, законченных только неделю назад; двигатели этих машин работали на спирту.

Стройный молодой блондин с приятной внешностью поднялся навстречу Сэму, когда он вошел в помещение береговой охраны. Юноша представился на эсперанто как Вольфганг Амадей Моцарт. Сэм обратился к нему на немецком, заметив, что молодой человек говорит на мягко звучащем верхнегерманском диалекте. Его речь содержала слова, которых Сэм не понимал; очевидно, это были австрийские выражения восемнадцатого века.

Человек, называвший себя Моцартом, сказал, что он жил в двадцати тысячах миль вверх по Реке. Он слышал о Корабле, но причиной его длительного путешествия были известия о том, что на судне предполагается создать оркестр и проводить музыкальные занятия для удовольствия пассажиров. В течение двадцати трех лет, проведенных в этом мире, лишенном необходимых

материалов, Моцарт испытывал настоящие страдания. Здесь единственными музыкальными инструментами были барабаны, деревянные флейты, свирели и грубое подобие арф, сделанных из костей и кишок речных рыб. Моцарт услышал о разработке метеоритного железа, о гигантском Корабле и его оркестре с настоящим роялем, скрипками, флейтами, трубами и прочими чудесными инструментами, которые он знал на Земле, а также другими, изобретенными после его смерти в 1791 году. И вот он здесь. Найдется ли для него место среди пассажиров Корабля, любителей музыки?

Сэм питал уважение к классической музыке, хотя и не являлся ее пылким поклонником. Однако он затрепетал, встретившись лицом к лицу с великим Моцартом. Если этот человек был Моцартом. На Реке встречалось так много самозванцев, объявлявших себя то единственным и истинным Иисусом Христом, то чародеем Барнумом, что он не мог верить человеку на слово. Ему уже встретились три Марка Твена.

— Случилось так, что прежний архиепископ Зальцбурга является гражданином Пароландо,— сказал Сэм.— Хотя когда-то вы были в плохих отношениях, насколько я припоминаю, уверен, что сейчас он будет рад видеть вас.

На лице Моцарта не выступили ни бледность, ни румянец. Он кивнул головой и сказал:

— Наконец я встречусь с кем-то, кого знал во время своей жизни! Поверите ли, я...

Сэм мог поверить, что Моцарт еще не встречал никого из своих земных знакомых. Он сам нашел только трех человек, которых он знал, а его круг знакомых был очень обширен; Сэм долго жил и совершил несколько путешествий. То, что его жена Ливи являлась одной из этой троицы, было совпадением, превосходящим пределы вероятного. Он подозревал, что тут не обошлось без Таинственного Пришельца. Однако готовность Моцарта встретиться с архиепископом еще не доказывала, что он действительно тот самый Моцарт.

Самозванцы, с которыми Сэм имел дело, вначале обычно заявляли, что лица, известные как их старинные знакомые, либо ошибаются, либо сами являются обманщиками.

Кроме того, архиепископ Зальцбургский не жил в Пароландо. Сэм не имел представления, где обитает его преподобие. Он выдумал все это, чтобы проверить реакцию Моцарта.

Сэм заявил, что синьор Моцарт может стать гражданином Пароландо. Конечно, он займется музыкальными инструментами; пока они еще не сделаны. Однако инструменты не предполагается изготавливать из дерева и меди. Это будут электронные приборы, воспроизводящие такие же звуки, как знакомые Моцарту инструменты. Если синьор Моцарт действительно тот человек, которым он себя объявил, есть хорошая возможность стать дирижером оркестра. И он может тратить все свое время на создание новых композиций.

Сэм не обещал определенно, что Моцарт станет руководителем оркестра; он уже получил урок в части своих обещаний.

Во дворце Джона был дан большой прием в честь Хаскинга, который, казалось, выпустил свой яд в первый день встречи. Сэм беседовал с ним в течение часа и нашел, что Хаскинг был очень интеллигентным человеком, посвятившим много времени самообразованию; он обладал воображением и литературным чутьем. Однако это еще более опечалило Сэма; он представил себе трагедию таланта, растраченного впустую.

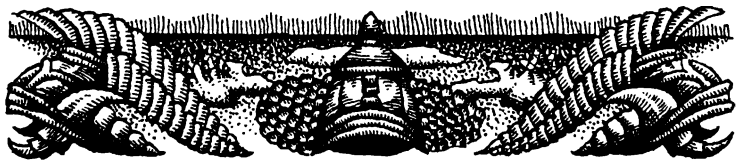
Около полуночи Сэм проводил Хаскинга в большой дом с тридцатью комнатами, предоставленный гостям государства. Это двухэтажное здание, построение из камня и бамбука, стояло на полпути между дворцом Джона и его обиталищем. Затем он повел джип к своему дому. Джо, сидевший сзади, немного дулся — ему хотелось управлять машиной, однако огромные ноги гигантопитека были плохо для этого приспособлены. Пошатываясь, они поднялись по лестнице и открыли

дверь. Джо сразу же пошел в свою комнату и с грохотом рухнул на кровать; дом вздрогнул до основания. Сэм выглянул в окно-иллюминатор — как раз вовремя, чтобы увидеть Сирано и Ливи, входящих рука об руку в свою хижину. Левее и выше ее темнела хижина фон Ритгофена; он уже спал — вместе с Гвиневрой.

Сэм прошептал «Доброй ночи!» — не зная даже, кому он адресует эти слова,— и тоже лег в постель. День был долгий и тяжелый, закончившийся большим приемом, на котором было выпито изрядное количество виски и спирта, выкурено множество сигарет с табаком и марихуаной. Сэм устало закрыл глаза.

Он пробудился от сна, задыхаясь от ужаса; ему привиделось, что его захватило страшное калифорнийское землетрясение Четвертого Июля.

Он вскочил с кровати и бросился к дребезжащей двери капитанской рубки. Еще до того, как он попал к иллюминаторам, он знал, что причиной взрывов и сотрясения почвы является новое нападение. Ему не удалось пробраться к окнам; свистящая ракета с огненным хвостом ударила в один из столбов, подпирающих дом. Рев оглушил его; дым, вращаясь и закручиваясь, полз в выбитые иллюминаторы. Сэма качнуло вперед; дом содрогнулся, и передняя стена рухнула наружу. История повторялась снова.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ошеломленный, он барахтался среди деревянных обломков, осколков битого стекла и комьев земли, пытаясь выбраться из-под разбитой стены. Огромная рука подняла его и поставила на ноги. В ярком свете ближайшего взрыва он увидел носатое лицо Джо. Очевидно, Джо выбрался из дома и, разбросав обломки, нашел Сэма. В левой руке гигантопитека были зажаты две чаши — его и Сэма.

— Не знаю каким чудом, но меня даже не ранило, — прохрипел Сэм, ощупывая себя руками. — Только синяки и порезы от стекла.

— У меня не было времени втсять панцирь, — сказал Джо. — Но я прихватил мой топор. Тут еще меч и пистолет для тебя и вот мешок с зарядами.

— Дьявол, кто напал на нас, Джо? — спросил Сэм.

— Я не тснаю. Тмотри! Они идут через проходы в стенах — там, где причалы!

Звезды светили ярко. Облака, что посылали дождь каждой ночью, еще не сгустились, но Река уже окуталась густым, тяжелым туманом. Из этого зыбкого марева продолжали литься толпы людей, наполняя равнину. Позади стен, закрывавших побережье, очевидно, находился флот.

Только флот рудовозов из Соул Сити мог подойти так близко, не вызвав тревоги. Любые другие суда, плывущие по Реке в этот час, не ускользнули бы от внимания шпионов, которых Сэм и Джон Ланкастер расставили по всему побережью, даже на вражеских территориях. Это не мог быть флот Иэясу; по донесе-

ниям разведчиков, доставленным около полуночи, он все еще стоял у причалов.

Джо протянул руку над кучей бревен и сказал:

— Там идет тсертовская драка — у дворца Джона. И дом для гостей, где был Хаткинг и его парни, весь в огне.

Пламя освещало тела, валявшиеся на земле, и крохотные фигурки, сражавшиеся у бревенчатых стен дворца Джона. Затем к воротам, на освещенное место, вытащили пушку и зарядные ящики.

— Это ведь джип Джона! — крикнул Сэм, указывая на машину, стоявшую позади орудия.

— Да, и это наша путка! — сказал Джо.— И тсейчас люди Хаткинга вышибут с ее помощью Джона из его уютсного маленького гнестышка!

— Дьявол их побери! — произнес Сэм и начал проворно карабкаться вверх по склону холма. Он не мог понять, почему нападавшие не послали людей, чтобы захватить его дом. Разбившая переднюю стену ракета была выпущена с равнины. Если Хаскинг со своим отрядом подкрадывался со стороны дома для гостей, чтобы броситься внезапно в атаку и поддержать нападение со стороны Реки, то Сэм должен быть целью первого удара — так же, как и Джон Ланкастер.

Он разберется с этим потом — если это «потом» наступит.

Захват орудия людьми Хаскинга был болезненным ударом для Пароландо. Сэм подумал об этом, услышав грохот пушечных выстрелов — один, другой, третий. Он оглянулся — обломки бревен летели вверх, под ними расплывалось облако дыма. В стенах, окружавших дворец, зияли проломы; еще несколько выстрелов — и здание превратится в руины.

К счастью, вспомнил Сэм, запас снарядов был невелик — не более пятидесяти штук. Хотя метеорит содержал огромное количество железа, он не хотел расточать его для производства орудийных снарядов.

Впереди маячила хижина Сирано и Ливи. Дверь была распахнута, внутри — пусто. Сэм посмотрел на вершину холма. Лотар фон Ритгофен, со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, бежал к нему. За Лотаром спешила Гвиневра, тоже с пистолетом; тяжелая сумка с зарядами висела у нее на боку.

Затем появились другие мужчины и женщины; люди направлялись к нему, среди них было несколько арбалетчиков.

Он приказал Лотару привести отряд в боевую готовность и повернулся к равнине. Причалы все еще кишели людьми. Если бы орудие осталось в их руках, они могли бы расстрелять эти толпы, которым сейчас некуда скрыться. Но пушка стояла около пылавшего дворца Джона и посылала снаряд за снарядом в защитников Пароландо, торопившихся под прикрытие холмов.

Затем большая темная машина прошла сквозь широкий пролом в стене. Сэм закричал от ужаса. Это был «Огненный дракон», проданный Хаскингу. Но где же три амфибии Пароландо?

Наконец, он увидел две машины, двигавшиеся к холмам. Внезапно паровые орудия амфибий открыли огонь, и его люди — его люди! — начали падать.

Нападавшие захватили самое эффективное оружие Пароландо!

Всюду, куда он бросал взгляд, кипело яростное сражение. Битва шла около Корабля. Он закричал снова — мысль, что его создание повредят или разрушат, была невыносимой. Но там не рвались пушечные снаряды; очевидно, враги так же опасались задеть Корабль, как и он сам.

Позади него, с вершины холмов, ударил ракетный залп. Ракеты пронеслись над его головой и разорвались внизу, среди затопивших равнину отрядов. В ответ взлетели вражеские ракеты; полосы красного пламени изогнулись над ним. Одна пронеслась так низко, что он мог видеть блики света на гладком бамбуковом корпусе и длинный шест, торчавший сзади. Он почувствовал

удары воздуха и услышал резкий звук, как будто кто-то огромный выстрелил из пистолета в десяти футах над его головой. Снаряд перелетел вершину холма и с яростной вспышкой разорвался на другом склоне. С ближайшего железного дерева посыпались вниз листья.

В следующие полчаса — или два часа, кто знает? — вокруг ярился кровавый хаос, наполненный дикими криками, запахом пороха и пота, лязгом металла. Время от времени войска Соул Сити атаковали холм и каждый раз откатывались назад, поливаемые потоком стрел, ракет и пластиковых пуль. Наконец, очередная атака перешла в рукопашный бой; на этот раз нападавшие были сбиты вниз шпагами, мечами, топорами, палицами, копьями и кинжалами защитников. Джо Миллер, восемьсот фунтов яростной мощи, ринулся вперед. Волосы его огромного десятифутового тела слиплись от крови — собственной и чужой; он наносил чудовищные удары стальным топором весом восемьдесят фунтов с дубовой рукоятью шести футов длиной. Топор сокрушал кожаные панцири и щиты, отбрасывал и ломал копья, шпаги и мечи, дробил ребра, рассекал руки и шеи, пробивал черепа. Когда враги бежали от гиганта, он атаковал сам. Снова и снова он заставлял их отступать.

Многие стреляли в него из ружей «Марк-1», но стрелки не рисковали приближаться к Джо; пластиковые пули, посланные с дальней дистанции, пролетали мимо. Но вот стрела пронзила его левую руку и какой-то человек, более храбрый — или более безрассудный, чем остальные — проскользнул под топором и вонзил шпагу в бедро гиганта. Рукояткой топора Джо раздробил его челюсть, затем разрубил голову лезвием. Джо еще мог держаться на ногах, но он быстро терял кровь. Сэм приказал ему отступить на задний склон холма, где женщины обработают его рану.

— Нет! Я не пойду! — сказал Джо. Он попытался шагнуть вперед, но со стоном упал на колени.

— Убирайся назад! Приказываю тебе! — закричал Сэм, низко наклонив голову; пуля свистнула около его

уха и разбилась о ствол железного дерева. Должно быть, осколки пластика рикошетировали, так как Сэм ощутил резкие уколы в обнаженные предплечья и икры ног.

Джо ухитрился подняться на ноги и, подобно раненому слону, заковылял прочь. Из темноты вынырнул Сирано де Бержерак, покрытый пороховой гарью и запекшейся кровью. В почерневшем кулаке он сжимал рукоятку длинной рапиры, в другой руке держал пистолет. Позади него, такая же грязная и окровавленная, шла Ливи. Она несла ружье и сумку с патронами; ее задачей было заряжать оружие. Увидев Сэма, она улыбнулась, зубы сверкнули белым на закопченном лице.

— О боже, Сэм! Я думала, ты погиб! Эта ракета, что ударила в твой дом...

— Я бы хотел: чтобы ты была со мной в этот момент...— произнес он.

Это было все, что он успел сказать — и вряд ли он мог сказать больше. Враги снова пошли в атаку, просачиваясь между грудами павших или перепрыгивая через мертвые тела. У лучников Сэма почти не осталось стрел, на каждое ружье приходилось только несколько зарядов. Но враги тоже исчерпали запас пороха, хотя стрелы у них еще были.

Джо Миллер ушел, но де Бержерак постарался заменить его — и не без успеха. Этот человек был дьяволом; он казался таким же гибким, стремительным и смертоносным, как его рапира. Время от времени он разряжал пистолет, зажатый в левой руке, в лицо противника, затем он делал выпад рапирой, прокалывая следующего врага. Он бросал пистолет назад, и Ливи ловила и заряжала его. У Сэма мелькнула мысль о том, как изменилась Ливи. Он никогда не подозревал, что его бывшая жена могла действовать так смело и энергично в подобных обстоятельствах. Эта женщина, хрупкая, болезненная, чувствующая отвращение к насилию, сейчас спокойно выполняла свой долг — хотя у многих мужчин могли от страха опуститься руки.

«И у меня тоже,— мелькнуло у него в голове,— если бы я имел время подумать об этом».

Особенно сейчас — когда Джо Миллер не мог защитить его и морально поддержать, в чем он нуждался не меньше.

Сирано нанес удар, нацелив его в грудь дико вопившего араба-ваххабита — в боевом задоре тот слишком высок поднял свой щит. Ливи подняла обеими руками пистолет и прицелилась. Удар брошенного кем-то молота отклонил ствол; Ливи снова выровняла свое оружие и нажала на спуск. Дым и струя пламени вырвались из ствола, и араб упал с развороченным пулей плечом.

Негр могучего сложения перепрыгнул через его тело, высоко подняв топор. Сирано, вырвав шпагу из тела араба прежде, чем оно успело коснуться земли, проткнул лезвием горло нападавшего.

Затем враги снова откатились вниз, к подошве холма. Они не собирались атаковать снова, пока вперед не выдвинулась большая темно-серая машина. «Огненный дракон»! Лотар оттолкнул Сэма; тот отступил в сторону, увидев в руках летчика алюминиевую трубку и ракету с десятифунтовой боеголовкой. Помощник фон Ритгофена встал на колени; Лотар быстро зарядил ракету в базуку, и, положив ее на плечо коленопреклоненного человека, тщательно прицелился. Он был отличным стрелком. Ракета пошла круто вниз; ее светящаяся траектория закончилась на лобовой броне амфибии. Сноп огня вырвался из ракетного заряда, машину заволокло дымом, ветер медленно относил его прочь. Амфибия остановилась, но она подошла уже довольно близко; ее боевые башенки повернулись и стволы паровых орудий приподнялись.

— Ну, только этого нам не хватало,— хмуро сказал фон Ритгофен.— Нас вполне могли отправить в ад и без боевых машин; с ними мы не в силах сражаться. И вам, и мне это отлично известно, не так ли?

Враги накапливались позади амфибии. Многие из них издавали улюлюкающий вопль — боевой крик уль-

маков, доисторических американцев, обитавших на противоположном берегу Реки. Очевидно, Хаскинг завербовал тех ульмаков, которые решили не присоединяться к Иэясу.

Внезапно резко стемнело. Только пламя горящих домов, огни очагов и продолжавших работать плавильных печей позволяли различить что-либо на равнине. Дождевые тучи надвинулись как всегда стремительно, преследуя и поглощая звезды, подобно стае волков, и через несколько минут хлынул сильнейший дождь.

Сэм огляделся вокруг. После каждой атаки шеренга защитников редела. Смогут ли они выдержать еще одну атаку — даже если амфибия не тронется с места?

Он видел еще несколько сражающихся групп — на севере и юге равнины, около подножия холмов. Но шум, крики и выстрелы постепенно стихали.

Участвуют ли Тайфана и Публия в нападении? Что происходит на южном рубеже?

Он бросил взгляд на гигантский корпус Корабля с его большими гребными колесами, наполовину скрытый лесами и вытянутыми к небу шеями кранов. Затем он отвернулся. Он не мог плакать; он был застывший, как кусок льда. Время слез придет после.

Казалось, вся кровь вытекла из него и мертвое холодное тело не способно породить слезы.

Ориентируясь на огни дюжины горящих хижин, он заковылял вниз по заднему склону холма. Дождь продолжал лить как из ведра. От вражеских отрядов отделились группы, которые, подобно щупальцам осьминога, пытались охватить его людей слева и справа. Сэм повернулся и нажал курок своего пистолета, но дождь, конечно, загасил слабую искру ударного кремня. Ружья их противников были сейчас тоже бесполезны, однако они имели и дубины.

Они снова набросились на последних защитников Пароландо с мечами, копьями и топорами. Джо Миллер ринулся вперед, рыча подобно пещерному медведю. Несмотря на свои раны, он все еще оставался силь-

нейшим и самым опасным бойцом. Под раскаты грома и вспышки молний его топор повергал врагов на землю. Другие бросились на помощь ему — и через несколько мгновений те из нападавших, которые еще оставались в живых, решили, что с них довольно. Они откатились назад, ожидая подкреплений. Зачем рисковать гибелью, когда победа была на их стороне?

Сэм карабкался на следующий холм. Враги атаковали справа. Они рассыпались цепью и мчались вперед, горя желанием перерезать мужчин и захватить в плен женщин. Джо Миллер и Сирано встретили их, и нападавшие снова побежали, скользя и спотыкаясь на мокрой траве.

Сэм пересчитал спасшихся. Он был потрясен — их осталось только пятнадцать! Куда же подевались остальные? Он мог поклясться, что по крайней мере сотня людей двинулась за ним, когда он велел отступать.

Ливи все еще была рядом с Сирано. Ее ружье стало теперь ненужным, поэтому она старалась держаться за спиной де Бержерака, помогая ему точными ударами копья.

Сэм промок и дрожал от холода. Он чувствовал себя жалким, как Наполеон во время бегства из России. Все, все пропало! Его гордый маленький народ, его шахты и фабрики, его неуязвимые амфибии и сказочный, небывалый Корабль! Все пропало! Технические достижения и чудеса, и Великая Хартия — наиболее демократическая конституция из всех известных в мире, и цель его величайшего путешествия! Все, все пропало!

И как? Из-за предательства, подлого предательства!

По крайней мере, король Джон не участвовал в этом. Его дворец был уничтожен, и он, по всей вероятности, погиб под развалинами. Великий Изменник сам стал жертвой измены.

Сэм не мог дать выхода своему горю. Он был еще весь застывшим от ужаса битвы, и все его мысли сосредоточились только на спасении. Когда они достигли

подножья гор, он повел свой отряд на север. Вскоре они оказались напротив дамбы; между ними и огромной бетонной плотиной простиралось озеро шириной в полмили и вдвое большей длины. Отряд двинулся по берегу озера; люди шли, пока не уперлись в бетонную стену, на которую вела широкая лестница. Через несколько минут они поднялись на вершину дамбы.

Внимательно глядя под ноги, Сэм сделал несколько шагов; вскоре он нашел метку — косой крест, высеченный в бетоне и почти погруженный в воду. Он позвал остальных.

— Это здесь! Скоро мы будем в безопасности — если только кто-нибудь из вражеских шпионов не выследил нас.

Он шагнул в холодную воду; молнии сверкали над ним, гром рокотал подобно гигантскому барабану. Он дрожал от холода, но продолжал идти, пока вода не коснулась его груди; ногой он нащупал первую ступеньку.

Сделав глубокий вдох и закрыв глаза, Сэм погрузился в воду. Его ладонь скользнула по бетонной стене и легла на ступеньку. Он двинулся вниз, отсчитывая ступени, пока не оказался на шестой; теперь вход был в нескольких дюймах под ним. Он рванулся в отверстие туннеля и через несколько мгновений его голова поднялась над водой. Жадно глотая воздух, он щурился от резкого света.

Сэм находился в помещении с куполообразным сводом десятифутовой высоты; с потолка свешивались шесть больших электрических ламп. Перед ним простиралась каменная платформа, приподнятая на несколько дюймов над уровнем воды; в ее дальнем конце был вход в следующее помещение. Дрожа и задыхаясь, Сэм вскарабкался на платформу и двинулся к выходу. Над водой появилась голова Джо. Он слабо вскрикнул, и Сэм повернул назад, чтобы помочь гиганту залезть на платформу. Он был ранен в дюжине мест, кровь струилась по густым рыжим волосам.

Остальные показались из воды. Они помогли Сэму втащить гигантопитека в просторную комнату и уложить его на пол. Тут имелось все необходимое — постели, чистые покрывала, пища, питье, оружие и лекарства. Сэм подготовил это убежище на случай крайней необходимости; только руководители страны и рабочие, строившие укрытие, знали о нем.

Второй вход в убежище, расположенный у основания дамбы, был скрыт под водяным потоком, вращавшим лопасти электрогенераторов. Он вел в проход с лестницей, поднявшись по которой любой посторонний оказывался перед гладкой бетонной стеной. Только посвященный в секрет мог открыть люк в стене,

Весь этот проект, как считал Сэм, был данью романтике детства, от которой он никогда не мог избавиться полностью. Его прельщала мысль о тайном убежище с дверями, скрытыми под водопадом и под поверхностью озера — убежище, где он мог укрыться и обдумать планы мести, пока враги тщетно охотятся за ним в просторах прибрежных равнин. Не раз он смеялся над собой, пока велось строительство; теперь он был рад. Оказалось, что романтика способна принести практическую пользу.

Здесь же находился детонатор. Чтобы взорвать тонны динамита, заложенного в основание плотины, достаточно было соединить два провода. Дамба взлетит на воздух, и вода из озера с ревом и грохотом обрушится на центральную часть Пароландо, смывая в Реку все труды человеческих рук.

В таком случае Сэм Клеменс и его сказочный Корабль тоже погибнут; но это было делом чести.

Люди Сэма обработали свои раны и теперь пытались снять боль с помощью виски и Жвачки Сновидений. Иногда Жвачка позволяла забываться; в других случаях она, казалось, усиливала страдания. Оставался один гарантированный способ успокоить боль — накачать раненых спиртом.

Они поели и выспались, пока Сирано сторожил поочередно у обоих дверей. Джо Миллер находился в полубессознательном состоянии большую часть времени, и Сэм нянчился с ним, как с младенцем. Сирано поднялся в очередной раз от нижнего входа и сообщил, что снаружи наступила ночь. Больше он ничего не мог увидеть или услышать из-под завесы падающей воды.

Лотар и Сэм были легко ранены. Сэм решил, что они вполне способны проскользнуть под водопадом и провести разведку. Сирано хотел идти с ними, но Сэм велел ему остаться в убежище. Ливи ничего не сказала, но посмотрела на Сэма с такой теплотой, что у него защемило сердце. Он резко отвернулся; ему не нужна была благодарность Ливи за то, что он оберегает ее мужа от опасности.

Он хотел бы знать, что случилось с Гвиневрой — мертва ли она или захвачена в плен. Лотар сказал, что она исчезла во время последней атаки; его попытки разыскать ее во время бегства оказались безуспешными. Теперь фон Ритгофен корил себя, что не смог уберечь девушку, хотя вряд ли это было возможно.

В убежище имелась черная краска, которую Сэм и Лотар растерли по телу и лицу. Затем они спустились вниз по стальным ступеням лестницы. Со стен прохода сочилась вода, ступени были скользкими от влаги. Слабое сияние электрической лампы освещало проход.

Они прошли под водопадом, изогнувшимся над ними ревущей аркой, и спустились к основанию плотины. Дальше они осторожно двигались вдоль канала, рассекавшего равнину. Из его земляных берегов все еще торчали корни травы. Эта трава казалась неистребимой; никто и ничто не могло справиться с ней.

Небо было еще чистым; огромные звезды и яркие газовые облака светились в вышине. Они старались выбирать места, где царил полумрак. Через полмили они достигли точки, где канал сворачивал направо, к развалинам дворца Джона. Укрывшись в тени развесистого железного дерева, Сэм и Лотар рассматривали лежа-

щую перед ними равнину. Они видели мужчин и видели женщин, которых те тащили в хижины. Мужчины были победителями, женщины — жертвами. Сэм задрожал от ярости, когда услышал стоны и крики о помощи, но он постарался избавиться от опасных мыслей. Ворваться в хижину и попытаться спасти одну женщину — чтобы потерять все шансы спасения страны? Если он поддастся эмоциям, их, несомненно, захватят или просто убьют.

Но если там Гвиневра? Он знал, что не сможет сдержаться и бросится ей на помощь. Бросится? Или нет?

Огни в горнах и плавильных печах уже пылали, и около них мелькали люди. Очевидно, Хаскинг уже приставил своих новых рабов к делу. Около сохранившихся зданий стояло множество охранников, но почти все они предавались обильным возлияниям.

Так далеко, как он мог видеть, равнину освещали огромные костры. Вокруг них толпились люди, мужчины и женщины, они пили и смеялись. Кое-где в тени кустов можно было заметить возню; оттуда доносились вскрикивания женщин. Иногда их даже не уводили в кусты.

С уверенным видом Сэм и Лотар спустились с холма, однако они старались не приближаться к зданиям и большим кострам. Никто не обращал на них внимания, хотя несколько раз они проходили в десятке ярдов от вооруженных патрулей. Казалось, большинство их врагов увлечено поглощением любых спиртных напитков, которые удалось разыскать в запасах побежденных. Исключение составляли только ваххабиты, религия которых запрещала употребление алкоголя, и немногие чернокожие. Эти последние, очевидно, являлись «духовными братьями» Хаскинга и составляли наиболее надежную часть его армии. Хотя в этот ночной час вокруг царило повальное пьянство, днем, по-видимому, поддерживалась какая-то видимость дисциплины. Трупы были убраны, обломки и завалы расчищены. На краю равнины, у холмов, высилась большая загородка

из бревен, по углам которой торчали сторожевые вышки. Сэм не мог заглянуть внутрь, но он предположил, что там содержатся пленные.

Они плелись вперед, пошатываясь и опираясь друг на друга, довольно удачно изображая пьяных. Однажды в двадцати футах от них прошли трое невысоких чернокожих, говоривших на каком-то странном языке. Сэм не мог его узнать, но решил, что в нем есть нечто «африканское». Очевидно, это были дагомейские негры восемнадцатого века.

Они смело миновали фабрику азотной кислоты и здание, в котором производили взрывчатку из человеческих экскрементов, и оказались на равнине. И тут они остановились как вкопанные. В тридцати ярдах от них в крохотной бамбуковой клетке стоял Файбрас со скрученными за спину руками. Клетка была такой узкой, что он не мог сесть.

Рядом, на Х-образном деревянном кресте висел вниз головой Геринг. Его ноги были привязаны к верхним перекладинам, руки — к нижним.

Сэм огляделся вокруг. Несколько человек пили и болтали у ворот пороховой фабрики. Сэм решил, что не стоит пытаться подойти ближе, чтобы поговорить с Файбрасом. Конечно, он хотел знать, как тот попал в клетку, но риск был слишком велик. Они должны высмотреть все, что удастся и благополучно вернуться в укрытие под дамбой. Ситуация казалась безвыходной. Лучшее, что они способны сделать — прокрасться мимо часовых на границе и покинуть страну. Конечно, он мог взорвать плотину и смыть в Реку все — включая армию Хаскинга, но он не хотел потерять судно. Пока имеется хотя бы один шанс заполучить Корабль обратно, он сохранит дамбу в целости.

Они обогнули клетку Файбраса, надеясь, что тот не заметит их или не узнает под слоем краски. Но он стоял согнувшись, опустив голову и опершись лбом о бамбуковые брусья. Геринг застонал. Они ускорили шаги и скрылись в тени ближайшего здания.

Медленно, по-прежнему изображая пьяных, они приблизились к большому дому, который раньше занимал советник Фред Рольф, один из сторонников короля Джона. Судя по количеству вооруженных людей, охранявших здание, его выбрал для своей резиденции Хаскинг.

Это был обширный одноэтажный дом из сосновых бревен и бамбука. Свет, лившийся из раскрытых окон, позволял различить фигуры людей внутри. Внезапно Лотар схватил Сэма за руку и прошептал:

— Гвиневра! Там Гвиневра!

Пламя факела высветило ее золотистые волосы и нежную белую кожу. Она стояла у окна и говорила с кем-то. Спустя мгновение она отодвинулась, и в освещенном прямоугольнике появилось черное лицо Элвуда Хаскинга с нависшей шапкой волос. У Сэма замерло сердце. Этой ночью Хаскинг возьмет ее в свою постель!

Гвиневра не выглядела испуганной, скорее — уставшей и вялой.

Однако Гвиневра, обычно отличавшаяся резкой и свободной манерой поведения, могла обуздать свой характер, когда того требовали обстоятельства.

Сэм потянул Лотара прочь.

— Сейчас мы ничего не сможем сделать; любое вмешательство будет пагубным — для нее и для всех нас.

Они сделали большой круг по равнине, осматривая другие фабрики и здания. Пылающие костры тянулись вдоль стен на побережье так далеко, как мог видеть глаз. Тут были люди из Соул Сити, ульмаки и представители восточных народов. Сэму казалось, что он различает бирманцев, таиландцев и обитателей Цейлона каменного века, живших на другом берегу Реки напротив Селинайо.

Сэм подумал, что им придется преодолеть стену, чтобы покинуть Пароландо. И они должны похитить несколько небольших суденышек, если отправятся вниз по Реке в сторону Селинайо. Он не имел понятия, что случилось в Публии и Тайфане, но подозревал, что эти

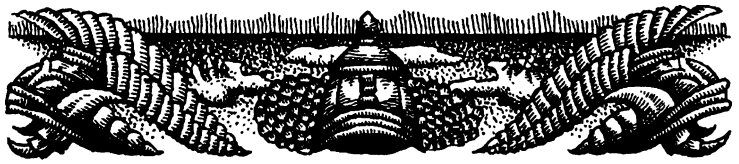
страны могли быть следующими в списке Хаскинга. Побег на север, в Землю Чернского, казался бессмыслицей. Иэясу скоро двинет свои войска вниз по Реке — если он уже не сделал этого.

Ирония судьбы — им придется бежать в ту страну, гражданам которой был запрещен въезд в Пароландо.

Посоветовавшись, Сэм и Лотар решили, что они должны вернуться к дамбе, рассказать остальным об увиденном и обсудить план побега. Уходить лучше во время дождя.

Они направились к озеру, огибая хижины, в которых расположились враги вместе с захваченными в плен женщинами.

Их путь лежал мимо большого железного дерева, тень которого казалась надежным укрытием. Внезапно Сэм почувствовал, как что-то с неимоверной силой стиснуло сзади его шею. Он попытался крикнуть, повернуться, бороться — но пальцы гигантской руки сжались, и он потерял сознание.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Когда Сэм очнулся, он лежал под железным деревом. Задыхаясь и кашляя, он попытался приподняться, но вдруг мощный бас прогудел в темноте:

— Не двигайся, парень! Сиди тихо, не то получишь по черепу этим топором!

Сэм посмотрел вокруг. Футах в шестидесяти от него скорчился Лотар, привалившись к стволу молодой ели; его руки были стянуты за спиной веревкой, во рту торчал кляп. Бас принадлежал огромному человеку с неимоверно широкими плечами, могучей грудной клеткой и мускулистыми руками. Его бедра стягивал черный кильт, на поясе висели стальной томагавк и нож, пистолет системы «Марк I» был заткнут сзади. С плеч великана свисал черный плащ, рукоятка внушительного топора покачивалась в руках.

— Похоже, парень, ты — Сэм Клеменс? — снова негромко прогудел бас.

— Верно,— так же тихо ответил Сэм.— Но что все это значит? Кто вы?

Великан кивнул головой, увенчанной гривой густых волос, в сторону Лотара.

— Я уложил его подальше — так, чтобы он не слышал нас. Меня прислал сюда... кое-кто, кого мы оба знаем.

Сэм помолчал минуту, затем сказал внезапно охрипшим голосом:

— Таинственный Пришелец?

— Да,— буркнул великан.— Он говорил, что ты так его зовешь. Подходящее имя. В общем... ты знаешь, о чем речь, так что не стоит тратить время на пустую болтовню. Ты веришь, что я говорил с ним?

— Верю,— сказал Сэм.— Совершенно очевидно, что вы встречали его. Вы — один из Двенадцати, которых он выбрал. Итак, это был он, да?

Гигант кивнул головой.

— Он. И я не имею желания видеть его снова. Скажу тебе, этот паренек не выдюжит против тех людей, краснокожих, черных или белых, что могли бы внушить мне страх. Но... но один взгляд на него вызывает дрожь. Понимаешь... не то, чтобы я боялся его... но он внушает мне какое-то странное чувство... Словно я — ощипанная курица в кастрюле.

Его голос дрогнул; потом, махнув рукой, он продолжал:

— Ну, хватит об этом. Я — Джонстон. Расскажу тебе немного о себе, чтобы потом не тратить время на пустые расспросы. Джон Джонстон — так меня зовут. Родился в Нью-Джерси, году так в 1827, я полагаю, а умер в 1900 в Лос-Анжелесском госпитале для ветеранов. Между этими датами я был траппером в Скалистых горах и прикончил не одну сотню краснокожих. Но пока я не попал на Реку, мне не доводилось убивать белых — даже французишек. Теперь, пожалуй, я могу похвастать парой-тройкой скальпов бледнолицых.

Человек встал, выпрямился в ярком свете звезд во весь свой гигантский рост. В нем было не меньше шести с половиной футов. Его волосы казались темными, но Сэм подумал, что днем они, наверное, будут иметь ярко-рыжий цвет.

— Дьявольщина, я начал слишком много болтать,— сказал он.— Некуда деваться от людей, что кишат в этой проклятой долине. Поневоле перенимаешь их плохие привычки.

Они двинулись к Лотару. По дороге Сэм спросил:

— Как вы оказались здесь? Да еще в это время?

— Твой Пришелец велел мне найти тебя. Он говорил о большом корабле, что ты строишь, о Туманном Замке и прочем. О всей этой каше — ну, ты понимаешь... Я согласился разыскать тебя и плыть на твоем корабле. Почему бы и нет? Мне тут не нравится. Нет простора, не можешь повернуться, чтобы не задеть кого-нибудь по носу. Я жил на тридцать тысяч миль к северу по Реке; однажды ночью проснулся и увидел... этого... он сидел в тени. Мы с ним долго толковали... о всех здешних делах. Потом я поднялся и отправился в путь. Еще тогда я кое-что слышал о том, что у вас творится. Ну вот — я оказался здесь, когда еще шло сражение, и с тех пор разыскиваю тебя. Я подслушал, о чем болтали черные; они говорили, что твое тело не найдено. Вот я и шатаюсь вокруг, высматриваю и вынюхиваю. Однажды пришлось прикончить какого-то араба... он споткнулся об меня. К тому же, я проголодался.

Они уже были почти рядом с Лотаром, но при последних словах Сэм замер.

— Проголодался? — спросил он.— Вы хотите сказать, что...

Великан не ответил. Сэм заговорил снова:

— Скажите, вы... вы тот самый Джонстон — Пожиратель Печени? Которого еще называли Убийцей Кроу?

Голос над ним пророкотал:

— Я помирился с кроу и стал их братом. И после этого я прекратил есть человеческую печень. Но должен же человек чем-то питаться в этой вонючей долине?

По телу Сэма пробежали мурашки. Он наклонился, развязал Лотара и вынул кляп. Лотар был очень зол, но его разбирало любопытство. И, подобно Сэму, он, казалось, испытывал некоторое почтение к Джонстону. Действительно, этот человек являлся воплощением какой-то дикой силы. Сэм подумал, что не хотел бы попасть в его лапы.

Они направились обратно к дамбе. Джонстон молчал. Однажды он исчез словно ночной призрак, оставив у Сэма странное чувство холодной дрожи. Несмотря на гигантский рост, его тело, триста фунтов костей и мышц, двигалось бесшумно, подобно тигриной тени в лесу.

Сэм вздрогнул. Джонстон возник из темноты.

— Что случилось? — спросил Сэм траппера.

— Да так, ничего. Ты говорил, что не очень хорошо знаешь, что творится вокруг. Но я болтаюсь тут довольно долго и кое-что высмотрел. Большинство твоих людей на севере и на юге ушли под защиту стен. Если они выстоят, то, пожалуй, смогут разбить черномазых. В любом случае, черномазым не победить; Иэясу готов двинуться против них. Не удивлюсь, если он нападет этой ночью. Я пошастал около его лагеря — еще до того, как попал сюда. Он не позволит черномазым завладеть железом и судном. Он все у них отнимет.

Сэм застонал. Какая разница, кто первый — Иэясу или Хаскинг — доберется до Корабля, если судно будет для него потеряно. Но, возможно, вражеские армии уничтожат друг друга, а спасшиеся бегством жители Пароландо вернуться и вновь овладеют страной? Может быть, еще не все потеряно?

К тому же, появление Джонстона подкрепило его силы. Таинственный Икс не забыл о нем. Пришелец продолжал проводить в жизнь свой план, и он прислал Сэму чертовски хорошего бойца — если верить этим земным историям о нем. Джонстон являлся шестым человеком из Двенадцати, которых выбрал Икс. Остальные шесть могли появиться в свое время. Однако один из первой шестерки уже был потерян. Одиссей исчез.

Но он мог объявиться снова. Река — очень подходящее место для такой отпетой команды, как дюжина набранных Пришельцем головорезов.

Кое-кто счел бы их весьма непривлекательной и опасной компанией. Например, этики, народ Таинственного Пришельца.

В убежище под дамбой Джонстона представили остальным беглецам. Джо Миллер, закутанный в покрывала, сел и осторожно пожал трапперу руку. Тот с почтением произнес:

— Клянусь собственным скальпом, этот паренек — очень странное существо. Я таких еще не видел. Не надо так сильно жать мне руку, приятель!

— Я и не пытаюсь,— ответил Джо.— Ты выглядишь тслишком большим и тсильным для меня. Кроме того, мне нездоровится.

За полчаса до начала дождя они вышли наружу. Вокруг все было спокойно. Большинство людей, праздновавших победу, скрылось в хижинах; многие костры были погашены. Однако на сторожевых вышках и стенах, окружавших фабрики, толпились вооруженные люди. Пьянство прекратилось; очевидно, Хаскинг сумел положить этому конец.

Джонстон, подобно гигантскому призраку, скользнул вперед, пока они пробирались вдоль ограды фабрики по производству серной кислоты. Он появился через десять минут.

— Я глянул, как там у черных идут дела. Этот Хаскинг — сообразительный негритос. Кое-где гулянье продолжается — пьянка, вопли, причем в самых заметных местах. Наверное, чтобы шпионы Иэясу не заскучали. Хаскинг догадывается, что япошка атакует в эту ночь. И он делает вид, что взять его совсем просто. Но люди его начеку. Правда, у них маловато пороха.

Новости встревожили Сэма. Он спросил Джонстона, удалось ли ему узнать еще что-нибудь.

— Да,— ответил великан.— Я слышал, как парочка черных толковали о том, почему Хаскинг напал на вас. Он знал, что Иэясу тоже точит на вас зубы и решил его опередить. Если бы япошка захватил железо, ваши машины и прочее, он в два счета свернул бы шею Хаскингу — и кому угодно еще. Эти черные болваны прямо-таки корчились от смеха. Они болтали, что король Джон, твой приятель, заранее сторговался с Хаскин-

гом, а потом Хаскинг спалил его в собственном дворце. Он не доверял этому парню. Черномазые толковали, что Джон наверняка был предателем — а если даже и нет, то он был белым и все равно ему не стоило верить.

— Но какого черта Джон сделал это? — сказал Сэм.— Разве он получил бы какую-то выгоду?

— Хаскинг и Джон хотели захватить все земли на сотню миль вдоль Реки и потом разделить их. Джон правил бы белыми, а Хаскинг — черными. Половина и половина — все делилось бы поровну. Они собирались построить два корабля; и всего прочего — тоже по два, как минимум

— А что с Файбрасом? Почему он в клетке?

— Черт его знает, но кто-то называл его предателем. И еще этого фрица, как его, Херринга...

— Геринга.

— Ага. Но Хаскинг тут ни причем. Он не приказывал пытать его. Это сделали арабы-ваххабиты. Они, знаешь ли, недолюбливают сторонников Второго Шанса. И когда они заполучили Геринга, то начали его пытать — с помощью этих африканских негритосов, дагомейцев, которые, как я слышал, не садятся завтракать, пока не прирежут дюжину людей. Когда Хаскинг узнал, что там творится, он велел прекратить пытки, Геринг был уже почти мертв. Но он успел поговорить с Хаскингом, назвал его своим духовным братом и сказал, что прощает его. Сказал, что они еще встретятся в долине Реки. Хаскинг был потрясен этим — так говорили его люди.

Потребовалось некоторое время, чтобы Сэм переварил новости, которые заставили его нервничать еще сильнее. Его огорчение было так велико, что он даже не получил удовольствия от известия, что Хаскингу удалось провести великого мастера обмана — короля Джона. Однако предусмотрительность и дальновидность Хаскинга вызвала у Сэма восхищение. Хаскинг понял, что существует только один метод вести дела с Джоном

— и он этим методом воспользовался. Очевидно, совести у него было гораздо меньше, чем у Сэма Клеменса.

Принесенные Джонстоном новости меняли ситуацию. Если Иэясу готовит нападение в эту ночь, вряд ли им удастся выбраться за стены во время дождя. Завоеватели из Соул Сити будут настороже. Сэм опустил голову. Его планы снова потерпели крах.

— Что случилось, Сэм? — спросила Ливи. Она сидела рядом и печально смотрела на него.

— Я думаю, с нами все кончено.

— О, Сэм! — воскликнула она.— Где же твое мужество? Как можешь ты говорить это? Ты так легко впадаешь в уныние, когда обстоятельства поворачиваются против тебя! Ведь мы получаем реальную возможность вернуть Корабль! Пусть Хаскинг и Иэясу уничтожают друг друга — и потом мы вышвырнем их прочь. Надо спокойно отсидеться в холмах, пока они рвут друг другу глотки; и когда они будут при последнем издыхании, мы ударим на них!

— О чем ты говоришь? — сердито сказал Сэм.— Ударить на них с отрядом в пятнадцать человек?

— Нет, глупый! У нас есть как минимум пять сотен заключенных в этой загородке на холме — и бог знает сколько еще в других лагерях для пленных. И к нам придут тысячи, которые бежали в Публию и в Землю Чернского!

— Как я до них доберусь? — сказал Сэм.— Слишком поздно! Держу пари, что Иэясу атакует через два-три часа. Может быть, лагеря полны нашими пленными людьми, ну и что с того? Что касается Чернского и Публия Красса, то они, скорее всего, в сговоре с Хаскингом.

— Ты остался таким же вечным пессимистом, каким был на Земле,— недовольно произнесла Ливи.— Но, Сэм, я все еще люблю тебя — иначе, чем раньше, но люблю. Я люблю тебя как друга и...

— Друга! — повторил он с сарказмом и так громко, что остальные обернулись. Сирано воскликнул «Mor-

bleu!», а Джонстон прошептал, чтобы он вел себя потише.

— Мы любили друг друга долгие годы,— продолжал Сэм тоном ниже.

— Ну, не всегда,— ответила Ливи.— Но сейчас не время обсуждать наши отношения. Я не намерена рыться в нашем грязном белье; все равно, уже слишком поздно. Вопрос в другом — желаешь ты или нет вернуть свой Корабль?

— Конечно хочу,— сказал он со злостью.— И ты думаешь, что...

— Тогда оторви, наконец, свою задницу от земли!

Сэм не был бы удивлен, услышав такое от кого-нибудь другого. Но от нее... от хрупкой, нежной и деликатной Ливи... немыслимо! Но она сказала это; и теперь, когда Сэм снова и снова вспоминал свою жизнь, он должен был признать, что на Земле тоже иногда случалось такое, о чем ему очень хотелось бы позабыть.

— Леди говорит дело! — прогрохотал Джонстон за его спиной. Но Сэм хотел обдумать более важную проблему. Самые важные и новые идеи вначале формируются в подсознании, и, наверно, оно прислало сейчас Сэму эту мысль. Он внезапно понял, ощутил всеми клетками своего тела — от макушки до пяток,— что Ливи изменилась. Она больше не была его Ливи. Она не принадлежала ему уже долгое время — возможно, даже последние несколько лет на Земле перед ее смертью.

— Так что же вы ответите, мистер Клеменс? — снова прогрохотал великан.

Сэм шумно выдохнул воздух, как бы прогоняя последние мысли об Оливии Лэнгдон Клеменс де Бержерак и произнес:

— Пожалуй, кое-что мы сможем сделать.

Дождь лил потоками; на полчаса вода, молнии и гром превратили землю и небеса в чудовищное месиво. Джонстон возник из завесы дождя; на его широкой спине покоились две базуки и четыре ракеты, связан-

ные вместе. Потом снова исчез и вернулся минут через тридцать с несколькими стальными метательными ножами и томагавками; его руки и грудь покрывали пятна свежей крови. Кровь, конечно, была не его.

Грозовые тучи рассеялись. Земля отливала серебром в сиянии великолепных звезд, больших, как яблоки, и многочисленных, как вишни в период плодоношения; они сверкали подобно драгоценным камням в луче мощного прожектора. Вскоре похолодало, и люди Сэма скорчились под железным деревом, прижимаясь друг к другу.

Полупрозрачная дымка тумана над Рекой стала густой и плотной, полностью скрыв поверхность воды, грибообразные камни-грейлстоуны и высокие береговые стены.

Иэясу ударил через полчаса. Часть больших и малых кораблей, набитых людьми и оружием, пришла с противоположного берега Реки, с территории, принадлежащей саксам и расположенной к северу от бывшей страны ульмаков, и из земель, где еще недавно проживали в мире бушмены и готтентоты. Но главные силы ударили с правого берега Реки, с трех территорий за Землей Чернского, где теперь властвовал Иэясу.

Он атаковал прибрежные стены по крайней мере в десяти точках. Его воины ринулись в широкие проломы в стенах, проделанные взрывами мин. В первые десять минут атакующие выпустили невероятное количество ракет. По-видимому, Иэясу готовил и накапливал их долгое время. Прогромыхали три боевые амфибии обороняющихся; их паровые орудия поливали, словно из шланга, пластиковыми пулями наступающие колонны. Машины произвели огромное опустошение, но Иэясу приготовил для них сюрприз. Ракеты с деревянными боеголовками, содержащими желеобразный спирт (изготовленный из мыла и обычного спирта) засыпали пространство вокруг амфибий; в каждую пришлось по крайней мере два прямых попадания. Броня машин была залита этим примитивным пылающим напалмом, и

хотя огненная смесь не проникла внутрь, люди задохнулись от дыма и жары.

Увиденное потрясло Сэма. Он, однако, велел Лотару напомнить ему об этом случае, когда все закончится.

— Амфибии нужно сделать герметичными,— отметил он,— с замкнутой системой циркуляции воздуха, как описывал нам Файбрас.

Джонстон появился так неожиданно, словно выскочил из какой-то потайной двери. Рядом с ним стоял Файбрас. Он выглядел совершенно изнуренным, но все же нашел силы, чтобы улыбнуться Сэму. Его била дрожь.

— Хаскингу донесли, что я предал его,— с усилием сказал Файбрас.— И он поверил своему осведомителю, которым был наш глубокоуважаемый и благородный король Джон. Его королевское высочество заявил, что я продал Хаскинга и раскрыл все его планы, чтобы стать командиром ваших воздушных сил. Хаскинг не поверил бы, что я торгуюсь с вами из-за пустяков. Так что я не могу его винить. Мне следовало вовремя предупредить шефа о своих действиях. Он — подозрительный человек, и мне не удалось убедить его в том, что я не работаю на обе стороны.

— А на самом деле? — спросил Сэм. Файбрас ухмыльнулся.

— Нет, я не предал бы его, хотя искушение было немалым. К чему мне это, когда пост главного авиатора все равно предназначался мне — после захвата Хаскингом судна? Просто синьор Хаскинг хотел поверить Джону. Я не нравился ему, потому что не соответствовал его представлениям о том, каким должен быть настоящий брат по духу. Он считал, что я — счастливчик, которому повезло в жизни, незнакомый с ужасами существования в гетто. И его задевало то, что я многого достиг — чего он достичь не сумел.

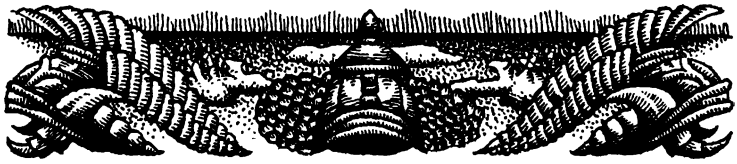
— Должность главного инженера Корабля по-прежнему может стать вашей,— сказал Сэм.— Кстати, должен заметить, что я испытываю большое облегчение,

что не обещал вам пост командира воздушных сил. Но вы можете летать, если хотите.

— Это лучшее предложение, которое я получал когда-либо после своей смерти,— снова усмехнулся Файбрас.— Я его принимаю.

Он придвинулся ближе к Сэму и прошептал ему на ухо:

— Вам пришлось бы в любом случае взять меня с собой.— Я — один из Двенадцати!



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Сэм почувствовал, как волна холода прокатилась по его телу.

— Этик? Пришелец?

— Да. Он сказал, что вы называете его Таинственным Пришельцем.

— Значит, вы все-таки предали Хаскинга?

— Эта маленькая речь, которую я сейчас произнес, предназначалась для слуха общественности, — шепнул Файбрас. — Да, я предал Хаскинга, если вы настаиваете на подобной формулировке. Но если я и сделал это, то во имя более высокой цели, чем духовное братство черной расы. У меня нет желания копаться в проблемах черных и белых государств в долине Реки, когда я имею возможность выяснить, как и почему мы, все человечество, очутились здесь. Я хочу, наконец, получить ответы на свои вопросы, как некогда сказал Карамазов — помните, у Достоевского? Ведь здесь вся эта черно-белая суета просто смешна — какой бы важной она ни казалась на Земле. Хаскинг, должно быть, догадывался о моих мыслях, хотя я и не старался их пропагандировать.

Сэму пришлось сделать усилие, чтобы оправиться от потрясения. Тем временем на равнине бушевала ожесточенная битва, причем положение армии Соул Сити ухудшалось с каждой минутой. За полчаса нападающие значительно ее потеснили, заплатив, правда, за этот успех троекратными потерями в людях. Сэм решил, что пришло время действовать, и его отряд быстрым шагом двинулся к лагерю, в котором содержались взятые в плен жители Пароландо. Лотар выпустил в во-

рота загона две ракеты, и не успел дым рассеяться, как пятнадцать человек ворвались внутрь. Сирано и Джонстон выполнили почти всю работу по устранению дюжины охранников. В схватке де Бержерак был подобен дьяволу: его шпага сверкала, как молния. Джонстон уложил четверых томагавками и троих — метательными ножами, сломал две ноги и раздавил кому-то грудную клетку своими железными лапами. После этого сопротивление прекратилось. Бывших пленных срочно направили в арсенал, где еще осталось немало оружия — мечей и луков со стрелами.

Сэм послал людей на юг и на север. Гонцам надлежало проникнуть за стены и связаться с уцелевшими защитниками Пароландо.

Затем он повел свой увеличившийся отряд к дамбе. Сэм полагал, что им следует разбить лагерь на вершине какого-нибудь холма около плотины и выжидать, наблюдая за ходом сражения. Честно говоря, он понятия не имел, что делать потом. Повернувшись к Сирано, он заметил, что, поскольку партитура отсутствует, дальше придется играть на слух. И с трудом подавил желание добавить, что эта партия будет нелегкой для них обоих, так как Сирано тоже не блистал музыкальными талантами.

Позже Сэм возблагодарил небеса за то, что он не разбил лагерь на самой плотине. Он находился на холме чуть выше и левее дамбы. Отсюда лучше была видна холмистая местность и равнины, где еще рвались ракеты, хотя и не так часто, как в начале атаки. Свет бесчисленных звезд серебрил поверхность большого озера за плотиной, и при взгляде на эти тихие воды казалось, что вокруг царят мир и покой.

Внезапно Джонстон вскочил на ноги и воскликнул:

— Смотрите туда! Вот туда! На вершину дамбы!

Три темных фигуры возникли из воды, четко вырисовываясь на фоне неба. Они стремительно побежали к холмам. Сэм приказал своим людям скрыться за огромным стволом железного дерева. Джо Миллер и Джон-

стон навалились на подозрительную троицу, когда неизвестные поравнялись с деревом. Один из них попытался пырнуть ножом Джо, но гигант сломал ему шею; из лопнувших сосудов брызнула на землю кровь. Двое других потеряли сознание во время борьбы. Когда они пришли в себя, им уже не надо было рассказывать, что они сотворили. И, как догадался Сэм, это было сделано по приказу Джона.

Почва дрогнула под их ногами, и листья железного дерева задребезжали как посуда на кухне во время землетрясения. Белая стена плотины взлетела на воздух в облаке дыми и пыли. От грохота заложило уши. Огромные бетонные глыбы взмыли вверх подобно птицам над фабричной трубой. Затем каменный град посыпался на землю и воду. Теперь озеро уже не казалось сверкающим спокойным зеркалом, отражающим великолепие небес. Его воды хлынули вперед, к Реке. Они с ревом неслись по каналу, над строительством которого рабочие Сэма пролили столько пота. Грохот потока снова оглушил людей.

Сотни тысяч тонн воды, бушевавшей в канале, ударили в его земляные стены, выламывая из них огромные куски. Берег озера также не выдержал напора; вода стремительно хлынула на землю, размывая и заливая ее. Людям Сэма пришлось спасаться от наводнения, карабкаясь все выше и выше по склону холма. Через мгновение гигантское железное дерево, чьи корни уходили в почву на двести футов, опрокинулось, потеряв опору. Его падение казалось бесконечным; затем раздался треск лопающихся корней, ветер забушевал и зашумел среди лиан и листьев, покрывавших огромные ветви. Это зрелище ужаснуло людей, хотя дерево падало в противоположную сторону от них. Они полагали, что находятся достаточно далеко от рухнувшего гиганта, однако бичевавшие воздух корни представляли серьезную опасность.

Вершина тысячефутового дерева ударила в противоположный берег озера и, проминая превратившуюся в

жидкую грязь почву, оно начало погружаться в быстро мелевший водоем. Его корни-якоря цеплялись за землю подобно скрюченным от отчаяния пальцам, но вода, как спичку, сдвинула с места огромный ствол и потащила его вниз. Через полмили дерево прочно застряло между земляными стенами канала.

Ревущий водяной вал в сто футов обрушился на равнину. На его гребне крутились стволы деревьев и бамбука, обломки домов, гибнущие люди. Вал прокатился по полуторамильной равнине, лишь на считанные минуты задерживаясь перед циклопическими внутренними стенами, которые Сэм возвел для защиты своих фабрик и Корабля — стенами, оказавшимися столь бесполезными во время двух нападений.

Все, что оказалось на пути потока, было смыто в Реку. Здания фабрик рухнули, как куличики из песка. Огромный Корабль, подхваченный волнами, выглядел как игрушечная лодочка в водовороте океанского прибоя. Покачиваясь и кренясь, он ринулся в Реку и вскоре исчез во тьме и хаосе. Сэм упал на землю; его сведенные судорогой пальцы вцепились в траву. Его Корабль потерян! Погибло все — фабрики, шахты, вездеходы, аэропланы, кузницы, оружейные мастерские, работники! Но, что хуже всего, погиб Корабль. Его мечта рухнула, его великая сверкающая Мечта разбилась!

Влажная трава охладила его лицо. Казалось, что его пальцы срослись с земной плотью подобно корням и никогда уже не смогут от нее освободиться. Но сильная рука Джо подняла его на ноги, словно куклу. Джо прижал его к своему огромному волосатому телу, пытаясь согреть. Гротескное лицо с выступающими надбровьями и длинным носом склонилось над Сэмом.

— Втсе итчезло! — сказал Джо.— Все! Как пусто! Здесь ничего не осталось, Тэм!

Поток бушевал и ярился на равнине, но через пятнадцать минут вода схлынула и Река приняла обычный вид. Обломки, древесные стволы и прочие свидетельства катастрофы были унесены вниз по течению.

Сэм поднял голову. Большие здания фабрик и Корабль вместе с окружавшими его лесами исчезли. Там, где стволы шахт выходили на поверхность, плескались озера. Гигантские стены на побережье были снесены на протяжении мили. Часть равнины, по которой прокатился поток, казалась выглаженной чудовищным утюгом. Однако огромная масса промчавшейся воды не смогла сорвать верхний слой почвы: настолько прочной была трава и так глубоко уходили в землю ее корни.

• • •

Небо побледнело, и звезды, сияющие в вышине, стали постепенно гаснуть. Великая армада Иэясу исчезла; теперь суда завоевателей, изломанные и разбитые, неслись вниз по течению Реки. Воины обеих армий, сражавшихся на равнине, и моряки с кораблей, атаковавших побережье, были уже мертвы — раздавленные весом воды, задохнувшиеся, убитые обломками.

Но Пароландо простиралось на десять миль вдоль берега Реки, а водяной поток прокатился только по двухмильной полосе. Основной ущерб был нанесен центральной части страны, причем все строения на участке шириной в полмили подверглись полному разрушению. Люди, оказавшиеся на его границах, утонули, а здания рухнули или только накренились.

С рассветом появились люди — почти тысяча человек в лодках и на северной стене, ограждавшей Пароландо от Земли Чернского. Их вел король Джон.

Сэм построил своих воинов в боевой порядок с Джо Миллером в центре, но Джон, прихрамывая, бросился вперед, подняв руку в знак мира. Сэм двинулся к нему. Но даже после того, как Джон объяснил все, что он сделал, Сэм продолжал опасаться, что его убьют. Позднее он понял, что Джон нуждался в нем, в Файбрасе и в других специалистах, если хотел достроить Корабль. Кроме того, Джон испытывал извращенное удовольст-

вие, оставляя Сэма в живых и догадываясь, что тот будет постоянно страшиться удара кинжала из-за угла.

Как вскоре выяснилось, не все надо было начинать сначала. Корабль, почти совсем неповрежденный, сел на мель милей ниже по течению. Конечно, предстояла нелегкая работа по транспортировке громадного корпуса судна — но это было много легче сделать, чем построить его заново.

Джон снова и снова втолковывал своему соправителю, что он совершил, но коварные хитросплетения его интриг оказывались такими сложными и запутанными, что Сэму так и не удалось охватить всю картину целиком. Оказывается, Джон снюхался с Хаскингом, предав тем самым Сэма и зная, что Хаскинг предаст его при первом удобном случае. Джон испытал бы искреннее разочарование, если бы Хаскинг не сделал этого. Он потерял бы тогда веру в человеческую природу.

Джон также заключил тайный договор с Иэясу, обещая ему помощь, когда он нападет на Пароландо вслед за Хаскингом. Иэясу понравился этот замысел; он понимал, что Хаскинг будет значительно ослаблен после сражения с отрядами Пароландо. Наконец, Джон договорился с Публием Крассом, Тай Фангом и Чернским, что они помогут ему добить Иэясу — после того, как его армия будет рассеяна и частично уничтожена наводнением, вызванным взрывом плотины.

Джон послал трех человек, велев им произвести взрыв в тот момент, когда наибольшее количество нападающих и защитников сконцентрируется на равнине под бетонной стеной плотины. Задолго до этого он сам скрылся в речном тумане на небольшом судне.

— Значит, вас не было во дворце, когда люди Хаскинга обстреливали его из пушки? — спросил Сэм.

— Конечно,— ответил Джон, расплываясь в хитрой улыбке.— Я находился на несколько миль севернее и спешил навстречу Иэясу. Вы никогда не были доброго мнения обо мне, Сэмюэль. Но теперь вам следовало бы

упасть передо мной на колени и с благодарностью поцеловать мою руку. Без меня вы бы потеряли все.

— Я бы все сохранил, если б Ваше Величество сочло возможным предупредить меня о нападении Хаскинга, — язвительно сказал Сэм. — Мы могли устроить ему ловушку.

Лучи восходящего солнца упали на рыжеватую шевелюру Джона, осветили его лицо.

— О, да! Но проблема Иэясу осталась бы нерешенной. Теперь ее не существует и никто не может помешать нам захватить все земли, в которых мы нуждаемся — включая бокситы Соул Сити, а также иридий и вольфрам Селинайо. Я полагаю, теперь у вас нет возражений против присоединения этих территорий?

Дальнейшие события напоминали сказочный сон. Хаскинг был взят в плен, а Гвиневру нашли живой и невредимой. Во время нападения Иэясу они оба находились на западных холмах, откуда Хаскинг собирался нанести внезапный удар по армии захватчиков. Но его планы нарушило наводнение; край потока залил окружающую местность. Гвиневре удалось вовремя подняться на холм, хотя она чуть не захлебнулась. Хаскинга подхватило потоком и швырнуло на дерево. У него были сломаны обе ноги и рука; очевидно, он получил и сильное внутреннее повреждение.

Сэм и Джон поспешили туда, где под железным деревом лежал умирающий Хаскинг. Навстречу им бросилась Гвиневра; она с плачем обняла Сэма и Лотара. Пожалуй, Сэма она обнимала гораздо дольше, чем фон Ритгофена, что не было удивительным — последние несколько месяцев они с Лотаром непрерывно ссорились.

Джон собирался прикончить Хаскинга с помощью изощренных пыток и хотел предаться этому приятному занятию сразу же после завтрака. Сэм яростно возражал. Он понимал, конечно, что Джон мог поставить на своем — его люди в пять раз превосходили по численности сторонников Сэма. Но в этот момент он потерял

всякую осторожность. И Джон уступил. Он еще нуждался в Сэме и верных ему специалистах.

Лицо Хаскинга было серым.

— У тебя была своя мечта, Белый Сэм,— произнес он слабым голосом,— а у меня — своя. О земле, где братья и сестры могли бы жить в мире и открывать друг другу свои души. Где были бы одни черные. Тебе не понять, что это значило для меня. Ни белых дьяволов, ни глаз их, следящих за моим народом. Только черные братья по духу. Это было бы так близко к раю, насколько возможно в этом адском мире. Конечно, мы не избежали бы трудностей — невозможно прожить без проблем, парень. Но они не имели бы отношения к белым. То были бы наши проблемы... Но моей мечте не суждено было сбыться.

— Вы могли осуществить все это,— сказал Сэм,— если бы немного подождали. Завершив строительство Корабля, мы оставили бы железо любому желающему. И тогда...

Лицо Хаскинга исказилось. Его кожа покрылась предсмертной испариной, мышцы напряглись от боли.

— Парень, ты, наверное, сошел с ума! Ты и в самом деле думаешь, что я поверил сказке о твоем предполагаемом плавании в поисках Великой Чаши? Я знаю, как ты собирался использовать это судно! Ты покорил бы нас, чернокожих, и снова заковал бы в цепи! Старый белый южанин вроде тебя...

Хаскинг закрыл глаза. Сэм воскликнул в отчаянии:

— Вы ошибаетесь! Если бы вы знали меня, если бы вы взяли на себя труд прочитать и понять мои книги, вы не отождествляли бы меня с...

Хаскинг открыл глаза и прошептал:

— Ты способен лгать ниггеру даже когда он умирает, не так ли? Послушай! Этот нацист, Геринг — вот кто действительно потряс меня! Я не велел мучить его, только прикончить побыстрее, но эти арабы-фанатики... ты их знаешь... Одним словом, Геринг передал мне послание... «Здравствуй и прощай, духовный брат

мой»... — или что-то в этом роде. «Я прощаю тебя, потому что ты не ведаешь, что творишь»... Каково, а? Послание, полное любви и прощения — от проклятого нациста! Но ты знаешь, он изменился. И, может быть, он прав. Возможно, все эти приверженцы Второго Шанса правы: кто ведает? Глупо воскрешать нас молодыми и здоровыми, чтобы мы снова терзали друг друга — глупо, не правда ли?

Он пристально уставился на Сэма и прохрипел:

— Пристрели меня! Избавь от мучений! Больно...

Лотар шагнул вперед и встал рядом с Сэмом.

— После того, что ты сделал с Гвиневрой, я буду рад выполнить твою просьбу.

Он направил ствол кремневого ружья в голову Хаскинга. Тот криво усмехнулся и прошептал:

— Насилие в ответ на насилие? На Земле я поклялся никогда не прибегать к нему, но эта женщина пробудила во мне дьявола... Ну, и что с того? Разве мало черных женщин-рабынь изнасиловали вы, белые собаки?

Сэм повернулся и пошел прочь. За его спиной раздался выстрел. Его передернуло, но он продолжал свой путь. Это было самое лучшее, что Лотар мог сделать для Хаскинга. Завтра он снова будет прогуливаться по берегу Реки, невредимый, где-то в тысячах миль от Пароландо. Когда-нибудь они с Сэмом могли еще увидеться, хотя Сэм не испытал бы радости от этой встречи.

Его нагнал Лотар, пропахший ружейным порохом,

— Я должен был дать ему умереть в муках. Но от старых привычек трудно избавиться. Я хотел его убить — и убил. Этот черный дьявол еще улыбался мне. Я разнес его улыбку на клочки — вместе с его головой.

— Не надо больше об этом, — ответил Сэм. — Мне и так плохо. Я готов все бросить и переключиться на деятельность миссионера. — Он слабо улыбнулся и продолжал: — Пожалуй, в настоящее время только мученики доктрины Второго Шанса знают, за что они принимают страдания.

— Это пройдет,— сказал Лотар. Он оказался прав — но для забвения понадобилось три года.

• • •

Жизнь продолжалась. Ландшафт снова стал похож на поле битвы, зловонное, черное от копоти и дыма. Но великий Корабль был достроен. Осталось только испытать его. Завершен последний штрих — белый корпус Корабля украсился большими черными буквами названия. На обоих бортах, десятью футами выше ватерлинии, было написано: «Ненаемный».

— Что это означает? — спрашивали Сэма многие.

— Именно то, что написано,— улыбался в ответ Сэм,— в отличие от большинства слов, написанных или сказанных когда-либо. Ни один человек не сможет нанять этот Корабль. Это — свободное судно и его команда — свободные люди. Они никому не служат.

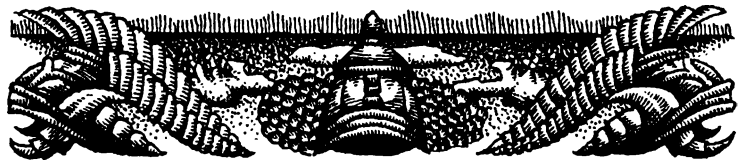
— А почему корабельный катер называется «Не Вешать Объявлений»? — интересовались любопытствующие.

— Это название пришло ко мне во сне,— отвечал Сэм.— Однажды мне приснилось, что кто-то пытается повесить на катер объявление и я сказал ему, что это судно построено не с целью рекламы. «Вы что — принимаете меня за торгового агента Барнума?» — сказал я ему.

В этом сне было еще кое-что, но об этом Сэм рассказал только Джо Миллеру.

— Знаешь, этот человек, который клеил объявления... объявления, возвещавшие о создании великого Корабля... он обернулся — и я узнал себя! Я был двумя людьми одновременно в своем сне!

— Я не понимаю этого, Тэм,— сказал Джо. Сэм махнул на него рукой.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Колеса «Ненаемного» впервые вспенили воду в двадцать шестую годовщину Дня Воскрешения. Это произошло спустя час после утреннего разряда грейлстоунов, наполнившего чаши завтраком. Кабель и полусфера, снимающая энергию с грейлстоуна, были убраны; кабель смотали через специальное отверстие в носовой части судна и уложили в трюм. Чаши зарядили на камне, расположенном милей севернее, и доставили на большое судно на паровом вооруженном катере-амфибии «Не вешать объявлений». И сказочный Корабль, сверкая белыми бортами с красной, черной и зеленой отделкой, двинулся в канал, а из него — в Реку, оставляя по правому борту огромный волнорез. Это сооружение специально предназначалось для того, чтобы течение не развернуло Корабль на юг или не унесло обратно в канал.

Под резкие звуки свистков, звон колоколов, ликующие крики пассажиров и огромной толпы на берегу, под мерный грохот гигантских колес, ударяющих о воду, Корабль величаво вышел в Реку.

«Ненаемный» имел в длину четыреста сорок футов и шесть дюймов. Его ширина — в том месте, где располагались колеса — составляла девяносто три фута. Осадка при средней загрузке судна равнялась двенадцати футам. Гигантские электромоторы, вращавшие колеса, развивали мощность в десять тысяч лошадиных сил и давали достаточно энергии для прочих нужд экипажа. Теоретически, максимальная скорость могла достигать сорока пяти узлов в спокойной воде. Двигаясь против течения, скорость которого составляла пятна-

дцать миль. Корабль будет проходить тридцать миль в час; двигаясь по течению — шестьдесят. «Ненаемный» отправится к верховью реки со средней крейсерской скоростью пятнадцать узлов относительно берега.

На Корабле было четыре палубы: так называемая машинная палуба, главная, штормовая и посадочные площадки. Капитанский мостик находился на переднем крае штормовой палубы; за ним тянулась длинная надстройка, в которой располагались каюты капитана и старших офицеров. Мостик был двухъярусным и возвышался впереди двух тридцатифутовых тонких дымовых труб. Файбрас возражал против их установки, так как дым от больших котлов (используемых только для подогрева воды и подачи пара к пулеметам) можно было направить в сторону от борта судна. Но Сэм фыркнул и заявил:

— Какое мне дело до сопротивления воздуха? Мне нужна красота! И мы добьемся красоты! Разве кто-нибудь слышал о Корабле без высоких, стройных дымовых труб? Разве у вас нет души, друг мой?

На Корабле было шестьдесят пять кают размером двенадцать футов, с откидными койками, столами и складными сиденьями. В каждой каюте имелся туалет и умывальник с горячей и холодной водой, на шесть кают приходилась одна душевая. Три больших салона располагались в надстройке, на штормовой и на главной палубах. В них находились большие столы, столики для игры в карты, гимнастические снаряды, киноэкран и сцена для театральных представлений. В салоне на главной палубе даже было специальное возвышение для оркестра.

Верхний ярус капитанского мостика украшали дубовые столы и резные кресла, обтянутые красной, белой и черной кожей речного дракона. Штурман сидел в большом вращающемся кресле перед панелью управления. На ней располагались небольшие телевизионные экраны, с помощью которых он мог контролировать важнейшие узлы Корабля. Рядом находился микро-

фон, позволяющий штурману связаться с любым человеком команды. Управление Кораблем осуществлялось с помощью двух рычагов на небольшом подвижном пульте, связанных с левым и правым гребными колесами. Впереди блестели экраны радара для ночного плавания и эхолота: последний позволял измерять глубину Реки. Тумблер на приборной панели включал автоматическое управление, хотя по правилам штурман все время должен был находиться на посту.

Сэм был одет в белый кильт и белый плащ; на ногах — белые сандалии, на голове — белая офицерская фуражка из кожи и пластика. На поясе висела кобура с тяжелым четырехзарядным пистолетом «Марк-2» и десятидюймовый кортик в ножнах.

Он расхаживал по рубке с большой зеленоватой сигарой во рту и наблюдал за штурманом Робертом Стайлсом, впервые усевшимся перед панелью управления. Стайлс, старый рулевой с Миссисипи, теперь выглядел пригожим парнем и хотя никто не мог назвать его лжецом, он, подобно всем морякам, был склонен к преувеличениям.

Когда он появился тут года два назад, Сэм подскочил от радости и даже пустил слезу, хотя такое случалось с ним нечасто. Он знал Боба Стайлса еще с тех времен, когда оба они плавали по Миссисипи.

Стайлс нервничал, как любой на его месте, впервые взявшийся за рычаги управления — даже сам Исайя Селлерс, лучший капитан на Миссисипи, имевший стальные нервы. Правда, управление Кораблем не отличалось большой сложностью. С ним мог справиться даже одноглазый учитель воскресной школы в состоянии изрядного подпития или шестилетний ребенок, дотянись он до рычагов. Чтобы увеличить скорость, надо подать рычаг вперед; в среднем положении колеса останавливались; движение назад включало задний ход. Чтобы повернуть влево, следовало слегка потянуть на себя левый рычаг и подать вперед правый; для правого поворота — сделать все наоборот. Но, естественно,

нужна была некоторая практика, чтобы добиться необходимой координации движений.

К счастью, не требовалось напрягать память, чтобы вести судно по этой Реке. На ней не было ни островов, ни отмелей и встречалось очень немного коряг и других препятствий. Как только Корабль приблизится к мели, сонар включит звуковой сигнал. Если ночью по курсу появится лодка или полузатонувшее бревно, сонар или радар покажут препятствие и включат красную лампочку тревоги.

Сэм наблюдал за Стайлсом с полчаса, пока мимо тянулись берега, заполненные тысячами людей. Они махали руками и кричали от радости. Или посылали проклятья — ведь многие были разочарованы, потому что не попали в команду Корабля. Но Сэм не слышал их проклятий.

Потом Сэм взял управление на себя и еще через полчаса предложил попробовать Джону. Экс-король Англии носил все черное, будто он даже в одежде старался быть полной противоположностью Сэму. После некоторых колебаний он взялся за рычаги и справился с делом совсем недурно для бывшего монарха, никогда в жизни не занимавшегося полезным трудом.

Корабль проплыл мимо королевства покойного Иэясу, теперь снова разделившегося на три государства; затем Сэм приказал поворачивать назад. Боб Стайлс воспользовался случаем и развернул судно, как он выразился, «на пятачке», чтобы продемонстрировать его маневренность. Пока левое колесо отрабатывало задний ход, на правое была подана полная мощность и Корабль повернулся подобно пропеллеру на оси. Потом он двинулся вниз по течению. Его колеса бешено вращались; с попутным ветром и течением скорость судна достигала шестидесяти узлов. Но вскоре Сэм велел Стайлсу уменьшить скорость и приблизиться к берегу, пока сонар не покажет глубину под килем в один фут. Даже сквозь шум колес, свистки и звон сигнальных колоколов сюда доносился гомон толпы. Мимо, как будто

во сне, мелькали лица. Сэм открыл передние иллюминаторы, и все находившиеся в рубке смогли почувствовать ветер и ощутить скорость судна.

«Ненаемный» прошел вниз по Реке до Селинайо и там снова развернулся. Как хотелось Сэму, чтобы здесь оказалось еще одно судно, с которым можно было бы посоревноваться в скорости! Но на Реке существовал только один металлический, мощный Корабль с электрическими двигателями. Даже на небесах человек не можем иметь все!

Во время обратного пути раскрылись створки огромного люка на корме и в воду выскользнул катер. Он прошел вперед и назад на максимальной скорости и, наконец, пристроился перед носом «Ненаемного». Его паровые пулеметы дали несколько очередей над поверхностью воды; им вторили тридцать пулеметов большого судна.

Затем из кормового люка появился большой трехместный гидросамолет; его крылья развернулись, и он взмыл в воздух. Аппаратом управлял Файбрас; его подруга и Гвиневра были пассажирами.

Мгновением позже маленький одноместный самолет-разведчик взлетел с площадки над корабельной надстройкой, запущенный вверх паровой катапультой. Его пилотировал Лотар фон Ритгофен. Мерно жужжа мотором, работающим на древесном спирте, самолет устремился вперед и быстро скрылся из вида. Затем он вернулся, ринулся вверх — и впервые на планете Реки были продемонстрированы фигуры высшего пилотажа. Свой полет Лотар закончил глубоким пике, в конце которого он выпустил в воду четыре ракеты и дал очередь из спаренных пулеметов. Они стреляли патронами с алюминиевыми пулями, и в трюме Корабля хранилось сто тысяч таких снарядов. Но когда они будут израсходованы, пулеметы станут бесполезны.

Лотар приземлился на посадочной палубе, покрывавшей сверху надстройку, и специальное устройство захватило крюк, выпущенный самолетом. Аппарат рез-

ко затормозил и остановился в десяти футах от дымовых труб. Лотар еще раз взлетел и приземлился. Затем вернулся Файбрас и тоже совершил полет на самолете-разведчике.

Сэм посмотрел через передний иллюминатор вниз, где по широкой палубе маршировали вооруженные моряки. Под полуденным солнцем, нагревшим воздух до восьмидесяти градусов по Фаренгейту, они двигались вперед и назад, совершая сложные маневры по командам Сирано. Их серебристые дюралюминиевые шлемы с плюмажем походили на боевые уборы древних римлян. Они были одеты в плотные куртки с серыми и красными полосами, доходившие до середины бедра, и тяжелые кожаные башмаки. Их вооружение состояло из шпаг, кинжалов и пистолетов «Марк-2». В тренировке участвовал лишь отряд стрелков; большая часть моряков только наблюдала за ней. Это были лучники и ракетная команда.

Сэм увидел в толпе Гвиневру с темно-золотистыми волосами, разметавшимися по спине,— и это зрелище наполнило счастьем его сердце.

Он увидел рядом темнокудрую головку Ливи, и лицо его омрачилось.

Гвиневра, после шести месяцев жизни с фон Ритгофеном, жизни, наполненной ревностью и ссорами, приняла предложение Сэма и перешла жить к нему. Однако Сэм все еще не мог видеть Ливи, не испытывая при этом горькое чувство утраты.

Если бы не Ливи и не присутствие Джона за его спиной, он был бы так счастлив, как только возможно в этом мире. Но Ливи будет сопровождать его на протяжении всего сорокалетнего путешествия. А Джон... Джон все чаще появляется в его ночных кошмарах.

Джон так легко уступил ему пост капитана, без споров заняв должность первого помощника, что Сэм понял — это не к добру. Но когда же возникнет мятеж? Джон несомненно попытается захватить всю полноту власти на Корабле, и любой разумный человек, пред-

чувствуя такой поворот событий, постарался бы убрать его тем или иным способом.

Но Сэму было достаточно расправы с Эриком. Он не мог заставить себя совершить еще одно убийство, зная даже, что смерть Джона не будет его окончательной гибелью. Труп оставался трупом, а предательство — предательством.

Проблема заключалась в том, когда Джон нанесет удар? В самом начале или позднее, во время путешествия, когда бдительность Сэма ослабеет? Оставалось только удивляться, сколько невыносимого мог терпеть человек.

Крупный светловолосый мужчина поднялся на капитанский мостик. Его звали Август Страбвелл, и он являлся адъютантом Джона. Джон откопал его во время своего последнего визита к Иэясу, после нападения Хаскинга. Этот малый родился в 1971 году в Сан-Диего, штат Калифорния, был защитником сборной команды США по футболу, капитаном морской пехоты, награжденным орденами за храбрость, проявленную в операциях на Ближнем Востоке и в Южной Америке. Потом он сделал неплохую карьеру в кино и на телевидении. Страбвелл казался неплохим парнем, но, подобно Джону, слишком любил хвастать своими любовными похождениями. Сэм не доверял ему. Любой, работавший на Джона Ланкастера, приобретал какую-нибудь его дурную черту.

Сэм пожал плечами. Хотя бы на недолгое время он может быть доволен собой и всеми окружающими. Зачем позволять кому-то отравить ему радость этого дня — величайшего дня в его жизни?

Он выглянул в иллюминатор; отряд его морских пехотинцев продолжал свои упражнения, окруженный толпой зевак. Солнечные блики сверкали в волнах, дул прохладный ветерок. Если станет слишком жарко, он может закрыть иллюминаторы и включить кондиционер. Он видел флаг «Ненаемного», развевающийся по ветру на носу судна. На квадратном светло-голубом по-

лотнище был изображен алый феникс — символ возрождения человечества.

Он помахал рукой людям, толпившимся на берегу и нажал кнопку; раздались гудки сирены и звонкие удары корабельного колокола.

Он вдохнул дым своей превосходной сигары, выпятил грудь и с важным видом прошелся по рубке. Страбвелл вручил Джону бокал бурбона, затем предложил такой же бокал Сэму. Все остальные, находившиеся на мостике — Стайлс и шесть других рулевых, Джо Миллер, фон Ритгофен, Файбрас, Моцарт, Публий Красе, Страбвелл и три адъютанта Джона — тоже взяли бокалы.

— Тост, джентльмены! — сказал Сэм на эсперанто.— За долгое и счастливое плавание, за то, чтобы мы добились всего, чего заслуживаем!

Джо Миллер стоял рядом с Сэмом, почти касаясь головой потолка; сосуд в его руках содержал добрых полквварты виски. Он втянул запах янтарной жидкости своим чудовищным хоботом. Потом попробовал ее кончиком языка. Сэм уже собирался опрокинуть бокал, когда увидел гримасу на обезьяньем лице Джо.

— В чем дело, Джо? — спросил он.

— В эту дрянь что-то намешано!

Сэм принюхался, но не мог уловить ничего, кроме аромата отличного старого кентуккийского виски. Однако, когда Джон, Страбвелл и три адъютанта схватились за оружие, он выплеснул свой бурбон в лицо Джона и с криком — «Это яд!» — бросился на пол.

Страбвелл выстрелил. Пластиковая пуля разбилась о прочное стекло иллюминатора над головой Сэма. Джо заревел как лев, внезапно вырвавшийся из клетки, и швырнул свой объемистый сосуд с виски в голову Страбвелла.

Остальные адъютанты Джона открыли огонь. Пистолеты «Марк-2» были четырехзарядными, порох в алюминиевых патронах воспламенялся с помощью электрической искры. Это оружие, более громоздкое и тя-

желое, чем «Марк-1», обладало значительной эффективностью; вместо черного ружейного в нем применялся бездымный порох.

Рубка превратилась в арену ожесточенного сражения, заполненную звуками взрывов, свистом рикошетирующих пуль, криками и стонами людей, яростным ревом Джо Миллера.

Перекатившись по полу, Сэм дотянулся до пульта и переключил управление судном в автоматический режим. Боб Стайлс лежал ничком, его рука была почти оторвана. Рядом с ним умирал один из адъютантов Джона. Страбвелл пронесся над ним, ударился о стекло иллюминатора и упал прямо на Сэма. Джон исчез; очевидно, он покинул рубку, спустившись по лестнице вниз.

Сэм освободился от бесчувственного тела Страбвелла. Четверо рулевых были мертвы. Все адъютанты Джона, кроме Страбвелла, лежащего без сознания на полу, тоже погибли. Джо сломал им шеи или раздробил челюсти. Моцарт, дрожа скорчился на полу. У Файбраса текла кровь из многочисленных порезов, нанесенных осколками пластиковых пуль. Лотар был ранен в руку; один из людей Джона успел пырнуть его ножом до того, как Джо Миллер открутил ему голову.

Сэм, шатаясь, поднялся и посмотрел в иллюминатор. Толпа, наблюдавшая за учениями морских пехотинцев, исчезла, оставив на палубе дюжину трупов. Солдаты Сирано отстреливались от людей, которые вели по ним огонь с главной палубы. Сэму показалось, что стреляли также из иллюминаторов некоторых кают надстройки.

Де Бержерак, стоя в полный рост среди своего быстро уменьшавшегося отряда, выкрикивал команды. Затем сторонники Джона, не прекращая огня, бросились в атаку, и Сирано упал. Но он тут же вскочил, и серебристый клинок его шпаги окрасился кровью. Ряды нападающих смешались; они обратились в бегство, преследуемые Сирано. Сэм закричал ему — «Назад,

глупец! Вернись!» — но француз, конечно, не услышал.

Он попытался взять себя в руки. Итак, Джон что-то подмешал в выпивку — яд или сильное снотворное — и только сверхъестественное чутье Джо спасло их от бесславного поражения. По-видимому, Джон рассчитывал захватить капитанский мостик без лишнего шума.

Он бросил взгляд в иллюминатор по правому борту. До огромного волнореза, где корабль должен был стать на якорь до утра, оставалось полмили. Официально их долгое путешествие начиналось завтра. «Должно было начаться», — с горечью подумал он.

Он щелкнул тумблером автоматического управления и взялся за рычаги.

— Джо, — сказал он, — я собираюсь вести Корабль у самого берега. Может быть, я даже посажу его на мель. Достань мегафон. Я расскажу людям на берегу, что случилось, — и мы получим помощь. Он потянул на себя правый рычаг и подал вперед левый.

— В чем дело? — воскликнул он.

Корабль продолжал идти прежним курсом вверх по Реке, держась от берега на расстоянии в сотню ярдов. Он начал бешено дергать рычаги, но судно не повиновалось ему.

Из динамика раздался голос Джона.

— Бесполезно, Сэмюэль! Капитан Сэмюэль, Босс, свинья! Я контролирую Корабль! Мой инженер — который будет главным инженером этого судна — установил еще один пульт управления в... впрочем, не имеет значения, где. Я отключил рубку, и теперь Корабль пойдет туда, куда я захочу его повести. Теперь у вас нет надежд на выигрыш. Сейчас мои люди возьмут штурмом мостик и захватят вас. Но я бы предпочел, чтобы судну было нанесено как можно меньше повреждений. Поэтому, если вы уберетесь с Корабля сами, я отпущу вас живыми. Конечно, если вы способны проплыть сотню ярдов.

Сэм в ярости обрушил кулаки на панель управления. Но судно продолжало идти мимо причала, мимо толпы людей на берегу, которые, размахивая руками, приветствовали их и удивлялись, почему Корабль не останавливается.

Лотар, посмотрев в кормовой иллюминатор, сказал:

— Они пытаются окружить нас! — и выстрелил в человека, который появился на дальнем конце крыши надстройки.

— Долго нам не продержаться,— заметил Файбрас.— У нас мало боеприпасов.

Сэм бросил взгляд в передние иллюминаторы. Несколько мужчин и женщин выскочили на машинную палубу и повернулись, готовясь к отпору. Ливи и де Бержерак были среди них.

Вновь завязалась схватка. Кто-то бросился на Сирано, пока тот расправлялся с ближайшим противником. Ливи попыталась парировать удар стволом своего пистолета, который был, очевидно, разряжен, но клинок вошел ей в живот. Она упала на спину; шпага все еще торчала из ее тела. Человек, убивший ее, умер секундой позже, когда рапира Сирано пронзила его горло.

С диким криком «Ливи! Ливи!» Сэм выскочил из рубки и бросился вниз по трапу. Пули свистели вокруг него, разбиваясь о металлические ступени и перила. Он ощутил ожог и услышал крики за своей спиной, но не остановился. Он инстинктивно чувствовал, что Джо Миллер и остальные бегут за ним. Возможно, они хотели спасти его; возможно — не хотели погибать в рубке как мыши в мышеловке.

Повсюду лежали трупы и стонали раненые. Сторонники Джона были немногочисленны: он больше надеялся на неожиданность атаки и этот расчет оправдался. Десятки людей погибли при первом же залпе, десятки были застрелены во время начавшейся паники. Многие бросились в воду, увидев, что нет другого пути к спасению, нет возможности спрятаться или раздобыть оружие.

Корабль внезапно повернул к берегу, его колеса вращались на максимальной скорости, летели брызги воды, грохотали двигатели, палуба дрожала. Там, на берегу, Джона поджидал большой отряд вооруженных людей, мужчин и женщин. Это были неудачники, которые не смирились с тем, что жребий лишил их места в экипаже судна. Сэм понял, что если они поднимутся на борт, его оставшиеся в живых сторонники будут сметены.

Спустившись с трапа, он побежал вдоль штормовой палубы, крепко сжимая шпагу и пистолет, в котором еще оставалось два заряда. Он не знал, как оружие оказалось в его руках; он не помнил, как доставал шпагу и как вынул пистолет из кобуры.

Чье-то лицо появилось над краем палубы, там, где трап соединял ее с нижним уровнем. Сэм выстрелил, и лицо исчезло. Он был уже у самого трапа; наклонившись и бросив взгляд на его ступени, он снова выстрелил. На этот раз пластиковая пуля не прошла мимо. Грудь человека окрасилась кровью, и он упал вниз, увлекая за собой еще двоих. Но остальные подняли оружие, и Сэм отскочил назад. Раздался залп; пули миновали его, но несколько осколков пластика ударили по ногам.

— Тэм, Тэм! — закричал Джо Миллер позади него.— Ничего нельзя сделать, они окружают нас! Надо прыгать!

На нижней палубе Сирано, вращая шпагой, отбивался сразу от троих и пятился к перилам. Внезапно его шпага пронзила горло одного из нападающих, затем он стремительно повернулся и перепрыгнул через ограждение палубы. Вынырнув на поверхность, он сильными гребками поплыл в сторону от судна; правое колесо едва не задело его.

Пули сыпались градом на стену надстройки рядом с Сэмом, и Лотар закричал ему:

— Прыгайте, Сэм! Прыгайте!

Но они еще не могли искать спасения в Реке. Им надо было пробиться хотя бы на главную палубу.

Джо, развернувшись, уже бежал навстречу людям, стрелявшим из-за расположенной на штормовой палубе надстройки; огромный топор сверкал в его руках. Пули жужжали вокруг него, оставляя тонкий дымный след, но он был еще слишком далеко для точного выстрела. И он надеялся посеять панику в рядах врагов, которые хорошо знали его ужасающую силу и неукротимость.

Остальные бежали за ним, пока не достигли громадного кожуха гребного колеса. Они находились в десяти футах от края штормовой палубы. Если теперь встать на перила и подпрыгнуть, то можно будет ухватиться за металлические крепежные кольца на поверхности кожуха. Через них пропускали тросы, когда кран поднимал кожух и ставил его на место над колесом.

И они прыгнули, один за другим, среди града сыпавшихся рядом пуль. Они ухватились за кольца и повисли, распластавшись по твердой металлической поверхности кожуха. Потом подтянулись наверх, собрались там и бросились в воду. Поверхность Реки была тридцатью футами ниже, и, при других обстоятельствах, Сэм не рискнул бы прыгать с такой высоты. Однако на этот раз он подскочил к краю, зажал ладонью нос и первый ринулся вниз.

Когда Сэм вынырнул на поверхность, он увидел, что Джо тоже спрыгнул — но не с кожуха гребного колеса, а с главной палубы. Он сумел пробиться вниз по трапу и проложил дорогу через толпу пигмеев, пытавшихся помешать ему. Волосы на его теле были покрыты кровью, пули и стрелы свистели вокруг него.

Сэму пришлось снова нырнуть, так как застрекотали пулеметы, вспенивая воду пластиковыми пулями. Через две минуты Корабль начал разворачиваться. Джон, должно быть обнаружил, что его главный противник сбежал. Но к этому времени Сэм уже был на берегу и бежал к холмам, хотя ноги у него подгибались от усталости. Стрельба прекратилась. Вероятно, Джон пе-

редумал убивать его. Ему хотелось причинить Сэму боль — и он знал, что поражение и потеря Корабля принесут Сэму самые тяжкие страдания.

Голос Джона загремел из рупора мегафона.

— Прощай навсегда, Сэмюэль, глупец! Благодарю за то, что ты построил для меня этот Корабль! Я, конечно, назову его иначе — так, как мне больше понравится. А теперь я стану наслаждаться плодами твоих трудов. Вспоминай обо мне почаще, приятель! Прощай!

Его издевательский смех, усиленный мегафоном, ударил в уши Сэма.

Сэм выбрался из хижины, в которой он пытался укрыться и взобрался на стену у самой воды. Корабль остановился у берега, и с него перекинули длинный подвесной трап, чтобы дать возможность подняться на борт предателям. Снизу раздался голос. Сэм опустил голову и увидел Джо, его рыжеватая шерсть потемнела от воды, кое-где была видна выступившая кровь.

— Лотар, Файбрас, Тирано и Джонстон спаслись. Как ты себя чувствуешь, Тэм?

Сэм опустился на пыльную вершину стены.

— Я готов убить себя — но что это даст? Мир, в котором мы живем, Джо,— преисподняя, настоящий ад! Тут даже нельзя покончить с собой! Как ни старайся — ты воскреснешь из мертвых на следующий же день и все твои проблемы, навечно приклеенные к тебе, как... ну, ладно, кончим с этим.

— Что мы теперь будем делать, Тэм?

Долгое время Сэм не отвечал. Он потерял Ливи — и теперь Сирано потерял ее тоже. Он сможет смириться с этой утратой, когда Ливи не будет перед его глазами.

Позднее придет стыд — за ту мгновенную эгоистичную радость, когда он подумал, что Ливи уже не достанется Сирано.

Позднее. Не сейчас. Он был как заторможенный. Утрата Корабля потрясла его больше, чем гибель Ливи.

После всех этих лет тяжкой работы, горя, предательства, интриг, после... после...

Это невозможно вынести... Джо понуро опустил лохматую голову — он всегда огорчался, когда Сэм плакал. Он терпеливо сидел рядом, пока слезы не перестали течь по щекам Сэма. Тогда он заговорил:

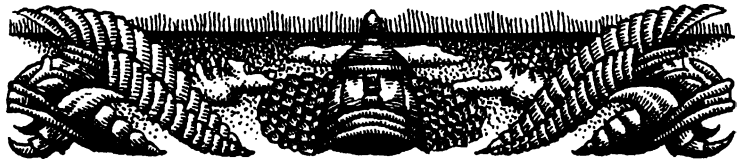
— Тэм, мы начнем троить другой Корабль?

Сэмюэль Клеменс поднялся на ноги. Могучая электрическая машинерия его Сказочного Корабля уже подняла трап.

Сэм погрозил кулаком, смутно надеясь, что Джон сейчас наблюдает за ним.

— Я еще доберусь до тебя, мерзавец! — взревел он.— Я построю другой корабль, и ты от меня не уйдешь! Я поймаю тебя, предатель, сколько бы препятствий не стояло у меня на пути! Я догоню тебя, Джон, и мое судно сметет твой краденый корабль с поверхности Реки! И никто, никто — ни дьявол, ни бог, ни повелитель этого мира — никто, как бы велико ни было его могущество, не сможет остановить меня!

— Когда-нибудь мы встретимся, Джон! Когда-нибудь!



Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях запутались умы...
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидят все, как ошибались мы.

Омар Хайям

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, дорогие читатели, вы держите в руках том с первыми романами из сериала *«Мир Реки»* Филипа Жозе Фармера. Роман этот необычен, но об этом будет сказано в конце моей статьи; в настоящий же момент я перечислю все произведения цикла в надлежащем порядке:

1. *«Восстаньте из праха»* (в первом издании — *«В свои разрушенные тела вернитесь»*, перевод М.Нахмансона).
2. *«Сказочный Корабль»* (дословное название — *«Легендарный речной корабль»*, перевод М.Нахмансона).
3. *«Темные замыслы»* (перевод И.Лахминовой и М.Нахмансона).
4. *«Магический лабиринт»* (перевод И.Лахминовой и М.Нахмансона).
5. *«Боги Мира Реки»* (перевод И.Лахминовой и М.Нахмансона).
6. *«Мир Реки»* (повесть, перевод Б.Сергеева).
7. *«Река Вечности»* (перевод М.Нахмансона).[1]

Первые пять романов составляют основную пенталогию, включающую около полутора тысяч страниц; небольшая повесть «Мир Реки» примыкает к ней, предваряя одну из сюжетных линий *«Темных замыслов»*. Последний роман, *«Река Вечности»*, стоит особняком и не перекрывается с шестью остальными произведениями.

Если вы уже прочитали *«Восстаньте из праха»* и *«Сказочный корабль»*, то, вероятно, помните, что в первом романе описываются приключения Ричарда Бартона, а главным героем второго является

---

[1] Кроме того, в цикл входят сборники Riverworld War («Война Мира Реки») —главы, не вошедшие в роман «Боги Мира Реки») и Tales of Riverworld, («Легенды Мира Реки») и Quest to Riverworld («Тайны Мира Реки»). Последние два сборника — цикл повестей и рассказов других писателей под редакцией Филипа Фармера). В настоящее издание войдут все эти произведения. *(Прим. составителя)*

Сэм Клеменс — бессмертный Марк Твен. Вы, несомненно, прониклись и той атмосферой тайны, которая пронизывает оба романа. Таинственная планета, таинственная и зловещая Башня на северном полюсе, таинственные этики, не то потомки землян, не пришельцы со звезд, проводящие загадочный эксперимент над тридцатью шестью миллиардами землян... Наконец, Таинственный Пришелец, Икс, этик-ренегат, выступивший против своих соплеменников...

Да, тайн у Фармера хватает! И это побудило меня написать данное послесловие, в котором в систематическом порядке излагаются сюжетные линии романов сериала. Тем же читателям, которые хотят не предвосхищать события, а предпочитают наслаждаться сериалом Фармера по мере выхода книг, можно посоветовать это послесловие отложить и прочесть его потом. Другие, кто любит забегать вперед и подглядывать в конце детектива кто убийца — прочтут его с интересом.

Итак, начнем с самого первого романа *«Восстаньте из праха»*.

Сэр Ричард Френсис Бартон, английский путешественник и писатель, блестящий знаток Востока, переводчик сказок *«Тысячи и одной ночи»*, авантюрист и безбожник, скончался в преклонном возрасте 30 октября 1890 г. в австрийском городе Триесте, где он занимал должность консула Ее Величества. Он очнулся в гигантском помещении, пронизанном вертикальными тросами или стержнями, тянувшимися от бесконечно удаленного потолка к не менее далекому полу.

В этом необозримом пространстве отсутствовала тяжесть; его заполняло неисчислимое количество обнаженных, лишенных волос человеческих тел, расположенных рядами, в строгом порядке. Тела — и, естественно, сам Бартон — равномерно вращались. Рядом с собой Бартон видел юношу приятной внешности, молодую женщину, негра и какое-то существо, сходное с человеком, но явно не относящееся к роду хомо сапиенс. Он мог наблюдать и другие тела, причем некоторые из них были лишены не только волосяного покрова, но и кожи или внутренних органов. Потрясенный Бартон попытался дотянуться до ближайшего стержня, но в этот момент к нему подплыл небольшой экипаж, похожий на лодку-каноэ, в котором находились два смуглых человека. Они выглядели несколько необычно, но у Бартона не оставалось сомнений, что перед ним — люди. Один из них направил на Бартона какой-то прибор, снова погрузив его в беспамятство.

Вторично Бартон пришел в себя лежа на жесткой траве под теплым солнцем. Сотни, тысячи людей усеивали зеленую равнину, тянувшуюся вдоль берега реки. Люди казались спящими; они были обнажены, и рядом с каждым стоял большой цилиндр из серого металла. Равнина простиралась от реки до подножий холмов, за которыми вздымались к небесам неприступные горы. Неподалеку от Бартона торчал валун странной формы, похожий на гриб с огромной плоской шляпкой или на стол на толстой ножке. В центре этого «стола» находился такой же серый цилиндр, как около каждого спящего.

Люди просыпались — ошеломленные, недоумевающие. Стоны, крики, плач, молитвы заполнили равнину. Ведь все, находившиеся здесь, некогда умерли или погибли на Земле; большинство — в преклонных летах, некоторые же — молодыми или в детстве. Но тут, на берегу реки, люди воскресли в самом расцвете сил, абсолютно здоровыми, двадцатипятилетними — последнее касалось всех, кроме детей, подростков, юношей и девушек, которые к моменту смерти на Земле еще не достигли этого возраста.

Кто и с какой целью оживил и перенес миллиарды человек в эту долину гигантской Реки на неведомой планете? Каким образом люди восстали из мертвых? И чего теперь ждать — через минуту, через час, через день? Страшного Суда? Геенны огненной? Райского блаженства? Грохота труб архангелов, провозглашающих пришествие небесного Владыки? Правда, место, в котором очутились воскрешенные, не слишком походило на ад, рай или чистилище согласно представлениям приверженцев любой из сотен земных религий; но кто же ведает промысел Божий?

Первый день Воскрешения... одновременно трагичный и великий. День паники, ужаса, надежд, яростных споров и первых столкновений... Но вскоре найдутся трезвые головы, не верящие ни в дьявола, ни в Бога; скоро любознательные умы начнут исследовать этот новый мир; скоро проснутся в людских душах жажда знания и жажда власти, жестокость и доброта, отвага и вероломство, мечты о покое, безопасности и кровавых битвах; скоро опять завертится дьявольский водоворот честолюбия, тщеславия, насилия. И Ричард Бартон окажется одним из немногих избранных, кому удастся проникнуть к самым тайным пружинам механизма, снова запустившего эту карусель.

Перейдем же теперь к описанию мира Реки и ознакомимся с теми сведениями, которые Бартон и его спутники накопили впоследствии, за много лет странствий, наблюдений и размышлений.

Некие неведомые и могущественные существа произвели глобальное переустройство планеты, расположенной где-то в центральной области Галактики — судя по ночному небу, усеянному огромными яркими звездами и светящимися газовыми туманностями. На поверхности планеты, размерами сравнимой с Землей, воссоздана речная долина гигантской длины. Река, составляющая наиболее примечательное географическое явление этого мира, не нуждается в названии; она — единственная и неповторимая, великая, прекрасная и чудовищная; она сама дарит название миру — миру Реки.

Река вытекает из небольшого моря — открытого водного бассейна на северном полюсе. Подобно гигантской змее, она обвивает поверхность планеты зигзагами, вытянутыми в меридиональном направлении, и снова впадает в Полярное море. Таким образом, если течение в одном отрезке Реки направлено с севера на юг, то в двух соседних, западном и восточном, Река струится с юга на север. В более раннем романе «Река Вечности» этот поток выглядит иначе.

Ширина Реки составляет в среднем полторы мили, но иногда горы подступают близко к водному потоку, Река суживается до четверти мили и с грохотом несется в теснине. Встречаются и такие места, где поток, разлившись до шестимильной ширины, образует озеро с медленным спокойным течением. Острова на Реке — редкость, хотя кое-где они имеются.

По обеим речным берегам лежат равнины шириной в полторы мили, поросшие жесткой травой с настолько прочными корнями, что почву почти невозможно вскопать. За равнинами начинается холмистая местность; ее ширина составляет две — две с половиной мили на каждом берегу. Холмы покрыты смешанным лесом; здесь растут сосны, ели, дубы, тис, множество видов бамбука и огромные железные деревья с гигантскими листьями, напоминающими слоновьи уши. Их кроны возносятся на три сотни ярдов, а древесина твердостью почти не уступает камню.

За холмами начинаются горы, высокие, с гладкими склонами, совершенно неприступные. Именно горы отделяют меридиональные участки Реки друг от друга, фактически превращая поверхность планеты в одномерный мир; в нем можно двигаться по течению Реки или против него, но не в направлении, перпендикулярном потоку: тут можно пройти лишь три-четыре мили до ближайшей горной цепи. По визуальной оценке высота гор составляет шесть-семь тысяч ярдов, но Бартон, проводивший более точные измерения, выяснил, что на самом деле они вдвое ниже. Итак, горы представляют собой непреодолимый барьер; через них нельзя перебраться и попасть в соседний отрезок долины коротким путем. И хотя этот отрезок лежит в широтном направлении всего в нескольких милях, достичь его можно только проплыв тысячи миль.

Ось вращения планеты Реки перпендикулярна плоскости эклиптики; таким образом, смены времен года не существует. Климат — жаркий или теплый, поскольку обитаемые зоны Реки расположены в основном в экваториальных и умеренных широтах. Если размеры планеты подобны земным (40 000 км. или 27 000 миль по экватору) и ширина речной долины составляет 10 миль, то зигзагообразная Река состоит из двух тысяч отрезков меридиональной протяженности длиной по 10 000 миль. Следовательно, ее полная длина двадцать миллионов миль. Правда, неизвестна ширина горных стен; если она тоже достигает десяти миль, то расстояние между двумя отрезками Реки равно двадцати милям, и тогда число отрезков и полная длина Реки вдвое меньше — 1000 отрезков и 10 000 000 миль соответственно. Умеренный климат речной долины сменяется более холодным только в области Низовья и Верховья — там, где Река устремляется в Полярное море или вытекает из него.

Полярное море окружено высоким скалистым плато; таким образом, в Верховье Река стекает вниз, но в Низовье, в устье, воды ее должны подниматься. Подобную ситуацию нельзя объяснить естест-

венными причинами; очевидно, под речным ложем в этом месте располагаются установки, воздействующие на силу тяготения. Хотя в районе Полярного моря нет льдов, там очень холодно, и дуют резкие пронзительные ветры.

Планета Реки практически лишена полезных ископаемых. Кое-где в случайных разломах гор можно найти россыпи кремня. С горных склонов и с холмов стекают к Реке немногочисленные ручьи. Животные, птицы, насекомые полностью отсутствуют, лишь в почве водятся черви. Однако в Реке много рыбы, начиная от мелочи и кончая огромными «речными драконами»; впрочем, эти водные чудища не очень агрессивны и особой опасности для людей не представляют. Речные обитатели заняты в основном санитарией — уничтожением попавших в воду отбросов.

Днем в долине всегда теплая ясная погода. Ровно в три часа ночи идет получасовой сильный дождь, и до восхода солнца почва и лес остаются насыщенными влагой. Болезнетворных микроорганизмов нет.

В целом речная долина почти райское местечко. Теплая Река с чистейшей водой, травяные равнины с яркими цветами, безоблачное небо, прекрасные леса, величественные горы... И, как будет ясно из дальнейшего, полное обеспечение главных человеческих потребностей. Пожалуй, единственным недостатком мира Реки является его линейность. Люди привыкли свободно перемещаться по поверхности Земли, а начиная с двадцатого века — и в ее атмосфере. Но на планете Реки, как отмечалось выше, можно двигаться лишь в двух направлениях — по течению потока или против него.

В эту райскую речную долину помещены, как в гигантский заповедник, все разумные и полуразумные создания, когда-либо обитавшие на Земле — начиная примерно от двух млн. лет до новой эры и кончая 2008 годом н.э. Население долины составляет около тридцати шести миллиардов человек — примерно тысяча жителей на каждую милю длины побережья. Оба берега Реки как бы «нарезаны» на десятимильные участки, каждый из которых занимает группа определенного состава: 90% — люди одной национальности и примерно одного времени; около 10% — люди другой нации и другого времени; менее одного процента — случайный конгломерат представителей различных рас и эпох. Сочетания основных «народов», как правило, контрастны — например, англичане XVI века н.э. и персы I века н.э.; сибирские племена третьего тысячелетия до н.э. и негры Центральной Африки эпохи средневековья и т.д. Подавляющая часть населения долины обитала на Земле в исторические времена, в последние два тысячелетия; примерно половина увидела свет в XVIII-XX веках, и не меньше четверти — в двадцатом веке. В связи с этим, представители двадцатого века являются самой многочисленной группой и живут практически в каждом из десятимильных участков-государств.

Сравнительно прохладные районы в Низовье и Верховье населены финнами, шведами и другими жителями холодных климатических зон Земли. В полярной области Верховья обитают чудовищные трехметровые существа — раса вымерших миллион лет назад гигантопитеков (у Фармера они дословно называются титанотропами). В Верховье существует путь к Полярному морю — исключительно тяжелый, проходящий вдоль Реки, а затем через горы. В Низовье достигнуть моря нельзя; там более сотни миль Река течет в подземном тоннеле.

Каждый воскрешенный человек получает большой металлический цилиндр с ручкой — чашу-грааль полуметрового диаметра и 75 см. в высоту. Чаша сделана из несокрушимого материала и очень легка — она весит всего половину килограмма. Трижды в день — утром, в обед и вечером — чашу необходимо установить на грибообразном камне-грейлстоуне (его поверхность вмещает 700-1000 чаш). Грейлстоун является конвертером, преобразующим энергию в материю; в урочный час из него бьет вверх огромный сполох электрического разряда, и в чашах появляются пища, питье, сигареты и различные мелкие вещи (зажигалки, ножницы, мыло, губная помада, расчески, зеркальца и т.п.). В днище чаш вмонтирован дешифратор, определяющий меню; крышку чаши может снять только ее владелец, так как запорное устройство настроено на его биотоки. Внутри цилиндра находятся судки и контейнеры для еды, напитков и упомянутых выше мелочей. Питание исключительно обильное: вареное и жареное мясо, фрукты, сладости, кофе и т.д. Чаши приносят своим владельцам умеренное количество горячительных напитков, сигары, сигареты (в том числе — с марихуаной) и особого рода жевательную резинку с неведомым наркотиком, вызывающим весьма реальные галлюцинации (Жвачка Сновидений). Цепь грейлстоунов тянется по обоим берегам Реки и вдоль холмов (они расположены через каждые полторы мили); таким образом, места на этих «скатертях-самобранках» хватает для чаш всех обитателей долины.

Кроме чаши-грааля каждый человек в момент пробуждения находит рядом с собой стопку покрывал разного размера и ярких расцветок. Некоторые снабжены магнитными застежками и их можно носить в виде юбки-кильта, платья или плаща; другие предназначены для использования в качестве полотенец, пледов и одеял.

Помимо описанных выше материальных благ, которых в мягком климате речной долины вполне достаточно для беззаботного существования, неведомые благодетели преподнесли воскрешенному человечеству еще один дар. В случае насильственной или случайной смерти погибшая личность восстанавливается через сутки в другом месте Реки, удаленном на тысячи миль от первоначального. Таким образом, самоубийство становится лучшим средством излечения увечий и мучительных ран (болезней в этом мире не существует), а также самым быстрым способом путешествия по речной долине — в том слу-

чае, если человек может преодолеть инстинкт самосохранения. Время тоже не властно над людьми; хотя дети растут, но после достижения двадцатипятилетнего возраста процессы старения прекращаются. Первоначально в долине воскрешены дети пяти лет и старше; таким образом, через два десятка лет на берегах Реки обитают только взрослые люди. Нового потомства не появляется; женщины бесплодны, ибо в пище содержатся контрацептивы.

Таинственные благодетели человечества не вступают в контакт с людьми. Подчеркнем, что все изложенные выше факты о новом месте обитания и новых условиях жизни накапливались населением долины постепенно, методом проб и ошибок. Параллельно с накоплением знаний об окружающем мире идет процесс социальной организации рода людского, который вначале носит ярко выраженный феодальный характер. На каждом из десятимильных участков находится некая сильная личность, способная захватить власть с помощью группы сторонников; в результате формируется нечто похожее на удельное княжество. Дальнейший ход событий зависит от духовных качеств властителя. Бывшие короли и генералы создают армии, вооруженные луками, дубинами и копьями с кремневыми наконечниками, строят целые флотилии галер и парусных кораблей, воздвигают форты, после чего начинается захват окружающих территорий. Гангстеры и промышленные воротилы обращают часть населения в «чашное рабство», отбирая в виде налога лучшую пищу, спиртное, сигареты, Жвачку Сновидений. Примитивные племена уничтожают в своих ареалах всех чужаков. Религиозные деятели создают общины «духовных братьев». И все — вооружаются, вооружаются, вооружаются! Даже сравнительно мирные сообщества, не преследующие агрессивных целей, тоже вынуждены вооружаться — если не для нападения, так для защиты.

Долина Реки напоминает гигантскую ленту, разделенную поперек на сотни тысяч полосок-государств. Тут собраны все: неандертальцы и наши современники; древние египтяне, эллины, римляне, майя, персы, китайцы; все средневековые народы Земли; все расы — негры, белые, желтокожие, индейцы; неведомые племена доисторических времен, африканские пигмеи, эскимосы с Аляски, австралийские аборигены. В этом пестром и разноязыком людском море можно встретить политических деятелей, великих писателей, полководцев, ученых; где-то по берегам Реки бродят Наполеон и Александр Македонский, Шекспир и Эйнштейн, Иисус Христос и Марк Твен, египетские фараоны и римские цезари, воины Тамерлана и астронавты начала двадцать первого века, проложившие дорогу к Марсу и Сатурну. И среди них хватает беспокойных душ, которым недостаточно одной лишь пищи, молодости, женской любви, покоя; их гложет любопытство, они ищут знания. Едва освоив правила игры, навязанной человечеству, они желают выяснить, кто сидит по другую сторону карточного стола и каковы его цели.

Итак, перед жителями долины — или, вернее, перед наиболее интеллектуальными представителями рода хомо сапиенс — встают три проблемы: внутренняя, внешняя и глобальная. Первая из них заключается в обретении душевного спокойствия. Многих тревожат призраки прошлой земной жизни — насилие, которое чинили над ними или чинили они, обиды, ревность, боль, муки совести. Эти душевные страдания со временем слабеют (тут определенную роль играет Жвачка, влияющая на подсознание), однако остается неизбывная тоска по родным — жене, детям, заброшенным в неведомые области бесконечной Реки. Невозможность найти и защитить близких, которых, быть может, пытают, насилуют, держат в ужасающем рабстве, становится источником непреходящих страданий. Шансы на встречу с родным или хотя бы знакомым человеком ничтожно малы; требуются сотни лет, чтобы отыскать его в многомиллиардном человеческом океане. Однако за это время искомая личность может не один раз погибнуть и перенестись в те районы Реки, которые уже осмотрены, а посему поиски заранее обречены на неудачу. И, тем не менее, многие пускаются в далекие и опасные странствия; их влечет почти несбыточная надежды обнаружить хотя бы своих современников.

Вторая, внешняя проблема касается отношений между людьми, волею случая попавших в один речной домен, и отношений между доменами-государствами. Природные условия долины столь однородны, а материальные блага распределены так равномерно, что, казалось бы, причины для конфликтов отсутствуют. Но сильные и жестокие стремятся захватить лидерство; их привлекает не столько возможность грабежа чужих граалей, сколько другие аксессуары власти: доминирующее положение и внушаемый окружающим страх, тяга к насилию, к женщинам, к вожделениям плоти. И, конечно, их привлекают новые земли — на юге, на севере, за Рекой, всюду! Там можно взять новых женщин, новых рабов, потешиться кровью и муками побежденных... И ради этого средневековый барон объединяется с чикагским гангстером, а затем громит племя индейцев или княжество фанатиков-мусульман. Кажется, вместе с родом людским на девственную почву речной долины попала вся мерзость Земли; цветные восстают на белых, германцы избивают евреев, мусульмане режут «неверных», мирные общины дрожат перед воинственными соседями. Вероятно, самые невинные существа в этом мире — гигантопитеки и неандертальцы, дикари, убивающие просто из спортивного интереса. Рай превращается в ад.

Что касается глобальной проблемы, то она связана с выяснением природы и целей неведомых благодетелей. Казалось бы, эти вопросы должны затрагивать любого жителя долины, однако волнуют они лишь интеллектуальную элиту. Подавляющее большинство населения либо наслаждается вновь обретенным юным телом, либо предпочитает придерживаться старых доктрин, подгоняя под них окружающий мир, либо склоняется к новому вероучению — к Церкви Второго

Шанса. Согласно этой религии, взращенной в долине, бесконечно мудрые божественные существа воскресили человечество с одной целью: даровать ему еще один шанс (второй и последний!) в достижении праведности. Людям следует совершенствоваться в моральном и нравственном отношениях; они не должны вновь становиться на путь технологического развития, не должны пытаться раскрыть тайны речного мира. Тот, кто достигнет праведности, Уйдет — Уйдет к Богу и сольется с ним, покинув бренное тело; прочие же погибнут.

Итак, мы рассмотрели выше особенности планеты Реки и ситуацию, сложившуюся в долине в два начальных десятилетия эры п.в.— После Воскрешения. Вернемся же вновь к Ричарду Бартону, герою первого романа сериала.

Бартон — не только интеллектуал; он обладает могучей волей, крепким телом, неистощимой любознательностью и талантом быстро адаптироваться в любой обстановке. В первые же дни после Воскрешения он организует группу, в которую входят:

Питер Джайрус Фригейт-1, якобы писатель-фантаст, якобы умерший в 2008 г. Почему «первый» и почему «якобы»? Потому что в третьей книге будет дан намек, а в четвертой и пятой окончательно выяснится, что писателем, умершим в 2008 г., является Питер Фригейт-2. Фригейт-1 — брат-близнец Фригейта-2, умерший во младенчестве, взятый этиками в Мир Садов, воспитанный там и приставленный к Бартону в качестве агента-соглядатая этиков.

Казз — неандерталец, исключительно сильное и преданное Бартону существо. Казз наделен способностью видеть в ультрафиолетовом диапазоне, благодаря чему он различает знаки-пометки на лбах воскрешенных, невидимые для обычных людей. Это обстоятельство играет важную роль в повествовании, так как у агентов этиков таких знаков нет. Но это выясняется далеко не сразу; в первые месяцы странствий с Бартоном Казз слишком плохо говорит по-английски и не может рассказать ему о знаках. Кроме того, в силу своей необразованности, он не понимает их смысла;

Монат — инопланетянин, прилетевший на Землю в 2002 г. не то с Арктура, не то с Тау Кита, член экипажа межзвездного корабля. Его раса открыла способ продления жизни, который попытались выведать земляне; в результате произошло столкновение. Пришельцы были уничтожены, но перед этим — в 2008 г.— они успели облучить нашу планету, уничтожив на ней почти все живое (кроме, быть может, нескольких тысяч людей). Эту историю рассказывает Бартону Монат, а подтверждает ее Фригейт-1; впоследствии же выясняется, что оба они лгут. Монат — представитель инопланетной расы, под руководством которого осуществляется Проект воскрешения и реморализации землян; он — главный его Координатор;

Лев Руах, биохимик, еврей, пострадавший некогда от нацистов;

Гвиневра — десятилетняя девочка, спасенная Бартоном от насильников. Она — уроженка древней Британии, происходит из кель-

тов и со временем вырастает красавицей. Гвиневра станет в будущем подругой Сэма Клеменса — Марка Твена;

Алиса Харгривс — та самая Алиса, которая послужила в детстве прототипом «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла. Алиса — британская аристократка; она становится возлюбленной Бартона и его спутницей на протяжении многих десятилетий скитаний в мире Реки.

Наибольший интерес среди этой пестрой компании вызывает Монат. Присмотревшись к нему, Бартон узнает то странное человекоподобное существо, которое он успел разглядеть при первом своем пробуждении в Воскресительной Камере. Монат рассказывает ему о трагедии, якобы произошедшей на Земле в 2008 г. Хотя по приказу Моната земная цивилизация была уничтожена, он вовсе не является человеконенавистником и кровожадным чудовищем; Монат — гуманист и ученый, выполнивший свой долг перед родной планетой с болью в сердце. На долгие годы (пока Бартон не раскрывает в нем этика), Монат становится другом и спутником Бартона.

Бартон одержим идеей выяснить секреты мира Реки и добраться до его владык — тех самых неведомых благодетелей, воскресивших человечество. Вместе со своей группой и другими примкнувшими к нему людьми он строит быстроходное парусное судно «Хаджи-1» и отправляется странствовать по Реке. Его первый поход длится около полутора лет. Наиболее важное событие этого периода — выяснение способности Казза видеть знаки, коими помечены все обитатели долины, кроме агентов-этиков. Но агенты встречаются очень редко; за полтора года Каззу удается распознать двух-трех. Попытки Бартона захватить этих существ не приводят к успеху; им удается скрыться. Обсуждая ситуацию с Монатом, обладающим колоссальными знаниями, Бартон приходит к заключению, что этики производят над землянами грандиозный эксперимент, цели коего неясны.

Спустя полтора года Бартон, вместе со своим экипажем, попадает в руки «чашных рабовладельцев». Одним из правителей их государства оказывается небезызвестный Герман Геринг, бывший рейхсмаршал авиации гитлеровской Германии. Здесь, в мире Реки, Геринг столь же хитер, изворотлив и жесток, как некогда на Земле. Геринг ведет долгие беседы с Бартоном, пытаясь перетянуть его на свою сторону, однако результат оказывается обратным: Бартону удается заронить в душу экс-рейхсмаршала сомнение в справедливости тезиса «сильный всегда прав». Тем временем рабы готовят восстание, в котором принимает активное участие и экипаж Бартона. Отряды Геринга разгромлены, но сам он успевает бежать. Бывшие рабы организуют Совет для демократического управления страной (названной ими Телемом).

Внезапно Казз сообщает Бартону, что ему удалось обнаружить человека без знаков на лбу, некоего Спрюса, выдающего себя за англичанина второй половины двадцатого века. Члены телемского Со-

вета, посвященные Бартоном в историю его пробуждения в Воскресительной Камере, дают согласие на допрос Спрюса — если понадобится, то под угрозой пытки. Спрюс признается в том, что он — этик низшего ранга, агент, наблюдающий за данным районом долины, но на остальные вопросы отказывается отвечать. Но он страшится пыток; хотя этики превосходно развиты в физическом отношении, они очень чувствительны, и даже мысль о боли или смерти ужасает их. Монат предлагает следующую схему допроса: он, Монат, будет высказывать свои гипотезы о речном мире, а этик будет только подтверждать или отвергать эти догадки. (Напомним, что Монат — тайный Координатор Проекта; весь смысл его диалога со Спрюсом заключен в том, чтобы представить Бартону и Совету цели этиков в наилучшем свете).

Монат заявляет, что, по его мнению, этики являются потомками земного человечества, остаткам коего удалось выжить во время облучения с корабля арктуриан. Спрюс подтверждает это. Далее Монат предполагает, что цивилизация этиков развивается уже пять тысяч лет. Спрюс готов добавить к этому сроку еще пару тысячелетий. По мнению Моната этики создали некий прибор (хроноскоп), позволяющий проникать в прошлое и записывать психическую сущность разумных существ; таким образом было проведено сканирование всех когда-либо живших обитателей Земли. Затем, с помощью этих записей и конвертера энергия-материя, люди были воскрешены в мире Реки — специально переустроенной планете, где ныне обитает тридцать или сорок миллиардов землян.

Спрюс согласен с высказанной гипотезой и в ходе дальнейшего допроса касается морали этиков. Она требует, чтобы всем разумным созданиям, начиная от неандертальцев и гигантопитеков и кончая величайшими гениями и величайшими преступниками двадцатого века были предоставлены равные шансы на физическое и нравственное возрождение. Фактически Спрюс повторяет основную доктрину Церкви Второго Шанса: людей освободили от забот о хлебе насущном, чтобы они спасли свои души. Больше пленник не сообщает ничего и кончает жизнь самоубийством. При вскрытии у него в мозгу находят крохотный черный шарик — устройство, позволяющее агентам этиков прерывать свое существование в случае провала. (Напомню, что они вовсе не умирают; их записи тоже имеется в хранилище, так что воскрешение не представляет проблемы).

В ту же ночь Бартон покидает своих спутников и тайно бежит из Телема. Он догадывается, что невольно стал обладателем ценной информации; его пробуждение в Камере не было случайным. Спрюс, оживленный в неведомом центре управления планетой, доложит об обстоятельствах своего пленения, и за Бартоном начнется охота. По-видимому, этики не могут найти его место в Камере Воскресителя; значит, они примутся разыскивать его с помощью своих агентов в долине Реки. Бартон хочет затеряться среди ее многомиллиардного населения.

Покрыв в каноэ значительное расстояние, он высаживается на берег и неожиданно обнаруживает Геринга. Некоторое время они странствуют вместе, причем ряд трагических и смертельных происшествий приводит к тому, что они воскресают в одних и тех же местах долины. Постепенно Геринг претерпевает моральную метаморфозу. Его мучают угрызения совести, воспоминания о совершенных преступлениях почти сводят с ума. Чтобы забыться, он пользуется Жвачкой, но этот наркотик вызывает лишь страшные видения прошлого. Кажется, Геринг — конченый человек; но, после очередного воскрешения, он встречает миссионера Церкви Второго Шанса и становится ее фанатичным сторонником. Бартон расстается с ним.

Проходит три-четыре года, и Бартон попадает в очередное крохотное государство долины. В одну из ночей, в период дождя, его посещает странный незнакомец, закутанный с головы до ног в плащ с капюшоном. Это существо, по его утверждению, принадлежит к народу этиков и даже является членом комитета Двенадцати — группы старших специалистов, ответственных за Проект. Но этик заявляет, что он — отступник, предатель. По его словам человечество сделалось жертвой антигуманного эксперимента, ибо срок, отпущенный на нравственное возрождение, слишком мал (в дальнейшем выяснится, что этот период равен сотне лет). Лишь немногие успеют достичь уровня, позволяющего Уйти и слиться с Богом; остальные будут уничтожены навсегда. По моральным соображениям Отступник решил встать на сторону людей и изменить ход эксперимента.

Но ему нужна помощь — а посему он решил создать свой комитет Двенадцати, выбрав среди жителей долины двенадцать человек с определенным типом мысленного излучения; Бартон должен войти в число этих избранников (как выяснится в дальнейшем, их не двенадцать, а больше сотни). Этик-Ренегат утверждает, что он пробудил Бартона в Воскресительной Камере, а затем, приложив огромные усилия, вновь разыскал его в человеческом муравейнике долины.

Далеко, на северном полюсе планеты, находится туманное Полярное море, в котором начинается и заканчивается Река. Посреди его холодных вод высится гигантская серая Башня, Туманный Замок, формой подобный огромной чаше-граалю. Там, как следует из намеков таинственного гостя Бартона, находится сверхмощный компьютер — центр управления планетой; и туда, с неизвестной пока целью, должны попасть двенадцать избранников.

Следующие семь лет Бартон странствует по долине под чужим именем, нигде не задерживаясь надолго. Он стремится проникнуть в Верховье, откуда лежит путь к Полярному морю и Башне. Путешествовать пешком или в лодке нелегко; расстояния огромны, и среди враждующих государств долины путника всегда подстерегает опасность. Но есть иной вид транспорта, который Бартон зовет про себя Экспрессом Самоубийства; и если человек обладает мужеством и способен преодолеть страх смерти, то, рано или поздно, он окажется в

любой точке долины. У Бартона хватило отваги сесть в Экспресс Самоубийства семьсот семьдесят семь раз.

Наконец его очередная попытка оканчивается успехом. Он попадает в северную область, близкую к высоким широтам и населенную мирными скандинавами; тут он может построить судно, набрать экипаж и двинуться в поход к морю. Однако в этот момент этики настигают его. Он погружается в сон в своей хижине, но, пробудившись, оказывается в каком-то обширном помещении, расположенном в Башне. Перед ним — комитет Двенадцати, шесть мужчин и шесть женщин, во всем подобных людям Земли; один из них — Икс, Ренегат, тайный союзник Бартона. Но кто?

Оказывается, этики тоже хотят это знать. Но Бартон не желает и не может сказать ничего определенного — явившийся ему предатель был отлично замаскирован. В ходе допроса, который ведет этик по имени Лога, Бартону сообщаются некие новые сведения — в частности о том, что каждое разумное существо с рождения наделяется психоморфом, атманом или душой, благодаря чему осознает свою индивидуальность. (Как выяснится в дальнейшем, атманы созданы искусственно древней расой, наследниками которой является народ Монаты и этики-земляне). В момент воскрешения атман соединяется с плотью; без него тело живет, но не обладает самосознанием — т.е. подобное существо просто робот. Но если человек достиг высочайшего этического уровня, то атман его исчезает, покинув бренную плоть, и, как предполагается, Уходит к Богу или Вселенскому Разуму — точно этикам сие неизвестно. Цель их Проекта состоит в том, чтобы максимальное число обитателей долины нравственно возродились и Ушли.

Сообщив Бартону эту информацию, Лога замечает, что теперь из памяти пленника будут удалены все ненужные воспоминания (о Воскресительной Камере, Башне на полюсе и настоящей беседе), после чего ему предстоит возвратиться в долину. Бартон засыпает.

Он пробуждается в Телеме, среди друзей; Алиса, Фригейт, Монат и Казз снова с ним. И с ним — его память! Значит, Ренегат сумел сохранить ее, обманув своих коллег; значит, Бартону снова предстоит отправиться в путь. На этом оканчивается первый роман.

Во второй книге сериала действие начинается спустя двадцать лет после Дня Воскрешения. Этот роман — трагическая история Сэма Клеменса, Марка Твена; это повествование о его попытке достичь Туманного Замка. Сэм тоже избранник Икса; но, в отличие от Бартона, ему удается найти и привлечь к делу еще нескольких избранных — Сирано де Бержерака, охотника и следопыта Джонстона, Файбрасса — космического инженера конца двадцатого века, обладающего огромными знаниями. В «команде» Клеменса еще несколько колоритных персонажей: Лотар фон Ритгофен, немецкий летчик, брат знаменитого воздушного аса времен Первой Мировой Войны; Гвиневра — подруга Сэма, заменившая его возлюбленную жену Оливию; гигантопитек Джо Миллер, один из немногих, кто сумел добраться до

Полярного моря и погиб на его берегах. Вместе они строят огромный великолепный Корабль, предназначенный для путешествия к полюсу, Корабль-мечту, который является символом творческого гения человечества. И за эту свою мечту они платят страданиями и кровью; они сражаются и торгуют, побеждают и терпят поражения, обманывают, предают — и сами становятся жертвами предательства.

Ради своего Корабля Сэм проделал долгое путешествие по Реке с флотом викингов — пока этик-Ренегат не сбросил для него с небес железный метеорит. Ради Корабля он предал и убил Эрика, предводителя норвежцев; ради него он вступил в союз с коварным Джоном Ланкастером, средневековым британским владыкой, братом короля Ричарда Львиное Сердце. Ради Корабля он создал новую страну, Пароландо, с ее заводами и мастерскими, шахтами и электростанциями, верфями, торговым флотом, пушками и аэропланами; он собрал инженеров и рабочих, опустошил окрестные земли, вырубил леса, вырвал траву, наполнил воздух смогом. Он делал оружие и продавал его в южные и северные страны — за древесину, за кремень и бокситы; он сражался с армиями этих стран, жаждавших захватить богатства Пароландо. И когда его великолепный Корабль был готов отправиться в путь, им завладел король Джон, оказавшийся куда хитрее и вероломнее Сэма Клеменса. И Сэм возненавидел Джона смертной ненавистью.

История строительства Корабля, со всеми ее политическими интригами, торговыми операциями, вооруженными конфликтами и заключительным похищением судна, представляет как бы первый план действия, быть может, не самый важный. Все эти проблемы, обозначенные мной выше как внешние, рано или поздно разрешаются. Высокая технология Пароландо, умноженная на средневековое коварство Джона, обеспечивает победу над врагами. Опыт и знания инженеров двадцатого века, соратников Сэма, позволяют преодолеть ограниченность ресурсов мира Реки. И даже факт похищения Корабля не столь трагичен; Сэм лишается своего детища, но в его распоряжении остается Пароландо, страна высокоразвитой технологии, обладающая запасами железа.

Второй план действия, взаимосвязь внутренней и глобальной проблем, пожалуй более важен. Корабль — лишь средство, позволяющее достичь Башни, раскрыть тайны речного мира, разобраться в замыслах его создателей. А замыслы эти кажутся Сэму Клеменсу смутными, темными и непонятными.

Он несколько раз встречается с Отступником, но полученная от предателя информация столь же неопределенна и расплывчата, как та, которой обладает Бартон. Постепенно Сэм начинает понимать, что среди этиков происходит тайная борьба — комитет Двенадцати и Ренегат противодействуют друг другу. Но какая из двух возможных альтернатив гигантского эксперимента исходит от Бога, и какая — от Дьявола? Что есть Добро, и что — Зло? Возможно, обе противоборст-

вующие стороны несут Зло людям; возможно, они стоят по ту сторону Добра и Зла.

Сэм Клеменс не может решить сей вопрос; это удастся впоследствии лишь Ричарду Бартону. Но до окончательного решения еще далеко, а потому перейдем к третьему роману — «Темный замысел».

Воистину темный и таинственный! Эта книга по объему немногим меньше двух первых вместе взятых — более трехсот пятидесяти страниц русского текста. Триста пятьдесят страниц тайны — тайны, над которой ломают головы лучшие умы речного мира! А вместе с ними — и мы с вами, дорогие читатели. Чтобы разобраться во всей этой истории, я сделал схему основных сюжетных линий сериала, приведенную в конце статьи. Давайте обратимся к ней.

Сюжеты двух предыдущих романов сравнительно просты. В первом, как указывалось выше, описаны странствия Бартона; во втором Сэм Клеменс основывает государство Пароландо, строит свой Сказочный Корабль и теряет его. В третьем романе обе эти сюжетные линии сходятся и возникают две новые — всего четыре. События датируются, в основном, тридцатыми годами эры п.в., хотя есть и отступления в более ранние времена.

Четыре сюжетные линии *«Темных замыслов»* чередуются и переплетаются, но мы рассмотрим их по отдельности, начиная с Бартона. Покинув Телем, он уже несколько лет странствует на корабле «Хаджи-2» — вместе с Алисой, Фригейтом-1, Каззом, Монатом и еще несколькими спутниками. Корабль их терпит крушение; после ряда приключений Бартон и его команда находят удобное место и принимаются за строительство нового судна, «Снарка». Тем временем до них доходят две важные новости: по Реке в их сторону движется корабль Джона Ланкастера «Рекс Грандиссимус» (похищенное судно Сэма); повторные воскрешения погибших прекратились (вследствие того, что компьютер в Башне поврежден). Бартон решает проникнуть на борт «Рекса» и выходит ему навстречу на своем новом судне.

Во время одной из стоянок Кадз жалуется ему на странные провалы памяти, случившиеся с ним еще много лет назад, в Телеме. Бартон, владеющий искусством гипноза, погружает Кадза в транс. Выясняется, что некогда Монат (тоже исключительно сильный гипнотизер) повелел Каззу «видеть» знаки на его лбу и лбу Фригейта; на самом же деле знаков у этой парочки нет и, следовательно, они оба — этики. Бартон пытается схватить их, но поздно: Монат раскрыл его намерения, и подозреваемые сбежали.

Бартон с Алисой и Каззом отправляются навстречу «Рексу» и, после ряда событий, попадают в его экипаж.

Перейдем к сюжетной линии Сэма Клеменса. Он уже несколько лет плывет на корабле «Марк Твен» вверх по течению Реки, пытаясь настигнуть короля Джона и свести с ним счеты. С Клеменсом путешествуют Джо Миллер, Гвиневра и Лотар фон Ритгофен (который впоследствии погибает); Сирано де Бержерак и Файбрасс остались в Па-

роландо. Страна находится в расцвете могущества; в ней уже есть радиосвязь, компьютеры, синтетическое топливо, мощное оружие, авиация и так далее. Президентом стал Файбрас; он строит несколько дирижаблей, собираясь добраться на них до Башни в Полярном море. С кораблем Сэма Клеменса поддерживается регулярная радиосвязь.

(На самом деле с Файбрасом, Башней и дирижаблями все не так-то просто. Из намеков Фармера можно понять, что в Башне произошла какая-то катастрофа — как выясняется потом, этик-Ренегат разделался со всем ее персоналом; это вызвало аварию компьютера и сбой повторных воскрешений. В долине осталось множество этиков, но их летательные аппараты из-за поломки компьютера отказали, и они вынуждены добираться до мертвой Башни своим ходом. Файбрас — из их числа; он строит дирижабли, чтобы проникнуть в Башню, и, кроме того, решает еще две задачи: разыскивает застрявших в долине этиков, собирая их под свое крыло, и пытается найти предателя.)

Новая сюжетная линия романа связана с приключениями истинного Фригейта — Фригейта-2. Они начинаются примерно в 7 году п.в., когда Фригейт живет в мирном государстве Руритания вместе со своей подругой Евой Беллингтон. В один из дней туда прибывает шхуна «Раззл-Даззл»; ее капитан — Мартин Фарингтон (Джек Лондон), помощник капитана — Том Райдер (Том Микс, некогда известный актер американского немого кино). В экипаже десяток человек, в том числе и араб Нур-эль-Музафир, суфий и философ. Фригейт, влекомый жаждой странствий, покидает Руританию и отправляется в путь на «Раззл-Даззл». Через тринадцать лет (в 20 году п.в.) Фригейт, подслушав разговор Райдера и Фарингтона, узнает об истинной цели плавания: Райдер — один из избранников Икса, Фарингтон посвящен в его тайну, и оба они жаждут добраться до Башни на полюсе. Фригейт заключает с ними союз; в тайну также посвящают суфия Нура, обладающего острым умом и высочайшей этической подготовкой.

Обдумав ситуацию, избранники решают, что лучше продолжить путешествие по воздуху, на аэростате. К счастью, рядом находится дружественное государство Новая Богемия, президент которого Подебрад готов поддержать их проект. Но когда постройка аэростата закончена, Подебрад сам улетает к полюсу; он — этик, и воздушный шар нужен ему, чтобы добраться до Башни. (Впоследствии Подебрад гибнет во время сражения близ Вироландо.)

К счастью, есть еще один аэростат, поменьше размером; его жители Богемии отдают Фарингтону, и тот поднимается в воздух со своими спутниками. Спустя некоторое время их воздушный шар терпит крушение. Фарингтон, Фригейт и остальная команда решают попасть на один из двух огромных кораблей, странствующих по Реке.

Еще одна новая линия связана с приключениями Файбраса, Сирано де Бержерака и Джил Галбиры, австралийки, некогда — одной из первых женщин-аэронавтов. Джил добирается до Пароландо и предлагает свои услуги Файбрасу в качестве пилота. Когда заверше-

но строительство большого дирижабля «Парсефаль», он вылетает на север, к Башне; в экипаже корабля насчитывается несколько десятков человек, в том числе: Файбрасс — капитан, Джил — его первый заместитель; японец-суфий Пискатор, Сирано, Барри Торн и Анна Обренова — пилоты (двое последних — этики, причем один из них — Икс).

«Парсефаль» достигает Башни. Файбрасс, собрав своих этиков, отправляется к ней на вертолете, но в машину подложена бомба — Барри Торном, Ренегатом, которого Файбрас столь долго и безуспешно разыскивал. Вертолет гибнет; раненый Торн попадает в плен к людям с «Парсефаля». Теперь командиром дирижабля становится Джил; она приказывает опустить воздушный корабль на вершину Башни.

Там есть проход, защищенный неизвестным силовым полем, и лишь суфию Пискатору удается преодолеть его и проникнуть внутрь. Он спускается в Башню и исчезает — исчезает навсегда. После долгих дней ожидания Джил вынуждена смириться с тем, что Башня неприступна.

Поступает радиограмма от Сэма Клеменса с требованием совершить налет на «Рекса». Десантникам, отправленным на вертолете под командой Сирано, не удается уничтожить корабль; они вступают в яростную схватку с его экипажем, и Сирано доводится скрестить клинок с Бартоном; тот уже успел стать одним из помощников Джона Ланкастера. Бартон ранен; Сирано со своими людьми вынужден отступить.

Роман завершают два эпизода. Первый — гибель «Парсефаля», вылетевшего следом за десантниками к «Рексу». Дирижабль подорвал Торн, которому удалось освободиться; сам он спасся на вертолете (кроме Торна, из всей команды «Парсефаля» удается выжить лишь Сирано). Вертолет падает в Реку, Торна подбирают местные жители, и теперь у него остается только единственная надежда проникнуть в Башню — попасть на корабль Сэма Клеменса. В заключительной сцене он размышляет о возможности такого путешествия, присматривая подходящего спутника. Им станет Тай Пенг — великий китайский поэт Ли Бо, отважный воин, авантюрист, любитель вина и женщин. На этом третий роман заканчивается.

«Магический лабиринт», четвертая книга сериала, является непосредственным продолжением *«Темных замыслов»*; можно считать, что это один большой роман, поделенный на две части. Происходящие в четвертом томе события датируются 30-ми — 60-ми годами п.в.; есть отступления и в более ранние времена — при изложении истории Германа Геринга (см. схему сюжетных линий). В первой половине романа действие развивается по трем направлениям: плавание Сэма Клеменса (он переименовал свой корабль, и теперь «Марк Твен» называется «Ненаемный»); плавание Бартона на борту «Рекса»; судьба Геринга. Затем все три линии повествования сливаются,

когда корабли прибывают в Вироландо, страну Церкви Второго Шанса и ее основателя Ла Виро. У берегов этого мирного государства происходит сражение между Клеменсом и королем Джоном; их корабли гибнут, а немногие оставшиеся в живых избранники продолжают путь к Башне под водительством Бартона.

Считая от момента гибели «Парсефаля», Сэм Клеменс странствует по Реке около тридцати лет. В начале этого периода отказывают грейлстоуны правобережья (очевидно, из-за неисправности компьютера); в результате начинается смута и около половины населения мира Реки гибнет. «Ненаемный» тоже подвергается нападению; часть его команды убита, и Сэм испытывает нужду в людях. Так на борту его корабля появляются Монат и Фригейт-1. Впрочем, Фригейт скоро погибает в столкновении с прибрежными жителями.

Марселен де Марбо, бывший генерал наполеоновской армии, доверенное лицо и помощник Клеменса, набирает новых членов экипажа. Среди них — Том Тарпен, музыкант, цветной американец из Джорджии, некогда — главарь местной мафии; китаец Тай Пенг; Ах Куак, древний ольмек, и Гильгамеш, древний шумер (оба — исключительно сильные люди и опытные воины). Фармер дает понять, что под видом Ах Куака или Гильгамеша на корабль проник Торн (он же — таинственный Икс). Вскоре после появления этой пары исчезает Монат, убитый Иксом. Затем на борт «Ненаемного» поднимается Сирано — единственный оставшийся в живых после гибели «Парсефаля». Корабль плывет против течения, к Верховью, и через много лет приближается к большому разливу Реки, к озеру, на берегах которого лежит мирная и счастливая страна Вироландо.

Примерно такой же срок — около тридцатилетия — заняло плавание к этим берегам у Бартона, ставшего командиром десантной группы на «Рексе». Казз все так же предан ему, но с Алисой возникают постоянные осложнения; они то разрывают свою связь, то сходятся вновь. Подругой Алисы становится Афра Бен, англичанка, одна из первых женщин-писательниц, человек нелегкой судьбы.

За долгие годы плавания на борту Рекса оказываются Подебрад и еще несколько этиков, а также бывший экипаж «Раззл-Даззл»: Том Микс, Нур, Мартин Фарингтон и Фригейт-2. Фригейт встречает Бартона, и тут наконец-то разъясняется история с его братом-близнецом, спутником Моната. В результате остатки команд Бартона и Фарингтона объединяются, выяснив, что все они — избранники Икса и имеют общую цель. На протяжении многих лет они следят за Подебрадом и его группой, выжидая момент, чтобы свести счеты с этиками. Они также пытаются найти Икса, но неудачно; наконец Бартон приходит к выводу, что Отступник, скорее всего, плывет на корабле Клеменса.

«Рекс Грандиссимус» добирается до Вироландо, минует озеро и поднимается на несколько миль вверх по Реке. «Ненаемный» следует за ним по пятам, близится время схватки, и ни Джон Ланкастер, ни

Сэм Клеменс не желают откладывать ее. Тут, у берегов Вироландо, решатся их жизни и судьбы.

Третья сюжетная линия посвящена странствиям и приключениям Германа Геринга. Спустя десятилетия, пережив полное моральное перерождение, он оказывается в Вироландо, где, наконец, обретает покой и счастье; он — епископ Церкви Второго Шанса, один из ближайших помощников Ла Виро. Но вот к мирным берегам их страны прибывает «Рекс», а за ним — и «Ненаемный»; близится страшная битва. Ла Виро, человек поистине святой, пытается сыграть роль посредника и примирить врагов, но все его усилия безуспешны. Он посылает Геринга своим эмиссаром на оба корабля, тот встречается с Бартоном, они узнают друг друга. Однако ни Геринг, ни Ла Виро, ни Бартон и остальные избранники не могут помешать надвигающейся схватке, символизирующей апокалипсис в мире Реки; ненависть между Клеменсом и королем Джоном превозмогает доводы разума. Их судьбы пересекаются в последний раз; на просторах озера Вироландо начинается смертельный бой.

Описанию его посвящена почти четвертая часть романа, но мы не будем задерживаться на этом эпизоде; скажем лишь о результатах. Оба корабля гибнут; гибнут и их капитаны, Сэм Клеменс и Джон Ланкастер, погибает и большая часть команд. Икс находит и убивает Подебрада; Бартон в бессмысленном поединке одерживает верх над Сирано. Вероятно, смерть настигает и других персонажей — Казза, златовласую Гвиневру, Фарингтона, Тома Микса. Остатки экипажей высаживаются на берег; тут нет побежденных и нет победителей, им больше нечего делить.

Бартон быстро собирает вокруг себя выживших избранников и наиболее крепких бойцов. Не считая его самого, таковых насчитывается десять человек: Алиса, Нур, Фригейт, Тай Пенг, Гильгамеш, Ах Куак, Афра Бен, де Марбо, Том Тарпен и гигант Джо Миллер. Они похищают уцелевший катер с «Ненаемного» и отправляются в путь, к Полярному морю и Башне, что возвышается посреди его холодных вод. Вслед за ними устремляется Геринг.

Преодолев тяжкий путь, они достигают Туманного Замка, имеющего поистине титанические размеры: милю в высоту и десять миль в диаметре. На морском берегу гибнет Джо; в Башне умирает Гильгамеш — в те мгновения, когда тайна Икса наконец раскрыта. Это — Лога; он же — Барри Торн и Ах Куак. Благодаря предусмотрительности Бартона, им удается пленить последнего из этиков и выведать все, что было еще неясным.

Эти секреты мира Реки, поведанные Логой, я вынес в отдельную компиляцию, подготовленную по тексту *«Магического лабиринта»*, и любознательные читатели могут с ней ознакомиться. Здесь же отмечу, что Лога сообщил две важные вещи: то, что из мира этиков выслан космический корабль, который достигнет мира Реки спустя несколько десятилетий; и то, что компьютер неисправен. Его не состав-

ляло бы труда починить, но охранные лазерные системы никого не подпустят к месту аварии; отключить же их нельзя, так как машина заблокирована покойным Монатом. Если не ликвидировать неисправность, погибнут миллиарды человеческих существ.

Герман Геринг пытается проникнуть к неисправному блоку и падает, пронзенный лучами лазеров. Ситуация выглядит безнадежной, но Алисе удается придумать способ, как снять блокировку с компьютера; теперь машина снова покорна приказам Логи. Этик-отступник и восемь землян остаются в Башне, чтобы продолжить Великий Проект — но уже по плану, разработанному Логой.

Перейдем к заключительному роману пятилогии, к *«Богам Мира Реки»*. Это вещь с единой сюжетной линией (см. схему сюжетных линий), в которой повествуется о приключениях Бартона и его спутников в Башне. В самом ее начале по неизвестным причинам погибает Лога — как бы погибает, потому что смерть его в конце концов оказывается мистификацией. Теперь восемь человек, оставшихся в Башне, превращаются в богов речного мира; вся совершенная аппаратура Туманного Замка, все роботы и вся долина — в их власти.

Это своеобразный искус, которому подверг их Лога. Некоторое время восемь странников тщетно пытаются раскрыть тайну гибели Отступника, затем начинают изучать те возможности, которые предоставляет им гигантский протеиновый компьютер — мозг Башни и истинный повелитель мира Реки. Наконец наступает период, когда они готовы использовать обретенное могущество. Увы, не слишком разумно! Том Тарпен и Тай Пенг оживляют своих земных приятелей; те, в свою очередь, воскрешают массу народа — в том числе, персон весьма злонамеренных и опасных. В Башне идет борьба, воцаряется хаос, и дело приходит к катастрофе — к заранее спланированной одним из воскрешенных катастрофе, в которой должны погибнуть все. Бартону и его спутникам удается, однако, уцелеть. Теперь они рассматривают все происшедшее как некий моральный урок, испытание властью, которое сделало их мудрее и осторожнее. И в этот момент появляется Лога.

Финал романа и всего сериала таков:

Великий Проект будет продолжаться — по первоначальному плану или в соответствии с идеями Логи. Этот вопрос подлежит решению тогда, когда космический корабль этиков приземлится на вершине Башни, когда будут воскрешены все умерщвленные Логой этики.

Бартон с коллегами оживляют своих сподвижников — не тех случайных людей, о которых говорилось выше, но всех, кто на протяжении долгих лет пытался добраться до берегов Полярного моря. Фармер не перечисляет их имена, но дает понять, что среди них и мученик Сэм Клеменс, и отважный Сирано, и гигант Джо Миллер, и прочие избранники Икса. Никто из них не предан забвению; все наконец-то очутились в Башне.

Избранники собираются на банкет, во время которого Бартон держит речь, объявляя о своих дальнейших намерениях: он собирается покинуть планету Реки и улететь на космическом корабле этиков. Неутолимое любопытство влечет его, вечного странника, в иные миры. Это — апофеоз; Бартон отказывается от возможности Ухода и слияния с божеством (во всяком случае — на время), ради странствий и познания.

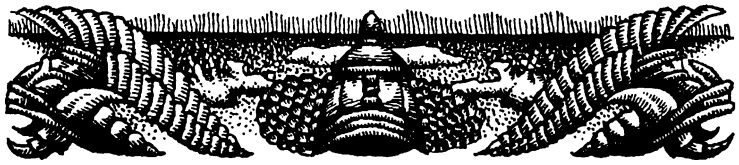
Теперь скажу несколько слов о повести *«Мир Реки»*. Хронологически она следует за первым романом цикла, поскольку события в ней разворачиваются в самом начале существования мира Реки. Однако если следовать логическому порядку прочтения произведений, то ее нужно поместить за «Темным замыслом»; именно в этом романе действует Том Микс (под именем Текса или Тома Райдера). События же, описанные в повести, упоминаются в начале следующего романа — «Магический лабиринт».

Итак, Том Микс, в земной жизни — знаменитый киноактер американского немого кино — странствует по Реке в компании Иешуа, еврея первого века н.э. Иешуа — никто иной, как Иисус Христос, только сам он того не ведает, и Микс до самых последних мгновений тоже не догадывается об этом. Сюжет повести прост: Микс спасает Иешуа из лап религиозного фанатика Крамера, владыки государства Деусволенс и бежит с ним к англичанам XVII века, в Новый Альбион. Во время сражения новоальбионцев с войсками Крамера они оба попадают в плен, и Крамер сжигает их на костре. Иешуа вновь не узнан как Святой Учитель, и в мире Реки, как некогда на Земле, ему предстоит мученическая кончина.

Нам остается поговорить о последнем — или же о самом первом произведении Фармера из цикла *«Мир Реки»*, о романе *«Река Вечности»*. Читатели, ознакомившиеся с авторским предисловием и романом, уже знают, что это — один из первых вариантов сюжета, который был впоследствии развернут Фармером в огромную и впечатляющую эпопею. Но *«Река Вечности»* не просто набросок будущего замысла; роман сей вполне самостоятельное произведение и интересен не только в историческом плане, но и с художественной точки зрения.

События в нем разворачиваются через двадцать лет от начала речного мира и приходят к своему естественному завершению; Ричард Блэк, основатель государства Телем и строитель огромного корабля, теряет все (и жизнь в том числе) в битве с Мюрелем, владыкой соседней страны, но в конце концов попадает в Башню. Здесь, пройдя через испытание, он обретает право покинуть планету Реки, удалившись вместе со своей подругой в другой, более совершенный мир. Роман интересен тем, что здесь описана иная география Реки, и многие атрибуты речного мира не совпадают с принятыми Фармером в основной пенталогии.

Итак, дорогие читатели, вы познакомились с полным циклом о мире Реки, но это не значит, что наступила пора расстаться с Филипом Фармером. Я надеюсь, что вас ожидают встречи еще с множеством книг этого замечательного писателя. А потому, подобно Ричарду Блэку, говорю вам: не прощайте, но до свидания.



ХРОНОЛОГИЯ СЕРИАЛА « МИР РЕКИ»

«ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА»

С 1-го по 12 годы п.в.

Странствия Бартона, Фригейта-1, и прочих членов команды«Хаджи-1». Бартон скрывается, попадает в Башню на допрос, потом его возвращают в Телем.

«СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ»

Начало 20-х годов п.в.

Странствия Клеменса и его друзей. Основание Пароландо. Строительство корабля и его похищение королем Джоном Ланкастером.

«ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ»

30-е годы п.в.

Странствия Бартона и го спутников на «Хаджи-2». Побег Фригейта-1 и Моната. Бартон с остатком своего экипажа попадает на борт «Рекса».

С 7-го по 30-е 30-е годы п.в.

Странствия Фригейта-2, Джека Лондона и прочих членов команды шхуны «Раззл-Даззл». Строительство воздушного шара и его крушение.

30-е годы п.в.

Приключения Джил Галбиры в Пароландо. Полет к Башне на дирижабле «Парсифаль». Попытки проникнуть в башню. Гибель дирижабля.

30-е годы п.в.

Странствия Клеменса на корабле «Марк Твен».

«МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ»

С 30-го по 60-е годы п.в.

Странствия Клеменса на корабле «Ненаемный»

С 30-го по 60-е годы п.в.

Странствия Бартона на корабле «Рекс Грандиссимус». Корабль короля Джона прибывает в Вироландо.

С 12-го по 60-е годы п.в.

История жизни Германа Геринга.

60-е годы п.в.

Битва «Ненаемного» и «Рекса» близ Вироландо. Странствия Бартона со спутниками к Башне. Проникновение в Башню. Ремонт компьютера.

«БОГИ МИРА РЕКИ»

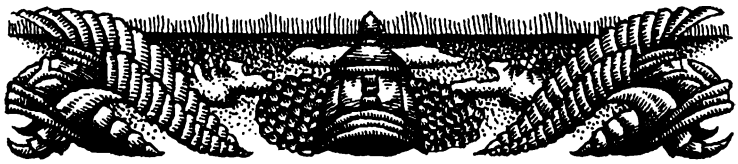
60-е годы п.в.

Смерть Логи. Барнтон и его спутники остаются в Башне, став владыками Мира Реки. Лога появляется вновь. Воскрешение всех погибших. Финал.

ПОВЕСТЬ «МИР РЕКИ»

Примерно 5 год п.в.

Странствия и приключения Тома Микса, который встретил Иисуса Христа, не узнал его и принял вместе с ним мученеческую кончину.



СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ СЕРИАЛА ФИЛИПА ФАРМЕРА «МИР РЕКИ»

При составлении настоящего списка приняты следующие обозначения:

1. Те персонажи, прототипами которых послужили действительно существовавшие личности, помечены «реальная личность»; в некоторых случаях даны даты их рождения и смерти.
2. Те персонажи, которые возможно существовали в действительности, но неизвестны составителям, помечены как «реальная личность?» (со знаком вопроса).
3. Выдуманные Фармером персонажи не помечены.
4. При каждом персонаже указаны номера книг сериала, в которых данный персонаж действует. Важно отметить, что мы рассматривали произведения написанные *самим* Фармером. Герои продолжателей Фармера в данном списке отсутствуют.

Номера суть следующие:

1. *«Восстаньте из праха».*
2. *«Сказочный корабль».*
3. *«Темный замысел».*
4. *«Магический лабиринт».*
5. *«Боги мира Реки».*
6. *«Мир Реки» (повесть).*

Персонажи *«Реки Вечности»* (первоначального варианта сериала в одном романе) даны отдельным списком с пометкой «аналог» для тех героев, которые получили затем развитие в основном сериале.

5. Некоторые персонажи не являются действующими, а лишь упоминаются героями произведений либо автором; они снабжены пометкой «упоминается».
6. В особом списке перечислены государства мира Реки, упоминаемые в каждом из романов.
7. Напомним читателю названия кораблей и дирижаблей, построенных в Мире Реки:

а) первый корабль Клеменс хотел назвать «Ненаемный», но это судно, похищенное королем Джоном, было наименовано им «Рекс Грандиссимус» или просто «Рекс»;

б) второй корабль был вначале назван «Марк Твен», а затем переименован Клеменсом в «Ненаемный» (и мы всюду называем его так);

в) большой дирижабль, построенный Файбрасом, получил название «Парсифаль»;

г) малый дирижабль, которым командовал Грейсток, был назван «Минерва»;

д) шхуна Мартина Фарингтона называется «Раззл-Даззл», а воздушный шар, на котором его команда продолжает путешествие — «Жюль Верн».

Абдулла — (2), перс, лазутчик *Клеменса*.

Абдулла — (2), (родился в 1925 г.), чернокожий американец, принявший мусульманство, посланник *Хаскинга* в *Пароландо*; его настоящее имя — Джордж Роберт Ли.

Абд ир-Рахман — (2), средневековый араб, посланник *Хаскинга* в *Пароландо*.

Аканде Эрин — (4), дагомеец, один из рулевых «Ненаемного».

Али Фазхули — (2), средневековый араб, посланник *Хаскинга* в *Пароландо*.

Альфред I — (2), (1832 — 1904 гг), реальная личность (?). Граф фон Вальдерзее, фельдмаршал Германии; в Мире Реки — правитель государства *Новая Пруссия*.

Аменхотеп — *см. Эхнатон*.

Ардуино Этторе — (3), представляется итальянцем-аэронавтом, уроженцем 20 века, становится одним из пилотов «Парсефаля»; на самом деле — этик. Погиб вместе с *Файбрасом* при взрыве вертолета.

Артур — (2), реальная личность, некогда — принц Британский, племянник короля *Джона Ланкастера*, убитый им. В Мире Реки правитель государства *Новая Британия*.

Аукусо — (3), офицер-связист на «Парсефале».

Ах Куак — (4, 5), древний ольмек; имя, под которым *Лога* странствует на «Ненаемном».

Байрон Джон — (3), (1723 — 1786 гг), бывший адмирал Британского флота, реальная личность (?); старший офицер на «Ненаемном».

Байс Пауль — (3), датчанин XVI века, помощник *Буллита*.

Баркер Уильям — (4), канадский летчик-ас, один из пилотов «Ненаемного». Реальная личность (?).

Бартон Ричард — (1, 2, 3, 4, 5), (1821 — 1890 гг), реальная личность. Знаменитый британский путешественник, исследователь Африки и

Востока, поэт, писатель и переводчик (в частности, перевел с арабского сказки *«Тысячи и одной ночи»*). В конце жизнизанимал пост британского консула в Триесте (Австро-Венгрия). Первооткрыватель озера Танганьика. Был женат на персиянке Айше, ради которой собирался покинуть Европу и переселиться в Иран; затем женился на англичанке. Б. — один из первых европейцев, совершивших путешествие в Мекку. В Мире Реки он — глава к Туманному Замку, Башне этиков.

Бартон Эдвард — брат *Ричарда Бартона*, (упоминается).

Бартон Изабелла — жена *Ричарда Бартона*, родилась в 1831 г.;(упоминается).

Батлер Джеймс — (6), герцог *Ормондии*.

Бегг С.К.— (3), издатель газеты «Ежедневные Вести» в *Пароландо*.

Беллингтон Ева — (3), (1850 — 1948 гг), американка, подруга *Фригейта-2* в *Руритании*.

Бен Афра — (5), (1640 — 1689 гг), англичанка, писательница; член экипажа «Рекса», затем — подруга *де Марбо* и спутница *Бартона*. Вместе с ним добирается до Башни.

Бержерак Сирано де Савиньен — (2, 3, 4), реальная личность, французский писатель и поэт семнадцатого века, авантюрист и фехтовальщик. В Мире Реки один из сторонников *Клеменса*, избранник Икса. Гибнет во время битвы в *Виролando* от руки *Бартона*.

Бест — (3, 4), женщина из расы неандертальцев, подруга *Казза*.

Бинс — (3), американец, один из спутников *Фарингтона*.

Битниах — (5), иудейка XII века до н.э., подруга *Иешуа*.

Блай Роджер — (3), репортер газеты в *Паролando*.

Буллит Томас — (3), американец XVIII века, реальная личность (?). В Мире Реки — глава государства *Руритания*.

Бум Вобенгул ваи — (2), наполовину голландец, наполовину зулус, уроженец XX века, главный инженер *Паролando* (до появления *Файбраса*).

Величко Татьяна — (2), русская, уроженка XX века, инженер; в Мире Реки — одна из инженеров в *Паролando*.

Винглат — (3), выходец из древнего сибирского племени, сопровождавший *Агату Крумс* к Полярному морю; на его берегу В. погиб.

Галбира Джил — (3), (1953 — 1983 гг.), уроженная Дженет Ред, реальная личность (?). Белая австралийка, женщина-авиатор; в *Паролando* становится заместителем капитана, а потом — капитаном дирижабля «Парфифаль», и гибнет вместе с ним при взрыве.

Гарун Абдул — (1), житель Каира XIX века, за которого выдавал себя *Бартон* в Мире Реки, опасаясь преследования этиков.

Гвиневра — (1, 2, 3, 4), кельтская девочка, спасенная *Бартоном* и выросшая в Мире Реки. Впоследствии стала подругой *Клеменса*.

Гволчвинп — древний валлиец; имя, под которым *Бартон* странствует на «Рексе».

Гелеле — (3), реальная личность (?); король Дагомеи.

Гелеле или Желеле, с которым Бартон познакомился в 1863 году (упоминается).

Геринг Герман — (1, 2, 3, 4, 5), (1893 — 1946 гг), реальная личность, рейхсмаршал авиации нацистской Германии. В Мире Реки вначале был тираническим владыкой небольшого государства (названного впоследствии Телемом), затем долго странствовал и, испытав нравственное перерождение, сделался епископом Церкви Второго Шанса в *Виролапдо*. Погиб в Башне.

Гилбретти Альфонсо — (2), чикагский гангстер; убит *Эриком Кровавым Топором*.

Гильгамеш — (4), древний шумер; попадает в экипаж «Ненаемного», затем вместе с *Бартоном* добирается до Башни и там погибает.

Гинме Жорж — (4), французский летчик-ас, один из пилотов «Ненаемного». Реальная личность (?).

Гобард Филиппа — (4), супруга сэра Томаса Мэлори в Мире Реки.

Говинд Синг — (6), сикх, правитель страны напротив *Нового Альбиона*.

Грегор Кэлвин — (4), третий помощник на «Ненаемном».

Грей Уильям — (6), житель *Нового Альбиона*.

Грейвел Вильям — (2), (умер в 1401г.), англичанин, торговец шерстью. В Мире Реки — лазутчик *Клеменса*.

Грейвс — (3), врач в *Паролапдо*.

Грейсток Джон де — (1, 3), (умер в 1305 г.), реальная личность. Англичанин, рыцарь, уроженец графства Камберленд (Великобритания). Сопровождал короля Эдуарда во время французской кампании. Впоследствии состоял в свите епископа Антонина Бека, патриарха Иерусалимского. Спутник *Бартона*; затем попадает в *Паролапдо* и становится командиром дирижабля «Минерва».

Гримальфссон Ари — (2), викинг из дружины *Эрика Кровавого Топора*.

Джек Потрошитель — (5). *Бартон* проводит в Башне расследование истории о Джеке Потрошителе; в результате воскрешены несколько человек, имеющих отношение к этому делу: врач Уильям Гулл (он, собственно, и являлся Джеком Потрошителем), его сообщник кэбмен Джон Нетли, их жертвы — Мэри Келли и Элизабет Страйд. Также воскрешена Энн Крук, любовница принца Эдуарда, из-за которой

произошла вся эта история (подробно изложенная Фармером в *«Богах Мира Реки»*).

Джонстон Джон — (2, 3, 4), (1827 — 1900 гг), реальная личность (?). Американец, траппер в Скалистых горах; избранник Икса и спутник *Клеменса*.

Детвейлер Генри — (3, 4), американец, лоцман и капитан с Миссисипи; помощник *Клеменса* на «Ненаемном».

Довертон Анжела — (6), англичанка, жительница *Нового Альбиона*.

Доджсон Чарльз Лутвидж — Льюис Кэррол, автор *«Алисы в Стране Чудес»*, *«Охоты на Снарка»* и других произведений, реальная личность; упоминается неоднократно.

Жюган Жанна — (3), француженка XIX века, жительница *Пароландо*.

Жилло Жак — (4), канадец-метис; в Мире Реки стал основателем Церкви Второго Шанса и ее архиепископом. Его называют на эсперанто *Ла Виро* (Человек) и *Ла Фондино* (Основатель).

Заскромб — (2), протомонгол, обитавший в Сибири в тридцатом тысячелетии до н.э.; телохранитель короля *Джона*.

Иешуа — (6), уроженец Галилеи I века н.э., известный впоследствии как Иисус Христос. В Мире Реки странствует вместе с *Томом Миксом* и принимает мученическую кончину.

Иэясу Токугава — (2), средневековый японский феодал, основавший в 1660 г. сегунат Токугава, историческая личность. В Мире Реки — владыка *Княжества Иэясу*.

Кабер Айзи — (2), чернокожий американец XIX века, один из советников в *Пароландо*.

Казенс — (3), англичанин, один из спутников *Фарингтона*.

Казз — Каззинтуйтруаабама (Человек-Который-Убил-Длиннозубого), неандерталец, спутник и друг *Бартона*.

Каувиц Таня — (1), девушка из русско-еврейской семьи. Родилась в Бронксе (США) в 1958 г., работала преподавателем английского языка. Подруга *Руаха*.

Кимон — (4), афинский полководец, реальная личность. В Мире Реки — один из офицеров «Ненаемного».

Киндзи Окабе — (4), японский летчик-ас, один из пилотов «Рекса». Реальная личность (?).

Клеменс Сэмюэль Ленгхорн — (2, 3, 4), (1835 — 1910 гг), реальная личность, великий американский писатель Марк Твен. В двадцать лет начал водить пароходы на Миссисипи, был типографским рабочим, журналистом (во время Гражданской войны в 1861 — 1865 гг). В 1870 г. женился на Оливии Ленгдон. Дети: сын Ленгдон, родился в 1870 г., умер во младенчестве в 1872 г.; дочь Сьюзен (1872 — 1896 гг);

дочь Клара (родилась в 1874 г.); дочь Джин (1880 — 1909 гг). В Мире Реки К. — правитель Пароландо; затем он много лет странствует на корабле, пока не погибает в сражении в *Виролando*.

Клеменс Оливия — (2, 3), (умерла в 1904 г.), реальная личность, жена *Сэма Клеменса* (Марка Твена). В Мире Реки — возлюбленная *Сирано де Бержерака*.

Клеомен — (2), царь Спарты, родич знаменитого Леонида, оборонявшего от персов Фермопилы, реальная личность. В Мире Реки — владыка государства *Клеомена*.

Коллоп Джон — (1), (1625 — 1662 гг.), реальная личность (?). Англичанин XVII века, поэт. В Мире Реки — последователь Церкви Второго Шанса, наставник *Геринга*, приятель *Бартона*.

Крамер — (6), немецкий барон времен средневековья, религиозный фанатик; в Мире Реки — владыка страны *Деусволенс*. Прозвище — *Молоток Крамер*.

Красс Публий — (2), римлянин, кавалерийский офицер в войсках Цезаря, участник кампаний в Галлии. В Мире Реки – властитель государства *Публия*.

Крин — (4), подруга *Геринга* в *Виролando*.

Кройшафт Манфред фон — (1), немец. Сподвижник *Геринга* в Телеме; ему была отдана в наложницы *Алиса Харгривс*.

Крумс Агата — (3), (1713 — 1783 гг), реальная личность (?).Чернокожая рабыня, затем — проповедница в США (упоминается).

Крумс Блесс — (4), (1734 — 1821 гг), дочь *Агаты Крумс*; она присоединяется к *Бартону*, попадает в Башню и там погибает.

Кэпбел — (1), шотландец. Сподвижник *Геринга* в *Телеме*.

Кэррол — *см. Доджсон.*

Ла Виро — *см. Жилло.*

Ла Фондино — *см. Жилло.*

Ланкастер Джон — (2, 3, 4), король Англии эпохи крестовых походов, реальная личность, младший брат короля Ричарда Львиное Сердце (описан Вальтером Скоттом в его романе *«Айвенго»*). В Мире Реки Д. — соправитель *Клеменса* в *Пароландо* и его злой гений; Д. похищает первый корабль, выстроенный *Клеменсом*, и, спустя много лет, гибнет во время битвы в *Виролando*.

Левкович Софи — (5), (умерла в 1979 г.); подруга *Фригейта-2*, воскрешенная им в Башне.

Ли Джордж Роберт — *см. Абдулла.*

Лога — (1, 2, 3, 4, 5), член Совета Двенадцати, этик-ренегат, являвшийся *Бартону*, *Клеменсу* и многим другим. Известен также под именами Икс, Таинственный Незнакомец, Ренегат, Отступник, *Одиссей*,

Барри Торп, *Ах Куак*. По его утверждениям, он — внук царя Трои Приама, погибший ранее пяти лет, взятый на в Мир Садов и воспитанный там.

Логу — (1, 3, 4), подруга *Фригейпа-1*, спутница *Бартона*.

Магглениа Монтейт — (5), шотландский баронет, приятель *Алисы*; воскрешен ею в Башне.

Мак-Парлан Джеймс — (3), англичанин XIX века, детектив, реальная личность (?). В Мире Реки стал разведчиком на службе у *Клеменса*.

Марбо Марселен де — (3, 4, 5), (родился в 1782 г.), француз, генерал наполеоновской армии, реальная личность, на «Ненаемном» — командир десантников. После битвы в Вироландо становится спутником Бартона и вместе с ним попадает в Башню. Де Марбо послужил А. Конан Дойлю прототипом главного героя в *«Приключениях бригадира Жерара»*.

Маттафия — (6), иудей библейских времен, разыскивающий в Мире Реки Иисуса Христа.

Метциг — (3), представляется немцем-аэронавтом, погибшим в 1913 г., становится одни из пилотов «Парсефаля»; на самом деле — этик. Погиб вместе с *Файбрасом* при взрыве вертолета.

Микс Том — (3, 4, 6), (1880 — 1940 гг), знаменитый американский актер времен немого кино, подвизавшийся на ролях ковбоев, реальная личность. В Мире Реки встречается с Иисусом Христом (в повести (6), а затем странствует с *Фарингтоном* под именем *Тома Райдера* или *Текса*.

Микс — один из избранников Икса.

Миллер Джо — (2, 3, 4). Представитель доисторической расы гигантопитеков (титанотропов), изобретенной Фармером. Рост М. — около трех метров, вес – четыреста килограммов; он очень силен и довольно сообразителен. М. совершил путешествие вместе с командой Эхнатона к Полярному морю (египтяне звали его Техати). Затем долгие годы М. был спутником и другом *Клеменса*; после его смерти в *Вироландо* М. отправляется с *Бартоном* к Башне и гибнет на берегу Полярного моря.

Мириам — (6), египтянка из Каира XVIII века, возлюбленная *Микса*; (упоминается).

Монат Граутат — гуманоид со спутника звезды Тау Кита или Арктура, якобы посетивший Землю в начале XXI столетия; на самом деле — представитель древней расы, руководящий проектом в мире Реки (Оператор или Координатор). Антропометрически схож с гомо сапиенс, но имеет больший (по сравнению с человеком) рост, четырехпалые кисти рук, утолщенный хрящ на месте носа и уши без мочек.

Моцарт Вольфганг Амадей — (2), (умер в 1791 г.), реальная личность. Великий австрийский композитор; приходит в *Пароландо*, чтобы занять пост руководителя оркестра на корабле *Клеменса*.

Муту-ша-или — (3), вавилонянин; в Мире Реки — основатель новой религии и глава группы вавилонян, странствующих на плоту.

Музафир Нур эль — (3, 4, 5), (родился в 1164 г.), араб-суфий из средневековой Испании, странник и мудрец; в Мире Реки — спутник *Фарингтона*, а затем — *Бартона*, вместе с которым М. попадает в Башню.

Мустафа — (3), турок, член экипажа «Раззл-Даззл».

Мэлори, сэр Томас — (4), (умер в 1471 г.), реальная личность. Английский дворянин, известный писатель своего времени, автор романа *«Смерть Артура»*; в Мире Реки — житель страны *Новая Надежда*.

Никкард Роберт — (6), капитан одного из кораблей в *Новом Альбионе*.

Никитин Дмитрий — (3), русский аэронавт, уроженец XIX века; один из пилотов «Парсефаля».

Ньютон — (3), пилот «Минервы».

О'Брайен Джон — (2), инженер-металлург, американец середины XX века, один из инженеров в *Пароландо*.

Обренова Анна — (3), русская женщина-аэронавт, уроженка XX века. Под этим именем в *Пароландо* проникла *Сигген*, этик, жена *Логи*; затем она погибла вместе с *Файбрасом* при взрыве вертолета.

Одиссей — (2), легендарный царь Итаки, один из героев гомеровского эпоса. Под видом О. к *Клеменсу* является *Лога*, этик-ренегат.

Олпорт Вильфреда — англичанка, уроженка Камберленда (Великобритания). Работала на хлопкопрядильной фабрике.

Оскас Медвежья Лапа — (3), вождь индейцев-алгонкинов.

Оузион — (3), женщина из древнего племени пеласгов, подруга *Моната*.

Оуэн Уильям — (3), американец XX века, приятель *Фригейта*; *Фригейт-1* встречается с ним в Мире Реки.

Охара — *см. Пискатор*.

О'Херли Габриэль — (4), австралиец, стрелок из экипажа «Рекса».

Пал Артур — (4), венгр, инженер-электрик.

Парк Абель — (3), один из возлюбленных *Джил Галбиры*.

Паркер Элм — (4), американский генерал, один из старших офицеров «Ненаемного».

Парсефаль Август фон — (3), майор немецкой армии начала двадцатого века, конструктор дирижаблей (упоминается).

Пахери — (3), древний египтянин, участник экспедиции *Эхнатона* к Полярному морю.

Петровский — (4), поляк, пилот вертолета с «Ненаемного».

Пискатор — (3), (1886 — 1965 гг), японец *Охара* по прозвищу Пискатор (Рыбарь), суфий и мудрец; один из пилотов «Парсефаля» и единственный из его экипажа, кому удалось проникнуть в Башню (где он и погиб).

Планкетт — (4), англичанин, командир малого катера с «Ненаемного».

Погас — *см. Умслапогас.*

Подебрад Ладислав — (3, 4), (1912 — 1980 гг). Представляется чехом-инженером, уроженцем XX века; правил страной *Новая Богемия*, затем попал в экипаж «Рекса». На самом деле Подебрад один этиков высокого ранга (возможно, *Танабар*); *Лога* убивает его во время сражения в *Вироландо*.

Радовитц фон — (2), немец, реальная личность (?). Властительстраны в долине, попытавшийся захватить *Пароландо*.

Райдер — *см. Микс.*

Райс Абигайл — (3), американка XIX века, одна из спутниц *Фарингтона*.

Рахиль — (3), еврейка из Кракова XIV века; подруга Самуила.

Рейна де ла — (6), испанецвремен средневековья , лазутчик *Крамера* в Новом Альбионе.

Рембо Долорес — (6), (родилась в 1945 г.), американка из Цинциннати; возлюбленная Микса в Новом Альбионе.

Ритгофен Лотар фон — (2, 3), (погиб в 1922 г.), реальная личность, немецкий летчик, младший брат Манфреда фон Ритгофена, «алого барона», знаменитого воздушного аса времен Первой Мировой Войны. Манфред погиб в двадцать пять лет; его эскадрилью унаследовал *Герман Геринг*. В Мире Реки Р. стал другом и спутником *Клеменса*, пока не погиб в воздушном бою, защищая «Ненаемный» от нападения «Минервы», дирижабля *Грейстока*.

Родригес Эстерн — (1), испанская еврейка XV века, подруга *Руаха*.

Рориг Роберт — (3), друг *Фригейта-2*, которому он пишет письмо в Мире Реки. Р. был одним из первых обитателей долины, которому удалось достичь Полярного моря (вместе с *Агатой Крумс*).

Руах Лев — (1), еврей, пострадавший от нацистов, впоследствии — участник арабо-израильской войны. Долгое время работал в геологических экспедициях. Погиб в результате воздействия оружия пришельцев (сканирующего деструктора, *см. Монат*). Один из спутников *Бартона*; возможно, агент этиков.

Сакануи Тайши — (4), японец, один из пилотов «Рекса».

Самуил — (3), иудей 2 века до н.э., раввин; в Мире Реки стал приверженцем Церкви Второго Шанса.

Свинфорд Альфред — (6), капитан стражи в Новом Альбионе.

Семрад — (3), первый помощник *Грейстока* на «Минерве».

Сигген — (1, 4), женщина-этик, супруга Логи; погибла около Башни, во время взрыва стартовавшего с «Парсифаля» вертолета.

Сингх — (3), член экипажа «Парсифаля», этик; погиб вместе с *Файбрасом* при взрыве вертолета.

Смизерс — (3), телохранитель *Файбраса*.

Смитсон Роберт — (1), (? — 1870 гг.), реальная личность. Англичанин, владелец хлопкопрядильных фабрик и заводов в Манчестере (Великобринания). Получил широкую известность как филантроп, жертвующий огромные суммы на религиозное просвещение язычников.

Спаркс — (4), радист с «Ненаемного».

Спек Джон Ханниг — Соратник *Бартона* в одной из африканских экспедиций, который предал его и впоследствии застрелился от угрызений совести. По официальной версии — погиб на охоте. (упоминается неоднократно.)

Спрюс Роберт — (1), агент этиков, выдававший себя за англичанина, уроженец XX века.

Стайлс Роберт — (2), американец XIX века, рулевой с Миссисипи, приятель *Клеменса*; реальная личность (?). В Мире Реки стал рулевым выстроенного в *Пароландо* корабля.

Стар Спуи — (5), (родилась в 721 г.), китаянка VIII века, земная возлюбленная Ли Бо, воскрешенная им в Башне. С. становится подругой *Бартона* и едва не приводит обитателей Башни к катастрофе.

Стаффорд Джон Викс — (6), (умер в 1679 г.), английский дворянин; лорд-мэр *Нового Альбиона*.

Страбвелл Август — (2, 3, 4). Выдает себя за американца, родившегося в Калифорнии в 1971 г.; занимает пост адьютанта короля *Джона* на «Рексе». На самом деле — агент этиков.

Тай Пенг — (3, 4, 5), (701 — 761 гг), великий китайский поэт 8 века Ли Бо, реальная личность. В Мире Реки попадает в экипаж «Ненаемного», потом становится спутником *Бартона* и добирается вместе с ним до Башни.

Тай Фанг — (2), некогда военачальник Кублайхана. В Мире Реки — властитель государства *Тайфана*.

Танабар — (1, 5). Этик, член Совета Двенадцати. В долине Реки вероятно носил имя *Подебрада*.

Таргоф Давид — (1), еврей, бывший офицер израильских ВМФ. Один из руководителей восстания против *Геринга* в *Телеме*.

Твен Марк — *см. Клеменс*.

Текс — *см. Микс*.

Терпин Томас Мильен — (4, 5), (1873 — 1922 гг), реальная личность (?).

Терпин (или Тарпен) — цветной американец, глава чернокожей мафии Сент Луиса, знаменитый музыкант, создатель стиля «рэгтайм». В Мире Реки попадает на борт «Ненаемного», затем странствует с *Бартоном* и добирается до Башни.

Техати — *см. Миллер*.

Торденскольд Педер — (4), датчанин, командир артиллеристов на «Рексе».

Торн Барри — (3), американец, уроженец XX века. Под этим именем в *Пароландо* скрывался этик-ренегат *Лога*.

Тресселиан Эдмунд — (3), английский моряк XVIII века, один из спутников *Фарингтона*.

Трилбури — (2), правитель *Страны Ульмаков* (после Шрубграна).

Трингу — (4), этик, друг *Логи*, разделявший его убеждения; погиб в Пароландо (куда проник под именем *Штерна*) во время покушения на *Файбраса*.

Туллий Гостилий — (1), реальная личность, правитель древнего Рима. В Мире Реки — соправитель *Геринга*.

Уильямс Билл — (5), (родился в Киеве в 1949 г.), негр из России, воскрешенный в Башне Терпином. В «Богах Мира Реки» Фармер излагает его совершенно невероятную историю.

Уинкельмайер Роберт — (3), американец XX века, военный летчик; один из пилотов Пароландо.

Умслапогас — (3), сын вождя африканского племени свази, послуживший английскому писателю Райдеру Хаггарду прототипом негритянских воинов в его романах; реальная личность (?). В Мире Реки У.— спутник *Фарингтона*.

Файбрас Милтон — (2, 3). Выдает себя за земного колониста с Марса начала 21 века, инженера космического корабля, родившегося в 1974 г. в Сиракузах, штат Нью Йорк, от негра и женщины-метиски (наполовину ирландки, наполовину индеанки). В качестве главного инженера помогает Клеменсу строить корабль, затем возглавляет Пароландо, строит дирижабль «Парсефаль», улетает на нем к Башне и там гибнет во время взрыва. На самом же деле Файбрас — этик высокого ранга; возможно, член Совета Двенадцати. Фалла Эстебан де — (6), испанец средневековых времен, соправитель Крамера в Деусволенсе.

Фарингтон Мартин — (3), великий американский писатель Джек Лондон (он же — Фриско Кид), реальная личность. В Мире Реки странствует со своим экипажем на шхуне «Раззл-Даззл», пытаясь достичь Башни.

Фатима — (1), турчанка, подруга *Казза*.

Фосс Вернер — (4), немецкий летчик-ас, один из пилотов «Рекса». Реальная личность (?).

Фригейт-1 Питер Джайрус — (1, 3,4), спутник Бартона, якобы уроженец США XX века; на самом деле этик, брат-близнец *Фригейта-2*, умерший во младенчестве.

Фригейт-2 Питер Джайрус — (3, 4, 5), (1918 — 2008 гг.), американец, погиб в результате воздействия оружия пришельцев с Арктура (сканирующего деструктора, *см. Монат*). Со временем становится спутником *Бартона*. Фермер отчасти отождествляет Ф. с самим собой.

Фриско Кид — *см. Фарингтон.*

Хайд Николас — (6), англичанин, член Совета *Новой Англии.*

Халдорссон — (3), член экипажа «Парсефаля», этик; погиб вместе с *Файбрасом* при взрыве вертолета.

Хаскинг Элвуд — (2), (родился в 1938 г.). Чернокожий американец XX века, член организации Черных Мусульман, ненавидящий белых. В Мире Реки возглавляет государство *Соул Сити* («Город Духа») и является противником *Сэма Клеменса.*

Харгривс Алиса — (1, 3, 4, 5), (родилась в 1852 г.), реальная личность, уроженная Алиса Лиддел, дочь декана колледжа Церкви Христовой в Оксфорде (Великобритания). Впоследствии супруга Р.Д.Харгивса, мелкопоместного британского дворянина. В детстве Алиса вдохновила английского писателя *Льюиса Кэррола (см. Доджсон)* на создание образа знаменитой Алисы из Страны Чудес. В Мире Реки — подруга *Бартона.*

Харди Иезекиил — (3), (погиб в 1833 г.), реальная личность (?). Капитан американского китобойного судна; один из жителей *Пароландо*, штурман на «Минерве».

Хоукинс — (6), англичанин, один из офицеров армии *Нового Альбиона.*

Хоффе Вильям — (4), офицер «Рекса», военный советник короля *Джона.*

Хэстингс Селина — (2), (1707 — 1791 гг), реальная личность (?). Англичанка, графиня Хантингтон; в Мире Реки – владычица государства *Селинайо.*

Ч'агий — (4), американец индейского происхождения; в Мире Реки — епископ Церкви Второго Шанса, наставник *Геринга.*

Чанг — (3), моряк-китаец времен средневековья; один из спутников *Фарингтона*.

Ченнинг Мики Шепстоун — (6), сержант армии *Нового Альбиона*.

Черпский — (2), украинец, полковник кавалерии XVI века, реальная личность (?). В Мире Реки — основатель и глава государства *Земля Черпского*.

Чонг — (3), член экипажа «Парсефаля», этик; погибвместе с *Файбраом* при взрыве вертолета.

Чопилотл — (4), индеанка, подруга *Геринга*.

Шапиро Джек — (1). Американец, лейтенант союзнической армии США в годы Второй Мировой Войны, арестовавший в 1945 г. в Берлине *Геринга* (упоминается).

Шарки — (2), англичанин, телохранитель короля *Джона*.

Шарко Лем — (1); под этим именем видимо выведен Мелвин Коршак, издатель, некогда обманувший Фармера.

Шварц Давид — (3), (умер в 1897 г.), реальная личность (?). Австрийский инженер, конструктор дирижаблей; в Пароландо — один из проектировщиков «Парсифаля».

Шешуб — (2), ассирийский князь, уроженец XVII века до н.э., военачальник Саргона II; в Мире Реки – правитель государства *Земля Шешуба*.

Шрубгран — (2), правитель *Страны Ульмаков*.

Штейнберг — (1), врач в *Телеме*, анатомировавший тело *Спрюса*, агента этиков.

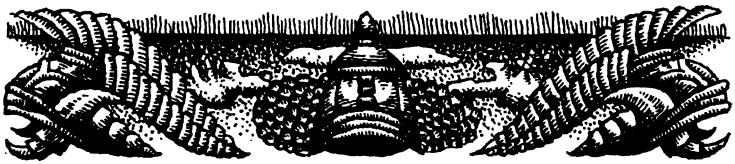
Штерн Фриц — (3), немец-аэронавт, уроженец XX века, пытавшийся убить *Файбраса*; на самом деле этик *Трингу*, друг *Логи*.

Эгни Роджер — (1), агент этиков, у которого *Бартон* обнаружил свою фотографию времен службы в Индии (1848 год).

Эппенштейн Герман — (1). Еврей, впоследствии принявший христианство. Крестный отец *Германа Геринга* (упоминается).

Эрик Кровавый Топор — (2, 4), (умер в 954 г.), норвежский конунг раннего средневековья, реальная личность (?). Предводитель флотилии викингов, с которой плывет *Клеменс*. Впоследствии, сделавшись сторонником Церкви Второго Шанса, Э. встречается с *Клеменсом* в *Виролапдо*.

Эхнатон — (1, 2, 3, 4, 5), древнеегипетский фараон-реформатор, заменивший политеическую религию Египта поклонением Атону, солнечному божеству. В Мире Реки организовал один из первых походов к Полярному морю. Упоминается во всех книгах основной пенталогии.



СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА «РЕКА ВЕЧНОСТИ»

Баркер Джим — американец XX века, старший барабанщик в телемском Замке.

Блэк Ричард — англичанин XIX века, путешественник и писатель; правитель *Телема* (аналог *Бартона*).

Блэк Изабелла — земная супруга *Блэка*.

Борбич Федор Михайлович — великий русский писатель Федор Достоевский; проповедник Церкви Второго Шанса, мученик.

Винтерс Джон — врач, заведующий в Телеме госпиталем Голдберг Исаак — еврей, погибший на Земле в фашистских застенках (аналог *Льва Рауха*).

Деканавидах — вождь индейцев-кайюга.

Джо — Джо Кейвмен (Пещерный Человек) из расы гигантопитеков (аналог *Джо Миллера*).

Джонсон — глава Поисковой Службы *Телема*.

Кастер Том — американец; один из помощников Мюреля, смертельный враг Хикока.

Келли — американец, генерал армии Телема.

Клеменс Сэм — великий американский писатель Марк Твен; сподвижник *Блэка* (аналог *Сэма Клеменса* из основной пенталогии).

Макаи — пеласг, рыбак с островка в Эгейском море; в мире Реки занимается тем же.

Макбейн Филлис — американка XX века, психолог, возлюбленная *Блэка*.

Мюрель — американец XX века, бывший проповедник; владыка Мюрелии (частично — аналог *Германа Геринга* и короля *Джона Ланкастера)*.

О'Финн Майкл — американец ирландского происхождения, бывший капитан парохода с Миссисипи; один из сподвижников *Мюреля*, командир боевой галеры

«Мститель» Рушайн — один из сподвижников Борбича.

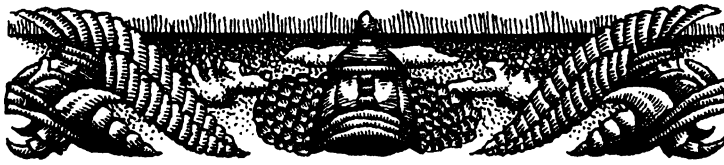
Тзе Чан — китаец XI века, писатель и политик; один из вождей кайюга (возможно, аналог *Тай Пенга*).

Харди Иезекиил — американец, некогда капитан китобойногосудна; в *Телеме* — командир боевой галеры «Клык Дракона».

Хикок Джеймс Батлер — по прозвищу Бешеный Билл; американец, разведчик *Блэка*.

Цельнос Анна де — французская куртизанка XVII века; возлюбленная *Блэка*.

Чарбрасс Джайрус — координатор Проекта в мире Реки (аналог *Файбраса*).



ГОСУДАРСТВА МИРА РЕКИ

«ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА»

Телем — страна, в которой экипаж *Бартона* был захвачен людьми *Геринга*. Стала называться Т. после восстания, свергнувшего тираническую власть *Геринга*.

«СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ»

Земля Чернского — страна, расположенная к северу от *Пароландо*, по правому берегу; правитель — полковник *Черпский*.

Земля Шешуба — страна к северу от *Клеомены*; правитель — *Шешуб*.

Клеомена — страна к северу от *Княжества Иэясу*; правитель – *Клеомен*, некогда царь Спарты.

Княжество Иэясу — страна к северу от *Новой Британии*; правитель – *Токугава Иэясу*.

Новая Британия — страна к северу от Земли Чернского; правитель Артур, некогда принц Британский.

Новая Пруссия — страна, в которой жил *Лотар фон Ритгофен* до встречи с *Клеменсом*. Правитель — кайзер *Альфред Первый*, бывший на Земле графом фон Вальдерзее, фельдмаршалом Германии (1832 — 1904 гг).

Паролапдо — или Страна Двух Владык — государство, созданное *Клеменсом*, которым он некоторое время правил совместно с *Джоном Ланкастером*. После того, как *Клеменс* отправился путешествовать по Реке, главой *Паролапдо* стал *Файбрас*.

Публия — страна, расположенная к югу от Пароландо, по правому берегу; правитель — *Публий Красс*, римлянин.

Селинайо — страна к югу от *Соул Сити*, правительница – *Селина Хэстингс*.

Страна Ульмаков — страна, лежащая напротив *Паролапдо*, на левом берегу Реки; правители: *Шрубгран*, а после его смерти — *Трилбурн*.

Тайфана — страна к югу от *Публии*, правитель — *Тай Фанг*.

Соул Сити — страна к югу от *Тайфаны*, правитель — *Элвуд Хаскинг*.

«ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ»

Новая Богемия — высокоразвитая страна с преимущественно чешским населением; правитель — *Подебрад*.

Пароландо — государство, созданное *Клеменсом*; правитель — *Файбрас*.

Руритания — страна, в которой жил *Фригейт-2* до того,как отправился в плавание с *Мартином Фарингтоном*; правитель — *Томас Буллит*.

«МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ»

Вироландо — страна последователей Церкви Второго Шанса, где живет архиепископ *Ла Виро*.

Новая Надежда — страна, в которой жил сэр *Томас Мэлори*; в ней оказался *Сирано де Бержерак* после гибели «Парсифаля».

«БОГИ МИРА РЕКИ»

В этой книге какие-либо новые государства не упоминаются.

«МИР РЕКИ»
(повесть)

Англия — государство к югу от *Нового Альбиона*; населено англичанами.

Деусволенс — страна «Воля Божья», населенная средневековыми немцами и испанцами, религиозными фанатиками. Враждебна *Новому Альбиону*. Правитель — *Молоток Крамер*.

Джакобия — государство к северу от *Ормондии*.

Новый Альбион — страна, населенная англичанами XVII века, в которую попадаю *Том Микс* и *Иешуа*; правитель — лорд-мэр *Стаффорд*.

Новый Корнуэлл — государство вблизи *Нового Альбиона*; населено англичанами.

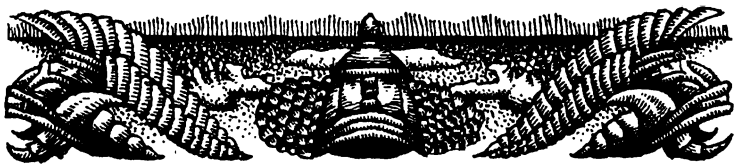
Ормондия — государство к северу от *Нового Альбиона*; населено англичанами, правитель — герцог *Джеймс Батлер*.

Фелипия — государство к северу от *Деусволенса*.

«РЕКА ВЕЧНОСТИ»

Мюрелия — тираническое государство *Мюреля*.

Телем — страна *Ричарда Блэка* с демократическим управлением.



СОДЕРЖАНИЕ

ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА

(Перевод М.С. Нахмансона)

Глава первая 6
Глава вторая 14
Глава третья 16
Глава четвертая 23
Глава пятая 33
Глава шестая 42
Глава седьмая 57
Глава восьмая 68
Глава девятая 77
Глава десятая 89
Глава одиннадцатая 101
Глава двенадцатая 110
Глава тринадцатая 123
Глава четырнадцатая 140
Глава пятнадцатая 161
Глава шестнадцатая 175
Глава семнадцатая 188
Глава восемнадцатая 197
Глава девятнадцатая 205
Глава двадцатая 211
Глава двадцать первая 217
Глава двадцать вторая 223
Глава двадцать третья 230
Глава двадцать четвертая 245
Глава двадцать пятая 255
Глава двадцать шестая 261
Глава двадцать седьмая 263
Глава двадцать восьмая 269
Глава двадцать девятая 277
Глава тридцатая 287

СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ

(Перевод М.С. Нахмансона)

Глава первая 290
Глава вторая 299
Глава третья 308
Глава четвертая 316
Глава пятая 321
Глава шестая 332
Глава седьмая 337
Глава восьмая 344
Глава девятая 352
Глава десятая 361
Глава одиннадцатая 369
Глава двенадцатая 375
Глава тринадцатая 383
Глава четырнадцатая 390
Глава пятнадцатая 397
Глава шестнадцатая 406
Глава семнадцатая 414
Глава восемнадцатая 429
Глава девятнадцатая 437
Глава двадцатая 450
Глава двадцать первая 471
Глава двадцать вторая 485
Глава двадцать третья 497
Глава двадцать четвертая 512
Глава двадцать пятая 525
Глава двадцать шестая 540
Глава двадцать седьмая 551
Глава двадцать восьмая 561

Михаил Нахмансон Послесловие 576
Хронология Мира Реки 598
Дмитрий Ивахнов, Михаил Нахмансон
Список основных персонажей сериала Филипа Фармера «Мир Реки» ... 600
Список основных персонажей романа «Река Вечности» 613
Государства Мира Реки 615

Поклонники Орсона Скотта Карда, это для Вас!

Новые встречи с любимыми героями, новые приключения в бесконечных просторах космоса ждут Вас в серии «Новые координаты чудес».

Читайте роман ***«Дети разума»*** — продолжение саги о легендарном полководце Эндрю Виггине!

Читайте роман ***«Тень Эндера»*** — и вы сможете по-новому взглянуть на первую книгу знаменитой эпопеи!

Читайте ***«Сагу о Вортинге»*** — и вы встретите нового героя, бросающего вызов глубинам космоса во имя спасения человечества!

Все это — в серии

«НОВЫЕ КООРДИНАТЫ ЧУДЕС»!

И еще одна встреча с Орсоном Скоттом Кардом и его героем — Эндрю Виггином: читайте ***«Советника по инвестициям»*** в антологии ***«Далекие горизонты»***, составленной знаменитым писателем Робертом Силвербергом — в серии

«ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ»!

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва а/я 140
АСТ — «Книги по почте»

Поклонники таланта Стивена Кинга, —
ЭТО ДЛЯ ВАС!

Поклонники цикла
«Темная башня», —
НЕ ПРОПУСТИТЕ!

Мы предлагаем вам
НОВОЕ
произведение «короля ужасов»,
повествующее о **НОВЫХ** приключениях
Роланда и его друзей на пути
к таинственной Темной Башне, —
повесть *«Смиренные сестры Элурии»*,
в антологии *«Легенды»*
(Золотая Серия Фэнтези).

Помимо Стивена Кинга, специально для этой антологии написали повести *Терри Гудкайнд*, *Роберт Джордан*, *Орсон Скотт Кард* и другие знаменитые «творцы миров».

Антологию *«Легенды»* и другие книги издательства АСТ можно купить в наших фирменных магазинах или заказать по почте по адресу:

107140, Москва, а/я 140, АСТ — "Книги по почте"

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фармер Филип

Восстаньте из праха
Сказочный корабль

Составитель Д. Ивахнов
Художественные редакторы О. Адаскина, И. Богданов
Компьютерный дизайн: Д. Вяземский, А. Сергеев
Технический редактор В. Успенский
Верстка: Л. Андреева
Корректор: С. Митина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

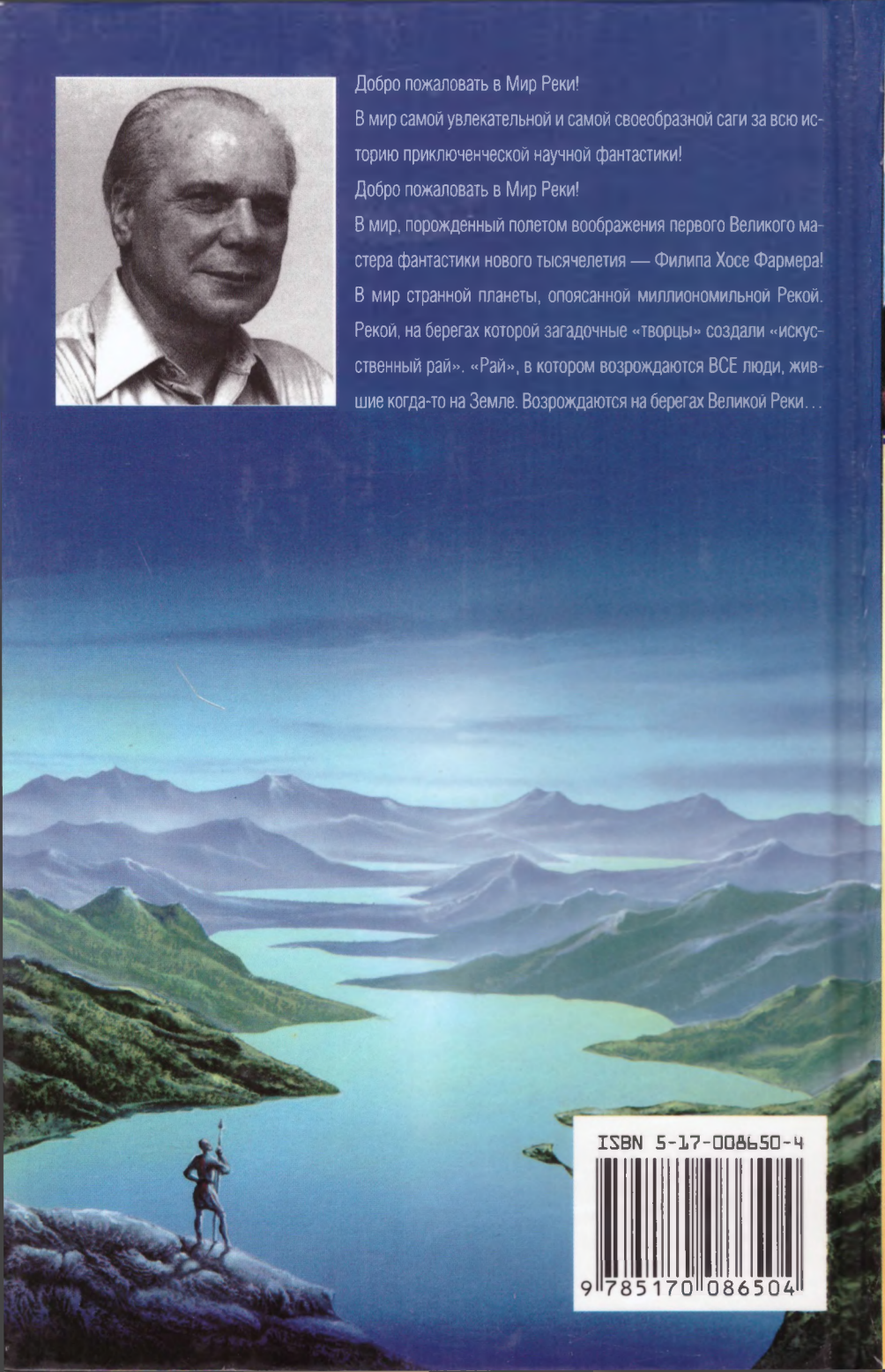
Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю приключенческой научной фантастики!

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера!

В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором возрождаются ВСЕ люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки...



ISBN 5-17-008650-4

ФИЛИП ФАРМЕР

ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА

СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ